ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ОТ ИСТОКОВ ДО КОНЦА XVIII в.

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

БЕЛОРУССКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
ОТ ИСТОКОВ ДО КОНЦА XVIII в.

Минск
«Беларуская навука»
2018

УДК [321+34](476)“–/17”
ББК 63.3(4Беи)
И90

Авторы тома:

А. А. Коваленя, В. В. Данилович, В. Ф. Голубев, О. Н. Левко, В. В. Аниперков, А. Н. Белицкая, Ю. Н. Бохан, Н. А. Волков, В. А. Воронин, Г. Я. Голенченко, А. И. Груша, А. Б. Довнар, О. В. Иов, Е. Г. Калечиц, Д. В. Карев, Е. Ф. Касюк, И. Ф. Китурко, А. В. Колосов, В. Л. Лакиза, А. В. Мацук, А. М. Медведев, А. А. Метельский, В. А. Подолинский, А. А. Радаман, А. А. Скепьян, Н. В. Смехович, А. И. Шаланда, Г. В. Штыхов, А. А. Янушкевич

Ответственные редакторы тома:

В. Ф. Голубев, О. Н. Левко

Редакционная коллегия:

А. А. Коваленя (главный редактор), В. В. Данилович (зам. главного редактора), К. М. Бондаренко, П. И. Бригадин, В. Ф. Голубев, Г. Я. Голенченко, М. Г. Жилинский, В. В. Зданович, Д. В. Карев, М. П. Костюк, В. Л. Лакиза, О. Н. Левко, А. М. Литвин, А. М. Лютый, Н. В. Смехович, В. В. Тугай, С. Н. Ходин, Э. С. Ярмусик

Издание подготовлено в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси А. А. Коваленя) подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович), задание 1.1.01 «Белорусские земли в первобытную эпоху, средневековье и раннее Новое время: археологические памятники, территория, население, экономика и культура» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко), задание 1.1.02 «Социально-экономические процессы на территории Беларуси в IX – начале XXI века: источниковедение, историография, антропология и другие специальные исследования» (научные руководители – доктор исторических наук, профессор В. Ф. Голубев, кандидат исторических наук, доцент В. В. Яновская).

И90 **История** белорусской государственности. В 5 т. Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 598 с.

ISBN 978-985-08-2388-5.

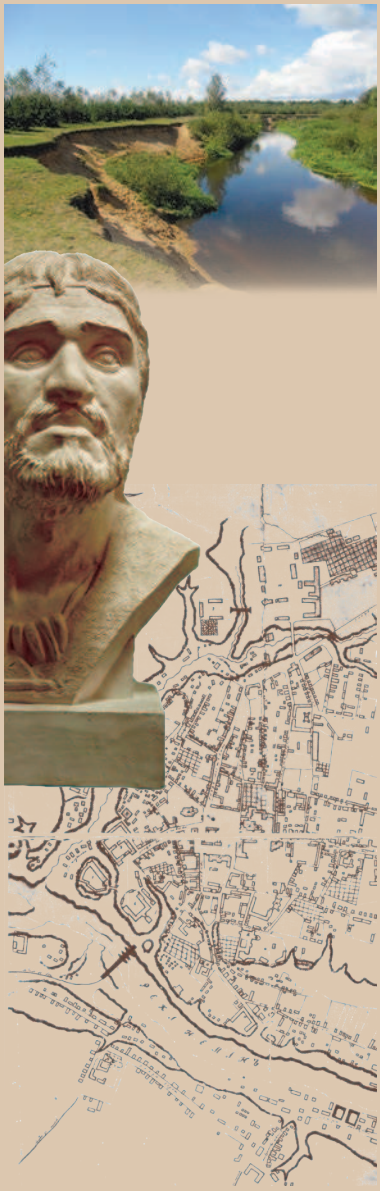
В первом томе «Истории белорусской государственности» раскрыты истоки и особенности развития белорусской государственности от древности до конца XVIII в., рассмотрены и охарактеризованы такие ее исторические формы, как Полоцкое княжество (земля), Туровское княжество, Киевская Русь, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая.

Коллективная монография рассчитана на широкий круг читателей: профессиональных историков, преподавателей высших учебных заведений и средних школ, студенческую и учащуюся молодежь, рекомендуется для использования в научно-исследовательской работе и учебном процессе.

УДК [321+34](476)“–/17”
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-08-2388-5 (т. 1)
ISBN 978-985-08-2387-8

© Институт истории НАН Беларуси, 2018
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2018



ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX–XXI вв. Беларусь обрела государственный суверенитет, о котором мечтали многие поколения лучших представителей белорусского народа. Для молодого суверенного государства особую актуальность обретают морально-духовные ценности и идеалы. Отечественная история и язык, национальные традиции, обычаи и символы, а также непреходящие идеалы добра, правды, справедливости и, конечно, национальная государственность являются идеологической сущностью – основой белорусской нации.

Сегодня чрезвычайно важно укреплять в белорусском обществе мысль не об особой «белорусской цивилизации», а утверждать в сознании людей сущность и эволюцию духовно-культурных ценностей белорусского народа, раскрывать процесс становления и развития его государственности.

Каждый гражданин Республики Беларусь с юных лет должен воспитываться на богатстве духовно-культурных традиций и ценностей белорусского этноса, истоки которого восходят к глубокой древности. Именно в процессе длительного и сложного пути развития, сохраняя основу индоевропейской цивилизации, духовные традиции предков, воспринимая лучшее из культур соседних этносов, формировался культурно-исторический тип восточнославянской общности – белорусский народ.

Исторический процесс формирования белорусского этноса и его государственности чрезвычайно сложен и противоречив. Белорусские земли, находясь в географическом центре Европы, на цивилизационном разломе и важном геополитическом перекрестке, неоднократно становились ареной кровопролитного противостояния. Иногда даже биологическое существование белорусского народа ставилось под угрозу. За время долгого исторического развития постепенно трансформировались социально-экономические и общественно-политические отношения, выкристаллизовывались национальные особенности и черты белорусов, формировались их духовные и культурные ценности, которые являются важнейшими компонентами государственности.

При этом важно подчеркнуть, что культурно-цивилизационной особенностью восточных славян, в том числе и белорусов, является отсутствие традиции экспансии. У славян издревле сформировано обостренное чувство справедливости, готовность разделить тяготы и житейские невзгоды. Дух предков белорусов закалялся в многочисленных войнах и сражениях, которые они вынуждены были вести, отстаивая родные рубежи.

Несомненно наши предки участвовали в создании Полоцкой земли, Туровского княжества и других земель и княжеств, входивших в состав Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и Советского Союза. Многие представители белорусского народа играли видную роль в духовно-культурной, социально-экономической и общественно-политической жизни этих государственных образований и внесли существенный вклад в развитие и укрепление белорусской государственности[1].

Следует подчеркнуть, что во все времена представления о государственности народа являются предметом идейного противоборства. Эта проблема не теряла своей актуальности и для белорусского общества и даже обострилась в период обретения государственного суверенитета нашей республикой.

Различные политические субъекты внутри общества, а также внешние политические силы всегда стремятся выдвинуть, а затем внедрить в общественное сознание такие идеи и представления относительно государственности, которые отвечали бы их интересам и устремлениям. Поэтому исследования истории народа и его государственности имеют идеологический аспект.

Идеология белорусской государственности базируется на понимании исторического происхождения и развития белорусского этноса, незыблимости права белорусского народа на осуществление собственной национальной государ-

[1] См.: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 1: А – Беліца / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]; прадм. М. Ткачова. Мінск, 1993; Т. 2: Беліцк – Гімн / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1994; Т. 3: Гімназіі – Кадэнцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1996; Т. 4: Кадэты – Ляшчэня / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1997; Т. 5: М – Пуд / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1999; Т. 6, кн. 1: Пузыны – Усая / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2001; Т. 6, кн. 2: Усвея – Яшын. Дадатак / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2003; Асветнікі зямлі Беларускай: Х – пачатак ХХ ст.: энцыкл. давед. 2-е выд. Мінск, 2006; Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 3 т. Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2005; Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006; Т. 3: Дадатак. А – Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]; склад. В. С. Пазднякоў. Мінск, 2010.

ственности. Высший ценностный ориентир такой идеологии – государственный суверенитет. Исторический опыт однозначно и убедительно свидетельствует, что только в условиях государственной независимости возможно наиболее полно реализовать основные условия развития нации, создавшей свое государство.

Сущность белорусской национальной идеи зиждится на понимании того, что все мы – граждане Республики Беларусь, независимого унитарного, демократического, социального, правового государства, являющегося высшей формой реализации национальной государственности. Сущность белорусской национальной идеи емко отражает лозунг-призыв «За сильную и процветающую Беларусь – государство для народа!».

Для молодой суверенной Республики Беларусь чрезвычайно важно не только сохранять духовные и материальные историко-культурные ценности белорусского народа, но и всемерно укреплять и отстаивать международный престиж белорусского государства.

В связи с этим нельзя не отметить, что в современных геополитических условиях белорусам крайне необходим собственный взгляд на историю, который позволит противостоять навязыванию искаженных и чуждых представлений о нашем прошлом. Только таким образом можно увидеть национальное и государственное наследие, сделать выводы на перспективу.

История убедительно свидетельствует о том, что сегодня для белорусского народа, особенно для его политической элиты, опыт формирования белорусской государственности должен стать предметом пристального внимания.

Научно-теоретическое осмысление проблемы государственности неотделимо от социально-политических реалий современной Беларуси. Так, Конституция Республики Беларусь гласит, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства»[1]. Условие достижения этой цели – принцип взаимной ответственности государства и гражданина. Белорусское общество ориентируется на утверждение и развитие социального мира и согласия как необходимого условия эволюционно-исторического развития. Идеология белорусской государственности составляет фундамент его внутреннего единства и целостности.

Краеугольный же камень идеологии белорусской государственности – исторический путь, пройденный белорусским народом, истоки и формы белорусской государственности, о которой сказано в преамбуле нашей Конституции: «Мы, народ Республики Беларусь, ...опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, ...принимаем настоящую Конституцию» [2].

Именно этот конституционный посыл требует углубленного научного исследования и аргументированного обоснования исторической правомерности белорусской государственности.

Методологическим фундаментом осмысления проблемы государственности стала сформулированная коллективом ученых Института истории НАН Бела-

[1] Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 3-е изд., стер. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2008. С. 2.

[2] Там же. С. 3.

руси принципиально новая трактовка дефиниции «государственность». Мы рассматриваем государственность как внутреннюю потенциальную способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающую право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же – это конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов.

Национальная государственность – высшая точка политического, социально-экономического и культурного развития любого этноса. Исторический опыт однозначно и убедительно свидетельствует, что только при государственной независимости возможно наиболее полно реализовать основные условия развития нации, создавшей свое государство.

Новая трактовка дефиниции «государственность» – это значительное научное достижение отечественной исторической науки, которое имеет принципиально важное значение для дальнейшей разработки идеологии белорусской государственности учеными и специалистами-обществоведами.

Согласно разработанной научной концепции, белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции нашла воплощение в виде исторических и национальных форм. Исторические формы государственности принадлежат не только белорусскому народу, но и другим этносам, так как являлись полиэтническими образованиями. Киевская Русь, Полоцкая земля и Туровское княжество, Великое Княжество Литовское, Руское и Жемойтское, Речь Посполитая, Российская империя – все это исторические формы государственности, в рамках которых постепенно складывалась, несмотря на различные сложности, государственность белорусского народа. В дальнейшем она нашла воплощение в национальных формах: Белорусская Народная Республика, Социалистическая Советская Республика Белоруссия, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь.

В истории белорусской государственности можно выделить три периода:

1) догосударственный (100 тыс. лет до н. э. – первая половина IX в.);

2) исторических форм государственности (вторая половина IX – начало XX в.);

3) национальных форм государственности (начало XX – начало XXI в.).

Реализовать идею теоретического обоснования белорусской государственности позволила огромная научно-исследовательская работа. Только за последние 10 лет ученые Института истории НАН Беларуси осуществили большую организационную и научно-исследовательскую работу по теоретико-методологическому осмыслению сути проблемы белорусской государственности. Руководствуясь рекомендациями Первого съезда ученых Республики Беларусь о том, что «в настоящее время нам нужно усилить вузовскую науку, и прежде всего за счет укрепления ее связи с академической»[1], Институт стал координирующим центром научных исследований по истории белорусской государственности в нашей стране.

[1] Первый съезд ученых Республики Беларусь, Минск, 1–2 нояб. 2007 г.: сб. материалов. Минск, 2007. С. 38.

Академические ученые-историки вместе с коллегами из вузов ввели в научный оборот огромный массив ранее неизвестных архивных документов и материалов, а также археологических источников, способствовавших успешному решению данной проблемы. Это позволило выявить исторические корни белорусской государственности, раскрыть предпосылки формирования национально-государственной идеи белорусского народа и ее становление; определить влияние геополитической ситуации в регионе на процесс оформления белорусской государственности, комплексно осветить и обосновать ее особенности на разных исторических этапах.

Многие практические наработки ученых нашли отражение в ряде фундаментальных трудов.

Раннеславянская история представлена в работе «Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя» в 2 книгах[1]. На основе синтеза археологических и письменных источников в серии книг «Древнейшие города Беларуси» глубоко и всесторонне раскрыты особенности перехода от предгосударственного периода к раннегосударственному на территории Беларуси[2].

Большой интерес ученых и общественности вызвали такие работы, как «Беларусь: Народ. Государство. Время»[3] где впервые в истории нашей страны на основе новейших достижений исторической мысли, концептуальных методологических подходов, а также национально-государственной идеологии представлена история Беларуси с древнейших времен до современности, раскрыты место и роль белорусского народа в развитии европейской цивилизации (издание получило диплом победителя Национального конкурса «Искусство книги-2010» в Минске в номинации лучшее массово-политическое издание, а также диплом победителя и гран-при Международного конкурса «Научная книга-2010», который состоялся в Москве в конце ноября 2010 г.); «Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе»[4], где на основании анализа историографии и новых архивных источников осмысливается сложный процесс генезиса белорусской государственности в XX в.; «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» в 2 книгах[5], где впервые в исторической науке обоснована принципиально новая трактовка дефиниции «государственность»; коллективная монография и сборник документов в 3 томах и 6 книгах «Страна в огне», подго-

[1] Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. Минск, 2016.

[2] *Левко О. Н.* Витебск. Минск, 2010. (Древнейшие города Беларуси); Полоцк / О. Н. Левко [и др.]. Минск, 2012. (Древнейшие города Беларуси); Друцк / О. Н. Левко [и др.]. Минск, 2014. (Древнейшие города Беларуси).

[3] Беларусь: Народ. Государство. Время / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т истории. Минск, 2009.

[4] Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.). Мінск, 2008.

[5] Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск, 2011.

товленные совместно историками Беларуси и России[1], – первая после распада СССР крупная международная историческая работа о Великой Отечественной войне, представляющая целостную картину событий 1941–1945 гг. (издание стало лауреатом национальной премии России «Лучшие книги и издательства года» в номинации «История»); «Освобождение Беларуси. 1943–1944»[2], в которой представлены уникальные архивные документы и материалы; «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.» в 2 книгах[3], где на основе архивных документов проанализированы различные аспекты влияния Рижского мира 1921 г. на судьбу белорусского народа; «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне»[4], в которой впервые в исторической науке представлена целостная объективная картина участия белорусов и уроженцев Беларуси в Великой Отечественной войне, общий вклад населения республики в Великую Победу.

В целях подтверждения ряда позиций по спорным моментам формирования государственности были подготовлены сборники документов и материалов, выявленных в отечественных и зарубежных архивах. К ним относятся двухтомник «Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.»[5], в котором представлены все известные на сегодняшний день древнейшие документы по истории Полоцка и Полоцкой земли; совместная работа ученых Института истории НАН Беларуси и архивистов Беларуси и России – «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...» в 2 книгах[6], которая содержит уникальные архивные документы 1939–1956 гг., отражающие события воссоединения белорусского народа в едином национальном государстве, политические, социально-экономические и культурные преобразования.

Одним из ключевых этапов научной проработки проблем обоснования белорусской государственности явилось вовлечение в научный оборот огромного массива картографических материалов. В результате плодотворной работы подготовлен уникальный четырехтомный «Вялікі гістарычны атлас Беларусі», в котором представлены карты по истории Беларуси от древности до начала XXI в. включительно. Первые 3 тома атласа уже увидели свет[7].

Огромное влияние на разработку вопросов государственности оказали такие форумы, как Международная научно-практическая конференция «Беларусь:

[1] 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. Кн. 1: Очерки. М., 2011; кн. 2: Документы и материалы. М., 2011; Страна в огне: в 3 т. Т. 2: Коренной перелом. 1942–1943: в 2 кн. Кн. 1: Очерки. М., 2017; кн. 2: Документы и материалы. М., 2017; Т. 3: Освобождение. 1944–1945: в 2 кн. Кн. 1: Очерки. М., 2017; кн. 2: Документы и материалы. М., 2017.

[2] Освобождение Беларуси. 1943–1944 / В. В. Абатуров (рук. авт. кол., Россия), А. М. Литвин (рук. авт. кол., Беларусь) [и др.]; НАН Беларуси [и др.]. – Минск, 2014.

[3] Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: в 2 кн. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2014.

[4] Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.]; А. А. Коваленя (гл. ред.); НАН Беларуси, Ин-т истории. Минск, 2015.

[5] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 2 т. М., 2015.

[6] «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі... Верасень 1939 г. – 1956 г.»: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. Мінск, 2009.

[7] Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 4 т. Т. 1. Мінск, 2009; т. 2. Мінск, 2013; т. 3. Мінск, 2016.

этапы становления государственности (к 90-летию образования БССР)», проведенная 18 декабря 2008 г.; Международная научно-практическая конференция «Осень 1939 года в исторической судьбе Беларуси», посвященная 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР (Минск, 24 сентября 2009 г.). В принятой ее участниками резолюции отмечено, что воссоединение Западной Беларуси с БССР – акт исторической справедливости, благодаря которому белорусский народ получил возможность развивать государственность в рамках единого национально-территориального образования; Международная научно-практическая конференция «Республика Беларусь. 20 лет независимости» (Минск, 24–25 ноября 2011 г.); Международная научная конференция «Полоцк в истории и культуре Европы» (Полоцк, 22–23 мая 2012 г.), приуроченная к 1150-летию Полоцка; Российско-белорусская научно-практическая конференция «Россия – Беларусь – Союзное государство: гуманитарное измерение» (Москва, 27 июня 2012 г.), посвященная 20-летию установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией; научно-практический семинар «История белорусского государственности» (Минск, 26 марта 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Беларусь: Памятное лето 1944 года (к 70-летию Освобождения от немецко-фашистских захватчиков)» (Минск, 19–20 июня 2014 г.); Международная научная конференция «Славянские древности на территории Беларуси (к 90-летию со дня рождения белорусского археолога Л. Д. Поболя)» (Минск, 30–31 октября 2014 г.); Международная научно-практическая конференция «Этот день мы приближали как могли... (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны)» (Минск, 7–8 мая 2015 г.); Международная научная конференция «Великое Княжество Литовское: политика, экономика, культура» (Минск 5–6 ноября 2015 г.); Первый симпозиум «Научные основы белорусской государственности» (Минск, 28 марта 2017 г.); Международная конференция «Беларусь в современных геополитических процессах» (Минск, 30–31 марта 2017 г.); Международная научная конференция «Мировые войны XX столетия в исторической памяти России и Беларуси» (Минск, 13–14 апреля 2017 г.).

За 2006–2017 гг. Институтом истории НАН Беларуси вместе с вузами страны на высоком научно-теоретическом и практическом уровне проведены более 80 научных форумов, изданы десятки монографий, сборников научных статей, документов и материалов, посвященных вопросам истории белорусской государственности.

В представленном вниманию читателей фундаментальном пятитомном труде обобщены наработки отечественных ученых по истории белорусской государственности. Его структура подчинена общей цели – *раскрыть процесс зарождения и развития белорусской государственности, выделить и охарактеризовать основные его этапы, проследить историческую преемственность традиций государственности от ее истоков и до настоящего времени, установить закономерности в реализации идеи белорусской государственности как в исторических, так и в национальных формах.* Центральными задачами, которые решались авторским коллективом, были изучение процесса формирования белорусского эт-

носа, определение его места и роли в государственных образованиях, в составе которых находились белорусские земли до реального оформления собственной национальной государственности, выявление влияния (как позитивного, так и негативного) этих государственно-политических образований на развитие белорусской государственности. Соответственно, каждый том посвящен анализу истории белорусской государственности на том или ином этапе ее развития.

В методологическом отношении авторский коллектив придерживался теории причинной обусловленности и закономерности в развитии исторических событий и явлений, в том числе и государственности. При анализе документальных материалов и археологических источников, многие из которых впервые введены в научное обращение, использовались новейшие методы и подходы. Безусловно, эти материалы дали возможность с большей точностью, аргументированностью и обоснованностью осуществить исследование исторического процесса, который в данном фундаментальном труде получил категориальный статус – закономерное зарождение и развитие белорусской государственности, целостности и неделимости двух видов ее форм.

В работе над изданием приняли участие академические ученые, а также вузовские исследователи из Белорусского государственного университета, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Белорусского государственного экономического университета, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; Национального института безопасности Республики Беларусь.

Знакомство с представленным научным трудом будет полезным для учащихся и студентов, магистрантов и аспирантов, учителей и преподавателей, профессиональных ученых-историков, сотрудников отделов идеологии местных администраций, творческой интеллигенции, широкого круга читателей.

Сегодня благодатное время возрождения богатейшего наследия белорусского народа. Нынешним поколениям выпала честь создания национального Пантеона – Пантеона чести и славы белорусской нации, прежде всего путем публикации новых исторических работ. Одной из них является данный фундаментальный труд.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том настоящего издания охватывает наиболее длительный исторический период – с древнейших времен и до конца XVIII в. Этот период в истории белорусской государственности оказал большое влияние на развитие ее этнического компонента и процесс формирования народности, создание предпосылок для строительства нации и национальных форм государственности.

История белорусского народа имеет глубинные корни. Первые поселения на территории Беларуси существовали еще 26–24 тыс. лет тому назад. Примерами таких поселений являются Бердыж Чечерского и Юровичи Калинковичского районов Гомельской области. Белорусскими археологами определены этапы заселения территории Беларуси в доиндоевропейский период и до второй половины 1-го тыс. н. э.

Этнокультурная стабильность и зарождение основ государственности на землях Беларуси восходят к V – первой половине XIII в. В VIII–IX вв. отмечается массовое присутствие славян на территории Беларуси. В формировании белорусского этноса и образовании древнейших протогосударственных структур (княжений) на белорусских землях главную роль сыграли известные по летописям кривичи, дреговичи и радимичи.

Уже в IX в. сложились исторически важные для всех восточных славян территориально-политическое объединения – Киевское, Новгородское и Полоцкое княжества, которые играли ведущую роль в государствообразующих процессах у восточных славян.

Киевская Русь, описанная персами, арабами, византийцами, воспетая и прославленная в народных сказаниях и летописных источниках, объединила Киевское и Новгородское княжества, на разных условиях включила в свой состав другие восточноевропейские славянские и неславянские территории. Особое место в Киевской Руси занимало Туровское княжество (земля), имевшее, как и ряд других земель этого государственного образования, значительную автономию.

Княжество полочан послужило основой отдельной территориально-политической структуры – Полоцкой земли, государственное развитие которой проходило по тем же принципам, что и Киевской Руси. Полоцкая земля была равноправным партнером последней в межгосударственных отношениях (торговля, колонизация и взимание дани с прибалтийских земель, династические браки и т. д.).

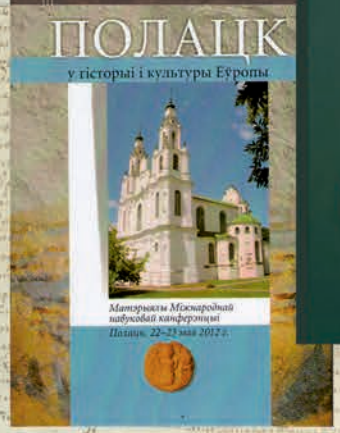
Самобытной исторической формой государственности являлось Великое Княжество Литовское, Руское и Жемойтское (ВКЛ) – мощнейшее европейское

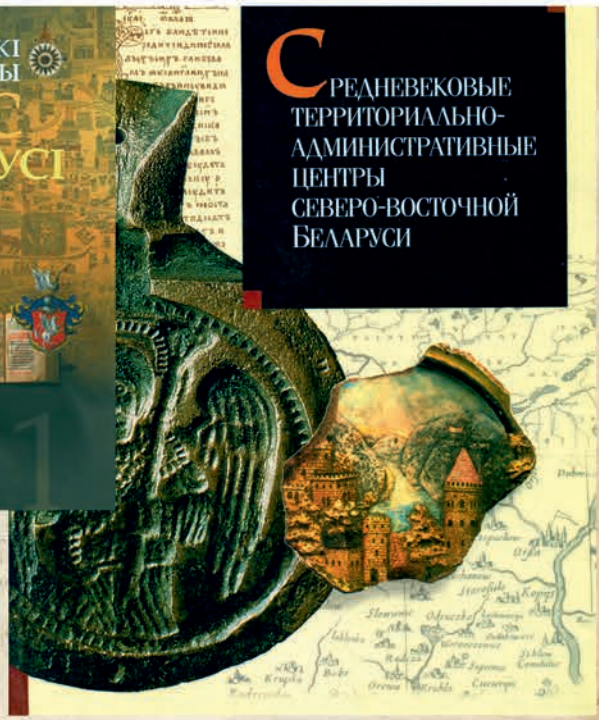
государство, созданное предками белорусов и литовцев. Основу его составляли белорусские земли, которые имели широкую автономию. Важно подчеркнуть, что к общегосударственному управлению активно привлекались представители белорусской знати. Языком государственного общения стал старобелорусский – официальный язык государства, на котором были написаны основные государственные законы, в том числе Судебник 1468 г., Статуты 1529, 1566, 1588 гг. В результате сложных социально-экономических, политических и этнических процессов в XIV–XVI вв. сформировалась самостоятельная этносоциальная общность – белорусская народность. *Духовно-культурное наследие того времени указывает на высокий интеллектуальный уровень развития наших предков. Их достижения получили признание не только в ВКЛ, но и во всем европейском сообществе.*

Значимым историческим периодом в развитии белорусской государственности является время нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой (середина XVI – конец XVIII в.), сложившейся как конфедерация двух независимых политических субъектов (Короны Польской и Великого Княжества Литовского). Однако в процессе дальнейшего государственно-политического развития проявились тенденции, вызвавшие социальную дезинтеграцию общества ВКЛ, что существенно замедлило процесс белорусского национально-государственного развития.

ГЛАВА 1

Историография и источники





1 ГЛАВА

Источники и историография по истории первобытного периода. С момента появления первых людей на территории Беларуси и до формирования раннегосударственных объединений прошло более ста тысяч лет. Сложные и многогранные исторические процессы в первобытное время[1] невозможно понять без целенаправленных археологических исследований, продолжающихся около 200 лет. На территории Беларуси сохранились тысячи ценнейших археологических памятников, которые составляют значительную часть историко-культурного наследия страны и многие из которых не имеют аналогов в соседних государствах. Это первобытные стоянки, поселения, селища, древние городища и замки, курганные и грунтовые погребальные комплексы, отдельные захоронения, объекты хозяйственного и производственного назначения (шахты, мастерские, места выработки сырья и др.), святилища, каменные кресты и культовые камни, ирригационные системы, поля и древние дороги, вещественные и монетные клады. По их количеству отдельные регионы Беларуси занимают лидирующее положение среди соседних государств. Многие памятники археологии, такие как Юровичская позднепалеолитическая стоянка (Калинковичский р-н Гомельской обл.), археологический комплекс палеолита и мезолита Ковальцы (Гродненский р-н Гродненской обл.), Красносельские кремнедобывающие шахты эпохи неолита и раннего периода бронзового века (Волковысский р-н Гродненской обл.), «мокрые поселения» Кривинского торфяника (Бешенковичский р-н Витебской обл.), погребальные комплексы среднеднепровской культуры[2] в Поднепровье, горо-

[1] В первобытной истории Беларуси выделяются три периода – каменный, бронзовый и железный века, получившие свое название от материала или сырья, из которого изготавливались основные орудия труда.

[2] Под археологической культурой понимают общность археологических памятников, существовавших на определенной территории приблизительно в одно и то же время, единых по своей материальной и духовной культуре. Археологическую культуру можно рассматривать как систему традиций конкретной социальной группы, которая сложилась в определенных исторических условиях и нашла свое выражение в материальных остатках прошлого, запечатлевших разные виды человеческой деятельности. Общность археологических памятников, единство системы традиций могут фигурировать под другими названиями: «археологический комплекс памятников», «культурный круг», «культурно-историческая общность», «индустрия», «технокомплекс» и т. д. Каждой археологической культуре дают определенное название, которое присваивается: или по эталонному (эпонимному) памятнику, на котором получены наиболее яркие и представительные материалы (например, кундская культура по стоянке Кунда в Эстонии), или по территории распространения памятников, бассейнам рек (днепро-донецкая культура, неманская культура и т. д.), или по отличительной черте вещевого комплекса (культура шаровидных амфор).

дище железного века Обчин (Любанский р-н Минской обл.), городище и селище милоградской и зарубинецкой культуры Милоград (Речицкого р-на Гомельской обл.) и целый ряд других объектов археологического наследия являются гордостью белорусской археологии и известны во всем мире.

Археологические источники позволяют раскрыть суть тех времен, когда отсутствовала письменность[1], а также понять характер истоков зарождения белорусской государственности.

Формирование источниковедческой базы. Формирование источниковедческой базы по первобытной истории Беларуси зависело от той или иной государственно-политической ситуации, характерной для конкретного исторического периода, а также уровня развития и состояния научного направления в целом.

XIX век стал периодом превращения археологии в полноправную науку с собственными задачами, терминами и методами исследований. «Период младенчества, от которого нельзя требовать никаких зрелых суждений... время любви к археологическим разысканиям и раскапывания древних могил»[2] постепенно заканчивается, начинаются археологические поиски и разведка, накапливаются материалы по первобытной истории, повышается научно-методический уровень исследований. К началу XX в. сформировалась методика проведения раскопок с тщательной фиксацией каждой находки и обстоятельств ее выявления. Сложилось четкое понимание того, что каждый древний предмет является источником информации о жизни людей прошлого. З. Я. Доленга-Ходаковский, Т. Я. Нарбут, И. Ф. (Ян) Завиша, Н. П. Авенариус, Е. П. Тышкевич, К. П. Тышкевич, З. Глогер, М. Я. Федоровский, А. Киркор, Ф. В. Покровский, В. З. Завитневич, В. А. Шукевич, Е. Р. Романов и другие с начала XIX в. и до Первой мировой войны заложили основу для дальнейшего накопления археологических источников по первобытной истории разных регионов Беларуси[3].

Был накоплен значительный фактический материал, на археологических съездах озвучивались первые выводы о материальной и духовной культуре, заселенности территории славянскими племенами и их соседстве с балтским населением, издавались археологические карты регионов. В 20–30-е годы XX в., вместе с образованием БССР и развитием национальной государственности, созданием новых организационных научных структур и типов исследовательских учреждений наступает время становления и развития самостоятельной белорусской археологической науки, понимания ее значения для всей исторической науки в целом.

После создания Института белорусской культуры с 1922 г. усилились координация и контроль археологических исследований на территории БССР, в респу-

[1] Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus. Минск, 2012. 192 с.: ил.

[2] *Тышкевич К.* О курганах в Литве и Западной Руси (археологические исследования). Вильна, 1865. С. 4, 12.

[3] Лакіза В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мінск: Беларус. навука, 2008. С. 10–14; Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск, 2011. С. 7.

блике создан ряд государственных и краеведческих музеев, в которые поступали многочисленные материалы раскопок А. Н. Лявданского, К. М. Поликарповича, А. Д. Ковалени, И. А. Сербова, С. А. Дубинского[1] – пионеров и главных организаторов белорусской археологической науки в период ее становления.

Только в восточных областях Беларуси уже числилось 640 стоянок и отдельных местонахождений, 730 городищ, 80 селищ, 2690 курганных могильников и одиночных курганов[2].

Выходят в свет первый номер «Гістарычна-археалагічнага зборніка» (1927 г.), «Працы кафедры археалогіі» (1928 г.), «Працы археалагічнай камісіі» (1930 г.), «Працы секцыі археалогіі» (1932 г.), в которых отражаются основные концепции культурно-хронологической идентификации артефактов, памятников, исторического развития общества, делается попытка увязать его с историей развития природы, геологическими и климатическими условиями, в которых проживали древние люди.

За короткое время (1922–1944 гг.) небольшим коллективом археологов Института белорусской культуры, затем Иститута истории Белорусской академии наук, а позже – Академии наук БССР была разработана проблема первоначального заселения территории Беларуси в эпоху палеолита, что явилось настоящим прорывом: на археологическую карту были нанесены несколько сотен новых первобытных стоянок. К. М. Поликарповичем[3] сделан вывод о заселении территории Беларуси в верхнепалеолитическое время, выделены свидерская и хвалибоговитская стадии в эпохе мезолита, высказано предположение о возможном распространении на территорию Беларуси макролитических культур кампньяи маглемозе, впервые охарактеризовано культурное своеобразие археологических памятников неолита и бронзового века.

Были открыты уникальные для всей Восточной Европы верхнепалеолитические памятники у д. Бердыж на р. Сож (Чечерский р-н Гомельской обл.) и д. Юровичи на р. Припять (Калинковичский р-н Гомельской обл.). Раскопки Бердыжской стоянки на протяжении 1926–1929 и 1938–1939 гг. стали крупнейшим событием в истории белорусского палеолитоведения[4]. Выводы первых исследователей Бердыжской стоянки имели большое значение как для палеолитоведения, так и для выработки общей стратиграфической шкалы верхнего плейстоцена и периодизации позднего палеолита Восточной Европы, способствовали выяснению времени и направления первоначального заселения древними людьми территории Беларуси.

---

[1] *Вяргей В. С.* Археалагічная навука ў Беларускай ССР: 1919–1941 гг. Мінск, 1992. С. 22–25.

[2] *Его же.* Археалагічная навука ў Беларускай ССР. Мінск, 1987. С. 12.

[3] *Палікарповіч К. М.* Палеаліт і мезаліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя // Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук. Мінск, 1932. Т. 3. С. 218–221.

[4] *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968; *Палікарповіч К. М.* Знаходкі рэштак чацьвярцёвай фауны на тэрыторыі БССР // Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук. Мінск, 1932. Т. 3. С. 167–186.

В 1934–1940 гг. К. М. Поликарповичем были открыты и исследованы уникальные поселения эпохи неолита и бронзового века Кривино 1 и Осовец 1 на Кривинском торфянике (граница современных Бешенковичского и Сенненского р-нов Витебской обл.)[1].

Были выявлены также сотни других поселений неолита и бронзового века, давшие основание К. М. Поликарповичу говорить о выделении на Посожье группы памятников, относящихся к разным периодам и культурам.

В 20-х годах XX в. началось целенаправленное изучение древностей железного века (памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.) К концу 30-х годов на территории Восточной Беларуси было зафиксировано уже 864 городища, свыше 100 селищ и около 20 грунтовых могильников с трупосожжением.

А. Н. Лявданский[2] разработал первую научно обоснованную схему исторического развития населения Беларуси в догосударственный период, выделил хронологические и территориальные особенности в материальной культуре, предложил деление городищ на три типа, показал развитие структуры оборонительных сооружений городищ со штрихованной керамикой от деревянных стен по периметру до возведения сложных земляных укреплений. В своих работах он высказывал мнение о принадлежности памятников Северной и Центральной Беларуси (городищ культуры штрихованной керамики) балтскому населению, доказывал, что племена железного века – это хорошо адаптированное к природным условиям лесной зоны оседлое население, основой хозяйства которого были земледелие и животноводство.

В межвоенный период на территории Западной Беларуси Е. Цегак-Голубович и В. Голубович обследовали разновременные памятники, в том числе каменного и железного веков, изучали курганные древности. Ю. Ядковский собирал подъемный материал в окрестностях Гродно, деревень Лихачи и Пальница (материалы были переданы на хранение в Гродненский историко-археологический музей).

В. Антоневич впервые заявил о заселении бассейна р. Неман с запада общностью со шнуровой керамикой и боевыми топорами, дал культурную интерпретацию памятников бронзового века Виленщины, ввел в научный оборот ряд новых керамических материалов с правобережья Понеманья[3]. По его мнению, культура со шнуровой керамикой и боевыми ладьевидными топорами появилась на территории современной Северо-Западной Беларуси в конце неолита и просуществовала до раннего периода бронзового века.

В 20–30-е годы XX в. геологом Б. Рыдевским на территории Западной Беларуси были открыты Красносельские кремнедобывающие шахты, а З. Шмитом

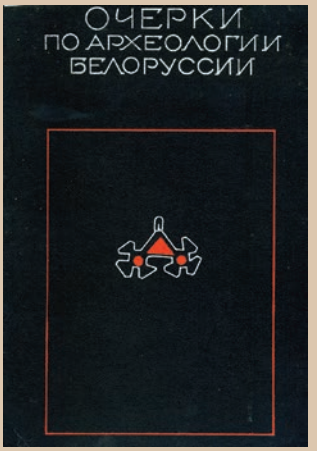
[1] *Поликарпович К. М.* Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец // Бюл. Комис. по изучению четвертичного периода. Минск, 1940. № 6/7. С. 34–46.

[2] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Науч. изв. Смолен. гос. ун-та. Смоленск, 1926. Т. 3, вып. 3; *Ляўданскі А. Н.* Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі. Рудні і месцазнаходжанні руды // Працы Палескай экспедыцыі. Менск, 1935. Вып. 2.

[3] *Antoniewicz W.* Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej // Wilno i ziemia Wileńska. Wilno, 1930. T. 1. S. 9.

Археологическое наследие Беларуси
Archaeological Heritage of Belarus

Белорусская АРХЕО-ЛОГИЯ


ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ

М. М. ЧАРНЯЎСКІ
НЕАЛІТ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ

А. Г. МИТРОФАНОВ
Железный век средней Белоруссии

Славянские древности Белоруссии

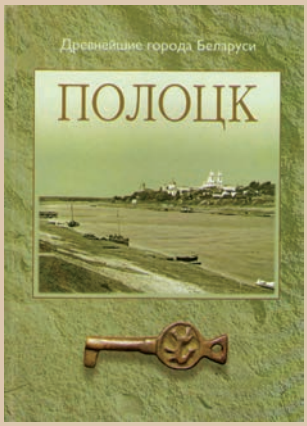
Л. Д. ПОБОЛЬ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЕЛОРУССИИ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

СЛАВЯНЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД
Книга 1

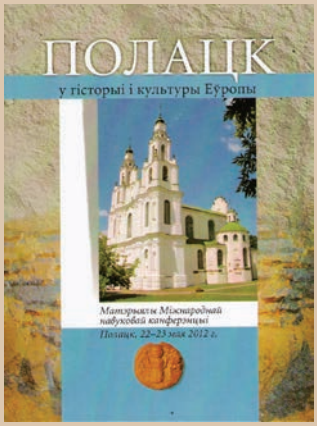
О. Н. Левко
Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси

3
том
АРХЕАЛОГІЯ БЕЛАРУСІ
СЯРЭДНЕВЯКОВЫ ПЕРЫЯД
(IX–XIII стст.)

Шадыра В.І.
БЕЛАРУСКАЕ ПАДЗВІННЕ
(І тысячагоддзе н.э.)


Древнейшие города Беларуси
ПОЛОЦК

О. Н. Левко
ВИТЕБСК
Древнейшие города Беларуси

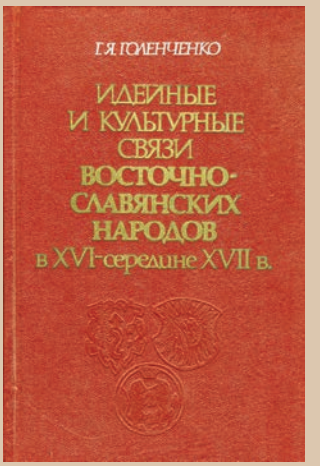

ПОЛАЦК
у гісторыі і культуры Еўропы

ПОЛОЦКИЕ ГРАМОТЫ
XIII – начала XVI в.
Том 1

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В. Н. Темушев
ГОМЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

З. Ю. КОПЫССКИЙ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ БЕЛОРУССИИ В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.
МИНСК · 1975

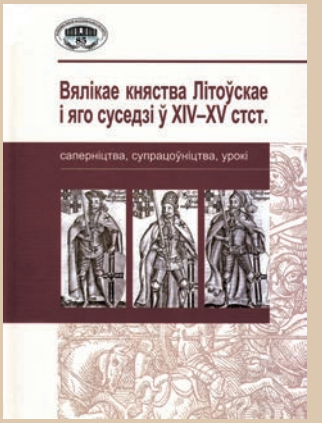
МЕТРЫКА
Вялікага Княства Літоўскага
Кніга 42
(1556–1562)

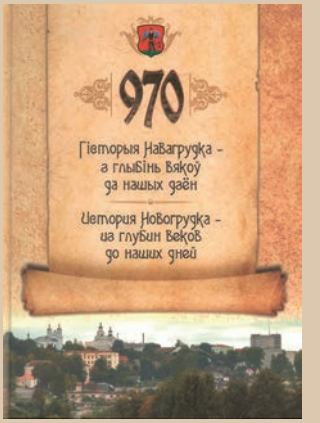

Г. Я. ГОЛЕНЧЕНКО
ИДЕЙНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ в XVI-середине XVII в.

ВЯЛІКАЕ КНЯСТВА ЛІТОЎСКАЕ
ПАЛІТЫКА, ЭКАНОМІКА, КУЛЬТУРА
У 2 ЧАСТКАХ
ЧАСТКА 2

А. Д. Мяцельскі
МСЦІСЛАЎСКАЕ
княства
і ваяводства
ў XII–XVIII стст

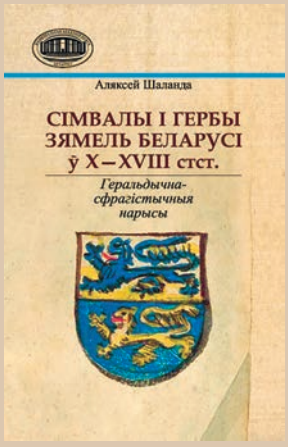
Навагрудчына
ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы


Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.
сапернiцтва, супрацоўнiцтва, урокi

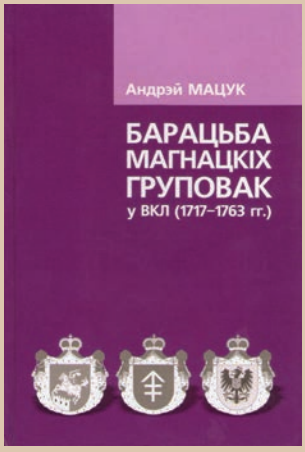

970
Гісторыя Навагрудка – а глыбінь вякоў да нашых дзён
История Новогрудка – из глубин веков до наших дней

ВЯЛІКІ
ГІСТАРЫЧНЫ
Атлас
БЕЛАРУСІ
1

ВЯЛІКІ
ГІСТАРЫЧНЫ
Атлас
БЕЛАРУСІ
2


Аляксей Шаланда
СІМВАЛЫ І ГЕРБЫ
ЗЯМЕЛЬ БЕЛАРУСІ
ў X–XVIII стст.
Геральдычна-
сфрагістычныя
нарысы

А. І. Груша
Канцылярыя
Вялікага
княства Літоўскага
40-х гадоў XV–
першай паловы XVI ст.


Андрэй МАЦУК
БАРАЦЬБА
МАГНАЦКІХ
ГРУПОВАК
у ВКЛ (1717–1763 гг.)

ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ
ГІСТОРЫІ
БЕЛАРУСІ
1

ВКЛ
ВЯЛІКАЕ
КНЯСТВА
ЛІТОЎСКАЕ
2

АРХЕАЛОГІЯ
БЕЛАРУСІ

начато их изучение[1]. Он зафиксировал свыше 1000 устьев древних шахт по добыче кремневого сырья, из которых 14 раскопал, выявил мастерские по обработке кремня – так было положено начало в изучении одного из крупнейших производственных комплексов эпохи неолита на территории Восточной Европы.

После воссоединения Западной Беларуси с БССР в 1939 г. К. М. Поликарпович выявил около 70 местонахождений с материалами каменного века (мезолита и неолита) в бассейне р. Стырь в Пинской и Барановичской областях[2]. В 1940 г. ученый обследовал место предполагаемого свайного поселения около д. Озеры Скидельского р-на (современный Гродненский р-н Гродненской обл.), а также побывал на территории Беловежской пущи, где собирались создать исторический музей

Во время Второй мировой войны был утрачен практически весь археологический архив (дневники, коллекционные описи, значительная часть артефактов из раскопок). Возвращенные из Германии материалы (хранятся в фондах Института истории НАН Беларуси) депаспортизированы, как и коллекции довоенных раскопок польских археологов, и требуют значительных усилий для восстановления.

В послевоенный период и до настоящего времени проводятся интенсивные, целенаправленные и успешные археологические исследования по всем направлениям первобытной истории. Белорусскими археологами (К. М. Поликарпович[3], В. Д. Будько, В. Г. Супрун, В. Ф. Исаенко[4], Мих. М. Чернявский[5], Л. Д. Поболь[6], Е. Г. Калечиц[7], В. Ф. Копытин[8], В. П. Ксензов[9], В. Е. Кудряшов, О. Л. Липницкая[10], Э. М. Зайковский[11], Н. Н. Кривальцевич[12], И. Н. Езепенко[13],

[1] *Лакіза В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. С. 15

[2] *Чубур А. А.* Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Минск, 2009. С. 77.

[3] *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья.

[4] *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники каменного века. Минск, 1968. Вып. 1. 126 с.; *Его же.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники бронзового века. Минск, 1976. Вып. 3. 152 с.; *Его же.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.

[5] *Чарняўскі М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.

[6] *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983.

[7] *Калечиц Е. Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск, 1984; *Ее же.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск, 1987; *Ее же.* Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск, 2003.

[8] *Копытин В. Ф.* У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000.

[9] *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.

[10] *Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Ліпніцкая В. Л.* Старажытныя шахцёры на Росі. Мінск, 1996.

[11] *Зайкоўскі Э. М.* Першабытныя помнікі Паўночнай Беларусі. Мінск, 1990.

[12] *Крывальцэвіч М. М.* Азярное-1 – паселішча эпохі бронзы на поўначы Палесся // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 1999. Вып. 2; *Его же.* Могільнік сярэдзіны III – пачатку II тысячагоддзяў да н. э. на Верхнім Дняпры – Прорва 1. Мінск, 2006.

[13] *Язэпенка І. М.* Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў, 2014.

В. Л. Лакиза[1], Макс. М. Чернявский[2], В. С. Обуховский[3], А. В. Колосов[4], А. Г. Митрофанов[5], И. И. Подгородецкий, В. И. Шадыро[6], А. А. Егорейченко[7], Н. Н. Дубицкая[8], А. М. Медведев[9], М. Ф. Гурин[10], Я. Г. Зверуго[11], С. Е. Рассадин[12], В. С. Вергей, М. И. Лошенков[13], А. И. Дробушевский и др.), а также их коллегами из России (Н. Н. Гурина[14], И. М. Тюрина, Ф. Д. Гуревич[15], О. Н. Мельниковская[16] и др.) и Украины (Ю. В. Кухаренко, И. И. Артеменко[17]) проводились разведочные работы и раскопки первобытных памятников каменного, бронзового и железного веков в Понеманье, Поднепровье и Посожье, а также на территории Полесья и Подвинья[18].

Значительно расширился круг источников, выявлены и исследованы десятки новых стоянок, поселений, городищ и могильников, созданы каталоги памятников всех областей Беларуси, уточнены ареалы распространения культур, выяснены особенности развития общественного строя.

Результаты полевых исследований вводятся в научный оборот в сотнях статей и обобщающих авторских и коллективных монографий[19].

---

[1] *Лакіза В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння.

[2] *Чарняўскі Макс. М.* Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт – бронзавы век). Мінск, 2007.

[3] *Obuchowski W.* Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa, 2003.

[4] *Колосов А. В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев, 2015.

[5] *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск, 1978.

[6] *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Беларуси. Минск, 1985; Шадыра В. І. Беларускае Падзвінне (І тысячагоддзе н. э.). Мінск, 2006.

[7] *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.

[8] *Дубицкая Н. Н.* Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VIII в. до н. э. – V в. н. э. Минск, 2002; *Ее же.* Производство керамической посуды населением Припятского Полесья в эпоху железа и раннего средневековья. Минск, 2007.

[9] Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – V в н. э.). Минск, 1996; *Его же.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье.

[10] *Гурин М. Ф.* Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие н. э.). Минск, 1982.

[11] *Звяруга Я. Г.* Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі. Мінск, 2005.

[12] *Рассадин С. Е.* Милоградская культура, ареал, хронология, этнос. Минск, 2005

[13] *Лошенков М. И.* Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск, 2011.

[14] *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.

[15] *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962.

[16] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

[17] *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1967. Вып. 148.

[18] Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.). Минск, 2009.

[19] Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. / редкол.: В. Ф. Исаенко и [др.]. Минск, 1970. Ч. 1; 1972. Ч. 2; *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии: памятники каменного века. Минск, 1968. Вып. I; Белорусская археология. Достижения археологов за годы Советской власти. Минск, 1987; Археалогія Беларусі: у 4 т. Мінск, 1997–2001. Т. 1: Каменны і бронзавы вякі. 1997; Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. 1999; Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). 2001; Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. 2001.

На современном этапе в Институте истории НАН Беларуси продолжается углубленное изучение проблемы первоначального заселения территории Беларуси с динамикой ее освоения в первобытное время (каменный, бронзовый и железный века). Проводится постоянная культурно-хронологическая идентификация памятников, относящихся к культурам финального палеолита (гамбургская, Лингби, волкушанская, свидерская); мезолита (кудлаевская, яниславицкая); неолита (припятско-неманская, неманская, днепро-донецкая, верхнеднепровская, нарвенская, усвятская, северо-белорусская, шаровидных амфор, шнуровой керамики); бронзового (тштинецкая) и железного (штрихованной керамики, милоградская, днепро-двинская, вельбарская) веков (В. В. Ашейчик, А. Н. Вашанов, О. Ю. Ткачев, М. И. Ткачева, С. С. Юрецкий, Н. Н. Кривальцевич, И. Н. Езепенко, В. Л. Лакиза, Макс. М. Чернявский, А. М. Медведев и др.). Целенаправленно изучаются особенности отдельных категорий находок (каменные топоры – С. Б. Линевич, кремневые орудия – С. С. Велент-Щербач). Модель освоения территории Западного Полесья в позднем плейстоцене – среднем голоцене основывается на анализе преобразований экологической и социальной подсистем в экосоциальную систему, а также процесса адаптациии человеческих коллективов в период от финального палеолита до бронзового века (Е. Г. Калечиц)[1]. На опорных памятниках Понеманья, Побужья, Верхнего Поднепровья, Посожья, Нарочанского региона выделены доминирующие компоненты различных культур, прослежена последовательность и преемственность культурных традиций, основанная на синхронизации с материалами Центральной и Юго-Восточной Европы, данных стратиграфии и радиоуглеродного датирования. Уникальные материалы получены при исследованиях поселения неолита и бронзового века, а также погребального комплекса среднеднепровской культуры в Речицком районе около д. Копань (Н. Н. Кривальцевич), Кривинского торфяника около д. Осовец Бешенковичского р-на (Макс. М. Чернявский), первобытных стоянок около д. Каменюки на территории Беловежской пущи, где строится археологический музей под открытым небом (В. Л. Лакиза, О. Ю. Ткачев)[2] и др.

Огромное количество новых источников по первобытной истории получены во время спасательных (охранных) исследований на памятниках археологии, попадающих в зону земляных и строительных работ. Только за последние годы знаковые и масштабные раскопки первобытных разнокультурных поселений проведены на территории строительства (реконструкции) Гродненской ГЭС, Августовского канала и канала Огинского, музея «Юровичская верхнепалеолитическая стоянка», Белорусской атомной станции, автомобильных дорог вокруг Гродно и Беловежской пущи, Нежинского горно-обогатительного комбината (городище позднего бронзового и раннего железного веков Обчин), а также других

[1] *Калечыц А. Г.* Чалавек і асяроддзе: каменны век, Заходняе Палессе. Мінск, 2018.

[2] *Лакиза В. Л.* Академическая археология Беларуси на современном этапе // Наука и инновации. 2017. № 9. С. 18–26.

объектов (В. Л. Лакиза, Е. Г. Калечиц, Н. Н. Кривальцевич, И. Н. Езепенко, О. Ю. Ткачев, З. А. Харитонович, С. Б. Линевич и др.)[1].

Новая интерпретация древностей, которые ранее относились к неманской культуре, сегодня позволила разделить их на раннюю – припятско-неманскую и неманскую культуры с отдельными этапами и спецификой в материальной культуре (Мих. М. Чернявский, С. С. Юрецкий и др.). Продолжаются научные дискуссии о происхождении верхнеднепровской культуры, памятники которой в последние годы исследовал А. В. Колосов, а интерпретацией керамических материалов занимается М. И. Ткачева. Если раньше генезис верхнеднепровского неолита связывали с местным мезолитом (И. М. Тюрина, Н. Н. Гурина), а затем конкретно с сожской (Е. Г. Калечиц, В. Ф. Копытин) или днепро-деснинской (В. П. Ксензов) культурами, то теперь, после пересмотра материалов этих мезолитических культур, вопрос о генезисе верхнеднепровских древностей ставится по-иному. Не характерное для мезолита в данном регионе культурное многообразие, отрицание возможности существования сожской и днепро-деснинской культур (А. В. Колосов) осложняют поиск того генетического компонента (компонентов), который мог сыграть ключевую роль в формировании неолита Верхнего Поднепровья. Происхождение нарвской культуры связывают с предшествовавшей ей кундской мезолитической культурой. Отдельные исследователи в качестве одного из генетических предков нарвской культуры рассматривают культуру эртебелле Центральной и Северной Европы (Н. Н. Гурина). По мнению белорусских исследователей (Мих. М. Чернявский, В. П. Ксензов, В.С. Обуховский), в формировании нарвской культуры Северной Беларуси могло принять участие население, оставившее памятники нарочанского типа (нарочанской культуры), сочетавшие в себе традиции кундской и яниславицкой культур.

Нет единого мнения и в отношении населения культуры штрихованной керамики железного века (А. М. Медведев, А. А. Егорейченко). Несмотря на то, что большинство исследователей считают их восточными балтами и рассматривают в качестве ядра этноса балтов, вокруг которого формировались периферийные балтские диалекты, есть предположения и о западнобалтском этносе носителей культуры, а также о том, что носители этой культуры были славянами[2].

По истории первобытного общества большое значение имеют исследования обобщающего характера, в том числе «Очерки по археологии Белоруссии» (1970)[3], четырехтомное издание «Археалогія Беларусі» (1997)[4], первый том ко-

[1] *Лакіза В. Л.* Гісторыя выратавальных археалагічных даследаванняў першабытных помнікаў Беларускага Панямоння // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2014. Вып. 29. С. 249–266; *Лакиза В. Л.* Спасательные археологические исследования в Беларуси: становление, особенности и проблемы // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2015. Т. V. С. 258–264.

[2] *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – V в н. э.); *Его же.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье; *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики.

[3] Очерки по археологии Белоруссии.

[4] Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1.

торого посвящен каменному и бронзовому векам, а второй том – железному веку и раннему средневековью (1999)[1]. Обобщенные сведения по истории населения в каменном, бронзовом и железном веках отражены также в изданиях по истории Беларуси: первый том пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР» (1972), первый том шеститомной «Гісторыі Беларусі» (2000)[2].

По первобытной и древней истории Беларуси подготовлены издания справочного и энциклопедического характера[3], атласы[4], а также целый ряд учебных пособий, научно-популярных книг[5]. Таким образом, накопление исторических источников, полевая и аналитическая работа стали основательным фундаментом для понимания и восстановления тех сложных процессов, которые происходили на территории Беларуси в течение тысяч лет, для реконструкции материальной и духовной культуры наших далеких предков. На основании этого выделены десятки археологических культур, которые и раскрывают суть понятия «первобытная история».

Можно предположить, что почти все выделенные на территории Беларуси археологические культуры первобытного времени демонстрируют этническое многообразие. Между тем провести параллели между какой-либо культурой, особенно каменного века, и конкретным этносом на основе имеющихся в нашем распоряжении данных при отсутствии сведений о языковых особенностях (отличиях) первобытных сообществ, проживавших на территории Беларуси, очень сложно, а иногда – практически невозможно.

Между тем собранная благодаря усилиям археологов и антропологов Института истории НАН Беларуси остеологическая коллекция (Л. И. Тегако, И. И. Саливон, О. В. Марфина, Н. Н. Помозанов и др.) позволяет в общих чертах составить представление о локальных особенностях физического типа людей, населявших территорию Беларуси в разные исторические периоды. Антропологи и скульпторы (И. В. Чаквин, Л. П. Яшенко) при помощи пластической реконструкции на основе знания взаимосвязей особенностей костей черепа с развитием мышц

[1] Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2.

[2] Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк [і інш.]. Мінск, 2000–2011. Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. 2000; Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага. 2008; Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). 2004; Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). 2005; Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. 2006; Т. 6: Беларусь у 1946–2009. 2011.

[3] Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. Мінск, 1993; Археалогія Беларусі : энцыкл.: у 2 т. Мінск, 2009–2011. Т. 1: А–К. 2009; Т. 2: Л–Я. 2011.

[4] Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 18–27.

[5] *Загорульский Э. М.* Древняя история Беларуси. Очерки этнической истории и материальной культуры. Минск, 1977; *Чарняўскі М. М.* Бронзавы век на тэрыторыі Беларусі. Мінск, 1981; *Его же.* Ілюстраваная гісторыя старажытнай Беларусі. Мінск, 1997; *Копытин В. Ф.* Каменный век на территории Белоруссии: учеб. пособие. Минск, 1990; *Піваварчык С. А., Семянчук Г. М.* Археалогія Беларусі: у 2 ч.: навуч. дапам. Гродна, 1996. Ч. 1: Ад палеаліту да ранняга сярэднявечча. 1996; *Чарняўскі М. М.* Каменны век Беларусі: іл. канспект лекцый. Мінск, 2011; *Его же.* Ілюстраваная гісторыя старадаўняй Беларусі: Першабытны перыяд. Мінск, 2003; *Колосов А. В.* Каменый век Беларуси: пособие. Могилёв, 2016; *Калечыц А. Г.* Першыя людзі на зямлі Беларусі: для сярэд. і стар. шк. узросту. Мінск, 2015.

лица, учета закономерностей подкожного жироотложения восстановили внешний облик наших далеких предков[1].

Важный вклад в выявление путей первоначального заселения территории Беларуси вносят и исследования белорусских генетиков, основанные на непосредственной межпоколенной преемственности наследственных особенностей в генетическом коде популяций на территории Беларуси. Доказано, что основная часть территории Европы заселялась человеком дважды. При наступлении ледника, охватившего обширную территорию Европы, значительно сократилась численность первопоселенцев, которые вынуждены были мигрировать к югу в сторону Пиренеев, в сторону Каспия и Причерноморья, а также в сторону Турции. Тысячелетнее проживание небольших групп в изоляции привело к локальным, фиксировавшимся в ряду поколений, изменениям их генофонда. Оставленная территория стала заселяться лишь после отступления к северу ледника, вызванного потеплением климата. Ее стали постепенно осваивать группы людей, проникавших с юго-запада, юга и юго-востока[2]. Об этом свидетельствуют данные, полученные белорусскими генетиками О. Г. Давыденко и Е. И. Кушнеревич при исследовании распределения наследуемых по отцовской линии гаплогрупп Y-хромосомы в 18 территориальных выборках коренного (в трех поколениях) населения – 565 мужчин белорусской национальности из шести регионов страны. Определены временные рамки и направление этих миграционных потоков, которые характеризуются своеобразием распределения некоторых гаплогрупп Y-хромосомы[3].

Историография и источники по этнокультурным и государствообразующим процессам начала 1-го тыс. н. э. – середины XIII в. Существует несколько точек зрения по поводу культурной принадлежности памятников, сформировавшихся на субстрате потомков милоградских племен, носителей культуры штрихованной керамики при мощном воздействии со стороны зарубинецкой культуры. Е. В. Максимов и Л. Д. Поболь включили их в состав зарубинецкой культуры в качестве особых локальных вариантов и поставили в общую схему периодизации зарубинецкой культуры (они соответствуют позднему этапу)[4]. Особая позиция Л. Д. Поболя по этому вопросу состояла в том, что к позднезарубинецкому периоду он относил вторую четверть 1-го тыс. н. э.[5] М. Б. Щукин, А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский для этих групп использовали термин «культурно-хронологический горизонт» из-за наличия в каждой из групп, которые рас-

[1] *Саливон И. И., Марфина О. В.* Физический тип древнего населения Беларуси. Минск, 2014.

[2] *Marfina O.* The Impact of Migrations on the Anthropological Composition of the Belarus Population // International Journal of Anthropology. 2015. Vol. 30, № 3–4. P. 155–165.

[3] *Давыденко О., Кушнеревич Е.* Гаплогруппы Y-хромосом и происхождение национального генофонда // Наука и инновации. 2011. № 9. С. 12–15; *Давыдзенка А.* Мы – тутэйшыя. Генная мазаіка паходжання беларусаў // Беларуская думка. 2012. № 4. С. 70–77.

[4] *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. С. 37–42; *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 70–132.

[5] *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии: в 3 т. / АН БССР, Ин-т истории. Минск, 1971–1974. Т. 3; *Его же.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век.

селились за ареалом классической зарубинецкой культуры, иных культурных компонентов[1].

Относительно судьбы зарубинецкой культуры в Припятском Полесье в археологической литературе существует несколько точек зрения. Сторонники одной из них делают упор на датировании фибул в закрытых комплексах[2]. Согласно разработкам Ю. В. Кухаренко, К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинского, зарубинецкая культура прекратила свое существование около середины I – в начале II в. н. э., и до появления раннеславянской пражской культуры в Припятском Полесье никаких следов древнего населения, по мнению ученых (кроме десятка вельбарских погребений), не было выявлено. Л. Д. Поболь предложил расширить круг информативных источников за счет керамической посуды, которая приобрела некоторые морфологические особенности в период римских влияний и рассматривалась им в качестве древностей позднего этапа зарубинецкой культуры – передаточного звена от классической зарубинецкой культуры к раннеславянским древностям[3]. Однако данное предложение не было принято коллегами. К. В. Каспарова, Д. А. Мачинский и М. Б. Щукин[4] считали, что зарубинецкая культура не может быть славянской, а отождествлялась ими с историческими бастарнами[5]. Исследователи аргументировали это тем, что зарубинецкие древности относились к кругу латенизированных культур с разнообразым наборам посуды, украшений, предметов быта. Раннеславянские же культуры, по мнению ученых, не схожи по своей структуре с зарубинецкой. Взяв за основу эту информацию, Д. А. Мачинский и М. Б. Щукин разработали гипотезу, согласно которой Северо-Восточная Волынь и Припятское Полесье со второй половины I – начала III в. представляют собой белое пятно до появления древностей типа Брест-Тришин и раннеславянских памятников Прага-Корчак VI ст.[6]

---

[1] *Щукин М. Б.* Горизонт Рахны – Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев. 1986. С. 26–38; *Обломский А. М.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н. э. М., 1991. С. 6.

[2] *Мачинский Д. А.* О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). 1963. № 94. С. 21; *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура // Свод археологических источников (далее – САИ). М., 1964. Вып. Д1–19. С. 51; *Каспарова К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология. 1981. № 2. С. 63.

[3] *Поболь Л. Д.* Древности Туровщины. Минск, 2004. С. 27.

[4] *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Щукин М. Б.* [Рецензия] // Советская археология. № 4. 1976. С. 241–253. Рец. на кн.: *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии: в 3 т. / АН БССР, Ин-т истории. Минск, 1971–1974.

[5] *Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Краткие сообщения Института археологии. 1966. № 107. С. 3–8; *Каспарова К. В.* О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów, 1992. S. 289–302; *Щукин М. Б.* Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур // Петерб. археол. вестн. СПб., 1993. № 6. С. 89–95.

[6] *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян в I–IV вв. н. э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1976. Вып. 17. С. 93–100; *Щукин М. Б.* Археологические данные о славянах II–IV вв.: перспективы ретроспективного метода // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1976. Вып. 17. С. 67–81.

Пражская культура впервые была выделена чешским археологом И. Борковским в конце 1930-х гг. На территории современной Украины эти древности получили название «типа Корчак» или «пражско-корчакская культура». В Беларуси первые материалы пражской культуры были выявлены в конце 1920-х – 1930-х гг. при исследованиях на городище Хильчицы около г. Турова[1], на поселении около г. Петриков[2]. В дальнейшем источниковедческая база пополнялась благодаря исследованиям Ю. В. Кухаренко, И. П. Русановой, Л. Д. Поболя, Т. М. Залашко, М. Ф. Гурина, А. А. Егорейченко, В. С. Вергей.

Изучение пражской культуры на восточноевропейских землях базируется на работах И. П. Русановой[3]. Исследования на городище и расположенном рядом селище V–XI вв. широко известного археологического комплекса Хотомель на р. Горынь были проведены в 1954–1957 гг. Ю. В. Кухаренко, в 1964 г. – И. П. Русановой[4]. На основе материалов с городища, стратиграфически разделенных пластом пожарища, И. П. Русанова разработала первую типологию и корреляцию видов лепной и раннегончарной керамики, характерной для раннеславянского населения Правобережья Днепра[5].

Относительно вопроса о происхождении пражской культуры существуют различные гипотезы: 1) сформировалась на основе пшеворской культуры или одного из ее компонентов в Висло-Одерском регионе (И. П. Русанова и частично – В. В. Седов); 2) сложилась на основе традиций зубрицкой группы, которые нашли продолжение в границах локального варианта черняховской культуры в Верхнем и Среднем Поднестровье (большинство украинских исследователей и частично – В. В. Седов); 3) возникла в ходе расселения ряда групп населения лесной зоны Восточной Европы на запад и юг (Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин, К. Годловский и др.) или взаимодействия наследников носителей полесского варианта зарубинецкой культуры с северными соседями, главным образом в Полесье, с присоединением при дальнейшем расселении родственных групп (И. О. Гавритухин, В. С. Вергей и др.)[6].

Накопление и систематизация материалов пражской культуры позволили представить ее общую характеристику на территории Беларуси и определить время существования в рамках от середины IV в. до рубежа VII/VIII вв. н. э. Существенным результатом последних десятилетий стало выявление ранних ком-

[1] *Каваленя А. З., Шутаў С. С.* Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. II. С. 340, 356–364.

[2] *Ляўданскі А. М.* Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі: рудні і месцазнаходжанні руды // Працы палескай экспедыцыі. Мінск, 1933. Вып. 2. С. 24.

[3] *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. М., 1973. Вып. Е1–25; *Ее же.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

[4] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1–57. М., 1961.

[5] *Русанова И. П.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории древлян // Советская археология. № 4. 1958. С. 32–46; *Ее же.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом; *Ее же.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа.

[6] *Вяргей В. С., Гаўрытухін І. А.* Пражская культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 217–220.

плексов с материалами пражской культуры, датированных IV–V вв. н. э. на поселениях Остров, Петриков 2, Снядин 2, что позволяет включить Белорусское Полесье в зону формирования славянского этноса[1].

Волынян, древлян, полян и дреговичей В. В. Седов объединял в так называемую дулебскую группу, которая представляла юго-западную ветвь восточных славян[2] .

По вопросу протяжения дреговичской территории в западном направлении пока нет единого мнения. Одна группа исследователей считают, что природной границей расселения дреговичей было огромное болото (вероятно, Выгоновское) на запад от Пинска (В. В. Седов, В. Завитневич и др.)[3]. Вторая группа ученых отодвигают границы дреговичской земли далеко на запад и полагают, что она включала в себя даже регион левобережья Западного Буга (А. Шахматов, А. Успенская, П. Лысенко, К. Мусянович и др.)[4]. Многие историки взяли под сомнение достоверность летописных сведений о приходе на княжение в Туров заморского Тура. Как легенду восприняли их А. Шахматов, А. Грушевский, Д. Лихачев, М. Довнар-Запольский, П. Голубовский.[5] Исторической личностью, но местного, дреговичского, происхождения считают князя Тура П. Лысенко и Н. И. Ермолович[6]. Полностью достоверным признали это сообщение М. Тихомиров и Г. Штыхов.[7]

Большой интерес исследователей всегда вызывало племя радимичей, располагавшееся и в пределах восточной Беларуси. Изучение их древностей долгое время находилось на стадии накопления археологического материала. До настоящего времени сохраняет научное значение монография Б. А. Рыбакова[8], в которой очерчены территория радимичей, хронологические рамки погребального обряда, охарактеризованы основные вехи исторических процессов, связанных с этим славянским племенем. Вклад в изучение радимичских древностей внесли Г. Ф. Соловьева, выделившая 8 локальных групп их расселения и некоторые известные по летописям особенности погребального обряда[9],

[1] *Вергей В. С.* Пражская культура в Беларуси // Archeologia o poczatkach Slowian / pod red. P. Kaczanowskiego i M. Parczewskiego. Kraków, 2005. S. 487–502.

[2] *Седов В. В.* Славяне. Древнерусская народность: историко-археологические исследования: избр. тр. М., 2005. С. 46–47.

[3] *Седов В. В.* Дреговичи // Советская археология. М., 1963. № 3. С. 114.

[4] *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // Советская археология. М., 1961. № 3. С. 56–75; *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. Минск, 1991. С. 32–33.

[5] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 54.

[6] *Лысенко П. Ф.* Киев и Туровская земля // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск, 1982. С. 83.

[7] *Штыхаў Г.* Вытокі беларускай дзяржаўнасці // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 30–31.

[8] *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы // Працы секцыі археалогіі. Мінск, 1932. Т. III. С. 81–153.

[9] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племени по археологическим материалам VIII–XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. 1956. Т. XXV. С. 138–172; *Ее же.* Итоги изучения радимичских курганов в 1962–1965 гг. // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 253–254.

В. В. Богомольников, уточнивший границы расселения радимичей, составивший наиболее полную сводку погребальных памятников X–XII вв. Посожья и соседних районов с определением хронологических особенностей погребального обряда, воссоздавший облик этнографического костюма радимичей[1]. Остаются неразрешенными вопросы о вкладе балтского субстрата в культуру восточных славян и о прародине радимичей, поднятые В. В. Седовым[2].

Анализ имеющихся разработок по этнокультурным процессам на территории Северной и Центральной Беларуси показывает, что данная проблема нуждается в дальнейшем изучении. В настоящее время можно лишь говорить о тех тенденциях в этнических преобразованиях, которые прослеживаются по археологическим материалам, но однозначного ответа на вопрос о соотношении различных этнических компонентов в тех или иных археологических культурах нет. Этнокультурным процессам второй половины 1-го тыс. н. э. на территории Беларуси много внимания уделяли П. Ф. Лысенко и Г. В. Штыхов, изучая древности дреговичей и кривичей. Они соотносили зоны расселения данных этнических общностей в пределах Беларуси с синхронными им археологическими культурами, отраженными в курганном инвентаре и погребальном обряде, а также в поселениях этих территорий. Г. В. Штыхов пришел к выводу, что на территории Северной и Центральной Беларуси погребальные памятники в одном случае отражают симбиоз балто-славян, в другом – славяно-балтов, а в третьем принадлежат славянам[3]. Однако такой вывод не способствует решению проблемы этнической принадлежности кривичей, соотносимых с культурой длинных курганов на раннем этапе (VI – первая половина VIII в.) их расселения в Подвинье. В научной среде историков, лингвистов, археологов существует мнение, что в этническом отношении кривичи представляли собой население, включающее и балтов, и славян. К балтскому же этносу часть исследователей относят синхронные раннекривичским длинным курганам «банцеровскую» и «тушемлинскую» археологические культуры, с которыми отмечается взаимодействие ранних кривичей в Белорусском Подвинье. В то же время признано, что в Витебском Подвинье в отличие от центральной (Полоцкое Подвинье) и западной (белорусско-латышское порубежье) частей Белорусского Подвинья уже с III в. н. э. имели место процессы, связанные с наполнением региона новым населением и новыми традициями в хозяйственной жизни, присущими кругу древностей праславянской среднеднепровской киевской культуры (или верхнеднепровского ее варианта – культуры типа Абидни). Уже в IV–V вв. влияние этих новаций распространилось на всю территорию, которую занимал в третьей четверти 1-го тыс. н. э. банцеровско-тушемлинский ареал.

Распространение древностей круга киевской культуры российскими исследователями к настоящему времени очерчивается достаточно широко (в северном

[1] *Богомольников В. В.* Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004.

[2] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). М., 1970. Т. 163.

[3] *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / пад рэд. М. А. Ткачова. Мінск, 1992.

направлении вплоть до оз. Ильмень)[1]. Таким образом, признаваемая праславянской киевская культура в той или иной степени также является подосновой и банцеровской, и тушемлинской культур VI–VIII вв., локализованных на территории Центральной и Северной Беларуси[2]. По мнению В. В. Седова, которое поддержали ряд исследователей, славяне, оставившие культуру длинных курганов, продвинулись на указанную территорию из областей, входивших в бассейны рек Вислы и Одера и заняли ее уже в VI–VII вв. В бассейне озер Ильмень и Чудское расселяется волна славян с культурой сопок и пашенным земледелием (словене), которая также имеет западное, балтийское происхождение[3]. Опираясь на диалектные особенности языка берестяных грамот Новгородчины, исследователи полагают, что эти особенности свидетельствуют о некоторой временной обособленности населения данной области от остальной массы славянских племен Восточной Европы[4]. Оспаривая взгляды В. В. Седова о происхождении кривичей лесной зоны Восточной Европы от венедской группы раннего славянства, Г. В. Штыхов считает, что выявленные в разных частях лесной зоны Восточной Европы памятники с «расчесанной» керамикой (т. е. круга киевской культуры), большинство из которых размещены по течению рек Сож, Днепр, Березина, указывают на местные корни комплекса культуры длинных курганов ранней стадии в Северной Беларуси. Он опирается на находки в насыпях курганов Повалишино (Россонский р-н), Бельчица, Горовые, Рудня (Полоцкий р-н) керамики с расчесами. Поэтому движение носителей культуры длинных курганов ранней стадии, по мнению ученого, осуществлялось из северной Беларуси на территорию Псковщины и Новгородчины, как и движение их предшественников с «расчесанной» керамикой[5].

Неоднозначность трактовки этнической принадлежности ряда археологических культур усложняет решение вопроса об этносе населения накануне возникновения государственности на белорусских землях. Известных по летописи кривичей ученые соотносят также и с распространением нового этапа культуры длинных курганов во второй половине VIII–XI вв. (смоленско-полоцкие кривичи), который по обряду, инвентарю коренным образом отличается от первого. О. Н. Левко при раскопках поселений и могильников (III–X вв.) с территории северо-восточной Беларуси (Витебское Подвинье и Оршанское Поднепровье) пришла к выводу о постоянном насыщении данного региона культурными новациями на протяжении всего 1-го тыс. н. э. В первой половине тысячелетия это было движение населения с южных регионов (киевская культура). В третьей четверти тысячелетия наблюдается сближение культурных влияний с юга (продвижение носителей славянской колочинской культуры в Оршанское Поднепровье)

[1] Памятники Киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2007. Вып. 10; *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб., 2010.

[2] *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). С. 45.

[3] *Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 88, 91, 95, 96.

[4] *Гайдуков П., Макаров Н.* Слово о Янине // Родина. 2009. № 1. С. 11.

[5] *Штыхов Г. В.* Культура ранних длинных курганов V–VII вв. в Беларуси // Lietuvos Archeologija. 1999. T. 18. С. 25–36.

и с севера (продвижение ранних кривичей – носителей культуры длинных курганов в Белорусское Подвинье)[1].

Проблема расселения кривичей, а также соотношения племенной и раннегосударственной структур Полоцкого княжества все еще остаются актуальными. Первый этап расселения кривичей в Белорусском Подвинье, как видно по публикациям Г. В. Штыхова[2], фиксируется по распространению их могильников на протяжении VI–VII вв. н. э. из Россонского района по рекам Дриссе, Полоте в сторону Ушачского Поозерья. Параллельно с верховьев Ловати (Дорохи) кривичи проникают в Витебское Подвинье и Оршанское Поднепровье.

О. Н. Левко установлено, что удлиненные курганы на водоразделе Западной Двины и Днепра (бассейн р. Оболянки в Сенненском р-не, оз. Ореховское в Оршанском р-не, р. Верхита в Дубровенском р-не) фиксируют южный рубеж первого этапа расселения кривичей в северной Беларуси. Исходя из археологических данных о хронологии распространения древностей культуры длинных курганов на территории Восточной Европы, исследователем были не только определены основные направления раннего этапа расселения кривичей в пределах северной Беларуси, но и обозначено местоположение ядра формирующегося «княжения» кривичей-полочан, обосновано зарождение раннегосударственного образования на основе этого княжения[3]. Многие исследователи не разделяют понятия «княжение» и «княжество», употребляя их применительно к различным эпохам. Однако по существу понятие «княжение» соответствует лишь территориально-племенному образованию, в то время как «княжество» связывается с более высоким уровнем организации общества[4].

Несмотря на разнообразие трактовок имеющихся немногочисленных письменных свидетельств, историография фиксирует достаточно устойчивые представления о том, как между VIII и X вв. зарождалась государственность у славян в пределах Восточной Европы и какие важнейшие исторические процессы содействовали ее укоренению. Зачатки и становление государственного строя неизменно связываются с двумя центрами – Новгородом на севере и Киевом на юге – и пролегающим между ними отрезком знаменитого пути «из варяг в греки», днепровская часть которого привязывается к Смоленской и Новгородской землям через Гнездово (ранний Смоленск?) с выходом к среднему течению Ловати. Все эти звенья укладываются исследователями в единую схему перехода от племенной эпохи к раннегосударственной при активном вмешательстве в данный процесс варягов. Считается, что с севера Скандинавия, а с юга

[1] *Левко О. Н.* Новейшая историография и место памятников Белорусского Поднепровья и Подвинья в проблеме ранних славян Восточной Европы // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья: материалы по археологии Беларуси. Минск, 2003. № 8. С. 280–291.

[2] *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі.

[3] *Левко О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства // Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора ўзнікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці. Полацк, 1996. С. 37.

[4] *Левко О. Н.* Памятники второй половины I тыс. н. э. северо-восточной Беларуси в свете формирования племенных «княжений» // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. № 5. С. 207–226.

Византия несли основы политического устройства Древнерусского государства (Киевской Руси) – в его идеологию вместо язычества внедрялись христианские представления. Экономическое благополучие молодого государства базировалось на взаимовыгодном торговом сотрудничестве в пределах маршрута от Бирки до Константинополя.

Белорусские территории той поры в трудах историков представляются в качестве периферии сначала Новгородских владений Рюрика (Полоцкое княжество), а затем Киевской Руси. Период правления на Полоцкой земле династии Рогволодовичей (XI–XII вв.) рассматривается как сепаратистское проявление по отношению к центру государства (Киеву)[1].

Однако при рассмотрении единовременного формирования на основе племенных структур самых ранних восточнославянских государственных образований обращают на себя внимание первые летописные упоминания об их центрах в промежутке 862–865 гг. Это появление Рюрика в 862 г. на Новгородчине, затем «раздача» им в 864 г. «градов» (в том числе Полоцка) своим мужам и поход Аскольда из Киева на Полоцк в 865 г. Фраза «и *раздая* (Рюрик. – *О. Л.*) мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро»[2] по какой-то причине воспринимается исследователями в том же контексте, что и «*посади* (Владимир. – *О. Л.*) Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святослава Турове, а Ярослава Ростове...»[3]. Хотя, вероятнее, что раздавались «грады» для сбора дани путем находничества, а не для управления ими, как это делали посадники. Поход полян под предводительством Аскольда на Полоцк, по мнению Б. А. Рыбакова, был направлен против новгородских варягов, чтобы упредить их продвижение на юг[4]. Однако в 882 г. Олег, преемник Рюрика, пройдя из Новгорода через Смоленск (Гнездово?) в Киев, объединил север с югом и объявил Киев столицей – «матерью городов русских» нового раннегосударственного образования *Киевская Русь*, включившего в свой состав Новгородское и Киевское княжения.

Полоцк, в свою очередь, с рубежа VIII–IX вв. перекрывает движение балтского импорта по Западной Двине, замыкая на себе торговые контакты с западом, севером и югом[5]. Таким образом, во второй половине IX в. несколько территориально-племенных структур (княжений) по сути приблизились к раннегосударственным политическим образованиям, стремящимся подчинить себе своих соседей (взимать с них дань путем «находничества» или регулировать характер отношений с ними в свою пользу).

Как показывают новые источники и исследования, в огромной историографии Древней Руси ряд ключевых вопросов, связанных с причинами, особен-

[1] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М., 1966. *Загарульскі Э. М.* Заходняя Русь IX–XIII стст. Мінск, 1998; *Толочко А. П.* Князь в древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

[2] Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. С. 110.

[3] Там же. С. 54.

[4] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 294.

[5] *Левко О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства. С. 36–41.

ностями возникновения, характером взаимоотношений раннегосударственных образований у восточных славян, остается слабо или вовсе не изученным. Новейшие материалы археологических исследований существенно дополняют письменные свидетельства и способствуют более объективному раскрытию процессов, происходивших на пространстве Восточной Европы в XI–XIII вв., а также роли и места в них полоцких владений.

В научных, научно-популярных, учебно-просветительских публикациях белорусских исследователей раннегосударственный период на территории Беларуси представлен в двух вариантах. Один из них опирается на сложившийся в советской историографии стереотип единого Древнерусского государства, неотъемлемой составной частью которого на протяжении всего времени его существования являлись земли (княжества), располагавшиеся в IX–XIII вв. на территории современной Беларуси[1]. Эта позиция совпадает и с нынешними представлениями ряда белорусских, российских и украинских ученых, занимающихся данной проблемой. Она же отражена и на картах первого тома издания «Вялікі гістарычны атлас Беларусі» (2009 г.).

В противовес первому варианту в публикациях белорусских исследователей 1990-х гг. вполне определенно заявлено, что с X в. на территории Беларуси существовало раннегосударственное образование «Полоцкая земля», историческим ядром которого являлось племенное княжение кривичей – полочан[2]. В качестве доказательства приводились фрагментарные летописные известия, на основе которых, однако, без дополнительных научных исследований, главным образом по данным археологии, невозможно проследить столь важные исторические процессы.

В последнее десятилетие приобрела новое звучание и идея участия варягов в государствообразующих процессах у восточных славян, в том числе на белорусских землях. Два этапа в выдвижении Полоцка в число ведущих политических центров при формировании раннегосударственных образований Восточной Европы выделяет М. Н. Самонова. Первый этап она связывает с созданием военно-политической структуры – «Каганата русов» (свеев) в 840-х годах и подключением Белорусского Подвинья к волжскому «пути из варяг в арабы», второй – со сменой каганата политическим образованием «Государство Рюрика» в 862 г., закреплением преемника Рюрика – Олега в 882 г. в Киеве и включением Полоцка в число городов, ориентированных на связи с Византией по пути «из варяг в греки».

Исходя из политического и географического значения Полоцка во второй половине IX в. исследователь делает ряд выводов, связанных с причинами похода Аскольда и Дира в 865 г. из Киева на Полоцк. А также упоминанием Полоцка в договоре с Византией под 907 г. и отсутствием информации о нем в договоре 944 г. Интерес представляет высказанное М. Н. Самоновой предположение о вокняжении в середине X в. скандинавов – Рогволода в Полоцке, а Туры

[1] *Загарульскі Э. М.* Заходняя Русь IX–XIII стст.

[2] *Штыхаў Г. В.* Вытокі беларускай дзяржаўнасці // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1; Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Мінск, 1994–1995. Мінск, 1994. Ч. 1. С. 59, 92–104.

в Турове в связи с политической нестабильностью в Киевской Руси (убийство в 945 г. князя Игоря древлянами и деятельность княгини Ольги по восстановлению главенства Киева над данниками). Различие социального статуса имен Рогволода (принадлежность к высшей скандинавской знати) и Туры, чье имя не было элитным, также дает основание к рассмотрению вопроса о причинах разновременности обретения политической самостоятельности Полоцким и Туровским княжествами. Однако в вопросе возвращения киевским князем Владимиром Полоцкого княжества Рогнеде и ее сыну Изяславу в качестве «отчины» роль правовых обычаев «скандинавского фактора» не представляется бесспорной.

Возможны и другие причины, по которым произошло утверждение в Полоцке правящей династии Рогволодовичей – Изяславичей. Скорее всего, это могло быть решением местной боярской верхушки («мужей»), которая и в дальнейшем проявляла себя весьма выразительно, соблюдая собственные, прежде всего экономические интересы. Ничем не обосновано приписываемое находящемуся на службе у Брячислава шведскому конунгу Эймунду влияние на увеличение территории Полоцкой земли и усиление ее государственности[1]. В данных вопросах, безусловно, заслуга самого полоцкого князя, который сумел построить с выгодой для Полоцкой земли взаимоотношения со своим дядей Ярославом Мудрым.

О. Н. Левко в основу изучения проблемы истоков белорусской государственности положены историко-археологические исследования Полоцко–Витебского ареала. Целью данных исследований является обоснование и доказательство того, что образование «Полоцкая земля» в IX–XI вв. самостоятельно сложилось в качестве раннегосударственной структуры Восточной Европы, равнозначной в политическом отношении Новгородской и Киевской землям, имеющей и развивающей собственную, формирующуюся в рамках зарождающихся межгосударственных отношений территорию и институты новой княжеской (государственной) и восходящей к племенному строю боярской власти. Реальная дееспособность этой структуры проявлялась в течение определенного периода времени в изменяющихся формах внутренних и внешних политических и экономических отношений, территориально-административном развитии, характере управления и др.[2]

[1] *Самонова М. Н.* Скандинаво-славянские связи на белорусских землях в IX–XIII вв. (по письменным источникам): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2014.

[2] *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси (формирование и развитие). Минск, 2004; *Ляўко В. М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 12. С. 172–180; *Ее же.* Раздрабленне Полацкай зямлі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1. С. 183–189; *Левко О. Н.* Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. 2001. № 1 (8). С. 16–29; *Ее же.* Племенные структуры, погосты и волости Витебского Подвинья в конце I-го – начале II-го тысячелетия // Уч. зап. Витеб. ун-та. Витебск, 2003. Т. 2. С. 31–49; *Ее же.* Полоцк – древнейший центр белорусской государственности и актуальные проблемы отечественной истории // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Полоцк, 2008. № 1. С. 7–16. *Ее же.* Витебск на пути «из варяг в греки» // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2011. Вып. 21. С. 154–159; *Ее же.* Роль Менского княжества в территориально-административном

Процесс становления государственности в славянском мире протекал неравномерно, охватывая ряд столетий. Государствообразующие процессы на территории Восточной Европы прослеживаются с IX в. по двум видам источников: письменным и археологическим. Древнерусские летописи крайне лаконичны и сообщают о событиях, происходивших намного ранее, чем были созданы сами летописи, опираясь во многом на легенды и предания, что, к сожалению, лишает их абсолютной достоверности. Свидетельства других письменных источников также эпизодичны, не лишены вымысла и их использование возможно лишь при соответствующей критической оценке.

Археологические источники не информируют о самих событиях, но создают тот историко-культурный фон, на котором осуществлялось социальное расслоение общества и складывание государственных институтов. Сочетание малочисленных письменных свидетельств с материальными остатками жизни и деятельности людей в то далекое время в какой-то мере способствует реконструкции таких важных процессов на территории Восточной Европы, как формирование начальной государственности. В последние десятилетия накоплено достаточно большое количество фактов (главным образом археологических), позволяющих говорить об историческом своеобразии основных составляющих государственности древнерусского периода: Киевской, Новгородской и Полоцкой земель, сложение которых началось на основе местной традиции задолго до решающих преобразований государственного характера с учетом влияний извне.

Историография и источники по истории периода Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Отношение к наследию Великого Княжества

и политическом развитии Полоцкой земли // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2011. Вып. 24. С. 103–112; *Ее же.* Полоцкая земля в государствообразующих процессах Восточной Европы IX–XII вв. // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. Мінск, 2012. С. 22–30; *Ее же.* Современное видение государствообразующих процессов IX–XI вв. на территории Восточной Европы // Слов'яни і Русь: археологія та історія: зб. праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочко з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 174–179; *Ее же.* Полоцкая земля: у истоков белорусской государственности // Матэрыялы навук.-практ. семінара, Мінск, 26 сак. 2013 г. Мінск, 2013. С. 31–37; *Ее же.* Ранний этап формирования Полоцкой земли: итоги и перспективы исследования // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф. Мінск, 2013. С. 116–119; *Ее же.* Формирование юго-западной и восточной границы Полоцкой земли и образование городов (середина X – середина XII вв.) // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 54–64; *Ее же.* Древнерусские центры княжеств XII в.: Минск, Друцк, Витебск (по письменным и археологическим данным) // Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых помнікаў на тэрыторыі Беларусі (да 120-годдзя з дня нараджэння А. М. Ляўданскага): матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2015. Вып. 26. С. 97–112; *Ее же.* Витебское Подвинье в процессе формирования и функционирования пути «из варяг в греки» // Зб. навук. арт. III Міжнар. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. Ч. 1. Наваполацк, 2016. С. 4–10; *Ее же.* Западные территории Полоцкого княжества (земли) в IX–XIII вв. // Браслаўскія чытанні (да 950-годдзя горада Браслава): Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі. Мінск, 2016. С. 5–15; *Ее же.* Кордон – новый памятник археологии эпохи викингов в Восточной Европе // Докл. НАН Беларуси. 2016. № 5. С. 120–127; *Ее же.* Полоцкое княжество в XII – первой половине XIII в. и зарождение ВКЛ // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. арт. Мінск, 2017. Ч. 1. С. 44–60.

Литовского в белорусской историографии было самым разным и до 1990-х гг., как правило, определялось отнюдь не белорусскими историками. Российские дореволюционные историки почти единодушно утверждали этническую и конфессиональную близость основной массы населения Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского и отсюда выводили доказательство «неправильности» пребывания белорусов в составе ВКЛ и поэтому доказывали «справедливость» присоединения Беларуси к Российской империи в конце XVIII в. Исходя из своих национально-государственных приоритетов освещали историю Великого Княжества Литовского польские, литовские и украинские историки.

Белорусская историография ВКЛ как самостоятельное направление исторических исследований практически отсутствовала в БССР до конца 1970–1980-х гг., до времени, когда в Институте истории АН БССР был создан сектор истории Беларуси эпохи феодализма. Однако и после этого собственно история ВКЛ фактически не исследовалась, изучались лишь отдельные вопросы «истории Беларуси в эпоху феодализма», которые касались прежде всего проблем социально-экономического развития, классовой борьбы, положения крестьян и горожан и т. п. Рассматривались эти проблемы обычно в контексте времени («тот или иной период истории Беларуси»), а не в связи с историей ВКЛ. Великое Княжество Литовское в научных текстах даже не упоминалось, как будто такого государства и не было, а Беларусь просто самостоятельно существовала в пространстве и времени, ожидая своего присоединения к Российской империи. Не исследовались вопросы политической организации, военного дела, культуры и образования в ВКЛ.

Вместе с тем нельзя не отметить, что именно в то время появились фундаментальные труды по отдельным вопросам истории Беларуси XV–XVIII вв., которые и в настоящее время используются в качестве основы при изучении истории ВКЛ. Это работы З. Ю. Копысского[1], В. И. Мелешко[2], А. П. Грицкевича[3], Г. Я. Голенченко[4], П. Г. Козловского[5], А. М. Карпа-

[1] *Копысский З. Ю.* Экономическое развитие городов Беларуси в XVI – первой половине XVII в. Минск, 1966; *Его же.* Социально-политическое развитие городов Беларуси в XVI – первой половине XVII в. Минск, 1975; *Его же.* Источниковедение аграрной истории Беларуси. Минск, 1978.

[2] *Мелешко В. И.* Могилев в XVI – середине XVII в. Минск, 1988; *Его же.* Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII – XVIII в.). Минск, 1975; *Его же.* Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII – XVIII в. Минск, 1982.

[3] *Грицкевич А. П.* Слуцк: историко-экономический очерк. 2-е изд. Минск, 1970; *Его же.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: социально-экономическое исследование городов. Минск, 1975.

[4] Francisk Skorina / V. Cemerickii, G. Golencenko, V. Smatov. Paris, 1980; *Голенченко Г. Я.* Очерки духовной культуры Белоруссии второй половины XVI – первой половины XVII в. Минск, 1981; *Его же.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. Минск, 1989.

[5] *Козловский П. Г.* Крестьяне Беларуси во второй половине XVII – XVIII в. Минск, 1969; *Его же.* Магнатское хозяйство Беларуси во второй половине XVIII в. Минск, 1974; *Его же.* Землевладение и землепользование в Беларуси в XVIII – первой половине XIX в. Минск, 1982.

чева[1], М. Ф. Спиридонова[2], И. А. Юхо[3] и др. Появились также публикации, внимание в которых было сфокусировано на историографических и источниковедческих ракурсах изучения ВКЛ. Были собраны, изучены и опубликованы многочисленные архивные историографические источники, в которых раскрывается путь становления как белорусской национальной историографии, так и традиции изучения ВКЛ в восточнославянской историографии Нового и Новейшего времени (работы Л. В. Алексеева[4], З. Ю. Копысского и В. В. Чепко[5], Г. А. Кохановского[6], Н. Н. Улащика[7], Д. В. Карева[8], В. Н. Михнюка[9] и др.).

---

[1] *Карпачев А. М., Козловский П. Г.* Динамика численности населения Беларуси во второй половине XVII – XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 год. Л., 1972. С. 81–94*; Карпачоў А. М.* Узнікненне і развіццё Слуцкай вотчыннай мануфактуры шаўковых паясоў // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. 1982. № 3; *Его же.* Эканамічнае развіццё Мінска ў XVIII стагоддзі (да пытання аб эканамічным развіцці гарадоў Беларусі): даклад, прачытаны на сходзе Аддзялення гуманітарных навук АН БССР у лістападзе 1955 г. // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. 1962. № 2; *Карпачев А. М.* Феодальные юридики в королевских городах Беларуси XVII–XVIII вв. // Советское славяноведение. 1968. № 6; *Его же.* Земское землевладение горожан в Беларуси XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 год. Таллин, 1971. С. 206–216.

[2] *Спиридонов М. Ф.* Застава-закуп земли государственными крестьянами Беларуси в XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971 год. Вильнюс, 1974. С. 57–64; *Спірыдонаў М. Ф.* Аб сутнасці продажу-куплі зямлі сялянамі Беларусі ў першай палове XVI ст. // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. 1971. № 3. С. 92–100; *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Минск, 1993.

[3] *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992; *Юхо І. А.* Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мінск, 1991.

[4] *Алексеев Л. В.* Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX – начале XX в. // Советская археология. 1968. № 3. С. 85–100; *Его же.* Очерки истории белорусской дореволюционной археологии и краеведения до 60-х гг. XIX в. // Советская археология. 1967. № 4. С. 149–163.

[5] *Копысский З. Ю., Чепко В. В.* Историография БССР: эпоха феодализма. Минск, 1986.

[6] *Кохановский Г. А.* Историография изучения культуры Беларуси в конце XVIII – начале XX вв.: становление научных знаний по археологии, историческому краеведению и фольклористике. Минск, 1992.

[7] *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Беларуси феодального периода. М., 1973; *Его же.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

[8] *Карев Д. В.* Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс, 2007; *Его же.* Схизматики и латиняне // Родина. 1994. С. 18–25; *Karev D.* Białoruska historiografia i ewolucja swiadomości historycznej Białorusinów // Tematy polsko-białoruskie. Olsztyn, 2003. S. 69–94; *Его же.* Великое княжество Литовское в белорусской историографии XX в. (20–90-е годы) // Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения. М., 2005. С. 203–206; *Его же.* Изучение истории Беларуси в белорусской историографии 90-х гг. XX – начала XXI века (основные проблемы и тенденции изучения феодальной Беларуси в белорусской историографии и источниковедении) // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2012. № 9. С. 6–15.

[9] *Михнюк В. Н.* Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.). Минск, 1985.

В белорусской историографии по данной проблеме появились и первые обобщающие статьи (П. О. Лойко[1], Ю. Н. Бохана и Г. Я. Голенченко[2], В. Ф. Голубева[3]), и первые учебные пособия по историографии Беларуси, в которых дается обзор работ по истории ВКЛ (В. А. Белозорович[4]).

Результаты изучения и анализа историографической информации, дошедшей до нас от времен ВКЛ, позволяют говорить о двух основных этапах в становлении *исторического мировоззрения* восточнославянского (в первую очередь белорусского) населения ВКЛ в XV–XVIII вв.

Первый этап – XVI век – период формирования идеи гражданского патриотизма, существенно отразившейся в сфере исторического сознания восточнославянских народов ВКЛ, начало формирования светской феодальной (шляхетской) и городской исторических версий «видения» своего исторического прошлого, время активного проникновения в сферу исторической ментальности восточнославянской элиты ВКЛ интеллектуального инструментария деятелей европейского Возрождения и Реформации.

В политической сфере это одновременно был и период вынужденной утраты неограниченного суверенитета ВКЛ (Люблинская уния 1569 г.), что, возможно, впервые заставило политическую элиту страны задуматься о ценности собственного государства и начать борьбу за независимость уже в составе Речи Посполитой. Яркие проявления этой борьбы – принятие Статута ВКЛ 1588 г. как главного закона суверенного государства (сущность Статута – утверждение вопреки акту Люблинской унии 1569 г. того, что ВКЛ является независимым государством). О независимости свидетельствуют тексты о границе, названии государства, монархе, обязательстве великого князя защищать независимость, запрете иностранцам занимать государственные должности и приобретать земли в ВКЛ, праве ВКЛ

---

[1] *Лойка П.* Гістарыяграфія гісторыі Беларусі XIV–XVIII ст. у працах 1920 – пач. 1990-х гг. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. С. 22–23.

[2] *Бохан Ю., Галенчанка Г.* Гістарыяграфія // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 167–195.

[3] *Голубеў В. Ф.* Гістарыяграфія сацыяльна-эканамічнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага XIII–XVI стст. // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. : матэрыялы Міжнар. круглага стала, Гродна, 16–18 мая 2003 г. / рэдкал.: С. Б. Каўн (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. С. 124–138; *Его же.* Беларуская гістарыяграфія вывучэння гісторыі Вялікага княства Літоўскага ў 1990–2003 гг.: бібліягр. паказальнік // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы Міжнар. круглага стала, Гродна, 16–18 мая 2003 г. / рэдкал.: С. Б. Каўн (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. С. 169–223; *Его же.* Агляд беларускай гістарыяграфіі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2016, № 1. С. 25–31; *Его же.* Агляд беларускай гістарыяграфіі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.). Аграрная гісторыя // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 2. С. 22–30; *Его же.* Найноўшая беларуская гістарыяграфія гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.): дасягненні, задачы, перспектывы // Беларускі гістарычны часопіс. 2016, № 3. С. 13–19; *Его же.* Найноўшая беларуская гістарыяграфія гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.). // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад. : А. А. Скеп'ян, А. У. Мацук; рэдкал.: У. Р. Гусакоў [і інш.]. Мінск, 2017. Т. 1. С. 18–42.

[4] Белазаровіч В. А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі. Гродна: ГрДУ ім. Я. Купалы, 2006.

проводить отдельные соймы, сохранять собственное законодательство, вести государственное делопроизводство на старобелорусском языке и др. Таким образом, конец XV–XVI в. – это время формирования идеи так называемого *гражданского патриотизма* ВКЛ, начало формирования собственных версий своего исторического прошлого.

Вместе с тем это было время борьбы не только «великокняжеской» и «коронной» элиты за свое видение государственности. В самом ВКЛ шла внутриполитическая борьба, свой поиск этнической и государственной идентичности и конкуренция за первенство в государстве между *литовской (жемойтской) и белорусской (руской, русинской) аристократией*. Уже тогда каждая сторона ставила задачу именно исторически обосновать свое первенство в стране. Литовцам сделать это было довольно трудно, так как в Великом Княжестве Литовском господствовала старобелорусская («руская») историческая и правовая традиция, старобелорусский язык был государственным, восточнославянское население значительно раньше этнической Литвы приняло христианство и др. «Доказательства» литовской стороной добывались почти в оруэлловской традиции – внесением позднейших записей в древние летописи и хроники.

В XV в. практически завершились процессы централизации Великого Княжества Литовского (почти не осталось удельных княжеств, постепенно вводилось новое административное деление, и в новообразованных землях или воеводствах сидели уже не местные князья, а великокняжеские наместники). Вместе с развитием внутреннего рынка и организацией отпора внешним врагам шло усиление этнической консолидации белорусских земель, осознание населением своей хозяйственной, языковой, этнической, культурной и политической общности. Отражением этих процессов стало возникновение общегосударственных, *белорусско-литовских по содержанию и характеру, летописей*. Именно эти летописи положили начало историографии ВКЛ, являясь одновременно и историческим произведением, и историческим источником. Так, во второй четверти XV в. был составлен первый летописный свод ВКЛ – *Белорусско-литовская летопись 1446 года*, посвященная истории восточных славян и Литвы. События в ней были изложены с середины IX в. до середины XV в. Сохранилась она в Академическом, Виленском, Никифоровским, Супрасльском, Слуцком списках. В Белорусско-литовской летописи 1446 г. была объединена и по своему обработана и интерпретирована информация из самых разнообразных источников: от древних летописей и записей из Киева, Смоленска, Новгорода, Вильни, Москвы до сведений из внутренней жизни Великого Княжества Литовского, которые лично знал автор летописи 1446 г. Главная идея летописи 1446 г. – *общерусское, киевское начало государственности славянства всего восточноевропейского региона, показ значительной роли славянского элемента в жизни новых княжеств-государств, которые позже возникли на этой территории.*

Однако из анализа текста отчетливо видно, что летопись была не столько написана, сколько просто составлена из неизмененных частей нескольких региональных летописей. В последней части летописи 1446 г. отчетливо выступает идея закономерности собирания всего восточного славянства именно в составе

Великого Княжества Литовского. Это свидетельствует о том, что летопись окончательно оформлялась, скорее всего, в Новогородке или Вильне – основных государствообразующих центрах Великого Княжества Литовского.

Действительно, в конце XV – первой половине XVI в. летописи и хроники, которые стали одновременно и одними из первых письменных источников, и первыми историографическими работами по истории ВКЛ, не столько писались, сколько переписывались и дописывались. Делалось это в основном с использованием материалов прежнего происхождения, но, как правило, с добавлением авторами-переписчиками «нового» материала даже относительно прежних времен, зато с учетом более поздних политических реалий. Часто при переписывании в старинные документы вносились «свидетельства» о княжеском происхождении некоторых литовских шляхетских родов, а вершиной фальсификаций стал текст о как-будто «латинском», от Палемона, происхождении жемойтской элиты ВКЛ.

Дело в том, что с конца XV в. в восточноевропейском регионе усилилась борьба за политическое первенство между двумя империями: Великим Княжеством Литовским (Вильна) и Великим Княжеством Московским, и содержание летописей, которые тогда выполняли не только информационную, но и информационно-пропагандистскую функцию, в некотором смысле перестало соответствовать тогдашним политическим реалиям. В результате в переписанных и «исправленных» летописях усиливаются идеи общегосударственного патриотизма, история ВКЛ начинает подаваться не как продолжение киевской государственной традиции, а как самостоятельное политическое явление с собственными княжескими династиями, самостоятельными государственными и правовыми традициями.

Для большего эффекта восприятия происходит беллетризация описания истории, в летописные тексты вводятся легендарные личности, добавляются вымышленные события и факты. Таким образом, в связи с новыми общественно-политическими условиями и настроениями (обострение отношений между Вильней и Москвой и тенденция к созданию патриотически мотивированной истории стран и народов в Европе в эпоху Ренессанса), а также в связи с необходимостью укрепления международного престижа ВКЛ в летописных текстах происходит «совершенствование» и «улучшение» собственной истории государства.

В 1520-е гг. создается «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского» в которую была включена легендарная история о мифическом родоначальнике литовских (жемойтских) князей Палемоне, который вместе с семьей и ближайшими родственниками как-будто бежал от римского императора Нерона и прибыл на территорию Литвы непосредственно из Рима. По легенде именно потомки Палемона в начале XIII в., когда большинство восточнославянских земель были захвачены или ослаблены атаками монголо-татар, возглавили ВКЛ и начали борьбу за расширение государства.

В этой истории все основано не на фактах, не соотносится с реальными историческими событиями, но изложено интересно. Здесь и объяснение осо-

бенностей литовского языка, и выбор литовцами латиницы вопреки господствующей в ВКЛ кириллице, и особенности вероисповедания. Цель этой легенды, созданной в среде литовской знати, – стремление показать якобы ведущую роль и господствующее положение в ВКЛ именно литовской шляхты по сравнению с «руской», подчеркнуть родовитость литовской шляхты ВКЛ, утвердить «права» ВКЛ на славянские земли («по праву меча»), пробудить и усилить патриотические чувства литовской шляхты и использовать этот патриотизм в борьбе с «рускими» за первенство в ВКЛ.

Это была новая концепция происхождения Великого Княжества Литовского, суть которой – полный отказ от киевского периода истории восточного славянства, в попытке доказать преимущества литовского начала в образовании ВКЛ и проигнорировать роль белорусов в этом процессе, которые, при такой подаче материала, просто «оказались» в составе ВКЛ после военных походов Палемоновичей.

Но начало зарождения государства, генезис Великого Княжества Литовского здесь не освещены даже пунктирно. Хотя легенда была направлена на возвышение «литовцев» по сравнению с «белорусами» в период создания и становления ВКЛ, она имела и антипольский, а во время Ливонской войны (1558–1583 гг.) приобрела и антимосковский характер.

Таким образом, можно убедительно утверждать, что в белорусско-литовских летописях конца XV – XVI в. четко отражены две тенденции: 1) укрепление государственной идеологии Великого Княжества Литовского в соревновании за первенство с Великим Княжеством Московским и 2) внутреннее соперничество за лидерство в государстве между литовской (жемойтской) и белорусской (руской, русинской) политическими элитами.

Второй этап в становлении исторического мировоззрения населения Великого Княжества Литовского охватывает период после создания Речи Посполитой, в основном XVII–XVIII вв. В это время в рамках светской культуры происходила кристаллизация и становление двух типов исторического менталитета населения белорусских земель ВКЛ – элитарного шляхетского и традиционного народного. Это была эпоха прогрессирующего процесса секуляризации светской исторической мысли и светского типа сознания из недр клерикальной историографической традиции и традиционного христианского средневекового понимания предназначения истории. В рамках этого периода идея этнического «Я» не занимала господствующего места в системе исторических представлений населения ВКЛ (гораздо в большей степени на характер исторического мышления влияли факторы социальной и конфессиональной идентификации). Процесс превращения исторических знаний в историческую науку XVIII в. для ВКЛ был определяющим. Преобладание польской культурной доминанты ощущалось не только в шляхетской культуре ВКЛ, но и в униатской. В условиях целенаправленной политики правящих кругов Речи Посполитой на свертывание сферы применения белорусского языка и «русинских» культурных, политических традиций в общественной и государственной жизни страны «литвинский» патриотизм не мог вызвать энтузиазма, а рассматривался правящими кругами государства и просветителями-реформаторами скорее как проявление местного,

регионального сепаратизма и являлся, с их точки зрения, помехой в деле реформирования Речи Посполитой. Поэтому история ВКЛ и Беларуси в тот период не могла стать основным объектом исследований местных историков, а рассматривалась как некий «региональный» вариант общей судьбы и общего Отечества – единой Речи Посполитой и единого «польского народа – шляхты»[1].

Разделы Речи Посполитой открыли новую веху в существовании белорусской культуры и ее составной части – исторической науки, которая развивалась уже под значительным влиянием российской государственной культуры и историографии. Научное исследование исторического прошлого ВКЛ в российской историографии начинается уже в конце XVIII в., сразу после включения территории Беларуси в состав Российской империи (Н. Н. Бантыш-Каменский[2] и др.). Изучение российской историографии XVI–XVIII вв. показывает, что история ВКЛ в официальной идеологической концепции правящих кругов Российского государства рассматривалась сквозь призму «исторического единства культурных, политических и конфессиональных традиций восточных славян». Посредством такого подхода российское правительство с помощью российской официальной историографии «научно обосновывало» утверждение, что именно они выступают единственными законными преемниками древнерусского политического, культурного и церковно-религиозного наследия. Эта идея прослеживалась в творчестве практически всех российских исследователей истории ВКЛ, к какому бы научному или политическому лагерю они не принадлежали.

Именно в период XVIII – начала XX в. в формировании белорусской историографии ВКЛ происходит коренная эволюция парадигм. Белорусская историография ВКЛ по преимуществу «шляхетская» (по своему социальному профилю), «региональная или краевая» (по предмету исследования) и «билингвистическая» (по типу исторического сознания) к концу XIX – началу XX в. становится историографией *национальной*, выдвинувшей на авансцену исторического анализа судьбу белорусского народа.

Энергичная и плодотворная деятельность поколения историков, трудившихся в стенах Виленского университета в начале XIX в., оказала огромное воздействие на дальнейшее формирование белорусской и литовской историографии в последующие периоды их развития. Она заложила фундамент критического научного изучения истории ВКЛ и документальных памятников его исторического прошлого, ввела в научный оборот огромные пласты исторической информации, воспитала плеяду историков, игравших ведущие роли в изучении ВКЛ и формировании исторического сознания, исторических «горизонтов» интеллигенции Беларуси и Литвы в 30-х – начале 60-х годов XIX в. (М. Балинский, А. Мартиновский, И. Малиновский, А. Киркор, А. Зданович, А. Ходько, братья

[1] *Карев Д. В.* Историческая наука ВКЛ и Украины в XVI–XVIII вв. // Весн. ГрДУ ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2014. № 1 (166). С. 57–69.

[2] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжении оной чрез два века, приключений паче же о бывшем от римлян и униятов на благочестивых тамошних жителей гонении, по высочайшему, блаженной памяти императрицы Екатерины II, повелению, из хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг... 1795 года собранное. М., 1805.

К. и Е. Тышкевичи и др.). Мощный импульс, данный историками Виленского университета развитию исторической науки, сказался в 40-х – начале 50-х годов XIX в. на развитии исторической журналистики Беларуси и Литвы, которая после закрытия в 1832 г. Виленского университета взяла на себя его функции по формированию исторического сознания населения региона в условиях репрессивного Николаевского режима. История ВКЛ в деле сохранения и развития исторической памяти элит Беларуси выступала в качестве своеобразного «историографического полигона».

Два главных историографических достижения приходятся именно на этот период времени: 1) введение в научный оборот корпуса источников, на базе которого историческая наука Беларуси и Литвы смогла создавать в 40–50-е годы XIX в. первые синтезные концепции ВКЛ; 2) выделение истории этого государства в самостоятельный «самодостаточный» объект исследования. В историческую науку вошло «разночинское» поколение униатского и православного духовенства (И. Данилович, М. Бобровский, И. Ярошевич, И. Григорович), которое открыло восточнославянскую (белорусскую в своей основе) природу Великого Княжества Литовского, сумело рассмотреть многие проблемы его истории и культуры[1].

В истории белорусской культуры 30–50-е годы XIX в. выделяются в качестве особого этапа. Свидетельство тому – появление в дворянской историографии Беларуси книги О. В. Турчиновича «Обозрение истории Беларуси с древнейших времен»[2], а в сфере революционной демократической мысли – национальной программы К. Калиновского.

Исторические, этнографические исследования местных уроженцев, посвященные ВКЛ и Беларуси, часто независимо от субъективных авторских установок свидетельствовали об оригинальности, самобытности белорусского народа и его истории. Публикации документальных и этнографических материалов содействовали тому, что национальные традиции, которые до 30-х годов XIX в. сохранялись на бытовом уровне, становились общественным достоянием.

С 60-х годов XIX в. можно говорить о рождении интегративного направления в изучении белорусов и Беларуси – белорусоведения. Оно становилось тем стержнем, вокруг которого начался процесс собирания культурной элиты народа, формирование национального менталитета и исторического сознания.

Белорусская историография, выделившая к середине XIX в. изучение истории ВКЛ в качестве самостоятельных проблемно и сюжетно очерченных «зон» исследовательских интересов, становится одновременно с 60-х годов XIX в. и фактором формирования молодой европейской нации – белорусской[3].

Первой профессиональной работой по истории образования ВКЛ стала «История Литвы и Руси...»[4] профессора Виленского университета И. Лелевеля,

[1] *Караў Д. У.* Беларуская гістарыяграфія канца XVIII–XX ст. і гістарычная самасвядомасць беларусаў // Беларусіка=Albaruthenica. Мінск, 1992. Кн. 2. С. 123–130.

[2] *Турчинович О.* Обозрение истории Беларуси с древнейших времен. СПб., 1857.

[3] *Карев Д. В.* Белорусская историография и исторический менталитет белорусов в конце XVIII – 50-е гг. XIX в. // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы Рэсп. навук. канф., 3–4 мая 2002 г. Гродна, 2003. Ч. 4. С. 9–14.

[4] *Lelewel J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Lipsk, 1839.

первое изданием которой вышло в 1839 г. По мнению исследователей, И. Лелевель создал первый научный синтез объединенной и взаимозависимой истории Литвы и Руси, первый обобщающий обзор «литовско-русской» государственности[1]. Автор высказал мнение, что ВКЛ было основным преемником исторического и культурного наследия Киевской Руси. Г. Я. Голенченко отмечал, что «по своей разносторонности, этнической и политической толерантности в освещении самого значительного периода формирования и развития ВКЛ и по своей главной тематике, связавшей Русь и Литву в едином государственно-политическом русле, книга Лелевеля осталась уникальным явлением в польско-литовской историографии»[2]. И действительно, практически все последующие польские и литовские исследователи стремились изучать как отдельные, мало или вовсе не связанные и никак не зависимые между собой политические организмы Киевскую Русь, Литву, Польшу. В качестве примера можно привести практические современные И. Лелевелю работы «История литовского народа» Т. Нарбута[3] и «Образ Литвы с точки зрения цивилизации от древнейших времен до конца XVIII века» И. Ярошевича[4], которые носят открыто пролитовский или пропольский характер.

В российской историографии XIX в. вопросы образования ВКЛ, его политической организации и места в нем белорусских земель рассматривались с точки зрения «теории официальной народности» – государственной идеологии Российской империи, основанной на триединой формуле: «православие, самодержавие, народность». С точки зрения этой идеологии для России исторически справедливым было «возвращение» в лоно империи всех «руских» или православных территорий ВКЛ и Речи Посполитой. Этим оправдывались разделы территории Речи Посполитой и проводимая в том числе и на белорусских землях политика русификации. В отношении ВКЛ основная идея российских историков того времени заключалась в утверждении того, что не Литва, а белорусские земли (земли Западной Руси) стали основой образования ВКЛ и играли в нем решающую роль вплоть до 1385 г. По их утверждению, с подписанием Кревской унии ВКЛ с Польшей население «западнорусских земель» стало ощущать иноземное притеснение и утратило свое первенство в государстве. В этом плане можно отметить работу Н. Г. Устрялова «Русская история», который первым обосновал «теорию официальной народности» в контексте «Западной Руси»[5]. Эта теория нашла также развитие в исследованиях О. В. Турчиновича[6], П. Д. Брянцева[7], И. Н. Малышевского и Н. И. Петрова[8].

---

[1] *Галенчанка Г.* Гістарыяграфія // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 168.

[2] Там же.

[3] *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1835–1841. T. 1–9.

[4] *Jaroszewicz I.* Obraz ditwy pod względem jej oświaty i cywilizacji od czasów najdawniejszych do Końca XVIII w. Wilno, 1844–1845. T. 1–3.

[5] *Устрялов Н. Г.* Русская история. 2-е изд. СПб., 1839. Ч. 1.

[6] *Турчинович О.* Обозрение истории Беларуси с древнейших времен.

[7] *Брянцев П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889.

[8] *Малышевский И. Н., Петров Н. И.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.

Во второй половине XIX – начале XX в. в российской историографии обозначились три, существующих до сегодняшнего дня, концептуальных подхода в трактовке рассматриваемой проблемы: «западнорусизм», либерально-позитивистский, народнический.

Первый из них был представлен в творчестве М. Кояловича, А. Сапунова, П. Брянцева, П. Батюшкова, И. Солоневича[1]. «Западнорусизм» не выдержал научной конкуренции в трактовке истории ВКЛ и Беларуси с либеральными позитивистскими версиями российской университетской профессуры (В. Антонович – в Киеве, А. Пресняков – в Петербурге, М. Любавский – в Москве, И. Лаппо – в Дерпте)[2].

Среди историков дореволюционного поколения исследователей ВКЛ особое место занимает выдающийся русский историк М. К. Любавский. Как отмечали его современники, ученый был одним из крупнейших специалистов в области истории «Литовско-Русского» государства. Истории местного управления был посвящен первый его фундаментальный труд – исследование «областной» жизни ВКЛ[3]. Истории центрального управления посвящена его работа о литовско-русском сойме[4]. Переработка колоссального материала собственных наблюдений и работ предшественников по истории ВКЛ позволила историку в 1910 г. издать завершающую работу синтезного характера, посвященную истории государственности ВКЛ в целом (в 1915 г. монография была издана с незначительными дополнениями). Суть своей концепции «западнорусской» (восточнославянской) истории ВКЛ М. К. Любавский видел в том, что эта история в известном смысле является прямым продолжением истории Киевской Руси. «Говоря вообще – изучение литовско-русской истории является одним из средств к углублению понимания русского исторического процесса в древнейший его период». По мнению М. К. Любавского, изучение этого государства и связанной с ним исторической эпохи необходимо еще и для того, чтобы понять феномен Люблинской унии, а также «суть отличий в развитии Московской Руси и Литвы»[5].

М. К. Любавский считал, что белорусские земли оказались в составе ВКЛ в основном в результате захвата литовскими князьями. Вместе с тем он высказывал мнение, что внутренний строй «завоеванных земель» служил образцом для организации общественной жизни на литовских землях[6].

---

[1] *Карев Д. В., Литвинский А. В.* Западноруссизм в российской историографии XIX – начала XX в. // Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. Гродна, 2004. С. 195–324.

[2] *Карев Д. В.* Великое княжество Литовское (XIV–XVI вв.) в россиикой либеральной историографии конца XIX – нач. XX в. // Наш радавод: зб. арт. Гродна, 1990. Кн. 2. С. 146–160.

[3] *Любавский М. К.* Областное отделение и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.

[4] *Любавский М. К.* Литовско-руский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900.

[5] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. М., 1910. С. 8–9.

[6] Там же. С. 17, 21, 23, 31–36, 40–41, 44–49, 62–65.

К началу XX в. в белорусоведении рождается новое направление историографии Беларуси эпохи ВКЛ – *национальная историография.* Выстраивается концепция исторического прошлого Беларуси и белорусско-российских отношений с позиции этноцентризма (М. В. Довнар-Запольский, В. У. Ластовский, И. И. Луцкевич)[1]. Так, М. В. Довнар-Запольский обращал внимание на значительную роль белорусского этноса в образовании и развитии ВКЛ, рассматривал ВКЛ как государство федеративное, возникшее главным образом в результате договорного объединения территорий[2].

Советская историография истории ВКЛ (1917–1991 гг.) проводила исследования в рамках марксистской методологии. Здесь определяющая роль принадлежала не столько научному, сколько политическому фактору.

Особняком стоят только работы В. У. Ластовского[3], М. В. Довнар-Запольского[4] и В. И. Пичеты[5], вышедшие в период активизации белорусского национально-государственного строительства начала XX в. и белорусизации. Так, В. Ластовский писал о решающей роли в процессах государственного строительства на литовских землях наследников полоцких князей, которые не пожелали подчиняться Киеву. ВКЛ как государство, по его мнению, «сложилось... из белорусских земель», которые мирным путем возглавили литовские князья, сами будучи наследниками полоцких князей.

М. В. Довнар-Запольский в брошюре «Основы государственности Беларуси» писал, что белорусы преобладали в составе ВКЛ количественно и качественно, уже в то время отличались высоким уровнем государственности, имели свою письменность, литературу. Литвины же, по его утверждению, до объединения с «Русью» не имели ни государствуенности, ни письменности, ни торговых отношений. К тому же, по подсчетам М. В. Довнар-Запольского, литовский народ занимал только пятую часть территории ВКЛ[6].

В. И. Пичета в своей «Истории Беларуси» фактически повторил тезис М. В. Довнар-Запольского о том, что распространение власти великих князей литовских на территорию Беларуси стало результатом добровольного признания этими землями верховенства сильной власти, которая могла обеспечить их лучшую защиту[7]. С дальнейшим расширением территории ВКЛ за счет в основном белорусских земель это государство превращается, по мнению В. И. Пичеты, в «Литовско-белорусское княжество» или «Литовско-белорусское государство».

---

[1] *Караў Д. У.* Даследчык гісторыі ўсходнеславянскіх народаў (М. В. Доўнар-Запольскі: старонкі жыцця і творчая спадчына) // М. В. Доўнар-Запольскі. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 5–27.

[2] *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. С. 35–37, 87.

[3] *Ластоўскі В. Ю. (Власт).* Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910.

[4] *Доўнар-Запольскі М. В.* Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Вільна, 1919.

[5] *Пичета В. И.* История белорусского народа. Курс белоруссоведения: лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М., 1918–1920; *Пічэта У.* Гісторыя Беларусі. М.; Л., 1924. Ч. I.

[6] *Доўнар-Запольскі М. В.* Асновы дзяржаўнасці Беларусі. С. 5–6.

[7] *Пічэта У.* Гісторыя Беларусі. Ч. I. С. 77.

Наиболее сложными для современных белорусских исследователей истории Великого Княжества Литовского являются вопросы политической истории. На первое место здесь выходила и выходит проблема исследования процессов образования ВКЛ. Похоже на то, что эта тема и до сегодняшнего дня является наиболее дискуссионной в белорусской историографии. До 1990-х гг. белорусские историки фактически пользовались схемой образования Великого Княжества Литовского (признавая ее или не признавая), предложенной из Москвы, которая была концентрированно изложена в работе В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства»[1]. Основные тезисы В. Т. Пашуто: территория летописной Литвы практически совпадала с территорией Литовской ССР, именно там сложилось сильное государство литовцев, которое постепенно подчинило себе значительную часть истощенных борьбой с монголо-татарами и крестоносцами восточнославянских земель.

Именно эта версия (гораздо больше, чем исследования польских или литовских историков), на наш взгляд, повлияла и на концепции современных белорусских исследователей генезиса Великого Княжества Литовского.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. интерес к истории Великого Княжества Литовского, роли и места в нем белорусов чрезвычайно возросла. Необходимо отметить, что изучению истории ВКЛ как государства и выяснению того, какое место в нем занимали белорусские земли и какая роль отводилась белорусскому этносу, положили работы Н. И. Ермоловича. Еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. он выступил против навязанного советской историографией утверждения, что ВКЛ была чужим для белорусов государством, что они не имели к нему никакого отношения. В работе «Па слядах аднаго міфа»[2] он выступил с критикой концепции образования ВКЛ в результате военных завоеваний литовцев. В работах Н. И. Ермоловича «Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае»[3], «Старажытная Беларусь: Полацкі і Новагародскі перыяды»[4], «Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд»[5] содержится авторская трактовка возникновения и развития ВКЛ именно как белорусского государства.

Некоторые положения, высказанные автором, – спорные, не совсем обоснованы. Его концепция носит во многом гипотетический характер. Критики утверждают, что источниковедческая база исследований Н. И. Ермоловича довольно узкая, почти совсем не учтены наработки польской и литовской историографии. Это так, но Н. И. Ермолович сделал то, что делают и сейчас польские и литовские исследователи: используя имеющийся материал, стараются изложить исторические события с точки зрения интересов своего государства, своего этноса.

В современной белорусской историографии имеются два основных подхода к истории образования Великого Княжества Литовского и места в этом

[1] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
[2] *Ермаловіч М.* Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1989.
[3] *Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск, 2003.
[4] *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь: Полацкі і Новагародскі перыяды. Мінск, 1990.
[5] *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд. Мінск, 1994.

процессе белорусских земель и их населения. Первый представлен в работах В. Л. Носевича[1], второй – в исследованиях А. К. Кравцевича[2]. Главным в концепции В. Л. Носевича является суждение о том, что на ранних стадиях образования Великого Княжества Литовского в государствостроительных процессах преимущество имела литовская политическая элита.

А. К. Кравцевич доказывает, что Великое Княжество Литовское складывалось на основе литовско-белорусского политического (военного и др.) сотрудничества и взаимодействия при подавляющей политической и экономической роли белорусских земель, что образование ВКЛ было обусловлено тесными и невраждебными балто-славянскими контактами, в результате которых появилось *биэтничное государственное образование*. По мнению А. К. Кравцевича, историческим ядром ВКЛ являлось Верхнее и Среднее Понеманье – оно представляло собой межэтническую контактную зону, заселенную смешанным балто-славянским населением. В дальнейшем балто-славянское взаимодействие не прекратилось и в составе нового государства: хотя правящая династия Великого Княжества Литовского имела балтское происхождение, ее представители не выступали против, а наоборот, приняли восточнославянскую систему государственной организации и старобелорусский язык в качестве государственного. По мнению А. К. Кравцевича, Великое Княжество Литовское изначально было *биэтничным балто-восточнославянским государством с доминированием восточнославянского элемента*[3].

В ходе дискуссий 90-х годов XX – начала XXI в. в белорусской историографии ВКЛ коренной концептуальной ревизии были подвергнуты практически все наиболее значимые проблемы истории этой эпохи:

характер государственности на белорусских землях в период средневековья (IX–XV вв.) (М. А. Ткачев, С. В. Тарасов, Г. В. Штыхов, Н. И. Ермолович, М. Ф. Пилипенко, И. А. Марзалюк, А. К. Кравцевич, В. Л. Носевич и др.);

процесс формирования государственности в ВКЛ и роль в этом процессе белорусского фактора (В. Л. Носевич, А. К. Кравцевич, М. А. Ткачев, Г. Я. Голенченко, А. П. Грицкевич, И. А. Юхо, Н. И. Ермолович и др.);

роль военных и внешнеполитических факторов во взаимоотношениях с соседями в XIII–XVIII вв. (Г. Н. Саганович, М. А. Ткачев, А. В. Любый, Н. В. Волков и др.);

роль христианства и христианских конфессий в истории Беларуси эпохи ВКЛ (Г. Я. Голенченко, С. А. Подокшин, Л. С. Иванова, Д. В. Карев, С. В. Морозова, И. В. Саверченко, А. А. Горбацкий и др.);

[1] *Насевіч В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

[2] *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 1998; *Его же.* Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. Ад пачатку гаспадарства да Каралеўства Літвы і Русі (1248–1341 гг.). Гародня; Уроцлаў, 2013; *Его же.* Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. 1248–1377 гг. Гародня; Уроцлаў, 2015.

[3] *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага; *Его же.* Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. Ад пачатку гаспадарства да Каралеўства Літвы і Русі (1248–1341 гг.); *Его же.* Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. 1248–1377 г.

история белорусского шляхетства и дворянства (А. П. Грицкевич, А. И. Шаланда, Д. В. Карев, С. А. Рыбчонок, С. В. Рассадин и др.).

Среди работ, вышедших в Беларуси в конце XX – начале XXI в., где рассматриваются в том числе и вопросы образования и развития Великого Княжества Литовского, в первую очередь необходимо назвать следующие издания:

«Нарысы гісторыі Беларусі»[1]*,* которые вышли в 1994–1995 гг. «Нарысы...» – первое обобщающее издание истории Беларуси после получения страной независимости. Работа создана учеными Института истории Национальной академии наук Беларуси. Здесь впервые в современной белорусской историографии предпринята попытка рассмотреть историю страны в национальном контексте. В частности, поставлены вопросы этногенеза белорусов, предприняты первые попытки изучения истории становления и развития белорусской государственности, национальной культуры. ВКЛ в этой работе выступает как белорусско-литовское государство.

«Энцыклапедыя гісторыі Беларусі»[2] – шеститомное издание, увидело свет в 1993–2003 гг. С новых позиций или впервые здесь отмечены основные вопросы истории Беларуси с древности до начала XXI в. В работе впервые был напечатан специальный многоотраслевой текст о ВКЛ[3]. Впервые в белорусской историографии в официальном издании ВКЛ обозначалось в том числе и как «Белорусско-Литовское государство (господарство)».

«Вялікае княства Літоўскае»[4] – уникальное энциклопедическое издание, в котором использованы как материалы из «Энциклопедии истории Беларуси», так и опубликован ряд новых, специально подготовленных статей по важнейшим проблемам истории ВКЛ.

Значительный авторитет белорусская историческая наука приобрела благодаря созданию и изданию двух исторических атласов: «*Нацыянальнага атласа Беларусі»*[5] *і «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі»* (первые 2 тома атласа охватывают период от первобытного времени на территории Беларуси до третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г.)[6]. Карты «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі» отражают историю не только Беларуси, но и всего восточноевропейского региона.

«Гісторыя Беларусі»: у 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага[7]. Новейшее обобщающее академическое издание по истории Беларуси. Охватывает период с середины XIII в. до Люблинской унии 1569 г. – эпоху образования, развития и самостоятельного существования Великого Княжества Литовского. Рассматриваются экономические, политические, социальные вопросы. Большое внимание уделяется международным отношениям, религиозным процессам, культурному развитию.

---

[1] Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 1.

[2] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1–6.

[3] Вялікае княства Літоўскае // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. С. 327–423.

[4] Вялікае княства Літоўскае. Т. 1–3.

[5] Нацыянальны атлас Беларусі. Мінск, 2002.

[6] Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1, 2.

[7] Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2.

«Гісторыя Беларусі»: У 6 т. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.[1] В томе рассмотрена история Беларуси от Люблинской унии до разделов Речи Посполитой.

Появились интересные работы по геральдике[2], антропологии[3]. Несомненны достижения в исследовании культуры: работы Г. Я. Голенченко[4], А. И. Груши[5], С. Я. Куль-Сельверстовой[6], А. Белого[7] и др.

Те или иные вопросы, связанные с историей белорусской государственности во времена ВКЛ, рассматривались помимо трудов указанных ранее историков в работах А. П. Грицкевича[8], И. А. Марзалюка[9], Г. Н. Сагановича[10], М. А. Ткачева[11],

---

[1] Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3.

[2] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. Мінск, 2013; *Его же.* Таямнічы свет беларускіх гербаў: Шляхецкая геральдыка Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2014.

[3] *Марфина О. В.* История антропологических исследований в Беларуси. Минск, 2015.

[4] *Галенчанка Г. Я.* Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII ст. Мінск, 2008.

[5] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015.

[6] *Куль-Сяльверстава С. Я.* Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII – 1820-я гг.). Мінск, 2000.

[7] *Белы А.* Хроніка Белай Русі: нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000; *Его же.* Хроніка Белай Русі: Імагалогія Беларусі XII–XVIII стст. Смаленск, 2013.

[8] *Грицкевич А. П.* Слуцк: историко-экономический очерк. 2-е изд.; *Его же.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: социально-экономическое исследование городов; *Его же.* Социальная борьба горожан Белоруссии (XVI–XVIII вв.). Минск, 1975; *Его же.* Древний город на Случи. Минск, 1985; *Грыцкевіч А. П.* Рэлігійнае пытанне і знешняя палітыка царызму перад падзеламі Рэчы Паспалітай // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. 1973. № 6; *Грицкевич А. П.* Историография истории православной церкви в Белоруссии (XIV – середина XVI века) // Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976; *Грыцкевіч А. П.* З гісторыі паселішчаў татар у Беларусі // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. 1981. № 6; *Грицкевич А. П.* Формирование феодального сословия в Великом княжестве Литовском и его правовые основы (XV–XVI) // Первый Литовский статут 1529 г.: материалы респ. науч. конф. Вильнюс, 1982; *Грыцкевіч А. П.* Задачы беларускай генеалогіі // Наш радавод: зб. арт. Гродна, 1990. Кн. 1.

[9] *Марзалюк І. А.* Магілёў у XII–XVIII стст.: Людзі і рэчы. Мінск, 1998; *Его же.* Гісторыя рэлігіі Беларусі (X–XVIII стст.). Магілёў, 1998; *Его же.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў, 2003; *Его же.* Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII стст.: этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан. Магілёў, 2007; *Его же.* Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў, 2009.

[10] *Сагановіч Г. М.* Айчыну сваю баронячы: Канстанцін Астрожскі. Мінск, 1992; *Его же.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Мінск, 1994; *Его же.* Невядомая вайна 1654–1667. Мінск, 1995; *Его же.* Немцы ў Полацку часоў Францыска Скарыны // Беларусіка=Albaruthenica. Мінск, 1998. Кн. 9; *Его же.* Царкоўная вунія 1596 г. і пытанне нацыянальнай тоеснасці беларусаў у XVIII ст. // Наш радавод: зб. арт. Гродна, 1996. Кн. 7; *Сагановіч Г. М., Арлоў У. А.* Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862–1918). Вільня, 1999; *Сагановіч Г. М.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мінск, 2001; *Его же.* Грунвальд у беларускай гісторыі: Спроба разбору палітычнага міфа. Мінск, 2015.

[11] *Ткачёв М. А.* Замки Белоруссии. Минск, 1977; *Ткачоў М. А.* Замкі і людзі. Мінск, 1991.

С. В. Тарасова[1], М. Ф. Пилипенко[2], Г. В. Штыхова[3], О. Ю. Латышонка[4], Г. Н. Семенчука и А. И. Шаланды[5].

Необходимо отметить, что в последние годы защищен целый ряд кандидатских диссертаций, в которых рассматриваются важные проблемы по истории Беларуси во времена ВКЛ и по истории Великого Княжества Литовского в целом[6].

В заключение следует отметить, что при всем разнообразии историографических версий и трактовок истории ВКЛ ни один серьезный исследователь XIX–XX вв., за исключением советского периода истории (30-х – начала 80-х годов XX в.) не отрицал наличие основательных традиций государственности у белорусов в XIII–XVIII вв. Общепринятый тезис советской историографии об якобы отсутствии у белорусов этих традиций до 1918 г. является широко распространенным политизированным мифом.

---

[1] *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія. Мінск, 1998; *Его же.* Старажытны Полацк: балканскі след // Беларус. гіст. часопіс. 2012. № 5. С. 9–19; *Его же.* Чарадзей сёмага веку Траяна. Мінск, 1991.

[2] *Пилипенко М. Ф.* Этнография Беларуси. Минск, 1981; *Его же.* Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск, 1991.

[3] *Штыхаў Г. В.* Галасы далёкіх продкаў. Мінск, 1968; *Его же.* Ажываюць сівыя стагоддзі. Мінск, 1974; *Штыхов Г. В.* Города Белоруссии по летописям и раскопкам (IX–XIII вв.). Минск, 1975; *Его же.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск, 1975; *Его же.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978; *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі; *Его же.* Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі. Мінск, 1999; *Его же.* Узнікненне Лагойска: гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск, 2015.

[4] *Латышонак А.* Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // Спадчына. 1992. № 1. С. 9–14; *Его же.* Дзяржаўныя карані Рэспублікі Беларусь // Гістарычны Альманах. 2002. № 7. С. 60–64; *Łatyszonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów. Białystok, 2006; *Латышонак А.* Нацыянальнасьць – Беларус. Беласток; Вільня, 2009.

[5] *Семянчук Г., Шаланда А.* Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 11. S. 18–44.

[6] *Груша А. І.* Канцылярыя ВКЛ 40-х гадоў XV – сярэдзіны XVI ст. Мінск, 2001; *Доўнар А. Б.* Сацыяльна-эканамічнае становішча сялян-слуг у прыватных і дзяржаўных уладаннях Беларусі ў XVI–XVIII стст. Мінск, 2005; *Кітурка І. Ф.* Сацыяльна-эканамічныя крызісы і палітыка гаспадарчага аднаўлення і развіцця ў дзяржаўных уладаннях Беларусі ў другой палове XVII – XVIII ст. Мінск, 2002; *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці з рускіх зямель у ВКЛ (сярэдзіна XV – 30-я гг. XVI ст.): сацыяльна-палітычны аспект. Мінск, 2009; *Кананович У. І.* Дыпламатыя Вялікага княства Літоўскага ў 1480 – першай чвэрці XVI ст. (Адносіны з Вялікім княствам Маскоўскім і Крымскім ханствам). Мінск, 1997; *Лісейчыкаў Д. В.* Штодзённае жыццё ўніяцкага святарства літоўска-беларускіх зямель (1720–1839 гг.). Мінск, 2009; *Любы А. У.* Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім Княстве Літоўскім у 30–40-ыя гг. XV ст. Мінск, 2006; *Мацук А. У.* Барацьба магнацкіх груповак на беларускіх землях ВКЛ за палітычнае вяршэнства (1717–1763 гг.). Мінск, 2005; *Сидоренко Б. И.* Земли Восточной Беларуси во внешней политике Великого княжества Литовского и Московского княжества в 1500–1537 годах. Минск, 2005; *Скеп'ян А. А.* Шляхецкае мецэнацтва ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI – першай палове XVII ст. Мінск, 2000; *Скеп'ян Н. А.* Інстытут канцлерства ў дзяржаўна-палітычным жыцці Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV – першай палове XVI ст. Мінск, 2007; *Сцебурака А. М.* Развіццё адукацыі ў Беларусі ў другой палове XVI – першай палове XVII ст.: этнаграфічны і сацыяльны аспект. Мінск, 2011; *Якубаў В. У.* Інфлянты ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст. Мінск, 2013 и др.

Письменные источники по истории ВКЛ обычно разделяют на документальные (акты и грамоты, законодательные документы, материалы текущего делопроизводства, частная переписка) и повествовательные (хроники, летописи, жития и др.).

Основным видом источников, позволяющих реставрировать ход государствостроительных процессов на белорусских землях, зарождение и политическое развитие ВКЛ в XIII–XVI вв., являются *летописи и хроники.* Так как оригинальные тексты белорусских летописей XIII–XIV вв. не дошли до нашего времени, для изучения раннего периода истории ВКЛ исследователи используют в основном материалы галицко-волынских, владимиро-суздальских, новгородских и псковских летописей[1].

Большинство этих летописей опубликовано в серии «Полное собрание русских летописей». Белорусско-литовские летописи вошли в основном в состав 17-го (Супрасльская, Евреиновская, Уваровская, графа Рачинского, Румянцевская, Русского Археологического Общества, Быховца летописи)[2], 32-го (Хроники Литовская и Жемойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцирного)[3], 35-го (Никифоровская, Супрасльская, Виленская, Археологического Общества, Академическая, Волынская краткая, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреиновская, Origo regis Jagyelo et Wytholdi Ducum Lithuanie, Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого)[4].

В белорусско-литовских летописных сводах XV–XVI вв. («Летописец великих князей литовских», «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского») нашли свое отражение некоторые вопросы политической истории ВКЛ на первоначальном этапе возникновения и развития нового государства.

Сведения о внутри- и внешнеполитической деятельности ВКЛ, отношениях с соседями, личностях правителей и других представителей правящих родов можно найти в орденских хрониках (Хроника Ливонии Генриха Латвийского, Хроника Петра из Дюсбурга и др.).

Фрагментарные сведения о системе государственной организации, традициях, нормах и правилах политической жизни и поведения в быту, историко-географических и общественно-политических особенностях развития отдельных городов и регионов ВКЛ можно почерпнуть из воспоминаний шляхты, записок иностранцев, проезжавших через территорию ВКЛ и др.

Для изучения истории государственности ВКЛ и Беларуси в его составе важнейшим источниковым комплексом являются документы государственного архива – *Метрики Великого княжества Литовского* XV–XVIII вв. Здесь сохранились копии документов, издаваемых от имени великого князя, рады, соймов, материалы дипломатического характера и и др.

---

[1] *Галенчанка Г.* Крыніцы гісторыі // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 157–159; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания.

[2] ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. XIV, 651 стб.

[3] Там же. Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / сост. и ред. тома Н. Н. Улащик. М., 1975. 233, [1] с., [4] л.

[4] Там же. Т. 35: Летописи белорусско-литовские / сост. и ред. Н. Н. Улащик. М., 1980. 305, [1] с., [4] л.

Важными источниками по истории государственности являются законодательные акты. Среди них выделяются *Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг.*, в которых оговорены основные принципы организации и функционирования государственной власти в стране. Выработку основных принципов внутренней организации государственной власти можно рассмотреть при анализе содержания великокняжеских грамот и привилеев отдельным регионам страны (*общеземские привилеи, грамоты* и др.).

В *Уставах* отдельным волостям и землям (например, Мозырской и Могилевской волостям), населению Поднепровских волостей, державцам и великокняжеским наместникам в этих волостях, большинство из которых датируется XVI в., можно проследить основные подходы к организации управления на общегосударственном и местном уровнях, характер отношений между властью и населением.

Организацию политической и социально-экономической жизни ВКЛ можно изучать, используя сведения, содержащиеся в «Уставе на волоки» от 1 апреля 1557 г., грамотах городам на магдебургское право, материалах текущего делопроизводства, судебных делах различных инстанций.

При изучении вопросов политической жизни значительный интерес представляет корреспонденция (переписка) высших должностных лиц государства, шляхты. Важными являются и документы экономического характера: соймовые постановления, поборовые реестры и др. Большинство из них опубликовано в своде законодательных актов и постановлений соймов ВКЛ и Речи Посполитой, известном как «Volumina Legum».

Таким образом, имеется широкая база письменных источников, позволяющая проводить исследования по истории белорусской государственности в XIII–XVIII вв.

Глава 2

Исторические условия и предпосылки зарождения государственности

2 ГЛАВА

На ранних этапах развития человеческое общество и природа были тесно взаимосвязаны. И эта зависимость остается неотъемлемой частью развития социальных отношений вплоть до наших дней. Проблемой ойкуменизации любой территории является установление причинно-следственных связей между природой (экологическая подсистема) и обществом (социальная подсистема). В результате их взаимодействия формируется экосоциальная система. Поэтому развитие первобытного общества не может быть рассмотрено отдельно от природных процессов, имеющих место на протяжении указанного периода. В данном разделе мы придерживаемся именно такой концепции рассмотрения основных хронологических периодов каменного, а также бронзового и железного веков.

Каменный век (палеолит, мезолит и неолит) – самый продолжительный период в истории человечества (от 2,8–2,6 млн лет назад до рубежа 3–2 тыс. лет до н. э.)[1]. Ученые доказали, что природа и климат на протяжении каменного века играли ключевую роль в освоении территории страны, наложили свой отпечаток на развитие материальной и духовной культуры древних сообществ с момента появления следов первых людей на территории Беларуси до первых государственных образований.

[1] В раннем палеолите, около 2,0–1,8 млн лет назад, человек выходит за пределы Африки. Это были архантропы, среди которых Homo erectus (Человек прямоходящий) и Homo ergaster (Человек работающий). Оставив тропические широты, люди двинулись на север и появились прежде всего в Закавказье. Свидетельства присутствия людей того времени в Восточной Европе не найдены.

Следы человека на территории Европы зафиксированы около 1 млн лет назад. Одним из первых европейцев был Homo antecessor – Человек-предшественник, отдельный европейский вид сродни африканскому Homo erectus. Он, по мнению большинства ученых, был предшественником гельдельбергского человека и, вероятно, общим предком неандертальца и человека разумного – кроманьонца. На процесс дальнейшего расширения ареала и освоения людьми всего пространства Европы сильно влияли природные условия начавшегося в северном полушарии ледникового периода.

Значительно позже, в интервале 400–300 тыс. лет назад, человек сумел продвинуться в низовья Дона и на Северский Донец, преодолев значительные пространства, вероятно, во время одного из межледниковых периодов. Возможно, именно тогда, в александрийское (лихвинское) межледниковье, человек мог попасть и на территорию Беларуси, но следы его деятельности были уничтожены последующими оледенениями, в частности, припятским, перекрывавшим всю ее территорию.

Для антропогенового периода (anthropos/человек + genos/рождение) характерны частые похолодания климата и многократные материковые оледенения. На территорию Беларуси со Скандинавского полуострова 5 раз надвигались ледники и полностью или частично покрывали ее поверхность. Выделяют белорусское, березинское, днепровское, сожское и поозерское оледенения. Ледниковые эпохи периодически сменялись периодами межледниковья, во время которых формировались почвы, территория покрывалась сосновыми и мелколиственными лесами, а в периоды потепления – и широколиственными.

До настоящего времени вопросы о происхождении, исторической судьбе, этнической принадлежности носителей культур каменного, бронзового и железного веков во многом являются предметом дискуссий. В значительной степени они обусловлены состоянием археологических источников и разными методическими подходами в работе с ними.

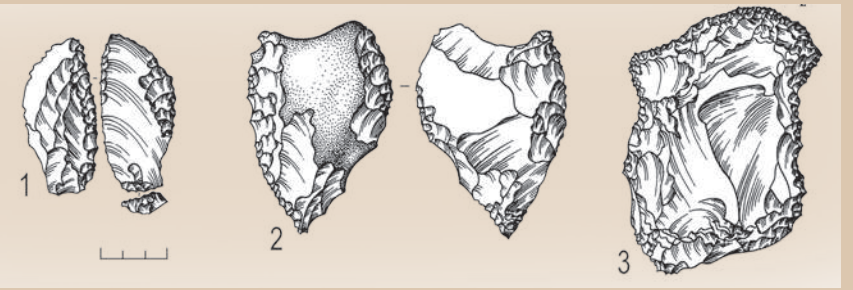
Тем не менее благодаря ряду социально-экономических преобразований (демографический рост населения и, как следствие, увеличение числа поселений и их размеров; интенсификация земледелия и животноводства, что привело к появлению излишков; выделение и рост ремесла и торговли; распад родовой общины и превращение ее в соседскую (территориальную), социально-имущественное расслоение общества) и военно-политических предпосылок (конфликты между племенными союзами, постоянная внешняя опасность, что послужило причиной выделения дружины и возникновения потребности в сильной центральной власти) в конце 1-го тыс. н. э. на восточноевропейских землях, в том числе и на территории современной Беларуси, были созданы все условия для формирования государственности.

2.1. ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОБЫТНОЕ ВРЕМЯ

Палеолит. Около 300 тыс. лет назад на авансцену истории вышел неандерталец, создатель мустьерской культуры. Он начал осваивать территорию Восточно-Европейской равнины. Рейды мустьерских охотников, очевидно, проходили и по территории Беларуси в долинах Днепра, Сожа и их притоков.

Достоверные свидетельства о первоначальном заселении территории Юго-Восточной Беларуси относятся только к среднему палеолиту (100–40 тыс. лет назад), о чем свидетельствуют находки орудий этого времени в Бердыже, около Светилович Ветковского р-на (остроконечник), Подлужье Чечерского р-на (скребло-нож), Обидовичи Быховского р-на (скребло), что позволяет предположить восточный путь расселения человека в пределах Беларуси. Эти находки были сделаны П. Н. Чайковским, К. М. Поликарповичем и Л. Д. Поболем[1].

[1] *Поликарпович К. М.* Первая находка мустьерской эпохи в БССР // Советская археология. М., 1937. № 3; *Его же.* Палеолит Верхнего Поднепровья. С. 22; *Побаль Л. Д.* З рабочага сшытка археолага // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1971. № 3.



Мустьерские кремневые изделия с территории Беларуси:
1 – Светиловичи (остроконечник), сборы П. Чайковского;
2 – Подлужье (скребло-нож), сборы К. Поликарповича;
3 – Обидовичи (скребло), сборы Л. Поболя и Я. Бибикова

Единичные находки мустьерского облика возле г. п. Логишина в центре Полесья (сборы В. Ф. Исаенко) допускают и западное направление расселения. Этап освоения территории Беларуси неандертальцами считается гипотетическим, так как все находки единичны, определены типологически, не имеют геологических привязок и сопровождающей органики. В целом неандертальцы уже умели добывать огонь и строить жилища, занимались охотой и собирательством.

Около 40 (35) тыс. лет назад на территории Европы начинается расселение неоантропов, или людей современного физического типа, – *Homo sapiens* (*Гомо сапиенс*), или *«Человека разумного»*. Их культура, образ жизни, уровень хозяйства и общественных отношений резко отличались от проживавших здесь неандертальцев. Ранняя форма человека современного типа получила название *«кроманьонец»*. Это были люди высокого роста с гармоничными пропорциями тела так называемого грацильного типа. Заметны были изменения и в строении черепа. По сравнению с неандертальцем череп *Homo sapiens* характеризовался более высоким лбом с едва заметными надбровными дугами, выраженным подбородком, развитыми теменными долями мозга.

В период последнего поозерского оледенения в приледниковой зоне на берегах рек Припять и Сож в современной Гомельской области небольшие группы людей (охотников на мамонтов) основывали свои поселения. Эти охотники-собиратели владели навыками изготовления орудий труда, ассортимент которых постоянно расширялся, при этом главным сырьем оставался кремень, но широко использовались кость, дерево. Основными занятиями оставались охота и собирательство, люди использовали огонь, шили одежду и обувь из шкур и меха животных, строили костно-земляные жилища, осуществляли погребальные обряды и ритуальные действия, изготавливали изделия мелкой пласти-

Кремневые орудия труда с Бердыжской позднепалеолитической стоянки. Раскопки К. М. Поликарповича

Раскопки Юровичской позднепалеолитической стоянки. Голова мамонта. Раскопки Е. Г. Калечиц

ки и другие предметы искусства, известны музыкальные инструменты того времени.

Пребывание кроманьонцев на территории Беларуси в позднем палеолите надежно обосновано наличием нескольких памятников, самый ранний из которых имеет возраст около 27 тыс. лет – поселение у д. Юровичи Калинковичского р-на на р. Припять[1] и Бердыжская стоянка в Чечерском р-не на Соже, датированая около 24 тыс. лет назад (костенковско-авдеевская культура)[2]. На стоянках учеными обнаружены уникальные палеолитические кремневые изделия и большое количество костей приледниковой фауны, в том числе зубы, бивни и даже целый череп мамонта.

В очень сложных условиях тундры первые жители с территории Беларуси умели изготавливать разнообразный кремневый и костяной инвентарь, строить долговременные жилища (круглой или овальной формы) из крупных костей мамонта. Охота на животных (мамонт, шерстистый носорог, северный олень, медведь, зубр и др.) и организация проживания в приледниковых условиях требовали совместной работы многих людей. В это время формировалась и укреплялась родовая община, зарождаются разнообразные формы первобытного искусства, формируются религиозные представления, о чем свидетельствуют

[1] *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья; *Калечиц Е. Г., Мотузко А. Н., Обуховский В. С.* Юровичская позднепалеолитическая стоянка в свете новых данных // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 25–39.

[2] *Будько В. Д.* Бердыжская верхнепалеалітычная стаянка (Падлужжа 1) // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. Мінск, 1962; *Калечиц Е. Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии; *Калечыц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С.* Палеалітычныя помнікі Беларусі. Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц. Мінск, 2010.

орнаментированные изделия из костей, скульптурка женщины из бивня мамонта (символ плодородия, материнства).

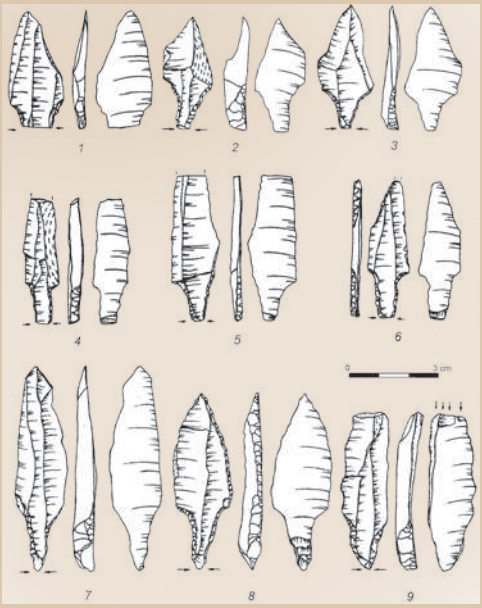
Освоив почти все пространство Восточно-Европейской равнины, человек уже никогда не покидал ее пределы, даже во время максимального похолодания последнего оледенения 24–17 тыс. лет назад. Вместе с тем следов пребывания человека на территории Беларуси во временном интервале 23–14 тыс. лет назад пока не найдено. Причинами этого могут быть несколько факторов, в том числе максимальное похолодание ледникового периода, узкая источниковедческая база и др. Одной из гипотез, которой можно объяснить «безлюдность» в конце позднего палеолита, может быть существование здесь в начале дегляциации последнего ледникового покрова (17–14 тыс. лет назад) больших водоемов, в которых собирались талые воды как на территории соседних Польши и Прибалтики, так и на территории Беларуси. Нельзя исключить, что в это время люди мигрировали на более благоприятные для проживания территории.

Финальный палеолит[1]. Около 15 тыс. лет назад территория Беларуси освободилась от поозерского ледника. У первобытных людей[2] появилась возможность для освоения всех ее просторов. Изменение растительного покрова, вымирание многих животных ледникового периода (мамонтов, шерстистых носорогов) требовали от людей значительной социальной и хозяйственной перестройки, изменения способов ведения охоты, мобильности и подвижности. Главным объектом охоты в это время стал северный олень с широкой сезонной миграцией (весной на север в тундру, осенью на юг в лесотундру) с юго-востока на северо-запад. Наиболее же эффективным оружием кроме копий и гарпунов становятся лук и стрелы с кремневыми наконечниками. Рубеж между поздним и финальным палеолитом (14 тыс. лет назад) отмечен интенсивно нарастающим заселением территории Беларуси, которое началось с Западного Полесья. Уже 13 тыс. лет назад возникли поселения носителей гамбургской культуры, ареал которой включал обширную территорию Северо-Западной Европы[3]. На смену гамбургскому населению, а иногда сосуществуя рядом, появлялись представи-

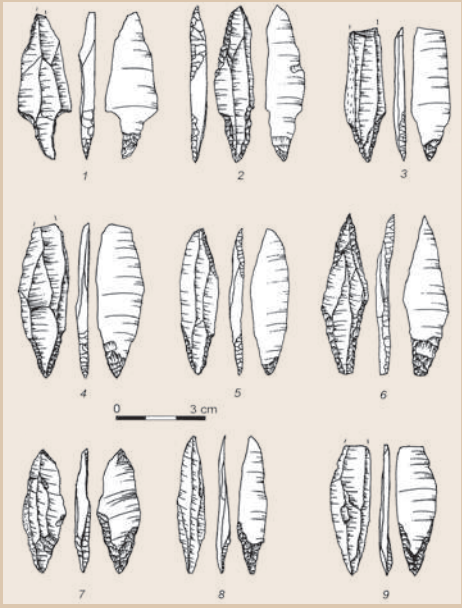
[1] *Калечиц Е. Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии; *Калечыц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С.* Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц).

[2] *Саливон И. И., Марфина О. В.* Физический тип древнего населения Беларуси; *Давыденко О., Кушнеревич Е.* Гаплогруппы Y-хромосом и происхождение национального генофонда. С. 12–15. На территории Беларуси останки первых людей не выявлены. Можно лишь предполагать, что к суровым условиям приледниковья при слабо развитых средствах защиты от холода, с примитивными орудиями охоты выжить и оставить жизнеспособное потомство могли только физически крепкие люди в сплоченных коллективах. В ряду поколений сохранялись те индивидуумы, физический тип и функциональные показатели организма которых лучше всего соответствовали определенным экологическим условиям места обитания, т. е. были адаптированы к ним. Адаптивные свойства закреплялись в генофонде популяций, многие поколения которых жили в своеобразных экологических условиях. Согласно исследованиям генетиков, среди коренных жителей на территории Беларуси прослеживается генетически детерминированная преемственность в поколениях основных биологических характеристик от самых древних предков.

[3] Финальный палеолит еще называют «веком северного оленя», потому что это животное было основным объектом охоты представителей перечисленных культур.



Кремневые наконечники стрел с финальнопалеолитической стоянки Мотоль 17 Ивановского р-на Брестской обл. (волкушанская культура)
Рисунок В. С. Обуховского



Кремневые наконечники стрел с финальнопалеолитической стоянки Мотоль 1 Ивановского р-на Брестской обл. (свидерская культура)
Рисунок В. С. Обуховского

тели культур Бромме-Лингби, волкушанской и свидерской, ареал которых постепенно расширялся на всю территорию Беларуси[1].

На обширной территории от Великобритании до верховьев Волги известны памятники культуры Бромме-Лингби. Во времена аллеродского потепления (11,8–10,8 тыс. лет назад) племена этой культуры, двигаясь с запада на восток со стороны Дании, Северной Германии и Южной Швеции, прошли всю территорию Беларуси и остановились на Валдайской возвышенности. Около 20 стоянок этой культуры локализуются в основном на западе Беларуси в верховьях Припяти, бассейнах рек Неман и Западный Буг, а единичные известны на востоке в бассейне Днепра. Ареал волкушанской (красносельской) культуры охватывает междуречье рек Вислы и Днепра. Памятники ее на территории Беларуси известны главным образом в бассейнах рек Неман, Западный Буг и Припять[2].

[1] *Szymczak K.* Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995. 191 s.; *Obuchowski W.* Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie; *Его же.* Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi // Swiatowit. Warszawa, 2009. Vol. XVI.

[2] *Szymczak K.* Epoka kamienia Polski polnocno-wschodniej na tle srodkowoeuropejskim; *Залізняк Л. Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. Київ, 2005. Вип. 8.

Наиболее многочисленные памятники финального палеолита относятся к свидерской культуре. Основная их часть сконцентрирована в бассейнах рек Висла, Неман, Припять, верховьев Днепра. За пределом этого ареала свидерские стоянки известны на всех приграничных Беларуси территориях, а также в Словакии и Румынии. Культура сформировалась в конце финального палеолита (10,8–10,2 тыс. лет назад) и существовала в начале мезолита. В Центральной и Восточной Европе известно около 1000 памятников свидерской культуры, 250 из них находятся на территории Беларуси.

Самой ранней финальнопалеолитической культурой востока Беларуси была гренская, корни которой уходят в поздний палеолит Восточно-Европейской равнины. Ее создателей можно считать коренным населением Восточной Беларуси. Однако идентификация материалов этой культуры, генезис и хронология памятников до сих пор вызывают дискуссию. В финальном палеолите ареал культуры охватывал верхнее течение Днепра, бассейны рек Сож и Березина[1].

Носители финальнопалеолитических культур вели сезонно-оседлый образ жизни, подчиненный сезонным миграциям северного оленя. Эти культуры различались охотничьим снаряжением, набором орудий труда из кремня, а также кости и дерева. Поселения их с легкими наземными жилищами, частично углубленными в землю, располагались у воды, на возвышенных участках рельефа. Для добычи животных начали использовать дистанционное оружие – лук и стрелы.

Система организации и функционирования социально-хозяйственной жизни коллективов прогрессировала, реагируя на резкие и довольно быстрые перемены природных условий позднеледникового времени в финальном палеолите.

Мезолит. Мезолит традиционно делится на ранний (10,2–8,0 тыс. лет назад) и поздний (8,0–7,0 тыс. лет назад)[2]. В начале мезолита на территории Беларуси продолжали существовать свидерские и гренские поселения, а представители других мезолитических культур сосуществовали с ними. Часть свидерского населения ушла вслед за северным оленем на северо-восток, остальные, по-видимому, постепенно ассимилировались в среде пришельцев. В это время, которое совпадает с началом голоцена (10,2 тыс. лет назад), на равнинах Восточной Европы формируется ландшафтная зональность, близкая современной. Для мезолита Беларуси характерна смена коллективной охоты в открытых ландшафтах индивидуальной охотой в закрытых ландшафтах с помощью лука и стрел на широкий спектр млекопитающих, живущих в лесной зоне. Объектом охоты становится и водоплавающая птица, возрастает роль рыболовства, активного собирательства. В то время, как на Ближнем Востоке земледелие уже стало основой производящего хозяйства, в пределах территории Беларуси сохранялся тип присваивающего хозяйства. Некоторые исследователи объясняют это быстрым продвижением лесного пояса на территорию Восточно-Европейской равнины уже в начале голоцена.

[1] *Копытин В. Ф.* Финальный палеолит Верхнего Поднепровья как историческая эпоха // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2005. № 20. С. 5–15; *Его же.* У истоков гренской культуры. Боровка. С. 135.

[2] Стратиграфические схемы докембрийских и фанерозойских отложений Беларуси: объяснительная записка. Минск, 2010.

В начале мезолита в результате потепления климата освободившаяся от ледникового покрова территория быстро осваивается. Обитаемая Ойкумена значительно расширилась за счет заселения северо-запада Восточной Европы, включая Беларусь, чему в значительной мере способствовала микролитизация инвентаря и распространение вкладышевой техники. Благодаря этому были легко освоены территории, малообеспеченные кремневым сырьем. Значительно возросла роль такого сырья, как кость и дерево.

Не ясны исторические судьбы гренского населения. Как и свидерские, часть гренских охотников вслед за северным оленем в раннем мезолите мигрировали в Волго-Окский регион, где стали генетической основой формирования иеневской культуры, остальные оказались в бассейне средней Десны, и их культура трансформировалась в песочноровскую, памятники которой выявлены на юго-востоке Беларуси в бассейнах р. Сож и ее притоков[1].

По мнению В. Ф. Копытина[2], население гренской культуры является потомками охотников на мамонтов мезинской культурной общности, проживавшей на берегах Средней Десны 18,0–15,0 тыс. лет назад. Это население вслед за северным оленем начало осваивать Верхнее Поднепровье во время аллередского потепления голоцена. Миграции первобытных охотников шли с юго-востока вверх по течению р. Днепр и ее притокам.

Ареал раннемезолитической кундской культуры занимал всю Восточную Прибалтику, Прионежье, юг Карелии. Стоянки кундской культуры известны и на территории Беларуси в бассейнах рек Западная Двина и Неман в интервале 9,8–8 тыс. лет назад. Отдельные находки в бассейне Припяти определяют крайние южные границы обитания кундского населения. Основу хозяйства кундского населения составляла охота на лесных животных, водоплавающую птицу, рыболовство и собирательство. Известны единичные погребения в ямах по обряду трупоположения. Погребальный инвентарь представлен орудиями труда и оружием из кремня и кости, украшениями из зубов диких животных. Могилы обильно посыпаны охрой[3].

Представители еще одной раннемезолитической бутовской культуры жили в междуречье Волги и Оки (середина 7–4-го тыс. до н. э.), а также по р. Сож и ее притоках. Появление бутовских стоянок объясняется сезонными миграциями населения в конце пребореального времени (9,6–9,2 тыс. лет назад). В Белорусском Посожье известны наземные жилища и жилища-полуземлянки округлой, овальной или четырехугольной формы[4].

---

[1] *Колосов А. В.* Мезолит Белорусского Посожья (культурно-хронологическая интерпретация материалов): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Минск, 2007; *Его же.* Финальный палеолит и мезолит Посожья; *Его же.* Каменный век Беларуси: пособие. Могилев, 2016. С. 64.

[2] *Копытин В. Ф.* У истоков гренской культуры. Боровка. С. 135.

[3] *Янтис К. Л.* Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. 1966. № 126. С. 114–123; *Гурина Н. Н.* Мезолит Латвии и Эстонии // Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989. С. 46–54.

[4] *Кудряшов В. Е., Липницкая О. Л.* К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилевщине // Дняпроўскі край: зб. абл. краязн. канф. Магілёў, 1993. С. 27–29; *Колосов А. В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья.

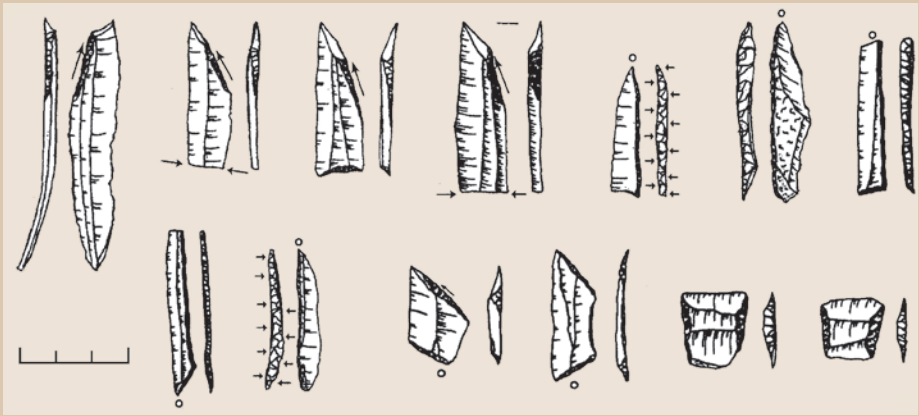
Кремневый инвентарь мезолитической стоянки
у д. Дедня Чаусского р-на Могилевской обл. (бутовская культура):
1–3, 5 – наконечники стрел; *4* – сверло-проколка; *6–7* – ножевидные пластины;
8–9 – нуклеусы; *10–14* – микролиты; *15–16* – скребки. Раскопки А. В. Колосова

В 8–6-м тыс. до н. э. на территории Беларуси проживали и племена кудлаевской раннемезолитической культуры: в бассейне р. Припять, занимая все Полесье от р. Западный Буг до р. Десна, в бассейне р. Щара, на правобережье р. Днепр и ее притоков. Ареал кудлаевской культуры с типичными для нее артефактами микролитической индустрии кроме территории Украины и Беларуси включал юг Литвы, территорию Польши, Германии, Англии и южную Скандинавию. Генезис кудлаевской культуры – сложное явление, о котором существуют разные точки зрения. Например, по мнению Л. Л. Зализняка[1], в кудлаевском населении можно видеть потомков традиций федермессер и аренсбурской культуры и предшественников янославицкой культуры.

Янославицкая культура, по мнению специалистов, в пределах территории Беларуси возникла в результате миграций маглемозского населения из Западной Балтики в Полесье. В целом ареал янославицкой культуры охватывает пространство от Центральной Польши до Западной Литвы, Беларуси и северо-запада Украины[2]. Наиболее плотно освоены бассейны рек Западный Буг, Припять, Неман и Верхний Днепр. Хронологические рамки янославицкой культуры укладываются в пределы позднего мезолита (рубеж 7–6-го – начало 4-го тыс. до н. э.), что соответствует первой половине атлантического периода. Янославиц-

[1] *Залізняк Л. Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. С. 73–74.

[2] *Колосов А. В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья. С. 74; *Колосов А. В.* Каменный век Беларуси: пособие; *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977; *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 68–86; *Obuchowski W.* Zabytki krzemienne i kamienne od paleolitu do wczesnej epoki żelaza z terenów Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie; *Его же.* Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi.



Кремневые наконечники стрел с мезолитических памятников Беларуси. Микролиты, острия, трапеции. Рисунок В. С. Обуховского

кие поселения чаще всего были расположены на краю боровой террасы или ее останцах, а также на песчаных возвышенностях среди поймы реки. На отдельных стоянках сохранились остатки очагов, обложенных камнями. Сведения об устройстве жилищ отсутствуют. Предположительно, жилища могли быть легкими наземными или углубленными в грунт конструкциями типа шалаша (чума). На территории Польши известны места захоронений носителей янославицкой культуры. Погребения совершали в ямах по обряду вытянутого трупоположения или сидя (Польша) с сопровождающим инвентарем (орудия труда, оружие из кремня и кости, украшения в виде подвесок из зубов охотничьей дичи). При совершении погребального ритуала отдельные могилы посыпали гематитом (красным железняком). На территории Беларуси определены временные рубежи существования стоянок янославицкой культуры – от 6-го до середины 4-го тыс. до н. э.

С началом мезолита наблюдается неуклонный переход к преимущественно оседлому образу жизни в условиях лесной зоны. Отмечается и расцвет трех основных отраслей присваивающего хозяйства – охоты, собирательства и рыболовства. Потепление обусловило прогрессивные изменения в технологии кремневой и костяной индустрии и во всех сферах хозяйственной, социальной и культурной жизни общества. Широко применяется отжимная техника, техника резцового скола, вкладышевая техника, что делает обработку кремня более доскональной и эффективной. Составными элементами стрел, гарпунов, ножей являются микролиты – ланцетовидные острия, треугольники, трапеции, ромбы, также используются изделия из рога и кости, среди которых выделялись наконечники стрел, кинжалы с пазами для кремневых вставок, гарпуны, крючки, топоры.

Мезолитическое население проживало в жилищах небольших размеров малыми семьями (5–7 человек), объединенных в родовые общины до 25–30 человек. Община имела в общей собственности промысловую территорию площадью до 25 км^2, на которой находились источники сырья и достаточное количество промысловых видов животных, объектов собирательства и рыболовства[1].

Финал эпохи мезолита на территории Европы совпал с кризисом охотничьего хозяйства, вызванным сокращением поголовья промысловых животных, увеличением численности оседлого мезолитического населения. В результате в лесной полосе отмечается переход к рыболовству, ставшему одним из основных видов промысла на протяжении следующей неолитической эпохи. В 5–4-м тыс. до н. э. сообщества лесных охотников-собирателей-рыболовов испытывали сильное воздействие со стороны неолитических племен Центральной Европы. Итогом этого влияния стало распространение керамической посуды в культурах лесной полосы Восточной Европы и начало новой и заключительной эпохи каменного века – неолита.

Неолит. Для неолита характерны развитие земледелия, животноводства или производящих форм хозяйства, появление керамической посуды[2], шлифованых и сверленых орудий труда, а значит, радикальные изменения в хозяйстве, материальной и духовной культуре. Неолит Беларуси (5-е тыс. до н. э. – первая четверть 2-го тыс. до н. э.), как и в других странах, большинством исследователей рассматривается как время «неолитической революции». Вместе с тем понятие «неолитическая революция» является условным. Процесс перехода к производящему хозяйству в разных уголках древней Ойкумены протекал неравномерно. Керамика раньше всего появляется на севере Европы, совершенствуется орудийная деятельность.

Появление земледелия и скотоводства на территории Беларуси происходило под влиянием импульсов извне, связанных с теми культурами, истоки которых уходят в древнейшие центры производящего хозяйства, расположенные в Передней Азии, Юго-Восточной и Центральной Европе. Население неолитических культур Беларуси испытывало влияние со стороны своих соседей: населения культур линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков, буго-днестровской и верхневолжской в начале неолита, а также культур гребенчато-ямочной керамики, шаровидных амфор, круга культур шнуровой керамики, среднеднепровской в позднем неолите.

На территории Беларуси неолит приходится на две последние фазы атлантического периода – *атлантик-2* (6,6–6 тыс. лет назад) и *атлантик-3* (6–5 тыс. лет назад) и начало *суббореального периода (суббореал-1*–5–4,2 тыс. лет назад).

---

[1] *Колосов А. В.* Каменный век Беларуси: пособие. С. 59–61.

[2] Производство керамики (с греч. – глина) началось в 8–6-м тыс. до н. э. в Передней Азии, на Ближнем Востоке и Индонезии. Начиная с 5-го тыс. до н. э. первые лепные глиняные сосуды с растительными (органическими) примесями начали использовать и на территории Беларуси. Древняя керамика несет наиболее полную хронологическую, территориальную, культурно-археологическую информацию. Типы, формы, орнаментация гляняных изделий являются основными определяющими признаками той или иной археологической культуры, а иногда и этнической принадлежности.

Современный вид стоянки каменного века на р. Дитва около д. Доржи Лидского р-на Гродненской обл. Фото В. Л. Лакизы

На фоне колебаний климата менялся уровень воды в реках и озерах. В начале атлантического периода, когда на территории Беларуси проживали группы охотников и собирателей позднего мезолита, уровень воды был низким. Но в середине периода (атлантик-2) и в начале суббореала в реках и озерах происходит резкий подъем воды. Многие неолитические поселения, расположенные на низких берегах, впоследствии оказались затопленными.

Большая часть неолитических поселений на территории Беларуси располагалась рядом с водоемами – на берегах рек, озер и заток, т. е. там, где можно было получать и использовать природные (биологические) ресурсы в готовом виде. Основными занятиями неолитического населения по-прежнему оставались охота, собирательство и особенно рыболовство, которое с этого времени стало занимать одно из важнейших мест в жизни первобытного населения. О присваивающем характере экономики неолитических племен свидетельствуют находки орудий труда и охотничьего оружия из кремня (камня), кости и рога, рыболовных снастей, продуктов собирательства, остеологический материал.

Признаки появления производящего хозяйства на территории Беларуси отмечаются уже в ранний период эпохи неолита по пыльце окультуренных злаков (пшеница, ячмень, конопля) и сорных растений – гречиха, горец, верблюдка и др., обнаруженных на юго-западе Белорусского Полесья. Возраст образцов соответствует 7 тыс. лет.

Появление земледелия в южных районах Беларуси стало результатом влияния земледельческо-скотоводческих племен, проживавших на сопредельных территориях, – культуры линейно-ленточной керамики, культуры воронковидных кубков. Оказавшись в зоне широколиственных лесов, они перешли к подсечно-огневому земледелию, что способствовало процессу распространения земледельческой культуры в зоне лесов.

Уже около 6,6–6 тыс. лет назад навыки ведения земледельческого хозяйства достигают центральных районов Беларуси. В частности, пыльца пшеницы была

обнаружена в культурном слое стоянки Заценье нарвской культуры в Логойском р-не Минской обл.

Количество пыльцы культурных злаков в палинологических спектрах возрастает к концу атлантического и началу суббореального периодов, т. е. к позднему неолиту. Кроме южных и западных районов пыльца пшеницы фиксируется на севере страны. Присутствие в отложениях частиц угля, пыльцы кустарниковых растений позволяет судить об использовании огня для расчистки мест под посевы.

Присутствие пыльцы пастбищных растений (подорожник, щавель, одуванчик), а также находки костей домашних животных на некоторых стоянках Припятского Полесья, Поднепровья и Подвинья в середине – конце атлантического периода свидетельствует о распространении среди неолитических племен скотоводства. Домашнее стадо состояло из коз, овец, крупного рогатого скота, свиней и лошадей.

Признаки производящего хозяйства на территории Беларуси отчетливо обозначаются только к концу неолита. Косвенно этот факт подтверждают и данные археологии (широкое распространение на поздненеолитических стоянках рубящих орудий, появление серпов и серповидных ножей, мотыг, зернотерок). Распространение производящего хозяйства было связано с появлением на территории Беларуси в 3-м тыс. до н. э. скотоводческо-земледельческого населения культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики. Однако основу жизни местных неолитических племен все же составляли присваивающие формы хозяйства.

На территории Беларуси в неолите проживало население днепро-донецкой, припятско-неманской, неманской, верхнеднепровской, нарвенской и усвятской культур, культуры гребенчато-ямочной керамики, культуры шаровидных амфор, круга культуры шнуровой керамики[1].

В состав *днепро-донецкой культуры (этнокультурной общности)*[2] сегодня включают целый ряд локальных вариантов, или близкородственных культур, население которых в конце 6-го – начале 2-го тыс. до н. э. проживало на территории от Северского Донца на юге до Восточного Полесья на севере. На территории Беларуси памятники этого культурного явления охватывают нижнее и среднее течения Припяти, низовья Березины, правобережье Днепра (до устья Припяти) и выделены в отдельный восточнополесский локальный вариант (культуру).

Поселения этой культуры располагались на речных террасах или дюнных всхолмлениях, вблизи рек, заток, озер старинного типа.

В середине – конце 5-го – первой половине 4-го тыс. до н. э. культура сохраняет мезолитические черты в изготовлении орудий труда. Только с середины 4-го тыс. до н. э. наблюдается появление неолитических типов орудий, форма которых задана путем двухсторонней обработки.

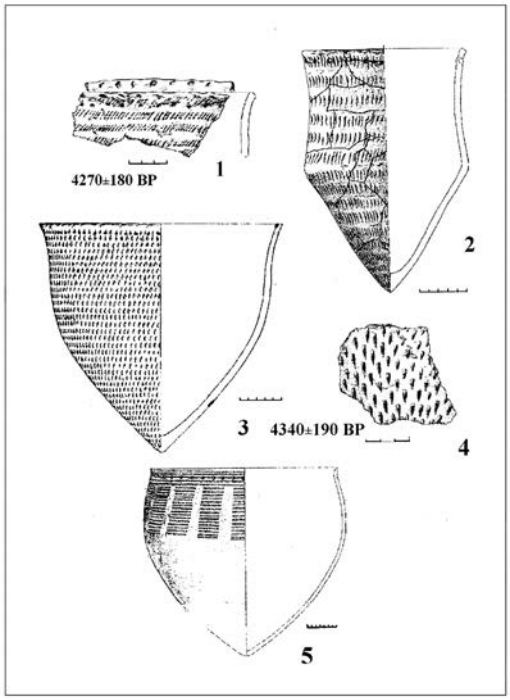
Во второй половине 4-го – середине 3-го тыс. до н. э. формируются основные черты *восточнополесского локального варианта (культуры)* днепро-донец-

[1] Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1; Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1.

[2] *Язэпенка І. М.* Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра.

кой культуры. Уменьшается количество орудий из пластин, а также черешковых наконечников стрел, трапеций, микропластин с затупленным краем. В качестве заготовки для орудий труда используются отщепы. Распространяются изделия из кремня с двухсторонней обработкой – листовидные и ромбовидные наконечники стрел, топоры и их заготовки, тесла, долота. При этом количество рубящих орудий постепенно увеличивается.

В керамических изделиях заметно уменьшается толщина стенок сосудов – в формовочную массу стали добавлять дресву и шамот. В ее орнаментации распространение получают гребенчато-накольчатые мотивы. Элементами орнамента (пояса из оттисков гребенки, многочисленных наколов и насечек, прочерченных линий) зонирована две трети поверхности горшков[1].



Формы лепных сосудов днепро-донецкой неолитической культуры: *1*, *2*, *4* – поселение Прорва *2*; *3*, *5* – поселение Сосонка. Раскопки и реконструкция И. Н. Езепенко

Техника обработки кремня окончательно приобретает неолитические черты в конце существования культуры (вторая половина 3-го – начало 2-го тыс. до н. э.). Увеличивается ассортимент орудий, изготовленных преимущественно из отщепов (треугольные наконечники стрел и дротиков с двухсторонней обработкой). К орудиям рубяще-долбящего назначения относятся топоры, тесла, долота. Разнообразна морфология сосудов. Наиболее характерны остродонные горшки.

Размеры жилищ в среднем достигали 10–12 м². Хотя на поселении Юровичи 3 в Калинковичском р-не остатки прямоугольного жилища имели площадь до 36 м². Наземные или слегка углубленные в грунт постройки были овальной и прямоугольной формы, ориентированы входом на юг. Внутри постройки или рядом с ней располагался очаг, обложенный камнями.

Основу жизни днепро-донецкого населения составляли охота, рыболовство и собирательство. На поздних этапах развития культуры было освоено скотоводство и земледелие, о чем свидетельствуют находки соответствующих орудий

[1] *Езепенко И. Н.* Новые результаты исследований днепро-донецкой культуры в междуречье Березины и Днепра // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18: Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў (Да юбілеяў У. Ф. Ісаенкі і М. М. Чарняўскага). Мінск, 2010. Рис. 2.

труда (кремневые серпы, вкладыши от них, серповидные ножи), присутствие в культурном слое стоянок зерен и пыльцы злаков, их отпечатков на стенках сосудов, костей домашних животных. Однако в Восточном Полесье присваивающие формы хозяйства сохраняли свои устойчивые позиции вплоть до конца существования культуры.

В материалах днепро-донецкой культуры известны остатки захоронений в ямах по обряду трупоположения на спине в коллективных (родовых) усыпальницах. Могилы обильно посыпаны охрой. В могильную яму клали орудия труда и оружие. На костяках сохранились украшения: подвески, бусины из костей и зубов благородного оленя и рыб, пластины из клыков дикого кабана. Встречаются находки перламутровых бусин. Наличие возле могил костей животных и битой керамики свидетельствует о совершении ритуальной тризны. Антропологический тип погребенных в могильниках днепродонецкой культуры (известны на территории Украины) соответствует поздним кроманьонцам – высокорослым людям с широким лицом и долихокранной массивной формой черепа.

Население *припятско-неманской культуры* в период раннего неолита, а в среднем и позднем неолите – *неманской культуры*[1] проживало на западе Беларуси и юге Литвы, в северо-восточных районах Польши и северо-западе Украины (Волынь).

Памятники этих культур расположены в верхнем и среднем течении Немана, верховьев Припяти, Западного Буга (низовья реки), среднем течении Вислы, на краю речных террас, занимают дюнные возвышенности возле рек, озер и заток, иногда приустьевые участки водоемов.

Для производства орудий труда припятско-неманское население использовало местные породы мелового и моренного кремня. Широко распространены черешковые, листовидные наконечники стрел на пластинах, ланцетовидные острия, острия и микрорезцы янославицкого типа, трапеции, вкладыши из сечений пластин, а также орудия из пластин (скребки, резцы, ножи и др.). Встречаются топоры с лезвием, оформленным поперечным сколом, на отдельных стоянках сохранились орудия из кости и рога.

Керамические изделия представлены лепными сосудами с толщиной стенок до и более 1 см, имеющими острое или закругленное дно, выпуклые, в отдельных случаях ребристые бока и зауженную горловину со слабо отогнутыми наружу венчиками. В качестве примесей использовали растительность (иногда с небольшим количеством песка), на стоянках верхней Припяти встречается толченый камень. При орнаментации сосудов под венчиком наносили ряд глу-

[1] *Чарняўскі М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння; *Чернявский М. М.* Каменный и бронзовый века Понеманья и Подвинья // Белорусская археология: Достижения археологов за годы советской власти. Минск, 1987. С. 37–47; *Чарняўскі М. М.* Ілюстраваная гісторыя старажытнай Беларусі; Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1. С. 31–35; Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1; *Его же.* Неаліт Беларусі: праблемы перыядызацыі і храналогіі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. С. 99–116; *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья; *Юрэцкі С. С.* Кераміка эпохі неаліту Беларускага Панямоння..: аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук: 07.00.06. Мінск, 2018. 25 с.

Фрагменты керамики припятско-неманской ранненеолитической культуры с поселений Добрый Бор 1 Барановичского р-на Брестской обл. (*1*) и Русаково 2 Слонимского р-на Гродненской обл. (*2*, *3*)

Фрагменты керамики неманской неолитической культуры с поселения Русаково 2 Слонимского р-на Гродненской обл.

боких ямок, образующих внутри «жемчужины», оттиски-гребенки, различного рода насечки и наколы, на отдельных сосудах встречается орнамент из нарезных линий, образующих косую сетку. Поверхность сосудов выравнивалась расчесами гребенки или покрывалась ангобом с внешней стороны.

Сходство в технике обработки камня, отдельных типах орудий труда (острия и микрорезцы янославицкого типа, ланцетовидные острия, трапеции) позволяет предполагать генезис припятско-неманской культуры от янославицкой позднемезолитической культуры. Появление припятско-неманской культуры относится к середине – концу 5-го тыс. до н. э. В середине 4-го тыс. до н. э. припятско-неманское население испытало сильное влияние со стороны своих западных и южных соседей – культур «лесного неолита» Польши и культуры воронковидных кубков. В итоге это привело к появлению неманской культуры.

Стоянки *неманской культуры* расположены на береговых террасах или песчаных возвышенностях вблизи водоемов. В развитии неманской культуры выделяют два этапа – ранний и классический[1]. Кремневый инвентарь неманской культуры уже на классическом этапе приобретает черты, характерные для неолитической индустрии. Большая часть орудий стала формироваться из отщепов.

[1] *Юрецкий С. С.* К проблемам в изучении неолита Северо-Западной Беларуси // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий: материалы XXX Междунар. студ. археол.-этнол. конф., 22–24 мая 2014 г. Брянск, 2014. С. 84–92.

Совершенствуется техника вторичной обработки. В конце развития культуры растительные волокна в тесте керамики практически отсутствуют, для орнаментации посуды использовали наколы, оттиски краем лопаточки, нарезные линии, иногда оттиски гребенки, насечки и текстильные узоры. Снаружи и внутри горшка по венчику наносился ряд глубоких ямок, оставляющих «жемчужины». Использовался орнаментир округлого, треугольного, квадратного сечения.

С помощью орнамента создавались мотивы и композиции, образующие горизонтальные пояса и различные геометрические фигуры: многоугольники, ромбы, ромбы с крючками, крестовидные фигуры и т. д. В конце существования неманской культуры практически полностью исчезают оттиски гребенки, но в орнаментации керамики начинают появляться оттиски текстиля (нитей, шнура). Появление текстильных элементов орнамента и линейного штампа на керамике неманской культуры свидетельствует о влиянии на нее культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики, расселившихся на западе Беларуси в середине – конце 3-го тыс. до н. э. Неманская культура просуществовала до начала 2-го тыс. до н. э.

Для населения неманской культуры характерны присваивающие формы хозяйства: охота, рыболовство и собирательство. На это указывают находки соответствующих орудий из кремня, костяные и роговые изделия (наконечники стрел, дротиков и копий, гарпунов), палеонтологический материал, собранный на торфяниковых стоянках возле д. Камень Пинского р-на на территории Верхней Припяти. Основными объектами охоты были благородный олень, косуля, лось, дикий кабан, медведь, бобр. Для рыболовства характерны находки костяных рыболовных крючков и глиняных грузил от сетей. Навыки ведения земледелия (серповидные ножи, значительное число рубящих орудий, зерна ячменя) и скотоводства (кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади) у населения неманской культуры, видимо, появились под влиянием культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики

Население *верхнеднепровской культуры*[1] занимало территории в верхнем течении Днепра и бассейне его левого притока – Сожа, в пределах Могилевской и востока Гомельской областей Республики Беларусь, запада Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. На юге граница верхнеднепровской культуры условно проводится по долине р. Ипуть, на западе она доходит до правобережья Днепра.

Поселения верхнеднепровской культуры занимают в основном края береговых террас или их останцы (песчаные почвы). Источником информации о верхнеднепровской культуре служат находки из кремня, керамики, остатки объектов хозяйственно-бытового назначения (жилища, очаги, ямы). В качестве сырья для изготовления орудий использовали местный сожский кремень серого или темно-серого цвета с меловыми вкраплениями. Встречаются единичные находки из кварцита, песчаника и сланца. На раннем этапе в обработке кремня сохраняются черты предшествовавшей мезолитической эпохи. Появляются и новые

[1] *Калечиц Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии; *Ее же*. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век.

черты, которые в дальнейшем определят неолитический облик кремневой индустрии: изделия с двухсторонней обработкой, увеличивается число орудий из отщепов.

Поздний этап верхнеднепровской культуры характеризуется заметным разнообразием керамической посуды и ее орнаментации[1]. Отдельные широкогорлые горшки имеют выпуклые бока, прямой, сведенный внутрь или наружу венчик, острое или округлое дно. В формовочной массе кроме растительных остатков и песка присутствует дресва. Внутренняя (в некоторых случаях и внешняя) поверхность горшков заглажена расчесами гребенки. Снаружи она практически полностью декорирована. На позднем этапе верхнеднепровской культуры известно более 100 элементов орнамента, с помощью которых создано более 130 композиций (сочетание ямочных вдавлений и оттисков гребенчатого штампа).

Орнаментированный лепной сосуд верхнеднепровской неолитической культуры, д. Сосновка Гомельского р-на (случайная находка, реконструкция и рисунок М. И. Ткачевой)

Встречается керамика с изображением водоплавающей птицы (стоянка Рудня 1, Климовичский р-н). Этот образ является центральным персонажем в мифологии финно-угорского, а позднее – славянского населения лесной полосы Восточной Европы. На внутренней поверхности дна одного из руднянских сосудов с помощью ямочных вдавлений был создан узор, стилизованный в виде ромба. Такие знаки в придонной части встречаются и на других стоянках верхнеднепровской культуры, изученных в Посожье. Также имеются находки фигурных изделий из кремня, которые по своей форме напоминают «рыбу» и водоплавающую птицу.

У населения верхнеднепровской культуры были развиты присваивающие формы хозяйства, основанные на добыче диких животных, ловле рыбы, собирательстве. На позднем этапе развития культуры к ним добавляются земледелие и скотоводство (находки серпов, рубящих орудий, орудий для обработки земли, отпечатки злаков на керамике, стиль орнаментации посуды).

На верхнеднепровских стоянках обнаружены остатки округлых или овальных жилищ, углубленных в материк на 0,5–1 м. В Могилевском Посожье встре-

[1] *Ткачева М. И.* Случайные находки неолитической керамики с территории Гомельского и Добрушского районов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2013. Вып. 24. С. 239–242.

чается тип овальных жилищ-землянок со входом через пристроенный к ним тамбур (коридор).

В конце 3-го – начале 2-го тыс. до н. э. верхнеднепровская культура уступает свое место появившейся здесь среднеднепровской культуре.

В 5–4-м тыс. до н. э. ареал *нарвской культуры*[1] охватывает практически всю Восточную Прибалтику, распространяется на юго-запад Ленинградской области, до южного побережья Ладожского озера. Южная периферия нарвской культуры охватывала бассейн р. Западная Двина в пределах северной Беларуси и запада Псковской области Российской Федерации. Отдельные материалы нарвской культуры обнаружены и на правобережье р. Неман на поселении Докудово 5 Лидского р-на[2].

Поселения нарвской культуры обычно располагались на возвышенных берегах озер, в устьях небольших рек или у их истоков. Наземные жилища четырехугольной формы площадью до 20–35 м^2 занимали береговую линию. Стены жилищ возводились из жердей, отдельные постройки имели столбовую конструкцию. Внутри жилища находился очаг, обустроенный на специальной подсыпке из песка, коры и древесной стружки. Кровлей жилища служила двух- или четырехскатная крыша.

Население использовало для изготовления орудий труда разные породы камня (кварцит, сланец), а также местный кремень низкого качества. Недостаток в каменном сырье компенсировался широким использованием кости, рога и дерева (деревянные ковши, ложки, палки-мешалки для приготовления пищи, блюда и сосуды, повторяющие форму керамических, роговые топоры, мотыги для копания, шилья, иглы, в том числе для плетения сетей и т. д).

Основу хозяйства нарвской культуры составляли охота, рыболовство и собирательство. Использовались наконечники стрел и копий из кремня, кости, одно- и двухрядные гарпуны, кинжалы. Известны находки луков размером от 0,56 до 1,14 м и деревянных копий длиной до 1,2–1,8 м с заостренным концом, который для прочности дополнительно обожжен на костре. Охотники использовали также бумеранги и пращу.

Рыболовные крючки изготавливали из рога и кости, поплавки – из коры дерева, верши – из лучин хвойных деревьев, сети – из липового лыка, использовали каменные грузила, обмотанные берестой. В качестве транспорта служили лодки, выдолбленные из цельного бревна лиственных пород деревьев (например, дуба). Длина отдельных лодок могла достигать 8 м (стоянка Сарнате в Латвии). Находки пыльцы пшеницы на стоянке Заценье свидетельствуют о возможных навыках возделывания земли.

---

[1] *Чарняўскі Макс. М.* Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт – бронзавы век).

[2] *Лакіза В. Л.* Даследаванне паселішча каменнага і бронзавага вякоў Дакудава 5, р. Нёман, Лідскі раён, Гродзенская вобласць // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2005. № 20. С. 223–224; *Юрэцкі С. С.* Да вывучэння керамікі прыпяцка-нёманскай і нёманскай культур на тэрыторыі Беларускага Панямоння // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2017. Вып. 28. С. 138–147.

Умерших, тела которых обильно посыпали охрой, хоронили на спине головой на запад или восток, иногда на север в ямах на небольшой глубине до 0,3–0,4 м. В могилах присутствуют находки костяных орудий и оружия (гарпуны, наконечники стрел и копий), просверленные зубы хищников, которые, видимо, нашивали на головной убор (погребения на территории Эстонии (Нарва 1) и Латвии (Звейниэки).

Рыболовный крючок из кости (третья четверть 3-го тыс. до н. э. – середина 2-го тыс. до н. э.). Стоянка Осовец 2 Бешенковичского р-на. Раскопки Макс. М. Чернявского

Керамика нарвской культуры, обнаруженная на памятниках северной Беларуси, представлена остродонными горшками невысокой формы. В тесте керамики присутствуют толченые раковины и растительность. Поверхность сосудов выровнена расчесами гребня и орнаментирована оттисками гребенки, короткими насечками, ямчатыми наколами, прочерченными линиями.

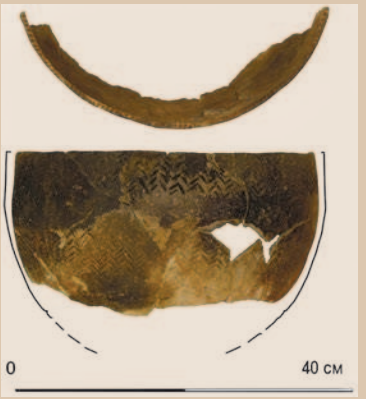
Со второй половины 4-го тыс. до н. э. под влиянием культуры гребенчато-ямочной керамики появляется еще одна культура – *усвятская*. На территории Беларуси известны остатки жилищ усвятской культуры площадью до 25 м^2. Некоторые постройки, возможно, могли быть возведены на сваях. Остатки захоронений не обнаружены.

Каменная индустрия усвятской культуры основана на использовании разного по качеству и цвету кремня, других пород камня (кварцита) и представлена основным набором орудий труда эпохи неолита. Широкое распространение получили изделия из кости, рога и дерева. Изготавливались остродонные горшки и миски с коническим, закругленным и слегка уплощенным дном, в тесте которых присутствуют примеси толченой ракушки, растительных остатков, дресвы и шамота. Их поверхность тщательно заглаживалась, украшалась поясами из вертикальных и косых насечек, наколов, образующих елочные композиции и ромбы, ямчатых и гусеничных вдавлений, оттисков гребенки, прочерченных линий в виде косой сетки.

Изображения водоплавающей птицы выявлены на керамике стоянок Кривино 1 Сенненского и Осовец 2 Бешенковичского р-нов. Тема водоплавающей птицы присутствует и в мелкой художественной пластике из кости и дерева. Ручки деревянных ковшей и ложек также стилизованы в виде голов птиц. Имеются скульптурные изображения змеи, лося, выдры, медведя, рыб и самого человека (Осовец 2).

Есть украшения из янтаря, принесенного с территории Прибалтики (подвески вытянутой и трапециевидной формы, орнаментированные точками, пуговицы, пронизки, кольца).

В конце существования усвятской культуры появляются признаки производящего хозяйства. На некоторых стоянках обнаружены кости домашних животных (овцы, козы, быка, свиньи), а находки серповидных ножей из кремня,



Орнаментированный лепной сосуд усвятской неолитической культуры со стоянки Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки и реконструкция Макс. М. Чернявского

Изображение утки на лепном сосуде усвятской неолитической культуры со стоянки Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Мих. М. Чернявского

присутствие пыльцы злаков (пшеница, просо) могут указывать на знакомство населения с земледелием.

Около середины 3-го тыс. до н. э. на севере Беларуси на короткое время появляются носители *культуры гребеньчато-ямочной керамики*, которых считают предками прибалтийских финно-угров. Вероятно, эти пришельцы оставили в Подвинье и на крайнем востоке Беларуси несколько финно-угорских гидронимов. Подобные гидронимы могут быть связаны и с влияниями населения из Волго-Окского междуречья, где в период неолита преобладали культуры с ямочной и ямочно-гребеньчатой керамикой.

Культура шаровидных амфор в конце 4–3-го тыс. до н. э. занимала огромные пространства от междуречья Эльбы и Вислы на западе до верховьев Днепра на востоке[1]. Северная граница культуры шла вдоль побережья Балтийского моря, охватывая Ютландию и бассейн р. Неман (территории современных Германии, Польши, юго-западной Литвы, Латвии, северной Украины, Чехии, Румынии и Беларуси). Известны два основных типа памятников – поселения и погребения.

Поселения располагались на возвышенных участках холмов, некоторые из них дополнительно были укреплены по периметру. На площади поселений размещались наземные прямоугольные жилища столбовой конструкции или полуземлянки с обмазанными глиной стенами. Постройки состояли из двух, в отдельных случаях – трех помещений с очагами, обложенными камнями. Общая площадь жилищ составляла от 14 до 50 м^2.

Погребальные памятники представлены одиночными захоронениями или могильниками, состоящими из 2–5 погребений по обряду трупоположения

[1] *Зуева А. У.* Шарападобных амфар культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 414–415.

Скульптурное изображение головы человека. Кость, резьба. Неолит, 3–2-е тыс. до н. э. Стоянка Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Мих. М. Чернявского

Янтарная подвеска. Третья четверть 3-го тыс. до н. э. – середина 2-го тыс. до н. э. Стоянка Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Макс. М. Чернявского

в ямах, обложенных камнями, или в цистах – своеобразных ящиках, сложенных из каменных плит. Известна также неполная кремация тел покойников. В могилах встречаются находки керамических сосудов, кремневых топоров, украшений. Известны примеры ритуального захоронения домашних животных.

Основу хозяйства населения культуры шаровидных амфор составляли скотоводство, основанное на разведении свиней, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, а также земледелие, связанное с возделыванием окультуренных злаков. Вспомогательную роль играла охота на копытных животных – благородного оленя, лося, дикого кабана.

Использовались наконечники стрел треугольной и ромбовидной формы, шлифованные клиновидные топоры четырехугольного сечения, узкие долота, скребки, резцы, ножи, проколки, каменные орудия с просверленными отверстиями, зернотерки. Из кости и рога делали топоры, мотыги, кинжалы, веретеновидные наконечники стрел и дротиков, стамески, иглы. Из меди изготавливали шилья и кинжалы, украшения. Использовались янтарь, просверленные зубы диких животных и раковины.

Керамика культуры шаровидных амфор представлена горшками, кубками, мисками. Сосуды имели шаровидное тулово, плоское или округлое дно и были украшены вертикальными и диагональными оттисками линейного (прямоугольного) штампа, наколами концом полого и округлого в сечении орнаментира (трубчатой кости или палочки), насечками, вдавленнями пальцев, на поздних этапах – оттисками шнура, с помощью которых создавались композиции в виде горизонтальных линий, фестонов, треугольников.

Для изготовления орудий использовались местные источники кремневого сырья, а для его добычи в середине 3-го тыс. до н. э. начинается разработка

Орнаментированный лепной сосуд-амфора культуры шаровидных амфор. Пос. Красносельский Волковысского р-на Гродненской обл. Раскопки Мих. М. Чернявского

Кремневое сырье и роговые орудия труда первобытных шахтеров. Красносельские неолитические кремнедобывающие шахты, Волковысский р-н Гродненской обл. Фонды АНМЭ Института истории НАН Беларуси

шахт (бассейн р. Росси у г. п. Красносельский и д. Карповцы Волковысского р-на)[1] – вертикальных колодцев диаметром около 1,5 м и глубиной до 2–3 м в зависимости от уровня залегания кремненосной породы. Иногда шахты, расположенные рядом, соединялись штреками – горизонтальными коридорами. Найдены кирки, кайла, копачи, а также следы от стволов деревьев для спуска в шахтовый колодец. Рядом с шахтами располагались мастерские для обработки кремневого сырья и изготовления орудий труда и их заготовок (топоры, тесла, долота и др.)[2].

Поздний неолит – бронзовый век. Одним из самых масштабных событий 3-го тыс. до н. э. стало расселение древних индоевропейцев в Центральной и Восточной Европе на огромных просторах от берегов Рейна до южной Скандинавии, восточной Прибалтики, Поволжья и Среднего Поднепровья, в том числе и на территории Беларуси[3].

Долговременные процессы культурных взаимоотношений пришлого населения круга культур шнуровой керамики с местными неолитическими племенами привели к формированию новых археологических культур – среднеднепровской, северобелорусской, группы полесской шнуровой керамики, группы памятников типа Бершты-Русаково и подгорновской группы памятников круга культур шнуровой керамики и др.[4]

Пришлые группы населения несли новый уклад жизни, подчиненный развитию производящих форм хозяйства: земледелия и скотоводства.

[1] *Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Ліпніцкая В. Л.* Старажытныя шахцёры на Росі.
[2] *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР.
[3] Індаеўрапейцы // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 1. С. 383.
[4] *Крывальцэвіч М. М.* Бронзавы век // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 1. С. 117–121.

Карта расселения индоевропейцев в позднем неолите
(по Мих. М. Чернявскому)

Посуда становится плоскодонной, а ее форма (горшки, кубки, миски, амфоры, вазы) – более разнообразной. В орнаменте доминируют мотивы, выполненные различными шнуровыми оттисками, линейными штампами, прочерченными и нарезными линиями, иногда сосуды украшены зубчатым и гусеничным орнаментом.

На поселениях круга культур шнуровой керамики по всей территории Беларуси встречаются сотни, даже тысячи каменных сверленых топоров, мотык, булав, шлифованных клиновидных топоров. Сырье из Красносельских кремнедобывающих шахт, заготовки и готовые кремневые изделия стали объектом торговли и обмена, распространяясь на сотни километров на соседние территории. Кремневые изделия с двухсторонней обработкой – наконечники стрел, копий, кинжалы, серпы, ножи мог изготовить лишь мастер высокого уровня. С появлением традиций круга культур шнуровой керамики на территории Беларуси начинают распространяться новые погребальные обычаи – коллективные и индивидуальные погребения в курганных и грунтовых могильниках, одиночные захоронения по обряду кремации или ингумации. Известны в Западном Полесье (Камень 2) и на территории Понеманья (Пархуты 1, Докудово 5, Русаково 2, Дрозды 12), в том числе погребение шахтера в Красносельской кремнедобывающей шахте[1]. Погребенный мужчина был довольно высокого роста

[1] *Саливон И. И., Марфина О. В.* Физический тип древнего населения Беларуси; *Салівон І. І.* Краніологічна характеристика середньовічного населення м. Новогрудка // Матеріали з антропологиії України. Київ, 1971. Вип. 5. С. 92–110. Эта находка обнаруживает большое морфологическое сходство с мужской серией из грунтового могильника XI–XII вв. н. э. в г. Новогрудке Гродненской обл.

Орнаментированный лепной сосуд круга культур шнуровой керамики со стоянки Докудово 5 Лидского р-на Гродненской обл. Раскопки В. М. Сидоровича

Орнаментированный лепной сосуд круга культур шнуровой керамики со стоянки Докудово 5 Лидского р-на Гродненской обл. Раскопки В. Л. Лакизы

(170–175 см), умеренно долихоморфный (с удлиненными верхними и нижними конечностями), долихокранный (черепной указатель 75 ед.) с четко выраженными европеоидными чертами: у него было хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо, грушевидное отверстие неширокое (носовой указатель 53,8 ед.), переносье среднешироко и высокое, носовые кости сильно выступали (33°).

Памятники среднеднепровской культуры расположены на юго-востоке Беларуси (Верхнее Поднепровье). Основные занятия населения – земледелие и скотоводство. Наряду с поселениями выявлено значительное количество курганных и грунтовых могильников по обряду ингумации или кремации, количество погребений в которых могло быть свыше сотни. Кремированные останки помещали в яму площадью до 3 м и глубиной до 0,8 м. Рядом клали погребальный инвентарь – каменные и кремневые топоры, булавы, кремневые наконечники стрел, ножи, посуду[1].

Например, в Ветковском р-не Гомельской обл. Е. Г. Калечиц обнаружила скелет мужчины, рядом с которым находились фрагменты керамики среднеднепровской культуры. Интересно, что от описанного выше шахтера из Красносельской шахты этот мужчина зрелого возраста отличался невысоким ростом (около 160 см), относительно коротким конечностями (брахиморфностью), округлой формой мозгового отдела черепа (брахикранией – черепной указатель 85,3 ед. против 81,7 ед. у краниологической серии белорусов XVIII–XIX вв.), умеренно уплощенным лицом на уровне скул и орбит, более широким и низким переносьем, слабее выступающими носовыми костями (20°), более широким носом

[1] *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы.

Орнаментированный лепной сосуд круга культур шнуровой керамики из погребального комплекса в Красносельских кремнедобывающих шахтах Волковысского р-на Гродненской обл.

Каменный сверленый топор позднего неолита – бронзового века. Ошмянский р-н Гродненской обл.

(носовой указатель 55,8 ед.). В целом этот скелет, дифференцирующий европеоидную и монголоидную расы, сближается с восточным расовым стволом[1].

Над некоторыми погребениями могли возводиться деревянные сооружения, а вокруг них – кольцевые ровики. Имеются следы поминальных костров и погребальных тризн. В некоторых захоронениях найдены украшения из янтаря, меди и бронзы, а также костяные бусины и амулеты, медные и бронзовые орудия труда и оружие, ножи, шилья, топоры, копья, украшения, что свидетельствует о высоком социальном положении умерших. Богатые погребальные комплексы с концентрацией импортных изделий указывают на дальнейшую углубленную социальную дифференциацию общества. Вероятно, что некоторые местные общины и их мужчины-лидеры активно контролировали коммуникативные и обменные пути, по которым в данную местность проникали престижные товары. Выделяются воины и родо-племенная знать (вожди), что свидетельствует о появлении развитого патриархального общества[2].

В конце 3-го – начале 2-го тыс. до н. э. в период перехода от неолита к бронзовому веку у населения круга культур шнуровой керамики сформировались

[1] *Саливон И. И., Марфина О. В.* Физический тип древнего населения Беларуси. Анализ антропологических материалов из Волковысского р-на Гродненской обл. и Ветковского р-на Гомельской обл. показывает направление древних миграционных путей расселения по территории Беларуси как с запада, так и с востока.

[2] *Кривальцевич Н.* Двинско-Днепровский коммуникационный и обменный путь 4 тыс. лет назад // Наука и инновации. 2017. № 9 (175). С. 27–31. Н. Н. Кривальцевич считает, что большинство янтарных находок обнаружено в погребениях среднеднепровской культуры, которые датируются периодом около 2300/2200–1900/1800 лет до н. э., как правило, мужских и сравнительно «богатых», в которых присутствуют не только янтарные, но и некоторые другие категории изделий, относящихся к престижному погребальному инвентарю того времени.

Кремневый шлифованный топор и каменная плита для его изготовления с поселения Докудово 5 Лидского р-на Гродненской обл. Раскопки В. Л. Лакизы

Кремневые наконечники стрел позднего неолита и бронзового века с территории Беларуси. Гродненский р-н, р. Неман

интенсивные коммуникационные и обменные контакты на некоторых отрезках течения рек Западная Двина и Днепр. Одним из доказательств этого является зарождение и существование южного ответвления восточного «янтарного пути», по которому в Верхнее Поднепровье Беларуси проникали балтийские янтарные украшения. Уже известно более 50 янтарных украшений балтийского происхождения, обнаруженные в пяти могильниках *среднеднепровской культуры* на территории Верхнего Поднепровья. Найденные украшения (дисковидные с большим отверстием посредине, топоровидные и ключевидная подвески) имеют аналогии среди украшений прежде всего восточных регионов Прибалтики, где развивалось специализированное изготовление янтарных украшений определенного типа, предназначенных для обмена[1]. Из Среднего Подвинья население северобелорусской культуры могло распространять изделия из янтаря на восток и на юг: для внутреннего потребления на поселениях Кривинского микрорегиона, а также дальнейшего импорта готовых украшений в Верхнее Поднепровье населению среднедпровской культуры. В бассейн р. Западная Двина и далее в прибалтийский регион по тому же пути поступала керамика с традиционным для среднеднепровской культуры «паркетным» орнаментом, расширенным округлым дном, типичные каменные топоры, кремневые изделия, в том числе из сожского сырья.

Еще одним свидетельством широких контактов населения среднеднепровской культуры являются медные и бронзовые изделия: украшения, элементы костюма и оружия, происхождение которых связано с Северным Причерноморьем

[1] *Кривальцевич Н.* Двинско-Днепровский коммуникационный и обменный путь 4 тыс. лет назад. С. 28. Рис. 1.

Гипсовый бюст мужчины круга культур шнуровой керамики из погребального комплекса в Красносельских кремнедобывающих шахтах Волковысского р-на Гродненской обл. Реконструкция И. В. Чаквина (1991 г.). Скульптор Л. П. Яшенко. Экспонируется в Республиканском музее истории медицины Беларуси и Гродненском государственном музее истории религии

Реконструкция мужского костюма по материалам исследований среднеднепровской культуры. Рисунок Л. С. Клочко

и Балкано-Карпатскими металлургическими центрами. Главными поставщиками в Верхнее Поднепровье раннего металла были южные, юго-восточные соседи – население катакомбных, а также эпишнуровых прикарпатских культур. Кроме того, реки Днепр и Припять были главными путями, по которым из Киевского Поднепровья в Гомельское и Мозырское Полесье в первой четверти 2-го тыс. до н. э. проникали традиции степных-лесостепных сообществ культурного круга Бабино или культуры многоваликовой керамики (археологическая культура бронзового века)[1]. Например, биконическая посуда с характерным многоваликовым орнаментом в сочетании с прочерченными линиями найдена на таких поселениях, как Заспа 2, Мохов (бассейн Днепра), Юровичи 3, 5 и Бывальки (бассейн Припяти), Обокумы (устье Сожа)[2].

Распространение и широкое употребление шнуровых орнаментов в украшении сосудов наблюдается у круга региональных культур, объединенных на территории Западного Полесья понятием «полесская шнуровая керамика»[3]. Отдель-

[1] *Кривальцевич Н.* Двинско-Днепровский коммуникационный и обменный путь 4 тыс. лет назад. С. 27–31.

[2] *Крывальцэвіч М. М.* Шматвалікавай керамікі культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 425–427.

[3] *Крывальцэвіч М. М.* Культура палескай шнуравой керамікі // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1. С. 304–307.

Погребальный комплекс на грунтовом могильнике среднеднепровской культуры Прорва 1 Рогачевского р-на Гомельской обл. Раскопки Н. Н. Кривальцевича

Орнаментированный лепной сосуд среднеднепровской культуры

ные элементы стшижовской, городокско-здолбицкой, межановицкой культур относятся к этапу перехода от неолита к бронзовому веку.

Межановицкая культура входила в круг культур шнуровой керамики. Культура существовала и развивалась в период 2300/2100–1700/1600 гг. до н. э. Ареал охватывал значительные территории рек Верхняя и Средняя Висла, Буг и Верхний Днестр. Немногочисленные ранние материалы известны на Подляшье и на Брестском Полесье. На раннем этапе существования культуры население вело мобильный образ жизни, занимаясь главным образом животноводством. В дальнейшем существенная роль в хозяйственной деятельности населения стала отводиться и земледелию. Известны поселения и грунтовые погребения по обряду трупоположения.

На территории Брестского Полесья (в бассейне рек Западный Буг, Рита, Пульва, Нижняя Стырь) были найдены материалы, относящиеся к ранней фазе межановицкой культуры (конец 3-го – начало 2-го тыс. до н. э.). Керамика была изготовлена из глиняного теста с примесью мелкой дресвы. По имеющимся фрагментам исследователями были реконструированы формы некоторых сосудов: амфорообразный горшок с округлым туловом, короткой прямой шейкой, в основании которой была закреплена ручка с горизонтальным отверстием; горшок с загнутой внутрь шейкой. Керамика была украшена горизонтальными отпечатками тонкого шнура. Кремневые изделия представлены наконечниками дротиков с выделенным черешком и острием треугольной формы.

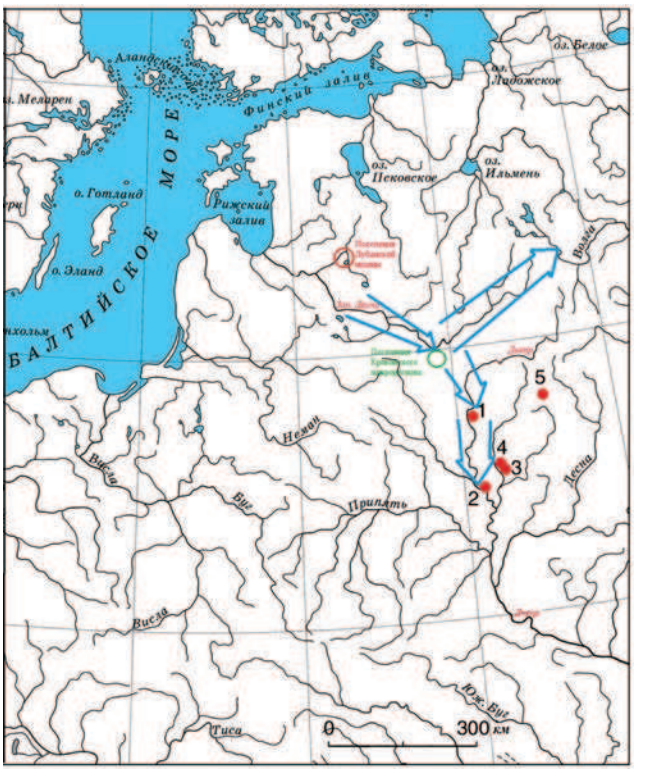
Археологические комплексы с материалами *северобелорусской культуры* 3-го тыс. до н. э. выявлены на территории Кривинского торфяника в Бешенковичском и Сенненском р-нах. Они уникальны не только для территории Бе-

Гипсовый бюст мужчины среднеднепровской культуры из погребального комплекса в Ветковском р-не Гомельской обл. Раскопки Е. Г. Калечиц. Реконструкция скульптора Л. П. Яшенко (2017 г.). Фонды АНМЭ Института истории НАН Беларуси

Диадема и ожерелье из погребений 8 и 43 могильника среднеднепровской культуры в урочище Стрелица Ветковского р-на Гомельской обл. Раскопки И. И. Артеменко

ларуси, но и всей Восточной Европы. Население северобелорусской культуры проживало в небольших поселках по берегам озер, возможно, в свайных постройках. Рыболовство, охота и собирательство сохраняли большое значение. Обнаружены костяные и роговые наконечники стрел, кинжалы, проколки, иголки, топоры, гарпуны, рыболовные крючки, ложки, подвески, пуговицы, кольца, фигурки людей, птиц и животных, музыкальные инструменты, а также янтарные украшения (свидетельства торговых отношений). По своим морфологическим, технологическим и орнаментальным особенностям выделяется и лепная посуда – округлодонные, плоскодонные сосуды разных формы и размера, богато орнаментированные практически по всей поверхности.

В ареале круга культур шнуровой керамики на территории северо-западного и западного, а также части юго-восточного Понеманья выделяется *группа памятников типа Берштыы-Русаково*, насчитывающая свыше 200 памятников. Ее формирование происходило на основе местных неолитических традиций (доброборский этап неманской культуры) при сильном воздействии культуры шнуровой керамики, культуры шаровидных амфор, культуры одиночных захоронений, приморской (жуцевской) культуры. В керамике памятников типа Берштыы-Русаково использовались примеси песка, дресвы. Она имела эсовидную профилировку с воронковидными шейками и слегка сведенными внутрь венчиками, представлена чашками и мисками с разнообразной шнуровой и нарезной орнаментацией, оттисками прямоугольного штампа и наколами, украшением срезов венчика, мотивами «елочки», зигзагов, «заштрихованых треугольников». Ближайшие анологии таким древностям находятся в среде Циркумбалтийского культурного круга шнуровой керамики. Датируются памятники типа Берштыы-



Распространение янтаря: восточный по Западной Двине и двинско-верхнеднепровский пути 3-го – начала 2-го тыс. до н. э. Могильники среднеднепровской культуры с янтарными украшениями: *1* – Ходосовичи-Мошка; *2* – Копань 9; *3* – Рудня Шлягина-Стрелица; *4* – Пролетарский; *5* – Печкуры (по Н. Н. Кривальцевичу)

Янтарный амулет из погребения 1 кургана 11 среднеднепровской культуры в урочище Мошка у д. Ходосовичи Рогачевского р-на Гомельской обл. Раскопки И. И. Артеменко

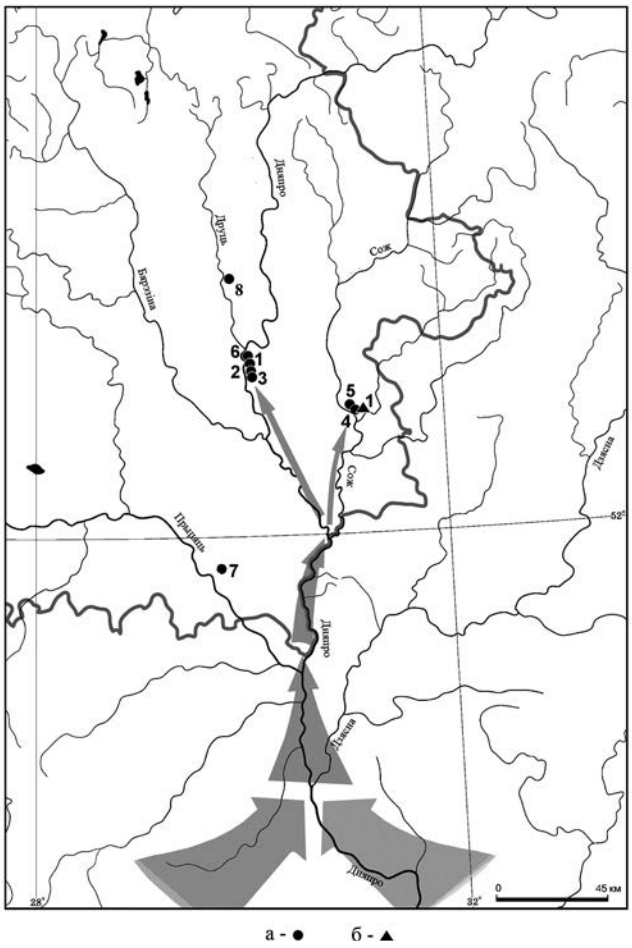
Русаково второй четвертью 3-го – первой четвертью 2-го тыс. до н. э. и относятся к позднему неолиту[1].

В юго-восточном Понеманье выделяется *подгорновская группа памятников* круга культур шнуровой керамики[2], концентрирующаяся как в верховьях Немана от истоков до устья Уши и в верхнем течении Щары, так и на территории юго-восточного Понеманья. Формировалась эта группа под сильным влиянием древностей припятского варианта среднеднепровской культуры с участием некоторых традиций культуры шаровидных амфор, неманской неолитической культуры и памятников типа Бершты-Русаково. Показательны для памятников подгорновского типа одиночные грунтовые погребения.

Керамика подгорновского типа имеет примесь шамота (очень редко добавлялось небольшое количество песка или мелкой дресвы). Поверхность сосудов

[1] *Лакіза В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. С. 147–150.

[2] Там же. С. 150–155.

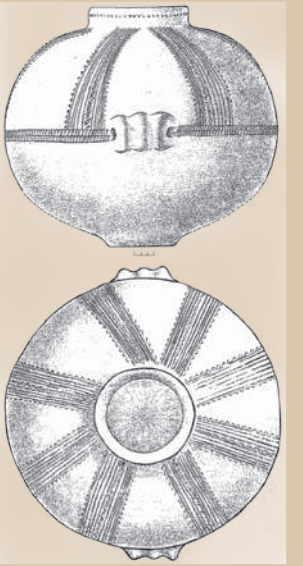


Распространение медных и бронзовых изделий, фаянсовых украшений в Верхнем Поднепровье конца 3-го – начала 2-го тыс. до н. э.: днепровский путь. Могильники среднеднепровской культуры: *1* – Ходосовичи-Мошка; *2* – Ходосовичи-Палик; *3* – Ходосовичи-Сергеева Грива; *4* – Рудня Шлягина-Стрелица; *5* – Пролетарский; *6* – Прорва; *7* – Тульговичи; *8* – Каличенки (по Н. Н. Кривальцевичу)

(с эсовидной профилировкой; с утолщенными отогнутыми наружу венчиками, короткими шейками; тюльпановидные) иногда была со следами легкого заглаживания. На горшках южной части Белорусского Понеманья наблюдается выразительная подгоризонтальная штриховка. Поверхность посуды украшалась разнообразными линейными и шнуровыми отпечатками, зубчатыми и «гусеничными» штампами. Преобладает орнамент с мотивами горизонтальной «елочки», сочетания «елочки» и зигзага. Дно сосудов также орнаментировалось концентрическими кругами, параллельными линиями, образованными линейными штампами. Шнуровой орнамент (более редкий) наносился в верхней части посуды, а иногда и на внутренней поверхности. Датируются такие древности временем от рубежа 3–2-го тыс. до середины второй четверти 2-го тыс. до н. э. и относятся к позднему неолиту и началу раннего периода бронзового века.

Одна из важнейших эпох в истории первобытного общества – **бронзовый век.** Этот период, связанный с возникновением и началом распространения металлургии, обработкой и использованием меди и бронзы, начался на боль-

Орнаментированный лепной сосуд круга культур шнуровой керамики (эпишнуровой горизонт) с поселения Мотоль 13 Ивановского р-на Брестской обл. (раскопки Е. Г. Калечиц, реконструкция и рисунок Н. Н. Кривальцевича)



Орнаментированная лепная амфора круга культур шнуровой керамики (горизонт А) поселения Мотоль 1 (урочище Поляна) Ивановского р-на Брестской обл. (раскопки Е. Г. Калечиц, реконструкция и рисунок Н. Н. Кривальцевича)

шей части территории Европы в конце 3-го – начале 2-го тыс. и продолжался до начала 1-го тыс. до н. э. В это время завершается переход к производящим формам хозяйствования, продолжаются изменения в социальной и духовной жизни, усиливается динамика этнокультурных процессов. Истоки многих современных народов необходимо искать в бронзовом веке.

Для территории Беларуси понятие «бронзовый век» является несколько условным, так как медных и бронзовых изделий в употреблении было очень мало, что объясняется отсутствием рудных месторождений и удаленностью от древних металлургических центров (Альпы, Карпаты, Кавказ). Редкость и значительная ценность изделий были показателем статуса их владельца.

Первые металлические изделия появляются на территории Верхнего Поднепровья в самом конце 3-го – начале 2-го тыс. до н. э. у носителей среднеднепровской культуры. С этого времени и только для территории юго-восточной Беларуси можно говорить о начальном бронзовом веке. В остальных регионах Беларуси начало бронзового века относится к концу первой – началу второй четверти 2-го тыс. до н. э., когда в Западной Беларуси, на Припятском Полесье, Центральной Беларуси, Поозерье и Оршанско-Могилевской равнине расселяются племена тштинецкого культурного круга (1700 гг. – конец 2-го тыс. до н. э)[1].

Керамика тштинецкого культурного круга раннего периода бронзового века характеризуется высокими сосудами тюльпановидной формы. Имеются также банки, миски, вазы, ситовидные и миниатюрные изделия, ложки. Использова-

[1] *Крывальцэвіч М.* Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. Вып. 22. С. 39–52; *Его же.* Бронзавы век // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 1. С. 117–121; *Его же.* Тшцінецкае культурнае кола // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 358–360.

Гарпун. Кость. Третья четверть 3-го тыс. до н. э. – середина 2-го тыс. до н. э. Стоянка Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Макс. М. Чернявского

Наконечник стрелы. Кость. Третья четверть 3-го тыс. до н. э. – середина 2-го тыс. до н. э. Стоянка Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Макс. М. Чернявского

лась местная глина с включением в формовочную массу дресвы разного размера. Поверхность сосудов тщательно обрабатывалась, хорошо заглаживалась, иногда до блеска, или покрывалась ангобом. Орнаментом покрывалась преимущественно верхняя часть изделия. Использовались мотивы из прочерченных горизонтальных линий, дополняемые короткими вертикальными подтреугольными отпечатками, прерывающимися вертикально прочерченными линиями.

Население тштинецкого культурного круга жило в небольших неукрепленных поселениях, которые располагались на песчаных дюнах посреди широких речных долин, возможно, в небольших прямоугольных в плане деревянных жилищах столбовой конструкции, землянках или полуземлянках, которые состояли из одного или двух помещений. Интересным примером описания быта жителей этого времени являются результаты раскопок поселения Пустынка на Черниговщине. Деревня бронзового века была вытянута вдоль реки более чем на 200 м и состояла из землянок прямоугольной формы площадью до 70–100 м^2, углубленных в землю на 1,5 м. Такие жилища обязательно имели центральные столбы, на которые опиралась двухскатная крыша, две комнаты (жилую и хозяйственную), очаги из камней и глины. Рядом располагались хозяйственные постройки для хранения сена, соломы, зерна. Известно и о специальных культовых сооружениях. Вокруг деревни возводилась ограда[1].

Тштинецкое население занималось скотоводством и земледелием. Животноводство было сезонным, когда стада домашних животных отгоняли весной на выпас, где они находились до холодов. Как и прежде, были распространены

[1] *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в северной Украине. Киев, 1972; *Ее же.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.

Музыкальный инструмент. Кость.
Третья четверть 3-го тыс. до н. э. – середина 2-го тыс. до н. э. Стоянка Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Макс. М. Чернявского

Орнаментированный лепной сосуд северобелорусской культуры со стоянки Осовец 2 Бешенковичского р-на Витебской обл. Раскопки Макс. М. Чернявского

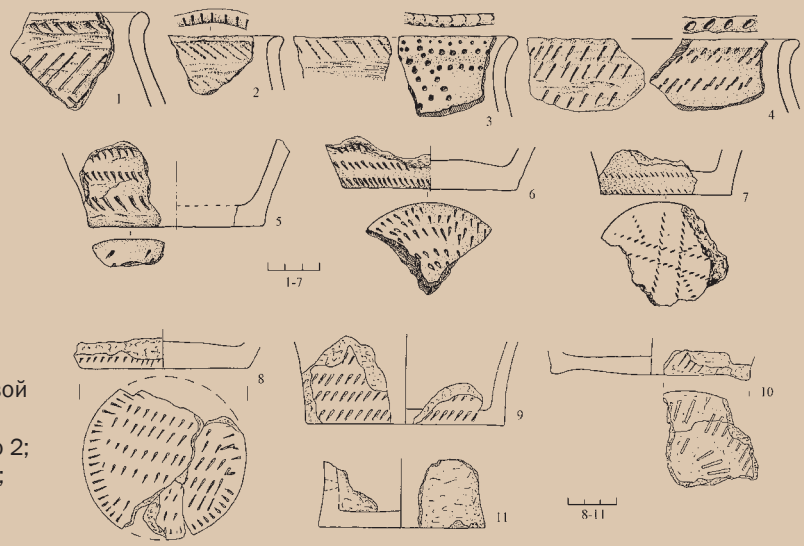
и присваивающие формы хозяйства – охота, рыболовство и собирательство. Жители тштинецких поселений занимались также обработкой камня и кремня, производили треугольные и черенковые наконечники стрел, кремневые серпы, наконечники копий и дротиков, каменные сверленые топоры. Они также умели отливать в специальных формах медные и бронзовые изделия, однако такие изделия были еще очень редки. Широко распространилось прядение и ткачество, о чем свидетельствуют находки глиняных пряслиц, грузиков.

Для жителей тштинецкого культурного круга был характерен погребальный обычай как кремации, так и ингумации в грунтовых бескурганных или курганных могильниках. Известны также случаи обжигания и расчленения тела умершего, возведения каменных, деревянных сооружений и настилов. Некоторые погребения находились в границах поселений[1]. Умершего располагали на боку в скорченном виде или в вытянутом на спине. Погребения сопровождались особым набором вещей – инвентарем, который клали в могилу (кремневые и каменные изделия, посуда, украшения). Можно говорить о богатых и бедных захоронениях или об определенной социальной дифференциации тштинецкого общества.

Существует мнение, что среди тштинецкого населения в Полесье следует искать праславян.

На территории Беларуси памятники и материалы тштинецкого культурного круга найдены в Полесье, Понеманье, Поднепровье. Например, на территории Белорусского Понеманья известно свыше 60 таких памятников, среди которых выделены две группы: неманская и верхненеманская. Ареал *неманской группы*

[1] *Крывальцэвіч М. М.* Тшцінецкае культурнае кола. С. 358–360.



Фрагменты керамики подгорновского типа круга культур шнуровой керамики: *1–6* – Русаково 2; *7* – Лысая Гора; *8–11* – Подгорная 4

тштинецкого культурного круга, состоящей более чем из 40 памятников, занимает большую часть Понеманья, охватывает левобережье Щары, устье Молчади, почти все правобережье Немана до Котры[1]. Наибольшая их схожесть наблюдается при сравнении с комплексами мазовецко-подлясской группы тштинецкой культуры, которая занимает территорию Мазовии, Падляшья, часть Люблинского Полесья.

Как на территории Польши, так и на Понеманье в формировании особенностей неманской группы приняли участие некоторые пережиточные неолитические традиции (круга культур шнуровой керамики, неманской культуры, вероятно, культуры шаровидных амфор). Поселения располагались в долинах рек на дюнах и террасах. Очень часто наблюдается их концентрации и «гнездовой» способ расположения. Вероятно, что первые памятники неманской группы могли появиться уже в первой четверти 2-го тыс. до н. э. Процесс же их формирования и развития был длительным и продолжался до конца третьей четверти 2-го тыс. до н. э. Как и на территории северо-восточной Польши, в Литве, Латвии и Эстонии, даже в Финляндии и Швеции, так и в Понеманье некоторые тштинецкие элементы могли существовать еще в самом конце 2-го тыс. до н. э.

Верхненеманская группа тштинецкого культурного круга насчитывает около 20 памятников, локализуется в границах верхних течений Немана и Щары[2]. Определенные аналогии можно найти на украинских поселениях Ивановка, Волынцево, Пустынки (сосницкий вариант по С. С. Березанской). Еще больше

[1] *Лакіза В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. С. 155–158.

[2] Там же. С. 158–161.

Реконструкция женского костюма по материалам исследований тштинецкого культурного круга. Рисунок Л. С. Клочко

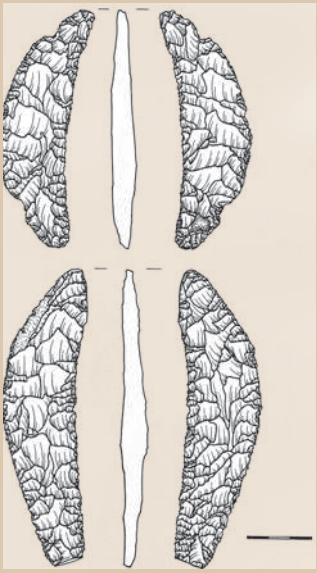
сходств имеется с материалами из северной Украины (припятский вариант восточнотштинецкай культуры по С. С. Березанской). Очень близкие аналоги можно найти и на памятниках северополесской группы восточнотштинецкай культуры (по Н. Н. Кривальцевичу). На керамике выделяется использование орнамента в виде «колючей проволки», шнуровых оттисков, валиков, частая орнаментация всей поверхности, срезов венчиков и даже дна. Для эсовидной или тюльпановидной посуды характерны примеси дресвы разного размера, крупнозернистого песка. Поверхность хорошо заглажена, часто покрыта ангобом. Лепились в основном сосуды небольшого и среднего размера. В ареале группы известно погребение по обряду кремации. Памятники верхненеманской группы датируются более поздним периодом, чем памятники неманской группы, – по аналогии с соседними территориями они могут датироваться временем от второй четверти до конца 2-го тыс. до н. э.

В Припятском Полесье известные памятники тштинецкого культурного круга отнесены к турово-мозырской (припятской) группе, в северном Полесье и Передполесье – к северополесской группе[1]. В Белорусском Поднепровье распространялись памятники сосницкого типа. Известны постоянные и кратковременные поселения, погребальные и жилые комплексы. Например, на поселении Мохов исследовались прямоугольное наземное, а на Обокумы 1 – углубленное жилища. Довольно много грунтовых погребений по обряду трупоположения (Горошков, Ходосовичи, Клины и др.). Посуда (горшки эсовидного профиля, баночных форм, миски, ситовидные сосуды) украшалась прочерченными линиями (горизонтальными, зигзагообразными), валиками, орнаментом в виде «колючей проволки» и треугольников не только в верхней части, но и по всей поверхности. Население изготавливало каменные сверленые топоры, кремневые шлифованные топоры, наконечники стрел с выделенными черешками, ножи, серпы. Использовали и бронзовые топоры с закраинами и пяткой[2].

Поздний период бронзового века (1200/1000–800/600 гг. до н. э.) на территории Беларуси – один из наименее изученных периодов первобытной истории. Для решения этой проблемы у исследователей мало археологических источни-

[1] *Крывальцэвіч М. М.* Помнікі тшцінецкага часу на поўдні Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1995. № 6. С. 3–32.

[2] *Крывальцэвіч М. М.* Тшцінецкае культурнае кола. С. 359–360.



Кремневые серпы, найденные на территории Ивановского р-на Брестской обл.

Каменные сверленые топоры с территории Ошмянского р-на Гродненской обл.

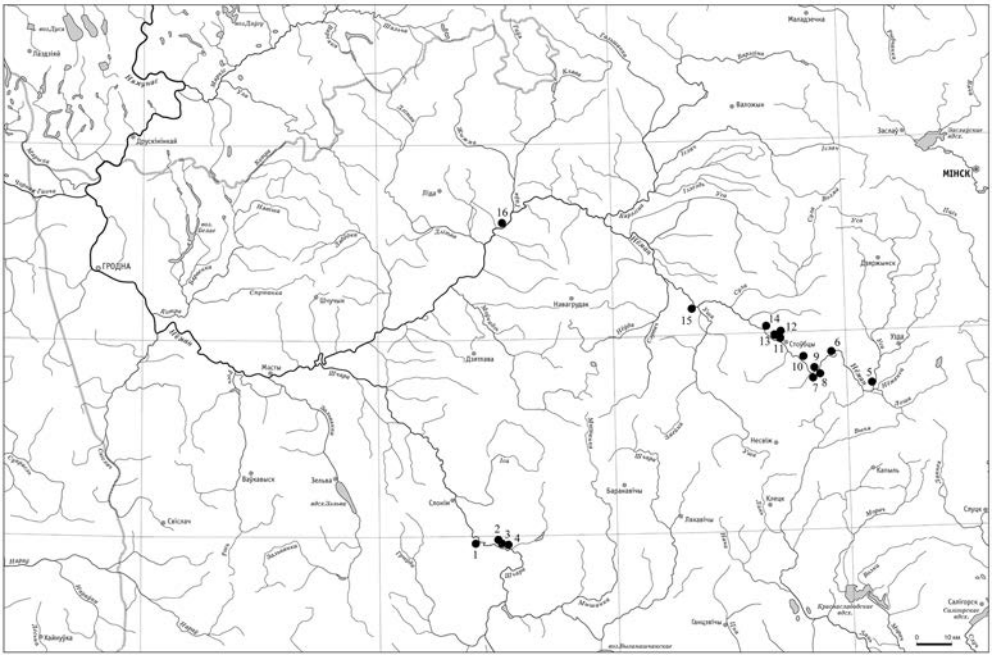
ков, в том числе для понимания и реконструкции дальнейшей судьбы тштинецкого населения и возможного формирования посттштинецких культурных общностей.

Так, на территории Верхнего Поднепровья и Восточного Полесья могли распространяться посттштинецкие культурные комплексы, которые имеют аналоги среди древностей лебедовской культуры. На территории западной Беларуси ранее нестабильные сообщества постепенно трансформировались в устойчивые сельские поселения лужицкой культуры.

Население *лужицкой культуры* (лужицкая культурно-историческая общность) в позднем бронзовом веке и раннем периоде эпохи железа (последняя треть 2-го тыс. – третья четверть 1-го тыс. до н. э.) заселяло обширные пространства Центральной и Восточной Европы от среднего течения рек Эльбы, Шпрее до верхнего и среднего течения р. Западный Буг, от Моравии, Словакии, Чехии до побережья Балтийского моря[1]. Наибольшее количество памятников (открытые поселения, укрепленные городища, грунтовые могильники, курганы) известны на территории Германии и Польши. Поселения, более характерные для начального периода развития культуры, располагались вблизи рек и озер. Их площади могли застраиваться деревянными срубно-столбовыми домами прямоугольной формы с двухскатными крышами, дверями и окнами.

Один из самых известных памятников лужицкой культуры – Бискупинское городище раннего периода железного века (700–400 гг. до н. э). Оно располагалось на острове Бискупинского озера (Польша) на площади почти 2 га. Остров

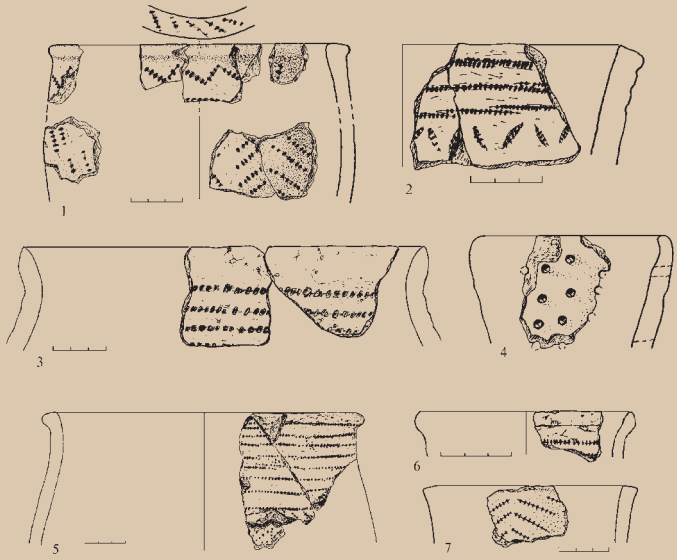
[1] *Głosik E.* Biskupin. Warszawa, 1991; *Dąbrowski J.* Epoka brązu w Północno-Wschodniej Polsce. Białystok, 1997; *Лакіза В. Л.* Лужыцкая культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 26–27.



Карта распространения памятников верхненеманской (русоковичской) группы тштинецкого культурного круга: *1* – Русаково 2; *2* – Добрый Бор 1; *3* – Добрый Бор 2; *4* – Подгорная 4; *5* – Подъельники 2; *6* – Куцец; *7* – Русоковичи 1; *8* – Русоковичи 7; *9* – Русоковичи 9; *10* – Николаевщина-2-Музей; *11* – Конколовичи 1; *12* – Конколовичи 2; *13* – Конколовичи-Заямное 3; *14* – Лысая Гора; *15* – Еремичи 3; *16* – Докудово 5. Составитель В. Л. Лакиза

окружала деревянная ограда из нескольких десятков тысяч дубовых кольев, вбитых под наклоном в дно озера. Вокруг поселения был построен оборонительный вал, сделанный из дубовых срубов, заполненных камнями и землей, шириной около 3 м, высотой 6 м. В юго-западной части вала располагались ворота с высокой башней, к которой с берега вел мост длиной 120 м. На внутренней части вокруг всего вала была построена окружная улица, от которой отходило 11 параллельных улиц с рядами деревянных домов. Дома имели ригельно-столбовую конструкцию, деревянные полы и состояли из двух частей: главной комнаты с каменными очагами и спальными местами, а также сеней. Недалеко от Бискупинского городища располагался грунтовый могильник по обряду кремации (известны также захоронения по обряду трупоположения). Обычно прах сожженных умерших помещали в глиняных урнах или просто в вырытых в земле ямах, рядом клали посуду, оружие, украшения, бритвы, пинцеты и др.

Основным занятием населения лужицкой культуры являлось земледелие и скотоводство. Выращивались пшеница, ячмень, просо, чечевица, бобы, горох, мак, лен и др. Дополнительно развивались и присваивающие формы хозяйствования: рыболовство, охота, лесные промыслы. Высокого развития достигло искусство гончарства, ткачества (основное сырье – лен), обработки кости и рога, камня и кремня (в поздний период бронзового века). Производились и импорти-



Фрагменты керамики верхненеманской (русоковичской) группы тштинецкого культурного круга: *1* – Кутец; *2* – Русоковичи 1; *3*, *4* – Русаково 2; *5*, *6* – Докудово 5; *7* – Лысая Гора

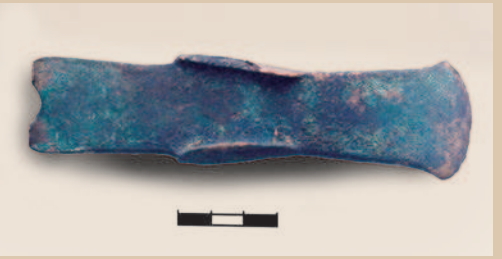
ровались бронзовые, а затем и железные изделия: различные типы топоров, кинжалы, мечи, ножи, серпы, бритвы, разнообразные шпили, браслеты, ошейники и др.

Характерна лепная керамика, поверхность которой хорошо заглажена, шероховатая или храповатая (преимущественно в нижней половине), много посуды с ушками, орнаментация довольно редкая. Изготавливались амфоры, кувшины, горшки, черпаки, чаши, миски, ситовидная посуда, сосуды яйцевидной и биконической формы.

Несомненно можно говорить о существовании определенных культурных отношений между племенами лужицкой культуры и населением Беларуси в позднем бронзовом и раннем железных веках, даже несмотря на то, что на территории нашей страны пока не найдены типичные поселения или могильники упомянутой культуры. Вместе с тем известны отдельные находки, среди которых два бронзовых браслета (Горбов Березовского р-на, р. Ясельда), фрагменты керамики с ушками (д. Борисы Брестского р-на), меч из Новогрудка, отдельный тип керамики с поселения Хотомель 2, бронзовые топоры и кельты (д. Камень Каменецкого р-на, г. Пинск, д. Комотово Гродненского р-на), некоторые типы кремневых наконечников стрел (Ковальцы 4 Гродненского р-на).

Ряд исследователей поднимали вопрос об этнической принадлежности населения лужицкой культуры – связи с прото- или праславянами (предками славян). Однако сейчас можно лишь констатировать, что данная теория остается не доказанной, так как связь лужицкой культуры с поздними народами, известными по письменным источникам, имеет еще недостаточно обоснованную базу.

По результатам исследований отдельных памятников северо-западной Беларуси (Нача, Бершты 2, Докудово 5, Ковальцы 4-ГЭС, Ковальцы 4 и др.) установлено, что в конце бронзового века население Понеманья начало использовать



Бронзовый топор. Пинск. Бронзовый век. 1300 – 900 гг. до н. э. Случайная находка. Хранится в Фондах Музея Белорусского Полесья (Пинск)

Бронзовый миниатюрный топорик, найденный около д. Комотово Гродненского р-на на р. Неман

слабопрофилированную плоскодонную посуду с минеральными примесями, внешние поверхности которой были заштрихованы и практически не орнаментированны[1]. Оно проживало на неукрепленных поселениях около рек и озер. Именно в позднем бронзовом веке происходит зарождение новой археологической культуры – *культуры штрихованной керамики*, основной расцвет которой происходил уже в эпоху железа.

Железный век. В истории Европы – это период формирования различных племенных и этнических общностей – основы средневековых народностей, заключительный этап первобытной истории (VIII–VII вв. до н. э. – V в. н. э.), характеризующийся появлением и широким использованием металлургии железа, изготовлением из него орудий труда и оружия.

В Центральной Европе железный век подразделяется на периоды: гальштат (1-я половина 1-го тыс. до н. э.), латен (V в. до н. э. – рубеж н. э.; выделяют ранний, средний и поздний этапы), римское время (выделяют ранний и поздний этапы, а также более узкие стадии – 15–20 гг. – 350–376 гг. н. э.), время Великого переселения народов (IV–V вв. н. э.), раннее средневековье (VI–VIII вв. н. э.).

Племена южной Беларуси (*милоградская культура*) овладели навыками производства и обработки железа во 2-й четверти 1-го тыс. до н. э., племена остальной части территории Беларуси (носители *культур штрихованной керамики и днепро-*

[1] *Лакіза В. Л.* Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. С. 64–73; *Лакіза В. Л., Мядзведзеў А. М.* Нача // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 128–130; *Лакіза В. Л.* Да пытання аб эпосе неаліту і бронзавага веку на тэрыторыі Гродзенскага Панямоння (паводле матэрыялаў Гродзенскага раёна) // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: Міжнар. навук. канф., прысвеч. 75-годдзю Міхала Чарняўскага: тэз. дакл., г. Мінск, 5–7 сак. 2013 г. Мінск, 2013. С. 32–33.

двинской) – во 2-й половине 1-го тыс. до н. э. Этому способствовали доступность сырья (озерные и болотные руды) и относительно несложная технология выплавки. Основу хозяйственной деятельности составляли земледелие (преобладало подсечное) и скотоводство, а также рыболовство, охота и собирательство. Население в железном веке начало осваивать новые места для жизнедеятельности и селиться на более высоких участках речных террас, дальше от крупных рек.

Очковидная фибула. Бронза. Ранний железный век. Прудники. Раскопки В. И. Шадыро

На территории Беларуси на протяжении данного периода фиксируется ряд археологических культур, сменяющих друг друга. Это *днепро-двинская* (VIII в. до н. э. – III–IV вв. н. э.), *штрихованной керамики* (VIII в. до н. э. – рубеж IV–V вв. н. э.), *милоградская* (VIII в. до н. э. – II–I вв. до н. э.), *поморская* (IV–II вв. до н. э.), *зарубинецкая* (II в. до н. э. – I в. н. э.), *киевская* (II–IV вв. н. э.), *вельбарская* (II–IV вв. н. э.). Их дополняют некоторые другие локальные и хронологические комплексы памятников эпохи железа: древности западных балтов V в. до н. э. – VIII в. н. э. (грунтовые могильники, каменные курганы), *лужицкой* и *юхновской* культур[1].

Носителей культур днепро-двинской и штрихованной керамики 1-й половины 1-го тыс. до н. э. по этнической принадлежности относят к балтскому населению. Однако этническая принадлежность носителей милоградской культуры пока не совсем ясна. Все культуры появились в результате развития культур бронзового века. В основе их различия лежат особенности формирования (разные исходные культуры) и разные направления контактов населения.

Население днепро-двинской культуры[2] происходит от носителей узменьской культуры Беларуси и России, которые были потомками носителей культура шнуровой керамики. Культуру штрихованной керамики также выводят из их ареала. Но в ее вещевом инвентаре отмечены традиции поздненеолитической нарвенской культуры. Таким образом, население обеих культур является потомками носителей культуры шнуровой керамики, различается субстратом (предшествующим населением, вошедшим в состав представителей новых культур) и характером контактов с соседними племенами. Так, если для населения днепро-двинской культуры характерны украшения, выполненные в ажурном стиле, и присутствуют предметы, аналоги которых известны по памятникам чернолесской, лужицкой и скифской культур, то на памятниках культуры штрихованной керамики подобные находки не известны.

Поселения носителей культур днепро-двинской и штрихованной керамики размещались вдоль торгового пути, связывавшего Поволжье через Западную

[1] Беларусь: Народ. Государство. Время; *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье.

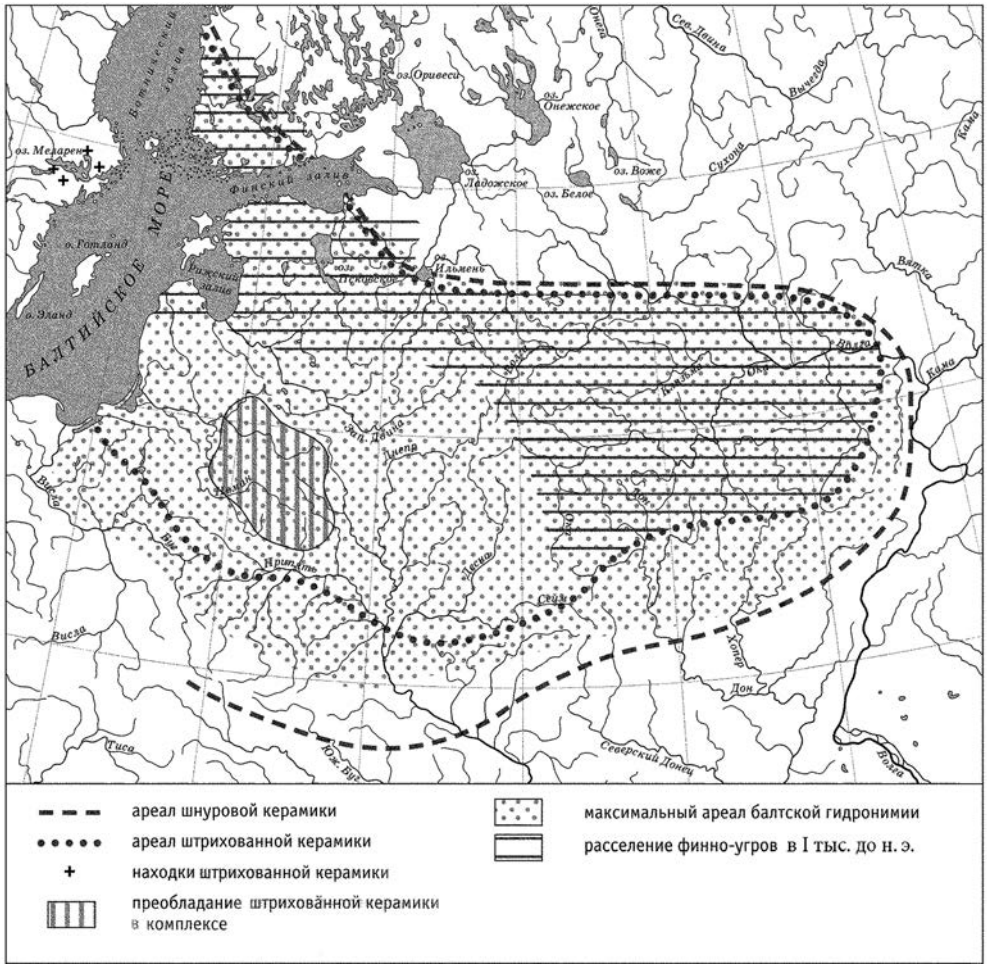
[2] *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Беларуси; *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.); *Его же.* Днепра-дзвінская культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 305–307.

Двину с Прибалтикой и далее со Швецией (область Мелар, центр металлодобычи и бронзолитейного производства). Этот путь отмечен по находкам разных орудий труда, особенно топоров-кельтов меларского или акозинско-меларского типа. Они датируются 900–700 гг. до н. э. и найдены в Беларуси на памятниках культур днепро-двинской и штрихованной керамики. Для населения культуры штрихованной керамики в начале 1-го тыс. до н. э. отмечены также связи с юго-западными соседями, мазурско-варминской группой лужицкой культуры (предки западных балтов).

До начала нашей эры племена днепро-двинской культуры занимали территорию Северной Беларуси и Оршанское Поднепровье на востоке, а также Псковскую и Смоленскую области России. Ареал племен культуры штрихованной керамики в это время охватывал восточную Литву и значительную часть Западной и Центральной Беларуси. Позднее (до IV–V вв. н. э.) эти культуры фиксируются в северо-западном регионе Беларуси. По многим чертам материальной культуры (поселения, жилища, орудия труда и оружие) население обеих культур схоже между собой и с другими балтскими культурами Восточной Европы. Погребальные памятники этих культур не найдены. Вероятно, что жители раннего железного века использовали такие погребальные традиции и ритуалы, которые сегодня методами археологических исследований невозможно восстановить. Керамическая посуда носителей культуры штрихованной керамики покрыта штрихами, днепро-двинской – гладкостенная.

Носители культуры штрихованной керамики практически до конца 1-го тыс. до н. э. придерживались своего традиционного хозяйственного строя, а социальная структура имела очень много черт, которые были характерны для различных культур бронзового века. Так, родовые объединения или небольшие племена, состоявшие из больших патриархальных семейных общин, жили в наземных деревянных постройках столбовой конструкции на городищах собственных укрепленных поселений. Они располагались преимущественно в труднодоступных местах (чаще всего на мысах и возвышенных берегах рек). Кроме этого, городища еще дополнительно укреплялись искусственными валами, рвами, деревянными частоколами. Население культуры штрихованной керамики занималось животноводством, охотой и рыбной ловлей. Земледелие существовало, но было развито довольно слабо. На раннем этапе культуры, как и в предыдущее время, основные орудия труда, часть оружия и охотничьего инвентаря изготавливались из камня, кремня, костей и рогов. Население использовало разнообразные формы лепной посуды (плоскодонные горшки, кувшины, миски, чашки). Однако она почти полностью теряет богатую орнаментацию, которая была характерна для прежних периодов. Вероятно, это было связано с широким распространением ткачества и, как следствие, переносом орнаментирования на полотняную одежду, украшением ее разнообразными узорами.

Даже при том, что на территории Беларуси имеются залежи железных руд (болотных и дерновых), железо долгое время не входило в обиход местного населения. В ареале культуры штрихованной керамики железные изделия стали широко применяться только где-то с первых веков нашей эры. Отныне можно



Карта распространения культуры штрихованной керамики и балтской гидрониминии (по А. М. Медведеву)

говорить и об освоении местным населением полного цикла металлургического производства. Железо получали в специальных домницах – частично заглубленных в землю сооружениях с небольшими отверстиями внизу для нагнетания воздуха. В домницу слоями помещали деревянный уголь и руду, поддерживали высокую температуру, благодаря которой из руды выплавлялось железо и спекалось в виде пористой крицы на дне сооружения. Затем домницу разбирали, и из извлеченных криц кузнецы изготавливали высокопроизводительные железные топоры, серпы, ножи, шила, иглы, а также фибулы, наконечники стрел и копий и др. Использовались также украшения из цветных металлов.

Начинает развиваться экстенсивное подсечно-лядное земледелие, появляется необходимость освоения все новых и новых территорий, а значит, появляется дефицит хозяйственных земель. Население культуры штрихованной кера-

Пряслица и миниатюрный сосудик. Глина. I–V вв. н. э. Городище Кащеличи Воложинского р-на Минской обл. Раскопки А. М. Медведева

Браслеты. Бронза. I в. н. э. Городище Кащеличи Воложинского р-на Минской обл. Раскопки А. М. Медведева

мики все чаще вынуждено строить свои городища в отдалении от крупных рек, не только на их крутых берегах и оврагах, а и на равнинных местах. При этом на городищах часто возводятся сложные фортификационные сооружения – мощные рвы и валы. Во время археологических раскопок на городищах фиксируются следы многочисленных пожаров, перестроек и восстановлений оборонительных укреплений. А это свидетельствует не только о внешних, но и о внутренних конфликтах между родовыми объединениями.

В середине 1-го тыс. н. э. начал наблюдаться постепенный упадок культуры штрихованной керамики, уменьшение количества городищ, сокращение ареала культуры. В V в. н. э. вместо культуры штрихованной керамики появляются памятники *банцеровской культуры* и *культуры восточно-литовских курганов*[1].

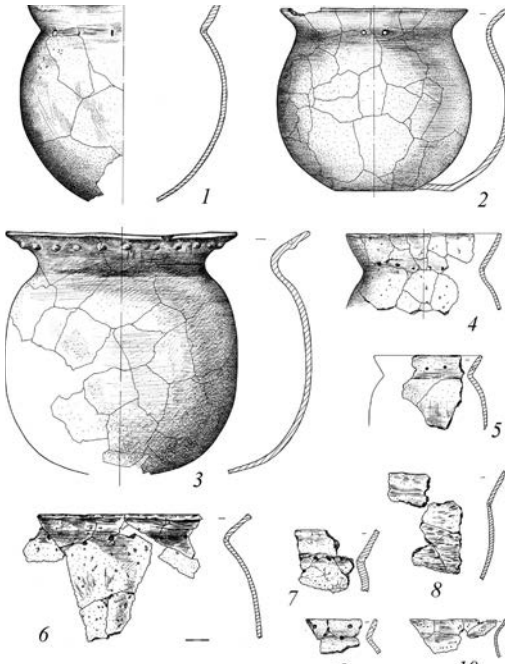
Милоградская культура возникла на основе развития древностей лебедовской культуры позднего бронзового века. Ее носители с самого начала существования имели контакты с более южными культурами, принадлежавшими прежде всего киммерийцам и затем скифам. Находки из курганов свидетельствуют о связях с гальштатской (железные наконечники копий) и высоцкой (глиняные горшки) культурами. На поселениях милоградской культуры найдены предметы VII–V вв. до н. э. – оружие (наконечники стрел, железный меч), снаряжение коня и всадника, украшения, предметы быта (бронзовые зеркала), которые могут быть связаны со скифской культурой. Отмечены связи населения с балтскими культурами, о чем свидетельствует характер украшений (подвесок, булавок, выполненных в ажурном стиле)[2].

[1] *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики; *Рассадин С. Е.* Милоградская культура, ареал, хронология, этнос; Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2.

[2] *Егарэйчанка А. А.* Мілаградская культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 75–76.

Племена милоградской культуры занимали юго-восточную часть Беларуси и северо-восточную часть Украины. В западной части Беларуси найдены предметы из бронзы, которые могут свидетельствовать о связях с лужицкой культурой.

Середина 1-го тыс. до н. э. в истории населения всей Европы отмечена кризисом хозяйства (субатлантический период упадка земледелия), связанным с изменением климата: увеличение влажности, понижение температуры, подъем на 2–3 м уровня мирового океана. Существует мнение, что именно кризис хозяйства привел к исчезновению лужицкой культуры и изменению этнокультурной ситуации.



Лепная посуда милоградской культуры. Городище Обчин Любанского р-на Минской обл.

Первые упоминания о населении территории Беларуси в письменных источниках относятся к V в. н. э.[1] При описании народов Северного Причерноморья Геродот называет племена, которые отличаются по обычаям и образу жизни от скифов – невры, андрофаги, будины. Исследователи связывают невров с милоградской культурой, будинов – с юхновской культурой, андрофагов – с культурами штрихованной керамики и днепро-двинской. Во 2-й половине 1-го тыс. до н. э. появляются новые культуры (поморская, западнобалтских курганов) и новые этнические группировки – латенские (кельтские) культуры.

Культура западнобалтских курганов включает локальные группы: западномазурскую (впоследствии племя галиндов), восточномазурскую (ятвяги), самбийскую (пруссы), западнолитовскую (курши), часть из которых имеют отношение к территории Беларуси[2].

В ранний латенский период (500–210/185 гг. до н. э.) кризис производящих отраслей хозяйства постепенно преодолевался, на территории Беларуси отмечены смена мест поселения для удобства подсеки, увеличение роли скотоводства за счет мелкого рогатого скота, охоты.

Сокращается ареал милоградских древностей, который охватывает Восточное Полесье, Верхнее Поднепровье и Посожье. В западной части Полесья появляются грунтовые могильники и селища поморской культуры (IV–III вв. до н. э.).

[1] Беларусь: Народ. Государство. Время. С. 27.

[2] Там же; *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. С. 130–131.

В северо-западной части Беларуси и юго-восточной части Литвы в ареале культуры штрихованной керамики отмечены грунтовые могильники, принадлежащие носителям культуры западнобалтских курганов. В восточной части ареала милоградских и днепро-двинских племен отмечены находки скифского образца, а также браслеты с насечками и шишечками (влияние латенского мира).

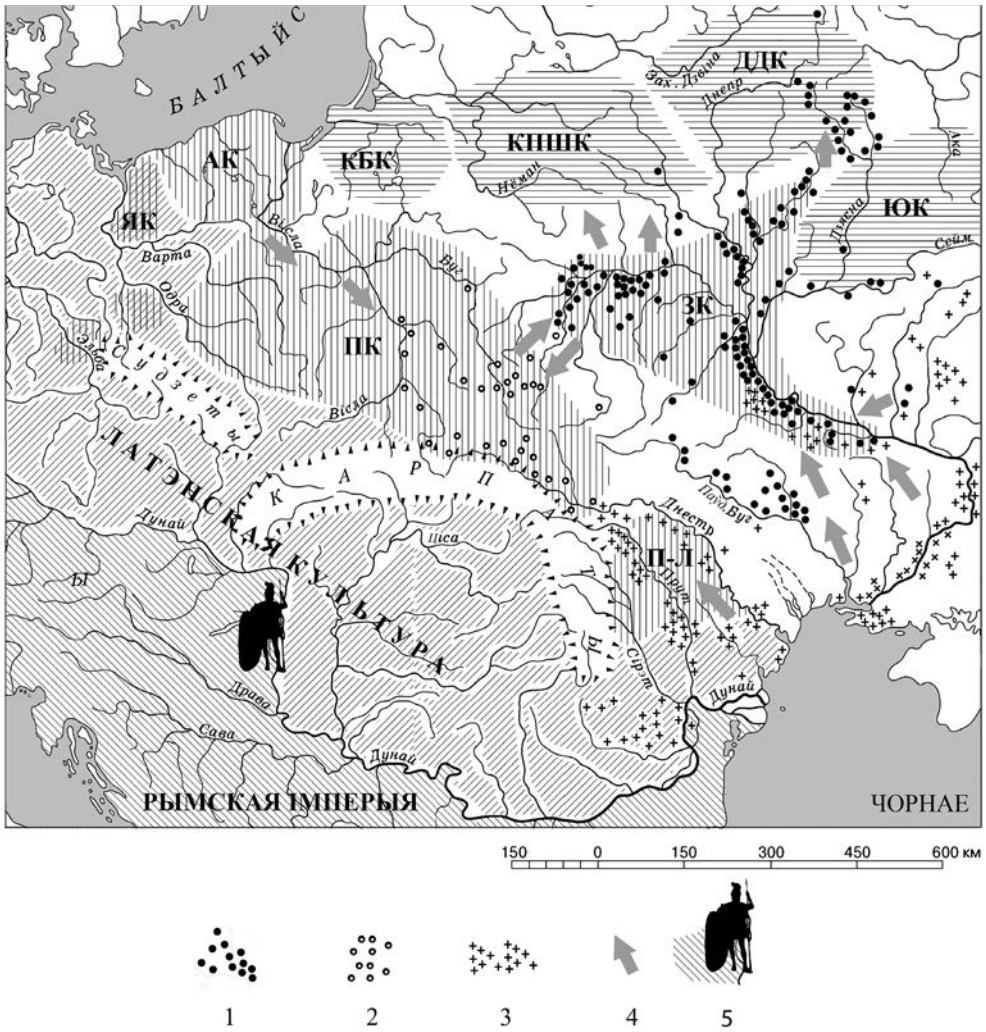
В среднем и позднем латене (III–II вв. до н. э. – начало I в. н. э.) на территории Южной Беларуси и Северной Украины милоградскую культуру сменяет зарубинецкая, которую часть исследователей связывают со славянским этносом. Эта культура включает черты и других этнических компонентов: ясторфский (германцы), поморский при связях с культурой Поянешти-Лукашевка (даки или иллирийцы), кельтские традиции. Поэтому существуют различные точки зрения на основную этническую составляющую зарубинецкой культуры. Три локальные группы носителей зарубинецкой культуры во II в. до н. э. прослежены в Верхнем и Среднем Поднепровье, Припятском Полесье. В качестве субстрата эти группы имели разные культуры. От милоградского населения носители зарубинецкой культуры заимствовали типы жилищ, технологию изготовления глиняной посуды. В Восточном Полесье памятники милоградской и зарубинецкой культур Верхнего Поднепровья некоторое время (во II–I вв. до н. э.) сосуществовали. Контакт носителей культур зарубинецкой и штрихованной керамики привел к формированию в низовьях Березины смешанного населения. Ребристые формы керамики со штриховкой присутствуют и на памятниках в верховьях Друти.

2.2. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1-м тыс. н. э.

Население Белорусского Полесья и Поднепровья. В конце 1-го тыс. до н. э. – начале 1-го тыс. н. э. в Припятском Полесье, Верхнем и Среднем Поднепровье проживало население зарубинецкой культуры.

До настоящего времени вопросы о происхождении, исторической судьбе, этнической принадлежности носителей зарубинецкой культуры, датировке и территории ее распространения являются предметом дискуссий. В значительной степени они обусловлены состоянием археологических источников и разными методическими подходами в работе с ними.

Поселения и могильники зарубинцев появилась в Припятском Полесье, Верхнем и Среднем Поднепровье в конце III – начале II в. до н. э. на волне распространения латенских влияний в Европе в результате интеграции различных локальных вариантов поморской, милоградской и подгорцевской культур. Латенизация во многом уравняла культурные различия вошедших в зарубинецкую общность племен, где соприкасались между собой разные этнические массивы, но местные особенности проявились в домостроительстве, погребальном обряде, керамическом комплексе, поэтому выделены три варианта культуры: верхне-



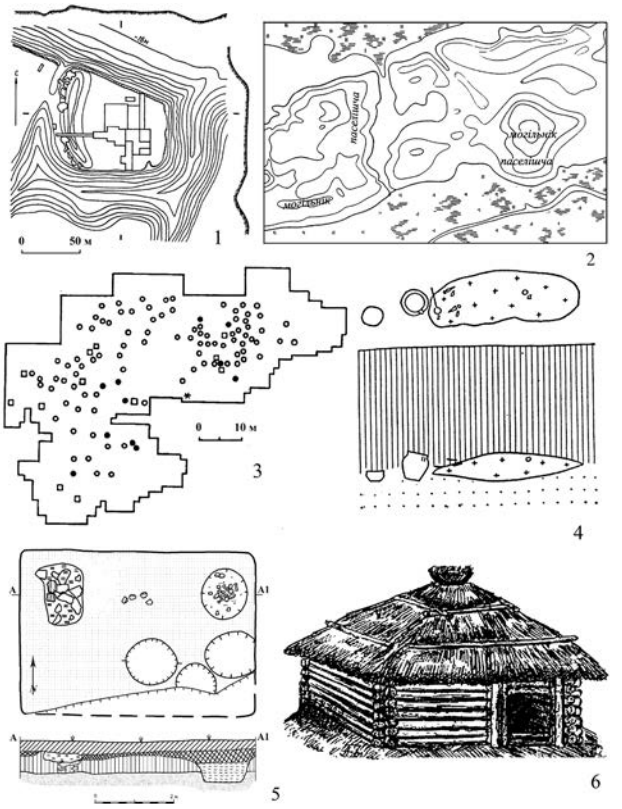
Распространение культур в конце 1–го тыс. до н. э. – 1-го тыс. н. э. в Центральной Европе: *1* – памятники зарубинецкой культуры; *2* – памятники пшеворской культуры; *3* – сарматские памятники; *4* – направления миграции; *5* – границы Римской империи; ЯК – ясторфская культура; АК – оксывская культура; КБК – культура балтийского круга; КПШК – культура поздней шрихованной керамики; ПК – пшеворская культура; ЗК – зарубинецкая культура; ЮК – юхновская культура; П – Л – поянешти–лукашевка. Составитель А. Н. Белицкая

днепровский и полесский на территории Беларуси, среднеднепровский – на территории Украины[1].

В Верхнем Поднепровье зарубинецкое население проживало на городищах и селищах.

Основным типом жилья на открытых поселениях в Верхнем Поднепровье являлись наземные или немного заглубленные в землю однокамерные жилища

[1] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.



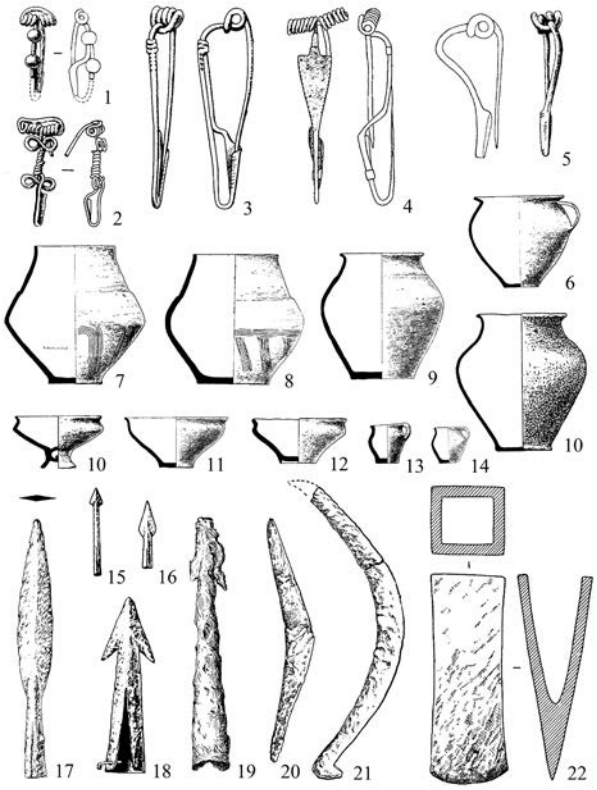
Планы: *1* – городища Чаплин (по Л. Д. Поболю); *2–4* – поселений, могильника и погребения около д. Велемичи (по Ю. В. Кухаренко); *5* – жилища № 3 поселения Хотомель; 6 – реконструкция жилища (по А. Н. Белицкой)

столбовой конструкции, которые отапливались очагами. На городищах зафиксированы длинные дома, которые располагались рядом с валом[1]. В Припятском Полесье основным типом поселения являлись неукрепленные селища, расположенные по берегам старичных рек и озер. Они застраивались полуземляночными жилищами со срубной конструкцией стен, которые отапливались глинобитными купольными печами[2]. В Среднем Поднепровье на городищах и селищах доминировали подпрямоугольные в плане постройки с заглубленным полом и плетнево-каркасной конструкцией стен, которые отапливались очагами[3]. Могильники зарубинецкой культуры размещались либо с напольной стороны от поселений, либо сразу за естественной преградой (лощиной, старицей). Главным

[1] *Дробушевский А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 1. С. 38–136.

[2] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура. *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у дер. Отвержичи // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1969. № 160. С. 131–168; *Егорейченко А. А.* Зарубинецкое селище в Давид-Городке // Stratum plus. № 4. С. 66–73; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. С. 66–73; *Бяліцкая Г. М.* Тапаграфія і забудова паселішчаў зарубінецкай культуры ў Прыпяцкім Палессі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2009. № 26. С. 152–169.

[3] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже эр. Киев, 1972.



Вещевой комплекс зарубинецких памятников классического периода: *1–5* – бронза; *6–14* – глина; *15–22* – железо

ритуальным обрядом был обряд трупосожжения. Кремация происходила на стороне, вне пределов могильной ямы. Погребения совершались в ямах округлой либо овальной формы[1]. Латенизованный характер материальной культуры зарубинецкого населения прослеживается в латенских формах фибул, в некоторых типах железных орудий труда и вооружения (топоров, серпов, наконечников копий и дротиков), основных приемах оформления глиняной посуды, обычаях помещать в погребения украшения и оружие[2].

Все сосуды, которые были найдены на поселениях и могильниках, лепные. По технике обработки они имеют гладкостенную, храповатую либо лощеную поверхность. В керамическом комплексе присутствовали горшки, миски, кружки, стопки, диски-крышки.

Общими типами украшений для всех регионов культуры были бронзовые и железные фибулы зарубинецкого типа с треугольным щитком, булавки с кольцевидной, гвоздевидной и посоховидной формой головки, трапециевидные подвески с отверстием в верхней части.

[1] Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 26.

[2] *Пачкова С. П.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев, 2006.

Определяющими факторами хозяйственной жизни были земледелие и животноводство. Важным занятием населения являлись металлургия и кузнечное дело. О широком распространении цветной металлургии свидетельствуют находки тиглей, льячек, литейных форм, слитков бронзы. Высокого уровня мастерства достигло керамическое производство и ткачество.

Основной формой организации зарубинецких племен были самостоятельные в хозяйственном отношении семьи, объединенные в территориальную общину.

На рубеже эр в европейском Барбарикуме отмечен переход от эпохи Латена к эпохе римских влияний. Это произошло в результате укрепления позиций Римской империи, границы которой значительно расширились[1]. К этому времени ареал расселения носителей зарубинецкой культуры несколько изменился. В юго-западном районе полесского варианта зарубинецкой культуры произошло слияние границ с пшеворскими племенами, в результате чего на Волыни и в Поднестровье образовалась новая культурная общность – зубрицкая группа[2]. В материальной культуре зарубинцев в это время фиксируется инфильтрация традиций пшеворской культуры. Во второй половине I в. зарубинецкая культура в Среднем Поднепровье распалась под ударами сарматских племен. Основная часть населения ушла в лесные районы Верхнего Поднепровья и Подесенье, часть – в бассейн Южного Буга[3]. С конца I в. в Верхнем Поднепровье зарубинецкое население оставило большинство городищ и переселилось на открытые селища. В результате этих изменений сформировались древности типа Лютежа, Грини-Вовки, Почепа[4]. Племена зарубинецкой культуры осуществили интенсивное проникновение на территорию культур штрихованной керамики и днепро-двинской из Белорусского Поднепровья в бассейн Верхней Березины, на территорию Верхнего Понеманья и Подвинья[5]. На левом берегу Припяти зафиксированы памятники типа Озерное-Сорочи, которые сформировались на субстрате, состоящем из потомков милоградских племен, носителей культуры штрихованной керамики, при мощном воздействии со стороны зарубинецкой культуры[6]. На западе и северо-западе от основного ареала изучены памятники типа Курадово, Радость-Кутова, Гриневичи Вельки[7].

На рубеже II–III вв. в результате миграции позднезарубинецких племен при участии носителей днепро-двинской, юхновской культур, а также культур штри-

[1] *Щукин М. Б.* Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур. С. 89–95.

[2] *Козак Д. Н.* Венеди. Київ, 2008.

[3] *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории Украинской ССР. Киев, 1982.

[4] Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. С. 40–52.

[5] *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век.

[6] *Бяліцкая Г. М.* Аб зарубінецкім кампаненце ў Левабярэжжы Прыпяці // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2011. № 20. С. 126–142.

[7] *Белявец В., Вяргей В.* Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-1 каля Пінска // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2005. № 20. С. 87–106; *Белявец В. Г.* Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 1. С. 334–384.

хованной керамики в Поднепровье и Подесенье сформировалась киевская культура[1]. В настоящее время под киевской культурой понимается динамичная во времени и пространстве система взаимосвязанных культурно-хронологических групп[2]. Группу памятников, распространенных в Белорусском Поднепровье во второй четверти 1-го тыс. н. э., Н. Н. Дубицкая называет культурой Абидни и относит к кругу киевских древностей[3]. Памятники этой культурной общности представлены неукрепленными поселениями. Выявлены два типа жилищ: полуземлянки и наземные с открытыми очагами. Конструкция стен столбовая либо срубная. Исследованы грунтовые могильники с трупосожжениями, расположенные вблизи поселений[4]. На протяжении V в. древности киевского типа сменились колочинской, пеньковской, банцеровской и другими культурами[5].

Новые исследования в нижнем течении Горыни и междуречье рек Припять и Ствига позволили выделить ряд поселенческих комплексов, которые функционировали во второй половине I–IV в.[6]

Особенность обнаруженных объектов состоит в том, что их материальная культура связана с традицией зарубинецкой культуры. В Столинском р-не на поселениях Струга 1, Хотомель 2 изучены подквадратные или четырехугольные в плане с прямыми углами жилые постройки срубной и столбовой конструкций с глинобитными купольными печами. На поселении Хотомель 2 зафиксированы три разновременных этапа застройки, связанных как с классическим, так и с поздним периодом развития зарубинецких древностей. Известны сакральные объекты (Хотомель 2, Давыд-Городок 4), которые использовались древним населением для языческих религиозных обрядов. Примечательным является факт функционирования сакрального объекта на поселении Хотомель 2 как на финальном отрезке классической зарубинецкой культуры в позднем Латене, так и в период провинциально-римских влияний.

На поселениях, основанных в период классической зарубинецкой культуры, в римское время продолжали существовать традиционные зарубинецкие формы посуды. Посуда лепная, по технике обработки внешней поверхности кера-

---

[1] *Даниленко В. Н.* Пізньозарубинецкі пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19. С. 65–92.

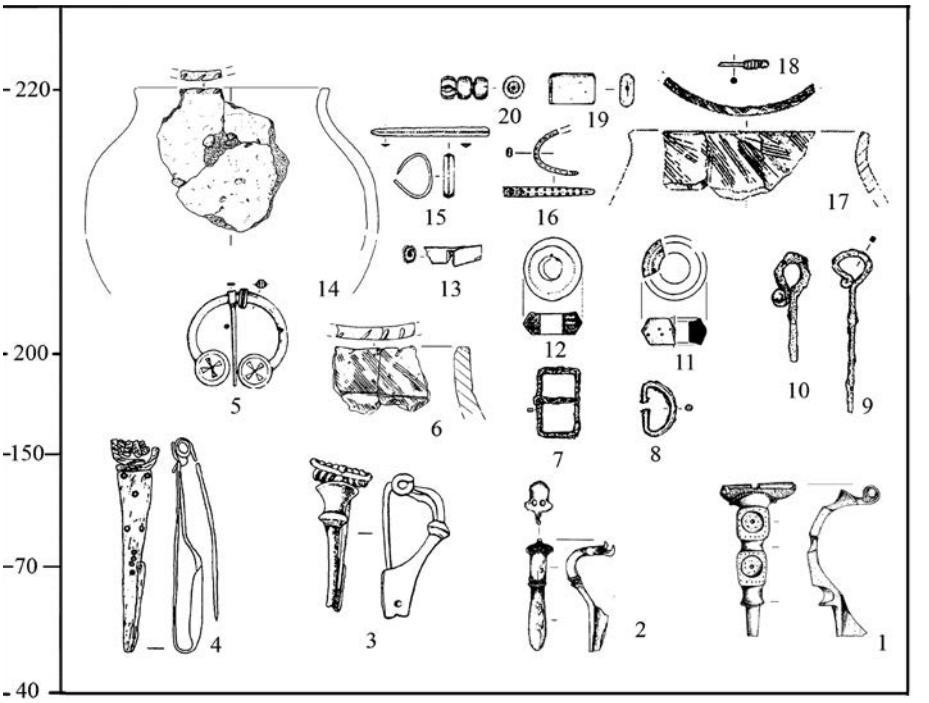
[2] *Обломский А. М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М.; Сумы, 1991.

[3] *Дубицкая Н. Н.* Памятники культуры Абидни // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 1. С. 284–333.

[4] *Ильютик А. В.* Могильники второй четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 1. С. 247–284.

[5] *Макушнікаў А. А.* Калочынская культура // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. С. 348–359; *Шадыра В. І.* Банцараўская культура // Там же. С. 359–376.

[6] *Вергей В. С.* Раннеславянское поселение Струга I на нижней Горыни // Archaeoslavica. Kraków, 1993. № 2. S. 63–85; *Белявец В., Вяргей В.* Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-1 каля Пінска. С. 87–106; *Бяліцкая Г. М.* Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоў'ях ракі Гарынь // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 2007. № 23. С. 107–123; *Ее же.* Праблема вылучэння позназарубінецкіх комплексаў у Прыпяцкім Палессі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 1. С. 451–503.



Вещевой комплекс зарубинецких памятников позднего периода: *1* – Черничи; *2*, *7–11*; *16–20* – Курадово; *3* – Отвержичи; *4* – Красное Село; *5*, *6*, *12–15* – Давыд-Городок

мические изделия можно поделить на три группы: с гладкостенной, лощеной и храповатой поверхностью. В керамическом комплексе посуды остались характерные для классической зарубинецкой культуры категории: горшки, корчаги, миски, кружки, стопки, диски-крышки. В некоторых формах посуды прослеживается влияние киевской, вельбарской и черняховской культур. Среди украшений встречаются бронзовые и железные фибулы, детали поясных наборов (импортные и имитации). Приобрели популярность украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Для этого времени характерна традиция изготовления из глины уплощенных пряслиц биконической формы и предметов культа – глиняных хлебцев. В историко-культурном развитии данного региона эти памятники являются продолжением классических зарубинецких традиций в условиях провинциально-римских влияний. С точки зрения хронологии и по характеру материальной культуры памятники на этой территории следует включать в состав позднего периода зарубинецкой культуры, датируемого второй четвертью 1-го тыс. н. э.

Во второй половине IV – начале V в. в степях Восточной Европы появились гунны, под ударами которых распалась черняховская культура. Это послужило причиной серии масштабных миграций в лесостепной и лесной зоне[1]. В Припят-

[1] *Обломский А. М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). Раннеславянский мир. Вып. 5. М., 2005.

ском Полесье на основе позднезарубинецких сформировались пражские древности. Наличие ранних комплексов в Полесье, которые датируются IV–V вв., позволяет связать с этим регионом важную часть зоны формирования славянской пражской культуры[1].

Во второй половине 1-го тыс. н. э. Белорусское Полесье занимало славянское население *пражской культуры*. Ее ареал охватывает обширную территорию от Эльбы до правобережья Среднего Поднепровья и северной части бассейна Южного Буга, от польского Поморья до Подунавья и отрогов Восточных Альп[2].

На настоящий момент на территории Южной Беларуси известно свыше 50 памятников с материалами пражской культуры. Они расположены в бассейнах рек Западной Буг и Припять и занимают территорию от Бреста на западе до Мозыря на востоке.

Наиболее северные пункты пражской культуры на территории Беларуси зафиксированы около деревень Спорово Березовского (р. Ясельда), Камень Пинского (р. Бобрик), Старые Юрковичи Любанского р-нов (р. Ореса)[3].

Памятники пражской культуры представлены селищами, городищами и грунтовыми могильниками по обряду трупосожжения. На поздних этапах существования культуры появляются курганные захоронения. Наиболее многочисленная категория памятников – селища. Их площадь составляет 0,5–1,5 га. Представителям пражской культуры принадлежало городище Хотомель и расположенное рядом открытое поселение. Лепная раннеславянская керамика была встречена в культурном пласте городищ Хильчицы и Хоромск. Грунтовые захоронения исследованы около деревень Хорск, Хотомель Столинского, Снядин Петриковского р-нов[4], курганные – около деревень Семурадцы Житковичского, Мохов – Лоевского р-нов[5].

Для пражской культуры были характерны небольшие по площади (до 20 м^2) углубленные жилища подквадратной формы. Они отапливались печами, сложенными из камней, или глинобитными. Печь была расположена, как правило, в одном из северных углов жилища.

На некоторые поселениях изучены жилища с очагами. Конструкция построек срубная или столбовая, они ориентированы углами или стенами по сторонам света. Возле жилищ исследованы хозяйственные ямы[6].

---

[1] *Егорейченко А. А.* Поселение у д. Остров Пинского района Брестской области // Archaeoslavica. Kraków, 1991. № 1. С. 61–82; *Вергей В. С.* Поселения пражской культуры Белорусского Полесья // Этногенез и этнокультурные контакты славян: тр. VI Междунар. конгр. славянской археологии. М., 1997. Т. 3. С. 28–38; *Гавритухин И. О.* Хронология пражской культуры // Там же. С. 39–52.

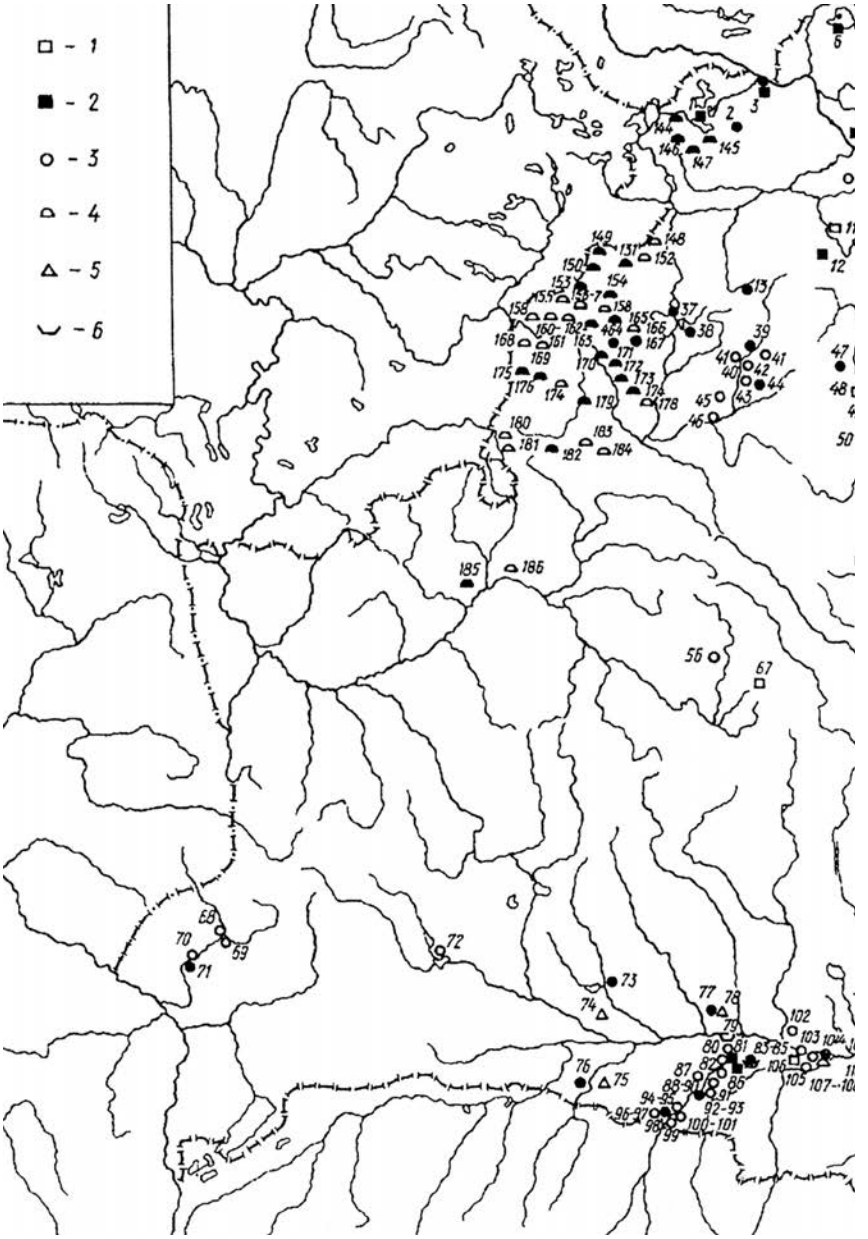
[2] *Вяргей В. С., Гаўрытухін І. А.* Пражская культура. С. 217–220.

[3] *Вергей В. С.* Пражская культура в Беларуси. С. 487–502.

[4] *Там же.*

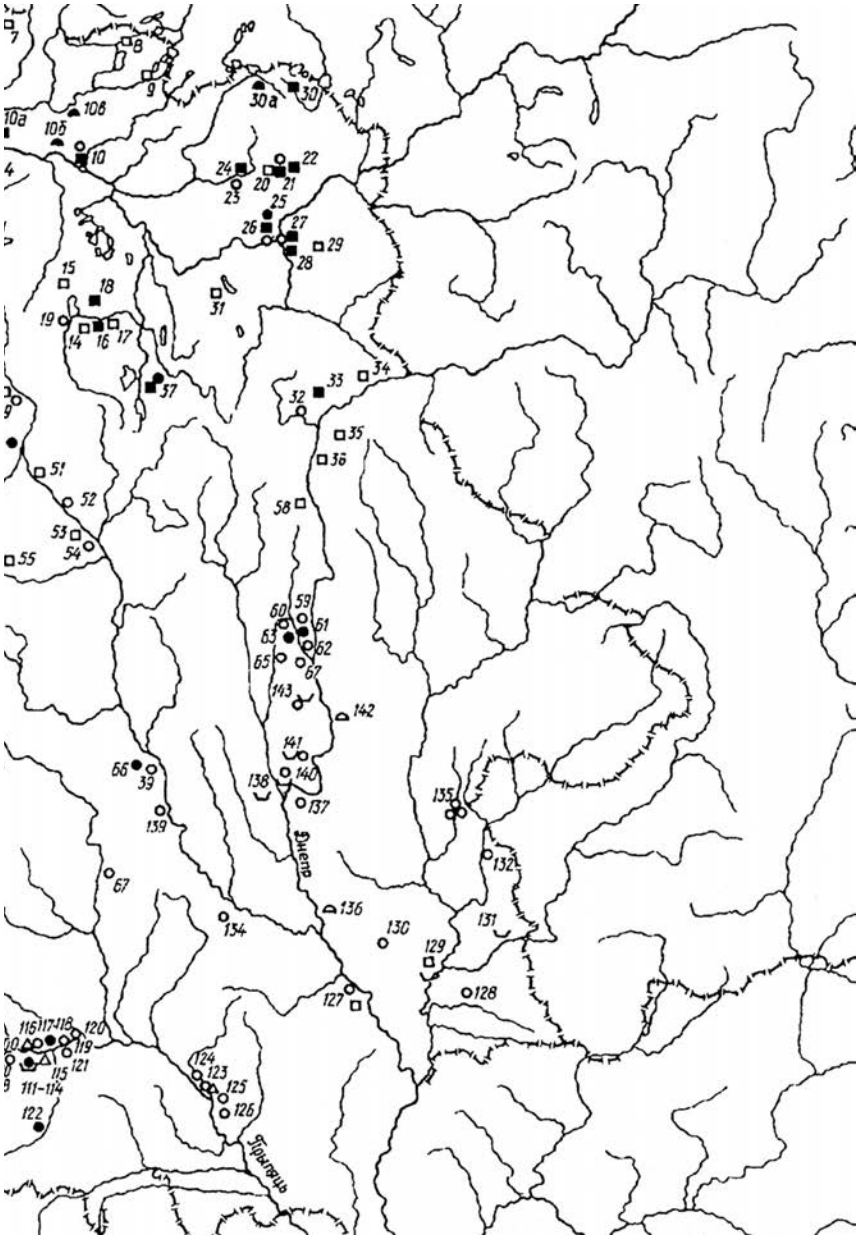
[5] *Поболь Л. Д.* Древности Туровщины; *Тимофеенко А. Г.* Археологические исследования в Гомельском и Лоевском районах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 21. Мінск, 2006. С. 209–210.

[6] *Вергей В. С.* Пражская культура в Беларуси. С. 487–502.



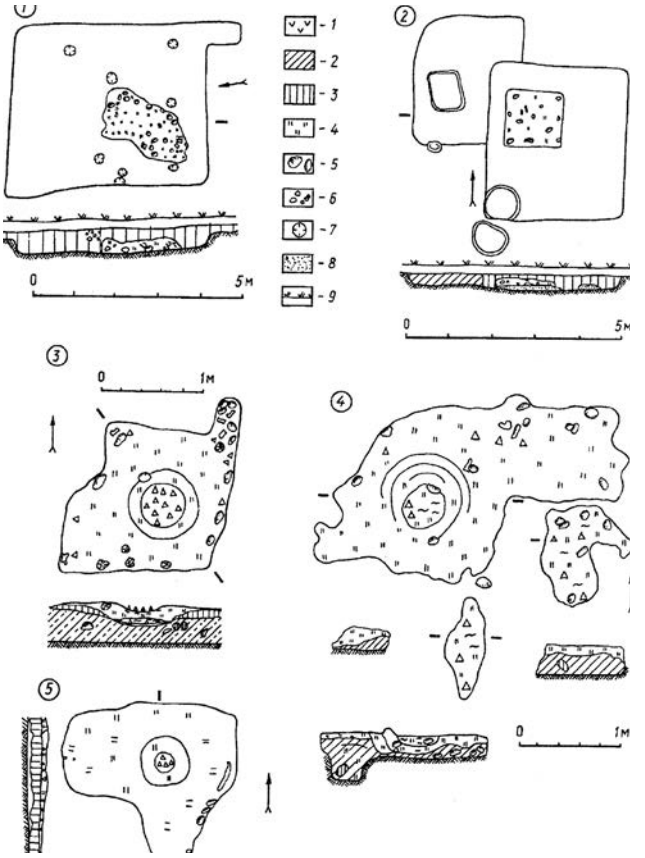
Карта памятников второй половины 1-го тыс. н. э. на территории Беларуси: *1* – городища; хождения; *6* – бескурганные могильники.

Памятники банцеровской культуры (*1–67*); памятники пражской культуры (*68–122*); (*144–186*); памятники культуры ранних длинных курганов (*30 а*, *106 в*): *68* – Шишово; *69* – патин; *76* – Остров; *77* – Кожан-Городок; *78* – Лахва; *79* – Хорск; *80* – Лядец; *81* – Хоромск; *91* – Ямное; *92*, *93* – Струга; *94*, *95* – Верхний Теребежов; *96*, *97* – Нижний Теребежов; *98*, *99* – *105* – Бурезь; *106* – Хильчицы; *107*, *108* – Черничи; *109* – Семурадцы; *110* – Хлупин; *111–114* – *120* – Новосёлки; *121* – Шестовичи; *122* – Липляны



2 – памятники, исследованные во время раскопок; *3* – селища; *4* – курганы; *5* – местона-

памятники колочинской культуры (*123–143*); памятники культуры восточнолитовских курганов Угляны; *70* – Владычица; *71* – Блювиничи; *72* – Спорово; *73* – Камень 6; *74* – Сошно; *75* – Ло- *82* – Бережное; *83–85* – Хотомель; *86* – Либлино; *87* – Столин; *88–90* – Викаровичи; Бухличи; *100*, *101* – Воронино; *102* – Долгая Дуброва; *103* – Вересница; *104* – Воронино; Снядин; *115* – Беляны; *116* – Турок; *117* – Макаричи; *118* – Петриков; *119* – Белановичи;



Планы и профили жилищ (*1–2*) и металлургических печей (*3–5*) поселений Струга 1 Столинского и Снядин 2 Петриковского р-нов. Раскопки В. С. Вергей

Основу хозяйства составляли земледелие и животноводство. Была развита черная металлургия – производство железа из местной болотной руды и его дальнейшая обработка. На поселении Снядин 2 находился металлургический комплекс, на котором изучено 5 печей по выплавке железа[1].

Материальная культура пражского населения имеет «сельский облик». Наиболее частой находкой являются фрагменты лепных горшков с наибольшим расширением в верхней трети по высоте.

Ранние формы представлены слабопрофилированными сосудами, как правило, без орнамента. В ряде регионов встречаются глиняные «хлебцы». Пряслица также глиняные, имеют биконическую, сферическую или уплощенную форму[2]. Среди железных предметов быта наиболее широко представлены ножи. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня встречаются редко. Украшения и детали одежды представлены как зарубежного (в том числе с территории Византии), так и местного производства (иногда – имитации про-

[1] *Вяргей В. С.* Металургічны комплекс на раннеславянскім паселішчы Снядзін-2 // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 34–39.

[2] *Вергей В. С.* Пражская культура в Беларуси. С. 487–502.

Жилая постройка с глинобитной печью на поселении Снядин 3 Петриковского р-на. Раскопки Е. Ф. Касюк

винциальноримских): фибулы, пряжки, накладки на ремень, кольца, бусины, серьги[1].

На основе пражской культуры и при ее участии сформировались многие славянские культуры последней четверти 1-го тыс. н. э. Прямым наследником считается *райковецкая культура* (культура типа луки-райковецкой, лука-райковецкая культура). В период своего расцвета она занимала территорию от Западного Буга на западе до Среднего Днепра на востоке и от Припяти на севере до Надпорожья и среднего течения Южного Буга и Днестра на юге[2]. Свое название культура получила от поселения в урочище Лука около с. Райки Бердичевского р-на (Украина).

Хронологические рамки райковецкой культуры определяются рубежом VII/VIII – X вв. На ранних этапах (рубеж VII/VIII – IX вв.) она имеет типичный облик славянских культур с характерным набором лепной керамики и предметов быта. Поздний этап (конец IX – X в.) выделяется в контексте формирования древнерусской культуры.

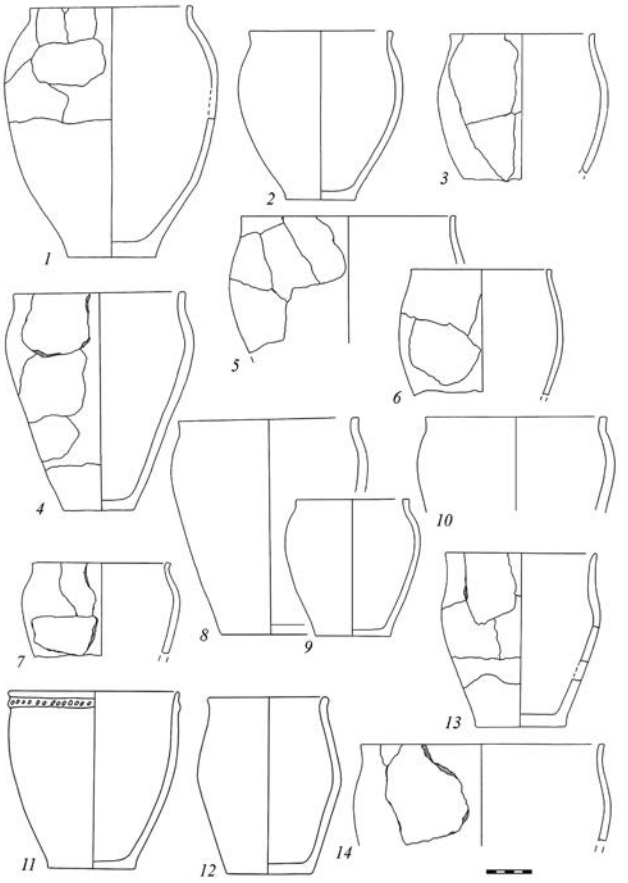
В Беларуси памятники райковецкой культуры, как и предшествующей пражской, изучены прежде всего на юге страны. На настоящий момент их известно свыше 30[3].

Необходимо отметить, что материалы райковецкой культуры, главным образом лепная керамика, содержатся в культурном пласте многих памятников,

[1] *Вяргей В. С., Гаўрытухін І. А.* Пражская культура // Археалогія Беларусі: у 2 т. Т. 2. С. 217–220.

[2] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 1990.

[3] *Вяргей В. С.* Помнікі тыпу Лука-Райкавецкая на Беларусі // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. С. 337–348.



Лепная посуда с памятников пражской культуры Беларуси. *1–7, 9, 13–14* – Петриков 2; *8, 10* – Снядин 3; *11–12* – городище Хотомель (по В. С. Вергей)

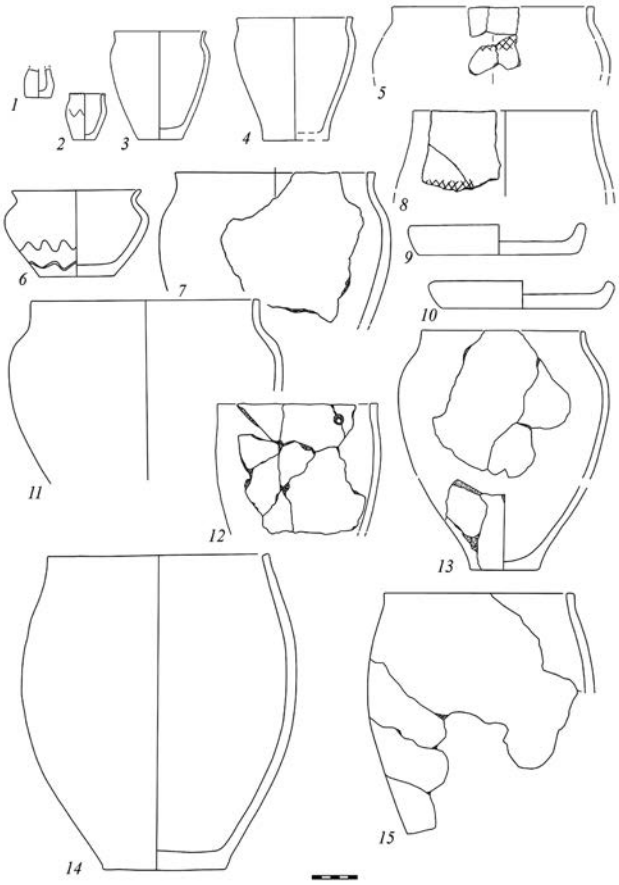
расположенных далеко на север от р. Припять. Этот факт говорит об активном распространении славянского населения в последней четверти 1-го тыс. н. э. на территории современной Беларуси и за ее пределами.

Материалы райковецкой культуры обнаруживают на открытых поселениях и городищах. В Беларуси наиболее выразительно древности славянских культур второй половины 1-го тыс. н. э. представлены на известном памятнике Хотомель на Горыни.

Судя по топографии и полученным материалам, он был племенным центром, который возглавлял общественную, экономическую и политическую жизнь определенной округи[1].

К концу 1-го тыс. н. э. относится возникновение в Полесье открытых торгово-ремесленных поселений, или протогородов, которые аккумулировали определенные административные, военные, ремесленные и торговые функции. Их характерной чертой являлась принадлежность к международной торговле. Одним из таких исследованных памятников является археологический комплекс

[1] *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа.



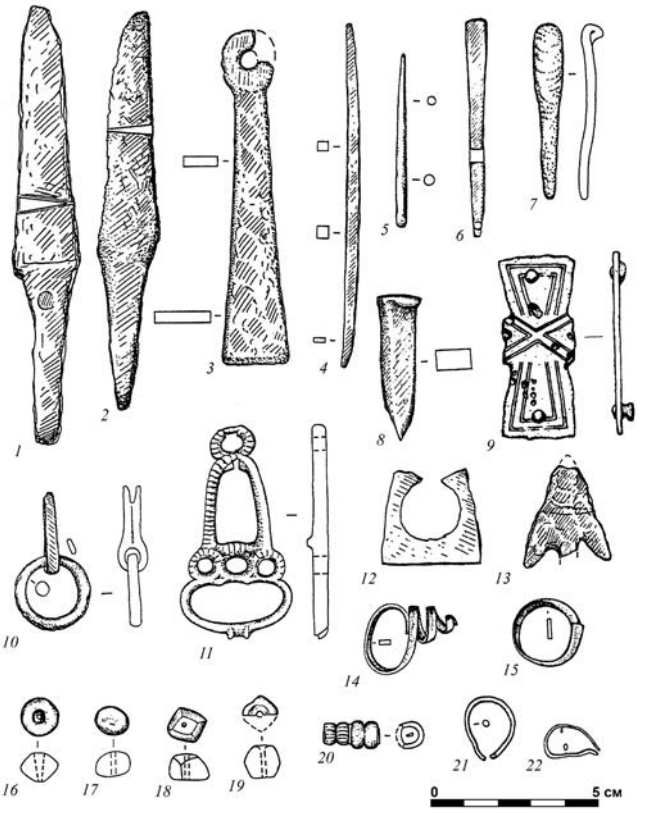
Лепная посуда с памятников пражской культуры Беларуси: *1–2*, *4–5*, *7–8* – Снядин 3; *3*, *9–11* – Снядин 2; *6* – Струга 1; *12–15* – Остров (по В. С. Вергей)

около д. Городище на р. Ясельда. Он состоит из небольшого укрепленного центра и значительного по площади поселения. Основную массу находок составляют предметы X – начала XI в., этим же временем датируются остатки жилых построек. В вещевом комплексе городища присутствуют ремесленные изделия как местного, так и ближневосточного, центральноазиатского и западноевропейского происхождения (украшения, предметы вооружения, снаряжение коня и всадника, орудия труда и быта).

Исследователи считают, что поселение Городище было основано славянскими племенами в конце VIII в. На протяжении IX в. оно постепенно разрастается, а к X в. благодаря своему выгодному географическому положению на «Припятско-Неманском водном торговом пути» и, соответственно, бурному развитию становится крупнейшим торгово-ремесленным поселением в регионе[1].

На памятниках последней четверти 1-го тыс. н. э. с территории Белорусского Полесья помимо вещей собственно райковецкой культуры были обнаруже-

[1] *Іоў А. В., Вяргей В. С.* Старажытнае паселішча на Ясельдзе. Мінск, 2012.



Поселение Снядин 2. Изделия из металла (*1–15*; *21–22*) и стекла (*16–20*) (по В. С. Вергей)

ны предметы иноземного происхождения. Анализ направлений поступления этих вещей позволяет утверждать наличие контактов местного населения с племенами Оршанско-Могилевского Поднепровья, Белорусского Подвинья, Левобережья Днепра, Подонья и Приазовья[1].

Согласно летописным данным, накануне образования Киевской Руси у восточных славян существовали 14 крупных групп (или союзов) племен: поляне, древляне, волыняне (дулебы, бужане), уличи, тиверцы, хорваты, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, ильменские словене[2]. На территории Белорусского Полесья располагались дулебы, позже – волыняне (басейны верховьев Западного Буга и Припяти) и дреговичи (территория на север от Припяти). Дулебы появляются на страницах летописи в связи с описанием славяно-аварских войн VII в., самое позднее упоминание о них относится к X в.

[1] *Касюк А. Ф.* Беларускае Палессе ў канцы VII–VIII ст. і ў пачатку X ст. н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 62–98.

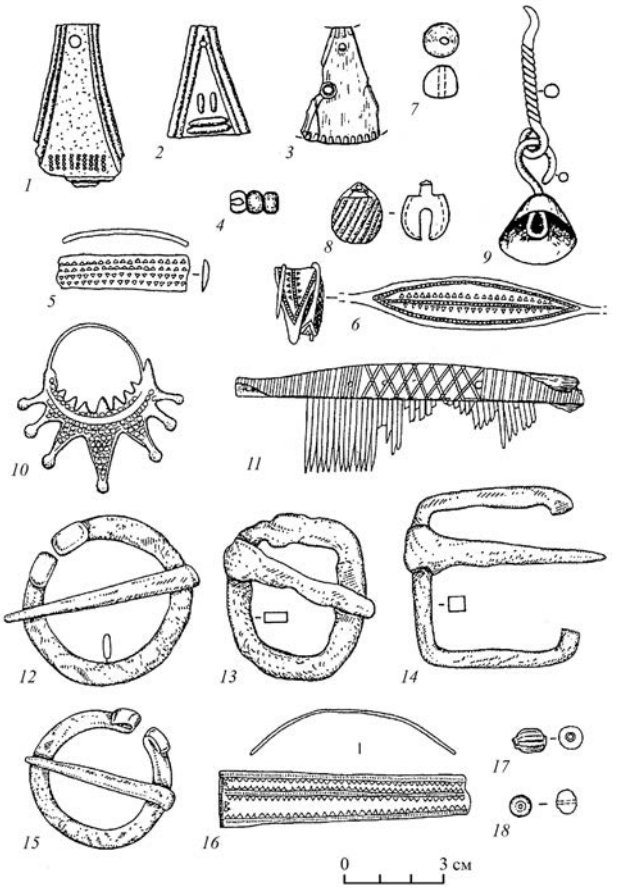
[2] Повесть временных лет: в 2 ч. / подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. 1-е изд. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. Лаврентьевский список.

Городище Хотомель в Столинском р-не. Современный вид

Этнокультурные процессы в Центральной и Северной Беларуси. По материалам археологических исследований, проведенных в Витебском Подвинье, а также междуречье Западной Двины и Днепра на территории Беларуси, установлено, что в отличие от центральной (Полоцкое Подвинье) и западной (белорусско-латышское порубежье) частей Белорусского Подвинья здесь имеют место процессы активного наполнения региона новым населением и новыми традициями хозяйственной жизни. Так, О. Н. Левко пришла к выводу, что в первой половине 1-го тыс. это было движение населения с южных регионов[1]. Уже с III в. н. э. здесь появляются элементы культуры, присущие кругу древностей праславянской *киевской культуры* (или верхнеднепровского ее варианта – *культуры типа Абидни*). На селище в г. п. Городок и на городище Новое Село Сенненского р-на были найдены не только характерные для киевской культуры керамические изделия с орнаментом в виде «расчесов», но и черняховские бусы. Материалы этого времени, узнаваемые в комплексах киевской культуры, встречаются и на других памятниках[2]. Распространение римских монет в Витебском

[1] *Левко О. Н.* Культурные трансформации в I тысячелетии н. э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 271–320.

[2] *Кенько П. М.* Городище у д. Витуничи // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 161–169; *Кенько П. М., Дернович С. Д.* Поселение Бирули II в системе синхронных древностей // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 169–179; *Шадыра В. І.* Матэрыяльная культура археалагічнага комплексу на возеры Селява ў Дняпроўска-Дзвінскім міжрэччы: I–VIII стст. н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 197–255; *Кенько П. М.*

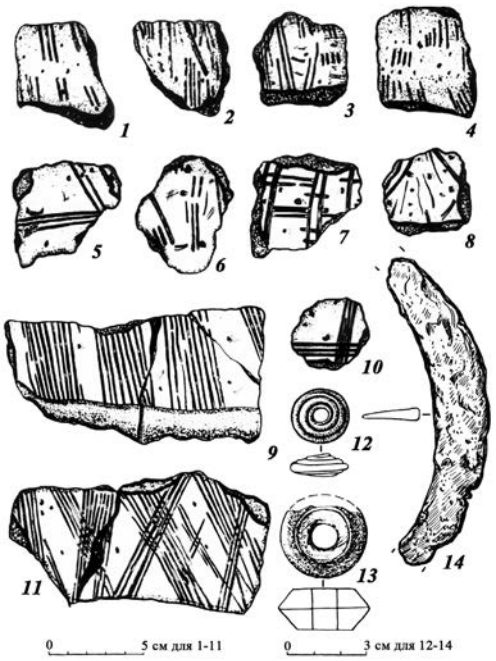


Украшения, детали костюма и предметы быта с памятников райковецкой культуры: *1–6, 11, 13–14, 16–18* – Городище; *7–9* – Курадово; *10, 12, 15* – Хотомель

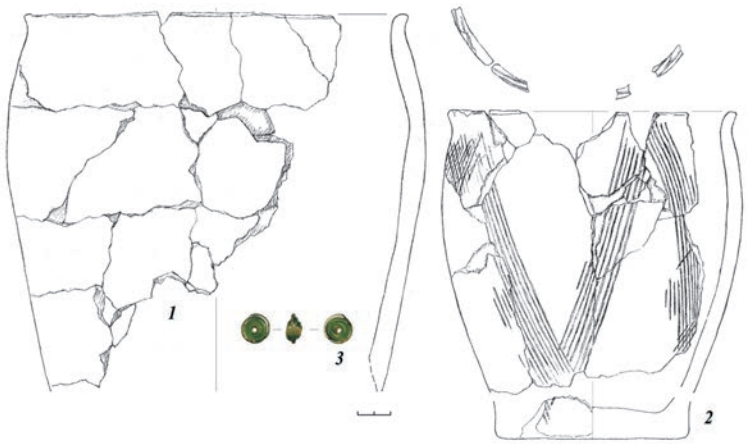
Подвинье (выявлены на археологическом комплексе Кордон в Шумилинском р-не в 2016 г.)[1] также связано с проникновением сюда в III–IV вв. групп населения круга киевской культуры, которое через посредничество черняховской культуры было знакомо с этой категорией римского импорта. В IV–V вв. влияние данных новаций распространилось на всю территорию, которую занимал в третьей четверти 1-го тыс. н. э. банцеровско-тушемлинский ареал. Поэтому *киевская культура* в той или иной степени является подосновой *банцеровской и тушемлинской культур* VI–VIII вв., локализованных на территории Центральной и Северной Беларуси. В третьей четверти 1-го тыс. н. э. наблюдается также сближение культурных влияний с юго-востока (продвижение носителей славянской

Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры с селища Черная Лоза // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 255–262; *Подгурский П. Н.* Археологические исследования в Новом Селе (предварительные результаты) // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рожд. Л. Д. Поболя. Кн. 2. С. 263–270.

[1] *Ляўко В. М., Сідаровіч В. М.* Рымскія манеты з гарадзішча і селішча каля вескі Кардон у Беларускім Падзвінні. Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2017. № 4.



Материалы раскопа 1 на селище у оз. Луговое: *1–11* – фрагменты керамики; *12* – стеклянная бусина; *13* – глиняное пряслице; *14* – железный серп. Раскопки О. Н. Левко



Городище Новое Село. Сосуды второй четверти 1-го тыс. н. э.: *1* – гладкостенный; *2* – с расчесами, *3* – стеклянная бусина. Раскопки П. Н. Подгурского

колочинской культуры в Оршанское Поднепровье) и с севера (продвижение ранних кривичей – носителей культуры длинных курганов в Белорусское Подвинье)[1]. Наиболее ярко в рассматриваемом регионе контакт населения севера и юга отражен в керамике и традициях погребального обряда.

Расселение кривичей принято фиксировать по распространению могильников, содержащих длинные и удлиненные курганы. Так как основная концен-

[1] *Левко О. Н.* Культурные трансформации в I тысячелетии н. э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья. С. 271–320.

Археологический комплекс Кордон. Римские монеты: *1* – денарий Марка Аврелия (164 г. н. э.). Городище; *2* – дидрахма Веспасиана и Тита (69–79 гг. н. э.) Селище 1. Раскопки О. Н. Левко

трация известных наиболее ранних длинных курганов приходится на территорию Псковщины, а в Северной Беларуси эти памятники, датируемые VI–VII вв., выявлены лишь в Россонском и Городокском р-нах, то есть все основания полагать, что ранние кривичи продвигались с территории Псковщины в Белорусское Подвинье, а не наоборот, как считает Г. В. Штыхов[1]. Такой постановке вопроса не противоречит и хронология древностей, выявленных в разных частях лесной зоны Восточной Европы, которые соотносятся с кривичами.

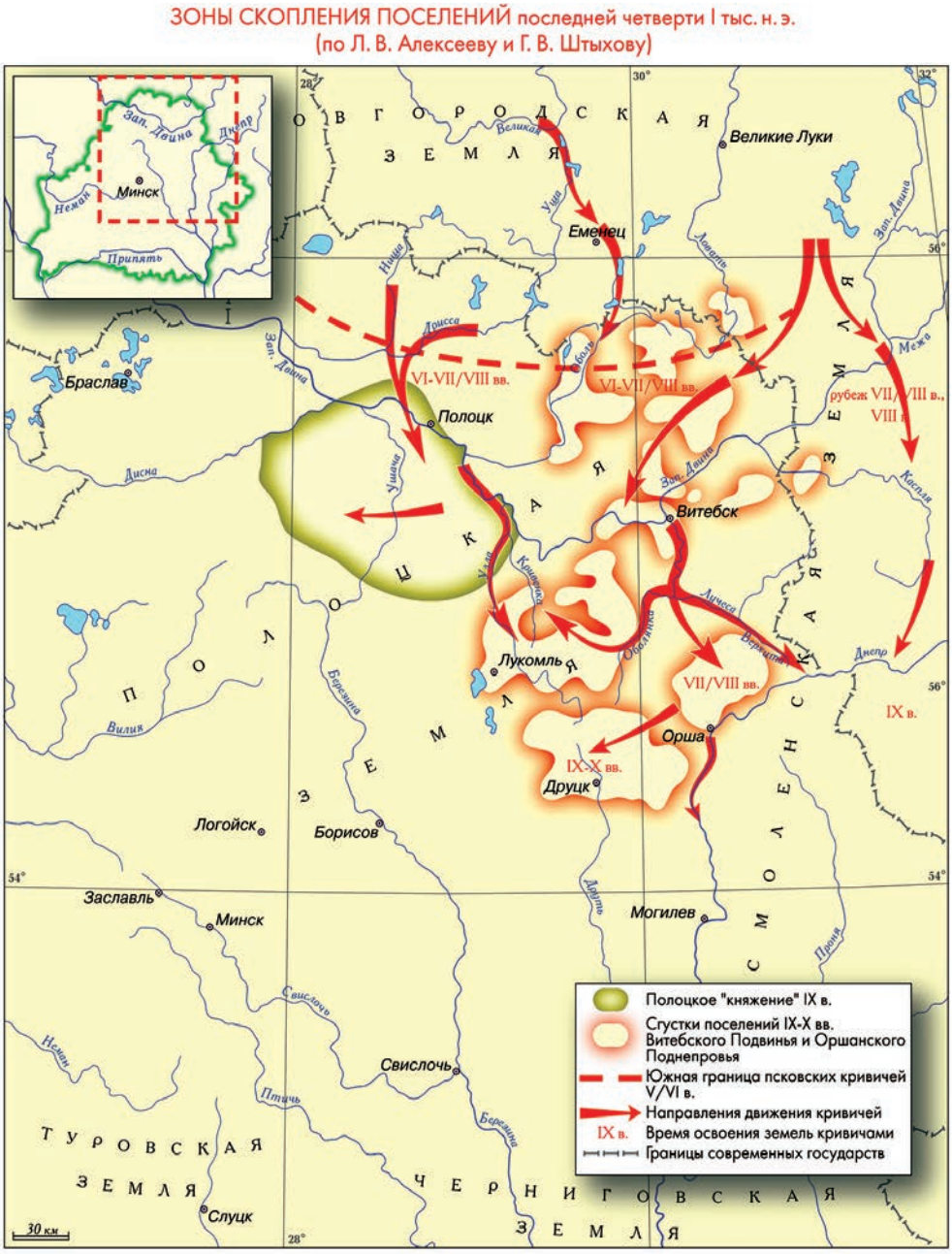
В Белорусском Подвинье на протяжении VI–VII вв. эти могильники распространяются с территории Псковщины и Россонского р-на к Ушачскому Поозерью (левобережье Полоцкого Подвинья). Параллельно с верховьев р. Ловать (курганный могильник Дорохи в Городокском р-не) они проникают в глубь Витебского Подвинья и по волокам из Лучесы в Оршанское Поднепровье. В этом отношении показателен могильник у оз. Ореховское. Удлиненные курганы на водоразделе Западной Двины и Днепра (бассейн р. Оболянки в Сенненском р-не, оз. Ореховское в Оршанском р-не, р. Верхита в Дубровенском р-не фиксируют южный рубеж первого этапа расселения кривичей в северной Беларуси[2]).

Известных по летописи кривичей ученые также соотносят и с распространением второго этапа древностей культуры «длинных курганов» во второй половине VIII–XI вв. (смоленско-полоцкие кривичи), который по обряду, видам керамических изделий, инвентарю и форме насыпей курганов коренным образом отличается от первого.

Итак, носители *культуры длинных курганов* прежде всего заняли междуречье Уллы и Ушачи (восточная часть современного Ушачского р-на), где сконцентрировано значительное количество крупных и мелких озер. От Витебского Подвинья поселения и могильники данной зоны отделяла Улла, впадающая, как и Ушача, в Западную Двину. Основной массив курганов и в IX–X вв. был сконцентрирован южнее Полоцка, по берегам Ушачи и озер. На Полоте общей протяженностью в 60–70 км, впадающей в Западную Двину с правой ее стороны, встречается мало археологических памятников этого времени, что связано с неурожайными почвами, болотами, чередующимися с песками. Поэтому погребальные объекты в округе д. Малое Ситно и д. Захарничи Полоцкого р-на

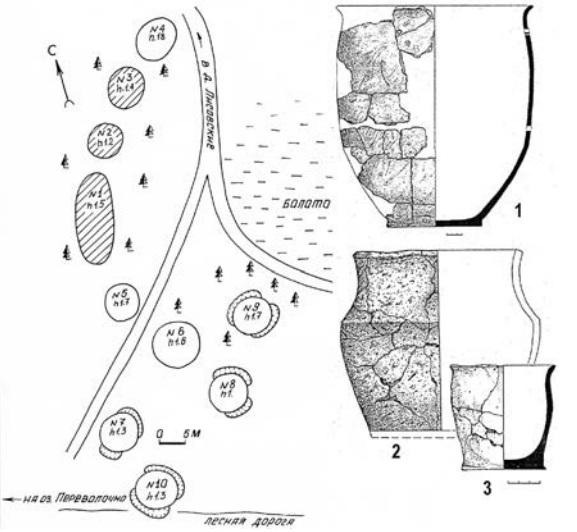
[1] Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. С. 383–384

[2] *Левко О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства. С. 36–41.



Продвижение кривичей с территории Псковщины в Белорусско-Смоленское Подвинье и Оршанское Поднепровье (VI–XI вв.). Реконструкция О. Н. Левко по материалам исследований Г. В. Штыхова, Л. В. Алексеева, Е. А. Шмидта

Погребальные сосуды третьей четверти 1-го тыс. н. э. из курганов у д. Дорохи (*а, б*) Городокского р-на; д. Повалишино (*в*) Россонского р-на Витебской обл.; лепные горшки IX в.: *г* – Полоцк, городище. Насыпь вала; *д* – Витебск, Нижний замок. Раскопки Г. В. Штыхова



План курганной группы 2 у оз. Ореховское (по О. Н. Левко, 1990 г.): *1* – погребальная урна из кургана № 1; *2, 3* – погребальные урны из кургана № 3

датируются периодом не ранее XI в.[1] Пространство между правыми притоками Западной Двины Полотой и Оболью в связи с его природными особенностями долгое время не заселялось. Зона междуречья Ушачи и Уллы, максимально приближенная к полоцкому городищу на Западной Двине и пригодная для развития хозяйственной деятельности, напротив, становится ядром формирования территории княжения кривичей-полочан, а затем Полоцкой волости (княжества).

Г. В. Штыхов, изучая древности кривичей, соотносил зоны их расселения с синхронными им археологическими культурами, отраженными в курганном инвентаре и традициях погребального обряда, а также в поселениях. Он пришел к выводу, что на территории Северной и Центральной Беларуси погребальные памятники в одном случае отражают симбиоз балто-славян, в другом – славяно-балтов, а в третьем принадлежат славянам[2].

Таким образом, этнокультурные процессы второй половины 1-го тыс. н. э. способствовали формированию в Восточной Европе устойчивых общностей на определенных территориях, в которых господствовал племенной уклад, но уже сложились как внутренние, так и внешние предпосылки для более высокого уровня развития общества. Скопления курганов VI–VII/VIII вв. в междуречье Ушачи и Уллы, Городокском Поозерье, округе Витебска и оз. Ореховского марки-

[1] *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. С. 100.
[2] Там же.

Городок Витебской обл.: *а* – общий вид археологического комплекса у оз. Луговое (селище с курганами); *б* – погребальная урна № 3 из кургана 1 (1986); *в* – погребальная урна № 1 из кургана 2 (2014). Раскопки О. Н. Левко

руют зоны формирования территориально-племенных структур IX–X вв. в Полоцком и Витебском Подвинье, а также в Оршанском Поднепровье[1].

Однако существующая в литературе неоднозначность трактовки этнической принадлежности ряда археологических культур усложняет решение вопроса об этническом составе населения накануне возникновения государственности на белорусских землях.

2.3. ПЛЕМЕННЫЕ КНЯЖЕНИЯ – ПЕРВЫЕ ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В IX–X ВВ.

Княжение полочан. Как уже отмечалось, ядро формирования территориально-племенной структуры – *княжения полочан* VIII/IX вв. располагалось между реками Уллой и Ушачей, впадающими в Западную Двину. На северо-востоке массив поселений кривичей и аборигенов (банцеровская культура) ограничивался Уллой и Оболью (левый и правый притоки Западной Двины), разделяющими Полоцкое и Витебское Подвинье. Территория Полоцкого Подвинья затем стала основой Полоцкой волости (княжества). Ее центр занимал выгодное местоположение на полоцком городище при впадении Полоты в Западную Двину. В отличие от Новгорода, где слоев ранее X в. на поселениях, составивших его

[1] *Левко О. Н.* Племенные структуры, погосты и волости Витебского Подвинья в конце I – начале II тысячелетия. С. 16–29, 31–49; *Ее же*. Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячеления // Весн. МДУ імя А. А. Кулешова. 2001. № 1 (8). С. 16–29.

территорию, не было обнаружено, в Полоцке в непосредственной близости к городищу выявлены селища со слоями культуры длинных курганов, перекрытыми слоями раннегородских структур (посадов). Это позволяет утверждать, что Полоцк, будучи племенным центром, перерос в раннегосударственный на той же основе (городище + селище, а затем посад). Как и в Новгороде, княжеская резиденция в Полоцке длительное время располагалась на городище (до начала XIV в.). Но в отличие от Новгорода в месте ее размещения не зафиксировано присутствия варягов. Этот факт, как и наличие древнейших городских слоев, сопоставимых с культурой населения округи, свидетельствует о самостоятельном формировании раннегосударственного центра Полоцкой земли без вмешательства извне[1].

Чтобы закрепить свою власть над местным населением, кривичи должны были иметь определенную социальную организацию. Такой организацией стало *княжение полочан*, а Полоцк – центром управления подвластной территорией[2]. В недатированной части «Повести временных лет» отмечается: «...*держати почаша родъ ихъ княжэнье... на Полоте, иже Полочане.* От нихъ же кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленск»[3]. Здесь очевиден родовый принцип организации княжеской власти. У полочан – «словенск язык». Вероятно, что именно тогда, когда Полоцк занял главное место среди других родовых центров Полоцкого Подвинья, появилось название «полочане». Оно расшифровано словами: «Нарекошася полочане, речьки ради... имянем Полота». Археологически подтверждено, что кривичи, смешавшиеся с аборигенами, были первыми поселенцами полоцкого городища и прилегающего к нему со стороны будущего Окольного города (Нижнего замка) селища.

Рубежи владений, принадлежащих полочанам, на севере и востоке проходили по заболоченной местности, которая отделяла их от остальной территории кривичей (псковских и смоленских) течением рек Дрисса и Оболь. На западе владения полочан могли включать территорию современного Глубокского р-на, где их опорным пунктом в IX в. представляется городище Свило 1, позднее уступившее свои функции Городцу на р. Мнюте (Шарковщинский р-н)[4]. На юге территория полоцких кривичей была отделена р. Уллой от Лукомльского скопления поселений. Территориальный рост Полоцкого княжения осуществлялся изначально в западном и южном направлениях.

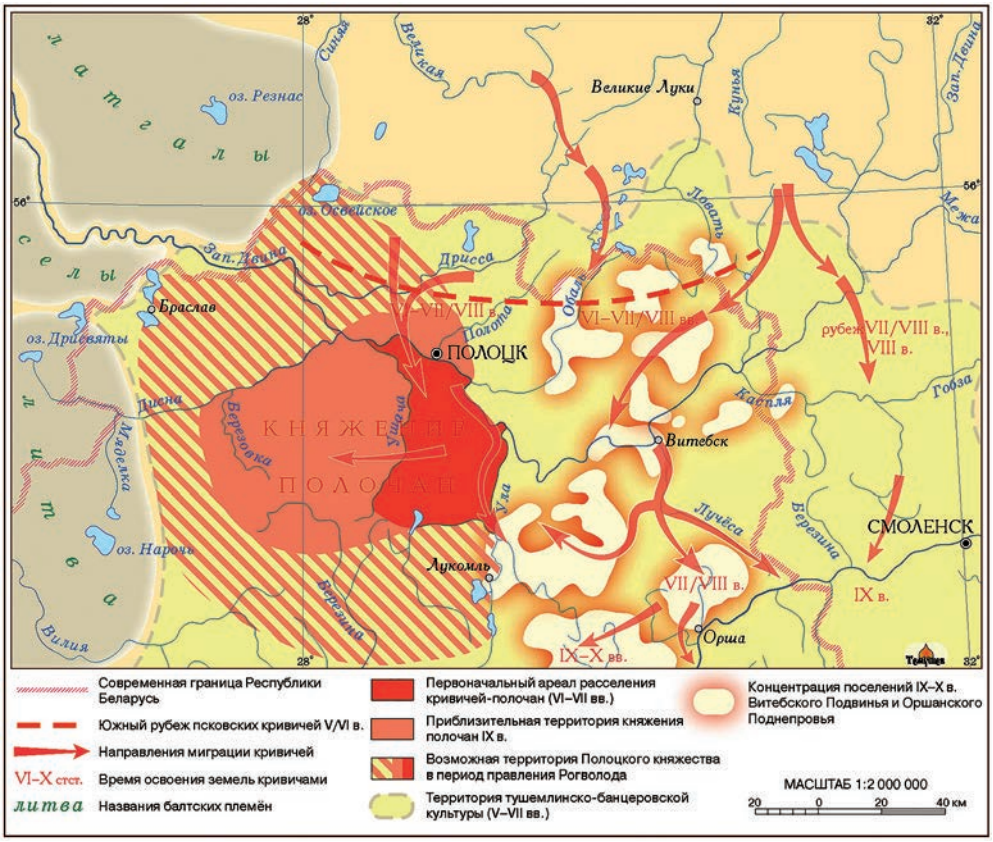
На западе Полоцк привлекали районы, населенные литвой и латгалами, которые могли платить дань, а также территория устья Западной Двины, дававшие доступ населению Полоцкого Подвинья к торговле с западными заморскими землями. Еще на рубеже VIII–IX вв. Полоцк перекрывает движение товаров с запада на восток к территории формирования смоленских владений, тем самым обеспечивая себе лидирующее положение в укреплении торговых отношений с ближними и дальними регионами.

[1] Полоцк. С. 52–54, 78–79.

[2] *Заяц Ю. А.* У истоков Белорусской государственности // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Мінск, 1994. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 24–28.

[3] Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1999. С. 13, 18.

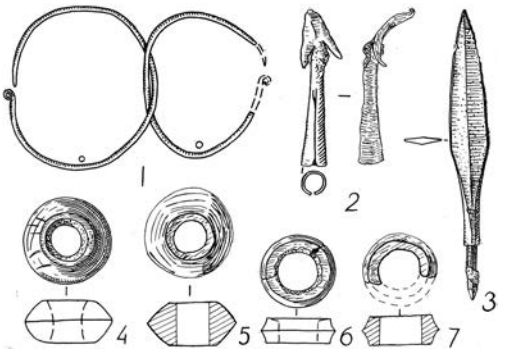
[4] *Левко О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства. С. 36–41.



Этнополитическая ситуация на севере Беларуси в VI–X вв. (составил С. Н. Темушев по материалам О. Н. Левко)

Продвижение полочан на запад осуществлялось постепенно. Одним из пунктов колонизации западных территорий рубежа VIII–IX вв. можно предполагать городище Свило 1. Оно имеет значительные размеры площадки (100×80 м), укреплено тремя мощными валами и двумя рвами. Благодаря исследованиям Г. В. Штыхова в юго-восточной части городища выявлена лепная керамика с расчесами второй четверти и керамика банцеровской культуры третьей четверти 1-го тыс. н. э.[1] Проведенные А. Г. Митрофановым раскопки в северо-восточной части городища дали новый важный материал по этнокультурной принадлежности городища Свило 1 в VII–IX вв. Здесь, по мнению исследователя, были выявлены останки двух грунтовых погребений по обряду кремации. Одно из них содержало два бронзовых височных кольца с эсовидным завитком и двушипный втульчатый наконечник стрелы. Известно, что такие украшения и наконечники стрел имели широкое распространение на западнославянских памятниках и попали

[1] *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. С. 55.



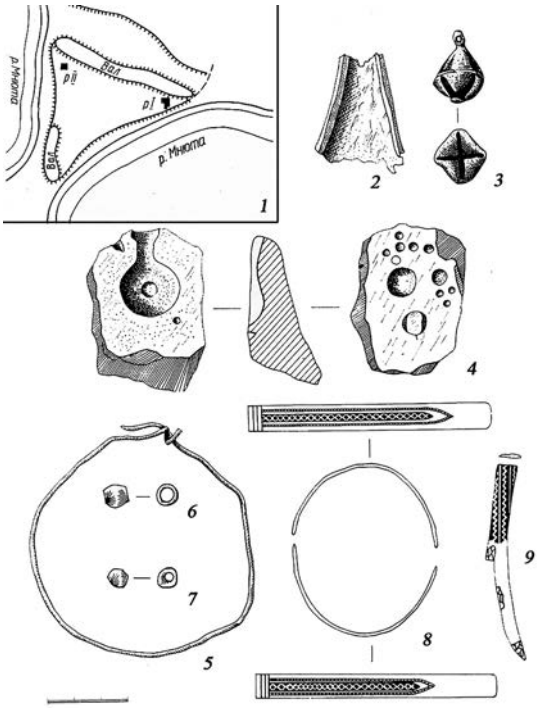
Предметы из раскопок городища Свило 1:
1 – височные кольца; *2, 3* – наконечники стрел; *4–7* – пряслица.
Раскопки А. Г. Митрофанова

на территорию Беларуси не ранее VII в. Второй значимой находкой на городище является хозяйственная яма, содержащая архаичный приземистый лепной горшок с плечиками и вертикальным венчиком. В горшке выявлены обгоревшие зерна озимой ржи. На территории Восточной Европы озимая рожь была зафиксирована в слое Старой Ладоги, датируемом VII–VIII вв. Таким образом, можно предположить, что височные кольца, наконечник и зерно в горшке принадлежат населению городища, проживавшему здесь в VII–VIII вв. и имеющему выраженный (западно?) славянский облик. Скорее всего, кремированные останки людей не являются погребениями, а сгорели при разгроме городища. Последняя из датирующих памятник находок – железный ромбовидный наконечник стрелы, характерный для восточнославянских поселений последней четверти 1-го тыс. н. э. Он располагался над содержимым хозяйственной ямы и, по мнению А. Г. Митрофанова, относится к IX в.[1] Можно согласиться с предположением, что именно в это время городище прекратило свое существование. Однако вряд ли поселение было заброшено ушедшими с него кривичами, как считают А. Г. Митрофанов и Г. В. Штыхов. Скорее наоборот, именно кривичи-полочане захватили и уничтожили его, расширяя свою территорию на запад. Во всяком случае, материалов, подтверждающих проживание кривичей на этом памятнике до его разгрома, не выявлено. Обнаруженные А. Г. Митрофановым на городище глиняные пряслица также относятся ко второй и третьей четвертям 1-го тыс. н. э. и связаны с проживавшими здесь носителями киевской («расчесники»), банцеровской и западнославянской культур[2].

Городище на высоком (более 20 м) берегу Мнюты, правого притока Дисны, расположено в 60 км западнее Полоцка. Оно подтреугольной формы со сторонами 100–110 м. Частично сохранился вал по краю площадки высотой 5,0 м. Г. В. Штыховым у северо-восточного края городища была выявлена лепная керамика VIII–IX в. и круговая X – начала XII вв., два глиняных биконических пряслица и железный нож. Важнейшими находками являются найденные почти у материка арабские дирхамы, датируемые 803–809 гг. и 914–934 гг. К этому же уровню относятся и шлаки с высоким содержанием железа, свидетельствующие о его местном производстве. В северо-западном углу городища также найдены железные шлаки, лепная и гончарная керамика. Кроме того, здесь обнаружены

[1] *Мітрафанаў А. Р., Каробушкіна Т. М.* Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1975. № 4. С. 38–40.

[2] *Левко О. Н.* Западные территории Полоцкого княжества (земли) в IX –XIII вв. // Браслаўскія чытанні (да 950-годдзя горада Браслава: Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі) / навук. рэд. В. М. Ляўко; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. Мінск, 2016. С. 5–15.



Городище Городец на р. Мнюта и вещевой материал: *1* – схема раскопов на городище; *2* – подвеска; *3* – бубенчик; *4* – литейная форма; *5* – височное кольцо; *6, 7* – бусины; *8* – браслет; *9* – фрагмент шейной гривны. Раскопки Г. В. Штыхова

каменная литейная форма, фрагменты орнаментированных бронзовых пластинчатого браслета и шейной гривны, проволочное браслетообразное кривичское височное кольцо с завязанными концами, трапециевидная подвеска, бубенчик с крестообразной прорезью и две бусины. Все эти находки, по мнению Г. В. Штыхова, как и разрез вала, свидетельствуют о сооружении в VIII–IX вв. на берегу р. Мнюта укрепленного поселения полоцких кривичей, которое в последующее время (X–XI вв.) могло выполнять роль административного и торгового центра определенной округи. Этот вывод подкрепляется находками арабских дирхамов не только на городище, но и вблизи его (клады у деревень Плиса, Поречье, Горовляны на территории Глубокского р-на)[1].

Княжения на территории Витебского Подвинья, междуречья Двины и Днепра. Сложившиеся одновременно с княжением полочан территориально-племенные зоны, основанные кривичами в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье, а также племенные образования с центрами в Лукомле и Друцке (рубеж VIII/IX–X вв.), как показывают археологический материал и письменные источники, попадают в состав Полоцкого княжества, а позднее – земли в конце X – начале XI в.[2]

Друцкое и Лукомльское племенные княжения. В верховьях Друти и ее притоков на территории Толочинского и Круглянского районов в VIII–IX вв. сложилась

[1] *Штыхаў Г. В.* Гарадзішча Гарадзец на рацэ Мнюта // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. Мінск, 1985. С. 169–174.

[2] Полоцк. С. 38–39.

племенная территория с центром в Друцке[1]. Как показывают материалы курганных могильников IX–X вв. из округи Друцка и зоны друцких волоков[2], население данной территории представлено южнорусским компонентом луки-райковецкой культуры. Формирование нового состава населения, судя по исследованным городищам, селищам и могильникам Толочинского и Оршанского р-нов, в данном регионе особенно интенсивно протекало в VII – первой половине X в.[3] Формирование племени «лукомян» с центром в Лукомле, исходя из состава археологического материала на городище, также относится к VIII–IX вв. Верхние напластования содержат материалы раннеславянских культур южного происхождения. Оборонительные укрепления городища отнесены Г. В. Штыховым к IX в. Наличие следов пожара X в. и усиление имеющихся оборонительных сооружений на городище[4] могут свидетельствовать о том, что именно в это время данная территория была включена в состав Полоцкого княжества.

Кривичи-смоляне. Кривичи, проникшие на рубеже VII/VIII и в VIII вв. из Ловатско-Двинского междуречья на территорию Смоленщины, оседали в бассейне Западной Двины по ее притокам: Меже и Каспле, продвинувшись к IX в. в Верхнее Поднепровье, где сформировался их центр – «град Смоленск» (Гнездово). Помимо племенных структур Смоленщины он, возможно, объединил вокруг себя также малые племенные образования Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья, связанные водными путями и обслуживавшие волоковые участки. Населенные пункты с названиями «Межа», «Межеево», «Полочане», «Смоляне», «Смолянцы» на водоразделе Днепра и Западной Двины в Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах косвенно указывают на пограничье между полочанами и смоленскими кривичами в IX–X вв. В то же время наличие порожистых участков на реках Западная Двина (при переходе в Касплю) и Днепр (на его изгибе в сторону Гнездово) способствовало обособлению локальных племен витебских и оршанских кривичей[5].

Дреговичи и их княжение. Являясь одним из наиболее многочисленных восточнославянских племен, дреговичи занимали значительные территории современной Южной и Центральной Беларуси. Согласно археологическим данным, южная их граница проходила вдоль полосы болот на юг от Припяти. На востоке природным рубежом между дреговичами и радимичами был Днепр. Северная граница с кривичами доходила до линии Борисов–Заславль, а на северо-западе и северо-востоке проходила по верховьям бассейна Немана и водоразделу Друти и Березины.

---

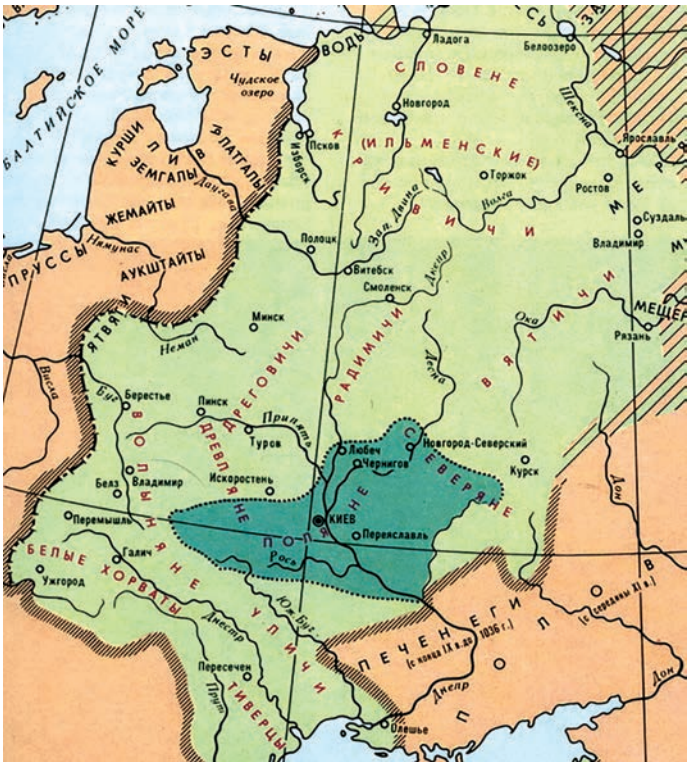
[1] *Левко О. Н.* Друцк и Друцкая волость (Историко-археологическая реконструкция) // Древнему Друцку 1000 лет: материалы к науч.-практ. конф. Витебск, 2001. С. 5–13.

[2] *Левко О.* Курганные древности X–XI вв. в окрестностях Друцка и друцких волоков // Acta Archaeologica Albaruthenica. 2011. Vol. VII. С. 159–178.

[3] *Левко О. Н.* Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия. С. 16–29.

[4] *Еремеев И., Штыхов Г.* Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta Arhaeologica Albarutenica. Минск, 2007. Vol. I. С. 110–134.

[5] *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси (формирование и развитие). С. 38.



Племена в Восточно-Европейском регионе. IX в.

Участие дреговичей в освоении земель Брестского Побужья (как и Верхнего Понеманья) не вызывает сомнений, однако они, видимо, не были там доминирующим населением. По археологическим данным, большинство славянского населения в этом регионе составляли волыняне (бужане), которые постепенно ассимилировали местные западнобалтские прелемена ятвягов[1]. Как бы там ни было, но очевидно, что земли Припятского Полесья занимают основное место среди бывших владений дреговичей.

Первые сведения о дреговичах в недатированной части «Повести временных лет» относятся, скорее всего, к периоду до середины IX в. Особого внимания заслуживает запись о собственном племенном княжении: «...держати почаша род их княженье в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое...»[2]. Это сообщение летописца дает основание полагать, что у дреговичей, как и у других упомянутых племен, до этого времени уже существовали предпосылки к формированию государственности.

Княжение дреговичей вначале охватывало, видимо, все земли племенного союза и до X в. развивалось в стороне от зон экспансии ближних и дальних

[1] *Седов В. В.* Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 413–418; *Іоў А. В.* Этнічны склад насельніцтва Заходняга Палесся ў X–XIII стст. (па матэрыялах сельскіх паселішчаў) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мінск, 1992. С. 32–33.

[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 11.

Византийский император Константин Порфирородный

соседей. Среди летописных славянских племен (в том числе и радимичей), плативших в VIII–IX вв. дань хазарам, дреговичи не названы. Нет их также и в перечне северных племен, обложенных в середине IX в. варяжской данью. На протяжении второй половины IX – середины X в., когда вначале князья Рюрик, Аскольд и Дир, а потом Олег и Игорь постепенно подчинили себе большинство восточнославянских племен, дреговичи оставались свободными. В качестве данников Киева они названы только однажды – в трактате византийского императора Константина Порфирородного (около 948 г., во время княжения Ольги)[1]. Однако из описания автора видно, что маршрут сбора дани, так называемое полюдье, проходил по рекам Днепр и Десна, т. е. охватывал только восточную окраину территории дреговичей, а основные их земли оставались далеко в стороне. Ориентировка речной системы левобережья Припяти по линии север-юг делала практически невозможной предварительную доставку дани из этих районов к днепровским дреговичским пунктам. Интересным кажется также факт, что в числе данников Киева императором Константином не названы радимичи, плативше дань Олегу с 885 г., а дреговичи в трактате являются единственным племенем, подчинение которого не отражено в славянских летописях.

Около 980 г. произошло событие, которому в летописи посвящено всего несколько слов. Однако именно в эти годы начинается письменная история центра дреговичского княжения: «...Рогволод пришел из заморья имяше власть свою в Полотске, а Туры в Турове, от него же и туровци прозвашася»[2]. Летописец упоминает имя князя Тура только мимоходом, не останавливаясь на подробностях его прихода к власти. Если учитывать западноевропейские события той эпохи, то вполне можно предположить, что некий варяг с дружиной действительно мог оказаться у дреговичей. Развитая речная система Восточной Европы, с одной стороны, использовалась для грабительских походов на богатые страны Востока и Византию, с другой – ее территория была неисчерпаемым источником дорогих натуральных продуктов (мех, мед, воск и др.) для торговли с этими странами. Славянская знать стремилась также обогатиться за счет оживления международной торговли и организации совместных с варягами военных походов. Необходимо отметить, что дреговичскую территорию пересекали две важнейшие международные торговые магистрали – Припятско-Бугская (через

[1] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.; Л., 1934. С. 10.
[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 54.

реки Пина и Мухавец) и Припятско-Неманская (через реки Ясельда и Россь). Последняя была наиболее коротким путем между землями Среднего Поднепровья и островом Готланд в Балтийском море.

Исходя из того, что в Восточной Европе ранние города IX–X вв. обычно назывались по малым рекам, на берегах которых строились племенные центры (Минск – Менка, Полоцк – Полота, Витебск – Витьба и многие другие), можно предположить, что центр княжения дреговичей – Туров назван также по одноименной реке Турейке, протекавшей в современном Калинковичском р-не. Здесь имеется укрепленное поселение, признаки которого археологически соответствуют признакам племенного центра. В зависимость от Киева Туровское княжение попало, скорее всего, в начале 80-х годов X в. Известно, что в 983 г. киевский князь Владимир Святославич идет в поход на ятвяг – северо-западных соседей дреговичей. Безусловно, он должен был двигаться через их земли, которые и подчинил.

Радимичи. Материалы археологических исследований в Гомеле и его окрестностях показали, что поселения этой территории уже с VIII в. можно соотносить с поселениями радимичей[1]. Согласно летописным данным, радимичи пришли «от ляхов»[2], т. е. из польских земель, и обосновались в Посожье между реками Днепр и Десна. Название это племя получило по имени своего предводителя Радима: «седоста Радим на Съжю». Их соседями с запада были дреговичи, с севера – кривичи, с юго-востока и востока – северяне, вятичи.

Возможность происхождения радимичей от западных славян рассматривалась на основе археологических материалов и в сравнении с другими территориями Беларуси, где выявлены западнославянские вещи. Были сделаны выводы о том, что процент западнославянских вещей у радимичей даже ниже, чем в областях, где проходит пограничье с польскими землями и ятвягами[3]. Доказано, что предшественниками радимичей в Посожье были племена колочинской культуры V–VIII вв. Генетическая связь между ними и радимичами не прослеживается. В южной части этих земель в VIII–X вв. фиксируется наличие населения роменской культуры, что дало основание для поисков прародины радимичей в области формирования этой культуры[4].

Во второй половине IX в. радимичи выплачивали дань Хазарскому каганату, как и ряд других восточнославянских племен. В 885 г. киевский князь Олег наложил на радимичей свою дань взамен хазарской[5]. В 907 г. радимичи участвовали в походе на Константинополь вместе с киево-полянскими, варяжскими дружинами и примкнувшими к ним северянами, кривичами, тиверцами в составе 80-тысячного войска «на конех и на кораблех». О. А. Макушников считает,

---

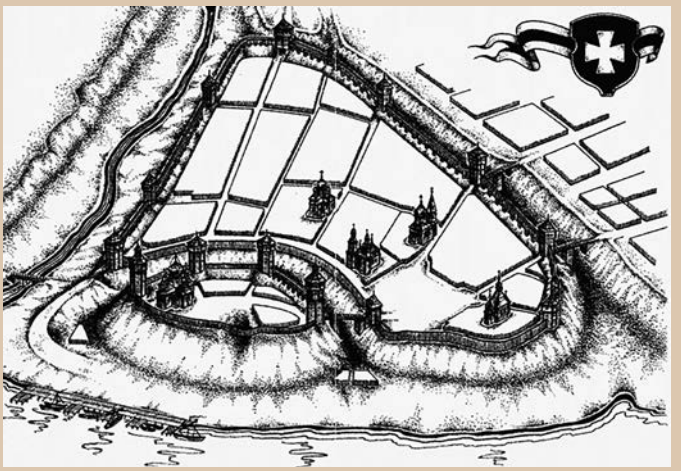
[1] *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. Гомель, 2002. С. 32.

[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 14.

[3] *Перхавко В. Б.* Западнославянское влияние на раннесредневековую культуру Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 26

[4] *Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н.* Русско-радимичское пограничье // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. № 3. С. 256.

[5] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 20.



Древний Гомий

что помимо указанных в договоре с Византией Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча дань выплачивалась в числе «прочая городы» и древнейшим центрам радимичей – Гомию (древний Гомель) и Чичерску[1]. Однако уже в 944 г., во время похода преемника Олега киевского князя Игоря на Константинополь, среди его участников радимичи не названы: «Игорь же совкупивъ вои многи, варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и тиверьце... поиде на Греки в лодьях и на коняхъ...»[2]. Отсутствие в этом перечислении племенных образований тех, которые занимали Чернигово-Северскую территорию (древлян, северян, радимичей, вятичей), позволило историкам полагать, что в годы княжения Игоря эти племена не были подчинены киевскому столу[3].

Центром обширной радимичской округи, которая охватывала значительную часть Нижнего Посожья, был Гомий. Он выполнял и функцию оборонной крепости на южных рубежах радимичских владений как при экспансии киевской великокняжеской власти, так и при набегах варяжских дружин, грабивших Поднепровские волости. В самом Гомеле и его окрестностях (в курганах) имеются находки монетного серебра и кладов, свидетельствующих о том, что в X в. это был значительный центр, ведущий активную дальнюю торговлю местными пушниной, медом и воском, собираемыми с подвластного ему населения. В это время площадь города достигала 4–5 га и он имел два пояса укреплений (детинец + окольный город)[4]. Показательными являются находки отдельных курганных захоронений. Так, в кургане у д. Юдичи Рогачевского р-на выявлена глиняная льячка для плавки цветных металлов (погребение ювелира), в кургане у д. Гадиловичи – безмен, а возле д. Колосы в кожанном мешочке на поясе

[1] *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. С. 35.
[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 21.
[3] *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013. С. 239.
[4] *Макушников О. А.* В поисках древнего Гомия. Гомель, 1994.

Битва на р. Песчана (Пещаня). Радзивилловская летопись

погребенной женщины выявлено пять широкорогих лунниц, бронзовый перстень и 143 стеклянные бусины. Этот дар, как и другие редкие находки, свидетельствуют об особом статусе погребенных.

Освоение радимичами Посожья способствовало возникновению и других центров в стратегически важных местах, позволяющих контролировать значительную территорию. Одним из таких центров стал Чечерск (летописный Чичерск), в котором на основе неукрепленного поселения роменской культуры VIII–IX вв., расположенного на берегу р. Чечоры, уже в X в. возведены фортификационные сооружения. Аналогично укрепления на поселении VIII–IX вв., расположенном на мысу при впадении р. Прони в р. Сож, дали начало развитию Прупоя (современного Славгорода). Он контролировал путь вверх по Сожу и выход в бассейн Прони. Эти центры были опорными пунктами колонизации Посожья радимичами. Поскольку радимичи были язычниками и поклонялись языческим божествам, есть предание о том, что на месте будущей Замковой горы в Кричеве существовало святилище Перуна[1].

В 984 г. новый киевский князь Владимир Святославич направил в радимичскую землю войско во главе с воеводой Волчий Хвост. Битва между киевским войском и радимичами произошла на р. Песчана[2]. Исследователи долгое время определялись с местоположением указанной в летописи реки и даже высказывали сомнение в правдоподобности сведений о данной реке и образе Волчьего Хвоста[3]. Убедительное обоснование местоположению реки на границе радимичских (гомийских) владений с киевскими привел О. А. Макушников,

[1] *Мяцельскі А. А.* Землі Пасожжа ў XI –XIII стст. // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1. С. 202.

[2] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 59.

[3] О том, что Волчий Хвост – реальная историческая личность, служившая в 1016 г. Святополку Владимировичу, упоминается в работе: *Куза А. В.* Повесть о князе Ярославе и мужах Новгородских // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 233–239.

реконструировав зону решающей битвы, в которой радимичи потеряли свою независимость. Он показал, что эта битва не могла произойти у Прупоя (Пропойска), расположенного в центре радимичских владений, как это представлялось в трудах российских историков XIX в. и было поддержано другими исследователями[1]. Анализ карт и документов XIX в. позволил О. А. Макушникову выявить правый приток р. Терюха – Песошеньку протяженностью 15 км, ранее имевшую название Песочанка, а в «Реестре ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г. зафиксированную как Песочная. Эта речка находилась в 30 км от Гомия на полпути к южному рубежу радимичей[2].

Таким образом, территория, подвластная радимичам, в конце X в. становится структурной составляющей Киевской Руси и входит в государственные области уже в период правления Владимира Святославича.

2.4. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В X – НАЧАЛЕ XI в.

Образование первых княжеств. Изначальным фактором в подготовке основы будущих раннегосударственных структур в Восточной Европе явилось расселение славянских племен. Если Среднее Поднепровье к IX в. занимал ряд славянских племен (поляне, северяне, древляне), составивших южную часть восточнославянского мира, то в северной его части процессы ассимиляции местного населения славянами были затяжными и неоднозначными. На Северо-Западе Восточной Европы образовались два обширных региона: *культуры длинных курганов* и *культуры сопок*, соответственно отождествляемых с кривичами и словенами. Территория распространения длинных курганов охватывала бассейн реки Великой и Псковского озера, верховья рек Плюссы и Западной Двины, Луги, среднее течение Мсты и левые притоки Мологи. Культура сопок сосредотачивалась в бассейне оз. Ильмень с впадающими в него реками Шелонь, Ловать, Пола и Мста. Оба региона различались ландшафтными характеристиками, системой поселений и хозяйственной деятельности.

Следует остановиться на центрах княжений, входивших в состав северной и южной частей восточнославянских территорий, где стали проявляться тенденции к формированию государственности. Накопленные наукой материалы позволяют говорить об историческом своеобразии основных носителей древней государственности в Восточной Европе: Киевской, Новгородской и Полоцкой земель. Центры отмеченных устойчивых территориально-этнических образований (княжений) и при переходе к новому, раннегосударственному, этапу своего существования не утратили ведущей роли в политической истории Восточной Европы.

[1] *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1988–2000. Кн.1: История России с древнейших времен. М., 1988. С. 179; *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы. С. 113–114; *Штыхов Г. В.* Поднепровские и посожские города восточной Беларуси // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. С. 131.

[2] *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. С. 36–40.

Установлено, что Рюрикову городищу предшествовал центр ильменских словен в Новгороде, особенностью которого являлось наличие хлебных печей, известных также по памятникам польского Поморья, и это указывает на прямую связь поморских славян и населения Поволховья[1]. В IX–X вв. Рюриково городище становится крупным торгово-ремесленным и военно-административным поселением в одной из узловых точек торгово-военных путей лесной зоны Восточной Европы. Многолетние раскопки Рюрикова городища подтвердили летописное сообщение о призвании Рюрика для управления Новгородской волостью. Присутствие на городище варягов-воинов засвидетельствовано находками боевого оружия, культовых предметов, элитарностью всего вещевого комплекса[2].

Согласно «Повести временных лет», призванные новгородцами для управления ими, Рюрик с братьями и их родами в 862 г. «сели» в Новгороде, на Белоозере и в Изборске. А уже через два года единовластвующий Рюрик стал раздавать своим мужам города, в числе которых названы и Полоцк с Ростовом. При этом отмечается, что варяги – «находники», а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома. Двадцать лет спустя (882 г.), уже после смерти Рюрика, его преемник Олег вместе с сыном Рюрика Игорем, нарушив договор с новгородцами, отправился на юг для завоевания Киева, по пути подчинив себе Смоленск (Гнездово)[3].

Южная часть славянских земель Восточной Европы в это время была представлена «Русской землей», состоящей из городов Киева, Чернигова и Переяславля с волостями[4]. Олег назначает Киев «матерью городов русских».

Между северной и южной частями восточнославянских владений имелось различие в системе сбора государственных доходов, берущее начало еще со времен изгнания варягов с территории Новгородчины. В середине IX в. «новгородстие людие, рекомии Словене и Кривици и Меря», имеющие свои волости, плативщие дань варягам, их изгнали и «начаше владети сами собе и городы ставити»[5]. Изгнание варягов повлекло вражду на конкурентной основе между племенами, населявшими северо-запад Восточной Европы, и было решено: «князя поищем, иже бы владел нами и рядилъ ны по праву». Этот тезис стал основополагающим и в последующие столетия, когда приглашаемый из Киева князь правил в Новгороде. Ему и его людям запрещалось собирать государственные доходы на новгородских землях. Этим занимались сами новгородцы, которые из собранных сумм выплачивали князю так называемый дар (вознаграждение за исполнение его обязанностей).

---

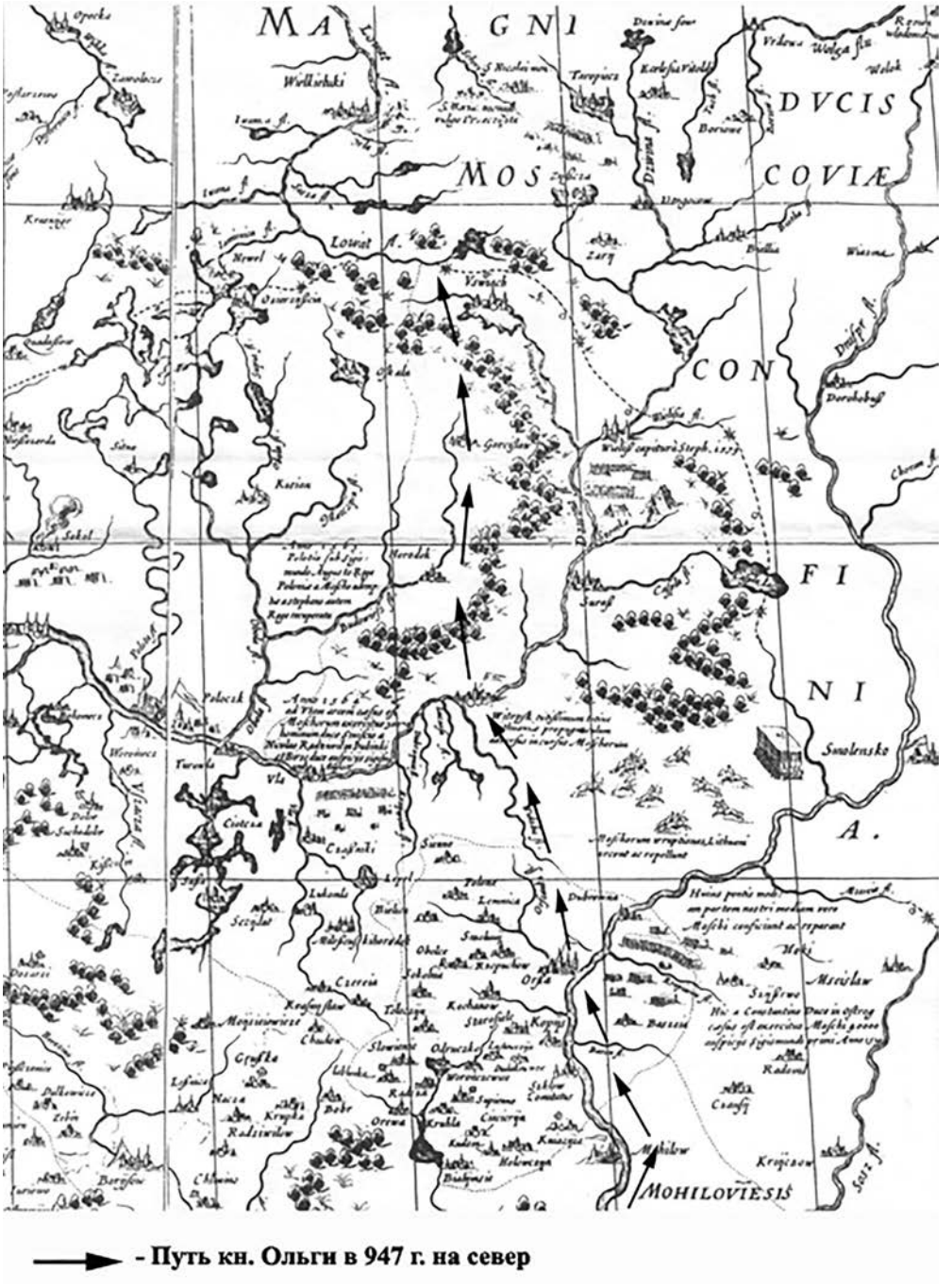
[1] *Носов Е. Н.* Новгород и Рюриково городище в IX–XI вв. (к вопросу о происхождении Новгорода) // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии, Киев, 18–25 сент. 1985 г. М., 1987. С. 5–14.

[2] *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

[3] Повесть временных лет. М., 1999. С. 14; Лаврентьевская летопись / под ред. Е. Ф. Карского. [Репр. изд. 1926–1928 гг.]. М., 1997. С. 22–23. (ПСРЛ. Т. 1).

[4] *Толочко П. П.* В поисках загадочного русского каганата // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 44–51.

[5] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / АН СССР, Ин-т истории. М.; Л., 1950. С. 106.



Установление погостов княгиней Ольгой. Реконструкция О. Н. Левко

В отличие от Новгорода власть Олега в Киеве была основана не на договоре, а на праве завоевателя. Поэтому в Киевской волости собиралось «полюдье» при объезде подвластных земель князем и его дружиной. В середине X в. великая киевская княгиня Ольга, меняя систему сбора налогов, отправилась на север, где присоединила к своим владениям обильно заселенные районы вдоль рек Мсты и Луги[1]. Возросший после реформы объем государственных доходов способствовал возвышению Новгорода в глазах правящего в Киеве княжеского дома.

В IX–X вв. расширяется и территория Полоцкого княжения с центром в Полоцке, сама политическая структура преобразуется в раннегосударственную (*княжество*). Топонимы «межа», «межник» на север от Полоцка позволяют предполагать, что северный рубеж Полоцкого княжества проходил по южному краю территории современной Псковской области Российской Федерации. Западной периферией княжества являлось междуречье Дисны и Западной Двины, на востоке его территория, как и прежде, доходила до Оболи (между Оболью и Полотой было значительное заболоченное пространство). На юго-западе в середине X в. власть Полоцка распространилась на верховья Свислочи, где на месте современного Заславля в зоне расселения дреговичей, как показали исследования Ю. А. Заяца, находилась застава (поселение) полоцких дружинников[2]. В 970–980-х гг. Полоцким княжеством правил «пришедший из-за моря» Рогволод. Правитель Полоцкого княжества, географически расположенного между Новгородским и Киевским княжествами, был важным партнером для сыновей киевского князя Святослава Игоревича, соперничавших в борьбе за верховную власть в Киеве.

Намереваясь занять главный киевский стол, новгородский князь Владимир, как и его брат Ярополк, княживший в это время в Киеве, просит у Рогволода руки его дочери, полоцкой княжны Рогнеды. Не получив согласия на брак с Рогнедой, Владимир мечом добивается подчинения Полоцкого княжества и утверждается на княжеском столе в Киеве. В 988 г. сын Рогнеды и Владимира – Изяслав вместе с матерью направлен Владимиром на ее родину в качестве наместника в построенный для этой цели на границе с Киевской землей город Изяславль. Появление Изяслава в Полоцком княжестве завершилось его вокняжением на полоцком столе, вероятнее всего, по договору с полоцким боярством. Действия полочан напоминают прием, использованный новгородцами для назначения себе князя. Однако отличие правления Рогволодовичей состояло в том, что была восстановлена их династия в лице внука Рогволода, и они управляли Полоцкой землей на протяжении всего ее существования. На рубеже X–XI вв. юго-восточную часть Полоцкого княжества составляла присоединенная территория «племени лукомян» с центром в Лукомле. Тот факт, что в 1001 г. в Друцке была возведена церковь Святой Богородицы, на которую, как и на Десятинную церковь в Киеве, полагалось выплачивать одну десятую часть всех налогов, собираемых

[1] Повесть временных лет. М., 1999. С. 29; Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку / под ред. Е. Ф. Карского. Л., 1926. С. 60.

[2] *Заяц Ю. А.* Менская земля // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 11–15.

Посольство Владимира Святославича к Рогволоду. 970-е гг. Миниатюра Радзивилловской летописи

с волости[1], может косвенно указывать на подчинение в первые годы XI в. Друцкой волости киевской власти. Об этом также могут свидетельствовать и находки клейм Владимира Святославича на днищах сосудов из Друцка.

В X – начале XI в. сосуществовали два типа социально-политических структур: сложившиеся в процессе расселения славянских племен в Восточной Европе территориально-племенные образования и раннегосударственные структуры (княжества, волости и погосты), которые создавались зарождавшейся государственной властью на основе подчиняемых локальных племенных образований.

Путь «из варяг в греки» и развитие государственности у восточных славян. Ранее отмечалось, что исчезновение в конце IX в. балтского импорта в погребениях Смоленского Поднепровья, поступавшего туда по рекам Западная Двина и Каспля через Витебское Подвинье, можно связывать с усилением военно-политической и торгово-экономической деятельности племенного княжения полочан, обособившегося к этому времени от основного ареала расселения кривичей[2] и, видимо, выстраивавшего соответствующие взаимоотношения населения, занимавшего территории вдоль Западной Двины. Иными словами, данный факт указывает на лидирующую роль Полоцка среди других племенных образований в указанном регионе накануне оформления государственности.

Территория Новгородчины в период становления трансъевропейских водных путей также была вовлечена в международный торговый обмен, в том числе и с западнославянским регионом, что подтверждают клады арабских монет, зарытые на рубеже VIII–IX вв. и в первой четверти IX в. на южном – славянском побережье Балтики. Это сформировало одну из сторон хозяйственной деятель-

[1] *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // Археографический ежегодник. 1965. М., 1966. С. 162; Друцк старажытны. Мінск, 2000.

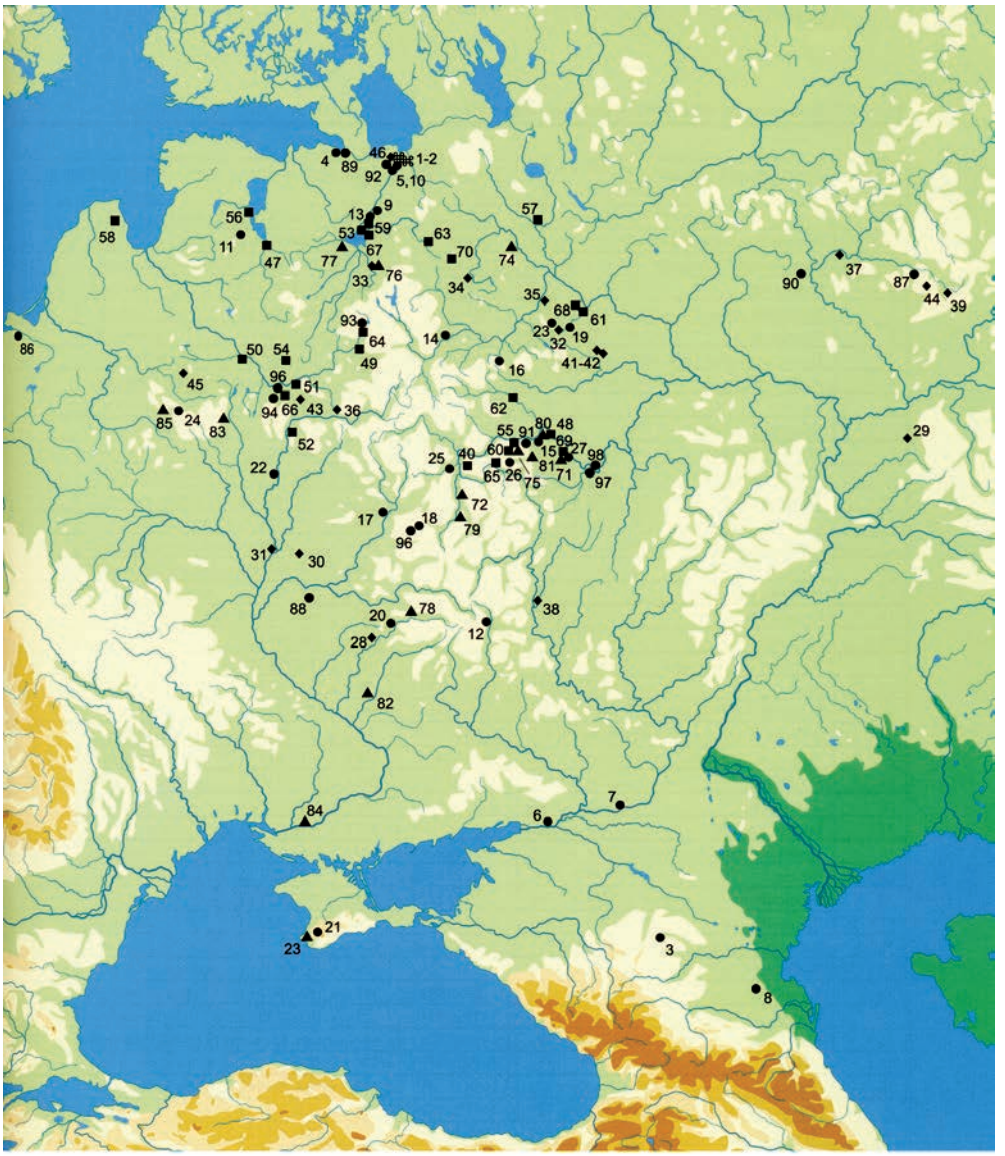
[2] *Левко О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства. С. 39.

Карта трансъевропейских торговых путей

ности Новгородского княжества и повлекло в дальнейшем создание собственной денежно-весовой системы (новгородской). На юге, соответственно, также сформировалась денежно-весовая система (киевская), отличная от северной и базирующаяся на торговом обмене с Востоком.

О быстром экономическом развитии Полоцкого княжества свидетельствуют найденные на его территории 38 кладов с серебряными арабскими и западноевропейскими монетами. Важным представляется, что Полоцк уже в то время имел стратегическое значение как для северного, так и для южного центров формирования государственности, и поэтому исследователи «привязывают» Полоцкую волость сначала к Новгородским владениям Рюрика, а затем к Киевским владениям Олега. В то же время «владение» – понятие относительное, так как известно, например, что Киев выплачивал дань хазарам вплоть до утверждения в нем Аскольда и Дира (60-е годы IX в.), но при этом владел Русской землей[1]. Можно полагать, что и Полоцк не входил в территории, которыми действительно владел Новгород, а затем Киев, а был связан с ними лишь экономическими отношениями. Это наглядно демонстрируют карта трансъевропейских торговых путей и карта оседания предметов, монет и кладов вблизи двух групп городов,

[1] *Толочко П. П.* В поисках загадочного русского каганата. С. 44–51.



Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв.
© Кулешов В. С., автор-составитель, 2012
Условные обозначения:
- ✕ – *клады 780–790-х гг.*
- ● – *клады 800–810-х гг.*
- ◆ – *клады 820–840-х гг.*
- ■ – *клады 850–870-х гг.*
- ▲ – *клады 880–890-х гг.*
- ○ – *клады, датирующиеся рамками IX в.*

Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв.
Автор-составитель В. С. Кулешов

ставших на путь формирования государственности. Если северный путь, охватывающий города от Ладоги и Новгорода до Мурома, направлен к Булгару и Итилю, то путь через Западную Двину и Полоцк пролегает по Улле, Друти к Днепру, где находятся Чернигов, Киев, в конечный пункт – Константинополь. Следовательно, и торговые договоры этого времени в основном отражают состав союзников по пути следования флотилий. Русско-византийский договор 907 г. связывает с Киевом Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, которые, как полагали исследователи, были подвластны Олегу. Однако Ладога, Новгород, Изборск, Белоозеро, Муром в этом договоре не упомянуты и, следовательно, либо не входили в пределы «Русской земли»[1], как это предполагается в отношении городов, упомянутых в договоре 907 г., либо имели отдельный маршрут международных торговых связей.

Закрепление Полоцка с конца IX в. в низовьях р. Западная Двина с контролем движения товаров по ней до р. Улла, а затем по Улле в реки Друть и Днепр в середине X в. дополнилось формированием водной магистрали Днепр–Ловать–Волхов, у выходов которой находились Киев и Новгород. В области Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья уже в IX в. появляются клады[2], что свидетельствует о наличии водного маршрута с использованием волоков, связывающих притоки Днепра с притоками Западной Двины в оршанско-витебском направлении. Топография размещения кладов с арабскими дирхамами показывает, что они были сосредоточены именно на участках волоков с Оршанского Поднепровья в Витебское Подвинье. Зафиксировано 6 кладов. Из них два – у днепровских притоков в окрестностях деревень Добрино Лиозненского и Соболево Дубровенского р-нов. Вблизи самого Витебска на Западной Двине выявлено 4 клада. Как отмечает Г. В. Штыхов, уточнивший сведения о кладах Полоцкой земли, наиболее ранний клад на этом отрезке выявлен на территории современной Орши. Его младшая монета датируется 815 г. К 823–824 гг. относятся младшие монеты из витебского клада, а к 841–842 гг. – монеты из денежно-вещевого клада у д. Добрино. Именно здесь располагался один из волоков на Лучесу с Узменки, впадающей в Днепр. К 862 г. относится младшая монета из клада, выявленного в Лучесе Витебского р-на[3].

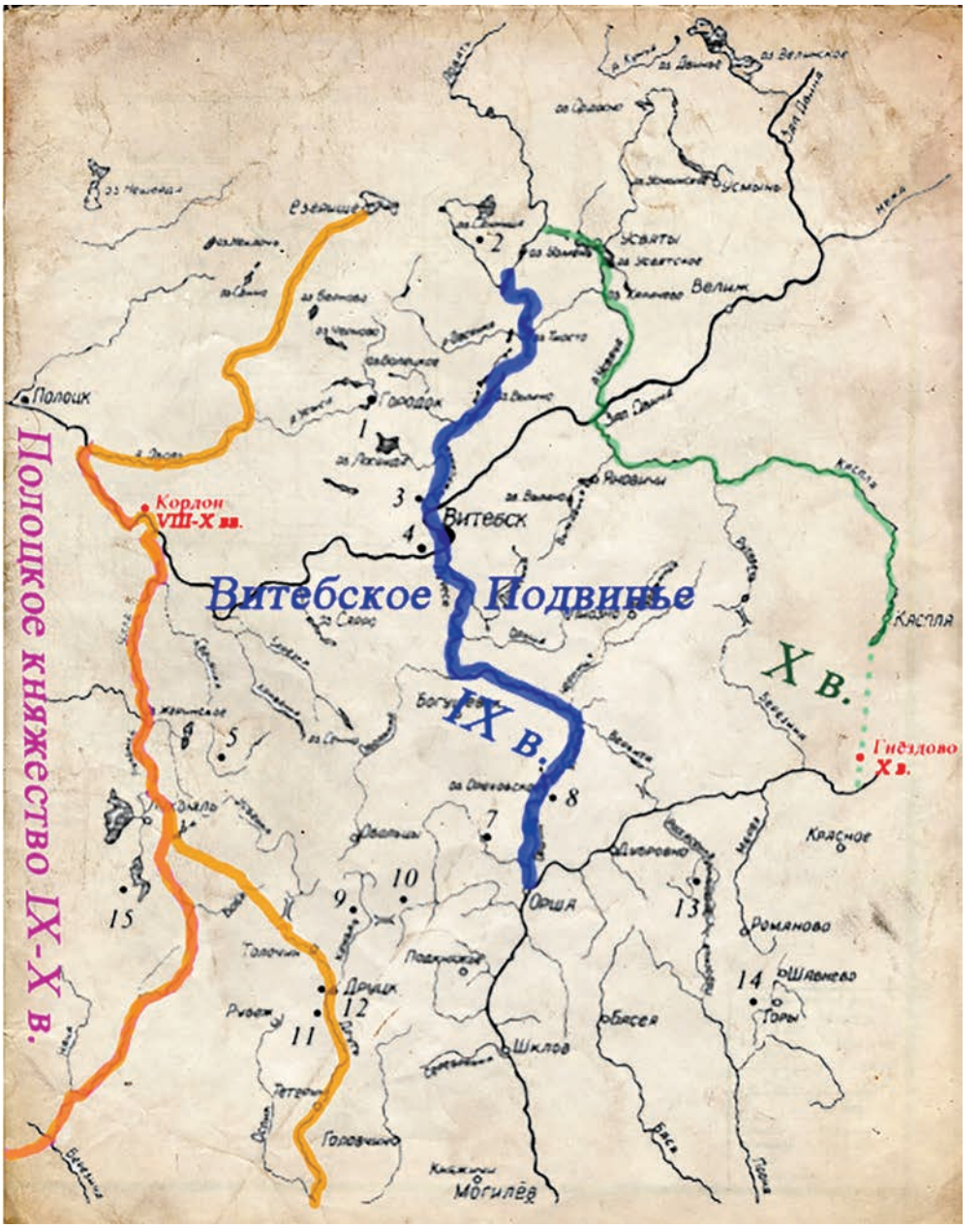
В Витебске и его окрестностях также обнаружены немногочисленные североевропейские находки, нижней датой которых можно предположить IX – начало X в. Это выявленная в районе порогов у пос. Руба Витебского р-на массивная фибула из цветного металла с орнаментом «волчий зуб» и рельефными звериными головами (медведь?), расположенными по ее окружности. Кроме того, при расчистке русла р. Витьба в Витебске обнаружена подвеска скандинавского конского оголовья в виде головы хищного зверя.

---

[1] *Моця А. П.* Откуда есть пошла земля Российская? // Родина. 2012. № 9. С. 77.

[2] *Рябцевич В. Н.* Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск, 1998. С. 66–80.

[3] *Штыхов Г. В.* Клады Полоцкой земли IX–XIII вв. (топография и общая характеристика) // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Мінск, 1993. С. 84–91.



Зона формирования отрезка пути «из варяг в греки» в IX–XI вв.
в Витебском Подвинье и Смоленском Поднепровье. Автор-составитель О. Н. Левко

Североевропейские изделия из Витебска и его окрестностей: *1* – фибула (пос. Руба); *2* – фрагмент украшения конского оголовья

Рассмотрев данную находку по фотографии (к сожалению, сам предмет находится в частной коллекции), И. И. Еремеев определил ее как полую коробчатую подвеску, покрытую снаружи рельефным «плетеным» орнаментом в стиле Боррэ. Ушки зверя исследователь расценивает как похожие на медвежьи. Таким образом, можно полагать, что данный предмет сочетает в себе две традиции: звериную и в стиле Боррэ. Наиболее вероятной датировкой для данного предмета, по мнению И. И. Еремеева, является середина – вторая половина X в.[1]

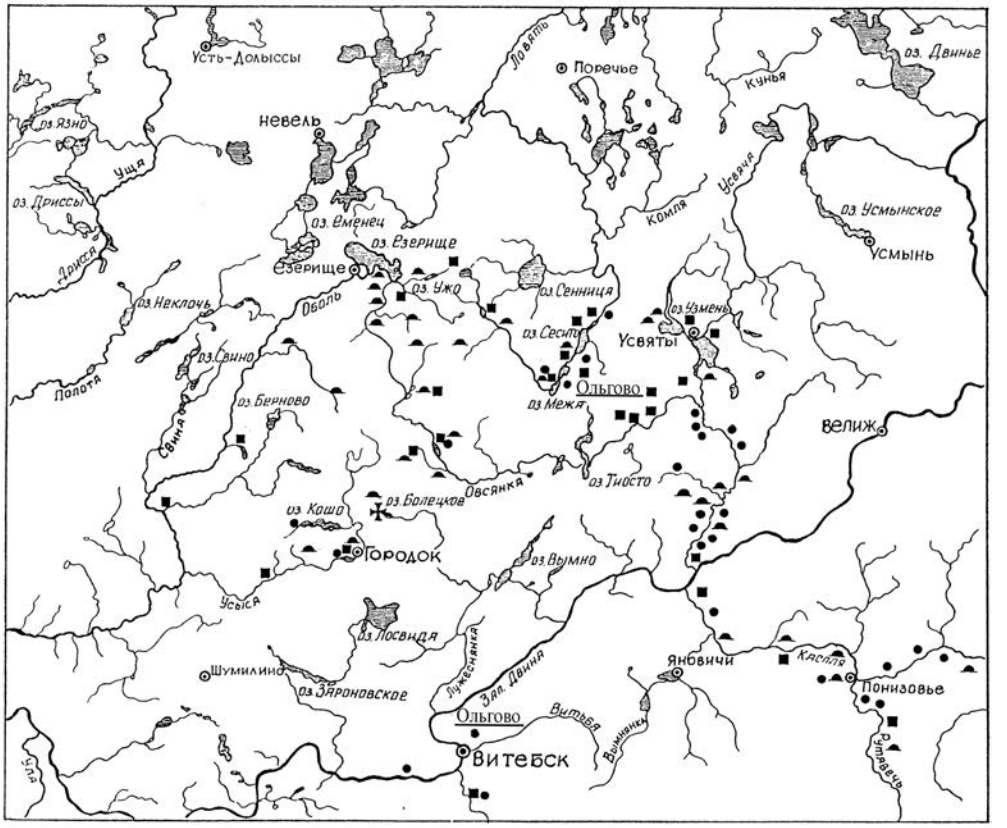
Подтверждением освоения Витебского отрезка пути «из варяг в греки» уже в IX–X вв. могут служить и находки в его окрестностях мечей эпохи викингов. Такие мечи Я. Петерсен датировал IX – первой половиной X в. На мечах из Полоцка и окрестностей Витебска нанесено клеймо «ULFBERHT». Исследователи считают, что их изготавливали в области среднего Рейна, они имеют нижнефранкское происхождение и активно поставлялись в Скандинавию и Восточную Европу[2].

По наблюдениям археологов, безопасность плавания по рекам, входящим в трассу пути «из варяг в греки», обеспечивалась чередой укрепленных поселений и торговых мест, торжищ, приуроченных к наиболее важным и сложным участкам фарватера. К таким участкам относились и порожистые места, где была налажена служба порогов и находились специальные лоцманы (заимствовано у варягов). На территории северо-восточной Беларуси опасные места фиксируются вблизи Витебска на Западной Двине (Руба) и вблизи Орши (д. Пашино) на Днепре. Указателями Кобыляцких порогов у д. Пашино на левом (смоленском) берегу Днепра являются два валуна размером около 3 м, расположенные вдоль берега в 200 м друг от друга и на расстоянии 1 км от порогов выше по течению со стороны Смоленска к Орше[3]. Наличие порогов вблизи Витебска и Орши на переходе к Смоленщине (по Западной Двине к Каспле и по Днепру) не только способствовало возникновению вблизи них и развитию новых поселений, но и в определенном смысле «отсекало» территорию северо-восточной Беларуси от Смоленской, способствовало ослаблению связи локальных племен

[1] *Еремеев И.* Находки деталей скандинавской конской сбруи из Усвят и Витебска // Acta Arhaeologica Albarutenica. 2013. Vol. IX. С. 64–70.

[2] *Плавінскі М. А.* Клінковая зброя X–XIII стст. на тэрыторыі Беларусі. Мінск, 2006.

[3] *Шынкевич А. Н.* Оршанщина: памятники природы и старины (топография и реестр объектов по состоянию на 2000 г.). Горки, 2001.



Маршрут киевской княгини Ольги при установлении погостов в Витебском Подвинье

витебских и оршанских кривичей со смоленским центром[1]. Возможно, данный факт стимулировал более интенсивное развитие взаимодействия севера с югом именно через белорусскую зону в эпоху раннего средневековья. Здесь были все условия для активного передвижения по водным путям из Днепровского бассейна в Двинский и напрямую в северные земли через р. Ловать.

Сохранившиеся около Витебска и оз. Межа в Городокском р-не топонимы «Ольгово» показывают живой интерес киевской власти к этим участкам водного пути. В 947 г. киевская княгиня прошла по ним на север, установив погосты – пункты сбора дани в Витебске и Усвятах[2].

В результате началась борьба между Полоцком и Киевом за доходные волоки в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье. Открытие нового памятника у д. Кордон, расположенного на пограничье Полоцкого и Витебского Подвинья

[1] *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси (формирование и развитие). С. 38.

[2] *Левко О. Н.* Витебск на пути из «варяг в греки» // Материалы по археологии Беларуси. 2011. Вып. 21. С. 154–159.

и активно функционирующего с рубежа VIII/IX до середины X в.[1], показывает, что Витебское Подвинье было не только зоной формирования полиэтничным торговым населением отрезка пути «из варяг в греки» с верха Днепра к Ловати, но и зоной его проживания в период становления этого пути. Данный процесс происходил параллельно с зарождением раннегосударственных образований на основе территориально-племенных княжений: Полоцкого с центром в Полоцке, Новгородского – с центром в Новгороде и Киевского – с центром в Киеве, стимулируя дальнейшее экономическое и политическое развитие рассматриваемого региона. Зародившиеся в середине X в. Витебская и Усвятская волости, как и Смоленская, обозначившаяся после похода Олега в 882 г. из Новгорода на Киев, были охвачены киевской данью.

Таким образом, за относительно короткое время княжение полочан благодаря выгодному геополитическому положению на пути «из варяг в греки», стимулировавшему развитие торгово-экономических отношений и приток населения, преобразовалось в раннегосударственную структуру – княжество с центром в Полоцке, который наравне с Киевом и Новгородом являлся одним из ключевых государствообразующих центров восточных славян.

Полоцкое княжество подчинило себе часть территории дреговичей, балтских и финно-угорских племен. Возвышение и укрепление Полоцка, превращение его в реального конкурента не нравилось Новгороду и Киеву, что в итоге привело к территориальным спорам и военным столкновениям.

Восстанавление в Полоцке правления династии Рогволодовичей на рубеже X–XI вв. красноречиво свидетельствует о том, что Полоцкое княжество окончательно стало на путь независимого развития, постепенно превращаясь из волости – княжества в государство – землю. В дальнейшем именно Полоцкая земля сыграла важнейшую роль в развитии белорусской государственности.

Княжение дреговичей, которое охватывало значительные территории современной Южной и Центральной Беларуси, стало основой Туровского княжества, занимавшего одну из ключевых позиций в структуре княжеств Киевской Руси.

Территориально-племенное объединение радимичей не было преобразовано в княжество и в конце X в. было подчинено Киевской Руси в качестве одной из волостей этого государственного образования.

2.5. ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА

Вопросы, связанные с формированием и развитием отдельных этносов, являются прерогативой этнологии, однако некоторые предпосылки к зарождению новых этносов можно проследить по остаткам материальной культуры их предшественников, а также историческим данным, связанным с территорией их обитания, политическими, хозяйственными и культурными преобразованиями. *Этнические группы* – родоплеменные объединения, которые характеризова-

[1] *Левко О. Н.* Кордон – новый памятник археологии эпохи викингов в Восточной Европе. С. 120–127.

лись общностью ведения хозяйства, семейно-бытовыми обычаями, религиозной обрядностью. Эту общность можно проследить в процессе исследования археологических памятников.

Культурные особенности этнических групп. Территория современной Беларуси является зоной зарождения белорусского этноса. Наиболее раннее упоминание о расселении в Восточной Европе славян, пришедших из Подунавья, приводится в «Повести временных лет»: «...те же словене пришедше седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии деревляне, зане седоша в лесех, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и нарекошася *дреговичи*, *а инии седоша на Двине и нарекошася полочане*, речкы ради, яже втечь в Двину, именем Полота, от сея прозвашася полочане»[1]. У славянских племен последней четверти 1-го тыс. н. э. на территории Беларуси (кривичей, дреговичей, радимичей) общим в политическом отношении было то, что они находились на пороге государственности и названы в летописи «княжениями», во главе которых стояла родо-племенная знать. Это свидетельствует о том, что они уже имели свою политическую организацию, опирающуюся на нормы обычного права, выработанного их предшественниками. Однако имелись и различия у группировок, относящихся к одной этнической общности: «имяхуть бо обычая своя, и законы отец своих, и предания, кождо своя норов»[2].

Археологические исследования позволили ученым выделить два периода формирования кривичей. Ранний период датируется V–VII/VIII вв., поздний относится к VIII–XI вв.[3] Славянская принадлежность кривичей раннего периода (в литературе именуются «псковскими кривичами») проблематична из-за преобладания в вещевых комплексах погребений балтских летто-литовских украшений. На славянскую принадлежность развития кривичей в ранний период указывает обряд трупосожжения и наличие в погребениях горшков характерной формы. Дополнительным аргументом может служить наличие в самых ранних погребениях керамики с расчесами[4] (киевская культура). Могильники, связываемые с ранним периодом развития кривичей, выделяются своей конструкцией курганов в виде длинных и удлиненных насыпей, в которых трупосожжения вначале помещали в вершине насыпи, а с течением времени переходили к погребению внутри насыпи и в ямках на горизонте[5]. В конце данного периода наряду с длинными и удлиненными курганами появляются круглые насыпи. На территории Беларуси длинные и удлиненные курганы известны лишь в северных районах (Подвинье), и в процентном соотношении они значительно уступают могильникам с круглыми в плане насыпями.

Летописные кривичи (именуемые в литературе «смоленско-полоцкими кривичами») соотносятся с распространением древностей культуры длинных кур-

[1] Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова // ПСРЛ. Т. 2. С. 5.

[2] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. С. 13.

[3] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. М., 1981–2003. М., 1982.

[4] *Штыхов Г. В.* Культура ранних длинных курганов V–VII вв. в Беларуси. С. 25–36.

[5] *Штыхаў Г. В.* Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. С. 41–60, 115–126.

Кривичанка.
Реконструкция И. В. Чаквина

Радимичанка.
Реконструкция И. В. Чаквина

ганов второй половины VIII–XI вв. По обряду захоронения, инвентарю и форме насыпей курганы этого периода коренным образом отличаются от первого. Материальная культура поселений и курганных могильников VIII–XI вв. Белорусского Подвинья дает основание полагать, что «полочане» территориально были обособлены от группировки (союза) кривичей, которые в целом занимали псковско-новгородско-витебско-смоленский регион: «а словене свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже и полочане, от сих же и кривичи...»[1]. Название «полочане» свидетельствует о более сложной стадии развития этнической общности, в которую помимо кривичей (первых насельников Полоцка), возможно, входили и представители иных этнических групп, в том числе словен, составивших население Полоцкой волости к рубежу VIII–IX вв. Несомненным является лишь одно, и летописец подчеркивает это: язык у полочан – «словенск»[2].

Аналогичным образом на основе особенностей погребального обряда выделены зоны расселения летописных дреговичей[3] и радимичей[4]. К характерным чертам погребального обряда дреговичей относятся сначала трупосожжение, затем трупоположение в курганах полусферической формы с ровиком у подножия. Ранние погребения радимичей совершались по обряду трупосожжения (иногда в срубной домовине) на месте сооружения кургана. С XI в. появляется обряд трупоположения в домовинах, колодах и гробах. Этнические контакты не исключали и переселения части западных славян на территорию юго-восточной Беларуси, о чем могут свидетельствовать некоторые археологические предметы, однако эти контакты для радимичей не были решающими[5].

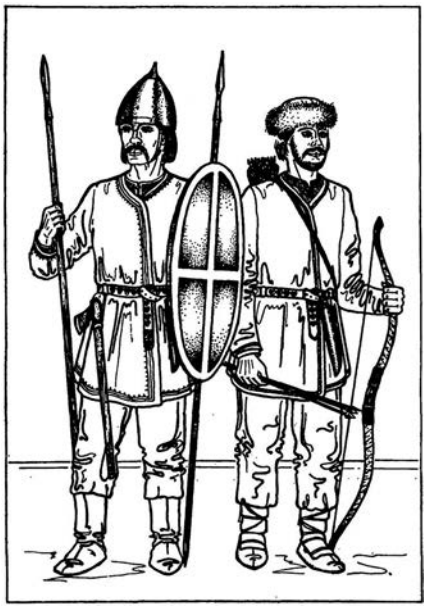
[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 8.

[2] Там же. С. 8, 9.

[3] *Лысенко П. Ф.* Дреговичи.

[4] *Богомольников В. В.* Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.).

[5] *Перхавко В. Б.* Западнославянское влияние на раннесредневековую культуру Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. С. 26.



Воины радимичи.
Реконструкция Ю. М. Лупиненко

К IX–X вв. почти вся территория современной Беларуси была занята группами славянского населения, которые различались между собой благодаря тем культурным подосновам, на базе которых складывались территориально-племенные княжения. На этнический состав населения в Белорусском и Смоленском Подвинье оказали влияние носители предшествующих ему и родственных между собой банцеровской и тушемлинской археологических культур. Близость хозяйственного уклада и погребального обряда, а также материальной культуры и наличие общих характерных для региона полоцко-смоленского Подвинья украшений – браслетовидных проволочных височных колец с завязанными концами указывают на начало формирования новой этнокультурной общности. Даже сложное развитие отношений на уровне политических интересов раннегосударственных образований Полоцкой земли и Киевской Руси не смогло остановить процесс усиления этнической интеграции близкородственных групп населения региона.

Дреговичи, занимавшие обширные территории, далеко выходившие за пределы сформировавшегося племенного княжения, а затем Туровского княжества, включенного в состав Киевской Руси, имели в качестве этноопределяющего женского украшения выявленные по всему ареалу этого племени (союза) большие металлические бусы с напаянными шариками зерни (крупнозернистые).

Этноопределяющим женским украшением племени радимичей являлись семилучевые височные кольца, близкие к украшениям вятичей. Перечисленные украшения характерны для погребальных памятников соответствующих территориально-этнических группировок X–XI вв. Что же касается подосновы дреговичей и радимичей в виде археологических культур, то этот вопрос не имеет однозначного решения. Для дреговичей основной была славянская луки-райковецкая культура, сменившая пражскую культуру. Предшественниками радимичей на занимаемой ими территории были носители колочинской культуры, генетическая связь у которых с радимичами не прослеживается. Однако исследователи отмечают влияние славянской роменской культуры VIII–X вв. на данной территории[1]. Следует подчеркнуть, что устойчивость племенных признаков, прослеженная по материалам археологии и письменным источникам в процессе государственного строительства на восточнославянских территориях, способствовала

[1] *Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н.* Русско-радимичское пограничье. С. 256.

Украшения кривичей из курганного могильника у д. Дроздово Толочинского р-на Витебской обл.

Украшения смоленских кривичей

Набор дреговичских украшений

Набор радимичских украшений

дальнейшей внутренней консолидации населения отдельных регионов и выработке тех основ, которые закладывались в формирование позднейших этнокультурных массивов.

Таким образом период VIII–IX вв. стал временем проявления характерных черт отдельных групп славянского этноса в восточноевропейском регионе. В X–XI вв. обозначились особенности консолидации населения отдельных регионов, независимо от государственной принадлежности, по признаку этнической близости (этноопределяющие украшения, традиционные обряды, диалекты и др.).

Основы формирования белорусского этноса. Сущностные характеристики этноса выражаются в единстве территории, материальной культуры, языка, проявлении этнического самосознания (признании своей принадлежности именно к этому этносу), определении данной общности как этноса в системе «свой – чужой».

Для периода существования раннегосударственных восточнославянских образований кроме развития элементов этнического самосознания на уровне отдельных регионов через комплекс присущих им черт характерны и вводимые государственной властью изменения в образ жизни и сознание подвластного им населения.

В западных регионах современной Беларуси одновременно со славянскими группами населения, занявшими основную ее территорию, проживали балтские племена. Под 983 г. в «Повести временных лет» значится: «Иде Володимеръ на ятвягы, и победи ятвягы и взя земли их»[1]. Борьба русских князей с ятвягами продолжается и в XI–XIII вв., вплоть до 1283 г. Предками средневековых ятвяжских племен являлись представители сувалкской группы западнобалтской культуры V–VII вв., а также носители культуры каменных курганов южной Литвы и Белорусского Понеманья (V–XI вв.).

Почти вся территория Верхнего Понеманья представлена трупосожжениями в каменных курганах рубежа I и II тыс. н. э. По своему устройству каменные курганы этого времени не отличаются от более ранних, но количество трупосожжений в них не превышает одного-двух (очень бедных по составу погребального инвентаря). Переход от ранних каменных курганов (середины – второй половины 1-го тыс. н. э.) к поздним прослежен в Неманско-Вилийском междуречье, где обряд трупосожжения сохранился до начала XIII в. Славянская колонизация Понеманья способствовала достаточно быстрой ассимиляции ятвяжского населения в XI–XII вв. Обряд трупосожжения в каменных курганах сменяется обрядом трупоположения[2]. Это свидетельствует о проникновении в балтские земли христианского обычая погребения умерших, принесенного славянами.

Носители культуры восточнолитовских курганов IX–XII вв., которых исследователи связывают с исторической областью Литвы Нальшанами (Гольшаны, Свирь, Крево)[3], проживали в верховьях Вилии. У них был распространен обряд трупосожжения, иногда с конем. Оружие в это время встречается только в богатых захоронениях. Восточные славяне внесли некоторые черты своей обрядности и в восточнолитовские курганы. Каменные венцы курганов заменяются ровиками, в курганах встречается глиняная лепная посуда, которая на рубеже I–II тыс. н. э. сменяется гончарной, украшенной волнистым орнаментом.

В связи со славянской колонизацией часть балтского населения ушла с занимаемой территории на северо-запад, но в большинстве своем оно осталось жить на прежних местах, сохраняя свои традиции (Докшицкий, Радошковичский, Першайский, Дятловский, Ружанский районы). Погребальные памят-

[1] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 58.

[2] *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989.

[3] *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага.

ники в окрестностях городов, возникших в колонизированных районах, указывают на присутствие здесь дреговичей, древлян и волынян. В бассейне верхней Вилии курганные могильники принадлежали смешанному кривичско-дреговичскому населению, продвинувшемуся сюда с окраинных западных территорий Полоцкой земли. Вместе с тем наличие в погребальном инвентаре некоторых славянских курганов Понеманья вещей, принадлежащих балтскому этносу, свидетельствует о культурном взаимодействии славян и балтов. Таким образом, включение в сферу влияния раннеславянских государств населения балтских территорий привело к его ассимиляции или культурному симбиозу со славянами. Данные процессы не ограничивались погребальными традициями, они были многовекторными и охватывали все сферы жизнедеятельности населения, создавая предпосылки формирования нового уровня этнического массива.

Писало из Полоцка

Государственная власть способствовала распространению христианства, что также в определенной степени унифицировало духовную культуру восточнославянских и других этносов, входивших в состав Киевской Руси и Полоцкой земли.

Геополитическое положение территории современной Беларуси было благоприятным для активного восприятия традиционной культурой восточнославянского населения, проживавшего в ее пределах, европейских новаций. Соседствуя с Киевской Русью, имея связи со странами Центральной и Северной Европы, разные социальные слои населения Полоцкой земли в IX –XIII вв. привносили и развивали в хозяйственной жизни, общественной деятельности, быту и культуре новые тенденции, свойственные этим землям. Культурный слой изучаемых археологами древних городов и сельских поселений фиксирует эти связи по вещественным источникам.

Уже в XI–XIII вв. грамотность отмечается не только у представителей привилегированного слоя (князья, духовенство), но и у простых людей (надписи на пряслицах, кирпичах, деревянной посуде, костяных гребнях). Нередкими являются находки книжных застежек и писал на посадах городов XI–XIII вв.

Расцвет ремесленного производства в сочетании с поступавшими по пути «из варяг в греки» с запада и юго-востока новшествами технологий изготовления и ассортимента товаров, религиозными и общественно-политическими влияниями способствовал значительной нивелировке к XII в. различий в хозяйственной и культурной жизни восточных славян в целом. Изменения в духовной культуре прослеживаются при изучении святилищ, могильников, храмов, а также предметов и следов письменности, счета, интеллектуальных игр, книжного дела во всем восточнославянском регионе.

Древнейшая в Беларуси кириллическая азбука (13 букв на обеих сторонах деревянного гребня) XIII в. из Бреста. Раскопки П. Ф. Лысенко

Пряслице с надписью из Вищинского замка. Раскопки Э. М. Загорульского

Создавались предпосылки формирования историко-культурной общности, интерпретируемой рядом ученых как древнерусская народность[1]. Однако данный процесс не мог завершиться, во-первых, в силу политических обстоятельств, так как переход раннегосударственных образований в стадию выделения внутри них удельных княжеств ослаблял центральную власть[2], а соответственно, и усилия, предпринимаемые этой властью по унификации жизненного уклада в государстве. Во-вторых, в сложившейся ситуации на первый план выступают узко-территориальные политические, экономические интересы населения, подпитываемые вековыми традициями в области духовной культуры. Более прочными оказываются те связи, которые объединяли этнические группы при их формировании в племенную эпоху, чем те, которые вырабатывались в рамках государственных образований и их межгосударственного экономического и культурного сотрудничества.

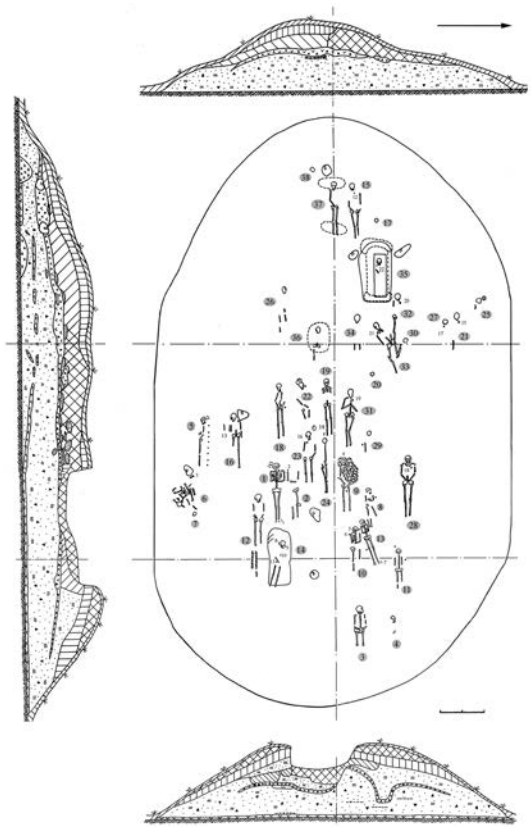
В обособленных зонах расселения славян присутствовало языковое различие, на что указывает фонетика текстов, выявленных при раскопках берестяных грамот. В традиционной культуре особое место занимает местный фольклор. У белорусов, например, это предания о волотах (великанах), отсюда название погребальных курганов – «волотовки». У разных групп населения Восточной Европы обереги выполнены в виде фигурок определенных животных и птиц (коник, баран, уточка). Они встречаются как в погребениях, так и на поселениях IX–XI вв.

Важным элементом этнической принадлежности, как уже отмечалось, являлись женские украшения (на территории Беларуси это украшения кривичей, дреговичей, радимичей), относящиеся к X–XI вв. Конечно, такие украшения могли носить и представительницы других племен, но, как правило, в погребе-

[1] *Толочко П. П.* Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. Адеф-Україна, 2010. 300 с.

[2] *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси.

Книжные застежки из раскопок Друцка (*1–3*); вислые печати и пломбы (*4–6*); гирьки-разновесы (*7*, *8*)



План и профили Друцкого кургана 1 с коллективным захоронением

ниях они сочетались с другими характерными для данного этноса чертами, подтверждая весь комплекс сложившихся у него обычаев проводов умершего в иной мир. Одновременно с украшениями в погребениях присутствует набор бытовых и хозяйственных предметов, характеризующих определенную этническую общность с социальной, хозяйственно-экономической и культурной сторон (элементы убранства воина, снаряжения коня, оружие, гирьки-разновесы, монеты, импортные украшения, а также орудия труда: ножи, рыболовные крючки, пряслица, медорезки, и предметы быта: глиняная посуда, гребни, кресала). Обряд погребения свидетельствует о преимущественно языческих или христианских воззрениях населения той или иной территории.

Исследователи отмечают, что помимо этнических черт у населения одной общности присутствуют социальные различия, которые не только влияют на мировоззрение разных слоев населения, но и способствуют формированию отношения к этому населению со стороны других этносов. В связи с этим показательным является выявленное во время раскопок в Друцке коллективное захоронение второй половины XII в. В нем обнаружены останки представителей нескольких социальных слоев (князь, дружинники, свободные слуги и рабы). В отношении их выполнены те нормы погребения, которые соответствовали

общественному положению умерших. При формальном соблюдении христианского обычая погребения князя (в гробу и могильной яме с надгробьем) все остальные погребения совершены по языческому обряду (лишь у двух из 37 погребений также имелись надгробия). Однако главной чертой этого коллективного захоронения является то, что все погребения (в том числе и княжеское) совершены в насыпи одного кургана. Это показывает, что языческая форма мировоззрения оставалась достаточно прочной у всех слоев населения Полоцкой земли даже спустя полтора века после принятия христианства, которое использовалось как дополнительный рычаг в укреплении государственной власти.

Верой в загробный мир, которая была сильнее внешних форм религиозной атрибуции, можно объяснить сочетание у предков белорусов христианского обряда с языческим, а также веротерпимость, которая находит отражение и в сегодняшней действительности.

Политическое противостояние правителей Полоцкой земли и Киевской Руси, основанное на династических и внутригосударственных интересах, вырабатывало дополнительные штрихи в определении этнического понятия «свой – чужой». Любопытно отметить, что литовские князья-язычники, преследуя политические цели, в XIII в. принимали христианство по византийскому обряду, занимая престолы в городах – центрах княжеств Полоцкой земли. Однако это не содействовало восприятию их в качестве «своих» местным населением.

Таким образом, обозначившееся культурно-хозяйственное сближение населения раннегосударственных образований в результате не привело к складыванию единой восточнославянской народности. Накопленные в течение ряда веков традиции и выработанные устойчивые этнотерриториальные черты стали основой белорусского этноса.

ГЛАВА 3

Первые исторические формы белорусской государственности (IX – первая половина XIII в.)

3 ГЛАВА

Рассматриваемый период характеризуется образованием первых исторических форм государственности на белорусских землях. В целом государствообразующие процессы в X–XIII вв. были закономерным явлением развития Восточной Европы. Новейшие материалы археологических исследований, которые существенно дополняют письменные свидетельства, способствуют объективному раскрытию роли и места в них колыбели белорусской государственности – Полоцкого княжества (земли), а также других территорий современной Беларуси, чья история государственного становления связана с Киевской Русью.

3.1. ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО (ЗЕМЛЯ) – ИСТОК БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Землевладение, социальная организация и институты управления. *Формирование структуры землевладения.* Земельная собственность в Полоцком княжестве (земле) формировалась по тем же принципам, что и на соседних территориях, где государственным образованиям предшествовали племенные княжения. Как отмечают исследователи, земельные наделы племенного боярства были более ранними, чем те, которые получили князья, возглавившие государственные образования, возникшие на основе племенных княжений[1]. В Полоцком княжестве наиболее престижные земли, принадлежавшие боярству, вышедшему из состава племенной знати, были представлены территорией ядра Полоцкой волости – ближайшей округи Полоцка между Уллой и Ушачей. Источники сохраняют лишь отрывочные сведения, позволяющие реконструировать механизм формирования землевладельческих структур на территории Полоцкой земли в X–XII вв.

Переход от племенной к *государственной форме собственности* на землю и ее упрочение осуществляется на протяжении IX–XI вв. При этом свободные общинники соседних территорий в процессе их огосударствления облагались

[1] *Ловмяньский Г.* О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

данью. Полоцкому княжеству (земле) выплачивали дань и находившиеся в зависимости от него прибалтийские племена. Вероятно, сбор дани осуществлялся как через «полюдье», так и доставку ее в особые центры сбора – *погосты,* или опорные пункты княжеской власти, такие как Герцике, Кукенойс. В X–XI вв. внутри формирующихся государственных территорий имел место и так называемый *вассалитет без ленов*, когда представителям высшей знати князь давал право сбора дани в их пользу с каких-нибудь волостей. При этом земля являлась государственной собственностью, а князь – ее верховным распорядителем. В Полоцком княжестве наличие у Изяслава Владимировича печати, скрепляющей поземельные акты, свидетельствует о его полномочиях.

Актовые печати: *1* – князя Изслава Полоцкого, конец X в. (Новгород); *2* – Евфросинии Полоцкой, XII в. (Новгород, 1968 г.), *3* – Симеона, епископа полоцкого, тверского, умершего в 1289 г.; *4* – епископа Дионисия, умершего в 1183 г. (Новгород, 1954 г.); *5* – епископа Мины, начало XII в. (с. Янчин Львовской обл., 1909 г.); *6* – княгини Софии Полоцкой, XII в. (Новгород, 1906 г.; Кокнесе, 1962 г.)

Вторая форма земельной собственности в виде домениальных владений возникает в процессе развития социальных институтов и укрепления государственной власти. Правящие полоцкие князья свой домен формировали постепенно, и земельные наделы, которыми пользовалась княжеская семья, находились вне территории современной Ушаччины, т. е. земель, принадлежавших племенному боярству. Таким образом, в Полоцкой земле изначально существовало параллельно княжеское и боярское землевладение.

Начало *княжескому домену* было положено в виде земель, выделенных княжеской семье при восстановлении правления династии Рогволодовичей. Племенное боярство, заключившее «ряд» с Изяславом Владимировичем на его княжение в Полоцке, дало согласие и на выделение земель из общинного фонда для княжеской семьи. Основу княжеского домена в Полоцкой земле составила резиденция в Изяславле (конец X в.). К первоначальным земельным наделам княжеской семьи, видимо, относится Бельчица в ближайшей округе Полоцка, размещавшаяся на левом берегу Западной Двины при впадении в нее Бельчанки. В XII в. здесь находилась загородная резиденция полоцких князей и княжеский монастырь с четырьмя храмами, один из которых выделяется исследователями в качестве усыпальницы полоцких князей[1]. В состав княжеского домена

[1] *Трусаў А.* Бельчыцкі манастыр // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 50.

в раннем средневековье входили дворы, города, села, неукрепленные поселения – «места», леса, пахота, озера и др., которые могли располагаться в разных местах на территории государства и являлись основным источником доходов на содержание князя и его двора, а также фондом земельных наделов представителей княжеской дружины. Эти владения в источниках имеют название «жизнь». В Ипатьевской летописи под 1159 г. говорится о том, что у Рогволода Борисовича друцкого «братья его вземше под ним волость его и жизнь его всю». А полочане, кающиеся перед князем в своем пособничестве его недругам, говорят: «и жизнь твою всю разграбихом и твоея дружины». В «Житие» Евфросинии Полоцкой названы «дома» князей и бояр (XII в.). Под Полоцком находилось поселение, известное как «сельцо». «Жизнь Всеславля» упоминается в «Слове о полку Игореве». В Киеве известен «двор Брячиславль». Под всеми этими наименованиями, по мнению Г. В. Штыхова, подразумевается имущество представителей княжеского дома[1]. В княжеский домен входили и города, построенные по указу князя. Некоторые центры названы княжескими именами: Браслав, Борисов.

Существовал и второй вариант расширения княжеского домена, когда князь овладевал землями, присоединенными к государственной территории и не подконтрольными власти родоплеменной знати (земельным боярам). Примером в Полоцкой земле можно считать земли, густо заселенные и размещенные на волоках, т. е. очень доходные (Браславская и Лукомская волости).

После образования домениальных владений князя его доходы имели два источника: первый – это доходы с государственных волостей, выплачиваемые князю во время его пребывания во главе государства, второй – доходы с домениальных владений, пожизненные для княжеского рода, управляющего страной[2]. Неизвестно, как делились эти доходы между представителями княжеского рода в Полоцкой земле, в то время как в Киевской Руси «Русская земля» была закреплена в виде частей за несколькими ветвями княжеского рода. Это произошло тогда, когда уже существовало вотчинное право. Можно полагать, что в Полоцкой земле аналогичная ситуация могла сложиться у менских Глебовичей, друцких Борисовичей и витебских Васильковичей. Косвенно такая возможность подтверждается расстановкой родственников любой из этих ветвей по ключевым местам в государстве во время правления их представителя в Полоцке.

Боярская вотчина в Полоцкой земле изначально определялась владениями бояр, вышедших из племенной поры. Безземельные высшие сановники при князе именовались «мужами» и получали вознаграждение от правителя. Лишь к XII в. термин «бояре» объединил и тех, и других, получив определенное социальное наполнение[3]. Боярское имущество составляли «жизнь», «дом», «село». Именно в XII в. возникают небольшие укрепленные поселения в сельской мест-

[1] *Штыхаў Г. В.* Шматукладнае грамадства IX–XI стст. і пытанні перыядызацыі раннесярэдневяковай гісторыі Беларусі // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. Мінск, 1992. С. 45, 51.

[2] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 153–155.

[3] *Завадская С. В.* «Болярин» – «боярин» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 89–94.

ности, которые не могут быть связаны с порубежными крепостями из-за географического положения и не являются центрами волостей. Возле них, как правило, можно проследить небольшие открытые поселения, где располагались подвластные боярину крестьяне. В Ипатьевской летописи упоминается боярин Василь Полочанин[1]. К концу XIV в. относятся известия о роде бояр Корсаков. Братья Федор и Верзила упоминаются в полоцких грамотах 1385 г. Их основные владения располагались по течению р. Дисны (юго-запад Полотчины). На территории Менщины, по мнению В. Л. Носевича, ветвью этого рода были Савичи (Совичи). В первой половине XVI в. род Корсаков входил в десятку самых богатых родов ВКЛ[2]. Следует отметить, что в Ушачском районе и сегодня сохраняется населенный пункт под названием «Корсаково».

Церковное землевладение ведет начало с XII в. Первые из известных в Полоцкой земле храмов – церкви во имя св. Богородицы в Друцке (1001 г.) и Полоцке (1007 г.). Они непосредственно могут связываться с возведенной в Киеве (989–996 гг.) церковью во имя св. Богородицы (Десятинной). В это время Друцк еще был под рукой киевского князя, а в Полоцке храм появился после вокняжения Изяслава, сына Владимира Святославича, с которого началось распространение христианства на Полоцкой земле. Устав Владимира Святославича (995 г.) определил выплату десятой части доходов в пользу церкви от земли, где она располагалась. О выплате десятины на церковь св. Богородицы в Друцке имеется подробная вкладная запись в Друцком Евангелии XIV в.[3] Относительно земельных наделов церкви появляются дарственные грамоты с присвоением епископиям иммунитета феодального землевладения. Полоцкий епископ Илья в присутсвии князей Бориса и Георгия передал Сельцо под Полоцком Евфросинии: «Се отдаю Еуфросинии место Святого Спаса при вас, да по моем животе никто же не посудит моего даниа»[4]. Городские храмы содержались за счет десятины от дани, суда и торговли и не входили в число крупных землевладельцев. Церковным учреждениям земли жаловались из собственных княжеских владений. Известно, что жена менского князя Глеба Всеславича Анастасия в 1158 г. подарила Печерскому монастырю пять сел с челядью[5].

Таким образом, рассмотрение принципов формирования землевладения на территории Полоцкой земли показывает, что они находились в тесной связи с общими правилами государственного устройства и соответствовали представлениям общества о формах управления этим государством. Следует отметить, что землевладение в Полоцкой земле прошло те же фазы формирования, что и в других восточноевропейских славянских государственных структурах. Переход земель, принадлежавших свободным общинникам, в управление государ-

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 325.

[2] *Насевіч В. Л.* Род Корсакаў – адзін са старажытных баярскіх родаў Полаччыны // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 1992. С. 45–47.

[3] *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН. С. 162.

[4] Кніга жыцій і хаджэнняў / уклад., прадм. і камент. А. Мельнікава. Мінск, 1994. С. 31.

[5] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 492, 493

ства способствует дальнейшему расслоению населения на богатых и бедных, свободных и зависимых.

Социальные слои и институты управления. Население Полоцкого княжества (земли) IX–XI вв. обозначено в источниках терминами, которые еще не раскрывали полностью содержание всех его категорий. В «Житие» Евфросинии упомянуты «князи и силнии мужи, черноризци, и простие людие».

Термин *«простие людие»* первоначально относился преимущественно к свободным крестьянам-общинникам. В конце XI–XII в. этот термин уже употребляется для зависимых крестьян. Появляются сведения о «боярском тиуне», «боярском рядовиче», «боярских холопах». Наиболее многочисленную группу сельского населения представляли княжеские данники – «смерды», известные по письменным источникам с XI в. Упоминаются также частично свободные «закупы», связанные «рядом» – «рядовичи», порвавшие с общиной «изгои».

Низшим звеном общественной лестницы были *рабы.* В договорах киевских князей с Византией начала X в. рабы названы «челядью». В «Древнейшей Правде» начала XI в. содержатся статьи, показывающие, что рабы являлись объектом купли-продажи, собственностью своего владельца. С дополнениями «о плоде» (потомстве) челяди, передаваемом по наследству, эти статьи воспроизведены и в «Пространной Правде». Значительную часть челяди составляли пленные, которые могли посредством выкупа перейти в состав зависимых (вотчинных) крестьян. С понятием «челядин» на данном этапе соотносится понятие «холоп». Несвободные люди исполняли в княжеской администрации обязанности сельского старосты и ратайного, сельского тиуна. Тиун или ключник без заключения «ряда» (договора) относились к холопам.

Жители городов Полоцкой земли иногда в источниках названы «горожанами». Однако чаще всего на них переносилось название города, также как и на все население волости, которая тяготела к данному неселенному пункту («полочане», «дрючане», «меняне»). Из свободных и зависимых жителей городов и сельской округи состояли *ополчение и городовые дружины.* Ополчение конца IX – начала XI в. носило название *«вои».* Этот термин имел широкий смысл и охватывал наемников, а также войско в целом. Рядом с княжеской дружиной, включавшей воинов-профессионалов, также называются воины, занимавшиеся в обычной жизни ремеслом, торговлей, земледелием. Они составляли *«городовые дружины».* Однако в отличие от ополченцев это было отделение конных воинов, о чем свидетельствуют письменные источники и археологические данные. Материалы заславского курганного могильника дают возможность получить сведения о различных социальных группах населения Изяславля на стадии его формирования и ранней истории (X–XI вв.). Они представлены погребениями дружинников и свободных ополченцев. Погребения по составу сопровождающего инвентаря и другим признакам делятся на погребения представителей высшего ранга (опоясанные воины), младшей дружины, городовой дружины. В одном кургане вместе с опоясанным дружинником в качестве сопровождающего было выявлено захоронение холопа (ополченца), который нес военную службу вместе с хозяином. Важным материальным памятником социальной дифференциации

Вислая печать из насыпи кургана 1 курганной группы IV в Друцке. Раскопки О. Н. Левко

Дружинник и ополченцы 1-й половины XI в. (по материалам Заславля). Реконструкция Ю. А. Заяца. Худ. Б. Г. Лалыко

населения Полоцкой земли является курган в Друцке с коллективным погребением второй половины XII в. В нем захоронены представитель княжеского рода (ребенок в возрасте 4–6 лет), его телохранители и обслуга, а также рабы. Элементы погребального обряда и сопровождающий инвентарь указывают на религиозные и имущественные различия погребенных.

Социальное развитие общества показывает наличие широкого спектра представителей не только низшего, но и высшего его слоя. С момента восстановления княжеской династии Рогволодовичей в Полоцке начинается урегулирование взаимоотношений «князь–мужи–люди». На первых порах эта система имела характер, видимо, более приближенный к родоплеменному строю. «Ряд», заключенный местными «мужами» и «людьми» с Изяславом, подразумевал выполнение им своих обязанностей в пользу Полоцкого княжества. Это условие соблюдалось и в дальнейшем в отношении всех потомков Рогволода, правивших Полоцкой землей. На протяжении XI в. княжеский стол в Полоцке, а следовательно, и государственная власть в Полоцком княжестве переходили в соответствии с родовым правом наследования к старшим сыновьям князя-правителя (Изяслав – Брячислав – Всеслав). Одновременно с князем в управлении Полоцкой землей был задействован определенный законодательный орган – совет, состоявший из «мужей»: наиболее влиятельных дружинников и выходцев из племенной знати. Об этом свидетельствует ответ полоцкого князя Брячислава скандинавским наемникам, что прежде чем решить вопрос о найме дружины он должен посоветоваться со своими мужами. Ибо именно эти мужи дают деньги князю, а он их тратит в соответствии с нуждами государства.

«Мужи» командовали войском, выполняли финансово-административные функции. Особенностью социального устройства в Полоцке в древнерусский

Надмогилье погребения княжича в коллективном кургане XII в. Друцк

Ткани (фрагменты) *(1, 2)*. Курган 1, курганная группа IV. Друцк. Раскопки О. Н. Левко

период являлось то, что *боярство* не представляло собой корпоративной группировки, как это было в Новгороде. В то же время бояре играли главную роль в общинных собраниях, пользовались значительным влиянием на «простых людей», в известной степени «велиции мужи» являлись проводниками соблюдения «обычного родового права». Представители верхушки дружины и местное боярство интегрировались в *институт княжеского двора*, который составил основу будущего сословия светских феодалов.

В XII–XIII вв. *дружина* представляла собой многоступенчатую организацию, деятельность которой сосредотачивалась в разных областях политической и хозяйственной жизни. По существу, это была основа будущего военно-служилого сословия. *Старшая дружина* состояла из «мужей» и «бояр», известных с предыдущего периода и занимавших высшие военно-административные должности в государстве. *Младшая дружина* охватывала низших по служебному рангу воинов. Они были ниже бояр: «детские», «дети бояр», однако могли выполнять судебно-административные обязанности, были телохранителями князя («гридни»). Службу по дому выполняли «отроки» – рядовые дружинники. Таким образом, в XII–XIII вв. дружина имела развитую социальную и служебную иерархию, ее функции значительно расширились, и она перестала быть только военной организацией. В этот период оформляется *институт вассалитета.* Каждый князь-вотчинник являлся верховным распорядителем в своем уделе, имел свой суд и войско. Ему подчинялись местные бояре и дружинники, получившие от него «в кормление» земельные наделы. Наиболее богатые из них также имели свои дружины и служили князю.

Социальный институт, участвующий в системе управления через вече, был представлен городской общиной. *Городское вече* – собрание горожан для реше-

ния особо важных вопросов политического и военного характера. История возникновения веча своими корнями уходила во времена родоплеменного строя. Городская община включала ремесленников, купцов, регламентируя их деятельность (наличие «братчины»), действовал копный суд и другие элементы самоуправления. Социально-политическая организация Полоцка имела много общих черт с Киевом и Новгородом. Лаврентьевская летопись сообщает: «Новгородци *бо изначала* и смолняне и кыяне и полочане и вся власти яко на дому (думу) на веча сходятся, на что же стареишии сдумають, на том же пригороди стануть»[1]. Видимо, ситуация, при которой младшие города подчинялись решению старших, сохранялась в Полоцкой земле и после выделения внутри нее княжеств-уделов, зависимость которых от Полоцка стала номинальной.

Усиление роли веча в политической жизни Полоцкой земли происходит параллельно с раздроблением государственной территории на вотчинные владения – уделы. Не без участия веча были сосланы в Византию полоцкие князья в 1129 г. Вече решало вопросы войны и мира, при необходимости определяло себе сюзерена из стороннего княжества. Так, пригласив на полоцкий стол в 1151 г. менского князя Ростислава, полоцкое вече заключило договор с черниговским князем Святославом Ольговичем, «чтобы иметь его отцом себе и ходить в послушании его, и на том целовали крест». Однако, ограничивая княжескую власть, вече не уничтожало ее. Наличие князя в Полоцке было обязательным и традиционным условием государственного устройства[2]. Институт княжеской власти сохранялся в Полоцке до конца XIV в. Даже в периоды наибольшей активности вече князь возглавлял военные силы, имел преданную ему дружину, осуществлял суд и внутреннее управление, раздавал волости, вел переговоры о военных и торговых делах с иностранными послами, от его имени заключались и скреплялись печатью договоры. Несмотря на то, что в Полоцке помимо княжеской власти имели место и другие политические силы, например, упомянуты 30 мужей, какое-то время осуществлявшие управление Полоцком[3], они не были противопоставлены князю.

В процессе социального развития происходит дифференциация городской общины. Из нее выделился верхний слой – «боярство», которое долгое время не утрачивало связи с общиной. Тем самым затягивался процесс слияния «местного боярства» со служилым «княжеским боярством» и превращения бояр в самостоятельную социальную единицу. Князь также поддерживал связь с городской общиной, так как в противном случае, судя по летописным данным о событиях первой половины и середины XII в. в Полоцке, он мог потерять власть.

В период феодальной раздробленности ситуация изменилась по двум причинам. Во-первых, ослабла родственная связь между внуками Всеслава, обособившимися в своих вотчинах – удельных княжествах и ставшими конкурентами на полоцкий стол в условиях развития феодального права. Во-вторых, боярство

[1] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 377–378.

[2] *Штыхаў Г. В.* Дзяржаўны лад у землях-княствах // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1.

[3] Белоруссия в эпоху феодализма: сб. док. и материалов: в 3 т. Минск, 1959–1961. Т. 2: С середины XVII в. до конца XVIII в. Минск, 1960. С. 440.

Полоцкой земли, вышедшее из племенной знати, всегда имело значительные земельные наделы и тоже стало пользоваться феодальным правом собственности. Поэтому, используя рычаг исполнительной власти, данной им городской общиной, и активно участвуя в замене одного правящего князя на другого, бояре прежде всего соблюдали свой личный интерес. Полоцкое боярство как отдельная социальная группа было юридически обособлено от других групп посадского населения только в 80-е – 90-е годы XV в. В это время обозначилось преимущество бояр над мещанами в социально-экономической и политической жизни Полотчины[1]. В это же время в Полоцке исчезают вечевые собрания как своеобразный тип гражданской власти, где определенную роль в XIII–XIV вв. могли играть также и безземельные мещане, но уже под властью князя или великокняжеского намесника[2].

Полоцк – политический, социально-экономический и сакральный центр государства. *Княжеский детинец.* Под 1176 г. имеется летописное сообщение о том, что города делятся на «старшие» и «младшие», или «пригороды». Полоцк, несомненно, относился к числу старших городов, так как возник значительно раньше других центров на территории Полоцкой земли[3]. Он являлся политическим, социально-экономическим и сакральным центром Полоцкой земли, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и многочисленные материалы археологии.

Начальная политическая история Полоцка отражена в древнерусских летописях и скандинавских сагах. В «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись) сказано: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своим грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по тем городам суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотьски кривичи...»[4]. То, что Полоцк как территориально-племенной центр был основан кривичами, подтверждают материалы археологии. Не вызывает сомнения и преимущественно славянское население Полоцка и его округи в IX–X вв. при рассмотрении материалов нижних напластований полоцкого городища, прилегающих к нему одновременных селищ, а также сельских курганных могильников.

Интерес исследователей всегда вызывал тот факт, что, находясь на пересечении важнейших водных путей, Полоцк не содержал в своем культурном слое материалов, свидетельствующих о присутствии варяжского контингента, который мог бы влиять на создание этого политического центра в государственной системе Восточной Европы. Тем не менее скандинавы были хорошо знакомы с Полоцком. Ранние скандинавские саги называют Полоцк «Palltesjuborg», где слово «borg» употребляется в значении укрепленного пункта (крепости). В более

[1] *Макараў М. Д.* Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. Мінск, 2008. С. 66.

[2] *Rohdewald S.* Ot vece k gorodskomu sovetu: o razvitii organov polotskich gorozhan do nacala XIV veka // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі: зб. навук. прац. Наваполацк, 2001. С. 17.

[3] *Штыхов Г. В.* Киев и города Полоцкой земли // Киев и Западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск, 1982. С. 59.

[4] Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. Стб. 20.

поздних сагах Полоцк называется «Pallteskja». Д. И. Довгялло считал, что в подобных изменениях названия отражено возникновение рядом с «городом» посадских поселений[1]. В «Саге об Эймунде» повествуется о политических событиях, связанных с правлением полоцкого князя Брячислава. Критический разбор данной саги показывает, что многие из приведенных в ней данных не соответствуют действительности, а события, имевшие место, переплетены с вымыслом[2]. Не получила подтверждения и гипотеза С. В. Белецкого и Ю. А. Лесмана о развитии первоначального периода в истории Полоцка в качестве варяжского[3]. В настоящее время, когда в Полоцке проведены широкие исследования на разных участках древней городской территории, на них не выявлено каких бы то ни было следов деятельности варягов, за исключением единичных находок вещей, принадлежащих к кругу скандинавских древностей. Но эти находки лишь подтверждают обширные внешние связи Полоцка как важного центра в Восточной Европе уже на ранней стадии его развития.

Детинец, окольный город и посады были структурными составляющими Полоцка в XI–XIII вв. В источнике конца XIV в. сказано: «Полтеск на Двине и на Полоте древян. А святаа Софиа каменна о седми версех»[4]. Из данного сообщения следует, что город имел деревянные укрепления и занимал достаточно обширную территорию вдоль двух рек: Западной Двины и Полоты. В другом источнике XIV в. говорится о «старом городе», из чего можно сделать вывод, что к этому времени уже имелся «новый город» Полоцк.

Для определения территории, которую занимал Полоцк в XI–XIII вв., и выделения мест расположения его посадов с 1962 г. проводились систематические обследования вдоль берегов обеих рек.

О событиях, связанных с захватом Владимиром Святославичем Полоцка, в летописи сказано: «Рогволод же вбеже в *городъ* и приступивъше к городу и взяша городъ и самого князя Рогволода яша и жену его и дщерь его»[5]. Из данного отрывка видно, что семья полоцкого князя находилась в «городе», т. е. укрепленной части Полоцка, иными словами – *детинце*. Как показали археологические исследования, наиболее ранние укрепления выявлены на древнем полоцком городище. А. Н. Лявданский полагал, что полоцкое городище оставалось центральным поселением (детинцем) в структуре Полоцка до XII в., затем центр был перемещен на территорию будущего Верхнего замка, где с X в. развивалось неукрепленное поселение[6]. Следуя А. Н. Лявданскому, именно к городищу можно применить название «старый город». М. Н. Тихомиров в отличие

[1] *Даўгяла З.* Polociae mocnia. Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў // Зап. Аддз-ня гуманітар. навук. Працы кляса гісторыі. Менск, 1928. Т. 2, кн. 3. С. 212.

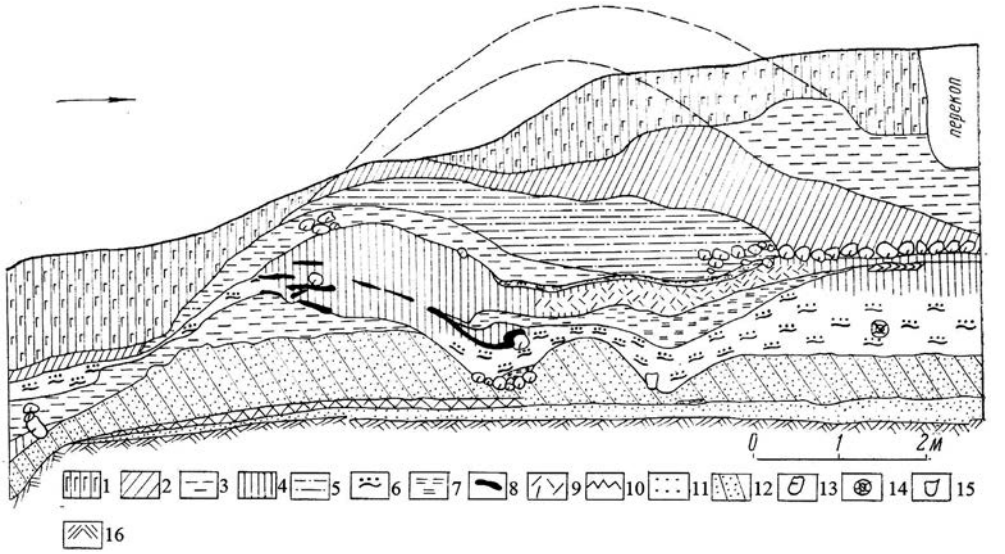
[2] *Заяц Ю. А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде» // Полоцкий летописец. Полоцк, 1993. № 1 (2). С. 5–11.

[3] *Белецкий С. В., Лесман Ю. А.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // Советская археология. 1979. № 11. С. 311.

[4] Исторические записки. 1952. № 40. С. 224.

[5] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300.

[6] *Ляўданскі А. М.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Зап. Аддз-ня гуманітар. навук. Працы археолёг. камісіі. Менск, 1930. Т. II. С. 171–172.



Прорезка вала полоцкого городища (по Г. В. Штыхову): *1* – балласт; *2* – серый слой; *3* – светлая глина; *4* – черный слой; *5* – суглинок; *6* – слой пожара с углями; *7* – красная глина; *8* – обугленное дерево; *9* – древесная труха; *10* – нижний культурный слой; *11* – предматерик; *12* – песок из насыпи вала; *13* – камни; *14* – бревна; *15* – горшок VIII–IX вв. из насыпи вала; *16* – материк

от А. Н. Лявданского считал, что детинец Полоцка на территорию Верхнего замка был перемещен с момента возведения здесь кафедрального Софийского собора, т. е. примерно с середины XI в.[1] Такого же мнения придерживаются и другие исследователи[2]. Вывод А. Н. Лявданского о первоначальном расположении детинца Полоцка на городище категорически отвергал А. Г. Митрофанов, который считал Верхний замок местом первоначального и единственного детинца города[3].

Описание в летописи событий 1159 г., когда предупрежденный о заговоре полочан князь Ростислав Глебович, находившийся в Бельчицком Борисоглебском монастыре, бежит оттуда в Менск, дает возможность предположительно локализовать княжескую резиденцию XII в. за пределами города. Однако факт пребывания князя в Бельчицах во время его противостояния с полочанами не является доказательством постоянного размещения в монастыре княжеской резиденции. Напротив, подмечено, что во времена противостояния с народом князья старались находиться не на территории детинца, а за пределами города[4]. Бельчицкий монастырь удачно располагался на пути в вотчину менских князей –

[1] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1956. С. 26.

[2] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). С. 33; *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія. С. 37.

[3] *Митрофанов А. Г.* Отчет № 111. С. 15.

[4] *Куза А. В.* Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М., 1985. С. 65–66.

Менск, что было важным в тот напряженный момент для Ростислава Глебовича. А факт его пребывания с дружиной на территории данного монастыря, когда началась смута, лишь подчеркивает функцию Бельчицкого Борисоглебского монастыря еще и как крепости. Археологические исследования, проведенные в Бельчицком монастыре в 2007 г., также не подтверждают возможности размещения постоянной княжеской резиденции на его территории. Выявленные артефакты XII–XIII вв. свидетельствуют в пользу монастырской территории, где интенсивность жизни и плотность застройки были невысокими.

Как показали новейшие исследования Д. В. Дука[1], древнейшее полоцкое городище, видимо, сохраняло за собой функцию *детинца* на протяжении XI – начала XIV в. Судя по археологическим материалам, именно здесь находилась резиденция правящей полоцкой династии. Вместе с князем на городище проживали ремесленники (оружейники, ювелиры), которые обслуживали потребности княжеского двора. Представительная коллекция археологических материалов XI – начала XIV в., среди которых много высокохудожественных изделий, показывает, что жизнь на городище в тот период не только не прекратилась, но и была достаточно интенсивной. Отдельные предметы (детали церковной утвари, смальта) и многочисленные фрагменты плинфы (некоторые со следами раствора) свидетельствуют о нахождении на городище каменного храма. Время прекращения существования княжеской резиденции на городище определяют радиоуглеродная дата – 1310 г. и комплекс находок начала XIV в. Это, вероятно, обусловлено вхождением Полоцка в состав ВКЛ и переменой в политическом значении города. Тогда же, скорее всего, и стала административным центром Полоцка территория Верхнего замка. Здесь был построен новый деревянный «город», включивший в пределы оборонительных сооружений каменную семикупольную Софию.

Среди обнаруженных в ходе археологических исследований на территории Верхнего замка построек, окружавших Софийский собор, нет сооружений, свидетельствующих о наличии княжеской резиденции не только в XI в., но и в XII в. Выявленный П. А. Раппопортом в 1976–1977 г. на территории Верхнего замка так называемый терем долгое время интерпретировался как княжеские хоромы XII в. Однако анализ материалов исследований П. А. Раппопорта (в том числе строительного материала – кирпича, приближенного к брусковому, а не к плинфе) показал, что и каменный терем размером 4,7×4,2 м, и деревянная пристройка к нему были возведены в XIV в. Датировка самой ранней из пяти печей деревянной пристройки – 1304 г.[2] установлена на основе дендрохронологического анализа плах основы срубной конструкции[3]. Допуская, что в XIV–XVI вв. данная постройка входила в комплекс княжеского двора, размещенного на территории Верхнего замка, нельзя отбросить и возможность ее принадлежности в это время епископу или воеводе. Однако к строениям XII в. причислять «терем» не приходится.

[1] *Дук Д. В.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010.

[2] *Заяц Ю. А.* О постройке с изразцовыми печами возле княжеского терема в Полоцке // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1997. № 12. С. 92–102.

[3] *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке // Краткие сообщ. Ин-та археологии Рос. акад. наук. 1981. № 164. С. 91–99.

Накладка на чашу.
Цветной металл. XII в.
Городище. Полоцк, 2007 г.
Раскопки Д. В. Дука

Изделия из цветного металла (*1–7, 10*), кости (*8*), камня (*9*). Городище. Полоцк, 2007 г.: *1, 4* – детали кадила; *7* – подвеска; *2* – деталь хороса; *3* – фрагмент лампадки; *5* – фибула; *6* – молоточек; *10* – навершие; *8* – шахматная фигура; *9* – пряслице с надписью. Раскопки Д. В. Дука

Название «Верхний замок» закрепляется за возвышенностью, известной как Черная гора, после возведения на ее территории оборонительных укреплений, датируемых не ранее XIV в. Их следы в западной, и, возможно, южной частях Верхнего замка зафиксированы археологически[1]. Следовательно, возведение этих укреплений было осуществлено в период вхождения Полоцка в состав Великого Княжества Литовского, когда местная княжеская династия уже не существовала. В свете вышеизложенного наличие резиденции полоцких князей в IX–XIII вв. на территории древнего городища трудно оспорить.

Развитие социально-экономической структуры города. Кроме укреплений детинца структура древних городов Восточной Европы предусматривала наличие его «предградья», или окольного города[2], где проживали ремесленники, купцы, объединенные в самоуправляемую общину. Посады древнейших городов, к которым относится и Полоцк, начали складываться на основе селищ, окружавших городище, и окончательно сформировались с приобретением поселением функции *социально-экономического центра* округи – города.

[1] *Булкин Вас. А.* Дело № 594. С. 9–11; *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія. С. 41.

[2] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 242; *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город / АН УССР, Ин-т археологии. Киев, 1989. С. 152.

Окольный город Полоцка сформировался уже в X в. Он выходил за пределы территории будущего Нижнего замка в восточном направлении, где ограничивался стеной с деревянными городнями. Примерная площадь окольного города составляла 12,5 га. На его территории выявлены следы ювелирного и кузнечного ремесел, что свидетельствует о появлении здесь важнейших для функционирования раннесредневекового города профессиональных мастерских.

Основные посады Полоцка – *Великий и Заполотский* – начали складываться в XI в. Название «Великий посад» впервые фиксируется в «Привилее» Жигимонта Старого Полоцку, датируемом 1529 г.[1], но нет сомнений в его более раннем происхождении. Уже в XII–XIII вв. ремесленный статус населения расширившегося посада подтверждают археологические находки (изделия из кости, заготовки и инструменты производства, ювелирные изделия XII–XIII вв., фрагменты тиглей). Здесь найдены два креста-энколпиона XII в., костяное писало, изделия из кости (игольник и накладка) и дерева (самшитовый гребень). Во второй половине XI в. площадь Великого посада за пределами окольного города составляла около 50 га. Застройка его с севера была ограничена руслом Полоты, а с юга – Западной Двины. С востока естественной границей посадской территории являлся глубокий природный ров (зафиксирован на планах конца XVIII в.). Таким образом, в XI–XII вв. территория Великого посада стабилизируется в границах будущего паркана XVI–XVIII вв. Восточная граница посада оставалась практически неизменной с древнерусского времени до конца позднего средневековья. Однако внутренняя планировка существенно менялась.

В начале XI в. на правом берегу Полоты начинает формироваться Заполотский посад. Топоним «Заполотье» определяет территорию за р. Полота. В середине XI в. площадь Заполотского посада была не менее 40 га, что более чем в 3 раза превышало площадь окольного города. Заполотский посад был укрепленным, имел выраженный торгово-ремесленный характер и активно застраивался вдоль Западной Двины в западном направлении, что подтверждается археологическими исследованиями Д. В. Дука в 2004 и 2006 гг. Наиболее ранние материалы X–XI вв. представлены железными изделиями и прозрачной светло-желтого цвета боченкообразной пронизкой. Максимальное количество таких бус в Полоцке приходится на XI – начало XII в.[2] К редким изделиям относятся бронзовая подвеска X в. в виде равноконечного креста, выявленные случайно бронзовый топорик-подвеска и замочек-подвеска из железа и меди, которые могут датироваться по аналогиям X–XII вв. К изделиям XII в. Д. В. Дуком отнесены бронзовые перстни, свинцовые печати и пломбы, а также подъемные бронзовые орнаментированные ключики. Фрагменты керамических тиглей для плавки металлов, а также слиток бронзы овальной формы с двумя насечками, которые могут обозначать вес, бронзовые пластинки-обрезки и проволока, слиток олова пулеобразной формы, а также редкая находка – бронзовый ювелирный пинцет,

[1] Акты Литовско-Русского государства / изд. М. Довнар-Запольский. М., 1897. Т. 2: XVI век. С. 217.

[2] *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія. С. 33.

Свинцовые печати и пломбы из Полоцка (лицо и оборот): *1* – Великий посад, 2005 г.; *2–5* – Заполотье, 2010 г. Раскопки Д. В. Дука

по мнению исследователя, могли быть изготовлены на месте[1]. Аналогичный по форме пинцет X–XI вв. выявлен С. В. Тарасовым на полоцком селище[2].

Состав имеющихся вещественных материалов указывает на то, что в Заполотском посаде селились преимущественно ремесленники и торговцы. Начало заселения данной территории, возможно, относится к рубежу X–XI вв. Верхняя граница среднего стратиграфического горизонта обозначается рубежом XII–XIII вв. В нем отсутствуют стеклянные браслеты, широко бытовавшие в Полоцке в 1220–1250-е гг.[3] В начале XIII в. Заполотский посад вдвое сократился в размерах и достиг площади около 20 га. Причиной этого, видимо, прежде всего стало усиление влияния крестоносцев в Прибалтике и нестабильность положения Полоцкого княжества. Судя по письменным источникам, в XIV в. на заброшенной части Заполотского посада располагались огороды[4].

В XI–XIII вв. на мысах вдоль р. Полоты к северу от Великого и Заполотского посадов находились отдельные усадьбы полочан, следы которых обнаружены на удалении 0,8–1 км от устья Полоты в районе современного Красного моста, улиц Октябрьской и Ф. Мироновой. По наблюдениям Д. В. Дука, площадь поселений за Полотой была весьма значительной (40 га). Ее на две части разделял природный ров, начинавшийся от северного изгиба старого русла Полоты. Эти два ранних поселения к северу от Заполотья образовывали отдельный посад, название которого в письменных источниках не сохранилось.

Сакральный центр Полоцка. Занимал территорию Черной (Замковой) горы, где с XIV в. был размещен Верхний замок города. С юга, запада и севера гора имела крутые высокие склоны, являющиеся естественными преградами. С восточной стороны, где она подходила к участку, занятому окольным городом, таких преград не было, и культурный слой со стороны окольного города распространялся достаточно интенсивно на восточный участок Замковой горы. Выявлен-

[1] *Дук Д. В.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.).

[2] *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія. Рис. 48.

[3] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). С. 95.

[4] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: в 6 вып. / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977–1980. Вып. 1. 1977; вып. 2. 1978; вып. 3. 1980; вып. 4. 1982.

ные при раскопках данного участка укрепления относятся к окольному городу XI в. либо к посаду XII–XIII вв.[1]

Как установлено А. Г. Митрофановым (1958 г.), место возведения Софийского собора в южной части территории Верхнего замка до начала строительства не было заселено. Выброс земли из котлована, сооруженного под фундамент храма, перекрывал лишь очень тонкий гумусированный слой погребенной почвы[2]. Возможно, Черная (позднее – Замковая) гора у слияния рек Западная Двина и Полота первоначально выполняла функцию языческого культового центра. Таких примеров в ранней истории государственных образований восточных славян достаточно. Топонимы «Черная гора» и «Черный ручей» сохранились до XVI в. как маркеры существования дохристианских представлений и капища полочан[3].

Сооружение в XI в. на Черной горе Софийского собора показывает, что христианская религия, поставленная на службу княжеской власти, должна была изменить мировосприятие полочан в свою пользу. Территория вблизи кафедрального Софийского собора, как и сам собор, видимо, использовались для торжественных церемоний, в которых участвовал и духовный клир.

Остатки еще одного храма, но уже датируемого XII в., были обнаружены в 50 м северо-восточнее собора. Конструкция этого храма послужила прообразом смоленского храма Михаила Архангела. Кроме него на территории Верхнего замка никаких других древних культовых сооружений не обнаружено. Сделанные некоторыми исследователями предположения о возможности наличия храмов в юго-восточной и западной частях Верхнего замка[4] пока не подтверждаются.

Время учреждения Полоцкой епископии трудно определить из-за скудости источников. Есть предположение, что это произошло около 1000 г.[5], когда Владимир Святославич, крестивший Киевскую Русь, стал через своих сыновей внедрять христианство во всех восточноевропейских землях, связанных с ней. Ранние погребения по христианскому обряду на территории Полоцкой земли фиксируются в начале XI в. Однако соблюдение христианского канона в них еще перемежается с языческими элементами, и полностью он отражен лишь в захоронениях XII в. при храмах в Полоцке, Менске[6]. Впервые достоверное известие о полоцком епископе приводится в Ипатьевской летописи под 1105 г., когда митрополит Никифор I «постави Мину Полотьске». В. Н. Татищев сообщает, что митрополит Никифор I, посвящавший Мину, сам происходил из полоцких епи-

[1] *Дук Д. В.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). С. 40

[2] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). С. 36.

[3] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 104, 106–107; *Лобач У. А.* Да пытання аб сакральнай тапаграфіі старажытнага Полацка // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі, 2007. Полацк, 2009. С. 118.

[4] *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія. С. 63.

[5] *Сапунов А.* Витебская старина. Витебск, 1883. Т. 1. С. 597.

[6] *Вайцяховіч А.* В. Змены ў абрадзе крэмацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2011. № 26. С. 178–184.

скопов[1]. На протяжении всего XII в., судя по сообщениям Ипатьевской летописи под 1143 и 1183 гг., епископ в Полоцк назначался киевским митрополитом. Предлагаемую им кандидатуру, видимо, одобряло полоцкое вече, и она согласовывалась с князем. Епископ принимал участие в вечевых собраниях, суде. Он же выступал в качестве представителя княжества в договорах с Ригой[2]. В конце XII – XIII в. городские соборы и епископы осуществляли надзор за мерами и весами[3]. В полоцком Софийском соборе размещалась также городская казна и библиотека. В конце XIII в. «Оу святое Софье» находилась резиденция полоцких епископов. Здесь было и помещение для всего состава духовных лиц при епископской кафедре.

В начале XII в. в ближайшей полоцкой округе возводятся Бельчицкий Борисоглебский и Спасо-Евфросиньевский монастыри. В середине XII в. преподобной Евфросинией был основан мужской Богородицкий монастырь.

Рассмотрев основные функции Полоцка как центра раннегосударственного образования, можно сделать следующие выводы.

Комплекс предметов IX–XI вв. с полоцкого городища и связанных с ним неукрепленных поселений типичен и для исторической округи Полоцка. А это, в свою очередь, подтверждает, что зарождение и становление раннесредневекового центра Полоцкого княжества (земли) носит местный характер. Формирование и развитие посадской структуры Полоцка происходило синхронно возникновению и существованию городища как княжеского центра («града» IX в.; детинца X – начала XIV в.). Следы ювелирного производства, выявленные в ходе археологического изучения территорий городища, Окольного города, Заполотья, Великого посада, датируемых X–XIII вв., свидетельствуют о высоком экономическом потенциале Полоцка и значительной элитной составляющей его населения. Признаки корпоративной организации полоцких ремесленников X–XIII вв. находят подтверждение в размещении ювелирных мастерских центральной части Великого посада в XII и XVII вв. на одном месте.

Политический вес Полоцка в восточноевропейском регионе прослеживается на всех этапах становления ранней государственности. Полоцкие «велиции князья» упомянуты в летописи под 907 г. при заключении мирного договора с Византией и выплате контрибуции на «русские города»[4]. Для Владимира Святославича Полоцк был важной вехой на пути к завоеванию Киева (980 г.). В XI в. полоцкие князья рассматривали Новгород как конкурента во внешнеэкономической торговле на пути «из варяг в греки». После похода полоцкого князя Брячислава Изяславича (1021 г.) на Новгород Ярослав Мудрый уступил ему выход к северной части пути через Витебск и Усвят.

Значительную роль в становлении Полоцка как сакрального центра земли играло возведение Софийского собора на месте, где ранее находилось языче-

[1] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. М.; Л., 1962–1968. Т. 2. 1963. С. 109.

[2] *Штыхов Г. В.* Киев и города Полоцкой земли. С. 72.

[3] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 85.

[4] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 114, 119.

ское капище (Черная гора). Использование данной территории для осуществления торжественных церемоний, в которых участвовало духовенство, поднимало Полоцк на уровень двух других центров восточноевропейской христианской культуры: Киева и Новгорода, где также были построены Софийские соборы. Активное развитие духовной культуры и просветительства Полоцкой земли происходило благодаря подвижничеству Евфросинии Полоцкой.

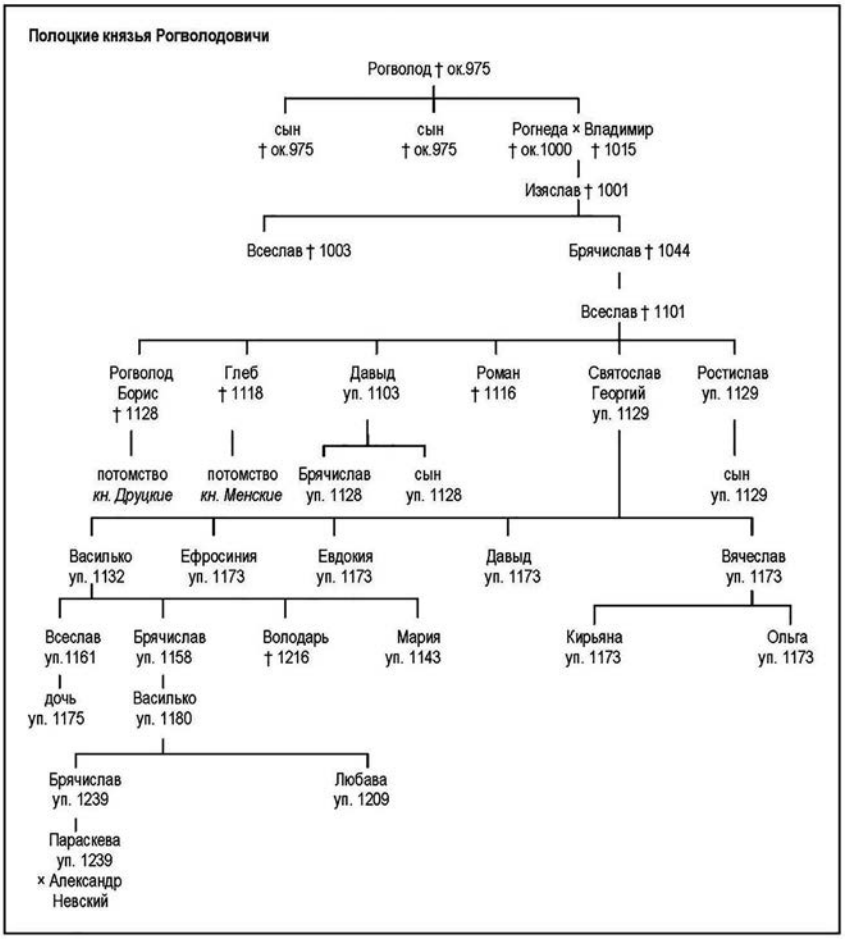
Княжеская династия Рогволодовичей. Объективные закономерности исторического развития, выраженные в политических, экономических и культурных преобразованиях на протяжении определенных периодов истории, также неизменно связаны с влиянием на эти процессы человеческого фактора – отдельных ярких личностей. Чтобы представить во всем объеме и многообразии историю государственности Полоцкой земли, необходимо знать и тех, кто часто выступал в качестве скрытой пружины государственного механизма, не давая ему совершать сбои, понуждая к дальнейшему развитию и укреплению через общепринятые формы воздействия: внутреннюю и внешнюю политику, религиозные и моральные принципы и др. Значительную роль в жизни общества Полоцкой земли играла полоцкая княжеская династия.

Вопрос о полоцкой княжеской династии является сложным. Он обусловлен не только генеалогией, но и экономическими и политическими факторами.

Зарождение государственной власти. Прежде чем говорить о том, кто стоял во главе Полоцкой правящей княжеской династии, следует вернуться к главной теме: как племенной центр (в данном случае Полоцк) перерос в раннегосударственный, и когда это произошло? Выше уже отмечалось, что свидетельством преобразования Полоцка в конце VIII – IX в. из племенного центра в раннегосударственный является исчезновение балтских импортных товаров в курганных могильниках северной части смоленского региона, отмеченное Е. А. Шмидтом по материалам археологических исследований[1]. Причиной этого явления стало активное вмешательство полочан в торговлю по р. Западная Двина, что по времени совпало, как показало археологическое открытие комплекса Кордон, с проявлением интереса варягов к торговым путям на территории Северной и Центральной Беларуси.

Нет письменных свидетельств того, что Полоцк уже на рубеже VIII–IX вв. поднимается на ступень выше в своем развитии по сравнению с обычным территориально-племенным центром и начинает собственную государственную политику в Западнодвинском бассейне. Однако выявлен культурный слой городища древнего Полоцка, в котором помимо керамики VIII–IX вв. и прослойки пожара, указывающих на освоение городища населением «полочан», Г. В. Штыховым установлено сооружение новых укреплений городища. С этим временем связан и нумизматический материал, обнаруженный в разных частях городища. Это найденные Вас. А. Булкиным (1977 г.) дирхем аббасидской эмиссии 814/815 г. и М. В. Климовым (2009 г.) фрагменты монет раннеаббасидского периода,

[1] *Левко О. Н.* Население Днепро-Двинского междуречья в VI–XI вв. (Этнический состав, социальная и территориальная структура) // Тр. VI конгр. Междунар. унии славянской археологии. М., 1997. Т. 3. С. 156–165.



Генеалогическая таблица Рогволодовичей. Составитель А. И. Шаланда. Источники: Dworzaczek W. Genealogia. Tablice. Warszawa, 1959. № 32; Насевіч В. Л. Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх беларускіх родаў 12–18 ст. / рэд. І. П. Хаўратовіч. Мінск, 1993. Табл. 1; Насевіч В. Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993. С. 142–143; Загорульский Э. М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Минск, 1994; Войтович Л. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 280–297

из которых один датируется 810-ми годами (время халифа ал-Мамуна), второй отчеканен между 795 и 830 гг. (халиф ар-Рашид), и третья монета датируется 811–818 гг. Попасть на полоцкое городище они могли к 840-м гг.[1], а возможно, и ранее. Следовательно, Полоцк этого времени уже имел международные торговые связи, выходящие за пределы Западнодвинского бассейна, и эти связи значительно предшествовали во времени вовлечению Полоцка в поход Олега из Киева на Константинополь в 907 г.

[1] *Клімаў М. В.* Новае адкрыццё ў храналогіі старажытнага Полацка // Беларускі гістарычны часопіс. 2010. № 5. С. 6.

Борьба с соседями за укрепление своих позиций в Западнодвинском бассейне заняла у Полоцка около 100 лет. В этот период, согласно летописным свидетельствам, происходили следующие события: «находничество» с целью сбора дани со стороны «мужей» Рюрика (864 г.), нападение со стороны Киева под предводительством Аскольда (865 г.), походы Полоцка вместе с войском киевского князя Олега на Константинополь (907 и 911 гг.). Кто именно правил Полоцким княжеством в это время – неизвестно. Однако археологический материал однозначно подтверждает единство материальной культуры Полоцка с его округой. Это позволило исследователям сделать вывод о том, что развитие Полоцка из племенного центра в раннегосударственный происходило на местной основе без вмешательства внешних сил[1]. Самой очевидной в этот период представляется власть полоцкого землевладельческого боярства и зарождающегося городского патрициата, возглавивших торгово-экономическую сферу деятельности княжества, а следовательно, выражавших и его политические интересы.

Правление Рогволода. Первым достоверно известным князем-правителем в Полоцком княжестве был пришедший из заморья Рогволод, по словам летописи, «держащю и владеющю и княжащю Полоцкую землю»[2]. Исследователей больше интересовало, к какому роду и этносу относился Рогволод, чем время и обстоятельства его появления на княжеском столе в Полоцке. Ранее в исторической литературе сложилось мнение, что княжение Рогволода приходится на 70-е годы X в., т. е. незадолго до того, как Владимир Святославич проявил свой интерес к Рогнеде, дочери Рогволода. К сожалению, письменные источники ничего не сообщают о Рогволоде, кроме общего указания на направление, откуда он прибыл, и перечисления всех символов его владения Полоцким княжеством.

М. Н. Самонова предложила оригинальную версию времени прибытия Рогволода в Полоцк, связав этот факт с политической ситуацией в Киевской Руси середины X в.[3] Известно, что в 945 г. древляне убили киевского князя Игоря, потерявшего меру в даннических поборах, и его вдова великая киевская княгиня Ольга с целью восстановления престижа Киева в формирующемся государстве изменила систему сбора податей. Она же, проезжая через земли, где ранее дань собиралась путем полюдья, установила твердые податные сборы через погосты, огосударствляя территории, т. е. включая их в структуру прямого подчинения Киевской Руси. В число огосударствленных земель попало и Витебское Подвинье с племенными центрами в Витебске и Усвятах, ставшими пунктами сбора дани в пользу Киева[4].

Поскольку Полоцк все время находился на страже своих экономических интересов, он, вероятно, искал возможность противостояния укрепляющейся киевской власти. Рычагом такого противостояния мог стать иноземный князь, который соблюдал бы интересы полочан и в то же время не уступал бы по степени

[1] *Дук Д. В.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.).

[2] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 36.

[3] *Самонова М. Н.* Скандинаво-славянские связи на белорусских землях в IX–XIII вв. (по письменным источникам). С. 56–65.

[4] *Левко О. Н.* Витебск на пути «из варяг в греки». С. 154–159.

знатности киевско-новгородским Рюриковичам. Рогволод, пришедший со своим родом на княжение в Полоцк, вполне соответствовал этим условиям.

Косвенным свидетельством успешной экономической политики Рогволода в период его правления в Полоцке является появление в устье Западной Двины (на балтских территориях) в середине X в. монетного серебра. Крупнейший для своего времени Козьянковский клад арабских дирхемов, выявленный недалеко от Полоцка[1], а также, вероятно, и клад золотых вещей с территории Окольного города (Нижнего замка) Полоцка[2] подтверждают успешное развитие дальней торговли Полоцка, подчинение балтских земель, прилегающих к территории полоцких владений на западе, и вовлечение их в торгово-экономические операции. Судя по археологическим данным, скорее всего, именно при Рогволоде Герцике становится первым опорным пунктом подчинения Полоцку земель ливов, земгалов и литвы в качестве данников и союзников. Этот последний факт указывает на новые возможности Полоцка в установлении прямых связей с северными и западноевропейскими землями, что избавляло его от необходимости входить в контакт с Новгородом и Ладогой, ранее подключившимися к этим связям через Рюриковичей.

Новые возможности были очень важны для Полоцка, так как, судя по материалам Кордона (Шумилинский р-н Витебской обл.), его успешное развитие в X в. осуществлялось в западном направлении, в то время как в восточном и южном направлениях оно затруднялось влиянием варяжского контингента, контролирующего торговые пути по рекам Оболь, Улла и Западная Двина при движении товаров с Новгородской и Псковской земель через р. Смердель (д. Горожане в Псковской обл.) и реки Ловать, Лучесу в Днепровский бассейн. Со второй половины X в. округи Витебска и Усвят подконтрольны киевской администрации.

Возможность выхода Полоцка к устью Западной Двины показала Новгороду и Киеву его преимущества в контактах с европейскими странами, что повысило интерес к полоцким владениям с их стороны. На 970-е годы приходится конфликтная ситуация между Владимиром Новгородским и Ярополком Киевским, соперниками в борьбе за верховную власть в Киевской Руси. В 978 г. перед походом на Киев Владимир Святославич, правивший в Новгороде и получивший отказ на свое сватовство к Рогнеде, пришел с войском в Полоцк, убил Рогволода и насильственно женился на его дочери, подчинив Полоцкое княжество[3].

Династия Рогволодовичей–Изяславичей. Проведя около 988 г. новую административную реформу, Владимир Святославич «*посади* Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святослава Турове, а Ярослава Ростове»[4], тем самым через своих сыновей закрепляя власть в важнейших стратегических пунктах государства.

После смерти Вышеслава в Новгород был посажен десятилетний Ярослав, брат Изяслава. Полоцкий Изяслав не был задействован и в распределении сто-

[1] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли.

[2] Полоцк.

[3] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 36.

[4] Там же. С. 54.

лов других городов. С этого момента началось самостоятельное развитие Полоцкой земли как государства, так как дальнейшие передвижения киевских князей по престолам внутри Киевской Руси ее не касались. Изяслав княжил в Полоцке до своей смерти в 1001 г.

Письменные источники в отношении Полоцкой земли освещают преимущественно политические события, которые связаны с военными действиями, и обходят молчанием иные стороны жизни этой раннегосударственной структуры Восточной Европы. Лишь в нескольких случаях, касаясь личности полоцких князей, летописцы дают им характеристику, которая должна показать отношение правителей к христианству либо какие-то личные качества. Так, Никоновская летопись высоко оценивает сына Владимира – полоцкого князя Изяслава как человека и христианина: «Бысть же сий князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив»[1]. Данная летописцем характеристика Изяславу, видимо, была достаточно верной, так как этот князь, обладая всеми необходимыми полномочиями, в том числе и печатью, скрепляющей важные для Полоцкой земли документы, не проявил себя как самостоятельный государственный деятель. Его поступки во всех известных ситуациях связаны с удовлетворением чьих-то интересов. Мать Изяслава Рогнеда, чтобы избежать смерти, вложила меч ему в руки, велев выступить против собственного отца. Прибыв в Полоцкую землю в качестве наместника Владимира Святославича, Изяслав в интересах полоцких «мужей» стал княжить от имени рода Рогволодовичей, тем самым восстановив эту династию в правах на полоцкие владения.

Летописец в связи с кончиной Изяслава обозначил его родословную по вертикали: «Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сын Володимеръ»[2]. Эта фраза указывает на установление в Полоцкой земле отчинного порядка замещения полоцкого стола, аналогично тому, как в Киевской Руси – киевского престола. О дальнейшем соблюдении этого порядка свидетельствует и летописное известие о кончине Брячислава Изяславича: «В се же лето (1044 г.) умре Брячиславъ, сын Изяславль, внук Володимер, отец Всеславль, и Всеславъ, сын его, седе на стол его»[3].

Данные летописные сообщения дали повод ряду историков полагать, что с Изяслава Владимировича началась родословная полоцкой ветви княжеского рода Рюриковичей[4]. В результате дальнейшее развитие Полоцкой земли представлялось как добровольная передача ее в управление наследникам Изяслава со стороны киевского князя Владимира Святославича. На самом же деле в истории полоцкой княжеской династии проявились особенности, позволявшие ей наследовать право на верховный государственный престол не только как Рогво-

[1] ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никонскою летописью. СПб., 1862. С. 68.

[2] Там же. С. 57.

[3] Там же. С. 64.

[4] *Загорульский Э. М.* Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Минск, 1994.

лодовичам (в Полоцке), но и как Рюриковичам (в Киеве). Заняв полоцкий стол, Изяслав стал наследником Рогволода по линии рода своей матери Рогнеды. О том, что имя родоначальника полоцкой княжеской династии прочно входит в антропонимикон полоцких князей, свидетельствуют имена Рогволод-Борис Всеславич, Рогволод-Василий Борисович. Одновременно Изяслав оставался наследником Владимира Святославича (Рюриковича) и имел право занять киевский стол. Символика лично-родовых знаков Рогволодовичей-Рюриковичей показывает, что полоцкие князья наследуют трезубец Владимира, последовательно изменяя лишь один из его элементов. Это свидетельствует о полноценном династическом статусе полоцких князей среди Рюриковичей[1]. Ранняя смерть Изяслава (прежде его отца) по родовому праву исключала из списка наследников Киевской Руси его детей. Тем не менее они были не только Рогволодовичами по деду Изяслава, но и Рюриковичами по Изяславу. Летописи фиксировали этот факт и в отношении Брячислава, и в отношении Всеслава. Двоякость генеалогии полоцких князей имела свои положительные и отрицательные стороны, что нашло отражение в дальнейшей политической истории восточнославянского региона.

Брячислав Изяславич Полоцкий был вторым сыном Изяслава и наследовал полоцкий стол после смерти своего брата Всеслава (1003 г.). Его правление Полоцкой землей фиксируется до 1044 г. В отличие от отца этот князь ярко проявил себя на военном поприще и во внешней политике. На северо-западных рубежах Полоцкой земли, где сходились интересы полочан с племенами литвы, земгалов и ливов, появилась крепость Брячиславль (Браслав), ставшая центром окраинной волости Полоцкой земли. В «Хронике Быховца» город упомянут в связи с нападением на него литвы и жемойтов в 1065 г.[2] Он занимал перешеек между озерами Дривято и Новято у современной границы Беларуси и Литвы. Площадка крепости размером 200×100 м была окружена мощным валом. Исследования показали, что первоначально поселение принадлежало латгалам. Его укрепления были уничтожены в пожаре IX–X вв., что связано с наличием материалов культуры длинных курганов, предшествовавших раннегородским напластованиям XI в.[3] Исходя из этих данных, можно полагать, что полочане овладели округой Браслава еще в период становления их княжения. Балтские вещи встречаются и в более поздних напластованиях крепости. К ним относится характерная для ливов черепахообразная фибула XI–XII вв. и другие предметы. Однако с X в. поселение в целом имеет славянский облик.

Кроме Браслава к укрепленным пограничным поселениям северо-запада Полоцкого княжества, также возникшим в XI в., относятся Дрисвяты, Масковичи,

[1] *Белецкий С. В.* Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей на металлических подвесках XI в. // Ruthenica: зб. наук. пр. Київ, 2002. Т. 1. С. 134–151; *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVIII стст.). Магілёў, 2003. С. 154–155.

[2] Хроника Быховца / предисл., коммент. и пер. Н. Н. Улащика. М., 1966. С. 36.

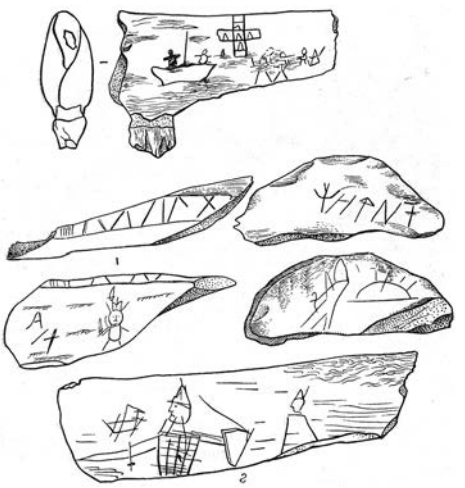
[3] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв). С. 173–178; *Семянчук Г.* Гарадзішча «Замкавая гара» ў Браславе // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча: Да 70-годдзя з дня нарадж. Г. В. Штыхава: тэз. дакл. навук. канф. Мінск, 1997. С. 61–65.

Городище Дрисвяты в Браславском р-не

Городище Масковичи в Браславском р-не

Ратюнки, Прудники. Некоторые из них достаточно широко изучены археологами[1]. В восточной части современной Латвии известны княжеские центры Герцике и Кукенойс для охраны пути по Западной Двине и сбора дани с окрестных земель в пользу Полоцка. Раскопками установлено, что с X в. Герцике было сильно укрепленным поселением, в котором проживали как представители

[1] *Дучыц Л. У.* Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. Мінск, 1991; *Семянчук Г.* Раннесярэднявечны горад Дрысвяты // Браслаўскія чытанні. Браслаў, 1997. С. 8–18.



Кости с граффити конца XII–XIII вв. Городище Масковичи в Браславском р-не

латгальско-селлского, так и славянского населения. Древнейший слой Кукенойса (Кокнесе) относится к XI – первой половине XII в. В связи со смешанным населением латгальско-селлские черты этого торгово-ремесленного центра особо проявляются во второй половине XII в.[1] Можно предположить, что второй опорный пункт Полоцкой земли в балтских землях на берегах Западной Двине в направлении к ее устью был установлен уже при Брячиславе. Комплекс укреплений северо-западной границы Полоцкого княжества берет свое начало с периода освоения данной территории княжением полочан, усиливается при Рогволоде и контролируется военизированным отрядом из Масковичей Браславской волости при Брячиславе.

Для Полоцка оставался актуальным и северный вектор возможного расширения государственной территории. В «Повесть временных лет» сообщается под 1021 г. о походе Брячислава на Новгород: «..Приде Брячиславъ сын Изяславль, внук Володимерь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ новгородце и именье их, поиде Полоцку опять»[2]. Однако успешное предприятие было сорвано нападением на Брячислава на р. Судомирь войска Ярослава Владимировича (Мудрого). В результате новгородцы возвратились домой, а Брячислав – в Полоцк. В Софийской первой и Воскресенской летописи уточняется, что после этого Ярослав призвал к себе своего племянника Брячислава Изяславича «и давъ ему два города Въсвячъ и Видбескъ и рече ему: «буди же со мною заодинъ»[3].

«Сага об Эймунде» («Эймундова прядь») дает достаточно подробное изложение событий 1021–1026 гг., которые проливают свет на взаимоотношения Брячислава с Ярославом. Исследователи единодушны в том, что эти отношения были партнерскими и взаимовыгодными[4]. Наличие в Киеве «двора Брячиславля», а также факт нахождения Ярослава в течение 1024–1026 гг. в Новгороде (после поражения, нанесенного ему Мстиславом под Лиственом в 1024 г.), послужили поводом для выдвижения разных версий политической близости Полоцка и Киева в этот период. Так, Л. В. Алексеев считал, что двор Брячислава в Киеве

[1] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв). С. 173–178.

[2] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 64.

[3] ПСРЛ. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 134; т. 7: Летопись по Воскресенскому списку / подг. к изд. Я. И. Бередниковым и А. Ф. Бычковым; под ред. А. С. Норова. СПб., 1856. С. 328.

[4] *Заяц Ю. А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде». С. 5–11. Полоцк. С. 59–66.

был местом для постоя полоцких купцов, занимавшихся дальней торговлей[1]. С. В. Тарасов с учетом того, что помимо «Брячиславова двора» в Киеве был еще и «двор мужей Ярославовых», считал возможным поочередное управление Брячислава и Ярослава Киевом в 1024–1026 гг. со своих вотчин (Полоцка и Новгорода соответственно)[2]. По мнению Ю. А. Заяца, Брячислав в 1024–1026 гг. временно был наместником Ярослава в Киеве, и для укрепления союза Ярослав мог передать ему Менскую волость[3]. На передачу дополнительных земель во владение Полоцкой земле намекает «Эймундова сага», где говорится, что владений у Брячислава «стало наполовину больше, чем было у него до сих пор»[4]. Вероятнее всего, что помимо Менской волости к Полоцкой земле отошли земли Друцкого Поднепровья, которые в дальнейшем упоминаются как владения Полоцка. Таким образом, Брячислав полоцкий достиг важнейших результатов в укреплении политического и экономического развития Полоцкой земли. Он укрепил западные рубежи и продвинулся вглубь балтских земель (создание крепости Кукенойс у Западной Двины), значительно расширил государственную территорию в северо-восточном и южном направлении благодаря политике союзничества с Ярославом Мудрым и получил новые, стратегически важные участки торговых путей в Витебском Подвинье (Усвят и Витебск).

Всеслав Брячиславич Полоцкий унаследовал полоцкий престол в 1044 г. после смерти своего отца Брячислава Изяславича. Он имел шесть сыновей: Бориса (Рогволода), Давыда, Глеба, Романа, Ростислава, Святослава. Этот князь из-за темперамента и горячности вызывал противоречивые оценки у летописцев. Литературные и устнопоэтические произведения представляют образ Всеслава в сочетании реальных и фантастических черт. Ему приписывалась связь с темными силами (якобы он был рожден от волхования). Прозвище «Чародей» Всеслав получил из-за «язвена» на его голове.

К моменту смерти Брячислава Изяславича и вокняжения Всеслава в Полоцке Киевская Русь вместе с Полоцкой землей провели ряд военных кампаний на территории литовских племен (1038, 1040 гг.) и мазовшан (1041 и 1047 гг.)[5]. В 1060 г. Всеслав Брячиславич со своим войском принял участие в походе Ярославичей на торков. Это свидетельствует о продолжении мирных взаимоотношений и наличии общих интересов у Полоцкой земли и Киевской Руси. А уже спустя пять лет появляются притязания Всеслава на принадлежащие Киевской Руси владения. Ю. А. Заяц считает, что, нападая в 1065 г. на Псков, а в 1066 г. – на Новгород, Всеслав полоцкий имел целью обратить на себя внимание родственников по линии Рюрика с тем, чтобы заявить свое право на киевский

[1] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 245–246.

[2] *Тарасаў С. В.* Брачыслаў Ізяславіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. С. 78.

[3] *Заяц Ю. А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде». С. 23–24; *Его же.* Менская зямля: этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 11.

[4] *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX –XIV вв.: материалы и исслед. М., 1978. С. 103.

[5] *Головко А. Б.* Земли западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X – первой трети XII в. // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск, 1982. С. 34–35.

Всеслав Полоцкий

Полоцкий Софийский собор XI в. Макет

престол[1]. Недостойный христианина поступок, который он совершил, похитив в Новгороде церковные колокола и утварь из Софийского собора[2], вызвал негативное отношение новгородского летописца. Однако именно в правление Всеслава, видимо, около 1065 г. в Полоцке возводится Софийский собор, подчеркивая его равенство с Киевом и Новгородом, где такие соборы уже существовали. Грандиозные храмы, возведенные в Киеве (1037 г.), Новгороде (1050 г.) и Полоцке, были символами величия и прочного благополучия трех государствообразующих центров восточных славян. О храме в Полоцке говорится в «Слове о полку Игореве»: «...в Полотске позвонища заутреню ране у Святыя Софеи колоколы, а он (Всеслав) в Кыеве звон слыша»[3]. Данная фраза связана с событиями 1067–1068 гг.

В 1067 г. на р. Немига состоялась битва полочан с киевскими Ярославичами, притязавшими на Менскую волость. «На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоце животъ кладут, веють душу от тела», – повествует автор «Слова»[4]. Не смирившись с поражением, летом 1067 г. Всеслав попытался завладеть выходом из Днепра к верховьям Лучесы, впадающей в Западную Двину, где и был взят в плен и брошен в киевский «поруб». Неожиданным финалом этих событий стало поражение Ярославичей от половцев на р. Альте и вспыхнувшее в Киеве восстание горожан. Недовольные «людье же

[1] *Заяц Ю. А.* Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065–1066 гг.: от Пскова до Белгорода // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. Вып. 4. С. 88–113.

[2] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 72.

[3] Слово о полку Игореве / под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц; коммент. Д. С. Лихачева; Акад. наук СССР. М.; Л., 1950.

[4] Слово о полку Игореве. С. 25.

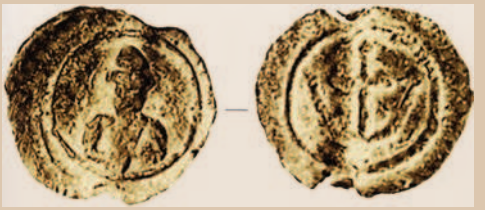
Битва на р. Немига 1067 г. Радзивилловская летопись

Пленение Всеслава Полоцкого с сыновьями (1067 г.). Радзивилловская летопись

кликнуша и идоша к порубу Всеславлю». Киевляне освободили «Всеслава ...прославиша и среде двора къняжа», воздав ему соответствующие почести, возвели на киевский престол[1]. Изяслав Ярославич вынужден был бежать из Киева. Оказавшись во главе Киевской Руси, «Всеслав, вздохнувъ, рече: “О кресте честный! Понеже к тобе веровах, избави мя от рва (напасти) сего”»[2]. Он не пробыл и года на киевском столе, когда перед битвой с польским князем Болеславом Храбрым, поддержавшим лишившегося киевского стола Изяслава Ярославича, «бывши нощи, утаивъся кыян, бежа из Белагорода Полотеску»[3].

Поступок Всеслава Брячиславича показывает, что киевский престол не был его целью в борьбе с Ярославичами. Полоцкие князья стояли лишь на страже интересов своего государства и предпринимали те политические и военные шаги, которые способствовали его укреплению. Это очевидно и из дальнейших взаимоотношений Всеслава с Ярославичами. Для прочного закрепления за Полоцкой землей приобретенной его отцом Менской волости Всеслав договаривается с бывшим соперником по киевскому престолу Изяславом Ярославичем

[1] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 114, 115.
[2] Там же. С. 74.
[3] Там же. С. 75.



Печать князя Глеба менского

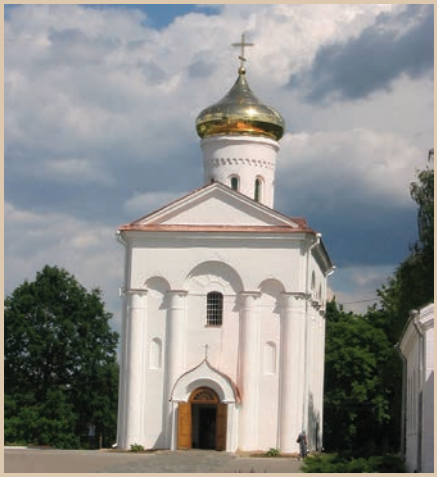
Князь
Глеб менский

о женитьбе сына Глеба на Анастасии, внучке Изяслава. В последние десятилетия XI в. сохраняются враждебность и обострение борьбы между Всеволодом Ярославичем, его сыном Владимиром Мономахом, с одной стороны, и Всеславом полоцким – с другой. Но эта борьба отражает уже узкосемейные интересы, стремление обеспечить своих наследников дополнительными владениями. Именно этот аспект выступает наиболее ярко в первые десятилетия XII в., когда на сцену противостояния выходят Глеб менский и Владимир Мономах.

Потомки Рогволода. Полоцкие князья XI–XII вв. имели христианские имена, данные им при крещении, но пользовались ими наравне с теми, которые получили при рождении. Поэтому в письменных источниках встречаются двойные имена одних и тех же князей. Например, наследовавший после смерти Всеслава Брячиславича полоцкий княжеский стол его сын Борис (1101 г.) известен и как Рогволод. Рогволодом же звали и сына Бориса, носившего христианское имя Василий. Исследователи видят в этом проявление двухверья или склонности к язычеству.

Женившись, Глеб получил от своего отца Всеслава полоцкого Менскую волость в удел, и с этих пор менские князья стали не только противниками киевской ветви Всеволодовичей, ярчайшими представителями которой были Владимир Мономах, а затем его сын Мстислав Владимирович. Внутри Полоцкой земли Глеб менский затеял соперничество со своим братом Борисом (Рогволодом), занимавшим полоцкий стол, а его потомки конкурировали с наследниками Бориса Всеславича в борьбе за верховную власть в государстве. Распри между потомками Рюриковичей и Рогволодовичей привели к тому, что в 1127 г. коалиция южнорусских князей напала на Полоцкую землю, а в 1129 г., очевидно, с согласия полоцкого боярства полоцкие князья были схвачены и отправлены в ви-

Благовещенская церковь.
Вторая четверть XII в. Витебск



Спасо-Преображенская церковь.
Середина XII в. Полоцк

зантийскую ссылку сыном Владимира Мономаха киевским князем Мстиславом Владимировичем. Этим кульминационным моментом вражды рогволодовых и ярославовых «внуков» завершается перечень «обид» и их отмщения в созданном летописцем предании о Всеславичах[1].

Евфросиния Полоцкая. К середине XII в. распространение христианства в Полоцкой земле достигло наивысшего расцвета и связано это было с именем преподобной Евфросинии, игуменьи полоцкой, княжны Предславы из рода Всеславичей. Она приняла постриг в двенадцатилетнем возрасте, отсекая от себя «духовным мечом» плотские страсти, и посвятила всю свою жизнь служению Богу и просвещению. В Сельце под Полоцком у гробниц епископов около 1127 г. она дала клятву основать здесь монастырь Спаса. Вершиной архитектурной мысли Полоцкой земли является Спасский храм Евфросиньевского монастыря. После пострига и до своего перехода в Спасский монастырь Евфросиния стала пользоваться книгами из библиотеки Софийского собора и переписывать их для распространения. Именно благодаря Евфросинии зодчим Иоанном были возведены известные своей архитектурой «полоцкой школы» храмы как в самом Полоцке, так и за его пределами. Идентичный поставленному на Верхнем замке Полоцка храму св. Михаила имеется в Смоленске. В 1140-е гг. в Витебске возведена церковь Благовещения.

После постройки Спасского храма преподобная Евфросиния позаботилась о росписи его стен библейскими сюжетами, изображениями святых, оснащении богослужебными книгами. Однако самой главной достопримечательностью храма являлся заказанный Евфросинией лучшему полоцкому ювелиру Лазарю

[1] ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 299–301.

Крест Евфросинии Полоцкой:
1 – оригинал (снимок 1896 г.);
2 – новодел (лицо и оборот)

Печать Евфросинии Полоцкой

Богше уникальный напрестольный крест. Судьба этого шедевра ювелирного искусства оказалась достаточно сложной. В результате нескольких перемещений он был утрачен. В настоящее время белорусским художником Н. П. Кузьмичом создана копия этого креста, чему в немалой степени способствовал российский ученый Л. В. Алексеев[1].

С именем полоцкой игуменьи связан вопрос о так называемом полоцком матриархате. Среди многочисленных сфрагистических материалов древнерусского времени имеются печати с именами родителей Предславы Георгия и Софии и с именем Евфросинии, найденные в Новгороде, Кукенойсе и самом Полоцке[2]. В. Л. Янин отмечал, что женские печати очень редки, а принадлежащие монахиням и вовсе неизвестны. Вероятно, в трудное для Полоцкой земли время, когда полоцкие князья были высланы в Византию, к управлению страной были причастны представительницы полоцкого княжеского рода, в том числе и Евфросиния.

Христианская религия, принятая в Киевской Руси, несла новые духовные представления, которые долгое время сочетались с традиционно языческими для более прочного закрепления в сознании населения. Характерно не противостояние, а взаимодополнение светской и церковной власти, способствовавшее укреплению авторитета на международной арене. Расцвет духовной культуры благодаря внедрению на землях Восточной Европы, в том числе и в Полоцкой

[1] *Алексеев Л. В., Макарова Т. И., Кузьмич Н. П.* Крест – Хранитель всея Вселенныя // Вестн. Белорусского Экзархата. 1996. № 15.

[2] Галерея Спасо-Преображенской церкви Евфросиньева Монастыря в Полоцке... // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінар. даслед.: зб. навук. арт. III Міжнар. навук. канф. Наваградак, 2016. Ч. 1. С. 37. Рис. 16:5.

земле, идей христианства сопровождался развитием письменности, архитектуры и искусства.

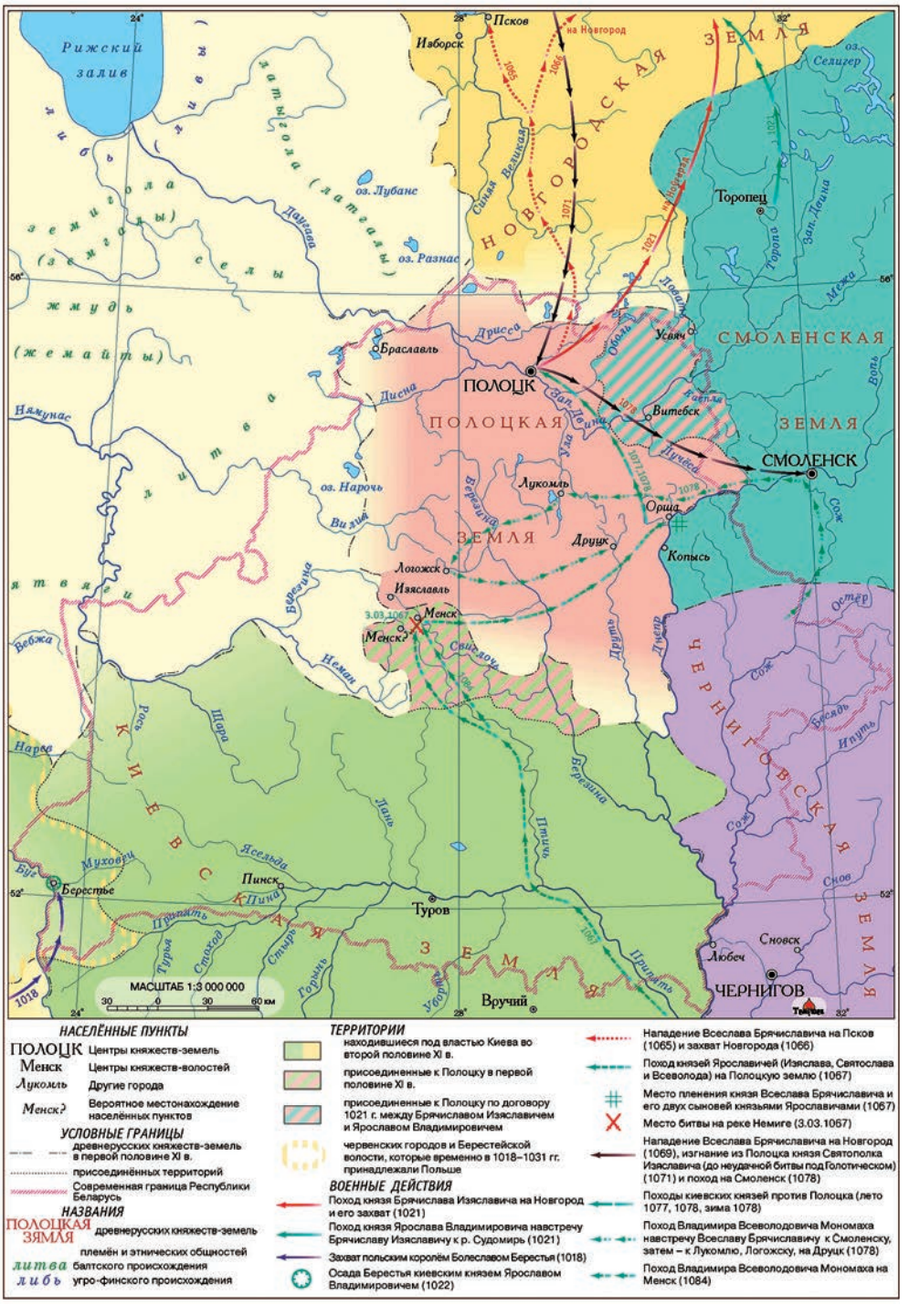
Таким образом, династия полоцких князей, несмотря на сложные периоды в истории ее существования, доказала свою состоятельность в государственном строительстве, развитии экономики и культуры, международной дипломатии на уровне своего времени. В числе ее представителей были яркие личности, оставившие глубокий след в общей восточнославянской истории и внесшие неоценимый вклад в развитие основ суверенитета белорусских земель.

Внутренняя и внешняя политика. *Образование и развитие уделов Полоцкой земли.* На протяжении *первого этапа* развития (XI в.) все усилия правителей Полоцкого княжества были направлены на расширение и упрочение государственных границ, международного авторитета, наращивание экономического потенциала страны. При князе Брячиславе Изяславиче к Полоцкому княжеству были присоединены Витебская и Усвятская волости, Менская волость с центром на р. Менка, Друцкая волость с центром в Друцке. Порубежные Друцкая и Менская волости при Владимире Святославиче выплачивали дань Киеву, о чем свидетельствуют клеймо этого князя на посуде, выявленной во время раскопок данных памятников и их окрестностей. На западе была образована Браславская волость с центром в Браславе, восточное и западное пограничья укреплены крепостями, что подтверждается археологическими исследованиями[1].

Эти территориальные приобретения Полоцкого княжества (земли) состоялись по договоренности киевского князя Ярослава Мудрого с Брячиславом, предложившего племяннику: «Буди же с мною един», что, по мнению Ю. А. Заяца, обозначает партнерские отношения, сложившиеся между ними в сложной политической обстановке 1021–1024 гг.[2] Следующий полоцкий князь Всеслав Брячиславич возвел в Полоцке Софийский собор, символизирующий равенство Полоцка с Киевом и Новгородом, где одноименные храмы были построены несколькими десятилетиями ранее. Всеслав добивался расширения владений Полоцка до Днепра в Оршанском Поднепровье, где и был пленен киевскими князьями на р. Рши в 1067 г. Этому событию предшествовали нападение Всеслава на Новгород в 1066 г. и поражение на р. Немиге в борьбе с киевскими князьями за ранее полученную от Ярослава Мудрого Менскую волость. Пережив освобождение из «поруба» и стихийное кратковременное восхождение на киевский великокняжеский престол, борьбу с киевскими князьями за возвращение полоцкого стола, Всеслав решился на новый политический шаг. После очередного похода в 1084 г. (1085 г.) киевской рати под предводительством Владимира Мономаха на Менскую волость он отдал ее в управление своему сыну Глебу и перенес центр волости Менск на р. Свислочь. При этом Глеб Всеславич стал не только первым удельным князем в Полоцкой земле, но и зятем владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича, отец которого входил в состав триумвирата старей-

[1] *Ляўко В. М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах). С. 172–180; *Левко О. Н.* Западные территории Полоцкого княжества (земли) в IX–XIII вв. С. 5–15.

[2] *Заяц Ю. А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде». С. 5–11.



Карта Полоцкой земли XI в. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

ших южнорусских князей (старшие сыновья Ярослава Мудрого – Изяслав, Святослав и Всеволод). Переговоры о сватовстве Всеслав с Изяславом вели еще в 1073 г.: «Изъяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю», – недовольно отмечали братья Изяслава[1]. Этот шаг был обоюдовыгодным в свете возможного усиления позиций Изяслава в южнорусских землях, с одной стороны, и дальнейшего закрепления за Полоцком Менской волости, с другой.

Горшок с клеймом на днище X в. (Городище Менка)

Что же представляла собой территориально-политическая структура Полоцкой земли в начале XII в.? *Полоцкая волость* в узком смысле, как и *Русская земля* в Киевской державе, была основой государственной территории Полоцкой земли и уже по этой причине не могла стать наследуемой вотчиной кого-нибудь из князей, занимавших полоцкий стол в удельный период. Она лишь давала им возможность получения дополнительных доходов во время пребывания во главе государства, и поэтому полоцкий стол оставался притягательным для всех представителей полоцкого княжеского дома на протяжении почти всего XII в.

С Полоцкой волостью была неразрывно связана *Лукомльская волость,* подчиненная Полоцкой земле с рубежа X–XI вв. (при Изяславе или в самом начале правления Брячислава). Она представляла собой, по-видимому, домениальное владение полоцкого княжеского рода[2]. Судя по археологическому материалу с территории Лукомльского городища, окрестных селищ и могильников, данная волость использовалась для содержания и обслуживания семьи полоцкого княжеского рода, его дружины. Примечательно, что Лукомль не выполнял функции порубежной крепости, и в последующее время ни один удельный князь не претендовал на эту волость как часть вотчины. Уже после включения территории Полоцкой земли в состав Великого Княжества Литовского сын великого князя Ольгерда Андрей полоцкий, выступивший против Кревской унии, в 1386 г. занял с войском Лукомль. Затем он овладел той частью территории ВКЛ, которая представляла собой Полоцкое княжество после распада Полоцкой земли (сюда входили Полоцк, Дрисса, Друя и Лукомль с волостями)[3]. Лукомль был также одним из опорных пунктов Свидригайло Ольгердовича во время гражданской войны 1430-х гг.[4] Эти немногочисленные сведения позволяют рассматривать Лукомльскую волость как неотъемлемую составляющую собственно полоцких владений вплоть до конца XV в.

Весь комплекс военно-политических событий первой четверти XII в., связанных с борьбой между Глебом менским и его могущественными противни-

[1] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 79.

[2] *Ляўко В. М.* Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мінск, 2000. Вып. 15. С. 120.

[3] *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле в 1966–1968 годах // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 316–317.

[4] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 154–155; Хроника Быховца. С. 87.

ками – южнорусским кланом Мономаховичей, позволяет рассматривать их как стремление феодальных собственников расширить и упрочить личные владения. В 1113 г. Владимир Мономах становится киевским князем. А уже в 1116 г. Глеб менский предпринимает новый поход во владения своего противника – на этот раз в пограничную с Менской волостью дреговичскую землю, где сжигает Случескъ. Ю. А. Заяц высказал предположение, что как муж Анастасии Глеб менский мог претендовать на часть наследства Изяславичей в дреговичской земле, которую также подчинил себе Владимир Мономах[1]. Видимо, Глеб захватил и Копысь с волостью в смоленских владениях Мономаховичей, так как в ответном походе на Менск они сожгли крепости – «грады» Копысь, Оршу, Друцк. Итогом военного противостояния явилось пленение Глеба Всеславича менского в 1119 г., заключение его в тюрьму в Киеве, где он вскоре умер.

Однако победившим Глеба менского Мономаховичам досталась лишь изначальная территория Менской волости, которая была возвращена наследникам Глеба после 1140 г. Сам же Владимир Мономах понимал, что завладел Менской волостью незаконно, так как она входила в состав другого государства. О том, что в 1121 г. «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей», сообщает В. Н. Татищев[2]. Результатом переговоров явилось установление пограничья между Полоцкой землей и Смоленским княжеством. По правому берегу Днепра археологически отмечен ряд крепостей, возникших в это время[3] и свидетельствующих, что Оршанская волость уже официально была закреплена за Полоцкой землей. Это, видимо, было компенсацией за утрату в ходе военной операции сыновей Мономаха в 1119 г. изначальной территории Менской волости. Поскольку в Уставной грамоте 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича среди городов, выплачивающих десятину Смоленской епископии, назван Копысь, то, видимо, этот город по условиям перемирия был возвращен Смоленску, равно как и Орша Полоцку.

Возможно, Владимир Мономах добивался во время переговоров с полоцкими князьями их согласия подчиниться Киеву, принять вассалитет. Однако на поступившее им из «Русской земли» приглашение поучаствовать в совместном выступлении против кочевников-половцев полоцкие князья с издевкой ответили, что им и дома есть что делать.

Сменивший на киевском столе Владимира Мономаха его сын Мстислав Владимирович в 1127 (1128) г. организовал объединенный поход южнорусских князей на полоцкие владения. Этот поход показывает степень значимости каждого из четырех пограничных пунктов, на которые были нацелены определенные военные силы. Наибольшее число войск приходилось на Изяславль, где сидел Брячислав – сын Давыда Всеславича, правившего Полоцкой землей. Вторым по значимости был Борисов – вотчина князя Бориса Всеславича. Лишь Друцк

[1] *Заяц Ю. А.* Менская земля // Беларускі гістарычны часопіс. С. 11.

[2] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. 1963. Т. 2. С. 134.

[3] *Ляўко В. М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах). С. 172–180. Рис. 3.

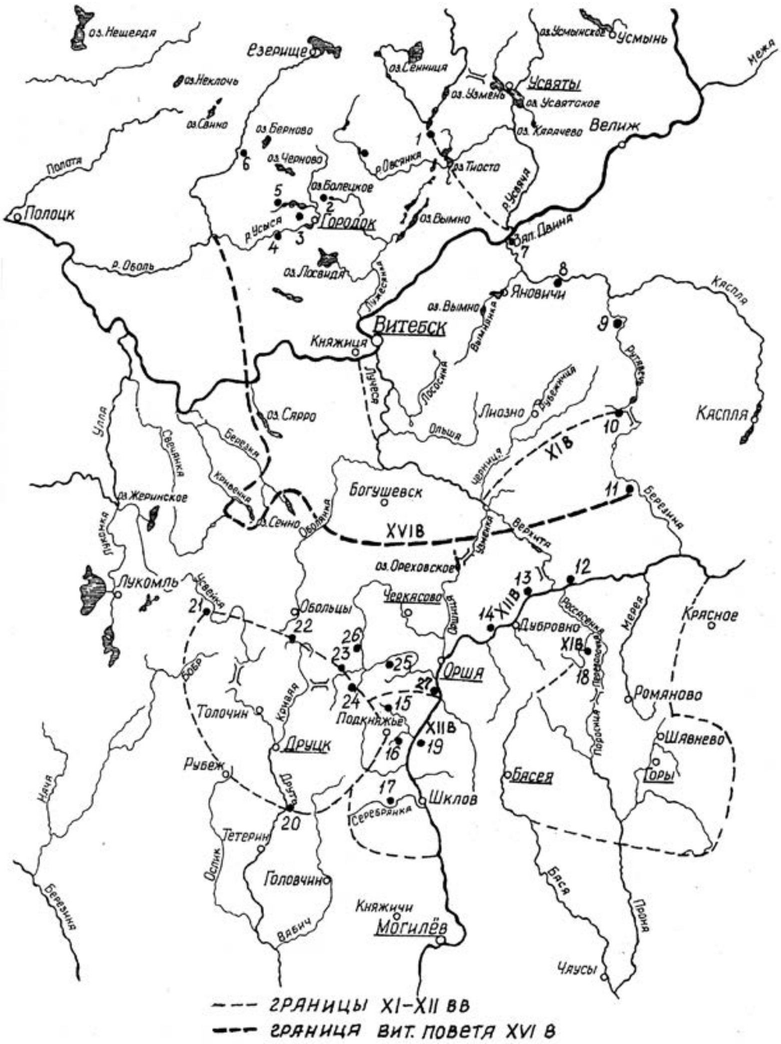
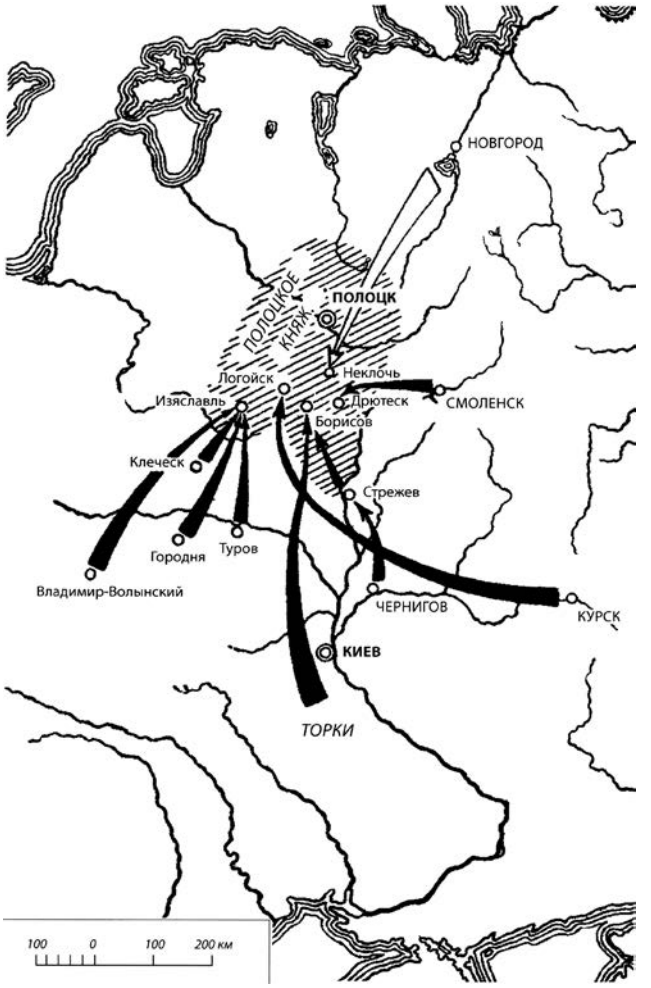


Схема размещения порубежных крепостей XI–XII вв. в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье. Автор-составитель О. Н. Левко

и Логожеск были обычными порубежными крепостями – центрами волостей, и к ним было направлено по одному войску.

Киевский князь Мстислав Владимирович сначала добился замены на полоцком столе Давыда Всеславича на Бориса Всеславича, а после смерти последнего в 1129 г. – и высылки полоцких князей с семьями в Византию. Этому способствовали полоцкое земельное боярство и городской патрициат, а Полоцкой землей два года правили киевские наместники, пока к власти не пришел очередной представитель полоцкой правящей династии Василько Святославич.

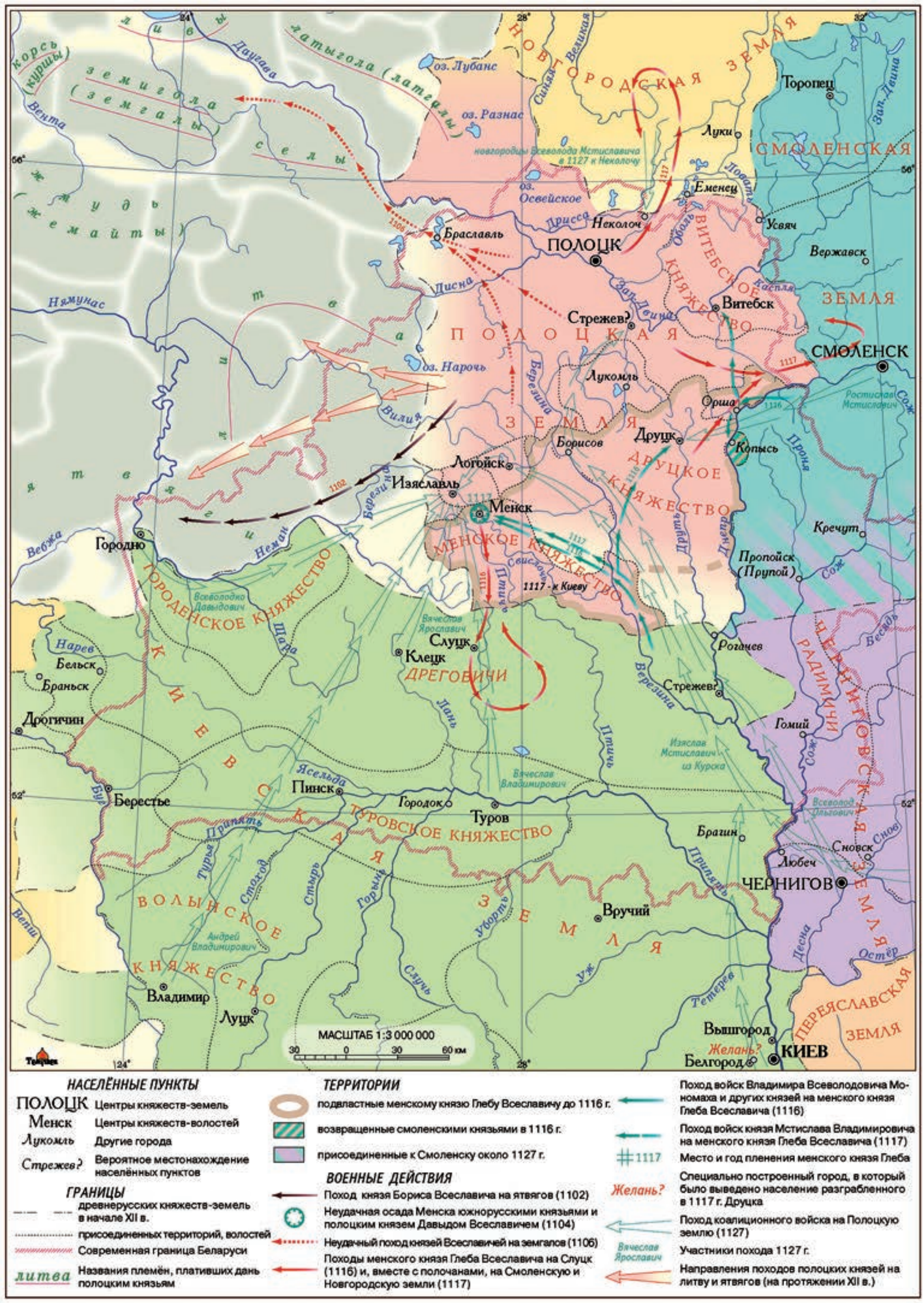
Начало *второго этапа* развития Полоцкой земли (рубеж XI–XII вв.) совпало с процессом создания удельных княжеств и земель-уделов *на феодальном*



Поход южнорусских князей в Полоцкую землю в 1127 (1128) г.

праве. В Киевской Руси вопрос о наследовании вотчин был поднят в Любече в 1097 г. Этот процесс характеризует наступление нового исторического периода, завершившегося распадом в Восточной Европе к концу XII в. существующих государственных структур. Полоцкие князья в съезде не принимали участия, однако на территории их государства вотчинное владение было также актуально. После смерти Всеслава полоцкого (1101 г.) произошел раскол среди его наследников, которым хотелось получить долю вотчины и определенную политическую самостоятельность. Выделение Всеславом полоцким в конце XI в. в управление еще *на родовом праве* сыну Глебу менскому удела из числа волостей, подчинявшихся непосредственно Полоцку, стало началом необратимых процессов в историческом развитии Полоцкой земли.

Менская волость отошла в управление Глебу Всеславичу по воле отца еще при его жизни. Что же касается других волостей, из которых состояла территория Полоцкой земли на рубеже XI–XII вв., то это были волости с центрами-кре-



Территория Беларуси в первой половине XII в. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

постями в пограничных зонах (Браславская, Изяславская, Логожская, Друцкая, Витебская, Усвятская), и все они подчинялись непосредственно Полоцку. Впоследствии на основе ряда существующих и вновь созданных волостей были образованы вотчинные владения особых ветвей полоцкого княжеского дома, главными из которых были наследники Борисовичей (или Рогволодовичей) друцких, Глебовичей менских, Васильковичей витебских.

Изяславской волостью с центром в Изяславле обычно управляли сыновья князя, занимавшего полоцкий стол. Данные археологии в совокупности с письменными источниками уточняют время образования других уделов, возникших внутри Полоцкой земли в течение XII в. и характер изменения их территории в процессе развития. Причем инициировали создание таких вотчин князья, занимавшие в какой-то период полоцкий стол. Так, сменивший своего отца Всеслава на полоцком столе его старший сын князь Борис Всеславич создал первую волость-вотчину на основе феодального права, находясь во главе Полоцкой земли. В 1102 г. Борис Всеславич, победивший ятвягов, поставил на левом берегу Березины «*град* Борисов в свое имя и людьми населил»[1].

Борисовская волость располагалась вдоль обоих берегов р. Березина в верхнем ее течении между Логожской (на западе), Лукомльской и Друцкой (на северо-востоке) волостями. Южнее ее находились земли Менского княжества – удела Глеба Всеславича, севернее – территория Полоцкой волости. Границы Борисовской волости на северо-западе и востоке, видимо, отмечают «Борисовы камни»[2]. Один из них зафиксирован в верховьях р. Вилия на границе с Полоцкой волостью (возле совр. д. Каменка Вилейского р-на). Второй находился на пограничье с Лукомльской и Друцкой волостями (возле совр. д. Высокий Городец Толочинского р-на). Археологически установлено, что культурный слой в Старом Борисове (центр волости) датируется XII–XIII вв. и, исходя из вещевого материала, соответствует статусу данного поселения[3].

Возможно, что местоположение вновь образованной волости и ее размеры обеспокоили Глеба менского в свете новых принципов создания уделов. В Логожской и Друцкой волостях, сопредельных с Борисовской вотчиной, удельных князей не было, и они также, как Полоцкая и Лукомльская волости, находились под властью Бориса, правившего в это время Полоцкой землей. Глеб мог опасаться укрепления Бориса в роли собственника и его притязаний на большую часть территории Полоцкой земли. Поэтому ответным шагом менского князя, видимо, стал захват Друцкой волости, а также он попытался закрепиться в Оршанском Поднепровье, построив для этого *крепость Оршу* на правом берегу Днепра, напротив *крепости Копысь*, расположенной на левом берегу этой реки и отмечающей западный рубеж Смоленского княжества[4]. Археологический ма-

[1] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. 1963. Т. 2. С. 123.

[2] *Таранович В. П.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // Советская археология. М., 1946. Вып. VIII. С. 249–260.

[3] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). С. 100–102.

[4] *Ляўко В. М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах). С. 172–180.

териал подтверждает возведение оборонительных сооружений на городищах в Копыси и Орше в конце XI – начале XII в. Кроме того, время сооружения крепости Орша можно отождествлять со временем образования Оршанской волости, подвластной Глебу, так как ранее центром данной территории был погост Черкасово (по названию современной деревни), собиравший дань в пользу Киевской Руси[1].

В связи с этим приобретает смысл сообщение летописи о новом походе южнорусских князей на Менское княжество в 1104 г.: «Сего же лета исходяща, посла Святополкъ Путяту на Менеск, а Володимеръ – сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глеба, *поемше Давыда Всеславича*»[2]. Смоленское княжество к этому времени стало вотчиной Владимира Мономаха и его наследников, поэтому захват Глебом менским земель в Оршанском Поднепровье мешал дальнейшему расширению смоленских владений на запад. Таким образом, в первой четверти XII в. уже личные интересы Мономаховичей сталкиваются с интересами удельного князя Полоцкой земли Глеба менского. В то же время южнорусские князья понимали, что Полоцкая земля поделена между двумя наследниками Всеслава полоцкого: Борисом и Глебом, и вознамерились вбить между ними клин в лице их родного брата Давыда Всеславича, «поемше» его на борьбу с Глебом. Незавидная участь князя-изгоя вместе с другими такими же князьями без вотчины, добывающего себе средства к существованию военными походами (в 1103 г. он участвует в походе на половцев), подтолкнула Давыда Всеславича к борьбе за шанс получить долю в отцовском наследстве. И этот шанс ему выпал: после провального похода 1106 г. объединенного войска полоцких князей на земгалов[3] Давыд Всеславич заменяет Бориса Всеславича на полоцком столе. Своего же сына Брячислава он сажает в Изяславле, тем самым пытаясь получить «отчину» в полоцком наследстве.

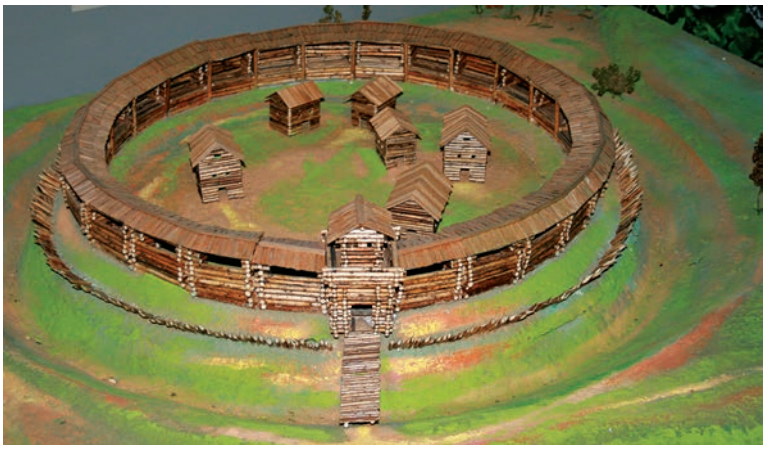
Археологические исследования Ю. А. Заяца показали, что на территории Изяславля был построен новый укрепленный центр – детинец (начало XII в.), а крепость-град (известен в литературое как «замэчек»), предоставленный Изяславу его отцом Владимиром Святославичем в конце X в., приходит в упадок. Размеры городской территории к началу XII в. достигли 12–13 га, и по уровню своего развития Изяславль, по мнению данного исследователя, уступал только Полоцку и Менску[4]. Возможно, расцвет города связан с тем, что *Изяславская волость* в самом начале XII в. уже имеет своего князя – Брячислава Давыдовича, а впоследствии, как показывают летописи, она переходила поочередно к сыновьям князей, занимающих полоцкий стол. На протяжении второй половины XII в. борьбу за этот удел ведут наследники менской и витебской ветвей Всеславичей. Однако с развитием феодальных отношений и укреплением права вот-

[1] *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси. С. 46.

[2] Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 186.

[3] Там же. С. 185.

[4] *Заяц Ю. А.* Основные итоги археологического изучения Заславля // Заслаўскія чытанні, 1995 г. Заслаўе, 1997. С. 48–50.



Макет крепости Изяславля (замэчка) X в.

чины уделы закрепляются за их владельцами более прочно. Так, право Брячислава Васильковича витебского на Изяславль как на отчину поддержал в 1159 г. занимавший полоцкий стол Рогволод Борисович друцкий.

Во время своего второго вокняжения на полоцкий стол Борис Всеславич успел создать *Друцкий удел* с центром в Друцке. Он присоединил к своей вотчине – Борисовской волости граничившую с ней Друцкую волость, которая после смерти Глеба менского вновь попала под власть Полоцка. Однако закреплять восточную границу Друцкого удела уже пришлось его сыну Рогволоду (Василию), поставившему в 1171 г. по примеру своего отца «Рогволодов камень» на границе с Оршанской волостью (совр. д. Дятлово Оршанского р-на)[1].

В 1132 г. полоцким князем становится Василько Святославич, сын Святослава Всеславича, сосланного в числе других полоцких князей в Византию. Он правил Полоцкой землей до 1146 г.[2] Летописи второй половины XII в. связывают наследников Василько Святославича с Витебском. Это позволяет предположить, что именно в правление князя Василько в Полоцке и был создан *Витебский удел*. По археологическим данным, значительные перемены в развитии Витебска наблюдаются с 40-х годов XII в. В это же время возводятся мощные дерево-земляные укрепления вокруг детинца и окольного города[3]. Первоначально территория Витебского удела могла состоять из Витебской и Усвятской волостей.

После 1140 г., когда полоцкие князья вернулись на родину из византийской ссылки в основанные на территории Полоцкой земли Менский (конец XI в.), Друцкий (30-е годы XII в.) и Витебский (40-е годы XII в.) уделы, начался новый этап в развитии отношений между ветвями полоцкого княжеского дома. Наследники Глеба, Бориса, Василько ведут борьбу за верховную власть в Полоцке, усиливая уже существующие противоречия, подталкивая Полоцкую землю к распаду. Продолжают усугубляться взаимоотношения княжеской власти и веча.

[1] *Ляўко В. М.* Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі. С. 116–122.

[2] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. С. 267.

[3] *Калядзінскі Л. У.* Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска // Заслаўскія чытанні, 1995 г. С. 57.

Детинец Друцка: *а* – современный вид; *б* – реконструкция Д. Ивченко

Становление новых норм отношений между князем и городом, приведших к оформлению веча уже в 1120-е гг. в самостоятельный политический институт Полоцка, отметил Б. Н. Флоря[1]. Согласно сообщению в Лаврентьевской летописи, в 1128 г. «Полочане...выгнаша Давыда и с сынъми, и, поемше Роговолода, идоша к Мстиславу, просящее и собе князем, и створи волю ихъ Мстиславъ»[2]. А уже под 1130 г. в этой же летописи сообщается: «поточи Мъстиславъ Полотьскии князе съ женами и с детми въ Грекы»[3]. Полочане не препятствовали ссылке представителей полоцкого княжеского дома в Византию. Можно полагать, что

[1] *Флоря Б. Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. М., 1995. № 5. С. 113.

[2] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299.

[3] Там же. Стб. 301.

«Рогволодов» камень. 1171 г.

этот акт был свершен не без участия полоцкого веча. Однако, испытав на себе тяготы правления со стороны киевских наместников, в 1132 г. после смерти киевского князя Мстислава Владимировича «полочане же рекше: “лишается нас”», и выгнаша Святополка, а Василка посадиша Святославича»[1]. За этими лаконичными летописными известиями стоит сплоченная сила городского патрициата и полоцкого земельного боярства, чьи собственнические интересы толкают их на столь решительные поступки в отношении правящих князей. В свою очередь, представители полоцкого княжеского дома, вернувшись из ссылки, также пытаются использовать волю веча в своих целях.

Наследники Глеба менского, вновь получившие в свое распоряжение после 1140 г. Менскую волость, не могли смириться с территориальными потерями *Менского удела,* каким он стал благодаря инициативе, проявленной Глебом Всеславичем в первые десятилетия XII в. С 1146 по 1151 г. полоцкий стол занимал Рогволод Борисович друцкий. Однако с помощью политических интриг[2] его сменяет Ростислав Глебович менский, который правит Полоцкой землей до 1158 г. За это время Глебовичи укрепляются на всех ключевых позициях. В Менске находится брат Ростислава Глебовича Володарь, в Изяславле сел его второй брат – Всеволод, сместив Брячислава Васильковича, посаженного там его отцом Васильком Святославичем во время своего правления в Полоцке (1132–1146 гг.). Друцк занял сын полоцкого князя Глеб Ростиславич. Таким образом, Глебовичи не только завладели верховной властью в Полоцкой земле, захватили Изяславский удел, но и отняли у Борисовичей Друцкую волость, включенную ранее также путем захвата Глебом Всеславичем в состав Менского удела. Заодно они прихватили Борисовскую волость, вошедшую в состав созданного Борисом Всеславичем в 1128 г. Друцкого удела. Все эти действия не обошлись без участия полоцкого веча. Как отмечается в летописи под 1151 г., «яша Полочане Рогъволода Борисовича, князя своего, и послаша Меньску... а Глебовича к себе оуведоша»[3]. Когда же полочане увидели, что Рогволод Борисович не только возвратил свою «жизнь» (имущество), но и учинил кровавую расправу над захватившими Друцкий удел представителями Глебовичей, они замыслили заговор против Ростислава Глебовича, вынудив его бежать из Полоцка, и «послаша Полочане по Рогъволода Дръютьску, и вниде Рогъволод Полотъску...»[4].

После возвращения Рогволода Борисовича на правление в Полоцк (1159–1162 гг.) он занялся урегулированием имущественных вопросов в соответствии с правом вотчины. Рогволод потребовал от Глебовичей возврата Брячиславу Васильковичу Изяславля, видимо, понимая заслугу его отца перед Полоцкой зем-

[1] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.
[2] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 394–418.
[3] Там же. Стб. 445.
[4] Там же. Стб. 494–496.

лей, когда тот защитил ее от киевских наместников, приняв верховную власть в отсутствие остальных полоцких князей. Ростислав Глебович, утратив Друцк, как вытекает из тех же сообщений, дополнительно «прида волости Рогволоду»[1]. О чем шла речь? Как видно из дальнейшего территориально-административного деления бывшей Полоцкой земли, в начале XVI в. Борисовская волость занимала левобережье Березины, примыкающее непосредственно к Друцкой волости. Та же часть этой волости, которая располагалась на правом берегу Березины, вероятно, осталась в границах Менского удела после ее захвата Глебовичами. Ю. А. Заяц отмечает, что границы Менского удела, окончательно выделившегося из состава Полоцкой земли после 1185 г., почти соответствуют границам Менского повета XVI в.[2] Из этих перемещений представителей правящей княжеской династии под влиянием и с помощью полочан (т. е. веча) вытекает их новое отношение к полоцкому столу. Он уже не рассматривается как место верховного правителя государства, замещаемое по наследству, как это было в XI в. На первое место выдвигается зависимость князя, занимающего полоцкий стол, от расположения к нему городского патрициата и боярства Полоцкой земли, и, соответственно, очевидна ненадежность его положения как правителя.

Взаимоотношения полоцких и смоленских князей. Крайняя слабость верховной власти в Полоцкой земле особенно очевидна с 70-х годов XII в., когда в борьбу за полоцкий стол включаются витебские Васильковичи. Витебский удел, образованный Василько Святославичем в 40-е годы XII в., не успел окрепнуть для жесткого противостояния более ранним по времени создания менскому и друцкому уделам. Поэтому Васильковичи опираются на помощь смоленских князей, с которыми их связывают брачные узы между Всеславом Васильковичем и сестрой Давыда Ростиславича. С 1165 г. витебский удел вступает в союзнические отношения со Смоленском, который уже являлся центром одной из срединных земель Киевской Руси и состоял из двух уделов: Смоленского и Торопецкого. Примкнув к Новгородской земле, Торопецкий удел примерно в те же 1160-е гг. выходит из состава смоленских владений. Союз Смоленской земли с Витебским уделом был обоюдовыгодным. Поддержав Всеслава «по-родственному» и направив его на полоцкий стол, Давыд смоленский с 1167 по 1180 г. сам управлял Витебским уделом. Безусловно, смоленские князья стремились извлечь как можно больше выгоды из союзных отношений с Витебском. В этот период, видимо, была расширена территория Витебского удела за счет включения в него Оршанской волости, подчинявшейся Полоцку, где правил витебский князь. Таким образом, была заложена основа территории будущей Витебской земли. Вполне вероятно, что смоленские князья уже видели себя владельцами Витебска и его волости.

Некоторые историки считают, что именно так и обстояли дела. В качестве доказательства еще более ранней принадлежности Витебска к смоленским владениям ими принято отсутствие упоминаний об этом городе в летописях после

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 445, 446, 493–496.

[2] *Заяц Ю. А.* Менская зямля. С. 14.

Территория Беларуси во второй половине XII в. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

1021 г. даже в связи с таким важным событием, как поход в Полоцкую землю южнорусских князей в 1127 (1128) г. Только выходом из состава Полоцкой земли и включением во владения Смоленска исследователи объясняют этот факт[1]. Однако такая постановка вопроса неправомерна, поскольку Витебск находился за пределами территории, обычно осаждаемой южнорусскими князьями. А их походы дальше порубежных крепостей с волостями в днепровском бассейне (Орша, Друцк, Логожск, Менск) не распространялись, так как при всем желании «зацепить» Рогволодовичей они не решались двинуться в глубь страны, где находился и Витебск. Смерть брата Романа Ростиславича в 1180 г. заставила Давыда Ростиславича вернуться в Смоленск и вместе со вторым братом Рюриком Ростиславичем включиться в борьбу за Киев с другими представителями Киевской Руси. На территории Полоцкой земли после ухода Давыда из Витебска все ключевые позиции уже прочно были заняты витебскими Васильковичами. В самом Полоцке правил Всеслав Василькович. Его брат Брячислав княжил в Витебске, сын Брячислава – Василько сидел в Изяславле.

К 80-м годам XII в. в Полоцкой земле сложилась ситуация, при которой родственные узы между Рогволодовичами стали менее ощутимы, чем их узы с вновь обретенными родственниками из Киевской Руси благодаря вступлению в брак с представителями различных враждующих между собой кланов. Следует отметить, что смоленские князья состояли в родстве не только с витебскими, но и с друцкими князьями. Поэтому они периодически «поддерживали» то одних, то других в борьбе за верховную власть в Полоцкой земле. После распада союза с Витебском Смоленск стремился установить подобные связи уже с Друцким уделом, чему воспротивились все полоцкие князья. Этим можно объяснить последний объединенный поход полоцких сил в 1180 г. на Друцк в защиту целостности территории Полоцкой земли[2].

Открывшаяся перед смоленскими князьями перспектива посредством брачных союзов завладеть Полоцкой землей нашла свое воплощение в ряде мероприятий военного характера на протяжении конца XII–XIII в.: 1180, 1186 и 1196 гг. – вехи военно-политических интриг, связанных с попытками занять полоцкий стол представителями угасающих ветвей полоцкой княжеской династии, поддерживаемых различными кланами их родственников из Киевской Руси. Показательным является пример летописного отрывка под 1195 г., в котором речь идет о «передаче» витебского стола Рюриком Киевским с согласия его брата Давыда Смоленского Ольговичам: «Рюрикъ же рече емоу (Ярославу Всеволодовичу Черниговскому. – *В. П. Богданов*): Азъ Витебска стоупилъ тобе, и посолъ былъ свои послалъ есмь ко брату Давыдови, и поведая емоу, ажь есмь состоупилъся Витебска тобе»[3]. В том же 1195 г. Рюрик Ростиславич, несколькими годами ранее незаконно получивший вместе с другими Ростиславичами

[1] *Богданов В. П., Рукавишников А. В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 19–31.

[2] *Ляўко В. М.* Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі. С. 116–122.

[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 893.

«из рук» Андрея Юрьевича Боголюбского Киев и киевские волости с замками, стал отождествлять себя и свою родню «с Володимерим племенем». Тогда Всеволод Юрьевич Большое Гнездо прислал к Рюрику посла и потребовал свою долю в южной Руси на том основании, что является старейшим в Володимеровом племени. Такими обменами долями в общерусской собственности и даже собственности других государств (например, в Полоцкой земле) южнорусские князья удивляли и «поддерживали» друг друга не раз, стремясь возвысить свой авторитет во благо личным интересам.

В 1222 г. (1223 г.) смоляне впервые (и, видимо, единственный раз, как считает А. В. Рукавишников[1]) сами захватили Полоцк, где стал править Святослав Мстиславич. Интересно отметить, что, исследуя историю креста Евфросинии Полоцкой, российский археолог Л. В. Алексеев полагал, что именно в период захвата Полоцка смоляне и вывезли этот крест к себе в Смоленск[2]. В Витебске в это время княжил Брячислав из рода Васильковичей и племянник по матери смоленского князя Мстислава Давыдовича. Витебская ветвь полоцкой княжеской династии преуспела в брачных союзах с влиятельными князьями Киевской Руси. В 1209 г. Василько Брячиславич выдал свою дочь замуж за великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо[3]. А его сын Брячислав в 1239 г. выдал замуж свою дочь за Александра Ярославича (Невского)[4]. В 40–50-е годы XIII в. Витебск находился под контролем владимирских и смоленских князей ввиду нависшей опасности со стороны самоутверждающегося литовского князя Миндовга.

Полоцк и балтские земли. В конце XII – XIII в. в политической истории Полоцкой земли произошли кардинальные перемены. К этому времени *Полоцкое княжество* состояло из собственно Полоцкой волости и домениальных владений (Лукомльская, Браславская волости). В «Хронике» Генриха Латвийского оно называлось «*королевством»,* в вассальной зависимости от которого находились княжества Герцике и Кукенойс в нижнем течении Западной Двины. Ослабленному уменьшением государственной территории и политической нестабильностью Полоцкому княжеству чрезвычайно трудно было удерживать зависимые от него Герцике и Кукенойс на фоне активизации деятельности крестоносцев в Прибалтике и возведения в 1201 г. в устье Западной Двины Риги. Однако с конца XII в. и вплоть до 1222 г. Полоцкое княжество оставалось достаточно сильным и влиятельным в регионе государством.

Определенный интерес вызывает личность Владимира, упоминаемого источниками в качестве полоцкого князя в 1184, 1206, 1208, 1216 гг. По одной из

[1] *Рукавишников А. В.* Некоторые вопросы истории Полоцкой земли домонгольского периода // Русское средневековье. 2000–2001 годы. Источники. М., 2002. С. 64.

[2] *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. Минск, 1996. С. 11, 13.

[3] Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ / под ред. М. Н. Тихомирова М.; Л., 1949. Т. 25. С. 108; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 116. (Репр. изд.).

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

Руины замка Кукенойс

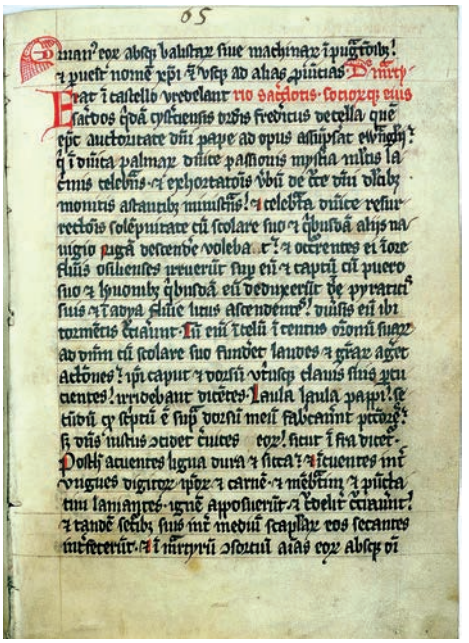
версий, он был сыном Володаря Глебовича и братом Софьи – жены датского короля Вольдемара I[1].

Переходя к событиям конца XII – первой половины XIII в., снова следует обратить внимание на вопросы, связанные с характером управления в Полоцком княжестве. Недостаточность информации вынуждает исследователей делать различные предположения о том, кто же представлял реальную правящую силу в государстве указанного времени: князь или вече?[2]

Между 1186 и 1199 гг. имена правящих князей в Полоцком княжестве источниками не называются. В то же время известно, что полочане участвуют в двух военных столкновениях, зафиксированных под этими годами. Возможно, решения о военных действиях принимало полоцкое вече, но какова была степень его полномочий? Нет оснований приписывать полоцкому вече осуществление верховной власти в государстве, тем более, что в последующие годы Генрихом Латвийским в качестве полоцкого правителя вполне определенно называется король Вольдемар (князь Владимир). Интерес представляет тот факт, что в «Ливонской хронике» полоцкий князь Владимир назван по имени в четырех случаях: 1084 г. – когда дал разрешение священнику Мейнарду проповедовать в земле ливов; 1206 г. – при неудачном нападении на Ригу и поражении у крепости Гольм; 1208 г. в связи с отказом в помощи князю Вячко и в 1216 г. – Владимир неожиданно умирает во время подготовки к походу на Ригу. В других слу-

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 590.

[2] *Рукавишников А. В.* Об организации власти в Полоцке в конце XII – середине XIII века // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 116–124; *Володихин Д. М.* Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 173–175.



Фрагмент «Ливонской хроники»

чаях король полоцкий неоднократно упоминается, но без имени. Это относится к походу на литву в 1201 г., успешной осаде ливского замка Исесколы с целью получения дани и поражению под Гольмом в 1203 г., заключению «вечного мира» с рижским епископом Альбертом в 1210 г., договоренностях о разделе ливской дани и союзе против литвы в 1212 г., торговому договору с Ригой в 1222 г.

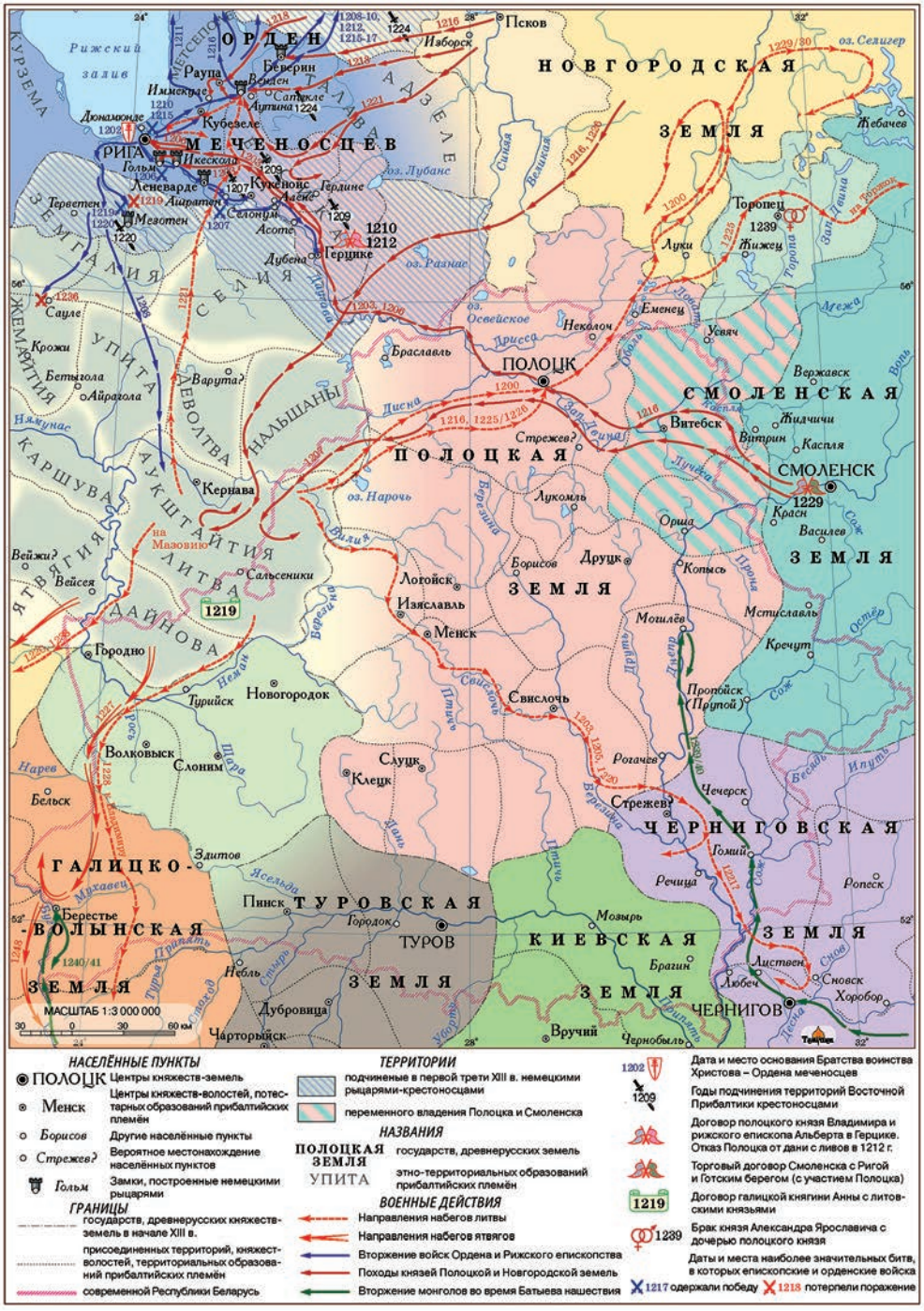
Как видим, наиболее успешные предприятия князя Владимира у хрониста отмечены безымянно, а его имя называется там, где они явно неудачны. Вывод на основании сопоставления именных и безымянных упоминаний о полоцком князе, сведенный к тому, что это могли быть разные люди, ничем не оправдан[1]. Здесь скорее уместно подчеркнуть проявление определенной специфики подхода автора «Хроники Ливонии» к первому лицу Полоцкого государства.

В целом же события, происходившие в низовьях Западной Двины с 1185 по 1229 г. и освещенные Генрихом Латвийским[2], показывают целенаправленное внедрение на земли Прибалтики немецких монахов и рыцарей для покорения языческого населения посредством его крещения. Предпринимаемые Орденом меченосцев меры по налаживанию контактов с Полоцким княжеством имели мирный характер с целью получения положительного результата в вопросах перехода ливской дани от Полоцка к Риге, свободного доступа по Западной Двине для немецких купцов вглубь полоцкой территории. Там, где имели место военные действия, Орден занимал жесткую позицию, добивался своих целей, отнимая земельные владения у князей Герцике и Кукенойса и не уступая полоцкому князю права считать себя их сюзереном.

Для полоцкого князя, как и для главы Ордена меченосцев, были очевидными два вопроса, которые их примиряли и заставляли действовать сообща: интересы торгового населения обеих сторон в бассейне Западной Двины и военная угроза со стороны литвы. И если военную угрозу снять не представлялось возможным, то в плане торговых отношений между немецкой и полоцкой сторонами конфликтов практически не было. Соглашение 1210 г. стало первым «вечным миром» между Полоцком и немцами, по которому обе стороны обещали

[1] *Рукавишников А. В.* Об организации власти в Полоцке в конце XII – середине XIII века. С. 120.

[2] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1938.



Территория Беларуси в первой трети XIII в. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

Даниил Романович Галицкий

совместно бороться с литвой, и в нем ставился вопрос о свободной торговле по Западной Двине для немцев. В 1212 г. официально была подтверждена равноправная и свободная торговля как для немцев, так и для полочан. Разница в двух соглашениях состояла в том, что в 1210 г. подтверждалась выплата дани ливами в пользу Полоцка, а в 1212 г. полоцкий князь был вынужден от этой дани полностью отказаться, и она перешла к Ордену[1].

Вопрос военной угрозы со стороны литвы с повестки дня не снимался. Безусловно, отношения между Полоцком и двинскими княжествами Герцике и Кукенойсом к моменту закрепления в низовьях Западной Двины немецких рыцарей уже не были прежними. То, что эти княжества единолично строили свои отношения с Орденом, без вмешательства со стороны Полоцка, показывает слабую связь либо отсутствие каких бы то ни было обязательств между ними и полоцким князем. Возможно, полоцкий патрициат и боярство, преследуя более значимые выгоды от торговли с немцами, чем ливская дань, предъявляли князю этот аргумент, в результате чего он принимал «невыгодные» решения по проблеме взаимоотношений с Орденом в целом. Фактом стало лишение Полоцка не только ливской дани, но и форпостов в низовьях Западной Двины. Кроме того, Полоцкое княжество оказалось перед реальной угрозой завоевания как со стороны Ордена меченосцев[2], так и со стороны литвы.

Полоцк в период зарождения Великого Княжества Литовского. Если от решительных военных действий со стороны Ордена Полоцк уберегли сложные обстоятельства у рыцарей на эстонском направлении, то литовская угроза встала перед ним особенно остро.

К концу 30-х годов XIII в. социальные и политические процессы у литовских племен достигли уровня становления государственности. На первых порах Литовское княжество представляло собой сложный конгломерат из населения собственно литовских племен и тех соседних территорий, которые уже прошли достаточно длительный путь в становлении и развитии государственности в Восточной Европе. Прежде всего это была территория Полоцкой земли. Приняв вместе с дружиной христианство, Миндовг использовал сложную политическую ситуацию в Полоцке в целях консолидации своих владений.

На юго-востоке от них лежали волынские земли, за которые длительное время вели борьбу галицко-волынские Романовичи с другими князьями Киевской

[1] *Сагановіч Г.* Полацк і нямецкая калонія на Дзвіне // Беларускі гістарычны агляд. 1998. Т. 5, сш. 1 (8). С. 316–318.

[2] *Бохан Ю.* Полацкае княства і пачатак крыжацкай агрэсіі ў Прыбалтыцы // ARCHE. 2010. № 10. С. 8–16.

Замок в Новогрудке

Руси и своими польскими и венгерскими соседями на западе. Граница Волыни с литвой и ятвягами проходила по Западному Бугу и его притокам, в том числе р. Лесне. В 1210 г. литва и ятвяги широким фронтом от Комова и до Червеня «воевали» Волынь. Даниил Романович Галицкий сумел овладеть почти всей Волынью между 1228 и 1237 гг., а в Галиче он утвердился в 1238 г., когда с Востока уже наступали полчища монгол.

Согласно Ипатьевской летописи, «самодержец земли Литовской» Миндовг, с одной стороны, и князь Даниил Галицкий, с другой стороны, вели ожесточенную борьбу за Новогородок. Эта борьба не прекращалась и при их потомках. В 1238 г. Изяслав Новогородский (Новогорьдский) вместе с Литвой Миндовга приняли участие в походе, организованном волынскими князьями против Конрада Мазовецкого. А уже между 1238 и 1248 гг. происходит разлад между литовским князем Миндовгом и волынскими князьями и, наоборот, еще большее его сближение с Новогородком. Ведя свои войска на Литву в 1249–1250 гг., галицко-волынские князья осаждают Новогородок. В 1252 г. Даниил Галицкий занял соседние с ним города Волковыск и Слоним. В это же время князь литовский Миндовг предлагает ему мир и союз через брак его дочери с сыном Даниила Галицкого, а сам принимает крещение по католическому обряду в окрестностях Новогородка. Папский нунций писал, что из-за большого скопления народа церемонию пришлось перенести за город. Этот шаг имел большое политическое значение для Литвы. Миндовг перетянул на свою сторону Ливонский орден – союзника галицко-волынских князей. В 1254 г. между Миндовгом и галицко-волынскими князьями было достигнуто соглашение, по которому сыну Даниила Галицкого Роману отданы Войшелком, сыном Миндовга, «Новогородъкъ отъ Миндовга и отъ себе Вослонимъ и Волковыескъ, и всъ городы». Второй сын Даниила Галицкого женился на дочери Миндовга. Однако Миндовг стремился держать под

своей рукой земли Понеманья, при этом развивая и укрепляя дружественные отношения с Ливонским орденом и папской курией[1]. Таким образом он хотел сохранить и укрепить баланс политических отношений с Западом и восточнославянским миром. Но это ему не всегда удавалось. Периодически вспыхивали военные действия между Миндовгом и галицко-волынскими князьями, имевшими родственные связи с местными князьями понеманских городов. В результате сыном Миндовга Войшелком был схвачен Роман, сын Даниила Романовича, который позже погибает.

В 20-е годы XIII в. мишенью для литовских ударов служили и полоцкие земли, расположенные на стыке юго-западной и южной границ Новгородской земли, северо-западной и западной границ Тверского княжества и северной границы Смоленского княжества. Уже в 40–50-е годы этого века они стали плацдармом для глубоких тыловых рейдов литовских отрядов в русские земли. Объектом первоочередного нападения с конца первой четверти XIII в. была Торопецкая земля, так как через нее литовские отряды прорывались в новгородские волости: Руссу, Торжок, Бежецкий Верх. Полоцкий плацдарм использовался литвой и во время успешного похода на Псковщину в 1247 г. Перед рейдом к Торжку в 1258 г. литва активно поддержала полочан в их походе к Смоленску, где была «взята на щит» Воинщина. С другой стороны разладились отношения Миндовга с Орденом, захватившим Жмудь. Новгородцы воспользовались данной ситуацией и привлекли на свою сторону бывшего противника. В 1262 г. они вместе с князем Александром Ярославичем, полоцким князем Товтивилом, а также полочанами и литвой совместными усилиями взяли Юрьев – один из сильнейших орденских городов.

В 1263 г. Миндовг был убит другими литовскими князьями, вступившими в сговор против него. В этом же году умер великий князь владимирский и князь новгородский Александр Ярославич, возвращаясь из Орды. А в 1264 г. умер и Даниил Романович, после чего Галицко-Волынское княжество распалось. Смерть этих правителей повлекла смену лидеров и политических ориентиров от Прибалтики до Северо-Восточной Руси. В новую фазу исторического развития вступили Новогородок и города Белорусского Понеманья: Волковыск, Слоним и Здитов[2]. В последующие 10 лет определились и новые взаимоотношения Новгородской земли, Тверского княжества и Великого Княжества Литовского[3].

Таким образом, Полоцкая земля являлась ключевым государственным образованием на территории Беларуси в рассматриваемый период.

Доказано[4], что государственное образование «*Полоцкое княжество (земля)*» прошло три этапа в своем развитии: первый (IX–XI вв.) был связан с формирова-

[1] *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. С. 144–150.

[2] *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. М., 1981.

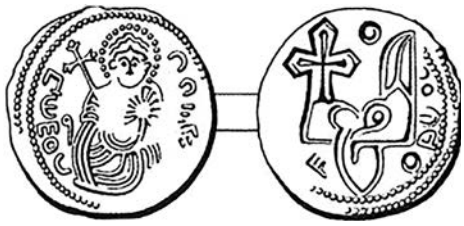
[3] *Левко О. Н.* Территория Полоцкой земли в объединительных процессах // Матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Інтэграцыйныя працэсы ў гісторыі краін Усходняй Еўропы», Мінск, 19–20 лістап. 2008 г. Мінск, 2008. С. 41–56.

[4] *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси.

нием территории, установлением династического правления, началом самостоятельной внешней политики; второй (XII в.) – с расцветом и затем тенденцией к распаду этой социально-политической структуры в Восточной Европе; третий этап (конец XII–XIII вв.) являлся переходным, когда военно-политическая нестабильность в Восточной Европе способствовала вхождению полоцких владений в состав формирующегося Великого Княжества Литовского.

3.2. КИЕВСКАЯ РУСЬ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Туровское княжество: территория и управление. *Образование Туровского княжества.* В 988 г. с целью преодоления сепаратизма местной знати киевский великий князь Владимир провел административную реформу. В столицы подвластных ему княжеств направляются на княжение его сыновья. В Туров посажен Святополк, который однако, был только племянником Владимира, сыном убитого последним своего брата и предшественника – киевского князя Ярополка. Эта версия нашла неожиданное подтверждение в нумизматических материалах. Изображенные на монетах княжеские знаки Владимира и его родных сыновей (трезубец) принципиально отличаются от знака Святополка (двузубец с крестом). Двузубец, как известно, был княжеским знаком Святослава Игоревича, и Ярополк, как старший сын, должен был претендовать на знак отца. Таким образом, сам Святополк, очевидно, считал себя Ярополковичем[1].



Печать Святополка Владимировича – первого достоверного туровского князя

Реформа Владимира не достигла ожидаемых результатов. Святополк с дружиной находился на полном обеспечении местной знати и вынужден был в своей деятельности руководствоваться ее интересами. Княжество сохранило свою экономическую самостоятельность, территориальную целостность и имело практически все государственные атрибуты. Его зависимость от Киева выражалась лишь в ежегодной выплате дани. Уменьшить объемы или вообще избавиться от повинности можно было двумя способами: оказать вооруженное сопротивление киевской власти, что для туровцев было рискованно, или помочь Святополку занять киевский стол, законно принадлежавший ему по праву наследования. Для осуществления этого плана туровский князь женился на дочери польского короля Болеслава Храброго и нашел себе мощного союзника, желавшего укрепить свои позиции на Востоке.

Намерения Святополка стали известны Владимиру Святославичу, и князь вместе с женой и ее (наставником?) спутником епископом Рейнберном оказы-

[1] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983. С. 82–83.

Польский король
Болеслав Храбрый

Киевский князь
Ярослав Владимирович
(Мудрый)

ваются в киевской тюрьме. Угроза войны с Болеславом заставила Владимира освободить пленников, но князь не отпустил их в Туров. Святополк оставался туровским князем, но вынужден был жить сначала в Киеве, а позднее его отправили в Вышгород.

Далее в летописи описаны события, из-за которых Святополку было дано прозвище «Окаянный». В 1015 г., после смерти князя Владимира, он занял киевский трон и руками наемных убийц избавился от свои конкурентов, сыновей Владимира – Бориса, Глеба и Святослава. В ответ новгородский князь Ярослав Владимирович собрал войско и выступил против Святополка. В битве около Любеча дружина туровского князя потерпела поражение, а Святополк бежал в Польшу.

Совсем иная версия этой трагедии изложена в скандинавской «Эймундовой саге»[1]. В ней воспеваются подвиги двух норвежских викингов – конунга Эймунда Хрингссона и его друга Рагнара Агнарссона, которые служили наемниками у Ярослава Владимировича. Согласно этому источнику, основным военным противником Ярослава в Любечской битве был не Святополк, а союзник последнего – ростовский князь Борис. Кроме того, в саге подробно рассказывается об убийстве Бориса через два года после битвы, но не наемниками Святополка, а Эймундом по приказу Ярослава.

Ценность саги как исторического источника определяет беспристрастность изложения описанных событий. Авторы абсолютно хладнокровно, без эпитетов отзываются о русских князьях. Можно отметить лишь, что в общем они охарактеризовали Ярослава как сквалыгу.

[1] *Джаксон Т. Н.* «Прядь об Эймунде Хрингссоне» // Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарии. М., 2012. С. 290–319.

Погребение Святополка. Миниатюра из Радзивиловской летописи

В 1018 г. войска Святополка и Болеслава Храброго встречаются с дружиной Ярослава возле Берестья и наголову разбивают киевлян и новгородцев. Святополк снова занимает киевский трон, однако и на этот раз ненадолго. Неожиданно большое новгородское войско Ярослава подошло к Киеву и заставило Святополка бежать. В 1019 г. опальный туровский князь ведет к Киеву войско печенегов. Решающая битва состоялась на р. Альте: «...и бысть сеча зла, такова не бывала в Руси, за руки емлючися сечахуся, и ступишася трижды, яко по удольем крови текущи, к вечеру же одолеша Ярослав...»[1]. Святополк вновь отправляется в Польшу, но по дороге неожиданно умирает.

После смерти Святополка Туров пропадает со страниц летописей более чем на 30 лет. В 1052 г. Ярослав направляет в город своего третьего сына – Изяслава, княжившего в Новгороде, основателя династии Изяславичей, представители которой княжили в Турове до 1113 г. Этот период в истории княжества характеризуется борьбой туровских князей за одновременное владение Киевом и владимиро-волынскими землями.

После смерти Ярослава в 1054 г. к Изяславу перешел также Киев. Однако, весной 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи, братья Изяслава, выступили против него и заставили бежать в Польшу. Святослав занял киевский стол, а Всеволод, по-видимому, – Туров.

В 1077 г., после смерти Святослава, Изяслав возвращается из Польши с большим войском и занимает Киев, а также, соответственно, Туров. Однако в октябре 1078 г. в сражении при Нежатиной Ниве он погибает. Всеволод Ярославич, занявший киевский трон, передает Туров и Владимиро-Волынское кня-

[1] Радзивилловская или Кенингсбергская летопись. СПб., 1902. Т. 1. Фотомеханическое воспр. рук. С. 85.

Изяслав Ярославич, туровский и великий киевский князь (свинцовая печать из Бреста)

жество Ярополку, сыну Изяслава. С его решением не согласились князья теребовльский Василько и перемышльский Володарь Ростиславичи. Они вынуждают Ярополка бежать в Польшу. По приказу Всеволода его сын, Владимир Мономах, с дружиной возвращает Ярополку Изяславичу княжение. Вскоре последний настолько прочно утвердился на Волыни и в Турове, что решил претендовать и на киевский стол. Дружина Владимира Мономаха снова идет на Волынь и изгоняет Ярополка. Всеволод Ярославич сажает во Владимирское и Туровское княжества Давыда Игоревича. В 1087 г. Ярополк снова возвращается из Польши, но вскоре погибает под Звенигородом. Давыд Игоревич правит Туровом до 1088 г., когда новгородский князь Святополк, сын Изяслава Ярославича, решил предъявить свои права на туровский престол. В течении последующих 5 лет он жил в Турове, а 24 апреля 1093 г., после смерти Всеволода Ярославича, перебирается на великокняжеский стол в Киев.

В статусе великого киевского князя Святополк пребывает почти 20 лет, и его правление относительно подробно отражено в летописях. Киевский князь отличился упорной борьбой с половцами, а в 1097 г. по его инициативе состоялся знаменитый съезд князей в Любечи, где произошел очередной раздел княжеских уделов на Руси. За Святополком и его сыновьями и племянниками закреплялись: «Туров, Слуцк, Пинск и все городы до Буга по оной стороне Припети, а яго великому князю – Киев со всею областию, что к оному прнадлежит, до реки Горыни и Новград Великий к Киеву»[1]. Кроме того, Святополк расширил свои владения за счет «червенських» городов и владимиро-волынских земель. Умер Святополк Изяславич 16 апреля 1113 г.

Следует отметить, что политические события XI–XII вв. изменили границы первоначального княжества дреговичей. Вероятно, уже после поражения Святополка Окаянного часть земель Мозырского Полесья была присоединена непосредственно к Киевскому княжеству. В первой четверти XI в. северные земли дреговичей (с центром на р. Менке) перешли к полоцким князьям. В пограничной зоне – волости дреговичей между Туровской и Полоцкой землями – в это время появляются крепости, впоследствии ставшие центрами округ: Клецк, Слуцк, Копыль. Вопрос о принадлежности этих городов к Туровскому княжеству на раннем этапе остается спорным[2]. В XII в. города Брагин и Речица принадлежали Киевскому и Черниговскому княжествам. Довольно продолжительное время

[1] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. 2. С. 170.

[2] *Левко О. Н.* Древности Копыльщины в историко-культурном наследии Беларуси // Капыль: гісторыя горада і рэгіёна: Да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права. Мінск, 2012. С. 331.

Древний Туров. Худ. Е. Коробушкин

спорной между Туровским, Волынским и Киевским княжествами являлась область Погорынья. Территория Среднего Побужья, где проживало этнически смешанное население, уже в XI ст. принадлежала Турову, а в XII в. перешла во владение к владимиро-волынских князьям.

Туровское княжество в удельный период. В 1113 г. к власти в Киеве приходит Владимир Всеволодович Мономах и как соперник Святополка Изяславича отбирает Туров у его сына Ярослава. Традиция передачи турово-пинских земель князьям из рода Изяславичей прекращается. В истории Туровского княжества начинается новый период, который характеризуется разделом его территории и междинастическими конфликтами. Борьба Ярослава за свое наследство закончилась его убийством наемниками Мономаха. После смерти последнего в 1125 г. в Туров перезжает его третий сын – Вячеслав. За короткое время он сменил несколько княжеских столов. В 1133 г. Вячеслав княжит в Переяславле, в 1134 г. – снова в Турове, в 1134 г. занимает киевский престол, в 1140 г. вынужденно возвращается в Туров, а в 1142 г. передает его киевскому князю Всеволоду Ольговичу и снова возвращается в Переяславль.

Всеволод Ольгович вначале направляет в Туров своего сына Святослава, а затем разделяет туровские земли между своими свояками и раздает им города Клецк, Рогачев, Брест, Дрогичин и Чарторыйск.

Действия Всеволода, направленные прежде всего на укрепление позиций Чернигова, вызвали недовольство как у киевлян, так и у туровцев. Со времен поражения Святополка Окаянного Киев и Туров в основном выступают как союзники и часто одновременно управляются одним князем, при этом в ряде случаев киевский трон занимался князем из Турова, что гарантировало туровцам

Туровский князь Юрий Ярославич

привелегированные выплаты дани и помощь наиболее мощной в регионе киевской дружины в случае войны с соседями.

В 1146 г. после смерти Всеволода Ольговича киевляне не принимают его брата Игоря и зовут на киевский стол внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича. Вячеслав Владимирович использовал этот момент и в четвертый раз занял Туров. Опираясь на поддержку туровцев, он неожиданно возвращает все территории княжества. Кроме того, захватывает Владимир-Волынский. Напуганный военными успехами и укреплением туровцев, Изяслав Мстиславич посылает войско на Туров. После захвата города наиболее влиятельные его сановники были взяты в плен, а Вячеслав переведен на княжение в Пересопицу. Туровские земли вначале достаются сыну Изяслава Ярославу, а потом на протяжении 1149 г. – середины 1150-х гг. их владельцами по очереди выступают князья Андрей Боголюбский, Святослав Всеволодович и Борис Юрьевич. Очевидно, раздел княжества и действия князей-пришельцев, которых мало волновали местные проблемы, никак не удовлетворяли туровскую знать. Наконец в 1158 г. в Туров приходит представитель туровской династической линии Изяславичей, внук Святополка Изяславича Юрий Ярославич. Летопись не раскрывает обстоятельств его неожиданного появления. Ранее он упоминается как ближайший советник Юрия Долгорукого, который, видимо, не имел своего удела. Скорее всего, этого энергичного человека на княжение попросили сами туровцы.

Кроме Турова Юрий имел наследственное право также и на киевский престол, поэтому его возвышение вызвало немедленную реакцию киевского князя Изяслава Давыдовича. Вскоре последний собирает коалицию из смоленских, галицких, волынских и других князей и с большим войском идет на Туров и Пинск. Десятинедельная осада завершилась неудачно. Туровцы отбили все попытки захватить городские укрепления и заставили объединенное войско отступить. Это была самая длительная осада города в истории древней Руси. Через два года туровцы на протяжении трех недель выдержали еще одну осаду, когда к стенам города подступили дружины пяти волынских князей. Таким образом, туровцы во главе с Юрием Ярославичем восстановили полную самостоятельность княжества и прекратили практику раздачи его земель своякам и союзникам киевских князей.

Дальнейшая история княжества отражена в источниках слабо. Вероятно, после смерти Юрия Ярославича его сыновья разделили туровские земли на несколько уделов. В летописи эпизодично упоминаются сначала сыновья Юрия – Святополк, Иван и Глеб, а в первой половине XIII в. – пинские князья Владимир и Ростислав. Исходя из этих сообщений, монголо-татарское нашествие не при-

несло Туровскому княжеству таких катастрофических разрушений, как у южным соседям, но постепенно оно попало под влияние галицко-волынских князей. Начиная с 40-х годов XIII в. соперником Галича в борьбе за турово-пинские земли выступает Литва. Наконец в конце XIII – начале XIV в. при Витене и Гедимине полесские княжества были присоединены к Великому Княжеству Литовскому.

Особенности развития государственности Туровского княжества. Принцип передачи княжеского стола в Турове можно сравнить с передачей его в Киеве. Здесь он вначале передавался по старшинству в роду и доставался не старшим сыновьям, а старшим братьям умершего князя по формуле «во отца место». Позже, когда князья уже закрепились в своих волостях, этот принцип старейшинства стал заменяться принципом «вотчины», и княжеские столы стали переходить к старшим сыновьям князя. Но в XI–XII вв. происходила «борьба» этих двух принципов, и только в XIII в. принцип «вотчины» стал преобладающим. Туровские князья по родственным связям имели право перейти на великокняжеский трон в Киеве, когда подходила их очередь как представителей княжеского рода Рюриковичей. Одновременно Туровское княжество продолжало подчиняться «своему» князю, который становился великим князем киевским.

Управлять Туровом назначался княжеский наместник – «посадник». Посадник продолжал действовать и тогда, когда князь вновь возвращался в Туров. Так было с князем Вячеславом и посадником Жирославом Иванковичем. Нахождение в городе одновременно князя и посадника – явление необычное для городов, кроме Новгорода. Термин «посадник» связан со словом «посадить» (назначить, выбрать, поставить). В отличие от Новгорода, где посадники стали выбираться из числа бояр на вече, известия о выборных посадниках в Турове отсутствуют. Возможно, здесь посадник подчинялся князю. В Турове горожане имели право выбирать и епископа. В «Житие» Кирилла Туровского говорится, что он стал епископом по просьбе князя «и людий того города (Турова)»[1]. Епископа избирало вече и в Новгороде. В других городах епископ назначался киевским митрополитом. В Турове также была должность тысяцкого, который возглавлял городское ополчение, бывшее главной военной силой в отсутствие князя с дружиной. Наличие посадника и тысяцкого, а также расширенных полномочий веча являлось особенностью общественного строя Туровского княжества.

Таким образом, Туровское княжество, несомненно, является преемником княжения дреговичей. Однако в состав Туровского княжества вошли не все земли дреговичей. Северные земли с городами Заславль и Минск вошли в состав Полоцкого княжества. Южные с городами Брагин и Мозырь – в состав Киевского княжества. В XII в. значительная часть дреговичской территории вошла в состав Волынского княжества. Речица и ее окрестности были присоединены к Черниговскому княжеству.

Тем не менее Туровское княжество, до 1158 г. находившееся в политической системе княжеств Киевской Руси, занимало важное место в развитии государственности на белорусских землях. Особенностью этого периода было леги-

[1] Кніга жыццяў і хаджэнняў. С. 62.

тимное право туровских князей на киевский великокняжеский стол, вследствие чего, достигнув высшей в Киевской Руси власти, они рассматривали Туровское княжество как свой домен и распоряжались его частями по своему усмотрению.

Со второй половины XII в. Туровское княжество восстановило полную самостоятельность, практика раздачи его земель своякам и союзникам киевских князей прекратилась. Постепенно в княжестве возрастает роль Пинского удела.

В первой половине XIII в. турово-пинские земли испытывают влияние галицко-волынских князей и их соперника – Литвы.

Белорусское Посожье: территориально-административное устройство, политическое развитие. *Смоленский период развития.* Восточные районы Беларуси оказались в сфере влияния Киева еще в конце IX в., когда в 882 г. дружина Олега прошла к Киеву через территорию Смоленщины[1]. Как было показано ранее, эта территория в последней четверти 1-го тыс. н. э. была подвластна кривичам, продвинувшимся сюда с территории Псковщины и Витебщины по рекам Межа, Каспля еще на рубеже VII/VIII вв. и занявшим область у Днепра в IX–X вв.[2] Долгое время смоленские владения представляли интерес для Киевской Руси лишь как зона прохождения одного из ответвлений «пути из варяг в греки» через Гнездово, по которому также осуществлялась связь двух политических структур, составлявших основу Киевской Руси: Киевского и Новгородского княжеств. С середины X в. Киев овладел и вторым ответвлением «пути из варяг в греки» благодаря походу в северные земли княгини Ольги через Витебск (947 г.)[3]. С этого времени в распоряжении киевской власти оказались волоки от Витебска и Усвят, ведущие вглубь Новгородчины, а также волоки в районе р. Рши, связывавшие днепровские земли напрямую через реки Лучесу и Ловать с Новгородом.

Когда в 1021 г. Ярослав Мудрый, боровшийся со своим братом Мстиславом за верховную власть в государстве, был вынужден уступить Витебск с Усвятами и их волостями полоцкому князю Брячиславу Изяславичу, рассчитывая на его поддержку, в распоряжении Киева остался лишь днепровский участок волоков, через который можно было попасть в Смоленскую волость. Именно сюда на р. Рша киевские князья Ярославичи, пришедшие к власти после смерти своего отца, заманили Всеслава полоцкого в 1067 г., захватив его затем в плен и посадив в киевскую темницу. Сам Ярослав Владимирович в 1054 г. составил «Ряд» (завещание), который заложил корни соперничества и вражды между его старшими сыновьями: Изяславом, Святославом и Всеволодом. Они стали фактическими соправителями в Киевской Руси (триумвират Ярославичей в 1054 или 1055–1072 гг.). Два младших брата Игорь и Вячеслав Ярославичи были отстранены от управления государством и по очереди посажены на управление Смо-

[1] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 112.

[2] *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990; *Левко О. Н.* Население Днепро-Двинского междуречья в VI–XI вв. (Этнический состав, социальная и территориальная структура) // Тр. VI Междунар. конгр. славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 156–165.

[3] *Левко О. Н.* Витебск на пути «из варяг в греки». С. 154–159.

Смоленск. Миниатюра Радзивилловской летописи

ленской волостью. В 1057 г. «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль Смолиньске и послаша (триумвиры) Игоря Смолиньск, из Володимеря выведше»[1]. А уже в 1060 г. умер Игорь, и «раделиша Смоленьск (триумвиры) собе на три части»[2]. Все эти сообщения свидетельствуют о том, что в период своего формирования Смоленская волость как территориально-политическая единица Киевской Руси не обладала особой притягательностью для правящего клана.

Ситуация изменилась в начале XII в., когда Смоленская волость становится самостоятельным княжеством. В 1125 г. в Смоленске начинает княжить Ростислав Мстиславич – родоначальник династии смоленских князей (1125–1159 гг.). Время его пребывания на киевском престоле (1159–1167 гг.) в Смоленском княжестве отмечено наибольшим расцветом и расширением территории, общим подъемом в политической сфере. Северные земли радимичей с центрами в Прупое и Кречуте (Пропойск и Кричев) были включены в состав Смоленского княжества уже в 1127 г.[3] В «Статуте» Ростислава Мстиславича 1136 г. на территории Восточной Беларуси упоминаются *волость Басея* (современные Горецкий и частично Шкловский р-ны), *волость Мирятичи, расположенная вдоль р. Мерея.* Часть территории современных Дубровенского и Лиозненского р-нов Восточной Беларуси входила в *волость Ветрино,* центр которой располагался на городище у д. Микулино (Смоленская обл.). У р. Днепр на рубеже XI–XII вв. была возведена крепость Копысь. Вероятно, это произошло в период управления Смоленской волостью Владимиром Мономахом, который основал западный форпост своих

[1] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 21.

[2] Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15 / под ред. А. Ф. Бычкова. Стб. 153.

[3] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 48.

владений на левом берегу Днепра, в то время как Глеб Всеславич менский, в противовес ему, заложил крепость Оршу на правом берегу Днепра со стороны Полоцкой земли [1]. Вскоре Копысь стал центром волости.

В 1142 г. смоленские князья, воспользовавшись очередной усобицей черниговских князей, присоединили к своим владениям волости между реками Ипуть и Беседь[2]. Вопрос об этих волостях долгое время оставался препятствием к нормализации смоленско-черниговских отношений. Возник в 1174 г., затем – в 1190 г., когда черниговские князья пытались вернуть эти волости себе. Однако угроза очередной войны с кланом смоленских Ростиславичей, которые к этому времени приобрели достаточный политический вес, заставила Святослава Всеволодовича черниговского целовать крест Ростилавичам «на всей их воле»[3], и граница между двумя княжествами осталась прежней.

С середины XII в. укрепляется княжеская власть на местах. Ростислав на присоединенных землях создает собственные домениальные владения, центрами которых стали Мстиславль, Ростиславль и Изяславль, названные так в честь его отца, брата и самого себя. Мстиславль упоминается под 1156 г. в связи с военными событиями, а также под более ранней датой (1135 г.) в сборнике киевского Михайловского монастыря XVI в.: «Лета 6642 (1135) Ростислав Мстиславич устроил град великыи Смоленскъ и церковь с(в)ятого Сп(а)са Верху Смыдыни и градъ Мстиславълъ на Вехре онъ же созда»[4].

В Прупое в XII в. возводятся дерево-земляные укрепления, вокруг которых развивается посад площадью свыше 2 га – единственный центр сельской округи на юго-западе Смоленской земли. С XII в. активизируется развитие поселения в Кричеве. Центром города становится крепость «Замковая гора», а на юг от нее формируется торгово-ремесленный посад на Спасской горе. Лучин, возникший, по мнению ученых, на месте современной д. Лучин Рогачевского р-на, упоминается вместе с Копысью в грамоте «О погородии и почести» середины XII – начала XIII в. в числе других городов[5]. Причем Копысь, исходя из размеров выплачиваемой епископу дани, занимала третье место в иерархии смоленских городов, уступая только Торопцу и Мстиславлю. Мстиславль занимал второе место и был одним из пяти городов княжества кроме самого Смоленска, где служил епископ[6]. Возможно, именно в то время начинает формироваться удельное Мстиславское княжество.

Белорусское Посожье в Черниговский период. Чернигов появляется на страницах летописи через три десятилетия после Киева, Новгорода, Ростова, Мурома,

[1] *Ляўко В. М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах). С. 172–180.

[2] *Мяцельскі А. А.* Смаленска-Чарнігаўскае памежжа XII ст. у міжрэччы Дзясны і Дняпра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. № 4. С. 150–157.

[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 670.

[4] *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии. М., 1972. С. 282.

[5] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 25; *Янин В. Л.* Заметки о комплексе документов Смоленской епархии // Отечественная история. 1994. № 6. С. 104–120.

[6] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 146.

Полоцка и Турова (1024 г.). Он не упомянут среди городов, куда Владимир Святославич направлял своих сыновей для управления волостями. Как отмечает Н. Ф. Котляр, до 20-х годов XI в. место Чернигова в системе центров княжеств Киевской земли занимал Любеч[1]. А. Н. Насонов также не допускал существования в Чернигове княжеского стола в начале XI в.[2] В то же время Чернигов назван в числе городов, на которые выплачивалась греческая дань по договорам 907 и 944 гг. Археологические данные свидетельствуют о том, что к началу XI в. Чернигов из протогорода превращается в ранний город с типичной для него структурой (детинец + окольный город). В 20–30-е годы XI в. строится новая линия городских укреплений, отгородившая площадь, подобную «городу Ярослава» в Киеве[3]. Некоторые селения (Сновск, Новгород-Северский и Стародуб) указывают на территорию Черниговской волости в ее древнейшей, первоначальной части[4]. В соответствии с «Рядом» Ярослава Мудрого 1054 г. Чернигов занимает второе место после Киева по значимости в государстве. Территория черниговской земли прирастала в основном за счет освоения «неокняженных» земель на севере и востоке. Вначале это происходило по инициативе киевских князей, но со времен сыновей Святослава Ярославича, которые обосновались в данном регионе, стало делом местной династии. Эпизодическое присоединение владений, входивших в Переяславское княжество либо в великокняжеский киевский домен, случалось в результате военных успехов черниговских князей во время противостояния с переяславскими либо киевскими князьями.

Южная граница Черниговской земли с Киевской и Переяславской землями установилась в 20-е годы XI в. вследствие соглашения между Ярославом и Мстиславом Владимировичами в 1026 г.: «И разделиста по Днепре Руськую землю Ярослав прия сю сторону (правую), а Мстислав ону (левую)»[5].

Заметный толчок в развитии Гомию и его округе дало присоединение этих владений радимичей к Киевской земле Владимиром Святославичем в 985 г. С разделом сфер влияния в Киевской Руси между братьями Ярославом и Мстиславом Владимировичами Гомий, Прупой, Чичерск вместе с волостями переходят под управление наместников Мстислава. Но в 1036 г. умирает Мстислав, и Ярослав становится единодержцем всей территории Киевской Руси. В XI в. площадь Гомия увеличивается до 15 га, растет количество селений, подвластных ему. Развитию Гомия способствовало наличие удобных торговых путей, связывавших его с городами Среднего Поднепровья (Киевская и Переяславская земли), районами Верхнего Посожья (Смоленская земля). Внутренние водные пути проходили по рекам Ипуть и Беседь. С XI в. в радимичских владениях развернулась борьба между привычным здесь язычеством и христианством, опи-

[1] *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. С. 249.

[2] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 62–63.

[3] *Коваленко В. П.* Основні етапи розвітку літописних міст Чернігово-Сіверськоі землі (VIII –XIII ст.) // Український історичний журнал. 1983. № 8. С. 122–124.

[4] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 51–57.

[5] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 14.

равшимся на великокняжескую власть. Исследования курганных древностей, проводимые в окрестностях Гомеля в разные годы В. Б. Антоновичем, Е. Р. Романовым, И. Х. Ющенко, Г. Ф. Соловьевой, В. В. Богомольниковым, О. А. Макушниковым, показали, что язычество в сельской местности сохранялось вплоть до первой половины XII в.

Потомки Святослава Ярославича, которым по завещанию отца (1054 г.) перешла Черниговская земля, владеют ею до начала монголо-татарской агрессии середины XIII в. В составе этой земли находятся радимичские волости с Гомием и Чичерском, а также соседние Речица и Рогачев.

Во время пребывания в составе черниговских владений населению Гомийской волости приходилось участвовать в ратных делах, осуществляемых черниговскими князьями. Прежде всего это было отражение набегов половцев. Сын Святослава Ярославича Олег, которого обошли при передаче Черниговских владений брату Святослава Всеволоду, был прозван Гориславичем, так как борясь за отчину, опирался на половцев. Не раз он вступал в военные конфликты с сыном Всеволода Владимиром Мономахом, которому отец отдал Чернигов, перейдя на киевский стол. И при всех неурядицах страдали входившие в Черниговскую землю волости, в том числе радимичские. Благоприятным периодом для развития Гомия и его волости было время управления Черниговской землей братом Олега Святославича Давидом. Он был верным союзником Владимира Мономаха, правившего в это время в Киеве. Поэтому принял участие в походе против Глеба менского в 1116 г., а затем послал на войну черниговско-северские полки (в них участвовали и гомийские воины) против Ярослава Святополковича. В это время в летописях появляются известия о западных окраинных территориях Черниговской земли. Под 1116 г. в «Повести временных лет» упомянут Случеск (Слуцк), сожженный Глебом Всеславичем менским. К 1127 г. относится упоминание в Киевской летописи о Клеческе (Клецке), в котором сидел вассал киевского князя Мстислава Владимировича Вячеслав Ярославич[1].

Наибольшего расцвета Черниговская земля достигла при Всеволоде Ольговиче, обменявшем Тмутаракань на Чернигов с младшим братом Давида Ярославом. В 1139 г. он занял киевский стол. В это время шла ожесточенная борьба между отдельными княжескими кланами Киевской земли за волости. Черниговским Ольговичам Всеволод предлагал Берестье, Дрогичин, Черторыйск и Клецк[2]. В связи с нападением смоленского Ростислава Мстиславича на земли радимичей под 1142 г. впервые на страницах летописи упоминается Гомий, околицы которого были сожжены и разграблены. Значение Гомия возросло при последующих правителях Черниговской земли. Так, в 1151 г. на черниговском княжении оказался Изяслав Давидович. Он устремляется к овладению киевским столом (1154–1155 гг., 1157 г.). В это время черниговским князем становится Святослав Ольгович, который недоволен тем, что Изяслав, находясь в Киеве, держит под собой и большую часть черниговских земель (в том числе Гомийской

[1] *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. С. 265.

[2] Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 310, 311.

и Чичерской волостей). Изгнанный в 1158 г. из Киева Изяслав Давидович бежит в Гомий, где собирает дружину для похода на своих недругов в Вятичские земли. После смерти Изяслава Гомий вместе с другими владениями черниговской земли переходит Святославу Ольговичу (умер в 1164 г.). Один из его наследников Святослав Всеволодович направил в Гомий своего сына[1], что, по мнению О. А. Макушникова, свидетельствует о повышении статуса города до центра удельного княжества[2]. В 1176 г. Святослав Всеволодович (черниговский) вместе с Рюриком Ростиславичем (смоленским) составили дуумвират в Киеве, а в Чернигове до 1198 г. правит младший брат Святослава Ярослав Всеволодович, который организует походы против половцев. Однако амбициозный новгород-северский князь Игорь Святославич, в одиночку выступивший против половцев, был разбит и открыл путь противнику на Новгород-Северские и Черниговские земли. Монголо-татарские орды Чингизхана вынудили князей Киевской Руси объединиться с половцами для противостояния. Среди многочисленных войск были и полки черниговского князя Мстислава Святославича. В битве на р. Калка выжили немногие (десятая часть войска Руси), погиб Мстислав Святославич. Хотя жестокая битва обескровила и завоевателей, она не прекратила дальнейшего обострения внутриполитической ситуации в Киевской земле, ведущей к полному ее распаду и уничтожению городов. Нападению и разорению монголо-татарских завоевателей подвергся и Гомий[3].

Государствообразующие процессы в Белорусском Побужье и Понеманье. *Территория, население и политическое развитие Белорусского Побужья.* Земли Белорусского Побужья охватывают бассейн среднего течения Западного Буга и его притоков: рек Мухавец, Лесная, Рита. Через эту зону проходили древние торговые пути, связывавшие между собой древнерусские территории с Литвой, Польшей, Германией и Чехией. Об этом свидетельствуют денежно-вещевые клады X–XII вв., содержащие монеты не только Чехии, Германии и Польши, но также Англии и Дании[4].

Важным является вопрос о составе населения Белорусского Побужья. Мнения исследователей кардинально расходятся. Одни из них считают, что основным населением в X–XIII вв. здесь были дреговичи, не отрицая также и наличие мазовшан и приводя в качестве аргумента описание погребального обряда, инвентаря обеих групп населения[5]. Некоторые исследователи полагают, что г. Берестье также был основан дреговичами[6]. Есть также мнение, что население Белорусского Побужья представлено волынянами, которые занимали в X–XIII вв.

---

[1] Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 502.

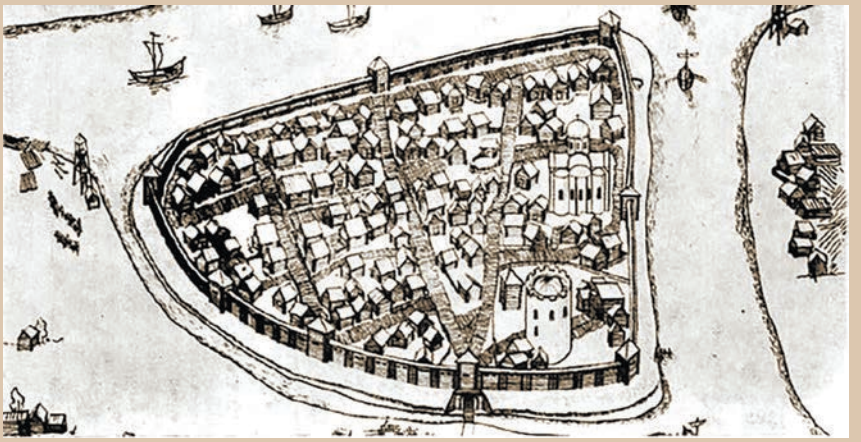
[2] *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. С. 62.

[3] *Макушников О. А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 60, 62.

[4] *Каробушкіна Т. М.* Землі Сярэдняга Пабужжа // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1. С. 195.

[5] *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. С. 56–57; *Коробушкина Т. Н.* Курганные древности XI–XIII вв. в Белорусском Побужье // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 42–45; *Łowmiański H.* Poczatki Polski. Warszawa, 1962. T. 3. S. 27–28.

[6] *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск, 1985. С. 7 и др.



Крепость Берестье

весь регион Полесья на запад от рек Ясельды и Горыни. Северо-западной их границей была р. Лесная, где жили ятвяги (представленные каменными курганами), а на левобережье Западного Буга они граничили с мазовшанами[1].

В. В. Седов выделил два разноэтничных региона в Западном Полесье: Брестское Побужье и Пинское Полесье. К памятникам ятвяжского происхождения в Брестском Побужье он отнес каменные курганы X–XIII вв.[2] Различная этническая интерпретация средневековых курганных древностей Белорусского Побужья обусловлена как близостью погребального обряда и инвентаря юго-западной группы славян и отсутствием у них специфических украшений, так и взаимной ассимиляцией западных балтов и славян в период, когда они жили рядом (чересполосно), перенимая друг у друга те или иные черты культуры.

Показательным является сравнение сельских поселений Франополь в Брестском Побужье и Городище в Пинском Полесье. По мнению О. В. Иова, различие в керамических комплексах Белорусского Побужья и Припятского Полесья обусловлено границей между этими зонами, проходящей по водоразделу Припяти и Западного Буга и отделяющей друг до друга разноплеменные славянские группы: волынян и дреговичей[3]. Продвижение славян в Брестское Побужье могло осуществляться по Западному Бугу с территории, которая позднее стала зоной формирования племени волынян. Регион Брестского Побужья с бассейном рек Лесная и Мухавец становится периферией расселения волынян. Отсюда они проникают и на левобережье Немана, где в городах Черной Руси

[1] *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований) // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). Минск, 1968. С. 43–46.

[2] *Седов В. В.* Курганы ятвягов // Советская археология. 1964. № 4. С. 36–51.

[3] *Іоў А. В.* Этнічны склад насельніцтва Заходняга Палесся ў X–XIII стст. (па матэрыялах сельскіх паселішчаў). С. 25–36.

(Волковыск, Новогрудок, Индура) также найдена керамика волынского типа. Принадлежность населения Брестского Побужья преимущественно к волынянам могла послужить основой для присоединения этих земель в середине XII в. к Галицко-Волынскому княжеству. Определенное место в регионе Белорусского Побужья, как и других зонах Западного Полесья, занимали западнославянские племена. На это указывают как отдельные элементы погребального инвентаря (височные кольца с эсовидным окончанием), так и традиция орнаментации керамических изделий различными штампами, их специфическая профилировка. Видимо, можно говорить не только о торгово-экономических контактах, но и о перемещении какой-то части населения с запада. С XI в. в Белорусское Побужье через верховья рек Ясельды и Муховца перемещалось и дреговичское население, однако этот процесс не был интенсивным.

Летописные известия о центре Белорусского Побужья – Берестье относятся к 1019 г.[1] Материалы археологических исследований, проведенных П. Ф. Лысенко на протяжении почти 20 лет на городище у р. Мухавец, показывают высокий уровень развития данного поселения, которое из сторожевой крепости превратилось в политический, экономический и культурный центр округи[2]. Второй город региона – Дрогичин Надбужный упомянут в летописи под 1142 г. Он был конечным восточнославянским городом на торговом припятско-бугжском пути. На его территории было выявлено несколько тысяч товарных свинцовых пломб XII–XIII вв.

Важность территории Белорусского (Брестского) Побужья хорошо понимали киевские князья, которые на протяжении длительного времени вели за него борьбу с польскими королями. В 1020 г. к Берестью ходил Ярослав Мудрый, который также осуществлял военные действия против поляков в 1022, 1031 и 1044 гг. Владимир Мономах около 1073 г. был также направлен киевским князем для защиты Берестья, сожженного поляками во время набега. Во второй половине XII в. Берестье вошло в состав Владимиро-Волынского княжества.

Основной задачей Берестья была оборона Берестейской земли от воинственных ятвягов. Она являлась естественным продолжением Турово-Пинского дреговичского Полесья в западном направлении. Город часто находился под протекторатом более сильных соседей: Турова, Киева или Владимира-Волынского. В Ипатьевской летописи зафиксировано проявление значительной самостоятельности населения Берестья, просившего у польского короля Лешки, временно управлявшего Волынью после смерти князя Романа Мстиславича, себе «на княжение» детей умершего князя. Лешка отпустил на княжение в Берестье малолетнего Василька Романовича со словами «пусть владеет ими»[3]. В Берестье должность воеводы была выборной. Самостоятельность берестейцев проявилась и в 1229 г., когда они вместе с пинским князем Владимиром разгромили напавшее на Берестье войско ятвягов. Самое яркое проявление вечевых порядков в Берестье мы находим в Ипатьевской летописи: запись под 1287–1288 гг.,

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 132.

[2] *Лысенко П.* Ф. Берестье.

[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 720, 721.

когда во время смуты, вызванной смертью волынского князя Владимира, сына Василька Романовича, и дележом его владений берестяне дали клятву племяннику Владимира Юрию: «мы твои и город твой, а ты наш князь», тем самым, по словам летописца, они «учинили крамолу». В случаях, когда вечевые собрания приобретали черты народных волнений, они расценивались как проявление крамолы. Юрий «приехал в Берестье и начал княжить там по совету бездумных своих бояр молодых и крамольников берестян»[1]. Данные факты свидетельствуют о наличии в Берестье вечевого уклада.

Белорусское Понеманье: территория, этнические процессы, политическое развитие. Белорусское Понеманье – регион, сведения о котором в летописях крайне скудны. Понеманские города и князья называются в письменных источниках в большинстве всего по нескольку раз, преимущественно в записях, относящихся к середине XIII в.

Считается, что первое упоминание города на Немане относится к 1116 г., когда великий киевский князь Владимир Мономах выдал свою дочь Огафью за сына волынского князя Давыда Игоревича Всеволодка[2]. Из более поздних записей становится понятным, что последний был князем «из Городня» (Гродно). В 1128 г. киевский князь Мстислав Владимирович Великий «посла» свою дружину с другими князьями в поход на Полоцкое княжество, а в 1132 г. Всеволод Городенский принимает участие в походе Мстислава на Литву[3]. Умер Всеволод Давыдович в 1141 г., а его сыновья Борис, Глеб и Мстислав принимают активнейшее участие в походах великих киевских князей против своих соперников, претендентов на киевский стол. О самом городе летописец в XII в. говорит лишь однажды: в 1183 г. «Городен погоре весь и церква каменая от блистания молнии и шибения грома»[4].

Остальные понеманские города впервые упоминаются во 2-й четверти – середине XIII в., главным образом в связи с военными столкновениями галицко-волынских и литовских князей.

Особо следует отметить Новогородок (Новогрудок) – один из древнейших городов на западной окраине белорусских земель. В эпоху Киевской Руси он является не только оплотом оборонной системы в Белорусском Понеманье, но и становится развитым многофункциональным городом. Об этом свидетельствуют найденные остатки богатых кварталов окольного города с его большими домами, разнообразными предметами роскоши, импорта, что говорит о прочных связях с Византией, мусульманским Востоком, Киевской землей. На территории города трудились ювелиры по золоту и цветному металлу, составлявшие корпоративное раннесредневековое объединение. В первой половине XII в. на холме юго-западнее окольного города уже существует храм, сложенный из известняковых блоков, украшенный фресками и имевший майоликовый пол, а также акустические голосники (предшественник Борисоглебской церкви XVI в.)[5].

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 897–914.
[2] *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 62.
[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 292, 294.
[4] Там же. Стб. 634.
[5] *Кушнярэвіч А. М.* Культавае дойлідства Беларусі XIII–XVI стст. Мінск, 1993.

Новогородок располагался на двух соседних холмах, именуемых в Ипатьевской летописи (1274 г.) детинцем и окольным городом: «Лев же (волынский князь) лесть учини меж братьею своею утаився Мъстислава и Володимера взя окольнии град и с татары, а детинец остася»[1]. На менее выразительных холмах вокруг были построены церковь Бориса и Глеба, костел, а на восточной окраине города находилась гора Миндовга, сохранившаяся до сих пор. В целом укрепленная часть древнего Новогородка занимала площадь более 2,5 га. Посады возникли на Малом замке в X в., а на Замковой горе – в XI в. В середине XI в. площадка Замковой горы была обнесена валом и превратилась в детинец, под прикрытием которого продолжал развиваться посад Малого замка. Рядом с ним располагался городской некрополь. В начале XII в. укрепилось и поселение на Малом замке, ставшее окольным городом, расширилась территория детинца за счет переноса вала на край площадки. В начале XIII в. у основания северо-восточного склона детинца был сооружен дополнительный вал. Укрепления детинца с XI по XIV в. неоднократно перестраивались. При этом увеличивалась высота и ширина вала, что свидетельствует о востребованности этой крепости на рубежах Понеманья на протяжении всего периода ее существования. В 1235 г. летописец упоминает Изяслава – князя новогородского, союзника Миндовга.

В 1252 г. в ходе военных действий галицко-волынские дружины занимают Волковыск, Слоним и Здитов, а в 1253 г. сын Миндовга «воева около Тоурьска»[2] (Турийска). В записи под 1256 г. указано, что в походе на ятвяг, предпринятом галицко-волынскими князьями Даниилом и Васильком Романовичами, участвовал «Роман со всими Новгородци и с отцем своим Глебом (из Волковыска) и со Изяславом со Вислочским (Свислочь на Немане)»[3].

Города Белорусского Понеманья по сравнению с другими регионами Древней Руси привлекли внимание летописцев относительно поздно. Этот факт, по-видимому, можно объяснить значительной отдаленностью Понеманья от основных древнерусских центров, так как археологические источники свидетельствуют о значительно более раннем появлении понеманских городов.

По данным археологии, города Новогрудок и Волковыск возникли во второй половине X в., Гродно и Слоним – в XI в., Турийск – в конце XI в. Их происхождение связано со славянской колонизацией Белорусского Понеманья, основным населением которого во второй половине 1-го тыс. н. э. были балты. В целом племенная принадлежность средневекового населения Понеманья в современной науке остается спорной. Это связано с тем, что данная территория в IX–XIII вв. была пограничной между юго-западной группой восточнославянских племен, западными славянами и балтами, что дает основания предполагать смешанный в этническом отношении состав населения при количественном преобладании представителей того или иного племенного союза в отдельных микрорегионах.

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 873.
[2] Там же. Стб. 819.
[3] Там же. Стб. 831.

Понеманье являлось периферийной областью славянской колонизации. Ранние города здесь образуются не на основе племенных центров, а в скоплениях сельских поселений в наиболее благоприятных для сельского хозяйства местах как административные и княжеские центры. Также первоначально они выполняли функции пограничных крепостей.

Процесс ассимиляции балтов происходил в основном на протяжении IX–XI вв., но, как отмечают исследователи, еще в XII–XIII вв. острова балтского населения сохранились в районе современных Докшиц, Радошкович, Ружан и других населенных пунктов[1]. На протяжении всего периода между этническими массивами славян и балтов существовала зона «чересполосного» расселения, где их взаимоотношения были бесконфликтными. Свидетельством такого мирного сосуществования является сохранение балтских гидронимов и широкое распространение межэтнических семейных отношений.

Процесс ассимиляции нашел свое отражение в материальной и духовной культуре населения Понеманья. Наиболее показательны в этом отношении каменные курганы X–XIII вв., конструкция которых типична для некоторых балтских племен, а погребальный инвентарь – славянский: перстнеобразные височные кольца с заходящими концами, керамическая посуда, пряжки, оружие, стеклянные бусы. Славяне также переняли от балтов некоторые детали погребального обряда: ориентация умерших головой на восток, обычай ставить керамические сосуды у головы погребенных и др.[2]

Славянская колонизация Белорусского Понеманья происходила в несколько этапов и из разных регионов. Исходя из анализа массового археологического материала – керамических изделий, первая массовая волна славянского заселения прошла в X в. с территории Волыни. В Волковыске, Новогрудке, Индуре в слоях X в. обнаружено большое количество керамической посуды, характерной для волынян, что, по мнению исследователей, свидетельствует о южном происхождении значительной части их жителей[3]. Две волны переселения в Понеманье: во второй половине X и XII в., прослеживаются также по материалам курганных могильников.[4]

Определенную роль в формировании культуры населения Белорусского Понеманья сыграли западнославянские племена. В погребениях региона нередко находятся характерные для них височные кольца с эсовидными концами. В западнославянской традиции различными штампами орнаментирована часть керамики городов. Относительно часто встречаются также горшки с вертикальным горлом, типичные для мазовшан.

В Понеманье проникали также дреговичи и древляне. Об этом свидетельствуют некоторые черты погребального обряда и инвентаря курганных могиль-

[1] *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 15.

[2] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 86–90.

[3] *Малевская-Малевич М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005. С. 140–148.

[4] *Павлова К. В.* Население Верхнего Понеманья по материалам курганных могильников окрестностей Новогрудка // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 45–47.

ников Новогрудчины, характерные для этих племен. Однако нет оснований, по крайней мере до XI в., считать эти передвижения значительными. В то же время в славянских захоронениях северной части Белорусского Понеманья черты обряда и инвентарь древлян и волынян не прослеживаются. Курганные могильники в бассейне Верхней Вилии оставлены кривичско-дреговичским населением[1]. Некоторые исследователи и вовсе исключают Верхнее Понеманье из области дреговичской колонизации, допуская их проникновение только в области, примыкающие к бассейну Днепра[2].

Различная интерпретация средневековых курганных древностей и, как следствие, неоднозначная оценка этнической ситуации в Белорусском Понеманье обусловлена близостью погребальной обрядности и вещевого инвентаря в курганах юго-западной группы восточнославянских племен.

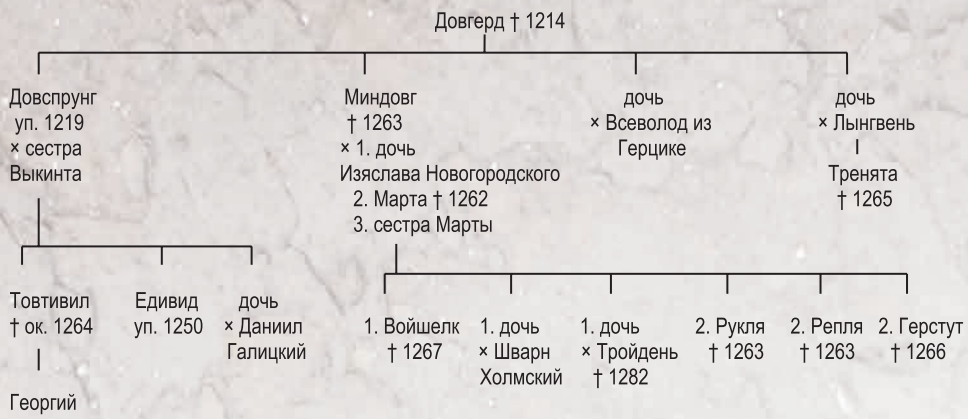
Таким образом, некоторые территории Беларуси входили в рассматриваемый период в состав Смоленского, Черниговского и Галицко-Волынского княжеств. Особая этнополитическая ситуация складывалась в Белорусском Понеманье на балто-славянском пограничье.

Славянская колонизация Белорусского Понеманья происходила в несколько этапов и из разных центров. Между этническими массивами славян и балтов существовала зона «чересполосного» расселения, где их взаимоотношения были бесконфликтными. Определенную роль в формировании культуры населения Белорусского Понеманья сыграли западнославянские племена. В целом развитие государственности на рассмотренных территориях имело как общие черты, так и характерные особенности.

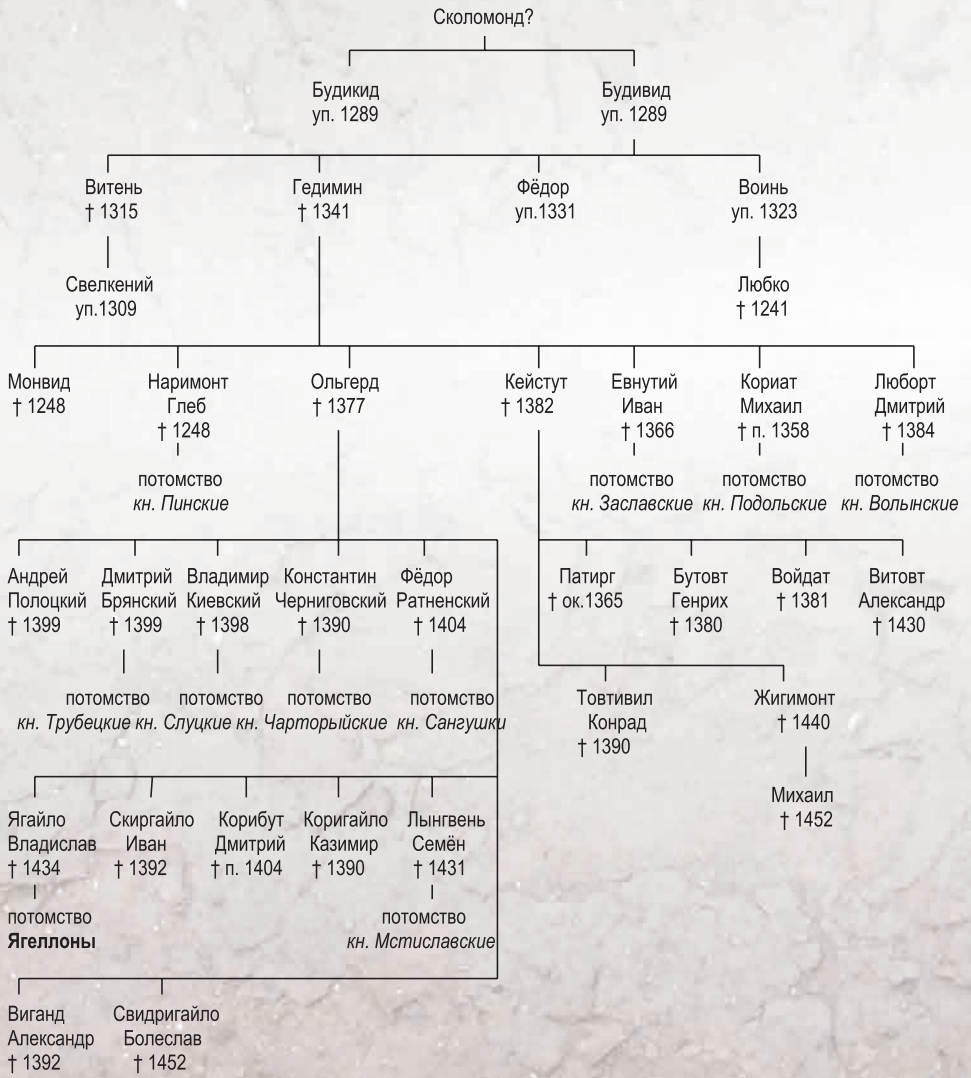
[1] *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 106–107.

[2] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 81, 107.

Великие князья литовские: род Миндовга



Великие князья литовские: Гедиминовичи



ГЛАВА 4

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ: БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СЕРЕДИНЕ XIII – СЕРЕДИНЕ XVI в.

4 ГЛАВА

С середины XIII в. на белорусских и литовских землях оформляется новый политический и государствообразующий центр и формируется новое государство – Великое Княжество Литовское, Руское и Жемойтское (далее – ВКЛ).

Как и почему образовалось ВКЛ, каково его политическое и этническое содержание, какова роль в его возникновении и развитии представителей литовского и белорусского этносов и их элит – вопросы, которые возникали уже во время существования ВКЛ и на которые по-разному отвечают историки. Стремление доказать принадлежность этого государства какому-нибудь конкретному этносу постоянно носило не столько научный, сколько политический характер. Такой подход – путь в тупик, так как ВКЛ являлось полиэтническим государством, история которого принадлежит всем народам, его населявшим. Каждый из этих народов внес свой вклад в становление и развитие ВКЛ.

4.1. ОБРАЗОВАНИЕ ВКЛ

Предпосылки образования ВКЛ. Великое Княжество Литовское возникло отнюдь не на пустом месте и формировалось не в результате набегов племен воинственных язычников с территории Жемойтии. Контакты древних белорусов с литовцами и с представителями других этносов (как с соседними, так и с приходящими издалека) были не только вооруженными. Тем более, как свидетельствуют источники, отношения белорусов и литовцев – представителей этносов, которые стали основателями ВКЛ, *никогда не были отношениями «завоевателей и порабощенных».*

Точно определить, как происходила первоначальная организация Великого Княжества Литовского, на сегодняшний день невозможно. Логично допустить, что было несколько вариантов политического и хозяйственного развития на отдельных территориях будущего ВКЛ, которые в своей совокупности и привели к созданию нового государства.

Известно, что важнейшими составляющими любого государственного образования являются территория, население, которое осознает свою общность, этническое и культурное родство, отличает себя от других этносов, проживающих

за пределами их государства. Важными атрибутами государства являются официальный язык, наличие собственного законодательства и налоговой системы, органов власти и управления и др.

Великий князь литовский Миндовг

В первой половине XIII в. на государствообразующие процессы на территории Беларуси большое влияние оказывали внешнеполитические события, которые происходили на территории Восточной Европы. События эти для белорусских земель были связаны с угрозой экспансии как со стороны Ливонского и Тевтонского немецких орденов, в начале XIII в. обосновавшихся в Пруссии и Ливонии, так и монголо-татар, которые приблизительно в это же время захватили южную и восточную Русь.

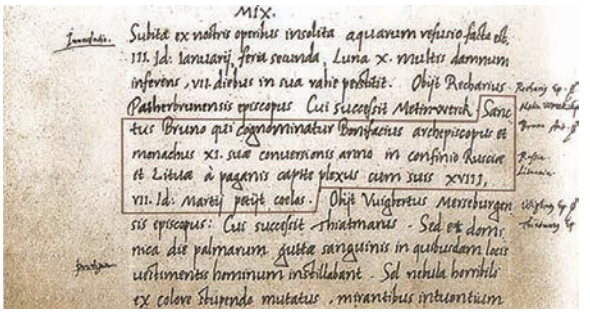
Для белорусского исследователя несомненно, что причины образования нового политического и экономического центра на наших землях почти совпадали с причинами упадка Полоцкого княжества – именно внешняя угроза дала толчок развитию нового этапа государственного строительства на белорусских землях. Внешняя угроза и во многом связанный с ней упадок торгового пути «из варяг в греки» повлияли на снижение роли Полоцка как экономического и политического центра белорусского этноса.

Одним из важнейших центров нового государствостроительного процесса на белорусских землях стало Новогородское княжество (Новогородок, Новогрудок). Именно здесь княжил Миндовг – первый руководитель (господарь) нового государства, здесь он принял христианство, вероятно, именно здесь в 1253 г. он получил королевскую корону.

У Новогородка были все основания для того, чтобы стать политическим и культурным центром нового государственного образования – значительная отдаленность от основных очагов внешнего военного и политического противостояния, достаточно развитая экономика, высокий уровень развития культуры. О том, что Новогородок в то время играл значительную роль в социально-экономической и политической жизни региона свидетельствует то, что он, хотя и не часто, но регулярно упоминался в летописях.

Так, при описании осады Каменца в 1228 г. киевским князем Владимиром, который принадлежал его сопернику, галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу, вместе с киевлянами упоминались «куряны, и пиняны, и новогородцы, и туровцы»[1]. Этот факт убедительно свидетельствует, что Новогородок выступает здесь как центр одного из сильных, союзных Киеву княжеств.

[1] Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 167.



Фрагмент рукописи
«Кведлинбургских анналов»
с первым упоминанием о Литве

В 1235 г. Новогородское княжество упоминается в летописи при описании ухудшения отношений между галицко-волынским князем Даниилом Романовичем и одним из польских князей – Конрадом Мазовецким. Летописец отметил, что Даниил в этой борьбе имел в союзниках и Изяслава, князя из Новогородка: «Данилъ же возведе на Кондрата Литву Минъдога, Изяслава, Новгородьского»[1].

В этом плане интерес представляет определение того, что же в XIII в. понималось под Литвой.

Историческая Литва. Впервые Литва упомянута в «Кведлинбургских анналах» («Annales Quedlinburgenses») в 1009 г. в связи со смертью католического проповедника *Святого Бруно, который «был обезглавлен язычниками на границе Руси и Литвы»*[2]. К сожалению, нигде в выявленных историками документах не очерчивается территория Литвы XIII–XIV вв. и не даются никакие территориально-географические привязки. Определение территории «летописной Литвы», или «Литвы Миндовга», учеными разных стран делается на основании более поздних документов и часто с сознательным перекосом в свою сторону. (Здесь не надо забывать, что исторические названия часто мигрировали в пространстве и времени, как то было и с названием «Белая Русь», а в период до приобретения глубоких географических знаний люди, которые описывали новые земли, часто неосознанно путали географические названия и «привязывали» их не к конкретным, а к наиболее подходящим, на их взгляд, территориям.)

По мнению белорусских исследователей В. Л. Носевича и А. К. Кравцевича, исследующих начальную историю Великого Княжества Литовского, первоначально (до середины XIII в.) под «Литвой» («Литовской землей») понималась территория балтского племени (или союза племен) «Литва», которая располагалась в верхнем течении р. Вилии, на современной северо-западной территории Республики Беларусь и юго-восточной территории Литовской Республики: районы вокруг современных населенных пунктов Вильнюс, Тракай, Варена, Лида, Ошмяны, Сморгонь, Вилейка, Островец[3].

[1] Ипатьевская летопись. С. 175.

[2] Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / пер. И. М. Дьяконова и В. В. Рыбакова. М., 2012. С. 65.

[3] *Насевіч В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. С. 17–18; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 104–105, 203.

Изображение Литвы
из книги «Liber hronicarum:
Das Buch der Croniken
und Geschichten»
Х. Шедела. 1493 г.

Некоторые историки полагают, что «Литва» («Литовская земля») изначально воспринималась населением более широко и охватывала также территорию племен нальшан, деволтвы и жемойтов, которые были не самостоятельными балтскими племенами, а составными частями балтского племени «Литва» (либо союза балтских племен под общим названием «Литва»). На юге и востоке «Литва» граничила с Русью – Полоцкой землей и Гродненским княжеством.

Литовский историк Р. Петраускас сделал заключением о том, что «Литва» XIII в. обозначала не территорию с очерченными границами, а группу людей, осознающих свою принадлежность к конкретному политическому сообществу. По его мнению, вместе с формированием государства постепенно возникала консолидированная политическая элита, «которая состояла из правящего рода, переживающего свое возвышение, и тесно связанных с ним групп знати. Все роды, входившие в эту элиту, происходили из достаточно определенного региона

Образование Великого Княжества Литовского. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

(«Литовская земля», «Lithuania propria» – нынешняя Восточная Литва и Западная Белоруссия), а объединяло их соседство владений, родство по браку и складывающиеся связи верности и дружбы»[1]. Таким образом, еще раз подтверждается активное участие представителей и «протобелорусской» элиты, в первую очередь лидеров из Новогородка и Новогородчины, в процессах создания нового государства – ВКЛ.

С началом территориального роста Великого Княжества Литовского (с середины XIII в.) и дальнейшим расширением владений еще первых великих князей литовских (Миндовга, Войшелка и их преемников) название «Литва» распространялось на земли вдоль р. Вилии, на Нальшаны, Деволтву, Упиту (земли, известные позднее как Аукштайтия), а также на земли Верхнего Понеманья (земли вокруг Новогрудка, Слонима, Волковыска и Гродно включительно), но не охватывало земли Жемойти.

Известно, что в последующее время, в XIV – первой половине XVI в., термином «Литва» сокращенно называли все ВКЛ. Топоним «Литва» охватывал территорию к востоку от р. Нявежис (около городов Алитус, Укмерге, Аникшчяй, Рокишкис) и на запад по линии Браслав – Логойск – Минск – Несвиж – Ганцевичи – Ивацевичи – Пружаны[2]. Такой топонимический смысл названия «Литва» отличал эту землю от «Руси», земель «руских» княжеств, включенных в состав Великого Княжества Литовского в XIV в. Несомненно, что такое территориальное деление возникло не в XIV в., а сформировалось на протяжении предыдущего периода. Об устойчивости территориальной привязки терминов «Литва» и «Русь» и ее практической неизменности свидетельствует то, что и в XVIII в. Литва и Русь находились по разные стороны вышеуказанной линии. Минск, таким образом, был в Литве, а соседний Борисов – на Руси. «Рускими» землями назывались в XVI–XVII вв. территории Белорусского Поднепровья, а в XVIII в. относительно их и других восточных территорий ВКЛ устойчиво применялся термин *«белорусские земли».*

С XV в. название «Литва» можно территориально привязать, рассматривая территориально-административное деление, которое оформлялось вместе с укреплением государства и проведением политики централизации государственного управления. В начале образования ВКЛ «государственный строй характеризовался делением его на две части: центральную (главную) и земли смежные («прислухаючие»). Сначала отношения между центром и прислухаючими землями строились на личной зависимости князей отдельных земель от великого князя, т. е. на основе сюзеренитета – вассалитета. В XV в. крупные вассальные княжества были преобразованы в воеводства или поветы, в которых управляли наместники великого князя – воеводы и старосты[3].

Центральную часть ВКЛ составляли Ошмянская, Браславская, Берестейская, Виленская, Вилькомирская, Волковысская, Гродненская, Клецкая, Кобрин-

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1 (11). С. 97.

[2] *Спиридонов М. Ф.* «Литва» и «Русь» в Беларуси в 16 в. // Наш радавод: зб. арт. Гродна, 1996. Т. 7. С. 206–211; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 106–109.

[3] *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. С. 72.

ская, Копыльская, Лидская, Минская, Мстиславская, Несвижская, Новогородская, Пинская, Речицкая, Слонимская, Слуцкая, Трокская, Туровская и Упитская земли, которые в исторических документах имели общее название – «Литва». Смежными, «прислухаючими», считались Подляшье, Волынь, Подолье, Киевщина, Чернигово-Северская, Смоленская, Витебская, Полоцкая земли и Жмудь.

Период становления ВКЛ. Общепризнано, что образование ВКЛ непосредственно связано с «Литвой Миндовга» – объединением нескольких балтских княжеств, во главе которого, как свидетельствует летописное сообщение 1235 г.[1], стоял князь Миндовг, и с протобелорусским Новогородским княжеством.

Важно подчеркнуть, что впервые Миндовг упоминается в летописи четвертым среди других литовских князей («Божиимъ повелениемъ прислаша князи Литовьскии к великои княгини Романовои и к Даниловои и к Василкови миръ дающи бяхо же имена Литовьскихъ князеи се старшии Живинъбоуд Довьят Довспроункъ брат его Мидогъ...»[2]) в связи с заключенным в 1219 г. договором с галицко-волынскими князями. В первой трети XIII в. Литва беспокоила воинственными набегами многих своих соседей. Литовские отряды в то время совершали походы на Волынь, достигали Псковщины, верховьев Волги. Наличие такого опасного соседа, наверное, заставляло жителей Новогородчины, как и всего Понеманья, поддерживать с ними своеобразные, неконфронтационные, отношения.

С другой стороны, следует отметить, что в 1237–1240 гг. большинство княжеств южной и восточной Руси были захвачены монголо-татарскими ордами хана Батыя, которые в 1240 г. заняли и сожгли Киев и уже проникали в южные районы Беларуси.

Именно в это время, в 1240-е гг., в Новогородке появляется новый князь Миндовг. Интересно, что это событие осталось почти без внимания современников-летописцев. Правда, составленная гораздо позже, в XVII в., Густынская летопись приводит неизвестно откуда взятое сообщение, что в 1246 г. «великий князь литовский Миндовг прият веру христианскую от Востока со многими своими бояры...»[3]. Но эти сведения не подтверждаются другими источниками и потому не могут быть однозначно приняты в качестве действительно произошедших.

Вместе с тем в Галицко-Волынской летописи есть информация о том, что около 1248 г. Миндовг силой отобрал в Литве владения своих племянников Товтивила и Эрдивила, которые спасались бегством в Галицко-Волынское княжество. Галицко-волынские князья, братья Даниил и Василий Романовичи, не выдали их послам, которых прислал Миндовг, а наоборот, отправились в поход против Миндовга: «Данило же и Василко поидоста къ Новугороду. Данилъ же и Василко, брат его, розгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здитово: и поимаша грады многы и взвратишася въ домы»[4]. Эта запись в основном источнике по начальной истории ВКЛ является первым

[1] Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 175.
[2] Там же. С. 161.
[3] Густинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 341.
[4] Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 187.

Сохранившийся фрагмент печати Миндовга
и ее реконструкция с легендой по описанию 1393 г.

зафиксированным упоминанием союза Миндовга с Новогородком. По мнению А. К. Кравцевича, из этого факта следует, «что союз Новогрудка и Миндовга оформился около 1248 г., и эту дату можно считать началом ВКЛ»[1].

Как раз с этого времени имя Миндовга стало напрямую связываться с Новогородком. Почему так произошло, было ли это действительно союзное объединение Литвы Миндовга и Новогородка или Новогородок был завоеван Литвой, приглашали ли Миндовга новогородцы на княжение – источники не сообщают. Если этот союз и был, то не со всей Литвой, а только с «Литвой Миндовга» – частью Литовской земли, находившейся под властью этого князя.

Можно утверждать, что в Среднем Понеманье в середине XIII в. шли сложные государствообразующие процессы, в результате которых возникло государство, которое вошло в историю под названием «Великое Княжество Литовское». В этих процессах значительную роль имела Новогородчина – включение этой территории в государствообразующие процессы ВКЛ дало им новый качественный толчок, придало конкретные очертания и необратимость.

Известно, что соседи Новогородка Галицко-Волынское княжество и крестоносцы считали Миндовга серьезным соперником. Галицко-волынский князь Даниил Романович даже совершил несколько предупредительно-захватнических походов на владения Миндовга.

Первая волна противостояния датируется 1248–1254 гг., когда Даниил Романович создал и возглавил коалицию против Миндовга вместе с ляхами, ятвягами, жемойтами и крестоносцами и в 1253 г. «плениша всю землю Нового-

[1] *Краўцэвіч А.* Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага 1248–1341 г. Гародня; Уроцлаў, 2013. С. 33.

родъскую, оттуда же возвратишася в домъ свой»[1]. Помимо этого над владениями Миндовга нависла военная угроза со стороны крестоносцев.

В такой ситуации Миндовг показал себя умным и предусмотрительным политиком и сделал нестандартный для того времени дипломатический ход, в результате которого крестоносцы стали не врагами, а союзниками Миндовга. Зная, что основным политическим посылом продвижения немецких орденов на территорию Прибалтики и Восточной Европы было крещение местных язычников, он отправил к магистру Ливонского ордена посольство, которое передало решение князя Миндовга принять вместе со своими подданными христианство по римскому обряду. Этим дипломатическим шагом орден был нейтрализован как политический противник и автоматически превратился в союзника Миндовга.

Крещение Миндовга произошло около 1251 г. Известно, что в этом же году инфлянтское войско на стороне Миндовга принимало участие в борьбе против организованной галицко-волынскими князьями коалиции во главе с Товтивилом. Обряд крещения проводил пресвитер Ливонского ордена Христиан, который предварительно познакомил князя, его семью и дружину с основами западной христианской веры. Христиан стал первым католическим епископом в Литве[2]. Конкретное место крещения Миндовга точно не известно.

Миндовг был коронован 1 июля 1253 г. хелмским епископом Генрихом королевской короной. Церемония состоялась с большой торжественностью по принятому в Западной Европе ритуалу[3].

После коронации Миндовга, согласно «Хронике Быховца», он царствовал «в Новогородке и руских городах»[4].

То, что Миндовг получил королевскую корону в Новогородке, очень часто считается аргументом в пользу того, что именно здесь была его столица. Это действительно могло быть и так, но не обязательно. Однако в то время не существовало правила либо традиции коронования именно в столице, административном центре. К тому же в период формирования государства Миндовга еще не было четкого понимания столицы – столица была там, где находился князь. Понятие «столица» в сегодняшнем понимании оформилось только при Гедимине, когда столицей ВКЛ стала Вильня. Коронация же могла состояться и в лич-

[1] Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 188.

[2] *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Rzeszów, 2000. С. 157–158.

[3] *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław; Warszawa; Kraków; 1967. S. 41. Вместе с тем есть разные мнения о месте коронации Миндовга. Так, на основании анализа письменных источников А. Жлутка выразил мнение, что коронация произошла в д. Литовка, в 4 км от Новогрудка (*Жлутка А.* Да пытання аб месцы каранацыі Міндоўга (Міндава) і сядзібе першага біскупа Літвы // Новагародчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы): зб. навук. арт. Мінск, 2010. С. 97–100). А литовский исследователь Т. Баранаускас считает, что коронация Миндовга состоялась не в Новогрудке (*Баранаускас Т.* Новогрудок в XIII в.: История и миф // Castrum, urbis et bellum: зб. навук. прац. Баранавічы, 2002. С. 29–44; *Баранаўскас Т.* Месца каранацыі Міндоўга // Спадчына. 2002. № 5–6. С. 26–31).

[4] Хроника Быховца // ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 132.

Коронация Миндовга. Гравюра из книги Леонарда Ходько «Полония» 1824 г.

ной вотчине Миндовга, и в каком-то духовном центре, или в том месте, которое было удобным для епископа Генриха, который руководил процессом коронации. Однозначно можно утверждать только то, что точное место коронации Миндовга в исторических источниках не зафиксировано. Между тем мнение, что Новогородок был первой столицей Великого Княжества Литовского закрепилось в историографии с XVIII в. и приводится в энциклопедиях, научных и популярных изданиях XIX – начала XXI в. как однозначно доказанное.

После коронации Миндовга галицко-волынский князь Даниил Романович продолжал вести против него воинственную, агрессивную политику. В течение 1251–1252 гг. он организовал четыре похода против Миндовга, во время одного из которых был захвачен Гродно. Миндовг не собирался сдаваться и в 1252 г. отправил на завоевание Турийска на Волыни своего сына. Наряду с этим Миндовг постоянно обращался к Даниилу Романовичу с предложением заключить мир.

Мир был заключен в 1254 г. после очередного похода Даниила Романовича «на войну на Литву, на Новгородокъ»[1]. Мирный договор с Галицко-Волынским княжеством заключил, по поручению Миндовга, его сын Войшелк. По условиям мира Войшелк передал Роману, сыну галицко-волынского князя Даниила, «Новогородъкъ отъ Миндога и отъ себе Вослоним и Волковыескъ, и все городы»[2]. Мир был закреплен браком дочери Миндовга со вторым сыном Даниила Романовича Шварном. А сын Миндовга Войшелк, который постригся в монахи,

[1] Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 191.
[2] Там же. С. 192.

Великий князь литовский Гедимин

остался на Волыни, и это может рассматриваться как содержание его в качестве заложника. Однако Войшелк каким-то образом добился, чтобы его отпустили в Новогородок, в окрестностях которого он позже основал Лавришевский монастырь.

Это оказалось очень кстати, так как в 1258 г. на Волынь пришло татарское войско во главе с воеводой Бурундаем. Даниил Романович был вынужден капитулировать и послал по требованию татар своего брата Василия в совместный с ними поход на Литву: «иду на Литву; оже еси миренъ, пойди со мною»[1]. Но это означало разрыв соглашения с Миндовгом. Во время нападения Роман, сын князя Даниила Романовича, был схвачен Войшелком и более в исторических источниках не упоминался. Новогородок остался в сфере влияния Миндовга.

Позже, после убийства в 1263 г. Миндовга, новогородчане помогли его сыну Войшелку наказать убийц отца и закрепиться во власти. Войшелк для того, чтобы занять отцовский престол, временно отказался от монашества: «Воишелкъ пойде съ Пиняны къ Новугороду, и оттоле поя с собою Новогород и поидем в Литву княжить»[2].

Правда, вскоре Войшелк отказался от этой должности в пользу Шварна Даниловича, своего шурина, и вернулся в монастырь. В 1270 г. новогородчане решительно поддержали нового князя Тройденя, выступавшего с антиволынских и антитатарских позиций. А в 1274 г., когда состоялся большой поход воеводы Ягурчина и зависимых от него князей на Литву, Новогородок выступил как один из главных форпостов Литвы. Хотя галицкий князь Лев Данилович с помощью татар взял окольный город, но сам Новогородок выстоял. Враг вынужден был отойти. То же произошло и во время двух следующих татаро-волынских походов против Новогородка – в 1276 и 1277 гг.

Позже новогородчане также мужественно боролись за независимость в противостоянии с крестоносцами Тевтонского ордена, набеги которых с конца XIII в. начали достигать Белорусского Понеманья. В 1314 г. тевтонцы осадили Новогородок. Крестоносцы и в последующем неоднократно совершали походы на Новогородской замок. Так, рыцари Тевтонского ордена были под Новогородком в 1321, 1341, 1391, 1394 гг. А в 1410 г. Новгородская хоругва участвовала в разгроме крестоносцев в Грюнвальдской битве. В боях закалялась мощь Великого Княжества Литовского, и не случайно, что Новогородок стал одним из главных политических центров этого государства.

[1] Ипатьевская летопись. С. 197.
[2] Там же. С. 202.

В 1329 г. великий князь литовский Гедимин передал Новогородское княжество своему младшему сыну князю Кориату (в крещении Михаил). Кориат после смерти отца с согласия братьев Ольгерда и Кейстута оставался новогородским князем. При Гедимине как политическое ядро государства оформилась Литва в узком смысле этого слова (без Жемойти). Географически она охватывала юг современной Литовской Республики и запад Беларуси с городами Новогородком, Слонимом, Волковыском, Гродно.

Таким образом, несомненна значительная роль белорусского этноса, в первую очередь населения и политической элиты Новогородка, на первоначальном этапе становления ВКЛ.

Этнополитические процессы в раннем ВКЛ. *Необходимо отметить, что процесс формирования белорусской народности проходил одновременно со становлением нового государства.* Способствовало этому развитие единого внутреннего рынка: благодаря контактам внутри страны население переставало отождествлять себя только с узкой группой племенных образований (кривичи, дреговичи, радимичи) и стало осознавать свою общность в масштабе государства. Надо признать, что в это время на формирование белорусского этноса оказывалось значительное политическое и культурное влияние со стороны балтского населения, в первую очередь политической и военной элиты. Вместе с тем это влияние не столько ускоряло, сколько тормозило процессы самоидентификации местного «руского» населения. Но именно это и составило значительные особенности будущей белорусской нации.

С другой стороны, количественное преобладание в ВКЛ славянского, «русского» (протобелорусского), этноса вело к расширению его влияния на балтов, на понимание стержневой «рускости» государства. Именно поэтому чуть позже не только православные жители Великого Княжества Литовского, но и все население Княжества как аксиому принимали то, что именно ВКЛ есть центр, основа восточнославянской части Европы, Руси.

Не Москва, а Вильня, Великое Княжество Литовское в то время объединяло Русь.

Жителей северо-востока, консолидированных вокруг Москвы, представители «руских» земель Великого Княжества Литовского называли псковитянами, московитами, тверичами, но не «рускими». Об этом свидетельствуют многочисленные памятники и летописи. Так, когда Свидригайло в 1432 г. пришел «на Полтескъ и на Смоленьск, и князи руские и бояре посадиша князя Швитригаила на великое княженье на Руское»[1].

Такое положение объясняется тем, что в период своего расцвета ВКЛ простиралось от Балтики до Черного моря и от границ Польши и Венгрии до Подмосковья. Показательными были и реальное соотношение в нем литовского и славянского элементов. Собственно Литва занимала в нем всего 1/12 страны, 3/4 жителей составляли ту часть населения, которая уже в ВКЛ постепенно трансформировалась в белорусскую, русскую и украинскую народности.

[1] Академическая летопись // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 106.

По численности собственно литовцы являлись в этом государстве национальным меньшинством.

Рассуждая о том, какое место занимает ВКЛ в истории государственности белорусов, невозможно обойти проблему формирования различных институтов государственной власти ВКЛ, прихода к власти определенных личностей и оформления правящих династий, принадлежности их к определенным этническим обществам и т. д.

Как отмечал литовский исследователь Р. Петраускас, «Эволюционная модель развития Литвы в ранний период, долгое время господствовавшая в историографии, разные государственные институты генетически выводила из племенных политических образований и игнорировала возможные структурные переломы»[1]. При отсутствии исторических источников, но при наличии желания показать эволюцию государствостроительных процессов исследователи часто экстраполировали формы политической организации ВКЛ, например XV в., на более ранний период, что не было научно обосновано и не соответствовало историческим реалиям. Создавалось впечатление о последовательности процесса формирования государственности, хотя реальными фактами это не подтверждалось. На первоначальном этапе создания ВКЛ скорее существовали разрывы, структурные переломы, чем постоянство и традиция в этом процессе. Р. Петраускас приводит оригинальное замечание о том, что «Правители XIV в. из династии Гедеминовичей мало что знали о своем «предшественнике» – короле Миндовге, и это косвенно свидетельствует о переломах, происходивших в период формирования государства»[2]. Эти слова могут служить подтверждением тезиса о борьбе за первенство во вновь образуемом государстве различных политических групп, союзов, отдельных лидеров. На это указывают и записи в летописях о частой и не всегда объяснимой смене правителей, неожиданном появлении и таком же быстром уходе некоторых исторических личностей с политической арены раннего ВКЛ.

Р. Петраускас отметил, что «Особенно важным показателем политического развития и самосознания знати является название страны и племени «Литва». Оно показывает, что уже существовала определенная политическая общность со специфическим самосознаниме, которая ясно отличала своих от чужих...»[3].

Продолжая рассуждения о том, что означает термин «Литва», Р. Петраускас отметил, что в европейской историографии этногенеза «...племя трактуется как сложное политическое, но не обязательно этническое образование... Поэтому «Литва» XIII в. обозначала не территорию с очерченными границами, а группу людей, осознающих свою принадлежность к конкретному политическому сообществу»[4]. Ученый замечает, что «как показывают примеры зятя литовского князя

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства. С. 97.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 103.

[4] Там же.

Даугерута, ...князя Ерсики Висвальда (Всеволода) в начале XIII в. или воеводы Миндовга Хвалы в более поздние времена, представители иноземной знати легко могли влиться в ряды “литовцев”. Это было время, когда знатные люди со своими дружинами вели подвижный образ жизни и им было несложно интегрироваться в новое племенное окружение. “Литовцы”, упоминаемые тогдашними источниками, – это не столько люди, говорящие на одном языке (хотя вообще языковой фактор, разумеется, играл важную роль в интеграции[1]), сколько представители конкретного политического образования, которое в качестве консолидированного общества воспринимают иноземные хронисты, т. е. внешние наблюдатели. Это та группа, в которой сохраняется и развивается племенное самосознание. Вероятно, именно так следует понимать “литовцев в Жемайтии”, упоминаемых в хрониках Тевтонского ордена. Можно думать, что такие «литовцы» вскоре появились и в тех русских землях, которые раньше всего стали частью формирующейся политической организации (Новогрудской, Полоцкой и др.)»[2].

Изложенные выводы органично вписываются в предложенную А. К. Кравцевичем концепцию *биэтнического литовско-белорусского процесса* по крайней мере в начальный период образования ВКЛ.

Правящие в своих землях или уделах на белорусских или литовских землях группы (роды) обычно опирались на местную традицию и на вооруженную силу своих дружин. Основной задачей таких родовых организаций было не столько распространение влияния на новые территории, сколько закрепление и упрочение позиций на своих родовых землях. Вероятно, что именно отсюда берет начало принцип ненарушения «старины», ее незыблемость, опора на обычное право, что было основой организации политической жизни ВКЛ по меньшей мере до середины XVI ст., когда практически каждый из великих князей заявлял, что «мы новин не уводим, а старин не рушаем»[3].

Упомянутые выше правящие группы (роды, князья) стремились к установлению дружеских, неконфликтных отношений со своими соседями, что чаще всего

---

[1] В этом плане можно смело делать заключение об огромной важности роли старобелорусского («руского») языка в процессе становления государственности ВКЛ (первоначальной государственности будущих белорусского и литовского этносов). Несомненно то, что политическая элита ВКЛ не только пользовалась именно старобелорусским языком в государственной жизни (на нем или на латыни писались государственные акты, договоры и законы), но и разговаривала на нем дома, в повседневной жизни. Наиболее выразительным подтверждением этого тезиса является то, что именно на старобелорусском языке написаны Статуты ВКЛ («Белорусско-литовские лепописи»), а также наиболее популярные переводные произведения европейской литературы, которые читали в семьях как простой шляхты, так и магнатерии и которые хранились в семейных архивах. Подчеркиваем, что переводились они именно на старобелорусский язык, на котором, естественно, и говорили в семьях. Яркий пример этого – хранящаяся в Познани рукопись «Тристана и Изольды», которая в XVI в. была переведена на старобелорусский язык с сербского источника (Białoruski Tristan = Беларускі Трышчан / пад рэд. М. Машкевіча. Wrocław, 2006).

[2] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства. С. 103–104.

[3] Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею (далее – РИБ): в 39 т. Юрьев, 1872–1927. СПб., 1910. Т. 27. С. 595–596.

оформлялось через заключение браков. Таким образом оформлялись союзы правящих групп, которые не имели определенного этнически выраженного характера и вместе с тем могли политически, экономически и в военном плане контролировать значительные территории вне зависимости от того, «руским» или «литовцам» они принадлежали. Вполне вероятно, что именно такой была ситуация в середине XIII в. в Верхнем и Среднем Понеманье, когда начались государствостроительные процессы ВКЛ, одним из центров которых стал Новогородок.

Политические связи правящих групп, которые складывались в центре территории будущего ВКЛ, не только позволяли им захватывать и удерживать власть «на местах», но и вести совместные завоевательные походы. В перспективе в этих группах выделялись лидеры (местные князья), а наиболее политически активные и агрессивные в военном плане (при иных сопутствующих положительных обстоятельствах, например, приглашение на княжение, как это было в 1252 г. в отношении Миндовга) становились великими князьями.

Роль традиции и обычного права оставалась довольно значимой и после появления писаных законов и правил, тем более, что основная масса простого населения в то время была неграмотной. Традиция или, как тогда говорили и писали – «старина» (традиции и обычаи, правила, которые сложились в политической, социальной и хозяйственой деятельнности, организации быта, общественной жизни на протяжении долгого периода времени и передавались от одного поколения к другому), и обычное право признавались государством и определяли многие положения политической, социальной и экономической жизни.

Принцип «старины» как сохранение в неизменности ранее существовавших правил и порядков, был закреплен уже в законодательных актах XIV–XVI вв. и означал «ненарушение старины, установленной Витовтом и Жигимонтом Кейстутевичем»[1]. Несомненно, что правовые нормы, письменно зафиксированные при великих князях Витовте и Жигимонте Кейстутовиче, ранее существовали в обычном праве.

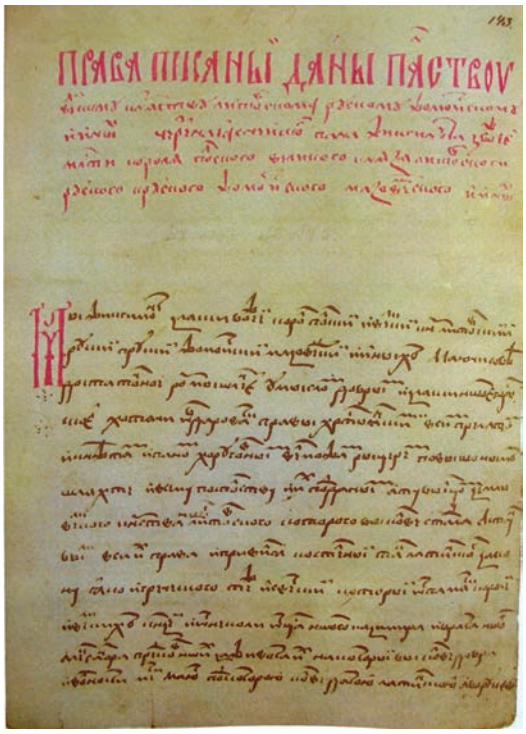
Используя отсылку на принцип старины, мы можем с большой долей уверенности утверждать, что как на протяжении всего периода образования ВКЛ, так и в период его наибольшего государственного расцвета в высших законодательных актах Великого Княжества Литовского утверждалось, *что это было государство двух этносов – литовцев (литвин) и белорусов (русин).*

Это утверждение было важным государственным принципом, в соответствии с которым *только представители государствообразующих этносов имели право на занятие высших государственных должностей и право на владение земельной собственностью.*

Вот как этот принцип отражался в высших законодательных актах государства – Статутах Великого Княжества Литовского:

Статут ВКЛ 1529 г.: «Роздел третий. О слободах шляхты и о размножени Великого Князьства».

[1] *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. С. 86.


ПРАВА ПИСАНЫ ДАНЫ ПАСТВОУ

Страница из Статута ВКЛ 1529 г.

«3. Держаней и честей чужоземцом не мають даваны быти.

Тэж шлюбуем и обецуем, иж в землях наших того Великого Князьства земль и городов, и мест, и которых-колве дедицств, и держаня, и тэж которых-колве врадов наших або честей и достойности жадному обчому, *але толко прирожоным а тубылцом тых земль наших Великого Князьства* (выделено нами. – *В. Г.)* и вышей мененого не будемъ давати, и потомки наши не будуть давати в держане и в поживане»[1];

Статут ВКЛ 1566 г.: «Роздел третий. О вольностях шляхецких и о розмноженью Великого Князства Литовского.

«Артыкул 9. Иж достоенств врядов в дедицтво чужоземцом давано быти не маеть.

Так теж мы господар обецуем и шлюбуем под присегою нашою, которую учынили есьмо Великому Князству Литовскому и всим станом и обывателем его, беручи то из статуту старого пана отца нашого короля его милости тому панству Великому Князству Литовскому даного, а в сесь выкладаючы и на то позволяючы, штож в том панстве Великом Князстве Литовском и во всих землях ему прислухаючых достойностей духовных и свецких городов дворов и кгрунтов староств в держаньи и пожываньи и вечностей жадных чужоземцом и заграничником ани суседом того панства давати не маем, але то все мы и потомки наши великие князи литовские *давати будуть повинни только Литве а Руси, родичом старожитным и врожонцам Великаго Князства Литовского* (выделено нами. – *В. Г.)* и иных земль тому Великому Князству належачых... А хотя бы хто обчого народу за свое заслуги в той Речы Посполитой пришол ку оселости з ласки и данины нашое, албо которым иншим правом, тогды таковые толко оселости оное уживати мають будучы обывателем обецным Великаго Князства и служачы службу земскую тому ж панству. *Але на достоенства и всякий вряд духовный и свецкий не маеть быти обиран, ани от нас господаря ставлен, толко здавна продков своих уроженец Великого Князства Литовского литвин и русин...* (выделено нами. – *В. Г.)*»[2];

[1] Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. // Вялікае княства Літоўскае. Т. 3. С. 441.

[2] Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. // Вялікае княства Літоўскае. Т. 3. С. 490, 492.

Статут ВКЛ 1588 г.: «Розделъ третий. О волностяхъ шляхетъскихъ и о розмноженью Великого князства Литовского».

«Артыкул 12. Около недаванья чужоземцомъ достоеньствъ и врядовъ всяких, а приходнемъ зъ инъших паньствахъ и оселости не давати.

Такъже мы, г[о]с[по]д[а]ръ, обецуемъ и шлюбуемъ под присегою нашою, которую учинили есмо Великому князству Литовъскому и всим станомъ обывателемъ его, беручи то изъ статуту старого, короля его м[и]л[о]сти Жикгимонта Першого, тому паньству, Великому князству Литовъскому, даного, а в сесь укладаючы и на то позволяючы, што жъ в томъ паньстве, великомъ князстве литовскомъ, и во всихъ землях, ему прислухаючих, достойностей духовных и светъскихъ, городовъ, дворовъ, кгрунтовъ, староствъ, державъ, врядовъ земскихъ и дворныхъ, посесый або в деръжанье и поживан[ь]е и вечностей жадных чужоземцомъ и заграничникомъ, ани суседомъ того паньства давати не маемъ. Але то все мы и потомъки нашы, великие князи литовские, *давати будемъ повинни только литве, руси, жомойти – родичомъ старожитнымъ и уроженъцом Великого князства Литовъского* (выделено нами. – *В. Г.)* и иных земль, тому Великому Князству належачыхъ»[1].

Таким образом, в статутах ВКЛ однозначно зафиксированы этносы-основатели ВКЛ: «*прирожоные и тубыльцы тых земель нашого князства*» (Статут ВКЛ 1529 г.); «*литвины и русины», «Литва и Русь – родичи старожитные и врожонцы Великого Князьства Литовского*» (Статут ВКЛ 1566 г.); «*литва, русь, жомойть – родичи старожитные и уроженъцы Великого князства Литовского*» (Статут ВКЛ 1588 г.). Причем если белорусы и литовцы однозначно с самого начала названы «родичами старожитными и уроженцами» ВКЛ, то жемойты в этом списке появляются только в 1588 г. Скорее всего, термин «родичи старожитные» здесь показывает не только этническую близость литовцев и белорусов-русинов, но и называет, таким образом, этносы-основатели государства, которые именно по этому принципу имеют первенство в ВКЛ.

Обобщая рассуждения о первоначальном этапе образования и месте Великого Княжества Литовского в истории белорусской государственности, можно сделать следующие выводы:

ВКЛ являлось полиэтническим государством, в составе которого белорусский этнос оформил и осуществлял свою государственность в XIII–XVIII вв.;

этносами-основателями ВКЛ были белорусы («русины») и литовцы, что зафиксировано в Статутах ВКЛ;

государственным языком с самого начала образования ВКЛ являлся старобелорусский;

государствообразующим центром ВКЛ, его ядром на начальном этапе формирования стали белорусские земли Верхнего и Среднего Понеманья и Виленщины;

основу ВКЛ в период его возникновения и расцвета составляли белорусские территории и белорусское население.

[1] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае. Т. 3. С. 570, 574.

4.2. ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ВКЛ

Административно-территориальное устройство. Белорусские земли входили в состав Великого Княжества Литовского в разное время и различными путями. От этого во многом зависело и то положение, которое они заняли в государстве. Однако, разумеется, свою роль здесь играли и другие факторы: прежний статус региона, его географическое положение, экономический, военно-стратегический, людской потенциал и др. Стоит учитывать и эволюцию государственного строя всего Великого Княжества Литовского. По мере того, как менялся государственный строй Великого Княжества, менялись также статус и общее положение его регионов.

Административно-территориальное устройство Великого Княжества Литовского предполагало деление страны на определенные территориальные единицы, большие или меньшие. Кроме того, регионы, а значит, и главы их администраций были выстроены в некую иерархию, и белорусские земли занимали в этой иерархии очень высокие места. Это видно из следующего примера. Когда 18 октября 1529 г. происходило избрание королевича Жигимонта Августа великим князем литовским, на торжественном заседании по левую руку от членов королевской семьи заняли свои места высшие урядники государства. После первых по статусу виленского и трокского воевод и виленского и трокского каштелянов расположились: новогрудский воевода, полоцкий воевода, витебский воевода, подляшский воевода, брестский староста. Напротив тронных мест сидели представители земель: киевские паны, смоляне и полочане, «а возле полочан новгородцы, а возле их витябляне, а возле витябленъ жемоитцы, и волынцы не сели за споромъ з жемоитию»[1].

Теснее всего с территориальным ядром государства – «Литвой» – были связаны северо-западные земли современной Беларуси. Более того, эти земли действительно составляли часть страны, которую называли «Литвой». Причиной этого было многочисленное, а в некоторых районах – сплошное литовское население. В XIV в. все эти районы входили в территорию Виленского и Трокского княжеств. А в 60-х годах XVI в. практически все они вошли в состав Браславского, Ошмянского и Лидского поветов Виленского воеводства, а также Гродненского повета Трокского воеводства. Однако следует иметь в виду, что в данном государственно-политическом, а позднее административном делении этническая подоплека не всегда четко прослеживалась. Существовали районы со смешанным литовско-славянским населением, да и точной общепринятой границы между Литвой и соседней Русью, судя по всему, никогда не было.

Эта широкая полоса земель на северо-западе Беларуси была тесно связана с Центральной Литвой самыми разными узами: политическими, этническими, социально-экономическими и прочими. Например, именно здесь долгое время сохранялись уделы, которые принадлежали представителям старых литовских

[1] Евреиновская летопись // ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 406.

княжеских родов. Это были, в частности, Гольшанское и Свирское княжества, правда, совсем небольшие по своим размерам владения. Тем не менее они обладали высоким и престижным статусом княжеств. Не лишним будет также отметить, что Крево было выделено великим князем литовским Гедимином в качестве удела одному из сыновей – знаменитому впоследствии Ольгерду. В этом же регионе находились вотчинные владения знатнейших литовских магнатских родов – например, Гераноины (совр. д. Геранены в Ивьевском р-не Гродненской обл.) Гаштольдов, Заберезье (совр. д. Забрезье в Воложинском р-не Минской обл.) Заберезинских, Свираны (совр. д. Малые Свирянки в Островецком р-не Гродненской обл.) Довгирдов и др. Это вовсе не было случайностью, поскольку вельможи литовского происхождения владели имениями и стремились приобретать себе новые земли в основном в этнической Литве, а также в областях, связанных с ней географически и административно.

Отличительной чертой этого центрального региона государства был высокий удельный вес шляхты. В этом отношении особенно выделялась Ошмянщина. В 1528 г. местное боярство-шляхта должна была выставлять в войско 376 всадников. Для сравнения: вся Витебская земля (бояре-шляхта и мещане) выставляла тогда в войско всего 92 конника[1].

К ядру государства, Виленскому и Трокскому воеводствам, тяготел регион Новогородка (Новогрудка). Это было обусловлено целым рядом важнейших факторов: географических, политических, экономических, исторических и др. Новогородок, который вошел в состав Великого Княжества Литовского еще на раннем этапе существования государства, был одной из мощнейших его опор. Новогородский замок являлся одной из самых больших и самых моцных крепостей в стране, а принадлежавший ему регион был издавна хорошо освоен в хозяйственном отношении и густо заселен. Бесспорным преимуществом Новогородчины была ее удаленность от границ государства, которая означала, среди прочего, и относительную безопасность от вражеских вторжений. Действительно, по сравнению с другими областями страны Новогородская земля не часто становилась ареной боевых действий. Как результат, этот стабильный, зажиточный регион занимал одно из важнейших мест в политико-географической системе государства. Местная шляхта прекрасно это понимала и уверенно отстаивала свои права, а при случае старалась расширить и укрепить их. Так, в 1440 г. только что вступивший на трон великий князь Казимир Ягеллончик издал для Новогородской земли областной привилей. Это был необычный и неожиданный шаг с его стороны, поскольку ранее Новогородская земля не имела своих особых региональных привилеев. До того момента великие князья литовские жаловали такие привилеи лишь нескольким окраинным землям своего государства. Из белорусских земель это были Полоцкая и Витебская, и они получили свои областные привилеи еще от Витовта.

Ситуация с изданием новогородского привилея действительно выглядит довольно странно, но все-таки поддается объяснению. Прежде всего следует иметь в виду, что Казимир в тот момент остро нуждался в политической под-

[1] Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Мінск, 2003. С. 57–60, 156.

Развалины Новогрудского замка. XIX в.

держке. Очевидно, этим обстоятельством и воспользовались жители Новогородской земли, испросив для себя особый статус и особые, оформленные на письме, права в обмен на политическую поддержку вновь избранного молодого великого князя. Вдобавок к этому новогрудцы вполне могли выдвинуть и еще один, как представляется, вполне резонный аргумент. Полочане и витебляне, которые в региональной иерархии Великого Княжества занимали соседние с ними места, имели свои областные привилеи. Причем тот же Казимир подтвердил их. Так почему же жители Новогородской земли не могли претендовать на равные с ними права? По всей видимости, два указанных обстоятельства и стали главными причинами издания новогородского областного привилея 1440 г., о существовании которого стало известно относительно недавно. Привилей посвящен главным образом обеспечению личных и имущественных прав жителей Новогородской земли. Кроме того, он освободил их от ряда тяжелых повинностей в пользу государства[1]. Отметим также, что Новогородок получил статус центра воеводства практически одновременно с Полоцком и Витебском. Однако, по невыясненным причинам, новогородская автономия не получила дальнейшего развития: местный областной привилей не подтверждался преемниками Казимира. В этом состояло отличие новогородской ситуации от полоцкой и витебской.

Не таким своеобразным и не таким привилегированным было положение земель Центральной Беларуси. Тем не менее на этих территориях можно выделить достаточно крупное и важное Минское наместничество. В XV–XVI вв. минскими наместниками становились представители очень знатных княжеских и магнатских родов, в частности, Друцких и Ильиничей. Но, по всей видимости, особый

[1] *Жемойтис С. Г.* Привилей Новогрудской земле 1440 г. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. СПб., 1997. Вып. 4. С. 221–223.

интерес Минск представлял для князей Жеславских – прямых потомков Гедимина, которые владели расположенным неподалеку небольшим Заславским княжеством. Во всяком случае, представители этого рода становились минскими наместниками чаще других. Значительным городом в масштабах всего Великого Княжества Литовского был и сам Минск. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что он довольно рано (в 1499 г.) получил магдебургское право. Характерно, что в этот же период магдебургское право получили такие крупные города, как Полоцк, Киев, Гродно.

Копыль и Слуцк долгое время были резиденциями знатнейшего княжеского рода Олельковичей – прямых потомков Ольгерда. Представители этого рода неоднократно претендовали на трон Великого Княжества Литовского. Резиденции Олельковичей, очевидно, должны были соответствовать их немалым амбициям.

Брестский регион служил своеобразным мостом, который соединял центральную часть Великого Княжества Литовского, в том числе ее белорусские земли, с Волынью и Королевством Польским. Брест издавна был связан с Волынской землей. Эти связи прослеживаются в разных областях: государственно-исторической, церковной, экономической. Брест долгое время входил в состав Галицко-Волынского княжества. Кроме того, он был вторым по значению городом большой и богатой Владимиро-Берестейской православной епархии. В эпоху Великого Княжества Литовского через Брест проходил путь, которым постоянно пользовались великие князья литовские, они же польские короли, переезжая из одного своего государства в другое. В Бресте нередко собирались соймы Великого Княжества, поскольку сюда удобно было добираться из Польши королю, а также польским вельможам, которые желали обсудить актуальные вопросы с представителями союзного государства – Великого Княжества Литовского. По этой же причине Брест неоднократно становился местом дипломатических встреч представителей двух этих государств. Брестское староство было богатым и приносило его держателям хорошие доходы. Как было отмечено выше, брестские старосты занимали весьма высокое место в иерархии урядников Великого Княжества.

Несколько особняком стояли в государстве полесские земли. Их крупнейшие городские центры Туров и Пинск имели разную историческую судьбу. Столица княжества древнерусской эпохи Туров достаточно рано стал приходить в упадок. В результате уже в начале XVI в. он переходил, по воле великих князей литовских, из рук одного частного владельца в руки другого. Правда, отметим, что среди этих владельцев были очень значительные личности своего времени – например, князья М. Л. Глинский и К. И. Острожский. Однако с течением времени город пришел в упадок. Пинск же, наоборот, успешно развивался и повышал свой административный статус. Так же, как и Туров, Пинск некоторое время был частновладельческим городом и даже центром княжества, однако в конечном итоге великие князья литовские распространили на него свою непосредственную власть. В итоге через какое-то время Пинск стал центром большого повета в составе Брестского воеводства и надолго приобрел статус неофициальной столицы Полесья. Практически весь полесский регион издавна входил в состав

древней Туровской православной епархии. И хотя местные владыки сохраняли титул туровских (с XV в. – туровских и пинских), они, по всей видимости, проводили большую часть времени именно в Пинске. Существование этого крупного религиозно-церковного центра стало одной из главных причин того, что здесь, на юге, очень долгое время сохраняла сильные позиции древняя «руская» традиция.

Во многом схожим было положение на севере и востоке Беларуси. На этих землях «руское» политическое, религиозное и культурное наследие также ощущалось очень сильно. Этому способствовало существование здесь таких крупных городов, как Полоцк и Витебск, которые по несколько столетий были также столицами больших княжеств. Названные города и их княжества во многом сохранили свои прежние традиции и после вхождения в состав Великого Княжества Литовского. В качестве второго фактора следует указать тот факт, что именно северные и восточные земли Беларуси входили в состав древней, обширной и престижной Полоцкой православной епархии. Кроме того, в XV–XVI вв. в этом регионе продолжали свое существование несколько более или менее крупных удельных княжеств: Мстиславское, Друцкое, Лукомское. Их князья играли очень заметную роль в жизни государства, а в Друцке даже сохранилась старая династия.

Почти весь восток Беларуси занимал комплекс Поднепровских или, как их еще называли, «руских» волостей. К числу этих волостей относились, в частности, Кричевская, Пропойская, Могилевская, Чечерская, Бобруйская, Свислочская, Любошанская, Речицкая, Горвальская, Бчицкая, Мозырская, Брагинская. Это были пограничные с Московским государством регионы, и положение населения в них несколько отличалось от ситуации на остальной территории страны. Здесь более крепким было положение сельских и городских общин, социально-экономические и политические новации вводились более осмотрительно и осторожно. Так, многие положения волочной померы, которые предусматривала «Устава на волоки» от 1 апреля 1557 г., на востоке Беларуси так полностью и не были реализованы.

Положение Полоцкой и Витебской земель. В Великом Княжестве Литовском они имели особый административный статус, который можно охарактеризовать как автономию. Вплоть до 80-х или даже 90-х годов XIV в. Полоцкая и Витебская земли представляли собой два крупных княжества, история которых к тому моменту насчитывала уже не одно столетие. После вхождения в состав ВКЛ княжеская власть в Полоцке и Витебске была сохранена, а статус самих этих земель продолжал оставаться очень высоким. Достаточно сказать, что в течение XIV в. Полоцком и Витебском правили родные братья или сыновья великих князей литовских. Один из них, полоцкий князь Андрей Ольгердович, даже начал использовать великокняжеский титул[1]. Великими князьями полоцкими титуловались и его преемники.

[1] *Варонін В. А.* Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радавода: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Полацк, 1996. С. 44–50.

Придя к власти (1392–1430), великий князь литовский Витовт реформировал систему управления государством. Так, в частности, были ликвидированы многие удельные княжества, в первую очередь крупные. Однако, остро нуждаясь на начальном этапе своего правления в поддержке окраинных земель – бывших удельных княжеств, Витовт не стал ломать внутренние порядки, которые формировались здесь в течение столетий. Его действия, направленные на усиление власти над регионами, свелись в первую очередь к замене местных удельных князей великокняжескими наместниками. Тем не менее эти наместники сохранили за собой очень широкие управленческие и судебные полномочия, а за самими регионами был закреплен особый автономный статус. Принципиально важно то, что этот особый статус был законодательно оформлен. Считается, что между 1392 и 1399 гг. Витовт издал для Полоцкой и Витебской земель областные привилеи, в которых оговорил основные принципы и черты их автономного существования в составе своего государства. Все последующие великие князья литовские подтверждали эти важнейшие документы, пополняя их новыми статьями.

Областные привилеи, пожалованные Полоцкой и Витебской землям, рисуют картину их большой самостоятельности в составе Великого Княжества Литовского. Исключительные права властей и жителей этих регионов распространялись на самые разные сферы: систему управления, церковную жизнь, торгово-экономические отношения, права собственности, судебные процедуры, комплекс податей и повинностей и некоторые другие. Но, пожалуй, особенно ярко автономия Полоцкой и Витебской земель показана в статьях, посвященных процедуре назначения местных воевод, а также объеме их судебных полномочий. Так, в полоцком и витебском привилеях мы находим почти дословно совпадающую статью: «Также нам, господару, давати нам воеводу нашого полочаном по их воли, а который будеть воевода наш нелюб, и нам им воеводу нашого дати по их воли (а который им будеть нелюб воевода, а вмовять его перед нами, ино нам воеводу им иного дати по их воли)». В полоцком привилее также говорится о том, что в определенных случаях господарь обязуется не отправлять в Полоцк своего децкого (судебного исполнителя), а должен лишь «писати ... лист свой к воеводе нашому, хотя о смертной вине, ино ему судити по целованью, осудивши его, в Полоцку ж казнити виноватого по их праву, с полочаны по испросу»[1].

Однако факты свидетельствуют о том, что на практике полочане и витебляне далеко не всегда реализовывали эти и другие свои законные права. Так, например, известны случаи, когда местные воеводы не рисковали выносить смертные приговоры, а вместо этого отправляли дела на рассмотрение великому князю и панам-раде. Что же касается выборов воеводы местными жителями, то в этом также существуют определенные сомнения. Во всяком случае, в великокняжеских привилеях полоцким и витебским воеводам нет ни слова об их избрании представителями этих регионов. Правда, известен факт отстранения от должности в 1529 г. витебского воеводы Ивана Богдановича Сапеги –

[1] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 1. С. 655.

по требованию витеблян. Однако из исторических документов также следует, что И. Б. Сапега остро конфликтовал с волевой и мстительной королевой Боной, женой Жигимонта Старого. Очевидно, что именно она инспирировала это дело и в конце концов добилась публичного унижения своего личного врага. Кстати, Бона преследовала И. Б. Сапегу до конца его дней.

Особые права полочан и витеблян позволяли им чувствовать себя настоящими хозяевами в своих землях. С одной стороны, это порождало их сильную привязанность к родному региону. С другой – это имело и оборотную сторону: шляхтичи – уроженцы Полотчины и Витебщины редко стремились проявить себя на общегосударственной службе, предпочитая действовать на местном уровне.

Погоня – государственный герб Великого Княжества Литовского

Элита белорусских земель в сословно-представительной и конфессиональной структуре ВКЛ. Белорусские земли занимали важное место в парламентской системе Великого Княжества Литовского. Шляхта белорусских поветов постоянно принимала участие в вальных (общегосударственных) соймах. Кроме того, на соймы приезжали и мещане крупнейших городов – например, Полоцка. Вальные соймы чаще всего проходили в столице государства – Вильне. Однако они собирались и в других городах, и в первую очередь на территории Беларуси. В середине XV – середине XVI в. вальные соймы проходили, например, в Бресте, Гродно, Минске, Новогородке, Берштах, Трабах, Лебедеве. На некоторых из них были приняты важнейшие государственные решения. Так, сойм 1511 г. известен в истории как «великий сойм берестейский», а на сойме, который прошел в 1544 г. в том же Бресте, великий князь и король Жигимонт Старый передал власть в Великом Княжестве Литовском своему сыну Жигимонту Августу.

Местные соймики также играли существенную роль в жизни страны. Они не только направляли делегатов на вальные соймы, но и занимались решением различных проблем регионального уровня. Кроме всего прочего, они были полномочны издавать законы и распоряжения для своих земель. Такие законы неоднократно упоминаются в источниках, а некоторые из них дошли до нашего времени. К их числу относятся две уставы, которые были приняты витебскими соймиками в 1531 и 1551 гг.[1] В этих документах оговаривались единые для

[1] *Варонін В. А.* Законатворчая дзейнасць віцебскіх абласных з'ездаў у першай палове XVI ст. (на прыкладзе ўстаў аб «пахожых» сялянах 1531 і 1551 гг.) // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях. Мінск, 2008. С. 55–60.

всех землевладельцев Витебского повета условия поселения здесь вновь прибывших крестьян.

Великие князья литовские достаточно часто совершали поездки по белорусским землям – пожалуй, не реже, чем поездки по территории этнической Литвы. Это особенно характерно для западных районов Беларуси. И данная ситуация резко контрастирует с ситуацией на украинских землях, которые господари Великого Княжества Литовского посещали очень редко.

И, наконец, чрезвычайно актуальные для эпохи Позднего Средневековья и Раннего Нового времени вопросы церковной истории. Несмотря на то, что после татаро-монгольского нашествия митрополия Киевская и всея Руси сохранила свое единство, тем не менее ее организация была ослаблена, а сама церковь переживала не лучшие свои времена. Положение усугублялось политической раздробленностью Руси, западные и юго-западные земли которой вошли в состав других государств: Великого Княжества Литовского и Короны Польской.

Будучи язычниками, великие князья литовские, однако, прекрасно понимали то значение, которое имела церковь в жизни их православных подданных. В ту эпоху церковь действительно выполняла в жизни общества и государства ряд важнейших функций. Она была фактически главной идеологической силой, которая имела широкие возможности влиять на настроения верующих. Это осуществлялось в первую очередь посредством церковной организации, к тому времени уже хорошо развитой. Разумеется, государство было крайне заинтересовано в том, чтобы держать эту силу под своим контролем и сотрудничать с ней. Однако великие князья литовские имели очень ограниченные возможности влиять на главу православной церкви – митрополита в том случае, если его резиденция находилась за границами их владений. Поэтому они неоднократно предпринимали попытки создать отдельную митрополию для «руских» земель, входивших в состав их державы. Уже Гедимин добился создания такой митрополии, которая получила название Литовской. В дальнейшем единство митрополии Киевской и всея Руси то восстанавливалось, то снова нарушалось, и тогда вновь возникали две митрополии – Литовская и Московская. Центром Литовской митрополии был Новогородок (Новогрудок). В ее состав входили епархии тех земель, которые находились под властью великих князей литовских – язычников, а позднее – католиков. Кроме того, верховенству «литовского» митрополита подлежали те православные епархии, которые были расположены на территории Польского королевства: Холмская, Перемышльская и Галичская.

Белорусские земли занимали в этой митрополии особое место. Прежде всего очень значительная их часть входила в состав митрополичьей епархии – это были земли на северо-западе, в центре и юго-востоке Беларуси. Митрополичьи дворы, где церковные предстоятели подолгу жили, находились в Новогородке и Минске. Единственными церковными иерархами в ВКЛ, которые носили титул архиепископов, были полоцкие владыки. Этим они отличались от всех других, которые были епископами. Соответственно, полоцкие архиепископы занимали в православной иерархии ВКЛ второе место после митрополитов. Трое полоц-

ких владык второй половины XV – первой половины XVI в. сами становились митрополитами[1].

Таким образом, главной особенностью положения белорусских земель в Великом Княжестве Литовском была их принадлежность одновременно и к Литве (меньшая часть), и к Руси (большая часть) – к двум главнейшим этническим и территориальным частям государства. Соединяя эти части в единое целое, белорусские земли играли исключительно важную роль в жизни Великого Княжества.

4.3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В ВКЛ. СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

Государственный строй и органы управления. Наличие государственных форм организации тех или иных народов в составе полиэтнических государств периода Средневековья выражается в участии данных народов в политической жизни этих государств. Структура этого участия применительно к различным политическим образованиям разная. Более того, она может варьировать в зависимости от периода функционирования данного образования. В отношении к русинам – предкам современных белорусов и украинцев в составе ВКЛ элементами данной структуры являются: принадлежность к группе, обладающей политической властью, к политико-бюрократическому аппарату государства; сохранение социальных и судебно-правовых норм и установлений (политическая элита принудительно навязывает волю, но при этом она может использовать существующие юридические нормы).

До середины XVI в. баланс политических сил между главенствующими этносами ВКЛ находил выражение в сохранении и применении принципа «старины», который признавался как обществом русинов, так и литовским обществом, в том числе и правителем государства – великим князем литовским. Данный принцип, являясь частью коллективного и индивидуального сознания, был одним из главных способов упорядочения представлений о мире, формой осмысления, оценки и моделирования общества. Он признавал единственно возможным, полезным и правильным только тот порядок вещей, который был установлен ранее. Этот порядок был нерушим и не предполагал изменений. В «старине» заключались основания принадлежности к тому или иному сословию, выполнения платежей и повинностей того или иного вида и состава. «Старина» определяла отношение к владению. На ней основывались должностные обязанности, порядок их выполнения и доходы с должностей, деятельность учреждений. «Старина» обуславливала способ властвования и управления великого князя. Для последнего важно было знать, как было при его предшественниках, и действовать так, как действовали они. Как один из главных регулято-

[1] *Варонін В. А.* Полацкія архіепіскапы першай паловы XVI стагоддзя (біяграфічныя матэрыялы) // Silva rerum nova: штудыі ў гонар 70-годдзя Геор. Я. Галенчанкі. Вільня; Мінск, 2009. С. 60–67.

ров поведения «старина» объединяла подданных правителя всех сословий, хотя значимость этого принципа для представителей разных сословий была неодинакова. В любом случае представителям великого князя приходилось считаться со «стариной» подданных. И гарантом этой «старины» был великий князь. Разумеется, что в действительности порядки исподволь изменялись, обновлялись помимо сознания людей. Так или иначе изменения существующего порядка не могли быть радикальными. Великий князь литовский систематически повторял: «Мы старины не рушим, а новины не вводим». И эти слова часто не были оторваны от действительности. Существование данного принципа сохраняло исторически сложившееся социальное, правовое, административное, судебное устройство различных регионов ВКЛ, разнообразие и традиционность политических, социальных, фискальных отношений различных слоев населения и их отдельных групп[1]. Функционирование «старины» объясняет многое не только в отношении власти к подданным в период существования ВКЛ, но также и в процессе образовании этого государства, присоединения к его ядру белорусских и украинских земель.

Организация и устройство почти всех социально-административных уровней белорусского общества была сохранена почти без изменений. Территория Новогородского (Новогрудского), Городенского, Слонимского, Волковыйского и Берестейского поветов делилась на десятки, сорока и сотни, которые находились в ведении соответственно десятников, сорочников и сотников – глав сословных крестьянских властей. В Подвинских и Поднепровских волостях действовали «старцы», первоначально выборные, в обязанности которых входили раскладка и сбор дани, доставка ее в великокняжеские скарб и погреба (ключи), сбор других платежей, осуществление правосудия по отдельным категориям крестьянских тяжб.

О феномене старцев следует сказать особо. В условиях господства «старины» в повседневной жизни было важно точно воссоздавать существующие формы отношений и деятельности. Это обусловливало нормальное функционирование общества. В критических ситуациях, например, во время конфликта, это функционирование зависело от эффективности действия памяти. Чем старше был человек, тем более старые времена он помнил, а следовательно, тем большим объемом информации он обладал и тем более значимой была эта информация. Отсюда то большое значение, которое придавалось людям преклонного возраста, старожилам – старцам. Из числа этих старожилов – знатоков старых порядков, носителей коллективной памяти и избирались старцы, возглавлявшие местные крестьянские общины[2].

Но еще более отчетливо степень сохранения старого устройства показательна на среднем уровне организации общества в Полоцкой и Витебской землях. Эти земли почти без изменений сохранили свои границы (Браславская волость, ранее входившая в состав Полоцкой земли, была присоединена к Виленскому

[1] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015. С. 46–72.

[2] Там же. С. 63–68.

воеводству). В них сохранялось (даже после введения общего законодательства) местное право (которое регламентировало вопросы, отсутствующие в общем законодательстве), суд и администрация. Эти земли не утратили определенной самостоятельности, заключая торговые договоры не только между собой, но даже с иностранными городами (Рига).

Старые должности, доставшиеся от древней Руси: тиунство, городничее, конюшее, ключничество, ловчее, сокольничее, бобровничее и другие сохранялись в структуре суда и управления Городенского, Новогородского и Волковыйского поветов. В Берестейском повете эти должности назывались на старый лад – «волостки»[1].

Коронация монарха.
Краков, миниатюра 1510 г.

На первый взгляд, существенные перемены произошли в верхнем ярусе управления обществом. На смену прежним «руским» князьям пришли новые – литовские. Но фактически они просто заменили прежних князей.

В условиях сохранения старых порядков ВКЛ в XIV в. представляло собой, по меткому выражению М. К. Любавского, конгломерат земель и владений, объединенных одной верховной властью великого князя, симбиоз политических организаций[2].

Упадок «старины», который стал особенно ощутим в 30–40-х годах XVI в., послужил условием для развертывания «шляхетского движения», привнесшего с собой новые формы управления и суда в интересах данного сословия.

Конституирование форм и методов осуществления властных функций великих князей литовских происходило по следующим направлениям: от власти над людьми – к территориальной власти; от опоры представителей правящего рода на людей, с которыми их объединяли межличностные отношения союза, дружбы, верности, родства, свойства, – к служебным отношениям; от личного участия в осуществлении власти – к делегированию этой власти в центре и на местах; от поручений – к системе институтов.

[1] Основополагающая работа об устройстве земель ВКЛ: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута.

[2] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / подг. к печати и вступ. ст. Д. В. Карев. Минск, 2012. С. 145–146.

Изменялась и материальная основа великокняжеской власти. Впрочем, нельзя говорить о полной «чистоте» этих форм и методов, полной смене одних форм и методов другими. Можно вести речь о различных вариациях, преобладании тех или иных форм и методов в тот или иной период развития государственности. Даже в период существования довольно прочных государственных структур новые должности, как можно полагать, могли создаваться «под личность» назначаемых на эти должности людей. Если же эта должность сохранялась в дальнейшем, то только в силу традиции. Возможно, именно таким образом были созданы должности полоцкого и витебского воевод, которые заменили должности полоцкого и витебского наместников-державцев соответственно.

В зависимости от форм и методов реализации власти с учетом указанных изменений можно выделить два главных периода в развитии великокняжеской власти: первый – от Миндовга (1246–1263) до Ольгерда (1345–1377), второй – от Витовта (1392–1430) до Жигимонта Старого (1506–1548) и начала правления его сына Жигимонта Августа (1548–1572).

В начальный период устойчивость и стабильность положения правителей зависела от состава и круга знати, связанной с этими правителями личными связями. *Это были в первую очередь властители людей, а не территорий* (характерно, например, что Гедимин регулярно величался «королем литовцев и русинов», а не «королем Литвы и Руси»)[1]. Главным источником материального обеспечения господствующей группы поначалу служили военная добыча и контрибуция, дань с подвластной территории, судебная деятельность. Эту группу также интересовали торговые центры. По этой причине Белорусское Подвинье всегда являлось привлекательным для литовцев регионом. Именно регулирование торговых отношений стало одним из первых основных направлений деятельности литовских князей.

Подвижные и мобильные, эти князья часто меняли свои положение и статус, поступая на службу к крупным восточнославянским городским сообществам или к другим князьям. Подвижность и мобильность проявлялись и в другом. Указанные князья правили, совершая объезды подвластной территории. Посредством подобных перемещений они не только выполняли судебные функции и получали сборы. Эти перемещения являлись формой коммуникации с обществом, которая снимала социальное напряжение, создавая ощущение общественного и политического единства, поддерживая авторитет политической элиты. Регулярно совершая подобные объезды, эти князья мало нуждались в наличии своих представителей на местах.

Со времен великого князя Витовта благодаря обращению к активной эксплуатации внутренних ресурсов значительно возросли могущество, статус и авторитет правителя. Размеры и пределы великокняжеской власти выразились в приобретении ею права жаловать крестьян с их землями в личное подданство костелу, церкви, князьям, панам и боярам.

[1] О титулах литовских правителей: *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń // Kwartalnik Historyczny. 1930. R. 44, t. 1. Z. 1; *Роўэл С. К.* Уздым Літвы: Паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295–1345. Мінск, 2015. С. 98–102.

1434 г. августа 24. Троки. – Привилей великого князя Жигимонта Кейстутовича пану Петрашке Монтигирдовичу на именья Ивье, Гавья и другие, людей в с. Липнишки. Главный архив древних актов в Варшаве. Собрание пергаментных документов. Д. 7297

Источником материального обеспечения власти монарха стала сеть центров великокняжеского хозяйствования: дворов и дворцов. Сохранилась информация об учреждении Витовтом одного из таких дворов на территории Беларуси. Согласно ей, когда Витовт приехал на то место, где впоследствии возник двор Жеславка, там проживали господарские люди Городенского повета Олексичи. Великий князь облюбовал это место, нашел его подходящим для постройки там двора, переселил Олексичей в другое место, где они в дальнейшем и проживали, а на их селищах поставил себе двор. Как можно понимать, при учреждении дворов и дворцов учитывалось их местоположение с точки зрения удобства ведения хозяйства.

При Витовте были приняты меры по реорганизации системы вознаграждения военно-служилого класса. В объект пожалования за службу – выслуги превратилась земля с крестьянами. Новая система вознаграждения подняла авторитет власти, благодаря ей служба монарху стала более доходной и престижной. Кстати, именно на территории Беларуси появились первые земельные пожалования, сделанные монархом в пользу светских лиц, – с. Дубровня (совр. Лидский р-н) и с. Гераноины (совр. д. Геранены Ивьевского р-на).

Необходимость упорядочения системы внутреннего управления, появление новых направлений деятельности привела к институционализации власти и администрирования. По польскому и немецкому образцам были учреждены придворные должности, должности по центральному и местному управлению. В конце XIV – начале XV в. – должности великого и дворного маршалков, дворного конюшего, дворного чашника, хоружего Литовской земли, наивысшего коморника и пр.[1] Поначалу эти должности являлись в значительной степени

[1] *Пятраўскас Р.* Фармаванне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV – пачатак XV ст.) // ARCHE. Пачатак. 2009. № 9. С. 43–50.

средством репрезентации великокняжеской власти и не всегда имели четко очерченных функций.

Прекращение частых объездов подвластной территории обусловило появление на местах представителей великого князя: наместников, старост и воевод. Должности по территориальному управлению, впрочем, как и другие, первоначально рассматривались в качестве вознаграждения за службу, средства стимулирования к дальнейшей службе, как пожалование. Пожалование являлось для получателя скорее источником дохода, а не ответственным постом. В одном регионе могли одновременно находиться два наместника. Например, известен случай, когда пост слонимского наместника занимали одновременно братья Копач и Менторт (первая половина XV в.)[1].

Литовский историк Р. Петраускас высказал мнение, согласно которому до появления прочных государственных структур региональная власть в Литве основывалась на иерархии местных литовских родов, связанных между собой родственными, союзническими и другими отношениями. Когда великий князь стал создавать административную систему власти, то вначале она опиралась на традиционные социально-политические отношения[2]. С этим мнением следует согласиться.

Первые значимые успехи институционализации власти и управления проявили себя в период правления Витовта и Казимира. При них возникли *канцелярия и скарб ВКЛ*. Дальнейшие успехи этой институционализации – при Казимире, Александре и Жигимонте Старом – выразились в смене личных отношений правителя и должностного лица служебными отношениями (это проявилось, например, в том, что при смене правителя не происходило замены должностного лица), превращении должности-пожалования в должность, занимаемую специалистом в выполнении определенного вида работ.

Наиболее высокими, значимыми, достойными являлись, за некоторым исключением, должности отнюдь не по центральному, а региональному управлению. Лица, которые занимали эти должности, заменили прежних владетельных князей, великого князя, объезжавшего эти регионы.

Назначение на должность рассматривалось как наделение кандидата на эту должность «ласкою и щедробачностью» правителя. Это было вознаграждение за заслуги предков, отца и самого этого кандидата по отношению к господарю и его предкам. При назначении на должность брались в расчет усердная и жертвенная служба указанного кандидата в борьбе с неприятелями господаря и его панства, его «працы и наклады» на эту службу. Если на новую должность назначался представитель панов-рады, учитывались его «мудрость, острость розуму ку подаванью рад», а также и то, что его ценные советы великому князю были всегда полезны для господаря и общества.

Местная власть создавалась по образцу власти великого князя. По выражению источника, наместники великого князя сидели «на господарском местце».

[1] Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie: [7 t.]. Lwów, 1887–1910. T. 3: 1432–1534 / wyd. B. Gorczak. 1890. № 23. S. 17. [1478].

[2] *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст. Склад – структура – улада. С. 165.

1409 г. августа 26. Полоцк. – Послание полоцкого наместника князя Ивана Семеновича и «мужей» полочан ливонскому магистру и ратманам г. Рига с сообщением о достижении договоренности в результате переговоров Ивана и ратмана г. Рига Федора о возобновлении свободной торговли. Латвийский государственный исторический архив. Ф. 8. Оп. 3. Д. "С". Л. 9

Эти наместники были маленькими господарями в подведомственных им округах и на месте занимались тем, чем в центре занимался великий князь. Они являлись руководителями не только административной, но также судебной и военной власти.

Главными представителями местной власти являлись *воеводы.* Воевода был верховным судьей в воеводстве. Он отвечал за сбор дани и выполнение других повинностей населения в пользу главного замка воеводства. Как военачальникам им подчинялись городенский и берестейский старосты, Кобринское, Пинское, Городецкое, Клецкое княжества (трокскому воеводе), Слуцкое и Мстиславское княжества (виленскому воеводе).

С самого начала существования ВКЛ в политической жизни страны ощущается доминирование Литовской земли. Великие князья окружали себя в основном литовской знатью. Ключевое положение в государстве занимали представители небольшой группы литовских родов[1]. Они являлись советниками великого князя, его ближайшими сотрудниками и помощниками в формировании и реализации монарших решений. Близость этой знати к великому князю превращала их в правящий слой. Именно из числа чаще всего литовской знати правители избирали себе наместников для управления белорусскими землями. Так, в Полоцке с 1393 по 1532 г. из 24 наместников литовцами по происхождению были 15 (не учтен один обрусевший Гедиминович). Это соотношение чисел для других регионов следующие: для Новогородка в период с 1430 по 1530 г. – 19:15 (не учтен один наместник из обрусевшего литовского княжеского рода), для Городно с 1422 (1423) по 1504 г. – 9:9 (не учтен один обрусевший Гедиминович).

В регионах данные наместники представляли интересы великого князя. Однако указанные интересы не были выражением авторитаризма и деспотизма верховной власти. Некоторые регионы Беларуси обладали особым положением,

[1] *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 80–84.

пользовались особым статусом, причем на «международном уровне». Они имели свою «честь» и «славу». К числу таковых регионов относилась Полоцкая земля. Полоцкие наместники из числа литовцев приобщались к этой чести и славе. Следует уточнить, кому принадлежало высказывание, часто цитируемое в исторической литературе: «А Полтескъ теж есть, хвалячи Бога место словутное, как и которое, а не есть нижшое во чести и во всем ни Вилни, а ни Мариборка, а ни Кданьска»[1]. Автор этого высказывания – полоцкий наместник литовец Олехно Судимонтович, а не полочанин. Возможно, какое-то особое положение было у Новогородка, в XVI в. купавшемся в легендарной славе бывшей столицы ВКЛ.

Представители литовской знати, будучи наместниками в этих регионах, считались с «честью» и «славой» местных сообществ, которые этими понятиями выражали свое самосознание. Эти наместники руководили, защищая интересы не только монарха, но и подданных. Наиболее отчетливо это видно из сообщения Полоцка с внешним миром, в частности, с Ригой. Указанные наместники в случае нарушения рижанами прав полочан тотчас требовали восстановления нарушенных прав. Добавим, что, в свою очередь, литовские власти в Полоцке и центре пользовались широкой легитимностью. В середине XV в. в результате одного из конфликтов, возникшего между полочанами и рижанами, полочане, не имея возможности самостоятельно уладить этот конфликт, заявили рижанам: «...оужь пошлем до милостиваго короля. Есть оу нас осподарь, кому нас оборонити»[2] (речь идет о великом князе Казимире). Как видно из приведенного примера, эта легитимность основывалась не на страхе и безразличии, а на способности политической власти оказывать воздействие на соседние государства в интересах своих подданных.

О Полоцке, а также Витебске в системе такой политической организации, как ВКЛ, следует сказать особо. Когда мы говорим об участии русинов в осуществлении властных и судебно-административных функций, то в первую очередь имеем в виду это участие на общегосударственном уровне. Но пример этих городов заставляет задуматься о таком же участии на региональном уровне. Полоцк и Витебск сохраняли собственные социальные, правовые и административные институты и установления.

Элита Полоцкой и Витебской земель из числа бояр и мещан принимала участие в отправлении правосудия и управлении этими землями. Обычай данных земель требовал, чтобы полоцкие и витебские наместники чинили суды совместно с полоцкими и витебскими боярами и мещанами соответственно. В Витебской земле функционировал собственный – «земский» административный аппарат (к названиям местных должностей могло прилагаться определение «земский»: земский конюший, земский ключник). По обычаю он замещался уроженцами Витебской земли. В Полоцке действовал региональный сойм, определявший и раскладывавший субсидии в пользу великого князя на военные нужды, издавал законы. Полочане и витебляне в ВКЛ выступали как отдельные юридиче-

[1] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 1. № 163. С. 275 [1464–1465].
[2] Там же. № 128. С. 234 [1447–1459, около 1449–1451].

ские субъекты. В 1338 г. не только верховный литовский правитель Гедимин с боярами, полоцкий князь Глеб Наримонт и витебский князь Ольгерд, полоцкий епископ, но и сами города – Полоцк и Витебск, точнее их представители, участвовали в процедуре утверждения договора с ливонским магистром[1]. Вот как полочане называли свое сообщество в XV в.: «полочане», «мужи полочане», «вси мужи полочане», «полочане, вси добрыи люди и малыи», «вси мужи полочане от мала до велика», «бояре полоцкие, местичи и вси мужи полочане все посполъство», «вси бояре и вси мужи полочане», «бояре полоцкие и все посполъство», «бояре полоцкие и мещане, и все посполъство Полоцкого места», «бояре полоцкие и мещане, и все посполъство земли Полоцкое». Эти выражения отражали представления полочан о себе как «глубоком, горизонтальном товариществе». При их помощи полочане конструировали свое «воображаемое сообщество» и коллективную идентичность, позиционировали и репрезентовали себя как исключительный, «политический народ». Эти представления и идентичность делала данное сообщество солидарным и сплоченным, способным к воздействию на внешний мир. Указанная способность имела идеологическое обоснование. И Полоцк, и Витебск обладали небесными покровителями: у Полоцка это была св. София, у Витебска – св. Спас. Если судить по переписке полочан и представителей великокняжеских властей в Полоцке с рижанами в XV – начале XVI в., полочане отличались развитым чувством собственного достоинства, уверенностью, решительностью, даже некоторой заносчивостью в делах, касавшихся их прав, – чертами, присущими для обществ, прочно сохраняющих свою идентичность. Основу этой идентичности составляли кроме всего остального осознание своей богоспасаемости и глубокая историческая память[2].

В зависимости от характера государственных задач отдельные регионы Беларуси были дифференцированы. Западная часть Беларуси служила хозяйственной опорой государства. Здесь концентрировались многочисленные дворы и дворцы великого князя, земельные владения шляхты. Северная, северо-восточная и восточная часть Беларуси составляли так называемую украину, стратегическую зону, оборонительный пояс, защищавший пределы и внутренние территории государства от восточного соседа – московского государя. От «украины» в значительной степени зависела безопасность и, следовательно, нормальное функционирование всего государства. Отношение центральной власти к «украинным» регионам всегда было особым: господарь требовал от местных властей с пониманием относиться к проблемам населения этих земель, жаловал мещан и крестьян специальными «уставными» грамотами, которые строго регламентировали финансовые и повинностные отношения между местными властями и населением. Здесь дольше сохранялась «старина», здесь формирова-

[1] *Макараў М.* Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. С. 45.

[2] В первой четверти XVI в. полочане помнили, что г. Рига был построен на территории Полоцкой земли: *Шаланда А.* Да пытання ідэалагічнага абгрунтавання правоў ВКЛ на Інфлянты ў XVI ст. // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: Права. Вайна. Дыпламатыя: зб. навук. прац / пад. рэд. С. Ф. Сокала, А. М. Янушкевіча. Мінск, 2012. С. 314–315.

лась особая категория населения с ярко выраженными качествами самостоятельности и предприимчивости. К этим регионам относились также Полоцкая и Витебская земли.

Выше были приведены данные о соотношении общего числа полоцких наместников и литовцев из их числа в период с 1393 по 1532 г. – 24:15. Это соотношение было не в пользу русинов. Однако следует признать, что русинское представительство здесь было все же довольно велико. Надо полагать, что центральная власть при назначении наместника в Полоцк считалась с мнением полочан. То же самое можно сказать и о Витебске. Здесь в период с 1392 по 1508 г. соотношение общего числа наместников и русинов из их числа составляло 12:6 (без учета двух обрусевших Гедиминовичей). Если на должность полоцкого наместника назначались не русины, то это были выдающиеся, зарекомендовавшие себя на государственном поприще литовцы, обычно являвшиеся уже в то время влиятельными деятелями, среди которых Петр Монтигирдович (1459), а также Олехно Судимонтович (1463–1477). Все это говорит о том, что Полоцкая и Витебская земли сохраняли большой, хотя и не реализованный, потенциал к государственной жизни.

Появление и функционирование институциональных механизмов осуществления власти и управления привели к изменениям в этническом и конфессиональном составе лиц, задействованных в работе государственных структур. В этот состав вошли русины православной веры. Своему выдвижению они были обязаны не сколько знатностью, сколько своим способностям как специалисты-управленцы. Это были «новые люди» в составе политической элиты. Благодаря этим способностям началось, например, выдвижение рода Сапег. Православный Семен Сапега служил в канцелярии великого князя Казимира. Его два сына Богдан и Иван уже служили наместниками. Среди этих двух наибольших высот достиг Иван, которому великий князь не только доверял ответственные дипломатические миссии, но и назначил его в начале витебским (1511 г.), а затем подляшским воеводой (1513 г.), введя его, таким образом, в круг своего ближайшего окружения. Должности вначале витебского (1520 г.), а затем подляшского воеводы (1529 г.) занимал племянник И. С. Сапеги – Иван Богданович Сапега. Русины показали себя достойными финансовыми руководителями. На должности земского и дворного подскарбиев назначались представители русинских родов Солтанов и Хребтовичей. Примеры этих родов показывают, что русины пополнили ряды «высшей» бюрократии ВКЛ.

Усиление власти правителя изменило соотношение сил, увеличило дистанцию между правителем и подданными. Великий князь стал «господарем» – владельцем и распорядителем скарба государства, главным военачальником, судьей, творцом и толкователем права. Он превратился в «зверъхнего» пана, «подъ жадное право не подданнымъ»[1], т. е. не подлежащим суду (кроме Божьего). ВКЛ являлось не государством в современном смысле этого слова, а «отчиной» – наследственным владением великого князя. Господарь не просто правил, а «пановал», его страна – «паньство», «паньствы». Он не просто раздавал имения, долж-

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 177 (1551).

ности, различные льготы и пр., а «жаловал» и «даровал» и делал это из «ласки» или «особливой ласки». Подданные к нему не просто обращались, а «били челом». Власть правителя (не его персона) была сакрализирована. В религиозном сознании средневекового общества правитель был поставлен наместником и посредником Бога – его милостью, чью волю на земле он и вершил. Великий князь являлся своеобразным воплощением общества ВКЛ.

Главной категорией государственности и принципом социальной жизни в ВКЛ была служба подданных монарху. Служили все – от крестьянина до родственников монарха – Гедиминовичей. Все они являлись «слугами» господаря. Не служить господарю или тому человеку, который служил монарху, было равнозначно находиться вне общества. Идеальными считались «не спретивъныи» и верные подданные[1].

И все же отношения господаря и подданных основывались на идее о взаимном характере обязательств. Объектом его заботы были не только «отчызна», т. е. государство, о котором он «мыслилъ» и «радилъ» «с почътивымъ, добрымъ и пожыточнымъ того панства», но также и подданные, которых ему надлежало от неприятелей «во-въ покою и въ обороне заховать и зоставить» для их «доброго а спокойного мешканья»[2]. Его обязанностью было совершение правосудия. Вообще «оборона» и правосудие рассматривались как своего рода повинность[3]. По отношению к подданным он руководствовался христианскими принципами: «милостью», «добротью», «шчодробливостью», так как «завъжды звыкъ стеречы и боронити, яко то панъ справедливый хрестіяньскій, абы ся николи жадная речъ ку шкоде речы посполитой у паньствахъ его милости не становила»[4]. Как христианский господарь он благоволил сохранять своих подданных в «вольностях»[5] – христианских вольностях, «примножать» их, мотивируя их таким образом к более усердной службе. Декларировался жертвенный характер заботы монарха о подданных. При исполнении обязанностей, за которые он нес ответственность перед Богом, господарь не должен был «литовать працы» и здоровья[6].

Таким образом, в политической культуре ВКЛ представления о власти основывалось на христианских идеях и выражались в религиозных, социальных и моральных категориях. Взаимное выполнение обязанностей господаря и подданных имело целью достижение общего блага, которое в идеологии того времени мыслилось как защита государства от внешних врагов и сохранение внутреннего правопорядка. Другой вопрос, как распределялись социальные роли правителя и подданных, в частности шляхты, для достижения данной цели.

Выше говорилось о таком мощном средстве поощрения, вознаграждения и обогащения военно-служилого класса, как великокняжеские пожалования.

---

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 106 (1544).

[2] Там же. Стб. 105, 107–108 (1544).

[3] *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России: в 2 ч. Томск, 1903–1914. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Вып. 2 (1492–1569). Томск, 1912. С. 117; РИБ. Т. 30. Стб. 111 (1544).

[4] РИБ. Т. 30. Стб. 170 (1551).

[5] Там же. Стб. 134–135 (1547).

[6] Там же. Стб. 106 (1544).

Однако если поначалу результаты этих пожалований повысили власть и авторитет великого князя как сюзерена и «христианского господаря», то в дальнейшем они послужили главным фактором ее ограничения: в начале органом магнатерии – *панами-радой*[1], затем органом среднего и даже мелкого боярства-шляхты – *соймом*[2].

Правитель нуждался в советниках, сотрудниках, помощниках, а в дальнейшем – когда великий князь литовский стал избираться на польский трон и подолгу проводить время в Польше – и заместителях. По мере развития институциональных форм властвования и управления *рада великого князя* превратилась из личного в фактически должностной институт. Юридическое закрепление паны-рада как орган власти получила в конце XV в. В 1492 г. великий князь Александр дал панам-раде ряд обязательств, относящихся к области ведения внешней политики и принятия решений по вопросом внутреннего управления государством. В частности, он обязывался вести дипломатические сношения с другими государствами по совету с панами-радой; все решения, какие будут приняты совместно с панами-радой, не изменять, не исправлять и не отменять; не настаивать на том, что не будет одобрено панами-радой, но то, что они посоветуют, выполнять; не лишать должностей и держаний без совета с панами-радой – вина должна быть установлена в судебном порядке при участии пановрады; на должности державцев и тиунов назначать по представлению воевод; раздавать должности и держания в замках и городах в результате обсуждения с панами-радой по заслугам и достоинству; все доходы, приходящие в скарб, расходовать на земские нужды по совету панов-рады[3].

При решении основных вопросов управления, суда и законодательства ограничения великокняжеской власти имели реальную силу. В понимании пановрады господарь – это «пан-голова», а паны-рада – его «слуги, рады и члонки». И сам господарь признавал правильность такого понимания. Великий князь и паны-рада совместно управляли государством, осуществляли суд, издавали законы. Господарь, обращаясь к панам-раде, подчеркивал: «...мы безъ порады вашой милости ничого въ земскомъ деле не справуемъ»[4]. Поскольку великие князья литовские с середины XV в. являлись почти всегда одновременно и польскими королями, в свое отсутствие они часто делегировали панам-раде всю

[1] Основные работы о панах-раде: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства; *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902; *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России. Ч. 2; *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. Kraków, 1998.

[2] Основные работы о соймах: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства; *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Среди последних работ о соймах также: *Рахуба А.* Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. Мінск, 2008. С. 11–46; *Korczak L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków, 2008. S. 31–43.

[3] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2, вып. 1: Западная Русь и Литовско-русское государство. С. 162–163.

[4] *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского. Ч. 2. С. 84.

свою верховную власть, поручая им «справовати, и радити немней такъ, какъ самъ господаръ»[1].

Самое высокое место во властной структуре ВКЛ (если исключить духовные чины католических епископов и некоторых князей Гедиминовичей) было определено *воеводам и двум панам (каштелянам).* Иерархия этих руководителей и некоторых иных панов-рады была таковой: виленский воевода, виленский пан, трокский воевода, трокский пан, жемойтский староста, земский маршалок, киевский воевода, луцкий староста, смоленский (до 1508 г. – намесник), полоцкий (до 1505 г. – наместник) воевода, городенский староста, новгородский (до 1507 г. – наместник), витебский (до 1511 г. – наместник), подляшский (должность образована в 1513 г.) воеводы, берестейский староста, *наивысший и польный гетманы, дворный маршалок, маршалки, земский и дворный подскарбии*. С 1458/1459 г. стали совмещаться должности виленского воеводы и *канцлера*. Это совмещение было способом, в частности, усиления должности канцлера – еще не престижной, но уже набиравшей силу в связи со все увеличивающимся спросом на различные виды и формы письменной документации, ростом авторитета этой документации как средства регулирования правовых отношений. В иерархии панов-рады главы белорусских регионов занимали четвертое место, но они имели одно из самых широких представительств. В число панов-рады (по должностному принципу) входили русины, роды которых были тесно связаны с белорусскими регионами (Сапеги, Солтаны, Хребтовичи). *Таким образом, русины входили в структуры высшей власти.*

Развитие *сойма* («сейма») в ВКЛ происходило по той же схеме, что и развитие аналогичных органов в странах Западной Европы. Дефицит монаршей казны вынуждал правителя обращаться за «помощью» и «субсидиями» к рыцарству и горожанам. Зависимость монарха от последних заставляла его идти на политические уступки, что привело в итоге к возникновению нового законодательного органа – сойма.

Истоки становления сойма восходят к самому раннему периоду существования ВКЛ. Но его правовое оформление началось лишь в начале XV в. Уже среди первых участников сойма мы встречаем уроженцев не только Литвы, но и Руси. Сойм в узком значении этого слова – расширенное заседание панов-рады с участием низших чинов администрации, «значнейшей» шляхты, «старших» представителей знати отдельных земель. Они формировали круг лиц, «до сойма належачих». На сойм съезжалась и рядовая шляхта. Сойм с участием этой шляхты – это «вальный» сойм или даже «великий вальный» сойм. О представительстве этого сойма источники говорят так: «вси земли, подданые», «княжата и панята, рыцерство Великого князьства», «земля, то ест рыцерство Великого князьства», «все рыцерство Великого князьства» и т. д. Сойм решал вопросы, связанные с избранием великого князя, заключением уний с Польшей и отношениями с ней и другими странами, войны и мира, внешней безопасности и обороны и др. Свое участие в сойме шляхта рассматривала как реализацию

[1] *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого Княжества Литовского. Томск, 1901. Кн. 35. С. 167.

Сойм 1505 г. Гравюра

христианских прав, которыми она была одарена великим князем за ее заслуги перед правителем и его предками.

В развитии сойма можно выделить два периода. До 1530-х гг. участие шляхты в соймах было в основном пассивным. Она чаще всего послушно принимала предложения великого князя и панов-рады. Ситуация изменилась начиная с 40-х годов XVI в. С этого времени сойм стал приобретать черты действующего законодательного органа. Все чаще чувствовалось неэффективность шляхетского ополчения как основы вооруженных сил государства. Стремление укрепить эти силы за счет наемных войск ставило на повестку дня проблему оплаты его деятельности. Посредством соймов господарь стал регулярно обращаться за финансовой помощью к шляхте. Из-за бремени податного обложения шляхта обратила внимание на другие вопросы, прямо или косвенно связанные с внешней обороной. Осознание своей все большей значимости в решении ответственных задач повысило самооценку этого сословия, активизировав его инициативу. Шляхта стала просить принятия мер, касающихся ее материальных и правовых интересов (участие в установлении размеров военной службы, расширение состава исполнителей военной службы за счет других сословий, реформа судоустройства, внесение поправок в Статут и его издание печатным способом и др.), ее привлечения к управлению (контроль за сбором и расходованием серебщизны). В этих просьбах шляхта даже посягнула на исключительные права великого князя и панов-рады (выпуск монеты, восполнение состава панов-рады и др.). На сойме 1547 г. шляхта озвучила просьбу, которую можно назвать программным политическим положением: «абы его кролевъская милость не рачылъ васъ въ таковыхъ *справахъ и потребахъ, которыи всей земли долегають, впослеживати*»[1].

В 40-х годах XVI в. наблюдается «колебание» формул актовых источников, определяющих роль шляхты в деятельности сойма. В 1540 г. серебщина была

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 141 (1547).

не только «призволена», но и «*установлена*» господарем, панами-радой и всеми землями. Военная устава 1544 г. была «уфалена» и «*постановлена*» также с участием всей земли. Если формулы 1540 и 1544 гг. и отражали реальное положение вещей, то лишь отчасти. На Виленском сойме 1551 г. шляхта добилась важной победы в реализации своего программного положения. Формально она получила право устанавливать размеры военной службы и серебщину. На этом сойме, если судить по формулам источников, постановление о размерах военной службы было принято шляхтой: «За чымъ же вси земли, княжата, панята, шляхта и все рыцеръство Великого Князства ку той обороне своей и земъской таковое *постановенье до часу учынили...*»[1]. Господарь только подтвердил принятое постановление. На данном сойме серебщину установила также шляхта: «Надъ то тежъ ешче вси станове Великого Князства, княжата, панята, шляхта и все рыцерство, милуючы его кролевъскую милость, пана своего прирожоного дедизного, и речъ посполитую того то паньства его милости, Великого Князства Литовъского, *поступили,* для обороны тежъ земъское и для покою посполитого всее земли... платъ посполитый земъскій серебъшчызъну...»[2].

Первоначально каждый шляхтич имел право принять участие в работе сойма. Во втором десятилетии XVI в. было введено соймовое представительство. Великий князь в 1511 г., созвав на 1 января 1512 г. очередной сойм в Вильне, распорядился, чтобы на нем присутствовали депутаты от шляхты. Этих депутатов должна была избрать шляхта повета и, передав им «супольную моц», направить на сойм. Наряду со шляхтой на сойм вменялось прибыть и державцам. Это распоряжение касалось не всех, а только внутренних поветов ВКЛ. С пограничных же поветов на сойм приглашались только избранные шляхтичи – без державцев, которые оставались в поветах. В 1534 г. господарь приказал явиться на планируемый сойм в Вильне «всим княжатамъ и панятамъ, рыцерству и всимъ землямъ подданымъ». Избрать последних – 2 человек от повета – должен был хоружий, которому предписывалось также явиться на сойм. В Полоцком воеводстве делегатов следовало избрать воеводе, но сам он должен был находиться при замке[3]. В 1538 г. депутатов должны были избирать воеводы, старосты и державцы. Несмотря на введение представительства, шляхте не запрещалось посещать соймы лично.

Право и суд. Период до издания первого Статута в 1529 г. – время господства обычного права. Ссылки на обычай – законы и установления, неоформленные письменным образом, изобилуют в источниках, относящихся к этому периоду. По обычаю велось следствие, доказывалась вина нарушителя, оправдывался невиновный, выносился судебный приговор, наказывался нарушитель. Данный обычай был частью «старины» и имел религиозное происхождение. Это происхождение наиболее четко выразилось в характере ряда правовых институтов. На протяжении длительного времени на территории ВКЛ по наиболее

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 212 (1551).

[2] Там же. Стб. 212–213 (1551).

[3] *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. С. 86 и др.

Земский суд. 1594 г.

ответственным делам следствие велось с применением так называемых Божьих судов. В XIII в. сохраняли силу ордалии – известные по источникам как «поле» (судебный поединок) и «горячее железо» (испытание горячим железом). Многие судебные дела решались с использованием религиозной присяги и свидетельства Божьей правды. Одни из последних известных случаев, когда прибегали к Божьей правде, относятся ко второй половине XV в.[1] Религиозная присяга как судебный довод была узаконена Статутом 1529 г. Лишь постепенно следствие приобретает секуляризированный и рациональный характер и начинает основываться на учете объективных, в частности, письменных доказательств. Эта секуляризация была отражением секуляризации права вообще. Нельзя недооценивать значение обычного права. Оно имело такую же силу, какой позже стал обладать писанный закон. С обычаем считались, им руководствовались судьи, в том числе и великий князь. Руководство этим обычаем рассматривалось как главный признак соблюдения прав подданных.

В каждом регионе и микрорегионе существовал свой обычай. Источники сообщают о функционировании на территории ВКЛ *«руского» права* в его региональных вариантах: «право Киевской земли», «право Волынской земли» и др. Важно выяснить, что оно из себя представляло. К «рускому» праву, очевидно, следует отнести норму, согласно которой украденная вещь («лицо», «поличное») возвращалась истцу (согласно же «литовскому» праву «лицо» оставалось у судьи, а истец получал стоимость украденного – «истину»)[2]. М. Д. Макаров пишет о существовании полоцкого и витебского права[3]. В юридическом поле «руского» права действовали, например, копные суды, сохранявшиеся еще в XVIII в., но которые со второй половины XVI в. имели исключительно сословный – крестьянский – характер[4].

Отношения внутри духовенства, между церковью и костелом, с одной стороны, и мирянами – с другой по ряду вопросов регулировались духовным правом. В ведении этого права находились некоторые виды отношений внутри светской части общества, например, развод между супругами, законность рождения

[1] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского. С. 37–39.

[2] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исслед. 1988–1989 годы. М., 1991. С. 307–311.

[3] *Макараў М.* Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. С. 55–56.

[4] *Голубеў В. Ф.* Грамада ў сельскім судаводстве ў Беларусі XVI–XVIII стст. // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: Права. Вайна. Дыпламатыя. С. 152–159.

детей и др. Эти дела относились к числу ответственных, поскольку от их результатов зависело право на владение имуществом. Некоторые из таких дел рассматривались митрополитом Киевским и всея Руси и подтверждались константинопольским патриархом. Впрочем, нам мало что известно о деятельности духовных судов.

Из-за отсутствия специальных исследований нельзя что-либо уверенно утверждать об использовании в «руских» землях ВКЛ норм «Русской правды». То же самое можно сказать о «Кормчей книге» («Номоканоне»). Создается впечатление, что последний памятник выполнял больше духовную, идеологическую, символическую и нравоучительную функции[1]. Впрочем, сохранилось уникальное свидетельство практического применения – в 1538 г. в Витебске – византийского законодательства, правда, приспособленного к новым условиям[2].

С конца XIV в. начинает активно проявлять себя такой субъект правотворчества, как великокняжеская власть. Это проявилось в первую очередь в великокняжеских пожалованиях костелу, церкви, светским лицам, сообществам, социальным и этническим группам. При помощи этих пожалований правитель мог изменить социальное положение получателя, утверждал отчуждение имущества, регламентировал отношения как внутри сообществ и групп, так и их отношения с властью. Получателями указанных пожалований среди светских лиц были не только князья, паны и бояре, но и отдельные горожане и крестьяне, среди сообществ – не только крупные сообщества – земли (Полоцкая, Витебская земли), но и небольшие волости. Господарь и его паны-рада издавали отдельные законы – «уставы» (в частности, о переписи шляхтой ее владений, сбора серебщизны, о «зрадецких» имениях, о пересудах).

Великий князь являлся одновременно творцом и главным толкователем права. Однако эта прерогатива имела ограниченный характер. Правитель подчинялся обычаю и изданным им правовым актам. Он мог уклониться от разрешения конфликта, если не обладал информацией об обычаях региона, откуда происходили конфликтующие стороны. Господарь являлся субъектом правотворчества там, где обычай уже не помогал регулировать отношения (в случае, если назревал неразрешимый конфликт), или в том случае, когда при определенных условиях и обстоятельствах было необходимо изменить существующий порядок в силу потребностей и нужд общества (например, ввести практику земельных пожалований, установить экстраординарные подати, отрегулировать срок военной службы – для повышения обороноспособности страны; пожаловать магдебургское право – для увеличения поборов с городов, формирования более лояльных отношений мещан к власти). Можно наблюдать постепенное расширение масштаба вмешательства великого князя в область обычного права. Этот масштаб отражал масштаб разрушения обычного права и степень необходимости

[1] *Долгов В. В.* Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила праведного») // Вопросы истории. 2013. № 10.

[2] *Старостина И.* Применение новеллы Юстиниана в суде Великого княжества Литовского в 1538 г. (на основании материалов книги Литовской Метрики № 228) // Z dziejow kultury prawnej. Studia ofiarowane prof. J. Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin. Warszawa, 2004.

Известительная послушная грамота великого князя литовского Казимира жителям с. Лошица [Менского повета] о пожаловании их князю Александру Сангушковичу. Национальный архив в Кракове. Архив Сангушков. Дела римские I. Д. 13: [1440–1447 гг.]. Августа 31. Пуня

введения новых порядков. Венцом этого вмешательства стало издание великим князем Статута ВКЛ 1529 г., регламентировавшего отношения в разных отраслях права.

Правитель как субъект правотворчества мог пожаловать своим подданным права других народов. Великие князья литовские жаловали городам магдебургское право, которое исторические источники определяют как «немецкое». Господарь при этом мог отменить действующее право (точнее, разрушающийся обычай). В привилеях на магдебургское право великий князь прямо указывал, что он вводит «немецкое» право взамен ранее существовашего в этих городах «литовского», «польского» и «руского» прав. Вот что, например, сказано в привилее на магдебургское право Новогородку за 1511 г.: «...Маючи възгляд посполитого, доброго розмноженя, и хотячи положеня места нашого Новгородского в мере лепшои поставити, абы люди наши тамъ мешкаючи, через ряд добрыи, а справедливыи были розмножены, тое место нашо Новгородок *с права литовского и руского*, и которое коли будет там перво держано, *в право немецкое,* которое зовет ся *маитбарское переменяем* на вечные часы...»[1].

Восприятие новых правовых принципов, расширение правоспособности подданных в условиях тесной связи религии и права происходило в форме распространения так называемых добрых, христианских прав. То, что на «латинском Западе» воспринималось как совокупность вполне светских институтов и практик, недавними язычниками и православными ВКЛ трактовалось в категориях христианской культуры. Новые гражданские и имущественные права отождествлялись с христианством, являлись органичной частью христианской религии, воплощали ее. Речь идет о правах польской шляхты, которые были пожалованы в 1387 г. литовским боярам, принявшим католическую веру. Вот как привилей 1387 г. мотивирует решение расширить указаные права на литовцев, чтобы не было различий в правах, потому что литовцы и поляки стали подданными одной короны. Что это за права? Свободное распоряжение отчинными владениями, свободная выдача замуж дочерей, внучек, родственниц, вдов, освобождение от выполнения некоторых повинностей и др. Христианские права отождест-

[1] Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica=Литовская метрика. Kn. 9 (1511–1518) / par. K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002. P. 79–80.

влялись с правами на земельное имущество. Пожалованные в 1387 г. права были подтверждены в 1413 г., распространены на православных князей и бояр в 1434 г. и мещан в 1447 г. В привилее 1447 г. два раза сообщается о «христианском праве» – в статьях о наказании по суду и персональной ответственности перед судом. В привилее Новогородской земли, датируемом 1440 г., все его положения определены как «волная, добрая, хрестьяньская, какъ оу полской Коруне суть». Среди них – гарантия персональной ответственности и наказание по суду; право выезда за границу на службу другим монархам; право на распоряжение земельным имуществом; право вдовы на владение землей покойного мужа до повторного выхода замуж; освобождение от выполнения ряда повинностей; гарантия сохранения вкладов в пользу стольных, соборных, монастырских и иных церквей Новогородка и Новогородской земли и др. В 1511 г. полоцкие бояре, мещане и весь город, вся Полоцкая земля били челом Жигимонту и предъявляли листы Казимира и Александра, «штожъ их милость перво сего пожаловали их и дали имъ *права вольная, добрая хрестиянская, какъ в Короне Польскои...*»[1].

Главным источником тех ценностей, которые определяли эти права, являлась христианская традиция. Идеи, которые легли в основу христианских прав, белорусский исследователь В. М. Конон рассматривал как идеи, несущие в себе черты христианско-ренессансного гуманизма[2]. С принятием христианских прав понятие «добро» стало отождествляться не только со стариной, но и с новыми, чужими, правами. Так или иначе для христианина религиозные ценности являлись одними из высших ценностей. «Христианство» имело разные коннотации, среди них те, которые были присущи «старине» – «добро» и «справедливость». Преимущества доброго христианского права подорвали абсолютный авторитет «старины», разрушили представление о ее высшей правовой ценности. Этим качеством стали обладать теперь также и новые права. Последние содержали в себе колоссальный потенциал обновления общества в направлении либерализации и гуманизации.

Добрые, христианские, права имели письменную (привилеи 1387 г., 1434 г., 1447 г., привилей Полоцкой земле) и устную формы. Они выражались как в частных положениях, так и в общих принципах. Статьи привилеев, отражавшие положения добрых, христианских, прав не регламентировали, например, порядки разрешения земельных споров, доказательства шляхетского происхождения, тем не менее эти порядки известны как добрые христианские права.

Со второй половины XV в. господарь – творец права стал проявлять себя в таком виде деятельности, как кодификация права и письменное издание законов. Первым сборником законов, правда, небольшим был так называемый Судебник 1468 г. (название «Судебник» – искусственное, его оригинальное название – «лист»). Он имел региональное предназначение и адресовался литов-

[1] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского. С. 110–115.

[2] *Конон В. М.* Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529 г. // Первый Литовский статут 1529 г.: материалы Респ. науч. конф., посвящ. 450-летию Первого Статута. Вильнюс, 1982. С. 102.

ским подданным, в том числе, очевидно, тем, кто проживал на территории Беларуси. Судебник охватывал лишь часть уголовного и процессуального права и отразил усиление репрессивных начал в праве[1].

Реализацией замысла грандиозного масштаба было издание общегосударственного свода законов – Статута[2]. Как можно полагать, намерение издать подобный свод законов вынашивал великий князь Александр. Однако первая редакция Статута была подготовлена лишь при его преемнике – в 1522 г. В том же году планировалось его издание, но оно было отложено. В доработанном, очевидно, и в переработанном виде Статут был утвержден лишь в 1529 г.[3] Он узаконил нормы всех отраслей права того времени: государственного, гражданского, земельного, судебно-процессуального, уголовного и пр. Источником кодификации права для Статута послужили обычное право Литвы и Руси, правовая практика, коллективные привилеи подданным ВКЛ, отдельные нормы римского, польского, мазовецкого, немецкого и церковного (православного и католического) права.

Издание Статута происходило под лозунгом пожалования «христианских прав». Руководство писаным правом рассматривалось как совершение христианских поступков; а само это право – как достояние христианских народов. Деятельность Жигимонта Старого по изданию Статута была приравнена по значимости делу крещения литовцев, организованному его дедом Владиславом-Ягайлой. (Похвала О. М. Гаштольда Жигимонту Старому[4].)

Надо полагать, что Статут утвердился в судопроизводстве ВКЛ вскоре после его издания. Подобно тому, как ранее великий князь руководствовался обычаем, с момента издания Статута он стал руководствоваться этим сводом законов.

Практика показала необходимость внесения в Статут дополнительных поправок. Инициатором их внесения выступил новый зарождающийся субъект правотворчества – шляхта. На сойме 1544 г. она озвучила просьбу о «поправенье» Статута. Монарх признал обоснованной данную инициативу и повелел шляхте создать комиссию из 10 избранных шляхтичей, включающую равное количество шляхты из числа католиков и православных, которая должна была внести поправки в Статут. Результаты этих поправок было предписано представить для утверждения на сойме. Указанная комиссия не была создана и в 1547 г., когда господарь повторил свое прежнее распоряжение, и даже в 1551 г. (в этом году великий князь принял решение сам назначить состав этой комиссии)[5].

Вообще, в 40-х годах XVI в. шляхта проявляла чрезвычайно активную законодательную инициативу, которая касалась ее материальных, правовых и политических интересов. Некоторые свои притязания шляхта рассматривала как

[1] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г.

[2] Один из последних основных трудов о Статуте 1529 г.: *Lazutka S., Valikonytė I., Gudavičius E.* Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.) = Первый Литовский Статут (1529 г.). Vilnius, 2004.

[3] Там же. P. 54–62.

[4] *Lazutka S., Valikonytė I., Gudavičius E.* Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.) = Первый Литовский Статут (1529 г.). P. 59.

[5] РИБ. Т. 30. Стб. 120–121 (1544), 138–139 (1547), 183–184 (1551).

реализацию христианских вольностей: например, право на участие в установлении размеров военной службы. Отдельные требования шляхты вызывали негодование и возмущение господаря, поскольку их выполнение, по мнению правителя, было нарушением полномочий и регалий («моц», «владность», «справованье») монарха и панов-рады, не соответствовала их положению, статусу и достоинству. Характерно, как шляхта мотивировала данные притязания, а монарх, в свою очередь, свои отказы. И шляхта, и господарь ссылались на «старину»[1]. Правда заключается в том, что исконным порядком был тот, о котором говорил монарх. Шляхта же продвигала нововведения, выдавая за «старину» конструкт памяти. На сойме 1551 г. шляхта подала петицию, чтобы силу закона имело только то, что принято на вальном сойме с ведома панов-рады и шляхты[2]. Эта петиция была отклонена. Но она отразила широкие притязания шляхты на положение одного из творцов права.

Главным судьей был великий князь. При главенстве Божьих судов он являлся больше контролером выполняемых религиозных ритуалов, приводившим в исполнении приговоры этих судов. Но и когда участие великого князя как главного судьи обрело более деятельный характер, он сохранил за собой функции посредника Бога. Правитель и его представители судили от имени Бога: «упомянувши на Бога», «водле Бога а справедливое речы обычаемъ права земского», «подлугъ исправедливости Бозьское»[3]. Великокняжеский суд имел универсальный характер. Господарь вершил правосудие по делам различных категорий подданных всей страны и всех сословий.

Результаты процессов секуляризации, реализации «добрых» христианских прав отразились на порядке функционирования суда. При Казимире решения суда все чаще стали базироваться на результатах расследования реальных обстоятельств дела. Действие указанного принципа должно было обеспечить, по выражению источника, «лепшую справедливость». Можно привести пример из архивного источника. Судьи, разбиравшие в 60-х годах XV в. одну тяжбу, не ограничились знакомством с показаниями сторон. Имея намерение разрешить ее «*подлугъ права хрестьяньскаго*», они приобщили к расследованию показания непредвзятых – «сторонних» – свидетелей. Понятно, что в представлении судей суд «подлугъ» этого права являлся судом, решение которого основывалось на объективных данных[4].

Правитель делегировал право суда своим наместникам: воеводам, старостам и державцам. Судебная власть старост и державцев расширялась на всех жителей повета. Не подлежали их суду паны-рада, откупщики мыт, корчем и некоторых иных источников доходов, мещане городов с магдебургским правом, крестьяне, принадлежавшие частным владельцам. Мещане этих городов и указанные крестьяне были подсудны старостам и державцам по делам, связанным

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 107–108, 116, 141 и др. (1544, 1547).

[2] *Там же.* Стб. 168, 169 (1551).

[3] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского. С. 81.

[4] Там же. С. 203–204.

1467 г. апреля 12. Вильня. – Меновный лист князя Дмитрия Ивановича Путятича пану Ивашку Ильиничу на сельцо Ильи Диринича в Друцкой волости за сельцо Харкович той же волости «вечно непорушно». Главный архив древних актов в Варшаве. Собрание пергаментных документов. Д. 7609

с нападением на дом, разбоем, поджогом, ранением шляхтича, изнасилованием женщины.

Господарь назначал из числа панов-рады специальные судебные комиссии. Суд панов-рады имел значение суда господаря (но по его решениям можно было апеллировать к суду правителя). Статут 1529 г. учредил, чтобы паны-рада ежегодно съезжались на судебный сойм. В 1532 г. были учреждены два таких сойма.

Вынесение вердиктов по некоторым делам было исключительным правом монарха. К числу таковых относится: оскорбление его «маестата» (например, организация и участие в мятежах против великого князя, сообщение с его неприятелем, оказании помощи и содействия последнему), о шляхетстве, «чести» мещан, суд над панами-радой и др.

Статут 1529 г. позволял шляхте не судиться у тех державцев, которые до этого назывались тиунами. Он же обязал державцев, а также старост и воевод избрать двух человек из числа местной шляхты. Они совместно с наместниками и маршалками державцев, старост и воевод должны были осуществлять суд во время отсутствия последних. Такие суды, правда, были введены не во всех поветах. В 1540-х гг. одним из самых важных вопросов шляхты, отраженных в ее петициях к великому князю, были вопросы об учреждении более доступного и дешевого, заседающего в определенном месте суда с выборными судьями, которым были бы подсудны все землевладельцы повета, в том числе князья и паны; учреждение присяжных вижов, о судебных поборах. В 1544 г. шляхта просила великого князя, чтобы воеводы, старосты и державцы чинили суд, в том числе над князьями и панами, совместно с присяжными поветовыми судьями и поветовыми писарями, избранными шляхтой. Господарь отказал в дан-

ной просьбе, оставив тот порядок, который был утвержден Статутом[1]. Решение об учреждении новых судов было принято в 1551 г., оно должно было вступить в силу в 1552 г. Воеводам и старостам вменялось утвердить из числа шляхты судей, которые бы совместно с наместником и подстаростой осуществляли суд в определенном месте. Судебным коллегиям предписывалось заседать четыре раза в год по четыре недели. Воевода обязан был утвердить присяжного писаря. От решений этих судов могли подаваться апелляции к самим воеводам и старостам, которые должны были рассматриваться в их «столечных» городах два раза в год также на протяжении четырех недель. От суда воевод и старост апелляции подавались на суд господаря или на суд панов-рады. Эти суды должны были проводиться один раз в год[2].

В городах с магдебургским правом правосудие осуществлял войт вместе с бурмистрами и радцами города на основании «Саксонского зерцала» и магдебургских положений. Он рассматривал не только гражданские и уголовные дела, находившиеся в ведении господарских наместников. Тяжбы между мещанами и крестьянами разбирал совместный суд наместника и войта. В отдельных городах гражданские дела могла рассматривать рада, состоявшая из бурмистров и радцев, а уголовные – лава, включавшая войта и лавников.

Таким образом, пока внутренняя организация правящей элиты основывалась на межличностных связях, эта элита, не обладая необходимым объемом ресурсов и силой, способной к стихийному уничтожению местных социальных, правовых и административных институтов, не устраняла данные институты, не вмешивалась в действие местных установлений и законов, не разрушала сложившуюся социальную и административную организацию. Более того, эти институты, установления, законы и организация были нацелены на укрепление литовской власти. Они послужили образцом для подражания и заимствования. Когда в организации правящей элиты стали происходить изменения в сторону институционализации власти и управления, то понадобились специалисты-управленцы, которые были способны поддержать эту элиту, укрепить ее – носители знаний, идей, представлений, убеждений и навыков, которыми пользовались русины, – сами русины. Наряду с литовцами русины участвовали в укреплении позиций сойма как законодательного и контрольного органа. При этом они использовали собственный опыт, приобретенный во время участия в региональных соймах.

Четко очерчиваются следующие направления в развитии права и правосудия в ВКЛ: от сакрального права к праву рациональному; от устойчивой традиции к активной роли в правотворчестве правителя и притязания на эту роль шляхты; от устного характера правовых норм к письменному праву; от использования местных правовых норм к рецепции правовых норм других народов; от множественности права к общегосударственному праву.

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 127–128 (1544).
[2] Там же. Стб. 184–186 (1551).

4.4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЗЕМЕЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА ВКЛ

Появление первых гербов в ВКЛ было связано с усилением во второй половине XIV в. влияния западноевропейских геральдических тенденций сначала через Ливонию, Пруссию, а позже – через Венгрию, Польшу и Мазовию. Это было результатом преимущественно внешнеполитических событий, в первую очередь заключения династической Кревской унии в 1385 г. Объединение ВКЛ и Польского королевства под властью нового короля Владислава-Ягайлы (1386–1434 гг.) способствовало оформлению по принятым в Европе правилам геральдики изображения конного рыцаря, вооруженного мечом, с портретной печати великого князя литовского. В процессе геральдизации всадника фактически был создан династический герб Гедиминовичей, к которому принадлежал новый король Польши, и одновременно государственный герб ВКЛ. Позже – в конце XV – начале XVI вв. – он получил название «Погоня»[1].

Вместе с гербом «Погоня», всадником, который имел характер династического и государственного герба ВКЛ, сложился личный герб Владислава-Ягайлы. Им стал золотой двойной крест в голубом поле, который обычно помещался на малом щите конного рыцаря, но мог использоваться и самостоятельно. В середине XV в. за ним закрепилось название «Бойча»[2].

Геральдизация конного князя с портретной печати Владислава-Ягайлы в конце XIV ст. подтолкнула других Гедиминовичей к созданию собственных личных гербов – «Льва» у Ивана-Скиргайлы Ольгердовича и «Колонн» у Александра-Витовта Кейстутовича. Первый адаптировал «руские», в данном случае – полоцкие геральдические традиции. Второй пошел по пути геральдизации своего частновладельческого знака-клейма[3].

Как свидетельствуют гербовники и сфрагистические материалы того времени, в первой половине XV в. сложились два типа гербов ВКЛ: у Владислава-Ягайлы и его потомков – всадник с мечом и «Бойчей», а у Александра-Витовта и Жигимонта Кейстутовичей – всадник с мечом и «Колоннами». Угасание Кейстутовичей и продолжение ветви Ягеллонов предопределила окончательную победу в качестве государственного герба ВКЛ и династического герба Гедиминовичей геральдического всадника последних. «Колонны» отошли на второй план и позже – в XVI в. – исполняли роль второго малого государственного герба ВКЛ[4].

Первые земельные гербы в ВКЛ появились во времена правления великого князя литовского Александра-Витовта. Именно он в начале XV в. способствовал учреждению в ВКЛ должности герольда, который имел официальный титул

[1] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 51; *Его же.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 53, 57–58.

[2] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 54.

[3] Там же. С. 38–40, 55.

[4] Там же. С. 57.

Личный герб князя Владислава–Ягайлы «Бойча»

Личный герб князя Скиргайлы «Лев»

Личный герб князя Витовта «Колонны»

«Litherland»[1]. Герольды стояли у истоков создания первых четырех земельных гербов, которые нашли отражение в четырехчастном гербе на печати Александра-Витовта (известна в 1398–1401 гг.) и на его тронной печати (использовалась в 1407–1430 гг.): геральдический крест, всадник без щита с копьем или с мечом, пеший рыцарь с копьем и щитом, идущий медведь. Большинство исследователей склонны считать, что это были гербы Волыни, Виленского, Трокского и Киевского (или Жемойтского) княжеств (земель) соответственно[2]. Однако, согласно данным гербовника первой половины XV в. «Armorial Lyncenich», упомянутые гербы относились к Новгородской (подписанный как «nowengrote»), Виленской («derlant von der wille»), Трокской («olde dratun») и Смоленской («smollenghe») землям[3].

Таким образом, первые земельные гербы на печатях Александра-Витовта относились к Виленскому и Трокскому княжествам (с 1413 г. – первым воеводствам в ВКЛ), Смоленскому княжеству (присоединенному к ВКЛ в 1395 г.) и Великому Новгороду (на который претендовал Александр-Витовт и где в 1389–1392, 1407–1408 и 1411–1412 гг. сидел его наместник Семен-Лынгвень Ольгердович). Упомянутая геральдика отображала политические амбиции (королевскую программу) и централизаторскую политику великого князя литовского[4].

Первые земельные гербы были сохранены без изменений у преемников Александра-Витовта – сначала Болеслава-Свидригайлы Ольгердовича, а позднее Жигимонта Кейстутовича[5].

Значительные изменения в земельной геральдике ВКЛ произошли в конце XV – начале XVI в. во времена правления Александра Ягеллончика (1492–1506 гг.). При нем по-новому были осмыслены геральдические фигуры старых земельных гербов и созданы новые. На большой печати ВКЛ Александра Ягеллончика комплекс земельных гербов кроме государственной и династической

[1] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 51.

[2] Там же.

[3] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 49. *Его же.* Палітычная праграма гербавых пячатак вялікага князя літоўскага Вітаўта // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. III. С. 95.

[4] *Шаланда А.* Палітычная праграма гербавых пячатак вялікага князя літоўскага Вітаўта. С. 97–102.

[5] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 52.

Печать великого князя литовского Витовта 1429 г.

Герб Литвы и Руси во времена Витовта. Согласно гербовнику «Codex Bergshammar». Первая половина XV в.

Печать великого князя литовского Витовта в 1398–1410 гг. с гербовыми фигурами земель Литвы и Руси

Хоругвь ВКЛ наместника Витовта в Чехии князя Жигимонта Корибутовича. Согласно рукописи Эберхарда Виндека 1443 г.

«Погони» имел следующий вид: геральдический крест (подпись «VOLINENSE» – Волынский), идущий медведь («SMOLNENSE» – Смоленский) и архангел Михаил («KIOVENSE» – Киевский). Помещение трех гербов «руских» земель ВКЛ на его печати геральдически обосновывали титул: «Великий князь литовский, русский...» и т. д.[1] Смоленский герб после потери города и земли в 1514 г. (уже при

[1] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 111–112.

Большая печать великого князя литовского Жигимонта Старого с «Погоней» в обрамлении из 5 династических и земельных гербов Литвы и Руси 1529 г.

Портрет великого князя литовского Жигимонта Старого с малым гербом ВКЛ «Колонны». Согласно гербовнику «Stemmata Polonica». Ок. 1555 г.

Жигимонте Старом) в пользу Московского княжества приобрел характер герба-претензии. Упомянутые гербы были сохранены на больших печатях ВКЛ также у преемников Александра Ягеллончика – от Жигимонта Старого до Стефана Батория включительно[1].

По данным так называемой литовской части гербовника «Stemmata Polonica» первой половины XVI в., во времена Жигимонта Старого и его сына Жигимонта Августа существовало уже 12 земельных гербов ВКЛ. Их создание было обусловлено формированием сословно-представительной монархии в ВКЛ и, в частности, функционированием такого ее института власти, как вальный сойм. Земельные гербы на нем символизировали единство государства и территорий, находящихся в юрисдикции великого князя литовского. Однако в первую очередь они придавали представительный характер сословным собраниям, ведь в их работе принимали участие высшие духовные и светские особы государства, а также шляхетские представители определенных территориальных единиц ВКЛ[2].

4.5. ВОЙСКО И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ ВКЛ

Структура и принципы формирования войска. Период государственного становления Великого Княжества Литовского середины – второй половины XIII в. сменился периодом напряженных *оборонительных войн на западе и стремительного территориального расширения на востоке.* Спецификой международного положения ВКЛ в XIV в. являлся, с одной стороны, его «языческий» статус

[1] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 117–118.

[2] Там же. С. 128.

с точки зрения католической Европы, что ограничивало возможность дипломатического сдерживания крестоносцев, хоть оно тоже имело место. С другой стороны, специфической чертой ВКЛ как восточноевропейской державы являлось невхождение в сферу политического влияния Золотой Орды, власть которой распространялась на земли Восточной и Южной Руси. Поэтому присоединение новых земель Руси потенциально могло привести (и приводило) к конфликтам не только с местными правителями, но и с могущественными татарскими ханами. В этих условиях эффективные вооруженные силы являлись одной из главных основ проведения успешной внешней политики ВКЛ.

Структура и принципы комплектации войска Великого Княжества Литовского в XIV–XV вв. отражены в письменных источниках того времени очень слабо. Можно предположить, что основу вооруженных сил ВКЛ до конца XIV в. составляло, как и в древнерусские времена, всеобщее народное ополчение, тогда как дружина являлась своеобразными «силами быстрого реагирования», выполняла функции княжеской гвардии и служила для поддержания порядка в государстве. Показательно, что в Полоцкой земле дружина постоянно находилась при князе вплоть до начала XIV в. В привилее, выданном великим князем Ягайло после заключения Кревской унии в 1387 г., оговаривалось, что в случае вторжения неприятеля в земли государства его население привлекается к специальной повинности по преследованию противника, называемой *«Погоня»,* притом не только рыцарство (лат. «armigeri»), но и все мужчины, способные носить оружие[1]. То, что повинность распространялась не только на «armigeri», но и на все мужское население, способное носить оружие, а также ее чрезвычайно узко очерченные функции (преследование отступающего врага), заставляет рассматривать ее не как способ комплектования армии в узком понимании этого слова, а как форму организации мирного, по существу, населения, призванного к поддержанию чисто военных формирований на этапе, когда разгром врага был в основном завершен, либо, по крайней мере, было прекращено его продвижение вглубь территории. В других случаях, при ведении боевых действий на неприятельских землях, а тем более в случае мобилизации в масштабах всего государства, подобная форма организации военных сил вряд ли была возможной.

Из вышеупомянутого привилея Ягайло следует, что ополченцы, принимавшие участие в «Погоне», должны были вооружаться за свой счет. Никаких документов, регламентировавших вооружение непрофессиональных участников ополчения, на сегодняшний день не обнаружено. Часть ополченцев, несомненно, являлись на войну пешком. Чаще пехотинцы выполняли только вспомогательные функции, например, по охране обоза либо по преследованию уже разгромленного противника, а также обеспечивали проведение инженерных работ (налаживание переправ, прокладка дорог и т. д.)[2].

[1] Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzeż rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841. S. 2.

[2] Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376–1430 / ed. A. Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Cracoviae, 1882. T. VI, cz. 1. S. 362–363.

Основу вооруженных сил ВКЛ, или собственно армии, составляла *кавалерия*. Костяк регулярной конницы государства формировался за счет лиц, для которых военная служба являлась профессиональным долгом. Изначально это была дружина, а по мере феодализации и «оседания» дружинников на земле туда начали включаться упомянутые в привилее 1387 г. рыцари – «armigeri», а также представители некоторых других социальных слоев, обладавшие земельной собственностью на рыцарском праве. В XVI в. они должны были служить лично и выводить *отряды-почты* пропорционально количеству крестьянских служб, которые имелись в их распоряжении. Условия несения воинской повинности военно-служилым населением ранее, во второй половине XIV–XV вв., выглядят менее четкими, так как общегосударственных актов, которые бы ее регламентировали, не было. Скорее всего, нормы рыцарской службы в каждом конкретном случае зависели от двустороннего соглашения между господином и вассалом, тогда как единой нормы вообще не существовало. В большинстве земельных пожалований XV в. вопрос личного участия вассала в военных походах сеньора не затрагивался, либо, что реже, просто оговаривалось количество выставляемых им воинов, хотя в ряде случаев можно догадаться и о службе собственной персоной[1]. Уже в XV в. в качестве основы военной организации ВКЛ упоминается характерное для феодальной Европы *посполитое рушение* (лат. «expeditio generales») с необходимостью исполнения воинской повинности лично. Выставление одних только почтов практиковалось в достаточно редких, исключительных случаях, например, в случае старости или болезни военнообязанного, пребывания имения в руках вдовы или духовенства и т. д.[2]

Чрезвычайно редко оговаривался в земельных пожалованиях и характер вооружения, с которым должна была отправляться воинская служба. Вместе с тем ряд упоминаний о фундаментальных принципах регламентации вооружения уже во второй половине XIV – XV в. позволяет выявить в Великом Княжестве Литовском наличие двух основных категорий воинов – *копейщиков и стрельцов*[3]. Копейщик и два стрельца должны были составлять самую нижнюю организационную единицу армии – «копье». В реальности подобная пропорция могла выдерживаться не всегда[4]. Реальный состав «копья» зависел прежде всего от финансовых возможностей землевладельцев. Встречались даже «копья», состоящие из одних копейщиков либо только из стрельцов. Причем в последнем случае использование термина «копье» являлось фактически только данью традиции[5]. Практика объединения воинов ВКЛ в «копья» могла иметь место уже

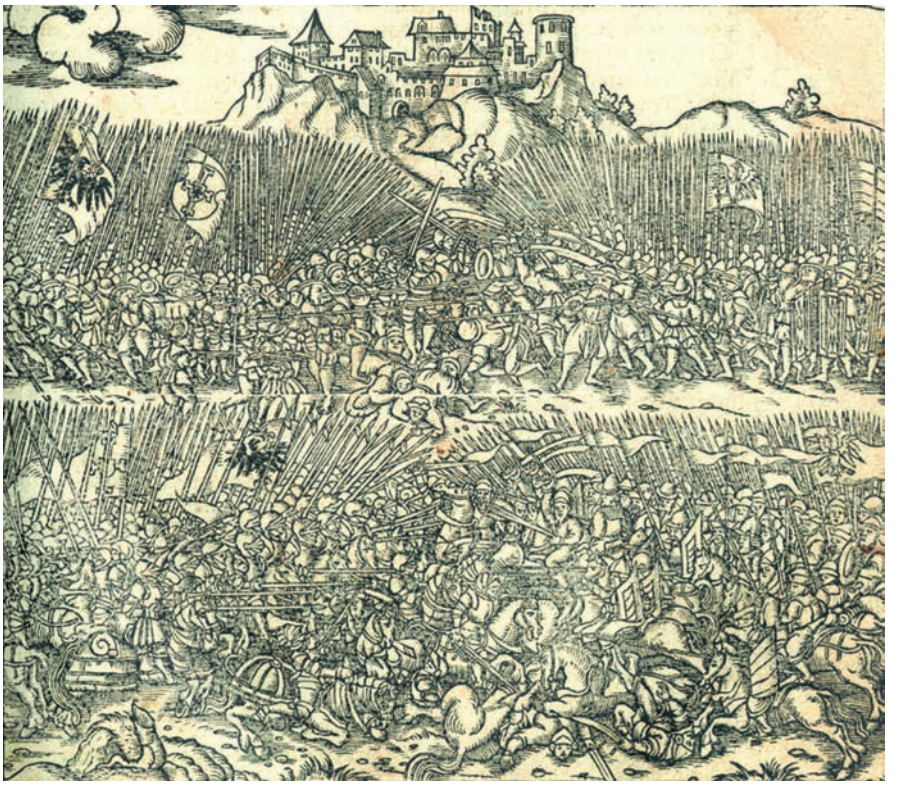
[1] Акты Литовской Метрики, собранные Ф. И. Леонтовичем. Варшава, 1896. Т. 1, вып. 1. С. 91; РИБ. Т. 20. СПб., 1903. К. 1286–1287; Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР): в 5 т. СПб., 1846–1853. Т. 1. СПб., 1846. С. 111.

[2] Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. S. 170–173.

[3] *Dlugosii J.* Annales sev cronicae incliti regni Poloniae. Liber decimus (X) 1370–1405. Warszawa, 1985. S. 133.

[4] *Nadolski A.* Polska technika wojskowa do 1500 roku. Warszawa, 1994. S. 194; *Idem*. Grunwald 1410. Warszawa, 1996. S. 49, 61.

[5] *Nadolski A.* Grunwald 1410. S. 49–50.



Битва под Грюнвальдом 15 июля 1410 г. Гравюра из «Хроники» М. Бельского 1554 г.

в конце XIV – начале XVI в. Регулярная информация о копейщиках, стрельцах и «копьях» встречается в документах ВКЛ с 1420–1440-х гг.[1]

Копья-почты организовывались в более крупные отряды – *хоругви,* которые выступали в качестве основных организационно-тактических единиц войска Великого Княжества Литовского так же, как и других рыцарских армий тогдашней Европы. Хоругви организовывались по территориальному принципу либо выставлялись крупными землевладельцами. Количественный состав хоругвей зависел прежде всего от мобилизационных возможностей каждого региона или княжеской вотчины, хотя существовала определенная стандартизация в комплектовании этих единиц.

Формой боевого построения каждой хоругви являлась суженная впереди колонна – *клин*. Подобное построение армии была хорошо известно в разных регионах тогдашней Европы, в частности в Германии и Польше. Ее суть заключалась в размещении впереди колонны наиболее боеспособных в рукопашной схватке рыцарей – копейщиков, которые пробивали брешь в неприятельских

[1] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887. T. 1. S. 28, 35; АЗР. Т. 1. С. 49, 59; Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1386–1430. Zebrał i wydał Jerzy Ochmański. Warszawa; Poznań, 1986. S. 156.

рядах. Поверх их голов из глубины колонны стреляли стрельцы[1]. Во время боя клинья объединялись в несколько линий. Такая форма построения позволяла выводить из битвы уставшие отряды и заменять их «свежими». В случаях, когда численный состав хоругви сильно отличался от стандарта, то перед боем она могла делиться на несколько более мелких единиц или, наоборот, пополняться воинами из других боевых хоругвей. Стандартизация клиньев облегчала их маневрирование в ходе битвы.

Особенностью войска Великого Княжества Литовского в XIV–XV вв. являлась слабая по сравнению с западными соседями ВКЛ материально-техническая обеспеченность. Главным образом это касалось защитного вооружения, что отмечалось в большинстве западных источников того времени. Не исключено, что это было связано с широким использованием в военных кампаниях непрофессиональных воинов в рамках «Погони». В определенной степени недостаток защитного вооружения в армии ВКЛ был преодолен за счет его массовых поставок из Польши после заключения Кревской унии 1385 г. Здесь применялись практически все виды вооружения, известные в тогдашней Европе, в том числе «полные» пластинчатые доспехи, покрывавшие рыцаря с головы до ног. Уже во время Грюнвальдской битвы 1410 г. по крайней мере первые ряды войск Витовта по уровню вооружения мало чем отличались от крестоносцев. Однако репутацию армии более легковооруженной, чем армии западных соседей, вооруженные силы государства Гедиминовичей сохранили до XVI в.

Определенную специфику войску ВКЛ, по крайней мере начиная со времен Витовта, придавали *татары*, без которых не обходилась ни одна серьезная экспедиция этого знаменитого правителя[2]. Впоследствии они оказали немалое влияние на формирование в государстве одного из родов войска – *«казаков».* В зависимости от социальной принадлежности и материальных возможностей татары использовали очень широкий спектр вооружения, в том числе защитного, что позволяет выделить в их среде легкую и тяжелую кавалерию, хотя точную границу между ними провести сложно. К защитным средствам, известным татарам во второй половине XIV – первой половине XV в., можно отнести преимущественно открытые шлемы, кольчуги, наборные доспехи, пластинки которых изготавливались как из железа, так и из жесткой кожи, комбинированные виды боевых покрытий, металлические покрытия конечностей и щиты округлой формы. Практиковалось также покрытие доспехами боевых коней.

Основным видом наступательного вооружения татар являлся сложный лук, который имели все воины. Достаточно широко применялись копья, особенно тяжеловооруженными воинами, однако копейщиков в европейском понимании этого слова татары не знали, поскольку сочетание древкового оружия с луком свидетельствует скорее не о копейном, а об универсальном характере вооружения. Комплекс наступательных средств дополняло клинковое оружие: в подав-

[1] *Nadolski A.* Grunwald 1410. S. 85–88.

[2] Материалы, в которых отображено привлечение татар к участию в военных кампаниях Витовта, довольно широко представлены в «Codex epistolaris Vitoldi».

ляющем большинстве сабли, обухово-ударное оружие и арканы[1]. Во время боя татары действовали преимущественно разомкнутым, достаточно аморфным строем – «лавой». Это сводило к минимуму ударную мощь татарской конницы, зато увеличивало ее маневренность, что давало возможность стрелять из лука.

Таким образом, можно предположить о существовании в ВКЛ до середины XV в. по крайней мере *трех видов кавалерии – копейной, стрелковой и универсальной*. Вместе с тем отсутствие в большинстве жалованных грамот, регламентировавших условия военной службы, какого бы то ни было определения боевых средств, которые должен был иметь каждый конкретный представитель военно-служилого люда, создавало условия для чрезвычайной пестроты армии. Особенно это касается защитного вооружения, которое никак не регламентировалось. В результате автоматическое отождествление копейщиков с тяжеловооруженными, а стрельцов – с легковооруженными кавалеристами может рассматриваться только как дань традиции.

В середине XV в. в регламентации вооружения воинов Великого Княжества Литовского на первое место выступил новый принцип – характер защитных средств. Регламентация защитного вооружения позволяла определить минимальные стандарты в обеспечении воинов этим одним из наиболее ценных составляющих боевого снаряжения и создать реальные основания для разделения кавалерии на тяжелую и легкую. Можно предположить, что изменение критериев выделения категорий воинов произошло под влиянием разработок известного польского теоретика организации армии Яна Остророга, сделанных, вероятно, в 1447–1454 гг. либо самое позднее – в 1455–1460 гг.[2] Таким образом, исходя из тенденций нормирования воинской повинности на землях ближайшего соседа и союзника, в Великом Княжестве Литовском во второй половине XV в. выделились три модели вооружения – «доспешная» (бывшие копейщики), «панцирная» (стрельцы) и «щитная» (легкая кавалерия, вооруженная копьями или клинковым оружием)[3].

Несмотря на фиксацию в документах второй половины XV в. категорий воинов, отличающихся по характеру защитного вооружения, большинство жалованных грамот в определении норм военной службы по-прежнему апеллировало к традиции, которая трактовалась достаточно широко. Выделить все возможные модели вооружения, сложившиеся в это время в Великом Княжестве, не представляется возможным, но, вероятно, ситуация здесь в чем-то напоминала польское войско, где при наличии «стандартизированных» воинов, обеспеченных древковым оружием, оружием дальнего боя либо только мечами, насчи-

[1] *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983; *Худяков Ю. С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991; *Świętosławski W.* Uzbrojenie koczowników wielkiego stepu w czasach ekspansii mongołów (XII–XIV w.). Łódź, 1996.

[2] *Szymczak J.* Produkcja i koszty uzbrojenia rycerskiego w Polsce XIII–XV w. Łódź, 1990. S. 256–257.

[3] Акты Литовской Метрики, собранные Ф. И. Леонтовичем. Т. 1. Вып. 1. С. 8, 24, 44, 48–49, 76, 90–91; РИБ. СПб., 1910. Т. 27. К. 477–508.

тывалось более десяти подвидов кавалерии, которые отличались прежде всего характером защитных средств, причем некоторые всадники не имели их вовсе.

Организация воинской службы. Первые попытки регламентации норм воинской службы в Великом Княжестве Литовском в общегосударственном масштабе были сделаны довольно поздно – в начале XVI в. На Новогородском сойме 1502 г. «король его милость Александр с прелаты и панами радами своими то был установил, иж кождый князь и господин, и дворянин, и земянин мел с именя своего из десяти служоб слуге в зброи на кони с древцем выправити...». Подобная модель вооружения была предложена в 1511 г. великим князем Жигимонтом Старым на Виленском сойме 1512 г. с той лишь разницей, что нормативный всадник должен был выставляться не от десяти служб, а от десяти дымов[1]. Таким образом, в качестве основополагающей модели полноценного всадника был выбран тяжеловооруженный копейщик. Подобный выбор, как представляется, явился следствием общей тенденции к «монументализации» кавалерии, которая наблюдалась в течение всего предыдущего столетия.

Похожий комплект вооружения определялся в качестве нормативного также королевской и соймовой уставами 1528 г. об обороне земской, а также земской ухвалой и Статутом 1529 г. Не вдаваясь в нюансы, можно определить стандартный минимум вооружения, который требовался от полноценного воина – добротный конь (не дешевле 4 коп грошей), панцирь, шлем, щит, копье («древце»), меч или корд. Шляхта, не имевшая восьми крестьянских служб, выезжала на войну лично, вооруженная «по своим возможностям»[2]. Таким образом, в качестве образцового воина был выбран тяжеловооруженный копейщик.

Однако в начале XVI в. тяжелая рыцарская кавалерия уже не вполне соответствовала новым геополитическим реалиям. Западный театр военных действий, наиболее сложный и проблемный для ВКЛ, потерял в середине XV в. свою актуальность. В то же время восточное и южное направления внешней политики государства, приносившие ранее лишь территориальные приращения, не считая временных неудач, таких как досадное поражение на р. Ворскла в 1399 г., стали постоянной проблемой. В результате войн, длившихся с 1492 по 1522 г., ВКЛ потеряло треть своих восточных земель, которые отошли к Москве. Значительную угрозу представляло Крымское ханство, которое, будучи вассалом могущественной Османской империи, могло безнаказанно совершать частые набеги, не опасаясь ответной экспедиции возмездия на Крымский полуостров. Бороться с татарами, не вступая в прямой конфликт с Турцией, можно было лишь на свой территории, однако это усложнялось тактикой вражеских набегов. Татары скрытно проникали как можно глубже на территорию противника, разбивали лагерь, рассыпались в разные стороны, собирали ясыр (пленных и добычу), возвращались к лагерю и стремительно уходили в Крым. Все происходило

[1] Документы Московского архива Министерства Юстиции / предисл., сост. М. Довнар-Запольский. М., 1897. Т. 1. С. 507.

[2] АЗР. СПб., 1848. Т. 2. С. 188; Акты Литовско-Русского государства / предисл. М. В. Довнар-Запольского. М., 1899. Вып. 1: 1390–1529 г. С. 232; Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. S. 170.

так быстро, что посполитое рушение не успевало даже собраться. В тех случаях, когда войско ВКЛ успевало перехватить татар, последние, как правило, терпели поражение. Однако в борьбе с легковооруженными татарами (и московитами) тяжелая кавалерия была эффективной только во время лобовой атаки. Между тем ориентальная тактика как раз и заключалась в уклонении от подобных атак, использовании дистанционного боя и выматывании противника.

Тяжелый опыт уже первых схваток стран Ягеллонской коалиции с представителями восточной милитарной традиции заставил обратиться к поиску адекватной стратегии, тактических приемов и моделей вооружения, пригодных к войне в новых обстоятельствах. Для уменьшения фактора внезапности татарских набегов руководство ВКЛ обратило внимание на строительство и поддержание в боеготовности замков на южных рубежах государства, в том числе за счет размещения в них наемных гарнизонов. Для обеспечения постоянной защиты земель вблизи «Дикого поля» к службе привлекались стихийно организовавшиеся отряды свободного военизировавшегося населения – *«казаков»*. Казаки, имея постоянный опыт борьбы с татарами, заимствовали их тактику и вооружение, оказавшиеся в новых условиях весьма эффективными.

История казацкой конницы уходит своими корнями в XV в., когда городской плебс и беглые крестьяне, населявшие просторы низовой Украины, стремясь найти спасение от татарской угрозы, начали группироваться в отряды под предводительством «атаманов». Отлично знакомые с местностью и способом ведения войны со своими противниками, эти люди вырабатывали военную традицию, максимально подходящую для борьбы с татарами. От татар было заимствовано и название «казак», что означает «свободный, независимый человек», но вместе с тем – «авантюрист и разбойник». Постепенно формировалась агрессивная боевая сила, способная не только противостоять хищническим татарским атакам, но и совершать нападения в ответ.

Попытки привлечь казаков к военной службе наблюдаются уже в конце XV – начале XVI в., когда старосты украинских замков стремились вербовать на собственную службу казацкие отряды. В 1503 г. киевский воевода Дмитрий Путятич имел в своем распоряжении казаков, служивших в Киеве («казаки князя Димитрия») и Черкасах («Щурова рота»). Важнейшая роль в организации казачьих почтов на службе Великого Княжества Литовского принадлежит Остафею Дашкевичу, который в 1508 г. стал каневским старостой, а в 1514 г. – черкасским старостой, а также Андрею Немировичу, с 1511 г. – черкасскому наместнику, а с 1514 г. – киевскому воеводе. В 1521–1524 гг., вероятно, по инициативе Дашкевича или Немировича, возник частично уже реализованный на практике проект регистрации низовых казаков и приема их на господарскую службу. Проект был отклонен из-за недостатка финансовых средств, однако практика вербовки казаков для военной службы продолжалось и дальше[1].

В меньшей степени, чем на юге государства, вербовка казаков на государственную службу имела место на восточных границах ВКЛ. Специфика вербовки казаков на белорусских землях заключалась прежде всего в том, что она про-

[1] *Plewczyński M.* Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagellonów. Warszawa, 1995. S. 47–52.

водилась целенаправленно, среди обычных жителей. Так, 15 ноября 1561 г. оршанский староста Андрей Одинцевич получил приказ «закликати там у Орши и што будеть там людеи служебных козаковъ». В октябре 1563 г. предписывалось на границе с Московским государством «кликати на торгохъ и по селам при церквахъ, жебы козаки пешие и люди волостные, которые бы хотели за пенези наши у войско ити, до рейстру писати на конехъ и пешо, яко хто усхочеть, и з бронями, каковую хто мети можеть»[1]. Специфика казачества на востоке Беларуси заключалась также в отсутствии здесь таких элементов социальной и государственной организации, как на Украине, что не позволило местным казакам приобрести сословные признаки, подобные украинскому казачеству.

Успешным оказался и опыт использования против татарских и московских противников легких копейщиков – *гусар.* Считается, что распространение в Великом Княжестве Литовском и в Польше кавалерии, вооруженной щитами и копьями, ведет свое начало от сербско-венгерской традиции, где уже во второй половине XV в. гусары отлично зарекомендовали себя в борьбе с турками[2]. Гусары, по крайней мере на первом этапе своего существования, не имели защитного вооружения, помимо специфического асимметричного щита-тарчи. Главными элементами наступательного вооружения гусар являлись копье и сабля. Появление гусарии в ВКЛ исследователями обычно относится к началу XVI в. Вскоре гусарская модель вооружения стала здесь одной из основных. Так, посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, описывая реалии первой половины XVI в., отмечал, что литвины вооружаются луком, как татары, и копьем со щитом, как венгры[3]. В середине XVI в. термин «гусар» в отношении всадников, сочетавших щит и копье, стал обычным в ВКЛ. В том числе «гусарами» называли и воинов, имевших защитное вооружение, меч, а не саблю, рогатину и другие виды экипировки, характерные для местной, а не классической гусарской (венгерско-сербской) традиции.

Появление нормативных актов в Великом Княжестве в начале XVI в. не означало перехода к полной унификации вооружения. Об этом свидетельствует значительное разнообразие как наступательных, так и защитных средств, которое имело место в реальной жизни. Выше уже упоминалось выделение Герберштейном минимум двух моделей в армии ВКЛ, которые он сравнивал с венгерской и татарской. Из этого следует, что в ВКЛ кавалерия по-прежнему делилась на копейную и стрелковую, хотя на первое место среди оружия дальнего боя вышел лук. Однако и вооружение рыцарства, обеспеченного древковым оружием, было далеко не однородным.

В комплектации почтов также выделялось несколько вариантов. В ряде случаев они имели структуру, приближенную к классическому «копью» прежних

[1] *Янушкевіч А.* М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна. 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 169–170.

[2] *Żygulski Zd.* Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa, 1982. S. 172–176; *Plewczyński M.* Ludzie Wschodu. S. 142–147; *Сагановіч Г. М.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. С. 39.

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 187.

Гусары в битве под Оршей 8 сентября 1514 г.
Справа вверху – гетман Константин Острожский. Картина первой трети XVI в.

времен, и состояли из одного тяжелого копейщика, чаще всего самого предводителя отряда, а также нескольких легких всадников, причем предводитель, как правило, имел еще и запасного коня[1]. К следующей группе принадлежали почты, составленные из кавалеристов в приблизительно одинаковом легкокопейном (гусарском) снаряжении[2]. Встречались также почты, в которых все комбатанты принадлежали к гусарской модели, кроме самого командира, обеспеченного легким вооружением[3]. И, наконец, в некоторых отрядах насчитывалось по несколько комбатантов с различным вооружением, в соотношении которых трудно заметить какую-нибудь систему[4].

Реальное состояние вооружения низших слоев военнообязанного населения иллюстрирует перепись ряда хоругвей посполитого рушения, выполненная, вероятно, в 1563 г. Наибольшей полнотой выделяются реестры рыцарства Остринской, Василишской и Медницкой волостей[5]. Металлическое покрытие для защиты тела, обозначенное в тексте терминами «збройно», «в зброи», «в пляхах» и «в панцире», имели здесь меньше половины всех воинов. Кроме того, некоторые воины были в неметаллических «кабатах». У некоторых воинов, снабженных металлическим защитном вооружением, не фиксируется никакого другого снаряжения. Это, по аналогии с ситуацией в польских наемных ротах, можно

[1] Archiwum Glówne Akt Dawnych (далее – AGAD). Konsygnacia dawnych akt wojskowych (KDAW). Dz. 85. № 39. K. 58, 113, 131; № 44. K. 55.

[2] AGAD. KDAW. Dz. 85. № 19. K. 62–63; № 42. K. 48; № 52. K. 5; № 54. K. 16.

[3] Там же. Dz. 85. № 28. K. 13–14; № 39. K. 36.

[4] Там же. Dz. 85. №17. K. 63–64, 176; № 42. K. 13–14, 121.

[5] AGAD. Archiwum Radziwillów (далее – AR). Dz. II. Teka 1. № 21. K. 42–47, 111–115.

трактовать в том смысле, что наступательное вооружение рассматривалось в отношении таких комбатантов как нечто само собой разумеющееся и требовавшее специальной фиксации. Однако в ряде случаев достаточно подробно расписывалась полная экипировка, которая свидетельствует о различной степени ее комплектации. Некоторые воины помимо металлического защитного вооружения имели щиты различных типов («щит», «павеза», «тарча»), а также копья двух видов (древца или рогатины), что максимально приближало их снаряжение к уставному. Отдельные же всадники сочетали панцири только с древковым оружием или только со щитом. Поэтому не исключено, что в реальности могли наблюдаться случаи, когда ассортимент наступательного вооружения владельцев металлических защитных средств ограничивался клинковым оружием или вообще отсутствовал.

На это косвенно указывает описание снаряжения тех воинов, которые не обладали металлическими доспехами. Среди них выделяются три основные группы, которые можно условно отнести к «копейщикам», «стрельцам» и владельцам только клинкового оружия. «Копейщики» составляли наиболее многочисленную группу и выступали в трех модификациях. К гусарской модели приближались те из них, которые имели щит с рогатиной или древцем. Очень широко были представлены минимально вооруженные воины, снабженные только рогатинами или древцами. Реже встречаются владельцы древкового оружия, имевшие дополнительно меч или корд. Стрельцы (лучники) имели лук с мечом или только лук. Основным оружием комбатантов, вооруженных только клинковым оружием, являлся меч или корд; сочетание клинкового оружия со щитом являлось исключением. Кроме того, в переписи фигурируют воины без всяких наступательных средств, вооруженные только щитом или даже без него, как отмечалось в документе – «нисчим». Отдельные представители такого бедного «рыцарства» явились на перепись без лошадей.

Как свидетельствуют письменные источники второй половины XVI в., в ВКЛ существовали не только различные модели вооружения кавалеристов, но и некоторые из них даже имели специальные определения. Так, в составе литвинских почтов, последовавших с великим князем и королем Жигимонтом 16 июля 1551 г. в Ливонию, воевода виленский выставлял 400 гусар и 200 «бруншвиков», воевода трокский – 400 гусар и 250 казаков и т. д.[1] Подобные же категории воинов упоминаются и в переписях посполитого рушения 1565 и 1567 гг. Кроме того, в них фиксируется еще одна категория, а именно «кашубы». Особенностью вооружения всадников, называемых «гусарами», являлось сочетание щита с древцем[2]. Этот тип кавалерии непосредственно связан с моделью, оговоренной еще в Статуте 1529 г., который предусматривал, как уже отмечалось, легкого копейщика. Использование в отношении его термина «гусар» обусловливалось, по всей вероятности, не только приближенностью сочетания щита с копьем к венгерской традиции, но и постепенной трансформацией вооружения на венгерский лад. Так, в переписях 1565 и 1567 гг. не встречаются характерные

[1] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. Kraków, 1895. S. 304.
[2] РИБ. Т. 33. К. 448, 474, 503, 505, 510–511, 513, 518.

Битва под Ольшаницей 27 января 1527 г. Копия рисунка конца XVI – начала XVII в.

для предыдущих времен павезы (которые, впрочем, могли выступать под обобщающим термином «тарча»), в качестве клинкового оружия все чаще упоминается сабля, а типичные для развитого этапа венгерской гусарии шишаки выходят на второе место по популярности среди боевых наголовий.

Основополагающей чертой выделения в отдельную категорию воинов, вооруженных «по-казацки», было наличие лука, который мог дополняться древковым оружием в виде рогатины или ощепа[1]. Таким образом, казацкая конница выступала в двух модификациях – как стрелковая и как универсальная, что было характерно татарской коннице еще в XIV–XV вв. В связи с этим можно предположить, что казацкое снаряжение было связано именно с татарской традицией, тем более что и термин «казак», и сама традиция «казакования», да и первые казаки на землях Великого Княжества Литовского находились с татарами в самой тесной связи.

Очевидно, местные корни имела модель вооружения «по-кашубски», которая в качестве основной наступательного оружия предусматривала рогатину или ощеп. Как свидетельствует переписи, воины, основным оружием которых являлось короткое копье, были представлены на всей территории Великого Княжества Литовского, однако наиболее популярной была похожая модель в жемойтских хоругвях. Это вполне согласуется с информацией С. Герберштейна о том, что жемойты на войне пользовались в основном короткими ощепами, которые он сравнивал с охотничьими[2]. Можно также вспомнить, что короткие ощепы-су-

[1] РИБ. К. 436, 438, 452, 462, 464.

[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 195.

лицы считались традиционной оружием литовских воинов и в более ранние времена – в XIV – начале XV в.

Труднее определить особенности снаряжения рыцарства, вооруженного «по-бруншвицки» или «по-немецки». Как правило, источники ограничиваются упоминанием о существовании подобной модели, не расшифровывая ее. В польской литературе существует мнение, что «по-бруншвицки» вооружались рейтары или аркебузиры, снабженные ручным огнестрельным оружием[1]. Вместе с тем из переписей войска ВКЛ следует, что некоторые всадники, вооруженные «по-немецки», владели щитами и копьями, как гусары[2]. Нельзя также полностью исключить возможности сочетания в «немецком» снаряжения древкового и огнестрельного оружия.

Как видно, в основе выделения вышеназванных категорий воинов лежал характер наступательных средств; защитное вооружение если и принималось во внимание, то имело второстепенное значение. Каждая категория всадников могла применять различные виды защиты – цельнокованные доспехи, панцири, неметаллические доспехи или не применять вообще никакого боевого покрытия тела[3].

Различные финансовые возможности феодалов Великого Княжества Литовского иногда приводили к выставлению ими воинов, которых трудно отнести к какой-либо нормированной категории, фиксируемой в источниках под отдельным термином. Рядом с отрядами, в которых комбатанты были вооружены буквально с головы до ног и могли сочетать элементы снаряжения различных категорий, попадались воины с очень скудным ассортиментом боевых средств. Кроме того, встречались случаи отсутствия у воинов коней и какого-либо оружия в полном смысле этого слова[4]. Подобные случаи имели место в армии Великого Княжества не так уж и часто, однако они прекрасно иллюстрируют колоссальную пестроту в вооружении воинов этого государства.

Как уже отмечалось, посполитое рушение ВКЛ первоначально имело конный характер. В 60-х годах XVI в. в его составе появились и пехотинцы. На Виленском сойме 1563 г. и Гродненском сойме 1567 г. было принято постановление, согласно которому в почтах землевладельцев на двух «ездных» должен был приходиться один пехотинец *(«драб»)* «з ручницею и з мечом, албо с кордом, або теж з рогатиною а з сокерою»[5]. Однако, как и в случае с конными воинами, полной унификации вооружения пехотинцев на практике достичь не удалось. Например, в Минской хоругви, согласно переписи 1567 г., были пехотинцы, вооруженные ручницей, ручницей и мечом, ручницей, мечом и топориком, ручницей и топориком, аркебузой и мечом, ручницей и рогатиной, только рогатиной, рогатиной и мечом, рогатиной и топориком, рогатиной, мечом и топориком[6]. Некоторые состоятельные феодалы выставляли «драбов» в доспехах[7].

---

[1] *Żygulski Zd.* Broń w dawnej Polsce. S. 183; *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 303–306.

[2] РИБ. Т. 33. К. 468, 516.

[3] Там же. К. 460, 479–480, 501, 504, 506.

[4] Там же. К. 263, 834, 1033.

[5] Документы Московского архива Министерства Юстиции. Т. 1. С. 453.

[6] РИБ. Т. 33. К. 1215–1231.

[7] Там же. К. 441, 466.

Говоря о появлении новых категорий воинов, нельзя обойти вниманием и тенденции к возникновению инженерных войск. Создание уже первых оборонительных объектов требовало знания специфики военного строительства. Чтобы создать оборонительный комплекс, который бы надежно охранял защитников от поражающих средств противника, требовалось отличное знание способов взятия и защиты укреплений, новейших тенденций в фортификации и т. д. Недаром, как показывала практика XVI в., руководство фортификационными работами могло поручаться таким специалистам, как пушкари[1]. В свою очередь, взятие укрепленных объектов неприятеля также требовало значительных навыков по преодолению рвов и валов, уничтожению деревянных или каменных стен.

В ходе боевых действий непосредственно в поле также могла возникнуть настоятельная необходимость в выполнении инженерных работ – сооружении насыпей, мостов и т. д. Специальных людей, использовавшихся для подобных целей, имел в своем войске еще Витовт[2].

Существовали в Великом Княжестве Литовском и лица, непосредственно специализировавшиеся на несении «инженерной службы». Это *борти* – потомки переселенцев из захваченной крестоносцами Пруссии. Появившись в ВКЛ около 1278 г., они были компактно поселены между Гродно и Вильней и в дальнейшем образовали самостоятельную административно-хозяйственную единицу – Бортнянскую волость. В военное время их задачей было обеспечение беспрепятственного передвижения армии, в том числе сооружение мостов, паромов, наведение переправ и т. д. В одном из документов 1547 г. они характеризуются как «борти, которые перед армией во время войны мосты делают»[3].

Особое внимание обращает на себя практика возведения понтонных мостов. Они являлись интересным образцом инженерно-технической мысли, направленным, в силу своей специфики (непрочность, но оперативность сооружения), на исключительно или, по крайней мере, преимущественно военные нужды. Наиболее известным в историографии является мост, построенный во время похода польско-литвинских войск на Грюнвальд в 1410 г. По нему армия переправилась через Вислу в районе Червеньска.

Согласно современным реконструкциям, мост был возведен при помощи лодок, привязанных к перетянутым через реку канатам, поверх которых накладывались балки и настилались доски[4].

Однако имеются и более ранние свидетельства применения подобных конструкций. Ян Длугош при описании осады силами Ягайлы в 1390 г. Гродненского замка, где защищался гарнизон мятежного Витовта, упоминает попытку постро-

[1] Архив Юго-Западной России (далее – АЮЗР): в 8 ч., 32 т. Киев, 1859–1911. Ч. 3, т. 5. Киев, 1902. С. 90–91, 96–97.

[2] Там же. С. 362–363.

[3] *Доўнар А.* «Масты ў паўтара пруты». Нарыс з гісторыі дарожных камунікацыяў Беларусі XVI–XVIII стст. // Спадчына. 2003, № 2–3. С. 64–65.

[4] *Nowakowski A.* Spręt taborowy, obozowy i przeprawowy // Polska technika wojskowa do 1500 roku. Warszawa, 1994. S. 256.

Понтонный мост, возведенный на р. Днепр для переправки артиллерии и войск перед битвой под Оршей 8 сентября 1514 г. Картина первой трети XVI в.

ения наплавного моста, предпринятую Витовтом вместе с союзными ему крестоносцами. Чтобы наладить связь между замком и своим войском, расположенным на противоположном берегу Немана, через реку была натянута цепь, к которой крепились лодки[1]. Практиковалось возведение понтонных мостов войсками ВКЛ и в XVI в. Так, например, такие мосты были возведены во время битвы с татарами под Клецком в 1506 г. и во время битвы под Оршей в 1514 г.[2]

Подводя итог, можно отметить, что несмотря на изменение критериев выделения категорий воинов на протяжении второй половины XIV – середины XVI в., в структуре посполитого рушения ВКЛ наблюдалась определенная преемственность. Она проявилась в делении войска на копейщиков и стрельцов, существовавшим до середины XV в. де-юре, а в дальнейшем – де-факто.

Во второй половине XV в. была сделана попытка использования иного критерия, который предусматривал градацию защитного вооружения, однако он не отвергал, а только дополнял и делал логически более завершенными требования к указанным категориям воинов. Принципы второй половины XV в. были, в свою очередь, отвергнуты в XVI в., особенно после 1529 г., когда была предложена единая модель вооружения. На практике, однако, этот шаг ознаменовал регламентацию только минимума защитных средств, да и то не во всех случаях. Традиции предшествующего времени, которые касались выделения различных моделей вооружения, продолжали существовать и даже были закреплены в военной лексике. Следует подчеркнуть, что каждый из четырех «официальных» видов кавалерии второй половины XVI в. так или иначе имел аналоги в предыдущие времена.

[1] *Длугош Я.* Грюнвальдская битва. М.; Л., 1962. С. 22.
[2] *Доўнар А.* «Масты ў паўтара пруты». С. 67.

Очевидно, что *гусары* и *кашубы* эволюционировали из прежних копейщиков, причем, как уже отмечалось, гусарскую модель можно связывать с легким копейным вариантом, постепенно эволюционировавшим в более тяжелую кавалерию. *Казаки* и *бруншвики* являлись вариантами стрелковой кавалерии, причем если казацкая модель наиболее полно связывается с восточной, в частности татарской, традицией, то воины, вооруженные «по-бруншвитски», находят своих предшественников среди стрельцов типично европейского типа.

Эволюция военной иерархии. Значительная эволюция наблюдалось в XVI в. и в организация военной иерархии ВКЛ. Если во второй половине XIV – XV в. главным командующим армии являлся сам монарх, то совмещение одним лицом титулов короля польского и великого князя литовского, а также необходимость оперативных военных действий в условиях почти непрерывных войн в конце XV – начале XVI в. потребовало создания специальной должности высшего военачальника. Эта должность была естественным образом заимствована из соседней и союзной Польши, где посполитое рушение традиционно возглавлял король, а наемное войско, значение которого, начиная с середины XV в., неуклонно возрастало, – специальный высший офицер – *гетман.* За королем и великим князем оставалась высшая власть над войском, однако по мере укрепления шляхетской демократии в течение XVI в. эта власть сильно ограничивалась полномочиями сословно-представительных органов – сойма и панов-рады, разрешение которых требовалося даже на созыв посполитого рушения. И если случаи самовольного, только по воле монарха, созыва шляхетского ополчения все же имели место, то это было скорее исключением[1].

Должность гетмана появилась в Великом Княжестве Литовском в конце XV в., однако его полномочия впервые были четко обозначены военной уставой от 13 августа 1507 г. и уставой Брестского сойма 1512 г. для гетмана К. Острожского. Все положения этих устав можно условно разделить на три группы: положения общего характера, связанные с иерархией и подчинением, положения, предотвращавшие уголовные преступления и, наконец, положения, регламентировавшие непосредственно военную службу. Прежде всего уставы требовали безусловного послушания гетману всех представителей военной иерархии, среди которых перечислены воеводы, князья, паны, старосты, наместники, тиуны, дворяне, «все рыцерство земяне, вся шляхта». Отдельно подчеркивалась обязательность исполнения приказов и распоряжений гетмана так же, как и приказов самого господаря. Под угрозой казни следовало беспрекословно слушаться также посланников гетмана и других должностных лиц.

Большое внимание обращалось на предотвращение насильственных реквизиций. За все, взятое у населения, нужно было заплатить. Это положение встречается в тексте устав неоднократно. Виновник изъятия у населения необходимых продуктов без оплаты должен был наказываться «поимкой». За попытку применения против кого бы то ни было оружия («добывание корда») виновному

[1] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 102; *Сагановіч Г. М.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. С. 11.

отрубали руку. Еще более суровая кара предусматривалась за ранение какого-либо лица: забияке должны были «шею втяти». Если бы кто-то держал чужого коня без ведома гетмана три дня, запрягал его, ездил на нем, а после тот конь был бы узнан, то виновный должен был вернуть коня владельцу и еще заплатить ему «навязку» в размере стоимости животного. Если бы кто-то нашел какую-то вещь стоимостью более половины копы литовских грошей и без ведома гетмана держал у себя, а потом это обнаружилось бы, то такое лицо должно было быть осуждено на виселицу. Виселица ожидала и виновника «порубания» колоды с пчелами. А если бы кто-то из армии «вырвал пчел», то он должен был заплатить владельцу половину копы и еще половину копы гетману. За воровванный мед, найденный у «корчмита», он должен был быть выдворен из армии.

Гетман Константин Острожский (1460–1530 гг.). Картина XVII в.

Солдат, который сбежал из армии домой и был пойман, должен был быть повешен. Запрещался выезд вперед армии без ведома гетмана; за эту провинность нарушитель мог быть закован в цепи. Можно предположить, что таким образом предпринималась попытка не только предотвратить мародерство, но и избежать вражеской засады.

Отдельную часть устав составляла регламентация денежных сумм, которые должны были быть выплачены за ту или иную живность, взятую у местного населения. Так, за вола военнослужащие должны были платить от 30 (1506 г.) до 50 (1512 г.) грошей, за яловицу – 20, за «вепря» – 12, за барана – 2, за двух гусей – 1, за четырех кур – 1, за копу жита – 3, за копу овса – 2 гроша[1].

Следует отметить, что упомянутые уставы были далеко не первой попыткой поддержания воинской дисциплины. Так, при описании похода Витовта на Новгород в 1428 г. Ян Длугош отмечал образцовый порядок, который ввел этот господарь в армии. Он запрещал кому бы то ни было самовольно выезжать за живностью, чтобы предотвратить мародерство. Нарушителей дисциплины вешали на широкой виселице, через которую с целью увеличения психологического эффекта назавтра проходило войско, двигаясь в поход. Тем самым потенциальные преступники получали серьезное предупреждение. В то же время

[1] Беларускі архіў. Менск, 1930. Т. 3. С. 9–10; Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. S. 115–117.

обеспечение провиантом и фуражом строго контролировалась князем, который проявлял в этом вопросе значительную энергию[1].

Привлекает внимание проект военной уставы («артикулов») за 1535 г. Там кроме общих положений о военной иерархии и дисциплине, мародерстве и др. имеются очень важные положения, которые регулировали поведение армии на марше и на поле боя. «Артикулы» требовали, под страхом наказания «на чти и на горле», строго придерживаться своего места «на шиху» и в дороге, «лишь бы один гуф так за другим шел, яко гетман роскажет – который гуф за которым перебывати маеть». Самовольно покидать свое место запрещалось. Построение армии должно было происходить по сигналу трубы и только по приказу гетмана. Допрос «языков» и перебежчиков должен был осуществляться исключительно гетманом и т. д. Суровая дисциплина требовалось не только от воинов, но и от «бортей, теслев, ковалев, колодеев, колесников и всих ремесников, што там поручоны будут ку военной справе кому-колве от нас або от гетмана»[2].

В отличие от Короны в ВКЛ гетманы управляли не только наемниками, но и всем войском – местные гетманы имели более широкие полномочия. Правда, их власть сильно зависела от монарха, который и назначал их на гетманские должности, а также от сойма, который мог потребовать у гетмана отчет и даже мог вывести из-под его подчинения посполитое рушение. Обладая сначала только функциями военных предводителей, гетманы, которых стали также называть «наивысшими», с течением времени были поставлены перед необходимостью заниматься финансовыми, административными и судебными делами. Таким образом возникла необходимость в должности гетмана польного (полевого), которая впервые упоминается в середине XVI в. Полевой гетман являлся заместителем высшего гетмана, замещал его, когда он отсутствовал, или действовал по его поручениям.

Интересным прецедентом, связанным с проведением конкретных крупномасштабных военных операций и специфическим статусом присоединенных территорий, стало появление института «локальных» гетманов. Подразумевается должность гетмана Инфлянтского, которая была введена во время Ливонской войны, после присоединения Ливонии к Великому Княжеству Литовскому. Эта должность существовала (с перерывами) с 1566 г. до начала XVII в.[3]

Для того, чтобы армия перешла под власть гетмана, требовалось объявление сбора посполитого рушения. Это делалось с соответствующего одобрения сойма. После этого великий князь (от его имени это могли делать и паны-рада) рассылал по воеводствам и поветам универсалы, в которых провозглашались время и место сбора военнообязанного люда. В поветах сбором рыцарства управляли хоружие и каштеляны, после чего уже сформированые полки переходили в подчинение воевод. Далее хоругви двигались к месту сбора всего

[1] *Długosz J.* Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. Kraków, 1869. T. IV, ks. XI, XII. S. 336–337.

[2] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.: в 10 т. М.; Варшава, 2002. Т. 6. С. 130–134.

[3] *Сагановіч Г. М.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. С. 33–34.

войска и поступали в распоряжение гетмана. Там же проводился полевая перепись для выяснения количественного состава, качества лошадей и вооружения рыцарства. После этого войско считалось готовым для проведения военной кампании. Командовали поветовыми хоругвями и занимались мобилизационными мероприятиями в поветах поветовые хоружие. Что касается хоругвей крупных феодалов, то и сбор, и командование ими во время боя возлагались на самих магнатов. Во время боя они держались отдельно и действовали под собственными знаменами. Эта ситуация мало изменилась по сравнению с таковой в начале XV в.

Гетман Юрий Радзивилл (около 1480–1541 гг.). Картина XVII в.

Сборы поветовых хоругвей, смотры и переписи могли практиковаться и в мирное время для поддержания боеспособности рыцарства и контроля за готовностью армии. Ответственность за проведение таких переписей возлагалась на хоружих или маршалков. Однако эффективность подобных сборов была невысокой. Более того, на протяжении всего XVI в. дисциплина посполитого рушения ВКЛ не была строгой. Говоря об образцовом порядке в армии Витовта, нельзя не отметить, что она была обусловлена не столько совершенным военным законодательством, сколько особенностями характера этого монарха, некоторые карательные меры которого иногда граничили с беззаконием. Так, варминский епископ Энеас Сильвиус, будущий Папа Римский Пий II, писал в середине XV в. о Витовте: «Подданные его так боялись, что если что-то приказывал, каждый был готов скорее удавиться, чем непослушанием гнев властелина навести на себя. Говорят, что тех, кто противился его воле, он приказывал зашивать в медвежьи шкуры и выбрасывать собакам на растерзание. Проезжая на лошади, всегда имел лук натянутым, чтобы виновного немедленно стрелой пронзать...»[1].

Ситуация XVI в., когда великокняжеская власть неуклонно слабела, была совсем иной. Бывали случаи неявки рыцарства на переписи, самовольного

[1] *Niemcewicz J. U.* Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rękopismów, tudzież dzieł w rożnych językach o olsce wydanych, oraz z listami oryginalnymi królłw i znakomitych ludzi w kraju naszym. Warszawa, 1822. T. I. S. 8.

Хоругвь посполитого рушения Гродненского повета. Первая четверть XVII в.

отъезда домой после проведения переписей, выставления некомплектных или недостаточно вооруженных почтов и т. д. Все это заставляло руководство государства смягчать изначально суровые нормы воздействия на нарушителей воинской дисциплины; в противном случае пришлось бы применять их слишком часто.

Переход к наемной армии. Падение боеспособности посполитого рушения ВКЛ потребовало внесения определенных корректив в принципы комплектования вооруженных сил в государстве. С начала XVI в. начинается постепенный переход к наемной армии, не столь многочисленной, но постоянно готовой к ведению боевых действий. Время появления в Великом Княжестве Литовском первых наемных отрядов назвать невозможно, но произошло это, несомненно, задолго до потери посполитым рушением своих боевых качеств. Уже Миндовг имел в 1252 г. в своем распоряжении наемных немецких арбалетчиков. После возвращения этого монарха в язычество приток в литвинское войско выходцев из христианских европейских стран должен был замедлиться, однако после заключения Кревской унии 1385 г. и крещения язычников-литовцев наемники снова систематически начинают встречаться в армии Великого Княжества. Наибольший их наплыв связан с именем Витовта, хорошо известного на Западе еще со времен его пребывания в Пруссии и династической борьбы в ВКЛ. Например, достоверно установлен факт присутствия крестоносцев и польского рыцарства во время трагической для Витовта битвы на Ворскле в 1399 г. Не является тайной и факт присутствия наемников, в частности чехов, в союзном польско-литовском войске под Грюнвальдом. Правда, связываются они обычно с коронной, польской армией. Тем не менее донесение комтура из Рагнита магистру Тевтонского ордена за 30 мая 1410 г. свидетельствует, что в рамках непосредственной подготовки к Грюнвальдской кампании Витовт послал польскому королю для найма солдат 20 000 коп грошей. Наемный отряд во главе с Томашем Тоненфельдом находился на службе у Витовта до 1423 г. Не обошлось без наемников, в том числе чехов, поляков, валахов и татар, и во время похода Витовта на Псков в 1426 г.[1]

Не прекратилась практика использования наемников и при преемниках Витовта. Имелись наемные «гости» в распоряжении Жигимонта Кейстутовича в 1433 г. Его главный политический противник Свидригайло, в свою очередь, нанял в 1435 г., накануне битвы под Вилькомиром, значительное количество «гостей», среди которых были ракушане, русины, татары, чехи, силезцы,

[1] Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. S. 209, 509, 730.

рыцари Инфлянтского и Тевтонского орденов, а также представители других народностей[1].

Один из крупнейших военных походов с участием наемных отрядов должен был состояться в 1480 г. Тогда для ведения войны с великим князем московским Иваном III на территории Польши, в династической унии с которой Великое Княжество Литовское вновь оказалось после занятия польского трона Казимиром Ягеллончиком, было нанято около 6–8 тыс. человек отборной кавалерии[2].

Принципиально новый этап в использовании наемной армии в ВКЛ начался во времена Александра Ягеллончика. Этому способствовало несколько основных факторов. Во-первых, после смерти Казимира в 1492 г. польский трон перешел к одному из его сыновей, Яну Ольбрахту, тогда как Александру были вручены полномочия великого князя литовского. Таким образом, личная уния между давними союзниками была нарушена, что потребовало создания для каждого из монархов собственного полноценного двора. Двор Александра был сформирован из местных лиц, выполнявших свои дворовые функции во время приезда Казимира в Литву, а также из личного двора королевича, прибывшего из Польши.

В состав двора Александра входило несколько категорий дворян, которые выполняли различные функции. Наиболее многочисленной категорией являлись дворяне, которые несли военную службу. Лица иностранного происхождения, фиксированные иногда как «curienses», получали за это определенную плату. Местные уроженцы выполняли военную службу на привычном феодальном праве. Только в исключительных случаях дворяне-литвины получали за это плату.

Важным фактором, который также способствовал расширению использования наемников в Великом Княжестве Литовском, являлись военные действия на восточных и южных границах государства. Именно после смерти Казимира и с приходом к власти Александра они приобрели характер перманентной войны. Это требовало наличия армии, готовой в любую минуту, не тратя времени на долгие сборы, приступить к защите страны. Уже в 1493 г. Александр поручил своему послу Литавору Хрептовичу, направленному в Польшу, договориться с ротмистрами о вербовке наемных солдат[3]. Привлекались добровольцы и из других стран Европы, особенно тех, монархи которых находились в дружеских отношениях с великим князем литовским. 2 июля 1500 г. Александр издал в Минске обращение к панам, городам и ротмистрам наемников, где объявил, что он основывает рыцарское братство с целью борьбы с московским неприятелем. Это обращение должно было быть обнародовано в странах, где монархами являлись братья Александра – в Венгрии, Чехии и Польше[4]. Однако встречались в войске ВКЛ выходцы и из других стран. В конце XV в. личную охрану великого

[1] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 80, 85; *Długosz J.* Opera Omnia cura Alexandri Przedziecki edita. Cracoviae. T. XIII. S. 565, 688.

[2] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagellonów. Warszawa, 1930. T. I: 1377–1499. S. 335.

[3] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. С. 175.

[4] *Papee F.* Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1949. S. 37.

князя Александра составляли знаменитые немецкие ландскнехты, а в 1501 г. их заменили не менее знаменитые швейцарцы[1].

Количество наемников, которые привлекались к обороне страны, непосредственным образом зависело от внешнеполитической ситуации. В течение 1498–1499 гг., во время военного затишья, в окружении великого князя постоянно находилось около 30 наемных дворян, имевших в своем распоряжении почты, чаще всего насчитывавшие от 2 до 8 человек. Таким образом, вся надворная хоругвь должна была состоять приблизительно из 170 воинов. В 1500 г., после активизации борьбы с Великим Княжеством Московским, эта цифра значительно увеличилась. После поражения на р. Ведрошь была проведена активная вербовка «служебников» в Польше, Моравии и Силезии; в октябре 1500 г. надворная хоругвь увеличилась до 460 «коней» и была послана к Полоцку. Защиту северного направления, где ожидалась наибольшая угроза, возглавил назначенный гетманом чех Петр Чернин, имевший в своем распоряжении 500 наемных кавалеристов и изначально около 1700 пехотинцев. Летом 1502 г. великий князь Александр вернулся в Литву с новыми силами наемников. Таким образом, наемное войско Великого Княжества Литовского значительно увеличилось. На момент окончания военных действий плату за службу в ВКЛ получили 1163 кавалеристов, объединенных в 173 почта, 38 пехотных подразделений, насчитывающих 5952 человека и 237 «коней», а также 11 пушкарей[2].

Правление Александра Ягеллона было знаменательной вехой в становлении института наемничества в ВКЛ не только по причине широкого использования в боевых действиях завербованных воинов, но и потому, что в это время они начали использоваться для охраны границ в мирное время, превращаясь постепенно в регулярное войско[3].

Традиция постоянного использования наемного войска, заложенная при великом князе Александре, нашла продолжение и во время правления последних Ягеллонов – Жигимонта Старого и Жигимонта Августа. Так, во время войны между Великим Княжеством Литовским и Великим Княжеством Московским 1507–1508 гг. в ВКЛ находилось 5000 наемников под командой Фирлея. Исключительно важная роль «служебников» ярко проявилось в войне 1512–1522 гг. После сдачи Смоленска в августе 1514 г. великий князь Жигимонт Старый приложил все силы для мобилизации армии, в том числе наемной кавалерии под командой Януша Сверчовского и наемной пехоты, большинство которых приняли участие в битве под Оршей[4].

После неудачной осады Смоленска, начавшейся после Оршанской битвы, посполитое рушение было распущено, тогда как «служебные» были расставлены в пограничных городах для несения гарнизонной службы, а в следующем году

[1] *Pietkiewicz K.* Dwór łitewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506) // Lietuvos valstybė XII–XVIII / ed. Z. Kiaupa, A. Mickevičius, J. Sarcevičienė, Vilnius 1997. S. 93.

[2] Там же. S. 85–87, 100–104.

[3] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. С. 176; *Pietkiewicz K.* Dwór łitewski wielkiego ksiєcia Aleksandra Jagiellończyka. S. 114–125.

[4] Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1. С. 155–156.

даже перешли к активным боевым действиям. В 1516 г. из-за нехватки финансовых средств наемные отряды также были распущены, однако уже в мае того же года ВКЛ было вынуждено вновь нанять большое войско под командованием того же самого Януша Сверчовского. После заключения перемирия 1522–1527 гг. с Москвой часть «служебников» были оставлены для несения гарнизонной службы[1].

Значительная роль отводилась наемным отрядам на южном направлении, где они составляли гарнизоны пограничных замков, которые прикрывали земли Великого Княжества Литовского от татарской угрозы. Вероятно, уже в 1499 г. 100 пеших драбов стояло в Киеве. «Служебники», нанятые как господарем, так и воеводой, имелись в Киевском замке также в 1507–1509 гг. и около 1520 г. В 1521 г. киевский воевода нанял 200 кавалеристов, и сверх того сюда же было послано еще 300 драбов. На Виленском вальном сойме в 1524 г. было принято постановление послать на «украинные» земли 2000 господарских дворян «на пенезях» вместо такого же количества посполитого рушения. Накануне Ливонской войны большое количество солдат находились на постое и в белорусских городах. В 1557 г. в Оршанском замке стояло 100 драбов ротмистра Захаревского, в Мстиславле – 100 драбов Розбицкого, в Гомеле – 200 драбов Ленского, в Дриссе – 100 драбов Холмского, в Дрисвятах – 100 драбов Заличевского[2].

С началом Ливонской войны Великое Княжество Литовское достигло пика в масштабах использования наемных отрядов. Принципы наемничества поощрялись даже в посполитом рушении через выставление феодалами сверхнормативных почтов «на милость господарскую», т. е. с расчетом на последующую компенсацию со стороны великого князя.

Однако черты проникновения денежного принципа вербовки в такую привычную форму мобилизации, как посполитое войско, проявлялись не только в выставлении феодалами сверхнормативных почтов в расчете на господарскую «благодарность». Феодалы для выполнения своих воинских повинностей сами порой выступали как наниматели, что подрывало сами основы феодального ополчения. В конце концов к услугам наемных лиц могли обращаться те беднейшие феодалы, которые по каким-то причинам (болезнь, служба в наемных ротах и т. д.) не могли явиться на перепись собственной персоной[3]. Таким образом, стремление к увеличению численности войска и его боевых качеств привело накануне заключения Люблинской унии к приоритетному использованию в ВКЛ принципов денежной оплаты воинской службы, что изменяло давние, феодальные принципы посполитого рушения. Нужно, однако, отметить, что коли-

[1] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. С. 202–205.

[2] *Wimmer J.* Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978. S. 97; *Ochmański J.* Organizacja obrony w Wielkim Księstwie Litewskim przed napadami tatarów krymskich w XV–XVI wieku // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1960. T. V. S. 384–386; АЮЗР. Киев, 1907. Ч. II, т. 5. С. 2, 76; АЮЗР. Киев, 1886. Ч. II, т. 2. С. 90; *Любавский М.* Литовско-русский сейм. С. 234, 572–573, 596.

[3] РИБ. Т. 33. К. 439, 441, 443, 468, 474, 565, 698, 1178, 1190.

чество наемного войска находилось в прямой связи с финансовыми возможностями государства. И если в 1566 г. гетман Ливонии Ян Ходкевич был в состоянии держать здесь 3266 наемных «коней», то в следующем году – только 2500–2700 «коней», а в самом конце правления Жигимонта Августа и во времена его преемника, Генриха Валуа, количество наемников сократилось до 200 конных и 50 пеших солдат[1]. Ослабло внимание в это время к наемным отрядам и на востоке Беларуси, что могло быть вызвано затишьем в ведении военных действий.

Организация наемных отрядов, приходивших на службу в ВКЛ из европейских стран, мало чем отличалась от той, которая была привычной на их родине. Можно предположить, что она мало чем отличалась и от организации посполитого рушения ВКЛ, основанного на копейно-стрелковой структуре.

Определенную конкретность структура наемных отрядов в армии Великого Княжества Литовского приобретает с конца XV в. Подобные отряды фигурировали в то время под названием *«рота»*, что в переводе с немецкого языка означает «отряд». В различных документах роты фиксируются под термином «comitiva»[2]. Как отмечалось, наемные роты Великого Княжества, особенно на начальном этапе, в значительной степени вербовались на территории Польши. Первоначально постоянной нормы в количественном составе польских наемных отрядов как пеших, так и конных, не существовало; они могли насчитывать от нескольких человек до нескольких сотен воинов[3]. Можно предположить, что в подобном количественном составе попадали они и на земли ВКЛ.

Во главе роты стоял ротмистр, которому принадлежала инициатива в формировании роты. При поступлении на службу ротмистры заключали договор с королем, оговаривая различные обстоятельства и условия службы (сумма выплат, сроки получения денег и т. д.). Ротмистры получали специальный документ, была прописана плата за комбатантов, которая колебалась в зависимости от характера его вооружения. Ротмистры при формировании рот заключали договор со знакомыми или рекомендованными воинами, которые назывались «товарищами». Товарищи как бы добровольно признавали власть ротмистра и, в свою очередь, являлись младшими офицерами, предводителями сформированных отрядов-почтов, количественный состав и характер вооружения которых зависели от состоятельности каждого конкретного товарища. Подобная система вербовки «служебных» позволяла ротмистрам подобрать наиболее оптимальный состав боевых единиц. В случае, если роты насчитывали количество воинов, недостаточное для создания полноценной боевой единицы, они объединялись в более крупные. В таких случаях они возглавлялись одним из ротмистров по договоренности, тогда как остальные выступали в качестве товарищей. Вероятно, такие лица иногда фигурируют в источниках XVI в. под термином «поручик». Поручики выступали также в роли заместителей ротмистров во время отсутствия последних[4].

[1] *Янушкевіч А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна. С. 166.

[2] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 4–5.

[3] Ibid. S. 4–5; *Górski K.* Historia piechoty polskiej. Kraków, 1893. S. 6.

[4] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 4–14; *Idem*. Historia piechoty polskiej. S. 6.

В XVI в. наблюдаются лишь небольшие корректировки в организации условий найма. По-прежнему ротмистры получали специальные документы на вербовку солдат, которые назывались «листами приповедными». Старейший образец «листа приповедного» датируется 1514 г. В этих листах указывались количественный состав рот, оплата за комбатантов, вид вооружения, время и место сбора. Ротмистры договаривались с товарищами о выставлении определенного количества воинов, определяли место сбора, откуда ехали на место переписи. Поэтому роты XVI в. выглядели сравнительно однородными как по численности, так и по вооружению[1].

Несмотря на то, что ротмистрам принадлежала значительная свобода в формировании рот, они не рассматривались в отличие от практики, распространенной в других странах Европы, как частные предприниматели, вербовщики. Ротмистры выступали скорее в качестве королевских офицеров, действовавших на основании королевского патента, которым являлись упомянутые «листы приповедные»[2]. Статус должностных лиц закреплялся принятием присяги[3]. Следует, наконец, отметить, что инициатива формирования рот могла принадлежать не только ротмистрам. По крайней мере, в XVI в. в ВКЛ наблюдались случаи, когда наемные отряды формировались великокняжескими администраторами (например, старостами) и служили под их командой. К специфическому роду найма можно отнести и практику выставления в составе посполитого рушения сверхнормативных почтов «на ласку господарскую», которая фактически являлась только более развернутой мобилизацией в рамках того же самого феодального ополчения.

Внутренняя структура конных рот конца XV в. мало чем отличалась от хоругвей предыдущего периода. По-прежнему кавалерия делилась на тяжеловооруженных копейщиков и легких стрельцов, причем существовала тенденция к обеспечению рядовых комбатантов («пахолков», которые могли называться также челядью) стрелковым вооружением, тогда как предводители (товарищи) выступали чаще в тяжелом, копейном варианте. Встречались и чисто стрелковые почты. В ряде почтов кроме товарища-копейщика имелся еще один копейщик, что усиливало ударную мощь отряда. В общем, в зависимости от пропорции копейщиков и стрельцов роты разделялись на копейные и стрелковые. В последних соотношение копейщиков и стрельцов было не менее 1:4, тогда как в копейных ротах на одного копейщика в среднем приходилось по 2 стрельца. Помимо слуг в состав почта могли входить так называемые пахолята – лица, вообще не обеспеченные вооружением. Функцией пахолят было содержание запасного коня для товарища и другие впомогательные задачи (например, ношение его копья)[4]. Несмотря на постепенное уменьшение роли тяжеловоору-

[1] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 28–29; *Idem*. Historia piechoty polskiej. S. 7.

[2] *Nadolski A.* Polska technika wojskowa do 1500 roku. S. 196.

[3] *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого Княжества Литовского. Кн. 21. С. 84.

[4] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 6–13; *Nadolski A.* Polska technika wojskowa do 1500 roku. S. 196.

женных копейщиков в течение XVI в., они присутствовали в наемном войске до конца века[1].

В начале XVI в. среди наемников фиксируется новый вид кавалерии – *гусары*, или «рацы»[2]. К середине XVI в. в ВКЛ появляются собственные роты, которые фигурируют как «гусарские», хотя комплект вооружения у них существенно отличался от модели, характерной для классических венгерских гусар.

В XVI в. в наемной армии Великого Княжества Литовского фиксируются и другие нормированные виды кавалерии, в том числе казаки.

Несмотря на распространение в XVI в. новых категорий воинов, кавалерийские роты были по-прежнему представлены двумя видами в зависимости от доминирования в них воинов, обеспеченных древковым оружием или оружием дальнего боя. Иная ситуация наблюдалась в польских пеших ротах, которые в отличие от пехоты большинства тогдашних европейских армий имели ярко выраженный стрелковый характер. Подобное явление объясняется тем, что на просторах Польши и Великого Княжества Литовского основное значение имела кавалерия, тогда как пехоте отводилась второстепенная, вспомогательная роль. Имела польская пехота специфику и в своей структуре. К концу XV в. пешие роты, подобно кавалерийским, делились на почты, количественный состав которых был разным и мог колебаться от нескольких до двух десятков человек. Почты возглавлялись товарищами, тогда как рядовые комбатанты назывались челядью. В зависимости от комплекса наступательного и защитного вооружения в польской пехоте выделялись две категории воинов: павезники, вооруженные большими щитами-павезами, и стрельцы, обеспеченные арбалетами или, реже, ручницами. Во время боя павезники располагались впереди, по бокам и сзади боевого порядка, составляя прикрытие для стрельцов, которые стреляли поверх их голов.

Помимо павезников и стрельцов при ротах находились комбатанты с флажками-«прапорцами», служившими опознавательными знаками, а также несколько всадников[3]. Подобная же ситуация еще в начале XVI в. наблюдалась и в польских ротах, которые несли службу на землях Великого Княжества Литовского, что иллюстрирует реестр ряда пеших рот, фиксируемых в 1503 г. в Вильне, Полоцке, Витебске, Борисове и т. д.[4] Однако в это время уже обозначилось явная тенденция к большей упорядоченности в структуре рот. В качестве оптимальной численности комбатантов в почте был признан десяток, во главе которого стоял товарищ-десятник. В реальности, однако, встречались некомплектные десятки, что отрицательно сказывалось на глубине строя, так как количество драбов в каждом десятке должно было соответствовать количеству рядов.

---

[1] *Semkowicz Wł.* Popis wojska polskiego z lat 1561–1564 i wyobrażone w nim piętna końskie // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. T. XII–R. 1928 i 1929. Kraków, 1930. S. 108.

[2] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 288; *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. II. S. 318; *Pietkiewicz K.* Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka. S. 102.

[3] *Górski K.* Historia piechoty polskiej. S. 7–10.

[4] Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1. С. 155–156.

Стрельцы, вооруженные ручницами. Начало XVI в.

Определенные новации наблюдались и в выделении категорий драбов. С конца XV в. в составе десятков появились копейщики в полных доспехах, обеспеченные древковым оружием. Во время правления последних Ягеллонов в наемной пехоте как Короны, так и Великого Княжества Литовского фиксируется три вида рот. Первый вид предусматривал наличие копейщиков, павезников и стрельцов, причем копейщики с павезниками располагались впереди строя. Задачей копейщиков было активное сдерживание атакующего противника, а павезники, как и в предыдущие времена, защищали воинов, снабженных оружием дальнего боя. Ассортимент этого оружия также постепенно менялся и в 20-х годах XVI в. арбалеты были вытеснены ручницами. Принцип ведения огня из ручниц в составе боевого построение роты отличался от прежнего, когда господствующей оружием являлся арбалет. Стрельба теперь велась рядами: сначала стрелял последний ряд, при этом передние воины становились на колено, после этого стрелял ряд предпоследний, затем третий сзади и т. д.[1]

Спецификой второй модели пеших рот являлось то, что, при наличии собственно копейщиков, павезников и стрельцов по два стрельца каждого десятка из задних линий рядов были дополнительно обеспечены древковым оружием[2]. Третья модель пеших рот предусматривала наличие только копейщиков и стрельцов, тогда как павезники отсутствовали[3].

Государство как основной пользователь услуг наемников обращало пристальное внимание на выполнение требований к вооружению, организации и вообще боеспособности наемных рот. В XVI в. они, если этого требовали обстоятельства, могли объединяться в более крупные тактические единицы. В то же время величина мелких отрядов в составе рот строго регламентировалась. Причем если в пехоте уменьшение количественного состава десятков вызвало, по отмеченным выше причинам, отрицательную реакцию, то в кавалерии, наоборот, сложилась тенденция к ограничению количества слуг. Так, в одном из регламентирующих документов за 1557 г. отмечалась недопустимость увеличения почтов за счет слуг, поскольку это снижало количество наиболее испытанных воинов-товарищей. В это время за оптимальное количество комбатантов в конном почте принималось 4–8 человек, а за верхнюю границу численности – 10 воинов[4]. Таким образом, обозначилась тенденция к нормированию численности пеших и конных отрядов.

[1] *Górski K.* Historia piechoty polskiej. S. 10–14, 226–227.
[2] Ibid. S. 228–229.
[3] АЮЗР. Киев, 1886. Ч. 2, т. 1. С. 90.
[4] *Górski K.* Historia jazdy polskiej. S. 30, 319.

Необходимость содержания значительных сил наемников поставила перед руководством ВКЛ серьезную проблему, связанную с поиском денег для их оплаты. Проблема заключалась в том, что земский привилей Казимира Ягеллончика 1447 г. освобождал феодалов от уплаты налога на военные нужды – так называемой серебщизны[1]. Начиная с этого момента, на получение денег от подданных знати требовалось разрешение и санкция сойма, причем в отдельных случаях великий князь должен был прибегать к займу.

В XVI в. принятие соймами Великого Княжества постановлений о взимании налога на оплату «служилых» становится обычным явлением. Принципы обложения и размеры серебщизны колебались в зависимости от ряда обстоятельств, в том числе и от количества солдат, услуги которых нужно было оплатить. Одним из распространенных принципов, который определял сумму выплат, являлся учет тяглового скота. В соответствии с ним в начале XVI в. размеры серебщизны были определены в 6 грошей от воловьей сохи, 3 гроша от конской сохи и 3 гроша от тех, кто имел только землю[2]. В «Листе к минским обывателям о поборе» от 20 марта 1534 г. были зафиксированы уже более высокие ставки выплат: все подданные Великого Княжества, которые имели «оседлость» в повете, как духовные, так и светские, должны были выплачивать от запряжки в два вола 12 грошей, от одного вола и от рабочего коня – по 6 грошей. Лица, не имевшие волов или лошадей, но у которых в собственности была пахотная земля, выплачивали 6 грошей, как и лица, имевшие вола или лошадь, но без земли. Огородники должны были платить по 3 гроша[3]. Однако уже 20 ноября того же года размеры серебщизны, одобренные на сейме в Вильне, были повышены до 15 грошей с «воловьей сохи» (запряжка в два вола), 7,5 гроша с «лошадиной сохи» и одного вола. Владельцы только земли или только тяглового скота должны были платить как за «полсохи», т. е. 7,5 гроша, тогда как с огородников взималось 3 гроша[4]. Это позволило собрать сумму в 2486 коп и 40 грошей[5].

В 1551 г. размеры выплат были снижены[6], но уже через три года, на которые распространялась предыдущая норма, в 1554 г. Виленский сойм вновь поднял размеры серебщизны до 10 грошей с «сохи» (вероятно, воловьей), 5 грошей с «полсохи» (1 вол или лошадиная запряжка) и «от земли», а огородники должны были платить по 3 гроша[7]. К 1562 г. ставки выплат на военные нужды по сравнению со ставками 1554 г. выросли вдвое. В следующем году размеры серебщизны выросли еще почти в полтора раза[8].

В зависимости от размеров денежных сумм, которые выплачивались теми или иными землевладельцами, отдельные наемные отряды могли оплачиваться либо за счет поветов, либо за счет конкретных магнатов. Ситуация в чем-то

[1] Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. S. 33.
[2] Ibid. S. 180.
[3] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. Приложения. С. 24.
[4] Там же. С. 26.
[5] Там же. С. 30–31.
[6] Там же. С. 54–55.
[7] Там же. С. 91.
[8] Там же. С. 116–117.

напоминала систему посполитого войска, где выделялись не только поветовые хоругви, но и хоругви крупнейших феодалов, которые были в состоянии выставить соответствующее количество воинов[1].

Характер деятельности сборщиков серебщизны, которые имели доступ к значительным денежным суммам, создавал почву для серьезных злоупотреблений с их стороны[2].

В определенных обстоятельствах для получения денежных сумм на оплату солдат верховная власть прибегала к поголовному обложению жителей Великого Княжества специальным налогом – «поголовщиной»[3]. Практиковалось также обложение военным налогом пропорционально количеству крестьянских служб[4]. Подобный принцип налогообложения вплотную приближался к принципам выставления слуг в посполитое рушение и фактически означал замену типичных воинских обязанностей денежными выплатами. По мнению М. К. Любавского, уже около 1512 г. некоторые регионы могли освобождаться от участия в посполитом рушении при условии уплаты определенных денежных сумм[5].

В случае, когда собранных денег было недостаточно для оплаты солдат либо введение налога в масштабах всей страны было, по тем или иным причинам, невозможным, великий князь прибегал к обложению серебщизной собственных владений или к займам у частных лиц под залог своих имений. Так, например, на такие меры пришлось пойти Жигимонту Старому в 1515 г., чтобы заплатить наемникам, отслужившим свой срок и настойчиво требовавшим «заслуженного»[6]. Еще раньше, в 1505 г., великий князь Александр взял у старосты владимирского Федора Янушевича 1000 злотых «для большой земской нужды», взамен чего ему разрешалось компенсировать эту сумму за счет получения доходов с Владимирского повета[7].

Изредка наблюдались случаи, когда наемные роты содержались за счет локальных доходов в местностях, где они несли службу. Например, в 1568 г. великий князь Жигимонт Август велел держать в Виннице роту за счет доходов с винницкой корчмы и винницкого же мыта[8].

Тем не менее собрать деньги для срочной оплаты наемников удавалось не всегда. В таких случаях солдаты должны были сами искать себе средства существования, что иногда приносило много хлопот как самим «служилым», так и мирному населению. Одним из способов достать деньги была продажа наемниками своего жалования, точнее, права на его получение, частным лицам. В результате «служилые» теряли определенную часть своих денег, но получали их сразу и гарантированно[9].

---

[1] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. Приложения. С. 189–191.
[2] Там же. С. 192.
[3] Там же. С. 1.
[4] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. Приложения. С. 21–22.
[5] Там же. С. 194.
[6] Там же. С. 203–204.
[7] Там же. С. 177.
[8] АЮЗР. Ч. 3, т. 5. С. 172–173.
[9] Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1. С. 183.

Практиковался также залог солдатами личного имущества, в том числе и оружия, что являлось прямым нарушением военных регламентаций. Например, к такому способу прибегли солдаты, которые размещались в 1502 г. в Полоцке: они закладывали свое боевое снаряжение (доспехи, оружие ближнего и дальнего боя) местным мещанам[1].

Крайней мерой, на которую шли наемники для получения своей платы, было ее насильственное взыскание с подданных Великого Княжества Литовского[2]. В течение XVI в. самовольное и насильственное взыскание «служилыми» денег с местного населения делается привычным делом, вызывая возмущение и многочисленные протесты населения Великого Княжества. Вопрос «неоплаченного жолнера» нарастал, обостряясь во времена военных лихолетий и оставаясь главной проблемой, связанной с пребыванием наемных войск на землях Речи Посполитой вплоть до ее разделов в конце XVIII в.

Таким образом, размещение Великого Княжества Литовского на стыке западной и восточной цивилизаций обусловило сосуществование здесь различных военных традиций. До конца XIV – начала XV в. преобладала давняя, «руская» и литовская организация, которая предусматривала широкое использование на войне всеобщего народного ополчения, что не отрицало наличия дружины либо активно формировавшейся феодально-рыцарской профессиональной верхушки. Длительное господство в ВКЛ восточноевропейских милитарных традиций вполне объяснимо, поскольку стремительное приращение территории этого государства происходило именно за счет восточнославянских земель, а их вооруженные силы становились частью «военной машины» Гедиминовичей. С начала XV в. вооруженные силы ВКЛ все больше развивались в русле западноевропейских традиций. Это было вызвано как близким знакомством с военной организацией крестоносцев, являвшихся для ВКЛ наиболее грозным противником, так и, что еще более важно, координацией военных усилий и унификацией военной организации ВКЛ и Польши после заключения Кревской унии 1385 г. С начала XVI в. начинается постепенный переход к использованию наемной армии.

4.6. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Расстановка политических сил. Борьба за власть и политическое влияние присуща, пожалуй, любому государству. И Великое Княжество Литовское в этом смысле, конечно же, не было исключением. Однако не подлежит сомнению и то, что формы внутриполитической борьбы и ее ключевые участники в этом государстве менялись: одни появлялись, другие уходили в прошлое. При всей неполноте фактических данных, а это особенно характерно для раннего периода, можно хотя бы в общих чертах получить представление о важнейших сферах, основных действующих силах и этапах политического соперничества в ВКЛ.

[1] AGAD. Rachunki Królewskie (далее – RK). Ks. 25. K. 118.
[2] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. Приложения. С. 13.

На протяжении всего периода XIV–XVI вв. главную роль в политической борьбе, которая шла в ВКЛ, играли представители светской знати: князья и бояре. В XV–XVI вв. (на основе в том числе боярства) происходило оформление новой социальной и политической силы – шляхетского сословия. Верхушку этого сословия составляли магнаты, которые в результате и стали основными действующими лицами во внутриполитической борьбе.

По всей видимости, на этапе возникновения и государственного становления Великого Княжества важнейшую роль в его политической системе, а значит, и во внутриполитической борьбе, играли князья. Собственно, с этим был связан и сам великокняжеский титул государей ВКЛ: судя по всему, великим князем мог титуловать себя только тот князь, который имел в подчинении других князей. Кроме того, важное место в системе власти, которая действовала в то время, играли члены семьи и другие родственники великих князей. В большинстве своем они также были князьями и, как показывает целый ряд событий, принимали самое деятельное участие во внутриполитической борьбе. Достаточно вспомнить хотя бы обстоятельства убийства Миндовга, который пал жертвой заговора в 1263 г. Оба известных нам заговорщика, Довмонт и Тренята, были князьями, а Тренята, ко всему прочему, приходился Миндовгу племянником. И впоследствии аналогичные случаи неоднократно повторялись. Упомянем хотя бы отстранение от власти великого князя Явнутия его братьями Ольгердом и Кейстутом в 1345 г., государственный переворот 1381 г., когда Кейстут лишил трона своего племянника Ягайло, и обратный переход власти, произошедший в 1382 г. Однако вместе с тем следует помнить, что во всех этих и многих других похожих событиях огромную роль играло также ближайшее окружение князей – их бояре. К сожалению, конкретный механизм принятия важных политических решений в большинстве случаев остается нам неизвестным. Но вряд ли можно сомневаться в том, что бояре, которые входили в совет (раду) при князе, самым решительным образом влияли на выработку этих решений. Например, известно, что когда после убийства Миндовга Тренята пригласил своего брата, полоцкого князя Товтивила, чтобы разделить «землю и добыток» почившего дяди, Товтивил советовался («поча доумати») со своими боярами. Один из них, полочанин Прокопий, и проговорился о намерении Товтивила убить Треняту[1]. Хотя князья в то время обладали, несомненно, немалой властью, но действовать в одиночку, а тем более вопреки мнению своих бояр они все-таки не могли.

Для XIV в., когда продолжался процесс государственного становления Великого Княжества Литовского, наши знания о внутриполитической борьбе в этой стране касаются в основном проблемы передачи верховной власти. Разумеется, эти сведения далеко не полны, и многие концепции исследователей основываются как на фактах, так и на более или менее вероятных гипотезах.

Тем не менее можно считать, что вопрос о передаче власти обсуждался и решался очень узким кругом лиц, и в первую очередь членами великокняжеской семьи. Именно они: сам великий князь, его супруга, их сыновья, другие

[1] Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 860–861.

Великий князь литовский
и король польский Ягайло

близкие родственники и, возможно, некоторые особо доверенные лица из числа бояр – решали, кто станет преемником господаря в случае его ожидаемой или внезапной смерти. По всей видимости, очередность рождения сыновей не играла в этом вопросе решающей роли. В гораздо большей степени учитывались личные способности претендентов. И неоднократно случалось так, что очередной великий князь, даже если он получал власть легко и на совершенно законных основаниях, впоследствии был вынужден ее отстаивать. Тем самым он на деле подтверждал (или опровергал) свою способность бороться с угрозами своей власти и вообще управлять страной. Так, не сумел усидеть на троне Явнутий, который стал великим князем сразу после смерти своего отца Гедимина. Свергнувшие его Ольгерд и Кейстут своими действиями доказали, что ради достижения поставленной цели они способны на самые решительные поступки – и никто не поставил под сомнение законность их прихода к власти. Так же мирно, как и Явнутий, взошел на трон Ягайло, однако и ему пришлось в тяжелой борьбе отстаивать свои права на отцовский великокняжеский венец. Ягайло пережил государственный переворот, однако, сконцентрировав все свои силы и не останавливаясь ни перед чем, он смог вернуть утраченную было власть. Еще тяжелее довелось Витовту, который имел очень мало шансов когда-либо взойти на виленский трон и тем самым стать во главе всего государства, но и он в конце концов добился желанной цели.

Во всех этих битвах за первенство в государстве претенденты опирались на свое окружение, которое было способно оказать поддержку в вооруженной борьбе: родственников, зависимых князей, бояр. Как результат, боярство постепенно усиливало свое влияние на государственные дела. При этом оно добивалось от великих князей гарантии своих личных и имущественных прав. Виленским привилеем от 20 февраля 1387 г.[1] Ягайло, а затем Городельским привилеем от 2 октября 1413 г.[2] совместно Ягайло и Витовт законодательно оформили высокий статус боярства в социальном и политическом строе ВКЛ. И начиная с XV в. уже именно боярство-шляхта вкупе с князьями решало вопрос о власти. Именно они в 1432 г. отстранили от власти Свидригайло, возведя на престол Жигимонта Кейстутовича, а затем организовали убийство самого Жигимонта, передав в 1440 г. трон Казимиру Ягеллончику.

Конфессиональные противоречия. В связи с этим стоит более подробно остановиться еще на двух проблемах, которые красной нитью проходят едва ли

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М., 1915. С. 60–61.

[2] Там же. С. 318–323.

не через всю историографию Великого Княжества Литовского. Прежде всего, назовем конфессиональную проблему. Она, так или иначе, прослеживается во внутриполитической жизни этого государства практически с момента его возникновения. Но особенно остро она встала после заключения Кревского соглашения 1385 г. с Королевством Польским. Второй проблемой этого же ряда является изменение политического положения титулованной знати – князей.

С 1387 г. ВКЛ официально стало католическим государством. После крещения католиками стали великие князья литовские, католичество приняла вместе со всем народом и литовская знать. Именно она оказалась в привилегированном положении. Проблема состояла в том, что православное население численно преобладало в государстве. Конфессиональное разделение и неравноправие было очень болезненным явлением и серьезным дестабилизирующим фактором в жизни Великого Княжества. Оно нашло свое отражение во многих сферах, однако, пожалуй, сильнее всего изменило положение дел в сфере политики: как внутренней, так и внешней. Очень показательно, что разделение затронуло даже правящую династию. Так, из двенадцати сыновей Ольгерда семеро были крещены в православие, а остальные пять приняли католичество. Тем не менее исследователи уже давно обратили внимание на тот факт, что политические группировки, существовавшие в Великом Княжестве Литовском, практически никогда не формировались только по конфессиональному признаку. Или, если даже такие конфессиональные группировки и существовали, то они решали, вероятнее всего, какие-то локальные, специфические задачи и, как результат, были недолговечными и нестабильными. Кроме того, само государство не было заинтересовано в существовании национальных либо конфессиональных политических объединений. Существование таких объединений неизбежно вело бы к дезинтеграции политической системы, тогда как устремления великих князей литовских сводились к прямо противоположному – сближению разных политических сил и единству государства.

Централизация государственной власти. Княжеская прослойка в течение первых полутора столетий существования Великого Княжества Литовского занимала ведущие позиции в его внутриполитической жизни. Княжеский титул придавал его носителю особый престиж, обеспечивал особый, первостепенный статус среди приближенных монарха, более прочными были и имущественные права князей. Однако уже тогда княжеская среда де-факто была неоднородной, а с течением времени различия только усиливались. Эти различия можно проследить на примере и отдельных представителей княжеской касты, и целых родов. Они относились к разным сферам: происхождению, размерам княжества и другим. Одни князья принадлежали к правящей династии Гедиминовичей (Олельковичи-Слуцкие, Лынгвеньевичи-Мстиславские), другие происходили из старой литовской знати (Гольшанские, Свирские, Ямонтовичи-Подберезские), третьи вели свою генеалогию еще от древнерусских князей (Друцкие). Судьба всех этих княжеских семей в Великом Княжестве Литовском также сложилась по-разному, и, например, происхождение далеко не всегда играло здесь решающую роль. Не меньшее значение имели такие факторы, как богатство, политическая дальновидность, близость ко двору, успехи на государственной службе и прочие.

В разное время и по разным причинам удавалось возвышаться разным княжеским родам. В конце XIV–XV вв. очень сильные позиции занимали Гольшанские, свойственники Витовта и родственники Ягеллонов по женской линии. В XV в., в связи с женитьбой Ягайло на Софье Гольшанской, которая по матери происходила из Друцких, на какое-то время возвысились представители этого рода. В том же столетии благодаря своей активной военно-политической деятельности, а также широким связям в стране и за ее пределами сумели завоевать серьезные позиции Лынгвеньевичи-Мстиславские. В XVI в. пришло время Острожских, успех которых был обусловлен уже не происхождением или родством, а верной службой великим князьям литовским. И, наконец, на протяжении всего периода XV–XVI вв. стабильно высоким было положение рода Олельковичей. Именно эта ветвь потомков Ольгерда традиционно пользовалась огромным авторитетом в государстве, занимая второе после Ягеллонов место в неофициальной иерархии династии Гедиминовичей[1]. И православное исповедание рода нисколько этому не мешало.

Тем не менее стоит особо подчеркнуть тот факт, что в целом в течение XV–XVI вв. княжеские фамилии утрачивали свое исключительное положение. Они постепенно уравнивались в правах с общей массой бояр-шляхты, тем самым принимая участие в формировании юридически единого шляхетского сословия. В княжеской среде в этот период активно шел процесс имущественной дифференциации. Одни роды богатели – как, например, Олельковичи и Острожские, другие же, наоборот, мельчали, беднели и приходили в упадок – упомянем здесь хотя бы Друцких и Лукомских. Собственно, такие же процессы шли и в среде нетитулованной знати, в которой также выделились на одном полюсе магнаты, а на другом – совсем небогатая шляхта. Соответствующим образом менялась и роль тех или иных родов во внутриполитической жизни государства. Реальное влияние приобретали разбогатевшие и утвердившиеся на верхних ступенях власти магнатские семьи: как титулованные, так и не носившие титулов. Наличие княжеского титула отходило на второй план, оставаясь для своего носителя лишь предметом особой гордости и престижа. Исключение здесь составляли лишь, пожалуй, князья Гедиминова дома, поскольку они имели права на великокняжеский трон. Правда, права эти были скорее теоретическими.

Мощнейший удар по позициям князей в ВКЛ нанес Витовт (1392–1430). Он ликвидировал сразу несколько крупных княжеств (Витебское, Киевское, Смоленское) и тем самым очень сильно подорвал имущественно-экономическую базу княжеского сословия, на которой и зиждились его военная мощь и политическое влияние. Даже многие представители династии Гедиминовичей были вынуждены довольствоваться скромными уделами, которые Витовт предусмотрительно назначал им во внутренних районах страны, подальше от границ. Так, например, бывшему киевскому князю Владимиру Ольгердовичу достался небольшой Копыль. Другие же вообще остались без владений и вынуждены были

[1] *Воронин В. А.* Князья Олельковичи – претенденты на власть в Великом княжестве Литовском // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2016. Вып. 9. С. 97.

искать счастья и земель за границей. Бояре же, похоже, наоборот, получали от Витовта богатые и многочисленные земельные пожалования, а также высокие должности. По всей видимости, ставка этого знаменитого государя преимущественно на литовских панов католического вероисповедания не в последнюю очередь была обусловлена тем, что они были единоверцами. Кроме того, многие вельможи-католики были попросту обязаны Витовту своей успешной карьерой, а потому Кейстутович вполне мог рассчитывать на их верную службу. С другой стороны, недоверие Витовта к князьям объяснялось среди прочего тем, что абсолютное их большинство сохранили прежнюю православную веру. Тем самым князья выказали свою самостоятельную позицию и нежелание подчиниться (хотя бы по этому вопросу) своему верховному государю, великому князю литовскому. Безусловное же повиновение подданных своему монарху было одним из тех краеугольных камней, на которых зиждилось государство того времени.

Гражданская война. В точности неизвестно, как после смерти Витовта великим князем литовским стал Свидригайло (в католическом крещении – Болеслав), самый младший из сыновей Ольгерда. Не исключено, что Свидригайло взошел на трон благодаря той решительной поддержке, которую оказал ему старший брат, польский король Владислав II Ягайло. Но все же более предпочтительной выглядит версия о самостоятельном избрании этого нового государя непосредственно знатью Великого Княжества Литовского. Во всяком случае, дальнейшие взаимоотношения Свидригайло с Польшей не сложились, и уже в 1431 г. дело дошло до вооруженной борьбы. Ярким свидетельством самостоятельности политики Свидригайло стало то, что он начал выдвигать на значимые посты новых людей, в том числе православного вероисповедания. Очевидно, таким образом Свидригайло создавал новую социально-политическую базу своего правления – базу, на которую он мог бы смело опираться. Однако его скандальный конфликт с Польшей, а также упомянутые изменения во внутренней политике вызвали недовольство старой, утвердившейся еще при Витовте литовской знати. В результате уже 1 сентября 1432 г. последовал государственный переворот. Свидригайло лишился власти, а на престол взошел Жигимонт Кейстутович, брат Витовта. Поддержавшие его силы (а, по свидетельству польского хрониста Яна Длугоша, это были многие литовские князья и бояре[1]) явно желали восстановления порядков, которые существовали при Витовте. В пользу этого свидетельствует и выбор кандидатуры нового монарха.

Последовавший за этим гражданский конфликт охватил практически все государство. В основе его лежала борьба двух претендентов за власть. Однако конфликт отнюдь не исчерпывался лишь этим. Линии противостояния прошли по разным сферам, в том числе и конфессиональной. И здесь Жигимонт попросту переиграл Свидригайло политически. Если Свидригайло, которого поддерживали в основном «руские» земли государства, совершил ряд весьма необдуманных поступков – таких, например, как сожжение православного митрополита

[1] *Dlugossius J.* Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XI et XII. Varsaviae, 2001. P. 64.

Герасима, то действия Жигимонта и его окружения были гораздо более дальновидными. Новый великий князь, напротив, стремился наладить отношения с руководством православной церкви и вообще перетянуть на свою сторону православную знать. Сначала 15 октября 1432 г. от имени Ягайло, а затем 6 мая 1434 г. уже от имени самого Жигимонта были изданы два общеземских привилея[1]. Эти документы предоставили православным князьям и боярам те же личные и имущественные права, которыми пользовались католики. Однако политических прав, в частности права принимать участие в заседаниях великокняжеской рады и права одновременно занимать несколько высших должностей в государстве, они тогда так и не получили. Эти вполне разумные политические шаги Жигимонта нашли свое убедительное подкрепление на поле брани, где его войска также несколько раз оказывались более умелыми и более удачливыми.

В итоге война завершилась полной победой Жигимонта. Однако и он не смог долго удерживать власть. Источники обвиняют его в жестоком обращении с подданными, излишней подозрительности и даже стремлении истребить всю шляхту и возвысить «холопский род». Последнее утверждение, которое мы читаем в «Хронике Быховца»[2], – явное преувеличение. Жигимонт ни в коем случае не собирался делать крестьянство своей социальной опорой. Он просто продвигал во власть новых, может быть, не столь знатных, но зато преданных себе людей – Жигимонт Кейстутович делал примерно то же, что в свое время делал Свидригайло. И результат оказался тем же: Жигимонт пал жертвой государственного переворота. Он был убит в Троках 20 марта 1440 г. Организаторами заговора в летописи называются виленский воевода Довгерд, трокский воевода Лелюш, а также братья князья Александр и Иван Чарторыйские[3]. Как видно, это были первые сановники государства и виднейшие представители княжеского сословия: Чарторыйские вели свое происхождение от Ольгерда.

После убийства Жигимонта Кейстутовича в качестве претендентов на великое княжение рассматривались Свидригайло, сын убитого великого князя Михал, князь Олелько (Александр) Владимирович и младший сын Ягайло королевич Андрей Казимир. В результате великим князем был избран 12-летний Казимир.

Правление Казимира Ягайловича. После двух государственных переворотов, произошедших в течение восьми лет, ситуация в стране была нестабильной, авторитет центральной власти упал. Уже в скором времени после прихода Казимира к власти замаячила реальная угроза начала новой гражданской войны. В течение 1440–1441 гг. вспыхнули крупные восстания в Смоленске и Жемойтии, отказались признавать власть Казимира и некоторые замки на Подляшье. Вероятно, многим казалось, что в этой ситуации государь-подросток не сможет удержаться на троне. Однако вышло по-другому: правящая элита сумела консолидироваться и исправить ситуацию.

Понятно, что в первые годы правления сам Казимир не мог реально руководить страной – он был еще слишком молод. Власть была сосредоточена в ру-

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 323–325.

[2] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 155.

[3] Там же. С. 156.

ках великокняжеской рады. В то время виднейшими ее представителями были литовские паны: уже упомянутый виленский воевода Довгерд, жемойтский староста, трокский каштелян Михаил Кезгайло и трокский воевода, воспитатель (дядька) юного монарха Ян Гаштольд, а также князья Юрий Семенович Гольшанский, двоюродный дядя Казимира, и Олелько Владимирович, двоюродный брат великого князя. Однако в раде Казимира нетитулованная знать уже преобладала. Из князей в нее входили разве что ближайшие родственники господаря.

Стремясь укрепить социально-политическую базу своей власти, Казимир уже в первые годы правления восстановил некоторые удельные княжества – например, Киевское и Мстиславское. Во главе их он поставил своих двоюродных братьев, князей Олельку Владимировича и Юрия Лынгвеньевича. Тем самым Казимир, с одной стороны, конечно же, усиливал позиции князей в своем государстве. Однако, с другой стороны, он исключал их постоянное присутствие при дворе и в господарской раде, а значит, лишал возможности принимать постоянное участие в выработке важных государственно-политических решений. К тому же с течением времени стало очевидно, что восстановление уделов было лишь тактическим шагом правительства Казимира, и этот шаг был продиктован сложной политической ситуацией начала 1440-х гг. Однако, усилив свою власть, Казимир начал урезать права князей. Так, например, в 1470 г. было окончательно ликвидировано Киевское княжество. Через некоторое время последовала реакция князей. В 1481 г. Михаил Олелькович, Иван Гольшанский и Федор Бельский организовали заговор с целью убийства Казимира и его сыновей. По всей видимости, в их планы был посвящен и Иван Мстиславский[1]. Но заговор был раскрыт, М. Олелькович и И. Гольшанский сложили головы на плахе, Ф. Бельский сумел бежать в Москву. Этот заговор имел несомненное сходство с заговорами 30-х годов XV в. Его участники были представителями высшего слоя княжеской аристократии, все они состояли в родстве с самим «великим королем» Казимиром. Однако стоит назвать по крайней мере одно отличие: среди лидеров заговора не было знатных панов, занимавших высокие официальные посты, а лишь удельные князья. Судя по всему, настроения панства за прошедшие десятилетия сильно изменились, и его представители уже не рисковали участвовать в силовом захвате власти. Методы их участия во властных процедурах трансформировались, и они все больше походили на политическую борьбу в традиционном европейском ее понимании.

Великий князь Казимир с 1447 г. был одновременно королем Польши. Вынужденный много заниматься польскими делами, он иногда подолгу не приезжал в Великое Княжество Литовское. В этой ситуации текущее управление государством переходило к великокняжеской раде. Именно рада на этот период и становилась средоточием политической жизни в стране. Виленский воевода (примерно с 1458 г. он же канцлер Великого Княжества) выполнял роль фактического наместника великого князя литовского во время его нахождения

[1] *Барэйша Ю. Л.* Мсціслаўскі манетны двор Алелькавічаў-Бельскіх «Пісараўшчына» вясны 1482 г.: хроніка змовы 1480–1482 гг. па нумізматычных матэрыялах. Мінск, 2010. С. 56, 57, 93, 98, 103–104.

за границей, в Польше. Это исключительное значение виленских воевод подчеркивалось еще и тем фактом, что они практически никогда не покидали территорию государства. Рада была коллегиальным органом и имела как плюсы, так и минусы института, работающего на коллегиальных началах.

Оценивая ситуацию в целом, можно утверждать, что рада наиболее эффективно функционировала и была способна принимать важные решения только тогда, когда в ее заседаниях участвовал великий князь литовский. Именно ему, как монарху, должна была принадлежать роль председателя на заседаниях рады, именно его слово, как слово монарха, должно было обладать наибольшим авторитетом в дискуссии и именно он, как монарх, должен был выступать в роли арбитра в возникавших спорах. А судя по всему, разногласия в раде возникали совсем не редко. При такой системе принятие решений осложнялось или вовсе исключалось из-за того, что господарь находился за границей. Выезд великокняжеской рады за границу также был невозможен. В таких ситуациях налицо была угроза недееспособности власти. Именно по этой причине в дипломатической переписке радных панов Великого Княжества Литовского со своими польским коллегами и с самим монархом мы очень часто встречаем настойчивые просьбы к господарю приехать в Великое Княжество Литовское. Эти просьбы аргументировались тем, что прибытие великого князя совершенно необходимо для решения местных «пильных справ».

За время своего долгого правления Казимир Ягайлович (Ягеллончик) сумел добиться огромного авторитета у подданных обоих своих государств. На момент смерти 7 июня 1492 г. он не имел серьезной оппозиции ни в Великом Княжестве, ни в Польше: и там, и там «придворные партии» были сильны как никогда. Поэтому Казимир без особых осложнений смог добиться у вельмож обещания избрать своих сыновей Яна Ольбрахта и Александра, соответственно, королем польским и великим князем литовским.

Ослабление великокняжеской власти. С приходом к власти Александра (1492–1506) положение дел в Великом Княжестве во многом изменилось. Это произошло уже хотя бы потому, что персональная уния с Польшей была разорвана, Александр стал только великим князем литовским. А это означало, что он постоянно находился в стране и занимался только местными делами. В связи с этим можно было бы ожидать усиления власти монарха. Однако этого не произошло – наоборот, усилилось влияние господарской рады. Уже в год своего восшествия на престол Александр издал общеземский привилей, которым дал обещание совещаться с радными панами по всем важнейшим вопросам, не отнимать у них должностей без вины и т. д. Кроме того, на усиление великокняжеской рады повлияли и личные качества Александра. Он был не слишком энергичным и не слишком инициативным человеком, не всегда умел отстоять свою позицию. Кроме того, он достаточно легко подпадал под чужое влияние. Ярким тому подтверждением может служить пример князя Михаила Глинского. Род Глинских никогда не относился к высшей знати Великого Княжества, его положение было скорее провинциальным. М. Глинский сумел занять ключевое положение при дворе и боролся за особое положение в раде

только благодаря личному влиянию на великого князя. Результатом возвышения М. Глинского стали его конфликты с другими членами господарской рады, которые не желали терпеть такого положения дел. Столкновения были настолько острыми, что доходило до угроз физической расправы. Именно в этом М. Глинский публично обвинил в 1503 г. трокского воеводу Яна Заберезинского[1]. Таким образом, анализируя время правления Александра, можно вести речь о некой тенденции к обозначению лидера среди панов великокняжеской рады. И эта тенденция нашла свое продолжение в дальнейшем. Но уже на примере М. Глинского хорошо видно, что этим лидером необязательно становился человек, занимавший самое высокое место в официально установленной иерархии. Свою роль здесь могли сыграть и другие факторы: близость к монарху, личный авторитет и т. д.

Определенно, Александр был не самым сильным и не самым удачливым великим князем литовским. Однако следует отметить, что некоторые черты его внутренней политики были искажены и, судя по всему, искажены намеренно уже в скором времени после его смерти. К таковым относится, например, распространенное мнение об излишней щедрости Александра. Таким путем он якобы пытался завоевать авторитет подданных. Скорее всего, это не соответствует действительности. Во всяком случае, характер и масштабы земельных пожалований Александра ничем принципиально не отличались от соответствующей деятельности его предшественника и преемника[2]. Однако политика Александра, несомненно, имела и свои сильные стороны. К ним следует отнести достаточно удачный выбор соратников. Среди них были действительно очень способные люди, которые проявили себя и во времена Александра, и позднее. Здесь следует упомянуть гетмана князя Константина Острожского, будущего канцлера Альбрехта Гаштольда, великокняжеских секретарей, а впоследствии видных сановников Эразма Целэка и Ивана Сапегу, а также, при всей неоднозначности этой личности, того же Михаила Глинского.

После смерти Александра к власти в Великом Княжестве Литовском, а затем и в Польше пришел его младший брат Жигимонт (1506–1548). Начало его правления прошло под знаком острого внутриполитического конфликта, который в результате перерос в мятеж М. Глинского. Этот влиятельнейший во времена Александра царедворец не стерпел незаконного отстранения от должностей и после неудачных попыток решить дело полюбовно выступил против нового монарха с оружием в руках. Однако никакой серьезной поддержки в стране М. Глинский так и не получил, к нему примкнули в основном родственники, клиенты и люди, позарившиеся на его денежные посулы. Князь не брезговал также ложью и угрозами. А обращение к иностранным монархам за военной помощью и дипломатической поддержкой еще больше подорвало его и так не слишком прочные позиции. Мятеж 1508 г. не имел успеха. М. Глинский вместе с окружением выехал в Москву, а деятельность людей, заподозренных в связях

[1] Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика. Kn. 6: (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 301, 302–303.

[2] *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. S. 151.

с ним, стала объектом самого тщательного расследования со стороны властей: «И была у Литве после Глинского замятня велми великая, и панов тых имали, которые з Глинским мешкали горазд, а некоторых шляхту и мучоно»[1]. Действительно, в январе 1509 г. были арестованы новогрудский воевода Альбрехт Гаштольд, ловчий и конюший дворный Мартин Хребтович, господарский маршалок Александр Ходкевич, один из князей Полубенских и др.[2]. Они были освобождены лишь в мае 1511 г.[3] По всей видимости, упомянутые лица и составляли ту «партию» М. Глинского, которая сформировалась еще во времена Александра.

В общем и целом внутренняя политика, которую Жигимонт проводил в дальнейшем, отличалась осторожностью и стремлением не доводить возникавшие противоречия до острых конфликтов. Однако правление Великим Княжеством Литовским стало для него совсем не легким делом. Восстановление личной унии с Польшей во многом повторило ситуацию, которая хорошо нам известна по временам Казимира: долгое нахождение великого князя в Польше привело к тому, что текущее управление государством фактически снова перешло к великокняжеской раде. И в очередной раз необходимо констатировать, что в раде не было единства, а в некоторые моменты она буквально погрязала в дрязгах. В 1522 г. виленским воеводой и канцлером Великого Княжества стал Альбрехт Гаштольд. Уже через несколько лет он был безусловным лидером в раде, сумев прибрать к рукам многие важнейшие государственные должности и суды[4]. В общем, нашла свое развитие тенденция, которая обозначилась еще в эпоху Александра. Разница состояла лишь в том, что М. Глинский, который в свое время стремился к первенству в раде, смог добиться своего положения благодаря личному влиянию на великого князя, а А. Гаштольд достиг этого же, опираясь скорее на реноме своего аристократического рода и на самую высокую официальную должность, которую ему удалось занять. Однако стоит подчеркнуть, что А. Гаштольд, как и М. Глинский, официально не был первым лицом в раде. В 1522 г. господарским привилеем первое место было закреплено за К. Острожским, даже несмотря на то, что он занимал более низкую должность трокского воеводы[5]. Вполне возможно, что союз М. Глинского и А. Гаштольда во времена Александра был вызван к жизни не только временными конъюнктурными интересами. Их сближение могло быть обусловлено также чем-то более существенным и более концептуальным – например, сходными политическими взглядами. Во всяком случае, на это указывает то схожее положение, которое каждый из них в свое время занял (или пытался занять) в раде и вообще в государстве.

Авторитарные замашки А. Гаштольда, его стремление подчинить все и вся своему влиянию стали главными причинами его конфликтов с членами господарской рады, первейшими вельможами Великого Княжества Литовского. Известный мемориал, в котором А. Гаштольд излагает свои взгляды королеве Боне,

[1] Летопись Рачинского // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 167–168.
[2] Acta Tomiciana. Posnaniae, 1852. T. 1. P. 31.
[3] Ibid. P. 31, 136.
[4] Ibid. Posnaniae, 1899. T. 10. P. 276.
[5] Ibid. Posnaniae, 1857. T. 6. P. 23–24.

был направлен своим полемическим запалом «против князя Константина Острожского и против Радзивиллов»[1]. А ведь К. Острожский в то время занимал первое место в раде, а Радзивиллам принадлежал ряд важнейших государственных должностей: например, Юрий Радзивилл был трокским каштеляном. В связи с этим неудивительно, что в 1528 г. один из королевских дворян писал из Вильни в Польшу: «Почти все выступают против Гаштольда»[2]. Тем не менее могущественный канцлер сумел удержаться.

Однако приведенное выше высказывание, по всей видимости, было сильным преувеличением. А. Гаштольд, бесспорно, имел своих сторонников. К их числу относился, в частности, полоцкий воевода, а затем трокский каштелян Петр Кишка. Причем их союз не ограничивался лишь взаимной политической поддержкой, они были способны и на более решительные действия. Так, воспользовавшись смертью последнего мазовецкого князя, А. Гаштольд и П. Кишка в 1527 г. вторглись в Мазовию и захватили значительную ее часть[3]. Но даже если положение А. Гаштольда в конце 1520-х гг. действительно было не слишком надежным, то со временем оно улучшилось. В 1530 г. умер главный политический противник канцлера К. Острожский. А еще через несколько лет А. Гаштольду наконец удалось примириться с Радзивиллами, подкреплением чего стал брак его единственного сына Станислава с дочерью Юрия Радзивилла Барбарой.

Своеобразной особенностью политической жизни Великого Княжества Литовского в эпоху Жигимонта Старого стало активное участие в ней великой княгини. Все прежние великие княгини литовские, за исключением разве что Ульяны Тверской, не особенно интересовались политическими делами. Совсем по-другому вела себя жена Жигимонта итальянская принцесса Бона Сфорца. Ее участие в политической, хозяйственной, культурной жизни страны было бесспорным и весьма энергичным. С годами, по мере старения супруга, это участие только усиливалось. Бона получила от мужа большие земельные владения в Великом Княжестве и развила здесь бурную деятельность – сначала хозяйственную в своих имениях, а затем и политическую в масштабах всего государства. Осенью 1529 г. она добилась избрания своего сына, девятилетнего королевича Жигимонта Августа, великим князем литовским. Бона целенаправленно создавала в Великом Княжестве «партию» своих политических сторонников. В нее вошли прежде всего представители менее знатных родов, которые рассчитывали с помощью королевы повысить свое значение в государстве. В 1542 г. виленским воеводой, а четырьмя годами позже – канцлером Великого Княжества Литовского стал Ян Юрьевич Глебович – креатура королевы Боны. Именно благодаря королеве он сделал головокружительную карьеру, шагая к ее вершине вначале как мстиславский державца, затем как витебский воевода и, наконец, как воевода полоцкий. Фигура Я. Глебовича как политика конечно же уступала яркой личности А. Гаштольда. Деятельность Я. Глебовича не была

[1] Acta Tomiciana. T. 7. P. 258.
[2] Ibid. T. 10. P. 346.
[3] Ibid. Ed. 2th. Posnaniae, 1876. T. 9. P. 89–90.

настолько разносторонней и идейно выверенной по сравнению с деятельностью его предшественника А. Гаштольда – одного из главных идеологов самостоятельного государственного существования Великого Княжества Литовского. И дело здесь было, по всей видимости, не только в том, что он вынужденно следовал указаниям Боны. Свою роль, очевидно, сыграло и то, что в скором времени в Великом Княжестве снова появился монарх, который непосредственно сам руководил государством.

Жигимонт Август. Портрет (после 1554 г.). Неизвестный художник

В 1544 г. на Берестейском сойме великий князь Жигимонт Старый передал власть в Великом Княжестве Литовском своему сыну Жигимонту Августу. Однако это не привело к какой-то серьезной перестройке действовавшей в стране политической системы: главные ее институты и игроки остались прежними. Новым людям было невероятно сложно пробиться к вершинам власти. Это касалось даже очень заслуженных перед последними Ягеллонами людей. Одним из них был И. Горностай, который в течение нескольких десятилетий верой и правдой служил Жигимонту Старому, а затем Жигимонту Августу. Он пользовался большим авторитетом при дворе и в стране, в особенности среди православных. Недаром люди, которые в то время внимательно наблюдали за политической жизнью и расстановкой сил в Великом Княжестве Литовском, называли его не иначе как «бог русинов»[1]. Когда в 1549 г. умер виленский воевода Я. Глебович, исполнять его обязанности был назначен именно Иван Горностай. Однако столичным воеводой и первым человеком в раде он так и не стал – помешали серьезнейшие конкуренты и, по всей видимости, его православное исповедание. Хотя это второе обстоятельство в середине XVI в. уже не имело такого принципиального значения. Тем не менее в 1551 г. должность виленского воеводы получил Миколай Радзивилл Черный. Он принадлежал к знатнейшему роду, представители которого неоднократно занимали эту и другие высшие государственные должности. Это было безусловным плюсом для кандидата. Правда, имелся и минус: Миколай Радзивилл был кальвинистом. Однако решающую роль в его назначении сыграли, скорее всего, неплохие способности, давние дружеские отношения с Жигимонтом Августом, а также родственные связи – Миколай Радзивилл Черный был двоюродным братом второй жены Жигимонта Августа Барбары Радзивилл.

Очень скоро Миколай Радзивилл Черный стал признанным лидером среди магнатов Великого Княжества. У него не было серьезных конкурентов в стране, и он пользовался полным доверием великого князя и короля. Но, по всей видимости, он претендовал и на большее. Во всяком случае, дипломаты сразу

[1] Elementa ad Fontium Editiones. Romae, 1976. Vol. XXXVIII. P. 63.

нескольких стран доносили из Вильни, что Миколай Радзивилл в случае бездетной смерти Жигимонта Августа рассчитывал добиться власти в Великом Княжестве[1].

В эпоху Жигимонта Августа росло значение вального (общегосударственного) сойма – правда, росло очень постепенно. До Ливонской войны шляхта не могла похвастаться какой-то особой ролью и какими-то особыми достижениями в политической жизни страны. Здесь по-прежнему практически безраздельно господствовали монарх и магнаты. Просьбы, которые шляхта подавала Жигимонту Августу на вальных соймах, свидетельствуют о том, что ее интересовали в первую очередь проблемы законодательства, судопроизводства, назначения на должности, денежных податей и военной повинности. Великий князь старался прислушиваться к этим просьбам, однако иногда в тоне его ответов сквозили высокомерие и раздраженность[2].

Таким образом, в XIV – середине XVI в. государственно-политический строй Великого Княжества Литовского претерпел значительные изменения. Однако в течение всего этого периода ведущую роль во внутриполитической жизни страны играли великий князь (а иногда также члены великокняжеской семьи) и господарская рада. Правда, можно назвать и другие силы, которые участвовали в ней, но по тем или иным причинам играли все-таки подчиненную роль. К ним следует отнести, в частности, великокняжеский двор и вальный сойм. Двор выполнял целый ряд функций. Но особо стоит отметить тот факт, что именно при дворе были сосредоточены самые преданные сторонники действующего монарха. Они служили прежде всего самому господарю, а тот, в свою очередь, продвигал их по карьерной лестнице. Вальный сойм, представительный орган шляхты, даже в XVI в. лишь начинал приобретать политическое значение. Роль регионов в Великом Княжестве Литовском была слабо выражена и проявлялась, как правило, только в кризисные моменты. По крайней мере, в XV–XVI вв. политический строй Великого Княжества уже имел достаточно яркие черты олигархического правления, а внутриполитическая борьба здесь разворачивалась между магнатскими группировками, а также отдельными, наиболее влиятельными сановниками. В идеале великие князья должны были играть роль арбитров и главной регулирующей силы в ходе этой борьбы. Но на практике получалось по-разному: кто-то из монархов настойчиво пытался поставить знать в жесткую зависимость от себя, кто-то сам попадал в зависимое положение, а кому-то все-таки удавалась роль мудрого судьи и умелого арбитра в спорах. Успех политики монарха, его историческое реноме, а иногда и сама его судьба зависели от того, насколько удачно он выстраивал свои взаимоотношения с осознававшими свою силу вельможами.

[1] *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 555, 557.
[2] РИБ. Т. 30. Стб. 160, 167–168.

4.7. БОРЬБА ВКЛ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНЦЕ XIV – СЕРЕДИНЕ XVI в.

Кревское соглашение 1385 г. Великому Княжеству Литовскому пришлось столкнуться с проблемой отстаивания суверенитета уже в первые десятилетия своего государственного существования. Походы армии крестоносцев, войска Галицко-Волынского княжества и татар в Литву и Верхнее Понеманье имели своей целью подчинение ВКЛ. Важнейшими признаками внешней зависимости считались принесение монархом подданнической присяги и выплата им дани иностранному государю. Великие князья литовские стремились избежать как первого, так и второго. И здесь они использовали все доступные им способы, в первую очередь военные и дипломатические. До конца XIV в. Великое Княжество Литовское занимало своеобразное положение среди государств Восточной и Центральной Европы. Оно было единственным на континенте государством (если не принимать в расчет Золотую Орду), в котором значительная часть населения были язычниками. Такое положение имело как положительные, так и отрицательные стороны.

Безусловно, с одной стороны, воинственные христианские силы католической Европы получали идеологическое обоснование для экспансии крестоносцев на земли ВКЛ. Однако, с другой стороны, такое положение делало ВКЛ по-настоящему суверенным государством, которое не было обязано даже формально подчиняться и учитывать мнение ни церковных, ни светских властей христианского мира. Причем это относилось и к западному, и к восточному христианству. Даже римские папы и императоры Священной Римской империи были вынуждены считаться с великими князьями литовскими и обращаться с ними как с равными, лелея надежду когда-нибудь привести их в лоно матери-церкви. В конечном итоге Великое Княжество Литовское действительно стало христианским государством, однако это произошло совсем не так, как представлялось папам, императорам, магистрам Тевтонского ордена или тем же великим князьям владимирским.

Великий князь литовский Ягайло всячески стремился усилить международный авторитет и внешнеполитические позиции своего государства. С этой целью он начал поиски союзников как на западе, так и на востоке. Среди прочего рассматривались два варианта династического брака: с дочерью великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) и наследницей польского трона Ядвигой.

Переговоры с великим князем Дмитрием Донским не дали положительного результата. Главной причиной этого стало требование фактического вассального подчинения Ягайло, которого добивалась Москва в случае женитьбы великого князя литовского на дочери Дмитрия Донского[1].

Переговоры же с Краковом привели к успеху. Условия, которые предложила польская сторона, были более выгодными для Ягайло. Брак с Ядвигой возводил

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков: в 2 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М., 1948–1951. Ч. 1. М., 1948. С. 51.

его на польский трон и в то же время сохранял за ним прежние позиции в Великом Княжестве Литовском.

Существовали и другие важные мотивы, которые подталкивали стороны к заключению соглашения. Одним из них было наличие общего, причем очень опасного противника – Тевтонского ордена. Кроме того, папский престол был крайне заинтересован в расширении католичества на Восток, и крещение Литвы стало бы в этом смысле важным достижением. Польские феодалы видели в соглашении с Ягайло важное средство своей экспансии в Восточной Европе.

В замке Крево 14 августа 1385 г. было подписано соглашение между Ягайло и представителями Польского королевства. Оно предусматривало, в частности, крещение всего литовского языческого населения в католичество.

Кревское соглашение имело самые серьезные последствия как для обеих этих стран, так и для всего региона Центральной и Восточной Европы. Затронув самые разные сферы, оно сильно изменило, в частности, религиозную ситуацию в этой части Европы, а также политическую карту огромной части континента. Литва приняла крещение по западному обряду и благодаря этому вошла в семью католических народов Европы. Гораздо более сложным оказалось дело с государственностью Великого Княжества Литовского. По условиям Кревского акта ВКЛ должно было попросту исчезнуть и превратиться в провинцию Польши. В документе было прямо сказано, что Ягайло пообещал «на вечные времена присоединить свои литовские и руские земли к Короне Королевства Польского»[1]. Таким образом, Великое Княжество Литовское даже не выступало здесь как единое цельное государство, а было охарактеризовано всего лишь как некий комплекс «земель», находящихся во владении Ягайло. Кревское соглашение нельзя назвать унией. Оно совсем не похоже на договор двух равных государств о союзе. Скорее, Кревское соглашение напоминает династическую сделку, в результате которой Великое Княжество Литовское должно было полностью утратить свой государственный суверенитет.

Борьба за суверенитет. Однако подписать этот договор оказалось гораздо легче, чем выполнить его на практике. К тому времени Великое Княжество Литовское уже имело продолжительную историю самостоятельного государственного существования, и в нем быстро нашлись силы, которые воспротивились такому беспрецедентному подчинению иностранной державе. Во главе этих сил стал Витовт Кейстутович. В 1392 г., после продолжительной борьбы, он смог добиться власти в ВКЛ. Правда, в первые годы правления Витовт был здесь не полноправным монархом, а всего лишь наместником польского короля и своего двоюродного брата Владислава II Ягайло. Однако с течением времени положение дел менялось, и уже в известном Городельском привилее от 2 октября 1413 г. Витовт выступал как великий князь литовский[2]. Правда, в том же документе второй его издатель, Ягайло, фигурировал не только как король польский, но и как «верховный государь Литвы». Это значит, что он сохранил за собой верховную власть над ВКЛ, Витовт же вынужден был довольствоваться лишь

[1] Akta Unii Polski z Litwą. 1385–1791 / wyd. St. Kutrzeba i J. Fijałek. Kraków, 1932. № 1. S. 2.
[2] Ibid. № 51. S. 62.

Расширение территории ВКЛ в 1315–1377 гг. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

ролью вассала польского короля. Однако, судя по всему, такое положение дел устраивало их обоих. Сформировавшийся к тому времени фактический союз Польши и ВКЛ показал, что он выгоден и приносит важные результаты как для одного, так и для другого государства. Достаточно вспомнить хотя бы славную Грюнвальдскую победу 1410 г. В этой ситуации не было никакого смысла излишне муссировать вопрос о государственном статусе Великого Княжества и его взаимоотношениях с Польшей. Ведь это могло привести к разладу между союзниками, а этот разлад никому из них в действительности не был нужен. В результате стороны предпочитали эффективно сотрудничать, а не доискиваться окончательного ответа на очень болезненный и потенциально деструктивный вопрос: строятся ли взаимоотношения между ними на основе равенства или же в этих взаимоотношениях кто-то главенствует?

Выгода ВКЛ от союза с Польшей заключалась прежде всего в том, что этот союз гарантировал безопасность практически всей западной границы государства. А ведь это была очень большая и к тому же еще окончательно не сложившаяся граница. Во многом благодаря миру на западе Витовт смог активно действовать на других направлениях: на северо-западе против немцев, на севере и востоке против русских княжеств и на юге против татар. И, как известно, повсюду он добился немалых успехов.

Однако не стоит идеализировать отношения между Великим Княжеством и Польшей в этот период. Трения между союзниками также периодически возникали. Они стали особенно заметными в конце 1420-х гг., когда Витовт собрался повысить статус Великого Княжества Литовского, превратив его в королевство. А это означало бы его безусловный государственный суверенитет и равенство с Польшей. В январе 1429 г. в Луцке состоялся большой съезд, на котором император Сигизмунд Люксембургский официально предложил Витовту королевскую корону[1]. Несмотря на все возражения и протесты со стороны генералов польской политики, великий князь литовский решил завершить задуманное, тем более, что союзников у него тоже хватало. Коронация была назначена на август 1430 г.[2] Витовт пригласил на пышный коронационный съезд многих монархов, другие прислали сюда своих представителей – сановников самого высокого ранга. В Вильню прибыли, в частности, хан Золотой Орды, русские князья, магистр Тевтонского ордена. Но поляки поставили стражу на границах, так и не пропустив через свою территорию королевскую корону, которую императорские представители везли для Витовта из Нюрнберга. Из-за этого коронация несколько раз откладывалась. А 27 октября 1430 г. великий князь Витовт умер, так и не став королем.

Витовт пытался добиться суверенитета для своего государства, используя прежде всего законные и мирные средства. Правда, он не исключал и возможности военного конфликта с Польшей. Однако неоспоримо то, что деятельность Витовта, направленная на укрепление суверенитета своего государства, основывалась на его колоссальном опыте и огромном авторитете: как в стране, так

[1] *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 267.
[2] Там же. С. 272.

и за рубежом. Совершенно другой фигурой был преемник Витовта – Свидригайло. Это был человек авантюрного склада, склонный решать возникавшие проблемы силой, не слишком задумываясь о последствиях своих бескомпромиссных действий. Уже первые шаги Свидригайло были направлены на то, чтобы вернуть в состав Великого Княжества Литовского земли, которые в течение последних нескольких десятилетий оказались под контролем Польши – в частности Волынь. В 1431 г. между государствами разразилась война за этот богатый регион. Эти действия Свидригайло, по большому счету, также были направлены на отстаивание государственного суверенитета своей страны. Однако в отличие от действий Витовта они носили локальный характер, поскольку ограничивались территориальным вопросом, и, кроме того, выглядели крайне спорно и неуклюже с точки зрения права, в том числе права международного.

Буквально через полтора месяца после прихода к власти, 15 октября 1432 г., Жигимонт Кейстутович официально признал свою зависимость от Польши и принес присягу на верность Владиславу II Ягайле и Короне Польской[1]. Иногда это соглашение даже называют Гродненской унией – по месту издания соответствующего документа[2]. Нужно сказать, что Жигимонт извлек из своего вассального положения немалую выгоду: в ходе войны 1430-х гг. против Свидригайло он активно использовал помощь Польши. Во многом благодаря этой помощи – как военной, так и политической – Жигимонт и смог одержать победу. Однако с течением времени и особенно после победы в гражданской войне внешнеполитические ориентиры Жигимонта стали меняться. В конце 1430-х гг. великий князь литовский начал отдаляться от Польши и сделал поворот в сторону немцев, выбрав в союзники, в частности, римского короля Альбрехта II Габсбурга. В дипломатической переписке Жигимонт доказывал ему, что Великое Княжество Литовское является самостоятельным государством и не зависит от Польши[3]. Однако эта внешнеполитическая линия не имела продолжения: 27 октября 1439 г. умер Альбрехт, а 20 марта 1440 г. в результате заговора был убит и сам Жигимонт Кейстутович.

ВКЛ в период персональной унии с Польским Королевством. Разные исторические источники по-разному представляют приход к власти следующего великого князя литовского Казимира Ягеллончика. Согласно сведениям польского хрониста Яна Длугоша, Казимира направил в Великое Княжество Литовское его старший брат польский король Владислав III. Однако не для того, чтобы он стал самостоятельным великим князем, а всего лишь для того, чтобы представлял там своего брата и управлял от его имени[4]. Тем не менее дальнейшие события, по описанию Яна Длугоша, стали развиваться таким образом, что польская сторона была вынуждена смириться с провозглашением Казимира именно великим князем литовским[5]. Согласно же одной из белорусско-литов-

[1] Akta unii Polski z Litwą. 1385–1791. № 55. S. 79–81.
[2] *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. S. 156.
[3] Ibid. S. 159.
[4] *Dlugossius J.* Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XI et XII. P. 219, 223.
[5] Ibid. P. 253–255.

ских летописей, «Хронике Быховца», вельможи Великого Княжества Литовского хитростью вывезли Казимира из Польши, с самого начала рассчитывая сделать его именно великим князем и не особенно прислушиваясь к мнению поляков по этому вопросу[1]. Как бы там ни было, но с возведением на престол Казимира Ягеллончика в Вильне взяли верх силы, которые стремились как можно скорее дистанцироваться от ближайшего внешнеполитического союзника и юридического сюзерена – Польши. Тенденции к самостоятельному государственному существованию в тот момент были там действительно очень сильны. В связи с этим отметим, что наряду с Казимиром существовали и другие кандидаты на трон, которые уже совершенно не были связаны с Польским королевством, например, тот же Свидригайло.

Став великим князем литовским, Казимир Ягеллончик, возможно, все-таки признавал свою зависимость от Польши – по крайней мере в первые годы правления. Однако в отличие от Жигимонта Кейстутовича он, похоже, никогда не приносил присяги на верность польскому королю и королевству. В целом же можно сказать, что в это время, по сути, повторилась ситуация, которая хорошо известна по эпохе Витовта: каждая из сторон придерживалась своего взгляда на проблему суверенитета Великого Княжества. Однако в той ситуации более важным для них было не выяснение отношений с практически неизбежной конфронтацией, а мир и согласие, которые приносили очевидную пользу и для одной, и для другой стороны. Ко всему прочему, Владислав III, ставший в 1440 г. еще и королем Венгрии, все свое внимание обратил на международную политику, где на первый план вышла борьба с турецкой экспансией в Юго-Восточной Европе. Проблема унии с Великим Княжеством Литовским была для него в это время явно не самой главной.

После гибели в 1444 г. Владислава III в битве с турками под Варной в Польше встал вопрос о новом короле, и главным претендентом на престол стал великий князь литовский Казимир. Политическая элита ВКЛ очень не хотела его избрания королем и не желал отпускать в Польшу, сам Казимир также долго колебался. Именно поэтому процесс элекции сильно затянулся. В итоге Казимир дал себя уговорить и в 1447 г. взошел на польский трон. Именно с этого момента фактически и ведет свою историю личная (персональная) уния между Великим Княжеством Литовским и Польшей, когда во главе двух этих государств стоял один и тот же человек – монарх, который был одновременно королем польским и великим князем литовским.

Конечно, личная уния помогала устранять некоторые противоречия между государствами, но вместе с тем она создавала и ряд весьма непростых проблем. Одной из них стали длительные отъезды великого князя за границу, в Польшу. Ранее такой проблемы не знали в ВКЛ, а она оказалась неожиданно серьезной. Очень скоро выяснилось, что отсутствие монарха в стране сильно усложняло процесс управления государством. Эта ситуация негативно влияла и на многие другие стороны жизни Великого Княжества. Недовольство местных вельмож проявилось уже буквально через несколько лет. Дело дошло до острого конфликта

[1] Хроника Быховца // ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 156–157.

с Польшей, в Великом Княжестве Литовском открыто обсуждалась возможность войны с ней. Судя по некоторым сведениям, уже тогда начались поиски кандидатуры нового великого князя: в письме ливонского магистра к великому магистру Тевтонского ордена от 7 августа 1453 г. упомянут один из возможных кандидатов пан Радзивилл Остикович[1]. Хотя в современной историографии достоверность этих сведений ставится под сомнение[2], и, думается, вполне обоснованно, но они достаточно ярко характеризуют ту атмосферу, которая воцарилась в стране. Если ситуация с кандидатурой Радзивилла Остиковича до конца не ясна, то нижеследующие факты уже вполне надежны и заслуживают доверия.

Олелько (Александр) Владимирович – родоначальник князей Олельковичей

В 1456 г. большая группа вельмож ВКЛ направила посольство к Казимиру и предложила ему передать великокняжескую власть киевскому князю Семену Олельковичу, правнуку Ольгерда и своему двоюродному племяннику[3]. Казимир отказался. Но в 1461 г. ситуация повторилась с той только разницей, что предложение Казимиру назначить Семена Олельковича великим князем литовским сделал уже собравшийся в Вильне сойм, причем проголосовали за это единогласно[4]. Однако снова последовал отказ. Казимир прекрасно понимал, что утрата контроля над Великим Княжеством Литовским неизбежно приведет к ослаблению его позиций в Польше. Однако и после этого в Великом Княжестве не оставили попыток получить отдельного правителя. В 1478 г. на сойме в Бресте знать ВКЛ просила Казимира назначить наместником в Вильне одного из своих подросших сыновей: Казимира или Яна Ольбрахта. Но и на этот раз умудренный опытом король остался непреклонен. Он категорически заявил, что ни за что не отдаст Великое Княжество никому другому, а будет управлять им только сам[5]. Тем не менее, по всей видимости, именно события 1478 г. заставили Казимира более плотно заняться делами своего восточного владения. В период с декабря 1479 г. по октябрь 1484 г. король практически безвыездно жил в Великом Княжестве Литовском, посетив Польшу на короткое время лишь однажды, в январе–феврале 1484 г.[6] Именно к этому периоду

[1] Skarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych / wyk. I. Daniłowicz: w 2 t. Wilno, 1860–1862. T. 2. Wilno, 1862. S. 196.

[2] *Korczak L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. S. 139.

[3] *Dlugossius J.* Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XI et XII. P. 258.

[4] Ibid. P. 353.

[5] *Długosz J.* Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 2006. Ks. 12. S. 424–425.

[6] *Сулковска-Курасёва И.* Итинерарий Казимира Ягеллона (состояние подготовки) // Исследования по истории Литовской Метрики: сб. науч. тр. М., 1989. Ч. 2. С. 265, 316–320.

относится известный заговор князей Олельковича, Гольшанского и Бельского против Казимира. Этот заговор можно рассматривать и с точки зрения отстаивания государственного суверенитета Великого Княжества, ведь его участники, в случае успеха задуманного предприятия и убийства Казимира, неизбежно должны были выдвинуть кандидатуру нового великого князя литовского. И вряд ли этот человек мог бы претендовать на польскую корону – учитывая уже хотя бы то, каким путем он взошел бы на трон в Вильне. Следовательно, речь шла об отстранении династии Ягеллонов от власти в Великом Княжестве Литовском и о разрыве унии с Польшей. По всей видимости, в случае успеха заговора следующий великий князь литовский должен был выйти именно из среды заговорщиков. И больше всего на эту роль подходил, как представляется, Михаил Олелькович, родной брат когда-то претендовавшего на трон киевского князя Семена Олельковича.

При Казимире Ягеллончике Великое Княжество Литовское проводило вполне самостоятельную внешнюю политику с акцентом на мирные отношения с соседями. И эта политика далеко не всегда совпадала с внешнеполитической линией Короны Польской. Например, Великое Княжество так и не вступило в тяжелейшую войну, которую Польша в 1454–1466 гг. вела против Тевтонского ордена. Не вступило, несмотря на сильное давление со стороны поляков и самого Казимира. Великое Княжество лишь позволило воевать на стороне Польши своим добровольцам, а также оказало союзному государству помощь деньгами.

После смерти Казимира Ягеллончика ВКЛ наконец обрело своего отдельного великого князя. Решающую роль в этом сыграло совпадение устремлений двух крупнейших политических сил: политической элиты Великого Княжества и самого «великого короля» Казимира. В Вильне уже давно желали получить собственного, отдельного от Польши господаря – великого князя. Казимир же, который имел шестерых сыновей, как мог, старался обеспечить всех их коронами. В результате уже в последние годы его жизни с согласия и польского панства, и верхушки Великого Княжества Литовского было решено, что следующим польским королем станет Ян Ольбрахт, третий сын Казимира, а следующим великим князем литовским – Александр, его четвертый сын. Когда в 1492 г. Казимир умер, эти планы были воплощены в жизнь и персональная уния между государствами, таким образом, была разорвана.

Вступив на трон, Александр некоторое время признавал верховную власть польского короля, своего старшего брата Яна Ольбрахта. Однако в дальнейшем ситуация, судя по всему, изменилась, и ВКЛ стало строить свои отношения с Польшей на равных. Но разрыв персональной унии и ослабление союза с Польшей имели для ВКЛ неоднозначные последствия, и прежде всего в сфере его международного положения. Решительное наступление на его земли Москвы, которое началось именно в конце XV в., показало, что Великое Княжество Литовское уже не в силах в одиночку противостоять кремлевским властителям. Поэтому, когда в 1501 г. умер Ян Ольбрахт, Александр сразу же включился в борьбу за польский трон и выиграл ее. Однако Александру пришлось дорого заплатить за избрание в Польше. В Мельнике 23 октября 1501 г. была подпи-

сана очередная уния между государствами[1]. По условиям этой унии выборы великого князя литовского отменялись, а вместо этого делегаты от обеих стран должны были совместно проводить избрание только польского короля, который становился бы, таким образом, единым монархом. На таких условиях и произошло возобновление персональной унии между Польшей и ВКЛ. И если бы данная уния была реализована, то это был бы большой шаг на пути к объединению государств. И если для ВКЛ это стало скорее вынужденным шагом, который был обусловлен острой необходимостью внешней военной и финансовой помощи, то Польша явно стремилась к союзу. Однако статьи Мельникской унии так и не вступили в законную силу. Сойм ВКЛ, который собрался в 1505 г. в Бресте, решительно высказался за сохранение суверенитета государства и отказался утверждать документ, изданный четырьмя годами ранее в Мельнике.

Александр умер 19 августа 1506 г. в столице Великого Княжества – Вильне. Местная знать воспользовалась ситуацией и предприняла важные действия, которые поляки были вынуждены принять, но не одобрить. Во-первых, она организовала похороны Александра здесь же, в Вильне. Это был не совсем обычный шаг, поскольку Александр был польским королем, и поляки хотели похоронить его, как и других своих монархов, на Вавеле в Кракове. Этого хотел и сам Александр. Однако его подданные в Вильне решили, что поскольку Александр был и великим князем литовским, то он должен быть погребен в своей великокняжеской столице. Со времен Витовта местом погребения великих князей литовских и их ближайших родственников был кафедральный собор святого Станислава в Вильне. Захоронение здесь великого князя Александра имело большое символическое значение – места погребения государственных мужей становятся своеобразными пантеонами, местами памяти, поклонения и патриотической гордости потомков.

В скором времени, и также не дожидаясь прибытия делегации из Польши, собравшиеся в Вильне высшие вельможи и шляхта самостоятельно избрали себе нового великого князя литовского. Им стал Жигимонт, пятый сын Казимира Ягайловича. Полякам объяснили такую поспешность некими угрозами безопасности страны, но это были скорее лишь отговорки. Нужно особо отметить, что в Великом Княжестве Литовском очень дорожили правом отдельного избрания своего господаря. Избрание великого князя рассматривали как один из важнейших фактических признаков суверенитета своего государства. К числу же первейших международно-правовых признаков суверенитета относили наличие отдельного титула великого князя литовского. Именно поэтому польская сторона при заключении уний постоянно настаивала на ликвидации самостоятельного титула великого князя литовского (включении его в титул короля польского) и на прекращении практики отдельного избрания великого князя.

Однако Жигимонт недолго пробыл лишь великим князем литовским. Всего через несколько месяцев он был избран и польским королем. Персональная уния снова была восстановлена. Поскольку два первых десятилетия правления Жигимонта Старого прошли под знаком войн Великого Княжества Литовского

[1] Akta unii Polski z Litwą. 1385–1791. № 82. S. 143–147.

с Москвой, и Польша оказывала союзнику в этих войнах большую помощь, то верхушка Великого Княжества старалась не поднимать вопрос о суверенитете своего государства. Но как только внешнеполитическая ситуация стабилизировалась, эта проблема зазвучала с новой силой. И здесь первую скрипку играл виленский воевода и канцлер Альбрехт Гаштольд. Он был давним и последовательным сторонником самостоятельности ВКЛ и, по всей видимости, именно он был вдохновителем едва ли не всех акций, направленных на достижение этой цели. В 1526 г. паны-рада Великого Княжества направили к Жигимонту посольство, в котором, среди прочего, предлагали снова предпринять попытку преобразования этого государства в королевство. Они высказали свои доводы, и сохранение государственного суверенитета ВКЛ занимало в ней, пожалуй, центральное место. «Коруна в Коруну втелена быть не може», – так описательно сформулировали свой аргумент послы[1]. Это значит, равный статус исключает возможность инкорпорации одного суверенного государства другим суверенным государством. Однако это начинание А. Гаштольда и его единомышленников, очевидно, не встретило поддержки короля и не имело продолжения.

Неудача не смутила сторонников борьбы за суверенитет, они продолжали действовать, хотя их предложения и не были уже такими радикальными. Важные события в этой сфере были связаны с долгим пребыванием Жигимонта Старого в Великом Княжестве Литовском, которое длилось с марта 1528 г. по ноябрь 1529 г.[2] Выделяются, по крайней мере, три акции, которые можно рассматривать как шаги, направленные на укрепление суверенитета Великого Княжества Литовского в условиях его унии с Польшей.

Во-первых, при активной поддержке Жигимонта из состава Польской провинции влиятельного католического ордена бернардинцев была выделена особая Литовская провинция. В 1530 г. руководство ордена наконец уступило настойчивым просьбам, поступавшим на этот счет из ВКЛ[3]. По мнению исследователей, эта акция имела светский и политический характер[4].

Во-вторых, 29 сентября 1529 г. был введен в действие объемный законодательный кодекс – Статут Великого Княжества Литовского, важность которого сравнима с современными конституционными актами. Здесь суверенитет ВКЛ подчеркивался уже самим фактом издания собственного, отдельного от Польши, свода законов. Кроме того, некоторые статьи Статута прямо указывали и укрепляли суверенитет этого государства. Так, например, статья 25 раздела 1 запрещала господарю жаловать земельные имения и подтверждать старые пожалования на территории Великого Княжества Литовского во время пребывания монарха в Польше. Добавим, что эта тенденция нашла свое развитие в 1542 г., когда Жигимонт Старый издал постановление («ухвалу»), где обещал не рассма-

[1] Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Vilnius, 2011. Kn. 7: 1506–1539. P. 601; АЗР. Т. 2. С. 175.

[2] *Gąsiorowski A.* Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów // Studia Historyczne. 1973. Zesz. 2 (61). S. 265.

[3] *Kantak K.* Bernardyni polscy. Lwów, 1933. T. 1: 1453–1572. S. 183–193.

[4] Ibid. S. 202.

ВКЛ в период правления Витовта. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

тривать в Польше никакие дела подданных Великого Княжества Литовского. С этого времени все дела о шляхетских «кривдахъ» должны были разбираться только в самом Великом Княжестве – местными воеводами, старостами, державцами[1].

Наконец, 18 октября 1529 г. произошло событие, которое увенчало пребывание королевской семьи на исторической родине Ягеллонов. Единственный сын Жигимонта Старого, девятилетний королевич Жигимонт Август, был торжественно провозглашен великим князем литовским[2]. На первый взгляд, это был большой успех сторонников самостоятельности, шаг, который должен был в очередной раз отделить ВКЛ от Польши. Однако в действительности все было не так очевидно. Король и королева вовсе не противились этому событию. Более того, они были среди главных его вдохновителей и организаторов и лично присутствовали на церемонии. Если взглянуть на ситуацию несколько шире, то выясняется, что в провозглашении Жигимонта Августа великим князем литовским были заинтересованы не только сторонники суверенитета этого государства, но и королевская семья. Однако каждая из этих сил действовала, исходя из своих собственных интересов и преследуя собственные цели. Местная политическая верхушка, возглавляемая А. Гаштольдом, стремилась получить отдельного от Польши великого князя. У королевской же семьи были несколько другие планы: она давно готовила коронацию Жигимонта Августа польской королевской короной, и возведение королевича в великокняжеское достоинство должно было стать важной прелюдией этого эпохального события. Другими словами, в тот момент интересы разных политических сил совпали, и в деле избрания Жигимонта Августа великим князем литовским они действовали сообща.

Однако, как когда-то и его отец, Жигимонт Август пробыл только великим князем литовским совсем недолго. Уже 20 февраля 1530 г. он был коронован польской королевской короной, т. е. повторился давно известный сценарий, когда великий князь литовский через какое-то время становился польским королем и тем самым закреплял персональную унию между государствами. На тот момент в Польше стало два короля, как и в Великом Княжестве Литовском – два великих князя. Это был единственный подобный случай в истории.

Понятно, что в этой ситуации Жигимонт Август как великий князь литовский совершенно не был заинтересован в том, чтобы отдалять Великое Княжество от Польши, ведь он был еще и польским королем. Кроме того, во время коронационных торжеств 1529 и 1530 гг. он имел всего лишь девять лет от роду и поэтому не мог принимать никаких самостоятельных решений. Но по мере взросления последний Ягеллон, очевидно, стал все настойчивее требовать участия в реальном управлении государствами, во главе которых номинально стоял. В результате на Брестском сойме 1544 г. Жигимонт Старый передал власть в ВКЛ своему сыну, оставив за собой Польшу и несколько измененный титул верховного («найвышшого») князя литовского.

[1] АЗР. Т. 2. С. 389–390.

[2] Евреиновская летопись // ПСРЛ. Т. 32. С. 239.

Пограничный столб, установленный
в ходе размежевания 1546 г.
на стыке границ ВКЛ, Польши и Пруссии

Тем не менее в период, когда Жигимонт Август управлял одним только Великим Княжеством Литовским, он предпринял некоторые шаги, которые можно расценить как направленные на защиту суверенитета этого государства. Так, например, в 1546 г. по его инициативе была проведена демаркация границы между ВКЛ и Короной[1]. Жигимонт Август был последним монархом, который единолично управлял Великим Княжеством Литовским как отдельным государством. После смерти отца, Жигимонта Старого он принял в свои руки также бразды правления Польским королевством, и все вернулось к той системе персональной унии, которая была уже хорошо известна и отработана в прошлом.

В эпоху Александра и Жигимонтов Великое Княжество Литовское продолжало поддерживать самостоятельные внешнеполитические отношения с целым рядом государств и в первую очередь с соседними: Великим Княжеством Московским, Крымом и другими татарскими ханствами, Молдавией, Ливонией, Папским престолом. С ними велась полноценная дипломатическая переписка, происходил обмен посольствами, заключались договоры. Причем ВКЛ заключало с тем или иным государством (например, с Крымом) отдельный договор даже тогда, когда параллельно с этим же государством заключала свой договор и Польша.

С конца XIV в. ВКЛ и Польшу связывала одна правящая династия – Ягеллоны. Конечно же, это сближало два государства. Но стоит обратить внимание также на тот факт, что ни один из семи польских королей, принадлежавших к этой знаменитой династии, ни разу не становился великим князем литовским. В то же время великие князья литовские становились польскими королями целых пять раз, к их числу принадлежали Ягайло, Казимир, Александр, Жиги-

[1] *Kolankowski L.* Zygmunt August wielki książe Litwy do r. 1548. Lwów, 1913. S. 272–286.

монт Старый и Жигимонт Август. Этот факт очень красноречиво свидетельствует о том, какая из сторон больше стремилась к унии. Если в ВКЛ совсем не горели желанием связать судьбу страны с польскими королями, то в Польше, наоборот, всячески пытались привязать к себе восточного соседа, избирая великого князя литовского себе в короли.

Оценивая политический аспект унии с Польшей, можно сказать, что отношение к нему в обществе ВКЛ с течением времени довольно сильно менялось. Эти изменения чаще всего зависели от внешнеполитического положения страны, но иногда также от внутриполитической ситуации. Внешние угрозы заставляли ее руководство искать сближения с Польшей и заключать с ней более тесные союзы, тогда как стабилизация ситуации очень быстро прекращала всякое движение в этом направлении. И, как правило, именно в такие периоды в Великом Княжестве набирали силу настроения, связанные с идеей государственной самостоятельности. Кроме того, многое зависело от того, на каких именно условиях предлагалось заключить унию. В итоге можно сказать, что отношение к унии в ВКЛ было ситуативным. Это касалось и высшего руководства, и отдельных политических группировок, и более широких слоев шляхетского общества, которые можно отнести к «политическому народу». Однако отметим, что в стране существовали и магнатские роды, которые традиционно, на протяжении многих десятилетий последовательно отстаивали курс на государственный суверенитет страны. К их числу принадлежали, в частности, Гаштольды и Гольшанские. Вероятно, нечто подобное наблюдалось и в шляхетской среде.

Отстаивание государственной независимости. Конечно, борьба Великого Княжества Литовского за государственный суверенитет вовсе не ограничивалась политической сферой, существовали и другие ее аспекты. Например, идейному обоснованию суверенитета призвано было служить создание собственного летописания, которое должно было стать официальной версией истории государства. Первой попыткой такого рода можно считать «Летописец великих князей литовских». «Летописец» был составлен в эпоху Витовта, который и был вдохновителем этого произведения. Организаторами создания второго свода белорусско-литовских летописей (20–30-е годы XVI в.) считают Альбрехта Гаштольда и виленского епископа Павла Гольшанского.

Борьба за суверенитет нашла свое отражение и в такой важной сфере, как сфера коммуникации, в том числе языка. Основоположник современной теории государственного суверенитета француз Жан Боден вообще считал язык одним из важнейших его признаков, но трактовал этот признак особым образом – как принуждение подданных к смене языка[1]. В официальном делопроизводстве ВКЛ господствовал старобелорусский язык. На этом языке велось делопроизводство в столице и в местных канцеляриях, на этом языке написаны белорусско-литовские летописи. Именно этот язык использовала дипломатия Великого Княжества в сношениях с восточными и южными соседями – Москвой, Молдавией, татарскими государствами. В 1514 г. Жигимонт Старый отправил крымскому хану Менгли-Гирею две договорные грамоты. Грамота от Польши

[1] *Bodin J.* Sześć ksiąg o Rzeczypospolitej. Warszawa, 1958. S. 222.

Полугрошек (лицо и оборот) – монета ВКЛ первой половины XVI в.

была оформлена на латинском языке, а грамота от Великого Княжества Литовского – «по-руску». При этом Жигимонт высказал пожелание, чтобы крымский хан приказал оформить отдельной мирный договор для Польского государства и отдельный – для Великого Княжества Литовского, что и было сделано[1].

Великое Княжество сохраняло собственную государственную символику. Однако герб «Погоня» был не только общегосударственным гербом, его носили также практически все земли страны, в том числе и белорусские. Государственный герб Великого Княжества достаточно широко использовался: например, на военных знаменах, печатях, монетах.

Чеканка монеты также признается одним из главных признаков суверенитета. Великие князья литовские чеканили собственную монету еще со 2-й половины XIV в. И в этом смысле уния с Польшей мало что изменила. Правда, эти чеканки были не слишком регулярными и, случалось, надолго приостанавливались. Однако они все-таки осуществлялись, и особенно интенсивно, когда в ВКЛ был отдельный от Польши великий князь. В Вильне работал собственный монетный двор («мынца»), который выпускал в основном два вида монет: пенязи и гроши (точнее – полугрошки). Курс монеты Великого Княжества Литовского отличался от курса польских денег. И недаром всякий раз, когда речь снова заходила об унии, поднимался вопрос об унификации денежной системы. Правда, сделать это оказалось нелегко, и собственная денежная система просуществовала в ВКЛ до XVII в.

Государственный союз с Королевством Польским приносил Великому Княжеству Литовскому как выгоды, так и определенные проблемы. Сближение и тесное взаимодействие сторон в общем и целом усиливало каждую из них. Но этот союз, конечно, не был безоблачным. На протяжении тех почти двух столетий, когда он существовал, между Польшей и ВКЛ происходили и конфликты. Однако острые формы, вплоть до военных, они принимали только на раннем этапе взаимоотношений, этапе становления союза. Позднее же, да и вообще в абсолютном большинстве случаев возникавшие между сторонами проблемы решались мирным путем.

Отношения Великого Княжества Литовского с Великим Княжеством Московским. Великому Княжеству Литовскому пришлось отстаивать свой суверенитет не только во взаимоотношениях с Короной. В то время, когда Великое Княжество и Польша медленно и с большим трудом налаживали свои связи в рамках государственного союза, далеко на востоке формировался новый геополитической центр – Москва. Долгое время отношения Великого Княжества Литовского с Москвой ничем принципиально не отличались от его взаимо-

[1] Acta Tomiciana. Posnanie, 1853. T. 3. P. 163.

ВКЛ во второй половине XV – первой половине XVI в. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

отношений с другими княжествами и городами Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Ситуация изменилась лишь в последней четверти XV в., после того, как в 1480 г. великий князь московский Иван III сумел избавиться от ордынской зависимости и стал суверенным государем. Однако очень скоро выяснилось, что цели этого великого политического стратега простирались гораздо дальше. Принятая в правление Ивана III вотчинно-династическая теория гласила, что, поскольку его прямые предки, великие князья киевские, когда-то владели всей Русью, то и сам Иван, их законный потомок, имеет на это полное право. Иван III начал официально и последовательно титуловать себя государем всея Руси, что вполне ясно указывало на главное направление его дальнейшей внешнеполитической деятельности. В соответствии с представлениями того времени «рускими» назывались все земли, которые были населены восточными славянами.

Претензии на всю Русь, которые выдвинул Иван III, напрямую затрагивали интересы Великого Княжества Литовского, поскольку в его состав входило очень много «руских» земель: современные российские, украинские и часть белорусских. Именно по этой причине полное официальное название государства звучало как «Великое Княжество Литовское, Руское, Жемойтское и иных», а в историографии его также иногда называют Литовско-Русским государством. Новый титул великого князя московского как «государя всея Руси» сильно встревожил Вильню. Претензии Ивана III на всю Русь неизбежно означали, что он будет претендовать и на часть государственной территории Великого Княжества Литовского. А это было уже прямой угрозой его территориальной целостности, а значит, и государственному суверенитету.

Правда, первое время казалась, что эта угроза скорее теоретическая и не выходит за рамки указанной декларации, пусть и очень громкой. Однако скоро выяснилось, что Иван III вовсе не склонен бросать слова на ветер. Идея стала для него руководством к действию. Присоединив к Московскому государству Великий Новгород и Тверь, он обратил свой взор на запад. Уже в последнем десятилетии XV в. между Московско-Русским и Литовско-Руским государствами начались войны, и их инициатор – Москва – вела эти войны под лозунгом возвращения «руских» земель, которые в то время находились в составе Великого Княжества Литовского.

Следует отметить, что расчет Ивана III на то, что «руские» земли западного соседа будут легко переходить под его власть, оправдался не полностью. На сторону Москвы во время войны 1500–1503 гг. перешли только восточные земли Великого Княжества Литовского: так называемые Верховские княжества и Чернигово-Северская область, да и то под сильным военным давлением. К тому же важную роль сыграл тот факт, что здесь были очень сильны позиции местных князей-вотчинников, некоторые из которых просто перешли на сторону великого князя московского. Что же касается Смоленщины и современных белорусских земель, то они мужественно защищались. Причем оборона осуществлялась силами не только государства, но и самих местных жителей.

Таким образом, защита государственного суверенитета стала для Великого Княжества Литовского особенно актуальной после заключения Кревского соглашения 1385 г. с Королевством Польским. Великое Княжество не желало признавать государственную зависимость от Польши, на чем решительно настаивали поляки. Споры по этому вопросу продолжались почти два столетия – вплоть до Люблинской унии 1569 г., да и после нее. Тем не менее в этот период ВКЛ продолжало сохранять большинство черт, присущих суверенному государству. Но со временем оказалось, что существует и еще одна угроза суверенитету Великого Княжества – Москва. И здесь дело уже не ограничивалось спорами. Казимир Ягеллончик совершил фатальную ошибку, просмотрев усиление Москвы, которая с конца XV в. выдвинула претензии на восточнославянские («руские») земли Великого Княжества Литовского и надолго стала его серьезнейшим военно-политическим противником на востоке. И здесь нельзя не отметить той негативной роли, которую сыграла персональная уния Великого Княжества Литовского с Короной, поскольку Казимир был вынужден много заниматься делами Польши на западе. Его преемники в Великом Княжестве уже не могли восстановить прежнее положение. Военное давление Москвы с течением времени только усиливалось. Великое Княжество Литовское постепенно теряло территории, слабело и в результате было вынуждено «дрейфовать» в сторону более тесного союза с Польшей.

4.8. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВКЛ (КОНЕЦ XIV – СЕРЕДИНА XVI в.)

Внешняя политика Витовта. В конце XIV в. ВКЛ как субъект международной политики оказалось в довольно сложном положении. Номинально связанное унией с Польшей, имея верховным правителем польского короля Ягайло, ВКЛ фактически оставалось самостоятельным государством. Никто из соседей, несмотря на заключение Кревской унии, не трактовал Княжество как новую провинцию Польши – для этого просто не было реальных предпосылок. Передача реальной власти в ВКЛ в 1392 г. князю Витовту, двоюродному брату Ягайло, создала реальную почву для проведения самостоятельных действий на международной арене. И Витовт не преминул этим воспользоваться.

К этому времени в Восточной Европе складывалась совершенно новая расстановка сил. Витовту для реализации своих внешнеполитических планов удалось заручиться поддержкой Тевтонского ордена. На повестке дня стоял вопрос о ликвидации гегемонии Золотой Орды на территории южной и юго-восточной Руси. Если бы Витовт сумел посадить на ордынский престол своего верного союзника Тохтамыша, то они вместе с Орденом смогли бы разгромить Москву, и тогда ВКЛ стало бы единственным и полноправным хозяином на «руских» землях. Великий князь московский Василий, сын Дмитрия Донского, с огромной тревогой следил за приготовлениями своего западного соседа, не имея возможности ему помешать.

Большая («маестатная») печать великого князя литовского Витовта 1407 г. Легенда на латыни: «Печать Александра, иначе Витовда – Великого князя Литвании, Русии и пр.»

С 1395 г. Витовт организовал сотрудничество с ханом Тохтамышем, который стремился вернуть свои позиции в Орде после разгромных атак Тимура[1]. Тохтамыш хотел воспользоваться военной помощью ВКЛ и его союзников для борьбы за власть в Орде. Ища поддержки Витовта, беглый хан даже «освободил» Великое Княжество от уплаты дани. Таким образом, внутренние междоусобицы среди ордынских верхов способствовали признанию со стороны формально легитимного властителя Орды ВКЛ как полноправного и суверенного члена международных отношений в регионе.

Через активную внешнюю политику Витовт стремился укрепить свою власть внутри ВКЛ и стать независимым от Ягайло как верховного правителя государства. Однако без союзников он не мог обойтись – и искал их среди крестоносцев. Именно по этой причине крестоносцы появились в составе большого войска, которое пошло на юг Украины с целью разбить татарское войско.

Победа над Золотой Ордой давала шанс Витовту в значительной степени изменить позиции ВКЛ на международной арене в свою пользу. Разгром войска Едигея позволил Княжеству стать доминантой в регионе. Возвращение к власти Тохтамыша создавало сильный союз между Ордой и ВКЛ. Благодаря уничтожению татарского потенциала более удобно могли выстраиваться отношения с восточнославянскими княжествами, в том числе и с Москвой. На повестке дня мог даже возникнуть вопрос уничтожения Москвы как центра объединения «русских» земель.

В то же время в политике Витовта можно проследить определенные признаки авантюризма – он явно не рассчитал силы, сделав ставку на поддержку Тохтамыша, и не оценил объективно и трезво потенциал противника – Едигея. Возвращение Тохтамыша на трон Золотой Орды еще не означало установление полного контроля над татарскими княжествами. Этого вряд ли мог допустить могущественный Тамерлан, т. е. ситуация междоусобной борьбы, подпитываемая внешними силами, продолжала бы существовать. Витовт в отличие от Ягайло не проявил в этом вопросе необходимой политической дальновидности.

Результатом разгрома в битве на р. Ворскле 12 августа 1399 г. объединенного войска Великого Княжества Литовского и его союзников под командованием князя Витовта войсками Золотой Орды под командованием хана Тимур-Кутлуга и эмира Едигея стало укрепление позиций Ягайло, вследствие чего

[1] Тимур (Тамерлан) – среднеазиатский тюркский полководец и завоеватель. Помог Тохтамышу после Куликовской битвы овладеть престолом объединенной Золотой Орды, однако последний начал борьбу с Тимуром. В 1390-е гг. Тимур нанес ордынскому хану два жестоких поражения, после которых Тохтамыш лишился престола и был вынужден искать помощи, в том числе и в ВКЛ.

в ВКЛ усилилось польское влияние. Хотя это поражение не означало краха всей внешнеполитической программы Витовта, но теперь она требовала коренной корректировки.

Витовт сумел сохранить свое влияние в регионе. В немалой степени это было обусловлено междоусобицами в Золотой Орде, раздробленностью и слабостью русских княжеств. Москва еще не приобрела того значения, которого достигла в конце XVI в. Сложная ситуация в Орде, которая постепенно распадалась на осколки, позволила великому князю литовскому проводить активную восточную политику. Немалую роль в этом сыграла и поддержка Ягайло, с которым у Витовта улучшились отношения после 1401 г.

Витовт продолжал играть на противоречиях в Орде, что позволяло ему сохранить весомые позиции в международной политике. Но с планами по доминированию, точнее, с идеей ликвидации татарского фактора влияния и силы после битвы на Ворскле он вынужден был расстаться. Так или иначе, Витовту удалось стать полноценным самостоятельным участником взаимоотношений с татарским государством, с чьим мнением в это время не могли не считаться.

Таким образом, после поражения Витовту пришлось переформатировать свою внешнюю политику. Союз с Ягайло, за которым стояло Польское королевство, оказался необходимым и обязательным условием для удержания власти в ВКЛ. Осенью 1400 г. Витовт был вынужден пойти на подписание мирного соглашения с Великим Новгородом и Псковом, не имея возможности диктовать им свою волю с помощью оружия.

Но еще большее беспокойство вызывала ситуация в Смоленске. В 1401 г. там произошло восстание, в результате которого были свергнуты «наместники Витовта» во главе с брянским князем Романом Михайловичем. К власти вернулся Юрий Святославич[1]. Потеря Смоленска грозила крахом всей политики Витовта по отношению к княжествам в Северо-Восточной Руси. В этой ситуации ВКЛ было вынуждено заключить мирные соглашения с Москвой и Тверью.

Возвращение к «смоленской проблеме» было всего лишь вопросом времени. В 1404 г. Витовт предпринял два похода против смольнян. Последний из них завершился успехом. Московский князь Василий I отказал в помощи смоленскому князю Юрию Святославичу, и осажденные сдали город литвинам. Тем самым Витовту удалось восстановить былые позиции на землях, граничащих на востоке с ВКЛ.

Ключом к овладению стратегической инициативой в борьбе за русские земли, по солидарному мнению ученых, являлся контроль над Новгородом и Псковом. Витовт, несмотря на все усилия, не владел ресурсами и возможностями для полного их подчинения. Его влияние в Новгороде ограничивалось «кормлениями», т. е. отправкой в город своего доверенного князя. Таким был Лынгвень Ольгердович, правивший в 1389–1392 гг. в Великом Новгороде (получил в кормление Ладогу, Орешек, Корелу и половину Копорьи).

Витовт предпринял несколько попыток укрепления своих позиций на севере Руси. В начале 1406 г. он развернул военные действия против Пскова. Однако

[1] Юрий Святославич – великий князь Смоленский (1386–1392, 1401–1404), второй сын и преемник великого князя смоленского Святослава Ивановича.

Денарий с копьем и легендой по кругу «ПЕЧАТ». 1392–1396 гг.

Великий князь литовский Витовт. Портрет из брестского августинского монастыря. Неизвестный автор. Вторая половина XVII в.

псковичи показали, что умеют сопротивляться и совершать контрвыпады. Так, во время одного из них псковский князь Даниил Александрович на короткий срок даже взял в осаду Полоцк.

После вмешательства в псковско-литовский конфликт ливонских крестоносцев, которые выступили против Пскова, московские правители не могли оставаться в стороне. Потеря Пскова ощутимо била по их интересам в регионе, они теряли инициативу в ведении международных дел, а равновесие явно было в пользу ВКЛ. Московский князь Василий I смог заручиться поддержкой хана Золотой Орды Шади-Бега. Удар их совместной армии пришелся по Серпейску и Вязьме.

Все шло к прямому столкновению войск Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского. Но, не решившись на битву, в сентябре 1406 г. на р. Плава было заключено перемирие. Данный шаг отразил примерное равновесие сторон в сложившейся ситуации.

Было очевидным, что неразрешенность споров приведет к новому витку военного противостояния. Витовт в 1408 г. ударил по верховским княжествам, захватив Одоев и Воротынск[1]. Против Пскова, который поддержала Москва, выступил Ливонский орден. Снова было заключено перемирие, по которому

[1] *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV – першая палова XVI ст.). С. 57–63.

Москва признавала переход Верховских княжеств под власть Литвы. Но главная цель – покорение Пскова – не была достигнута. Следует отметить, что овладение этим городом Витовтом не было и в интересах Ливонского ордена, так как это означало бы значительное усиление ВКЛ на ближайших подступах к Ливонии.

Таким образом, ВКЛ во главе с Витовтом не смогло переломить ситуацию в свою пользу. Положение Пскова и Новгорода не изменилось – Москва сохраняла здесь свое влияние, хоть влияние Литвы и усилилось. Перемирие 1408 г. символизировало конец активной экспансии Витовта на Восток. Оно высвободило силы для удара по крестоносцам в ходе «Великой войны».

События 1404–1408 гг. показали, что ВКЛ было не способно в одиночку справиться с задачей подчинения земель Северо-Восточной Руси. Попытки обеспечить себе поддержку Польши не увенчались успехом. Ягайло не был сильно заинтересован в борьбе против Москвы, явно считая это направление внешней политики бесперспективным. Несмотря на участие в военных акциях Витовта польских военных отрядов, ангажирование Польши в конфликт было слабым. Ягайло не препятствовал действиям своего брата на востоке, оставаясь в стороне, заняв позицию заинтересованного, но все-таки стороннего наблюдателя.

Основным соперником в борьбе за русские земли оставалась Москва. Пикантность ситуации добавлял тот факт, что московский князь Василий I приходился зятем Витовту. В 1417 г. последнему передавались опекунские права над внуком Василием в случае смерти его отца[1]. С одной стороны, такой шаг означал признание весомой роли великого князя ВКЛ в регионе, с другой – попытку со стороны Москвы обеспечить баланс сил и гарантировать спокойную передачу власти «от отца к сыну».

Смерть Василия I в 1425 г. позволила Витовту значительно расширить свое влияние в русских княжествах и укрепить позиции в качестве ведущего игрока в регионе.

Поход 1427 г. на восточные земли Руси принес долгожданный эффект в деле распространения влияния на русские княжества. Витовту присягнули Пронское, Переяславское, Новосельское, Одоевское княжества и др. Было вынуждено признать власть Витовта Рязанское княжество[2].

В следующем году наступила очередь Великого Новгорода. Заручившись нейтралитетом Москвы, Витовт начал военный поход на новгородские земли. Оставшиеся в одиночестве новгородские бояре заплатили огромный выкуп, фактически признав верховенство Витовта.

Таким образом, к концу эпохи нахождения у власти великий князь литовский Витовт занимал ведущую (доминирующую) позицию в регионе. В основном усилению влияния Витовта способствовала благоприятная политическая конъ-

[1] Василий I Дмитриевич (1371–1425) – великий князь московский и владимирский с 1389 г., старший сын Дмитрия Ивановича Донского. Был женат на Софье – единственной дочери великого князя литовского Витовта. В своем завещании Василий I отдавал жену и сыновей под защиту Витовта.

[2] *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV – першая палова XVI ст.). С. 58.

юнктура и умение активно и оперативно реагировать на изменения внешнеполитической обстановки. Но главная цель – объединение (полное подчинение) земель Северо-Восточной Руси под своим началом не была выполнена. Что касается отношений с Золотой Ордой, то действия Витовта поспособствовали ее распаду.

Несмотря на ослабление позиций, Москва оставалась мощным конкурентным центром. Немалую роль в этом играл конфессиональный фактор. С начала XV в. великий князь Витовт взял курс на превращение ВКЛ в католическое государство. Православная элита если не дискриминировалась, то явно занимала второстепенное место в структуре общества и государства. Это не могло придать Витовту популярности. В его внешней политике наблюдалось очевидное противоречие, не свойственное политике Гедимина и Ольгерда. Овладение Русью не могло состояться без поиска внутренней поддержки среди населения. В общественном мнении Витовт явно проигрывал московскому князю – защитнику православия. Витовт делал ставку на силовое решение проблемы и игру на противоречиях между интересами различных княжеств и элит. Но вряд ли можно признать такую политику дальновидной. Вполне вероятно, предпринимая активную экспансию в восточном направлении, Витовт более перспективным видел для себя все-таки западный вектор внешнеполитической деятельности. Из этого следовал прочный союз с Ягайло в борьбе против крестоносцев и попытка взойти на чешский трон в 20-е годы XV в.

Вообще, называть ВКЛ центром объединения Руси при Витовте не совсем правильно. Витовт скорее стремился покорить «руские» земли, подчинить близлежащие княжества своей воле и власти. Как глава католической державы он не предполагал разработку программы по сохранению идентичности Руси. (Элита и ресурсы белорусских земель рассматривались как важный инструмент для достижения поставленных Витовтом личных целей. Но это совсем не означало, что его деятельность будет осуществляться в интересах этих земель.)

Рост этнического самосознания, политического влияния и укрепление идеологических основ «руского» населения ВКЛ послужил базой для требования сохранения и развития собственной идентичности. В этом заключалась принципиальное различие ситуации при Ольгерде, который имел дело со слабыми и полностью зависимыми от татар княжествами в Северо-Восточной Руси. Даже сохранение религиозных и культурных устоев (внутренняя автономия) в подчиненных Витовтом княжествах не могло сыграть своей положительной роли – в идеологическо-религиозном плане Вильня становилась чужеродным политическим центром. Витовт, понимая эти обстоятельства, проводил политику жесткой централизации.

Данное противоречие сыграло «злую шутку» с ВКЛ уже после смерти Витовта. В 1434 г. власти ВКЛ вынуждены были законодательно оформить социальное равенство шляхты католического и православного вероисповедания. Но и в данном случае проявился инструментальный подход при решении укрепления социальной базы власти.

На западном направлении внешней политики ВКЛ чрезвычайно важными оставались отношения с Тевтонским орденом. Великий князь Витовт стремился

лавировать между мощной организацией крестоносцев и союзнической Польшей, чтобы в этой игре балансов и противовесов укреплять свою самостоятельную политическую роль. Ему с успехом удавалось это делать, выполняя функцию важной третьей силы в напряженных отношениях Ягайло с Тевтонским орденом. Но подобный подход был чреват необходимостью заплатить слишком большую цену – крестоносцы имели виды на Жемойтию, стремясь полностью подчинить ее своей власти и провести тотальную ассимиляцию местного населения.

Для ВКЛ потеря Жемойтии означала бы серьезный отрыв от литовских корней государственности. Площадь земель и численность населения балтских народностей значительно бы уменьшилась, что грозило ликвидацией важной точки опоры власти литовских князей.

С точки зрения развития белорусской государственности переход жемойтских земель под контроль Ордена мог создать ситуацию, когда славянские («руские») земли стали бы основной территориальной и социальной базой государства. Впрочем, заключение Городельской унии 1413 г. подтвердило тезис о том, что Витовт придерживался твердой католизации страны, и «руский путь» развития государственности при нем имел малые шансы на успех при любом раскладе. Скорее можно предположить стремительное движение ВКЛ к более тесной унии с католической Польшей вплоть до фактической потери независимости и вхождения в состав Польского королевства.

В начале XV в. «жемойтский вопрос» очередной раз встал на повестку дня. Одновременно крестоносцы высказывали серьезные претензии на овладение Добжиньской землей, которую контролировала Польша. Агрессивно-захватнические устремления рыцарей создали почву для более тесного сближения Ягайлы и Витовта. Великим князем литовским руководил прежде всего династический интерес и задача укрепления своей власти. Борьба с экспансией Ордена была одной из тех вынужденных задач, которые Витовт должен был обязательно решать. Но в то ж время Витовт оставался стороной, заинтересованной в существовании Ордена, который бы уравновешивал международные отношения в регионе, не давая возвыситься Польше. Витовт был заинтересован в ликвидации милитарного ресурса Ордена, но никак не в ликвидации его самого.

Результаты Грюнвальдской битвы 1410 г. в полной мере соответствовали ожиданиям Витовта и проводимой им политике. Разгром крестоносцев снимал военную угрозу на западе. Но Тевтонский орден по-прежнему оставался влиятельной политической силой общеевропейского значения. На дипломатическом поле он продолжал играть существенную роль защитника католической веры от посягательств неверных и отступников.

Орден отказался от претензий на Жемойть лишь в 1422 г. Это позволило Витовту обратиться к решению проблем, накопившихся на восточном направлении.

Внешняя политика в годы гражданской войны. Вскоре после смерти Витовта ВКЛ охватила гражданская война, которая отразила и внешнеполитические приоритеты противоборствующих сторон. Свидригайло делал ставку на антипольские силы в лице Немецкого ордена и императора Священной Римской

Ян Матейко. «Грюнвальдская битва», 1878 г.

империи Сигизмунда Люксембургского. Польша поддержала брата Витовта Жигимонта Кейстутовича, который выступал за тесный союз ВКЛ с западным соседом.

В конфликте 1432–1434 гг. явственно проявилась проблема зависимости от Польши. *Попытка Свидригайло оборвать вассальную связь с Польшей могла привести к созданию новой идентичности ВКЛ как государственного образования с опорой на внешние антипольские силы как противовеса влиянию Польши и перемещению центра опоры своей власти на «руские» (т. е. белорусские и украинские) земли.* Это вовсе не означало смену европейской и католической ориентации Княжества, но создавало условия для изменения социальных устоев государственности.

Так или иначе, перипетии конфликта 1432–1434 гг. отразили, что ВКЛ стало интегральной частью западной цивилизации и, несмотря на потрясения, разношерстный этноконфессиональный состав привилегированного сословия и всего населения, в стратегическом плане не собиралось менять эту цивилизационную ориентацию. Это, в свою очередь, накладывало отпечаток на внешнеполитические акценты. В борьбе за власть в ВКЛ значение Москвы и Орды как внешних партнеров-союзников было небольшим.

Попытка Свидригайло реализовать идею церковной унии и тем самым выбить козырь из рук Жигимонта Кейстутовича, которым стал привилей 1434 г. об уравнивании в правах шляхты двух христианских конфессий, выразительно показывает, что он стремился к легитимации своего статуса великого князя не среди «руских» элит Княжества, а на общеевропейском пространстве.

Внешняя политика Казимира Ягайловича. Казимир стал первым монархом из династии Ягеллонов, который правил одновременно Польшей и Литвой. Это наложило отпечаток на внешнеполитическую деятельность ВКЛ. Казимир как главный креатор внешней политики не мог ею заниматься на два фронта. Интересы ВКЛ были отданы в угоду общединастическим, которые Казимир стре-

мился воплотить в Центральной Европе. Показательно, что из всего времени правления монарх провел в ВКЛ менее трети.

Великий князь литовский Казимир Ягайлович

Основным лейтмотивом внешней политики при Казимире стал отказ от активной деятельности на Востоке. В 1449 г. с Московским княжеством был заключен мирный договор («докончание»), который стал не просто очередным дипломатическим документом подобного рода, а ознаменовал собой новую веху в двусторонних отношениях.

Эпоха Казимира – переход от политики покорения и подчинения к политике соседства с Москвой. Символическое воплощение этой политики – договор 1449 г. о распределении сфер влияния в регионе. В то же время конкуренция за первенство не исчезла. Но для ВКЛ во времена Казимира восточное направление внешней политики постепенно отходило на задний план. Произошла своеобразная консервация ситуации. Это было связано не только с переходом к другим внешнеполитическим приоритетам, но и с социально-экономическими процессами, в первую очередь трансформацией боярина-шляхтича из рыцаря, занимающегося преимущественно военным ремеслом, в землевладельца, получающего доход от ведения сельского хозяйства.

Первая половина правления Казимира прошла достаточно спокойно и на юго-восточном направлении, где господствовали татары. С Золотой Ордой поддерживались если не союзнические, то конструктивные отношения. ВКЛ не застраховало себя от спорадических неожиданных татарских набегов на степные территории Украины, но прямой угрозы государству они не представляли. Ситуация стала меняться в 70-х годах XV в., когда о своих претензиях на Подолье заявила Османская империя. Примерно в это же время Крымское ханство, становившееся основной угрозой ВКЛ на обломках Великой Орды, вошло в вассальную зависимость от османов.

Крымское ханство со времен правления Менгли-Гирея избрало внешнеполитическую стратегию балансирования между ВКЛ и Московским княжеством, то поддерживая, то разрывая мирные отношения с одним из них, чтобы не дать усилиться какой-либо одной стороне. Жизнедеятельность крымских татар во многом зависела от возможности совершать нападения на внешние территории с целью получения пленных и материальной добычи. Стратегия лавирования в выборе союзника и жертвы создавала весьма удобную ситуацию для выплеска агрессивных устремлений привыкших вести кочевой образ жизни татар.

У Казимира изначально не сложились отношения с новым крымским ханом Менгли-Гиреем. С 1473 г. крымские татары начали беспокоить своими набегами украинские земли ВКЛ. Территорию Беларуси они затронули впервые в конце XV в., уже после начала военных действий Московского государства против ВКЛ. Крымский фактор чрезвычайно сильно отяготил ВКЛ при одновременных ударах

Клецкая битва
1506 г.
Гравюра первой
трети XVI в.

со стороны Московского княжества. По сути, государство вело войну на два фронта, и сложившаяся ситуация в немалой степени поспособствовала успехам московского князя Ивана III. Татарские набеги становились все более опасными, распространяясь в глубь территории ВКЛ. Огромному риску начали подвергаться земли западной и центральной Беларуси, в частности, города Слуцк, Новогрудок и даже Лида.

В 1502 г. после разгрома Большой Орды – непосредственного наследника Золотой Орды Крымское ханство начало предпринимать шаги по возобновлению союза с ВКЛ. В Вильню было направлено специальное посольство. Теперь Крым становился ведущим игроком в международных отношениях среди государств-осколков Золотой Орды. Эта трансформация, а также гибкая политика великого князя литовского Александра, направленная на умиротворение крымского хана, привела к установлению с 1507 г. мирных, союзнических отношений ВКЛ и Крымского ханства.

Власти ВКЛ активно использовали дипломатические методы для стабилизации отношений с Крымским ханством. Особый интерес вызывает практика

выдачи «поминок» («упоминок»), которыми литвины откупались от угрозы татарских набегов и опустошения собственных земель. Стоит еще раз отметить, что крымские ханы в изменившейся международной ситуации не были заинтересованы в значительном усилении Москвы, так как это могло нарушить баланс сил в регионе. Подобную политику сохранения баланса и лавирования Крымское ханство, по существу, проводило до конца XVI в.

До начала периода партнерских отношений войску ВКЛ удалось одержать внушительную победу, которая также повлияла на характер отношений с Крымским ханством. В 1506 г. благодаря разгрому татар в битве под Клецком удалось остановить разрушительные рейды татар по территории Беларуси. В дальнейшем они лишь спорадически и небольшими отрядами отваживались заходить дальше Полесья.

«Яблоком раздора» в литовско-крымских отношениях некоторое время оставался Киев, на который претендовали татары. Один из самых удачных татарских набегов произошел в 1510 г. Татары смогли восстановить свою репутацию грозных наездников. Претензии на Киев прекратились после победы князя Константина Острожского в битве под Лопушным (на Волыни) в 1512 г.

Несмотря на эти военные эпизоды, ВКЛ вступило в фазу сотрудничества с Крымским ханством. Сохранение мира с могущественным татарским государством, которым стал Крым за последние несколько десятилетий, было для ВКЛ одним из приоритетов внешней политики и залогом спокойствия на южных и юго-восточных рубежах. Власти ВКЛ поощряли крымских ханов в их стремлении совершать набеги на Московское государство. Таким образом, союз с Крымом превращался в важный фактор усиления позиций ВКЛ в непростой борьбе со своим восточным соседом.

Военное противостояние Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского: изменение внешнеполитических приоритетов. В ВКЛ консервацию отношений с Московским княжеством, заложенную политикой Казимира и проявившуюся в отказе от активного продвижения своих интересов на Восток, расценивали как стабилизационный момент внешней политики. Но эта стабильность была иллюзией, так как проблема доминирования на Руси не была решена. Пока решить ее силовыми методами ни одна сторона – ни Литва, ни Москва – не могла. Все зависело от конфигурации сил на международной арене и наличия благоприятных обстоятельств и поводов для изменения ситуации.

Таким моментом стал 1492 г. – время смерти великого князя литовского Казимира. Великий князь московский был достаточно силен и хорошо подготовлен, чтобы именно в это время ударить по пограничным землям ВКЛ. Начало серии широкомасштабных войн Московского княжества с ВКЛ стало поворотным моментом в истории ВКЛ и главным испытанием для его государственности в последующую эпоху.

Не вдаваясь подробно в канву событий, следует отметить, что ВКЛ изначально заняло оборонительно-пассивную позицию, позволяя себе лишь в отдельных

случаях оказывать решительный отпор действиям противника. Начиная с 1492 г. ВКЛ стало терять земли на востоке. Это происходило как в результате военных захватов, так и в связи с добровольным переходом некоторых удельных князей в подчинение Москвы. В результате за период 1492–1522 гг., когда с перерывами произошла серия войн с Московским княжеством, ВКЛ потеряло около трети своей территории.

Сложная ситуация на военном фронте в ситуации обоюдного давления со стороны Москвы и Крыма, невозможность быстро собрать необходимую армию и ресурсы для нее способствовали появлению примирительной риторики в действиях властей ВКЛ.

В 1495 г. попытка примирения была заключена в реализации династического брака – великий князь Александр взял в жены дочь московского князя Ивана III Елену. Но этот испробованный метод умиротворения не сработал – слишком велики были противоречия и амбициозны претензии у двух государств. Более того, православное вероисповедание Елены, которое она сохранила в католическом окружение великокняжеского двора в Вильне, послужило для Ивана III зацепкой для обвинений в дискриминации православия в ВКЛ.

Новая война началась в 1500 г. 14 июля 1500 г. произошло первое крупное поражение войска ВКЛ от московитов в битве на р. Ведрошь под Дорогобужем. Власти ВКЛ с новой силой осознали собственную неподготовленность к широкомасштабной и затяжной войне. К тому же Москва в сложившейся ситуации становилась выгодным партнером для антиягеллоновских сил во главе с императором Священной Римской империи. По «вечному миру» 1508 г. Вильня была вынуждена признать потерю значительной территории на востоке.

Мирное положение не сохранилось надолго. С 1512 г. основные события в противоборстве между ВКЛ и Московским государством разыгрались вокруг Смоленска. Это был важный стратегический и экономический центр, благодаря контролю над которым закреплялась власть над всем пространством восточнее этого города, уже отошедшим к Московскому княжеству. Смоленск служил своеобразными воротами в ВКЛ, его потеря для страны означала действительный перевес чаши весов в противостоянии в пользу Москвы.

После нескольких попыток осады в августе 1514 г. Смоленск сдался московским войскам. Дальнейшее продвижение московитов на запад удалось остановить благодаря разгрому московского войска в Оршанской битве 8 сентября 1514 г. Это было важное достижение, показавшее, что захват новых земель для московитов сопряжен со значительными трудностями. Свою роль в этом сыграла и позиция местного населения, которое было более плотно интегрировано в структуры ВКЛ.

В 1515 г. была разрушена антиягеллоновская коалиция. Москва осталась без видимой внешней поддержки своих планов. Военные действия продолжались вплоть до 1518 г., но больших территориальных изменений за это время не произошло. В 1522 г. было заключено перемирие, которому было суждено продержаться фактически до 1534 г.

Битва под Оршей 1514 г. Неизвестный художник. 1524–1530 гг.

Внешняя политика ВКЛ была направлена на умиротворение противника. Это было связано как с объективными обстоятельствами, так и с общей направленностью политического процесса в ВКЛ. Правящая элита и общество были заинтересованы в освоении внутренних ресурсов, а не в ведении активной внешней политики, предполагающей не только защиту своих границ, но и расширение территории. Лишь однажды, во время Стародубской войны 1534–1537 гг., власти ВКЛ предприняли серьезную попытку реванша. Но атака на Стародуб захлебнулась. Был возвращен только Гомель, и то во многом благодаря пролитовской позиции местного боярства и мещан. Стародубская война выразительно отразила слабости в организации вооруженных сил страны и неготовность ВКЛ к ведению продолжительных военных действий.

После заключения перемирия в 1537 г. государство вновь вернулось к политике умиротворения соперника, что нередко воспринималось им как проявление пассивности и слабости. На международной арене на некоторое время установилось равновесие сил. Но если ВКЛ стремилось к сохранению статус-кво в территориальных вопросах (такой вопрос, как возвращение Смоленска, ставился, но достаточно быстро перешел в разряд формальных требований), то Москва планомерно наращивала силы, не отказываясь от претензий на «руские» земли ВКЛ.

Во внешней политике правящие круги действовали, следуя принципу застывшего времени. Выбранный путь политического и социально-экономического развития ВКЛ вел к снижению милитарного потенциала страны, что четко проявилось в ходе Ливонской войны. Как следствие, это приводило к пассив-

ным сценариям внешнеполитического действия, направленным на сохранение стабильности в регионе. Подобная миролюбивая политика позволяла выиграть время, но не решить проблему. С течением времени противоречия только нарастали – Москва строго следовала своей внешнеполитической программе, Польша выдвигала очередные планы по заключению унии, с чем пересекались и династические интересы Ягеллонов. ВКЛ, по сути, оказывалось в зависимости от реализации проектов соседей. Когда в 60-е годы XVI в. началась широкомасштабная и длительная Ливонская война, которая повлекла за собой постановку на повестку дня вопроса о заключении унии с Польшей, государство оказалось в незавидном положении. Сохранение государственности и независимости требовало неординарных усилий на международной арене, но они так и не были предприняты политической элитой страны.

Ливонская война: вызов суверенитету ВКЛ. Во внешнеполитической истории ВКЛ особое место занимает «ливонский вопрос», вышедший в политическую плоскость в середине XVI в. Получение контроля над Ливонией, которая к этому времени представляла собой живой анахронизм средневековых духовно-государственных образований, стало заманчивой идеей для Жигимонта Августа и прусского князя Альбрехта. Естественной точкой опоры со стратегического и геополитического ракурса для решения «ливонского вопроса» виделось ВКЛ. Для него подчинение Ливонии означало бы прорыв старой внешнеполитической линии и выход из стадии пассивной политики. По сути, впервые с начала XV в. ВКЛ получало возможность расширить если не собственную территорию, то сферу непосредственного влияния в Прибалтике.

Следует отметить, что такая перспектива аристократию ВКЛ поначалу не очень обрадовала – они опасались нарушения хрупкого равновесия в регионе и вспышки новой войны с Москвой. Пацифистские настроения были настолько сильны, что политическая элита была готова отказаться от проведения активной внешней политики. Но Жигимонту Августу удалось убедить шляхту, что контроль над Прибалтикой является кровным интересом ВКЛ и залогом безопасности страны.

Заинтересованность ВКЛ в подчинении Ливонии была вызвана прежде всего стратегическо-оборонительными и торгово-экономическими интересами. Геополитическое положение Ливонии позволяло контролировать северные районы Московского государства, создать против него широкий наступательно-оборонительный плацдарм. Значительные стратегические выгоды от подчинения Ливонии предоставляли отличную возможность улучшить внешнеполитическое положение ВКЛ. Это было особенно актуально в условиях беспрерывного противостояния с восточным соседом и угрозы возобновления с ним военных действий.

Одновременно контроль над ливонской территорией давал возможность следить за развитием событий в регионе Балтийского моря и, учитывая наличие современной портовой инфраструктуры, выстраивать собственную балтийскую политику. Стремление к установлению контроля над бассейном Балтийского моря являлось одной из главных внешнеполитических задач для Жигимонта

Августа. Ливонская политика великого князя была одним из основных элементов его широкомасштабных намерений овладеть ключевыми позициями в балтийском регионе.

Сущность планов Жигимонта Августа и Альбрехта по подчинению Ливонии заключалась в овладении через своих ставленников ключевыми административными должностями и в дальнейшей секуляризации духовных государственных образований в Ливонии. За образец трансформации политического строя и государственных структур была избрана прусская модель, успешно реализованная в 1525 г.[1]

Однако осуществление этих планов осложнилось из-за жесткого противодействия Ливонского ордена. Демонстрация военной силы объединенными войсками Польши и ВКЛ принудила крестоносцев подписать в сентябре 1557 г. Позвольский договор[2], по которому Орден принял условия Жигимонта Августа и заключил тайное военное соглашение, направленное против Москвы.

В 1558 г. в ливонский конфликт посредством военного нападения вмешалось Московское княжество, возглавляемое Иваном Грозным. Поначалу в Вильне посчитали, что московско-ливонский конфликт имеет локальный характер. Захват Нарвы и Дерпта в мае-июне 1558 г. стал для литовских политиков неожиданным сюрпризом. Одновременно свои претензии на островные части Ливонии предъявило Датское королевство. В этих условиях Жигимонту Августу пришлось решать две насущные задачи: интенсифицировать действия по подчинению Ливонии (для чего было необходимо договариваться с руководством Ливонского ордена и Рижского архиепископства) и обуздать агрессивные устремления Московского государства в Прибалтике.

Дипломатические контакты 1559–1562 гг. показали, что московские правители не собираются отказываться от продвижения в глубь Ливонии, считая ее территорию своей «вотчиной». В Вильне до последнего момента верили, что масштабной войны удастся избежать. Именно с этой целью проводились неформальные переговоры панов-рады ВКЛ с московскими дипломатами. Канцлер Миколай Радзивилл Черный в 1560 г. конфиденциально даже предлагал раздел Ливонии на взаимовыгодных условиях[3]. Позиция Жигимонта Августа кардинальным образом расходилась с подобными пацифистскими намерениями – он был твердо убежден в бескомпромиссном отстаивании своих интересов.

В сложных обстоятельствах давления извне Ливонский орден был вынужден искать защиту у соседей. Ее готов был оказать Жигимонт Август. В результате длительных переговоров, которые вел Миколай Радзивилл Черный, в конце

[1] *Olewnik J.* Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant do monarchii jagiellońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // Kommunikaty Mazursko-Warmińskie. 1979. № 4. S. 393–408.

[2] *Stancelis V.* 1557 m. Pasvalio sutartys – permainų Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės santykiuose su Hohencolernų dinastija rezultatas // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. P. 285–298.

[3] Сборник императорского Русского исторического общества: в 148 т. СПб., 1867–1916. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. 1533–1558 гг. СПб., 1887. С. 622–623.

1561 г. было подписано соглашение, фактически означавшее ликвидацию духовных государственных образований на территории Восточной Прибалтики[1].

Договор между ВКЛ и Ливонией от 28 ноября 1561 г. предусматривал ликвидацию Ливонского государства в его старом виде и создание на его территории новых государственных структур, подчиненных ВКЛ. На левобережной части Ливонии было создано Курляндское герцогство во главе с новоиспеченным герцогом Г. Кетлером. На правобережье Западной Двины образовывалось Задвинское герцогство, формально принадлежащее Жигимонту Августу как верховному правителю.

Ливонская политика ВКЛ была направлена в первую очередь на защиту собственных государственных интересов. Объективные обстоятельства существования государственного организма (недостаточность финансовых ресурсов, отсутствие мобильной армии и др.) не могли позволить руководству страны положить в основу стратегической инициативы активную наступательную политику. Для концентрации внимания на ливонском направлении необходимо было обеспечить стабильные мирные взаимоотношения с другими соседями, прежде всего с Крымским ханством. Несмотря на обещания, данные ливонцам в заключенных с ними соглашениях, ВКЛ не могло дать больше, чем это было возможно. И эту ситуацию руководство ВКЛ хорошо осознавало. Именно отсюда вытекала его склонность к оборонительным действиям в Ливонии, постоянное внимание к сохранению перемирия и акцентирование собственного миролюбия на дипломатических переговорах с московитами.

Последняя попытка сохранить мир была обречена на неудачу. Миссия посланника Боркулаба Корсака, который находился в Москве в начале 1562 г.[2], ничего, по сути, изменить уже не могла. Судя по всему, руководство ВКЛ надеялось посредством присутствия своего дипломата на территории соседнего государства оттянуть войну, которая могла начаться после окончания перемирия 25 марта 1562 г.

Московия не видела оснований для продолжения перемирия. Зато поводов для развязывания войны было предостаточно. Своих целей московские политики в Ливонии не достигли, и в первую очередь из-за вмешательства третьих сторон. ВКЛ удалось перехватить инициативу в ливонском конфликте, и, несмотря на пацифистский пафос панов-рады, Жигимонт Август не желал идти на уступки в ливонском вопросе. Иван Грозный жаждал взять реванш за это внешнеполитическое поражение. В начале 1562 г., после окончания шестилетнего перемирия, его ничто не сдерживало от новой широкомасштабной войны с Великим Княжеством Литовским.

Ее развертывание означало фиаско внешнеполитической линии, которой придерживались правящие круги ВКЛ. Ставка ВКЛ на сохранение мира позволила противнику считать, что Княжество не готово к войне и не сможет оказать

[1] *Dogiel M.* Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae. Vilnae, 1765. T. 5. S. 238–243.

[2] Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 71. С. 55–63.

Осада Полоцка в 1563 г. Гравюра из аугсбургского «летучего листка»

достойного сопротивления. С другой стороны, позиция панов-рады ВКЛ была обусловлена объективными причинами – кризисом в системе сбора налогов на армию и устаревшей системой мобилизации вооруженных сил.

В 1562 г. военные действия между странами не приняли широкого размаха. Но в феврале 1563 г. в результате масштабной и неожиданной операции московиты после двухнедельной осады с применением тяжелой артиллерии захватили Полоцк – важный стратегический пункт на р. Западная Двина. Это событие было чрезвычайно болезненно воспринято в шляхетском обществе ВКЛ. Виленский сойм 1563 г.[1] засвидетельствовал, что созрели предпосылки для мобилизационного подъема – шляхта готова была выйти на войну для защиты границ государства и отпора врагу. Но нежелание Жигимонта возглавить армию и прежняя пацифистская позиция панов-рады не позволила воспользоваться данным шансом. Несмотря на победу в Ульской битве 26 января 1564 г.[2], которая в действительности остановила дальнейшее тотальное продвижение противника вглубь территории страны, в ВКЛ не были предприняты необходимые действия для активизации действий на военном фронте.

Попытка собрать большое посполитое рушение осенью 1567 г. была запоздалой и не привела к каким-либо решительным действиям для получения реванша. Жигимонт Август в этих условиях, видя беспомощность правящих кругов, их неспособность наладить эффективную организацию обороны, усиление фи-

[1] Подробнее см.: *Янушкевіч А. М.* Пачатак пералому: Віленскі вальны сойм 1563 г. на фоне Інфлянцкай вайны і ўнутраных рэформаў у Вялікім княстве Літоўскім // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 лістап. 2007 г. / навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. Мінск, 2008. С. 80–90.

[2] *Янушкевіч А. М.* Ульская бітва 1564 года і яе значэнне // Беларускі гістарычны часопіс. 2014. № 4. С. 5–13.

нансово-экономического кризиса в стране, все более склонялся к идее заключения реальной унии с Польским королевством. Несмотря на отчаянное сопротивление верхушки магнатерии и новые успехи в войне, какими стали разгромы московских группировок в Полоцкой земле и захват построенного московитами замка Улла в августе 1568 г., государственно-политический союз с Польшей был оформлен летом 1569 г.

Отсутствие Жигимонта Августа в ВКЛ с конца 1561 г. пагубно сказалось на ведении внешней политики государства. У радных панов не имелось полноценных рычагов для участия во внешнеполитических отношениях, к тому же четко прослеживалось доминирование пацифистской идеи в поведении на дипломатической арене. В стране наблюдался определенный «комплекс сиротства» при отсутствии монарха. Радные паны не привыкли да и не имели законодательно оформленного права самостоятельно принимать решения в сфере внешней политики и действовать без оглядки на позицию господаря.

Проблема Ливонской войны отошла на второстепенный план, правящие круги сконцентрировали внимание на вопросе перспективой унии с Польшей и задаче расширения шляхетских вольностей. Правящая элита ВКЛ проявила политическую слепоту: неверный выбор алгоритма политического действия, когда Ливонская война и уния с Польшей связывались в единое целое как причина и следствие. У правящей элиты отсутствовало понимание (может, только кроме Яна Ходкевича), что отложить унию поможет только выигранная война или хотя бы эффектная победа. Конечно, с другой стороны, катастрофически не хватало материальных средств для ведения войны, что потребовало бы привлечения внешней помощи. Однако при желании даже такую неблагоприятную ситуацию можно было бы переломить. Что мешало богатой магнатерии проявить инициативу и одобрить сбор военных отрядов из собственных владений? В 1565 г. такой пример подал Ян Ходкевич, выставив 1200 всадников за собственный счет[1]. Его почин никто, по большому счету, не подхватил. Частный интерес преобладал над публичным. Отсюда – надежда при защите Полотчины и Витебщины только на местных шляхтичей (у ведущих магнатов здесь не было латифундий), отсюда – появление магнатов в земском ополчении 1567 г. одними из последних, только после приезда в армию самого господаря, отсюда – патологическое стремление господарской Рады к примирению с Москвой, невзирая на интересы суверенитета государства. Оно, кстати, тоже трактовалось через призму тех же частных интересов всего лишь как самый эффективный метод сохранения своего политического и экономического влияния.

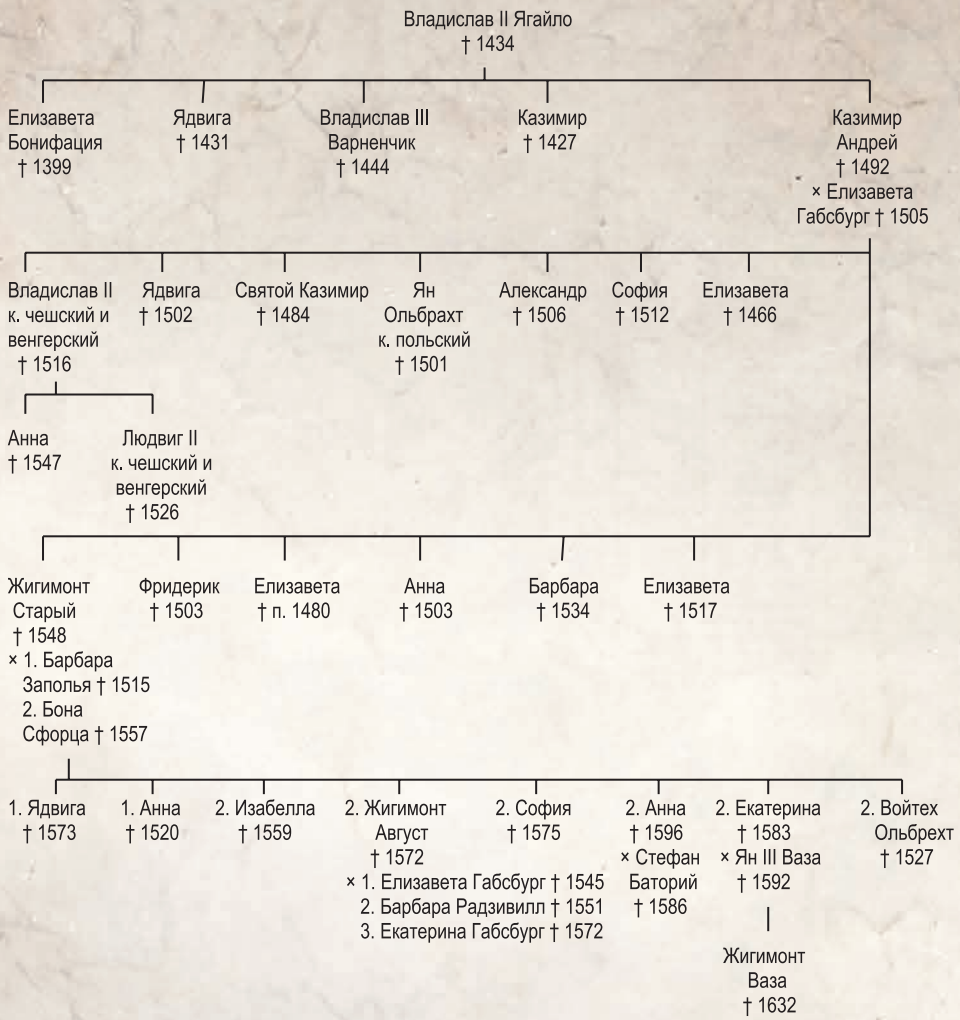
Ливонская война стала для ВКЛ проверкой на жизнеспособность, той «лакмусовой бумажкой», которая обнажила серьезнейшие проблемы в системе государственной власти и общественных отношений. Государству не хватило внутренних ресурсов, а общество не выдвинуло лидера с необходимыми качества-

[1] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. Вильна, 1867–1904. Т. 1. Вильна, 1870. С. 138–140.

ми для проведения преобразований и сохранения собственной государственности. Давление давнего династического партнера ВКЛ Польши и самого монарха Жигимонта Августа привело к заключению Люблинской унии 1569 г. Княжество, находящееся в состоянии военного положения, занимало в этом процессе пассивную позицию, хотя политической элите и удалось добиться компромиссного решения по достижению широкой автономии в составе Речи Посполитой.

Таким образом, в рассматриваемый период ВКЛ потеряло значительную часть государственного суверенитета, что было обусловлено внешними факторами, которые непосредственным образом влияли на развитие внутренних процессов в государстве. В 60-е годы XVI в. ВКЛ оказалось в положении заложника внешних обстоятельств, его внутренняя политика стала продолжением внешней. Ливонская война не просто послужила катализатором кризисных процессов, а способствовала их проявлению и ускоренному развитию. Неспособность распорядиться имеющимися ресурсами и использовать потенциальные возможности ослабили развитие ВКЛ как самостоятельного государственного организма.

Польские короли и великие князья литовские: Ягеллоны



ГЛАВА 5

Речь Посполитая в истории белорусской государственности второй половины XVI – XVIII в.

5 ГЛАВА

Во второй половине XVI в. Ливонская война стимулировала государствообразующие процессы на территории Беларуси. Сложились условия для формирования нового государственного объединения Великого Княжества Литовского и Королевства Польского – Речи Посполитой.

Процесс создания и функционирования нового государственного объединения был крайне сложным и противоречивым. В результате кардинальные изменеия произошли во всех сферах жизни общества ВКЛ. Однако Речь Посполитая, являясь государственным образованием, в котором доминировало шляхетское сословие, не смогла обеспечить паритет интересов всех слоев общества и в итоге пришла к ослаблению и краху. Это стало важным опытом в процессе развития белорусской государственности.

5.1. ОБРАЗОВАНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВКЛ

Заключение Люблинской унии. Переговоры о более тесном государственном союзе Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского и Королевства Польского состоялись в середине XVI в. по инициативе польской шляхты, которая желала дополнения и реализации соглашений, заключенных в 1501 г. в Петркуве и Мельнике, что привело бы, по мнению ее представителей, к возникновению *единого политического народа и единого государства*. В 1568–1569 гг. в Люблине развернулись острые дискуссии. Литвины и русины соглашались лишь на политический и военный союз, который бы существенно не ограничивал верховенство ВКЛ во внутренних делах и требовали от поляков полноправного участия в разработке концепции совместной внешней политики[1].

[1] Многие историки среди ряда причин, которые привели к заключению Люблинской унии 1569 г., одной из самых важных называют внутриклассовые противоречия в правящем шляхетском сословии ВКЛ. Существует, однако, и иной взгляд на проблему, представленный в работах И. И. Лаппо, Ю. Кяупене, А. Н. Янушкевича и других исследователей, которые связывают конфликт в ВКЛ с противостоянием политических группировок Радзивиллов и Ходкевичей и установлением в государстве «биполярного политического порядка». В то же время к 1568 г. отношения между партиями Радзивилов и Ходкевичей, по выражению Т. Кемпы, «явно

В ВКЛ против заключения унии с Королевством Польским наиболее активно и последовательно выступали магнаты – богатая и родовитая шляхта, в большинстве своем входившая в состав великокняжеской рады (паны-рада). Эти люди, многие из которых имели княжеское происхождение, опасались как потери суверенитета своего государства в случае тесного государственного союза с Польшей, так и утраты своего лидирующего положения в ВКЛ и поэтому всячески тормозили процесс заключения данного соглашения.

Однако начало Ливонской войны (1558–1582) и особенно захват в 1563 г. русскими войсками Полоцка ускорили переговоры о возможном союзе. Совместный сойм шляхты ВКЛ и Короны открылся 10 января 1569 г. в Люблине. На нем обсуждался вопрос об унии двух государств. Представители польской стороны потребовали взамен на военную помощь фактического вхождения ВКЛ в состав Королевства Польского (единый сойм, монета и др.). В знак своего несогласия делегация ВКЛ 1 марта 1569 г. покинула Люблин.

В ответ на эти действия лидеров ВКЛ под давлением польских политиков и используя тот факт, что положение ВКЛ в Ливонской войне ухудшалось, Жигимонт Август издал универсал о присоединении к Королевству Польскому Подляшского и Волынского воеводств, а также Подолья и Киевщины – произошла открытая аннексия этих территорий. Местную шляхту принудили присягнуть на верность Жигимонту Августу как польскому королю. Только шляхта Мозырского повета отказалась это сделать, и повет из Киевского воеводства был переведен в состав Минского воеводства.

Уже 5 апреля 1569 г. делегация ВКЛ вернулась в Люблин, но проблему аннексии решить не смогла. В дальнейшем вопрос возвращения присоединенных поляками в 1569 г. территорий ВКЛ был предметом постоянных политических споров.

Акт об образовании Речи Посполитой как государственного союза был утвержден 1 июля 1569 г. представителями обоих государств, а 4 июля его подписал и Жигимонт Август.

Взгляды историков на сущность достигнутых в итоге соглашений существенно разнятся. Например, если М. К. Любавский полагал, что «*раздираемое внутреннею рознью в тот момент, когда требовалось наибольшее единение и напряжение сил, литовско-русское государство кончило свое самостоятельное существование*»[1], то И. И. Лаппо, М. В. Довнар-Запольский, С. Кутшеба, В. Д. Дружчиц, А. Шапока, Г. Виснер и другие считали, что ВКЛ сохраняло свой государственный суверенитет[2] и после 1569 г.

потеплели». Как отмечает А. Рахуба, «стороны отличались не столько программами – после закрепления своего политического положения Ходкевичи перестали быть однозначными энтузиастами политической унии, а Радзивиллы не были ее бесспорными оппонентами, сколько амбициями группировок и поисками ими престижа» (*Рахуба А.* Палітычныя групоўкі ў Вялікім Княстве Літоўскім (1569–1732) / пер. з пол. мовы // Спадчына. 2002. № 5–6. С. 34).

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М., 1915. С. 313; 3-е изд. СПб., 2004. С. 303.

[2] Понятие «государственный суверенитет» было введено в обращение в XVI в. испанскими юристами. В 1576 г. в трактате «Шесть книг о государстве» он был определен французским юристом Ж. Боденом как абсолютная (неограниченная), незыблемая и постоянная (непре-

Образование Речи Посполитой. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

Акт-договор Люблинской унии 1569 г., утвержденный панами-радой и соймовыми послами ВКЛ. Люблин, 1 июля 1569 г. Главный архив древних актов в Варшаве. Собрание пергаментных документов. Д. 5627

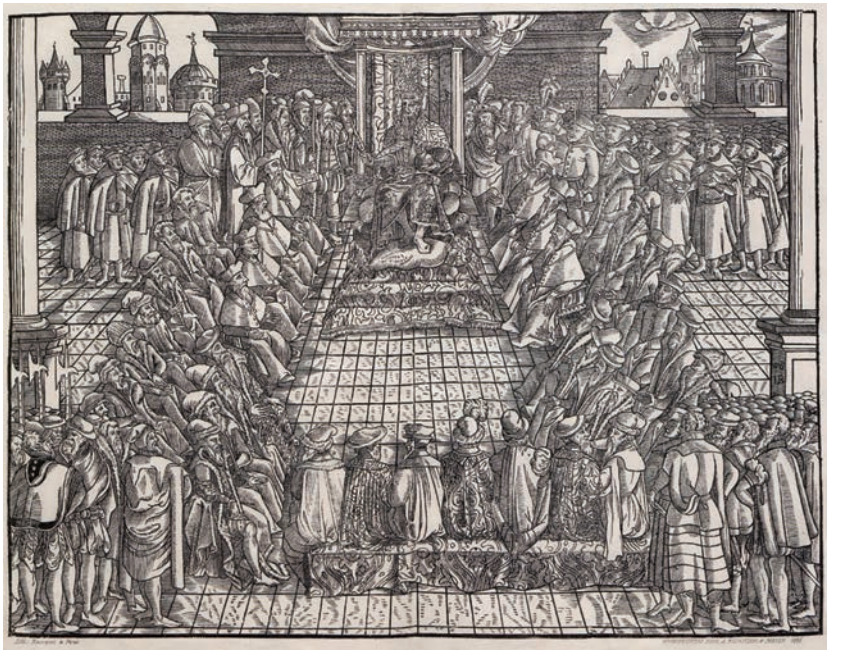
Первый акт-договор, который содержит условия соединения Польской Короны с ВКЛ, был издан 1 июля 1569 г. от имени коронных сенаторов и польских земских послов. Второй, содержавший условия объединения ВКЛ с Короной Польской, был издан от имени панов-рады ВКЛ, а также воеводских и поветовых послов княжества, которые также закрепили акт своими печатями. Главная идея договора союза (унии) была зафиксирована в его 3-м параграфе: «*С этого времени оба государства, Корона и ВКЛ, есть одно неделимое тело, а также не отдельная, но одна общая Речь Посполитая, которая из двух государств и наций в единый народ воссоединилась*»[1].

Как точно подметил Г. Виснер, соединяются ли нации (как в проекте унии 1564 г.), или государства и нации (как в привилее-договоре Люблинской унии 1569 г.), в итоге появляется отождествление Речи Посполитой и народа[2].

рывная, бессрочная) верховная власть государства над гражданами и подданными (*Bodin Jean.* Les six livres de la République. Paris, 1576). В современном понимании государственный суверенитет – это независимость государства во внешних и верховенство во внутренних делах.

[1] Akta unii Polski z Litwą. 1385–1791. № 148. S. 234. Punkt 3. S. 343; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1 (1550–1585). Warszawa, 2005. S. 235. На Люблинском сейме также были приняты и утверждены некоторые дополнительные акты союзного соглашения, в том числе порядок мест членов общего Сената (Рады Коронной и Рады Литовской) как учреждения уже единой Речи Посполитой, Привилей Жигимонта Августа, который устанавливал порядок деятельности коронных и литовских маршалков от 19.07.1569 г., Акт об потверждении унии между польской и литовской политическими нациями (народами) на Люблинском сейме, изданный от имени монарха – короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа 11.08.1569 г. В этот день была принята и первая совместная для Польши и ВКЛ соймовая конституция (пакет постановлений, имевших силу закона). (Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 213–268; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года. Мінск, 2017).

[2] *Wisner H.* Rzeczpospolita: Szlachta, jej sejm i państwo: w związku z pracą E. Opalińskiego // Kwartalnik Historyczny. 1995. R. CII, № 3–4. S. 246; *Idem.* Rzeczpospolita Wazów: w 3 t. / In-t Historii Polskiej Akad. Nauk. Warszawa, 2002–2008. T. I : Czasy Zygmunta III i Władysława IV. 2002. S. 10–14. По мнению Г. Виснера, Речь Посполитая обеих политических наций, таким образом, являлась прежде всего сообществом, инструментом которого были государства Короны Польской и Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского.



Сойм Речи Посполитой. 1570 г.

Высшим органом власти Речи Посполитой обоих народов (наций) должен был стать общий для Польши и ВКЛ вальный сойм из трех «станов»: монарха (короля и великого князя), коронной рады, соединенной с панами-радой ВКЛ в общий для Речи Посполитой Сенат, и Посольской избы. Сойм должен был собираться на территории Польши, отдельных соймов как для Короны, так и для ВКЛ не предусматривалось.

В тексте Люблинской унии подчеркивалось, что «*обоими народами (нациями) будет править один король, избираемый совместными и общими голосами Польши и Литвы*». Вместе с тем титул великого князя сохранялся.

Исключительно к компетенции Речи Посполитой отходила внешняя политика. Акт Люблинской унии предусматривал отмену действия нормы Статутов ВКЛ и других постановлений, ограничивающих представителей польской политической нации (народа) в вопросах приобретения и владения имениями в ВКЛ.

Несмотря на то, что Люблинский союзный акт-договор должен был вызвать существенные изменения в политической системе ВКЛ, после его заключения были сохранены государственная территория и границы ВКЛ, правовая и судебная система, административный аппарат (система государственных органов и должностей, в том числе государственная канцелярия), вооруженные силы и обособленное от Польши командование ими, финансовая и налоговая системы, гражданство, государственная символика, большая и малая государственные печати.

Позднее, в период «бескоролевий», возник институт государственных съездов ВКЛ (съезды «станов» или конвокации), на которых принимались или утвер-

ждались собственные законы, не действовавшие на территории союзной Короны Польской. Таким образом, было восстановлено законодательство ВКЛ в виде нормативных актов, принимаемых на главных съездах. Также проводилась относительно самостоятельная по отношению к Польскому королевству внешняя политика.

Таким образом, 1 июля 1569 г. было продекларировано создание общего государственного образования граждан Польской Короны (поляков) и граждан Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского (литвинов).

Анализ содержания актов и договоров, заключенных и подписанных на Люблинском сойме, приводит многих историков к выводу о создании единого союзного государства (т. е. федерации в современном понимании) – Речи Посполитой, к которому должны были перейти суверенные права Короны Польской и Великого Княжества Литовского. Вместе с тем совокупный анализ исторических источников второй половины XVI – XVIII вв. дает возможность утверждать, что путь к реальной федерации был гораздо более долгим и на практике реализация проекта «союзного государства» растянулась на столетия. Безусловно, истиной является и то, что польские коронные элиты стремились включить ВКЛ в понятие «Корона Королевства Польского», предопределяя государству русинов и литвинов лишь роль провинции Польши. Только спустя 20 лет после Люблинского сойма поляки начали постепенно отказываться от унификационной терминологии[1].

Как свидетельствуют документы, образовавшаяся на Люблинском сойме 1569 г. Речь Посполитая обоих народов, являлась де-факто реальной унией[2] Короны Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского, т. е. государственно-правовым союзом названных двух государств со смешанной формой правления[3], который был существовал на основе

[1] *Augustyniak U.* Historia Polski (1572–1795). Warszawa, 2008. S. 31; *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. T. I. S. 11–12.

[2] В рамках реальной унии суверенитет союзных государств безусловно может сохраняться. См.: *Пергамент М.* Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893; *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. Lwów, 1914. Cz. 2: Litwa. S. 198. В теории и истории государства и права различаются формы территориального устройства государства и формы межгосударственного объединения (или образования) государств. Формами межгосударственного объединения государств (т. е. союзов государств, в рамках которых существуют общие государственные или надгосударственные органы, но объединяющиеся государства сохраняют свой суверенитет) являются личные и реальные унии, протектораты и ассоциированные государства, конфедерации, содружества и др. (*Четвернин В. А.* Территориальное устройство государства // Проблемы общей теории государства и права / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2004. С. 624–625; *Дмитриев Ю. А., Миронов В. О.* Классификация форм государственного устройства: методологический аспект // Государство и право. 2011. № 6. С. 13–21).

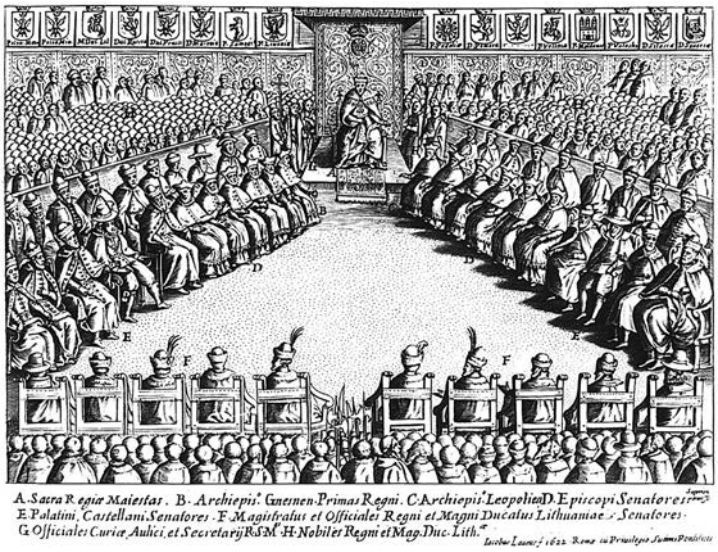
[3] Подходы к определению сущности формы правления Речи Посполитой весьма различны. Рассматривая данную проблему лишь с перспективы запрета на передачу властных полномочий главы государственно-правового союза Короны Польского Королевства и ВКЛ по наследству и запрета избрания нового монарха при жизни предшественника, белорусские теоретики права и государства понимают данную форму правления как сословную выборную монархию наподобие Священной Римской империи германской нации или Ватикана. Однако в Речи Посполитой была оформлена совершенно иная идеология власти, сутью которой являлось то, что выборный глава государства, занимавший престол по воле выборщиков, в состав

признания общих для Польши и ВКЛ государственных институтов. А именно: 1) избираемого на совместном элекционном сойме главы государства – короля и великого князя, не имевшего права передавать власть по наследству, жениться без согласия сената, выезжать за пределы государства без согласия сойма, а с 1668 г. утратившего и право отречения от престола; 2) вального сойма – законодательного и представительного органа политического народа-шляхты; 3) совместной внешней политики, а также, в исключительных случаях, общего командования вооруженными силами.

Сам старобелорусский термин *«речь посполитая» (польск. Rzeczpospolita)* или его латинский эквивалент *«res publica»* (в значении *«государство»*) в послелюблинский период неоднократно использовался в отношении и Короны, и ВКЛ в отдельности, и в отношении Речи Посполитой обеих наций как единого политического организма[1]. Уже на элекционных соймах времен первых «бескоролевий» ВКЛ и Королевство Польское фигурируют в правовых актах и дипломатической переписке с претендентами на престол как равные политически субъекты. Во вступительных формулах пактов конвента наиболее часто использовалось полное название государственного союза – «Речь Посполитая Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, а также провинций им принадлежащих» либо выражение «Речь Посполитая Обоих Народов». В 1699 г. единожды использовалось уникальное для документов эпохи выражение *«Корона Польского, Литовского и Руского Народов и государств, им принадлежащих»*. Во второй половине XVI – XVII в. в международных договорах с иными государствами, а также в дипломатических документах практически всегда шла речь о Королевстве Польском и ВКЛ, при этом подчеркивалась их обособленность как по-

которых входили представители шляхты и духовенства, включался в общую для Речи Посполитой двух политических наций (поляков и литвинов) парламентскую систему. Конституционные законы жестко ограничивали действия монарха, если они были направлены на укрепление и расширение властных полномочий, однако король сохранял право назначения на все государственные должности, что позволяло ему серьезно влиять на политическую жизнь. В связи с этим А. Сухени-Грабовская была сторонницей понятия «парламентарная монархия», С. Плаза склонялся к понятию «конституционная монархия», А. Закшевский, Э. Опалинский, Я. Дзенгилевский, М. Маркевич, И. Хоинска-Мика использовали понятие «смешанная монархия» (monarchia mixta), а Б. Н. Флоря отмечает, что «реформы [второй половины 16 в.] означали важный шаг на пути к созданию своего рода дворянской республики». Критикуя данные подходы, У. Августыняк подчеркивает тот факт, что понятие «парламентарная монархия», которое может быть применимо к реалиям XVI в., не соответствует политической реальности XVII в., а понятие «смешанная монархия» абстрагируется от перемен в политической идеологии, в которой уже в XVI в. наблюдаются, а на рубеже XVII и XVIII вв. становятся преобладающими республиканские течения (в современном понимании слова республика) (*Augustyniak U.* Historia Polski (1572–1795). Warszawa, 2008. S. 67). Полагаем, что форму правления Речи Посполитой, в которой был достигнут баланс между интересами монарха, аристократии и всего политического народа-шляхты («шляхетской демократии»), наиболее правильно охарактеризовать, используя термины «полития» (греч. Πολιτεία (politeja) в аристотелевом понимании или «речь посполитая» в цицероновом понимании понятия «республика»). В XVII в. использовался также термин «вольная (свободная) речь посполитая», «libera respublica» или свободное государство, ставшее реальной альтернативой абсолютной монархии, утвердившейся в большинстве государств Европы.

[1] *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. T. I. S. 12–13.



Сойм Речи Посполитой во время правления великого князя литовского и короля польского Жигимонта Вазы. Гравюра Д. Лаури. 1622 г.

литических субъектов. Нунции Папы Римского, венецианские, французские и швейцарские дипломаты однозначно трактовали ВКЛ как обособленное от Польши государство[1].

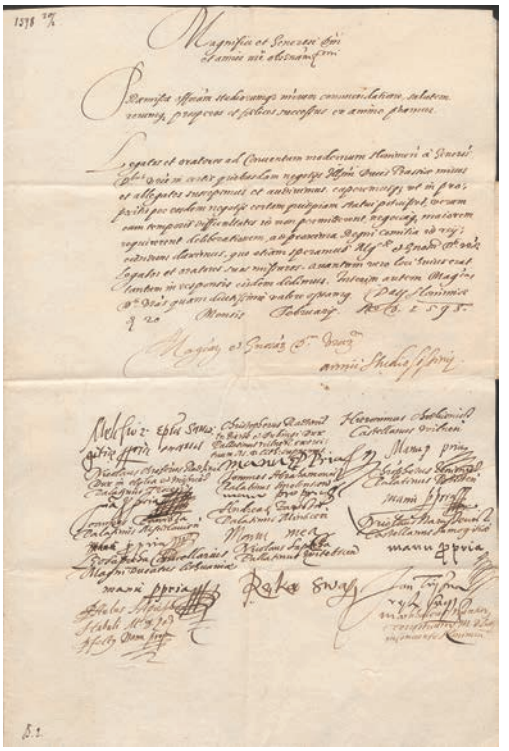
В некоторых публицистических и политических произведениях, а также в отдельных дипломатических документах ВКЛ называлось даже «королевством». Так, Швейцарский союз в декабре 1644 г. обращался по делу об убийстве швейцарца на территории ВКЛ к королю Владиславу IV, именуя его королем литовским и не упоминая его как короля польского[2].

Наиболее важными элементами акта-договора унии были соглашение об избрании общего монарха на совместном элекционном сойме и соглашение об учреждении общего вального сойма. На практике вопреки этим постановлениям поляки неоднократно избирали монархов без согласия ВКЛ. В то же время, как убедительно показал Г. Люлевич, вопреки акту-договору Люблинской унии в ВКЛ в период «бескоролевий» собирались общегосударственные съезды, а сенаторы проводили независимую от Польши внешнюю и внутреннюю политику[3].

[1] *Лаппо И.* Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде. Белград, 1930. Вып. 1. С. 56; *Kamuntavičius R.* Status polityczny Litwy w Rzeczypospolitej Obojga Narodów: interpretacje francuskie i włoskie w drugiej połowie XVI i w XVII w. // Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. I (2009). S. 279–305; *Zakrzewski A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo. Warszawa, 2013. S. 283; *Augustyniak U.* Historia Polski (1572–1795). S. 31.

[2] *Radziwiłł A. S.* Pamiętnik o dziejach w Polsce (1632–1656): w 3 t. Warszawa, 1980. T. II: 1637–1646. S. 421–422; *Лаппо И.* Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. С. 56.

[3] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002; Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego: w 2 t. / In-t Historii PAN; oprac. H. Lulewicz. Warszawa, 2006–2009. T. 1: Okresy bezkrólewi (1572–1576, 1586–1587, 1632, 1648, 1696–1697, 1706–1709, 1733–1735, 1763–1764). 2006; T. 2: Okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII w. 2009.



Официальное письмо панов-рады ВКЛ, отправленное 20 февраля 1598 г. с заседания Главного соймика ВКЛ в Слониме членам Верховной Рады Прусского герцогства в Кенигсберг. Тайный государственный архив [Фонда] Прусского культурного наследия. Берлин-Далем. GStA. XX HA HBA B2. Kasten 410

Таким образом, в конце XVI – второй половине XVII в. элекции монархов были по существу соглашениями двух государств – Короны Польской и ВКЛ. Так было и в 1573 г., и в 1575–1576 гг., и в 1587–1588 гг. Как отмечал И. Лаппо, если элекции 1632 и 1648 гг. прошли относительно спокойно, поскольку на них были один за другим избраны сыновья Жигимонта Вазы – Владислав и Ян Казимир, то при последующих элекциях (1668, 1674 и 1696 гг.) возникали серьезные противоречия между ВКЛ и Польшей, которые вполне могли привести к вооруженным конфликтам.

Политическое положение ВКЛ. Вопреки акту-договору Люблинской унии в ВКЛ были «воссозданы» обособленные от Короны собственные парламентские институты – государственный съезд и главный (генеральный) соймик. Кроме того, позднее создавались генеральные конфедерации (союзы шляхты) ВКЛ, а также собирались особые сессии ВКЛ во время заседаний вальных соймов, что свидетельствует о сохранении важных суверенных полномочий ВКЛ как государства даже после заключения акта-договора Люблинской унии.

Ограничение суверенитета ВКЛ касалось только тех сторон государственной деятельности, которых требовал заключенный межгосударственный союз[1]. При этом создавались сугубо те совместные органы, которые были необходимы для решения задач, стоящих перед государствами, подписавшими акт-договор реальной унии.

Признание существования ВКЛ как отдельного от Королевства Польского государства, формально закрепленное в официальных постановлениях сойма и в дипломатической документации, привело и к появлению отдельных соймо-

[1] *Wisner H.* Najjaśniejsza Rzeczpospolita: Szkice z dziejów Polski szlacheckiej XVI–XVII wieku. Warszawa, 1978; Wyd. II. Warszawa, 2001; *Idem.* Konstytucje Wielkiego Księstwa Litewskiego w dobie Wazów // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1977. T. XXIX, z. 2. S. 207–218; *Idem.* Rzeczpospolita Wazów. T. I; T. II: Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego, dyplomacja, varia. 2004; T. III: Sławne państwo – Wielkie Księstwo Litewskie. 2008.

вых постановлений для ВКЛ. Сначала становится распространенной практика, когда в соймовой конституции (пакете постановлений сойма) появляются только титулы артикулов (статей), которые касались ВКЛ, а их полный текст или целиком текст соймовой конституции распространялся на территории ВКЛ на старобелорусском языке (так было в случае опубликования соймовых конституций соймов 1578, 1581, 1588 гг.). Начиная с 1582 г. некоторые отдельные постановления соймов принимались отдельно от Королевства Польского и только для ВКЛ. Варшавский сойм 1590 г. выделяет постановления относительно Княжества, но еще называет их только делами ВКЛ. Постановления сойма 1607 г. уже были разделены на конституцию коронную и конституцию Великого Княжества Литовского. В XVII–XVIII вв. отдельные соймовые конституции ВКЛ принимались не на каждом сойме: на конституцию коронную и конституцию ВКЛ были разделены соймовые постановления 1611, 1613, 1616, 1621, 1643, 1649, 1650, 1654, 1659, 1661, 1662, 1667, 1670, 1673, 1676, 1677, 1678, 1683, 1685, 1690, 1693, 1703, 1710, 1712, 1717, 1726, 1736, 1764, 1766, 1768, 1775 и 1776 гг. Если в коронных конституциях помещелись постановления относительно ВКЛ, они принимались с оговорками: «ту же конституцию принимает и Великое Княжество Литовское», «эту конституцию и Великое Княжество Литовское принимает» или «эта конституция будет служить и в Великом Княжестве Литовском»[1].

Во время войн против общего врага вооруженные силы Речи Посполитой собирались из военных формирований государств-субъектов реальной унии. Не всегда, однако, гетманы коронные или даже монархи находили понимание с гетманами ВКЛ. Так, во время восстания Б. Хмельницкого только отрицательное отношение представителей элиты Королевства Польского к возможности назначения командующим совместными вооруженными силами гетмана ВКЛ Януша Радзивилла привело к поражению коронного войска. В то же время в 1621 г. во время Хотинской битвы Ян Кароль Ходкевич осуществлял командование объединенными войсками ВКЛ и Короны.

О возможности проведения ВКЛ самостоятельной внешней политики свидетельствуют факты, относящиеся и к XVI, и к XVII вв. Однако, если перемирие 1587 г. с Великим Княжеством Московским (Русским царством) было заключено представителями ВКЛ от имени ВКЛ и Короны, а в тексте договора специально указывалось, что он будет утвержден избранным на престол монархом, то Балденмуйжское сепаратное соглашение между ВКЛ и Шведским королевством от 19 января 1627 г. было заключено без воли и согласия монарха и политической элиты Королевства Польского и касалось взаимоотношений лишь ВКЛ и Швеции. Соглашение было подписано после запрета Жигимонта Вазы осуществлять торговлю через восточно-балтийские порты, что подрывало экономику ВКЛ. Это соглашение показало, что литвины имели возможность действовать самостоятельно во внешней политике и после подписания Люблинской унии. Через некоторое время на секретном совещании политической элиты ВКЛ

[1] *Дружчыц В.* Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі // Працы Беларус. дзярж. ун-та. 1925. № 6–7. С. 248–249; *Wisner H.* Konstytucje Wielkiego Księstwa Litewskiego w dobie Wazów. S. 207–218.

в начале 1629 г. было решено, что лучше разорвать унию с Польшей, чем лишиться возможности торговать через Клайпедский и Кенигсбергский порты. В итоге позиция ВКЛ была учтена, что привело к заключению Альтмаркского мирного соглашения государств Речи Посполитой и Швеции в 1629 г. [1]

Ряд представителей политической элиты ВКЛ настаивали также на сохранении за ВКЛ права сецессии (выхода из союза). В ситуации, когда ВКЛ угрожало полное уничтожение государственности во время войны с Русским царством и Шведским королевством одновременно, виленский воевода и великий литовский гетман Януш Радзивилл со своими единомышленниками принял решение о разрыве унии с Короной Польской и заключении союзного соглашения со Шведским королевством. В соответствии с подписанными в Кейданах 18 августа и 20 октября 1655 г. соглашениями великим князем литовским, руским и жемойтским провозглашался шведский король Карл X. Акт Кейданскай унии не был, однако, ратифицирован риксдагом Швеции.

Время «бескоролевья» после смерти Яна Собеского (1696–1697) было отмечено принятием на элекционном сойме по требованию ВКЛ формального акта об уравнении прав ВКЛ и Короны. Акт-договор «Coaequatio iurium» 1697 г., внесенный в «Пакта конвента» Августа II Сильного Веттина и подтвержденный на коронационном сойме, а также на конном съезде ВКЛ, который прошел в Вильне в апреле 1698 г., окончательно перестроил договор Люблинской унии, став одним из основных законов Речи Посполитой обоих народов.

Как отмечал сторонник концепции федеративного государственного устройства Речи Посполитой И. Лаппо, она уже давно являлась, а в 1697–1698 гг. была и формально признана телом, которое состояло из трех составных частей – общего избираемого монарха, Короны Польской и Великого Княжества Литовского. Идея единства права и государства была заменена идеей равенства и полного равноправия государств, заключивших унию[2].

Таким образом, с течением времени сам акт-договор Люблинской унии 1569 г. стал гарантией правовой субъектности ВКЛ вопреки польским унитарным тенденциям, которые были сформулированы вновь на соймах 1766, 1773, 1775 и 1776 гг.

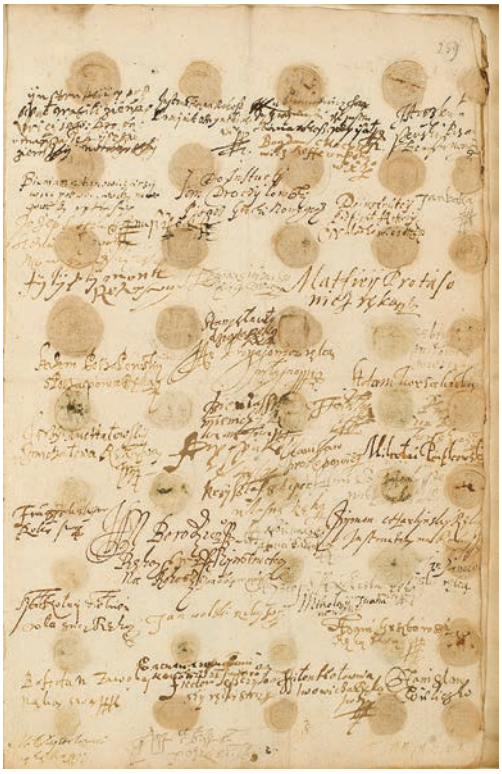
Политическое объединение Короны и ВКЛ с течением времени действительно привело к возникновению единого федеративного государства[3]. Только после того, как шляхта ВКЛ приобрела новый политический опыт, только после того, как идея Речи Посполитой как общего для поляков, литвинов и русинов Отечества была осознана и воспринята, только тогда в деятельности политической элиты ВКЛ мы видим наряду с отстаиванием прав ВКЛ («нашего Отечества») в рамках Речи Посполитой и заботу о сохранении ее сложного един-

[1] *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. T. I. S. 252–274; *Zakrzewski A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo. S. 262–263.

[2] *Лаппо И.* Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. С. 53–67.

[3] Вацлав Урущак, который отрицает суверенность ВКЛ после Люблинской унии, придерживается, однако, точки зрения, что Речь Посполитая являлась сложным унитарным государством (*Uruszczak W.* Historia państwa i prawa polskiego. Kraków, 2013. T. 1: 966–1795. S. 207).

ства, только тогда возникают предпосылки для возникновения общего политического осознания единой политической нации[1]. В это же самое время шляхта различных поветов ВКЛ вырабатывает собственное видение Речи Посполитой и концепции ее *«поправы»*. С течением времени чувство единства политического народа двух государств ширилось в общественном сознании, что и привело к усилению отличительных признаков федерации и определенным унитарным тенденциям в XVIII в.



Инструкция послам новогородского соймика Ярошу Зверю и Федору Протасевичу на рокошевый съезд под Анджеевом. Новогородок, 29 марта 1607 г. Оригинал. Библиотека князей Чарторыйских в Кракове. Рукопись 2244. С. 259

Внутриполитическая организация Речи Посполитой. К середине XVII в. территория Речи Посполитой охватывала около 1 млн км^2 при населении примерно 11 млн человек. При этом этнические поляки составляли около 40 %. По данным Г. Ловмянского, с которыми соглашается и Ю. Можи, после Люблинской унии население ВКЛ составляло более 2,46 млн человек ч (в среднем 8,5–9 человек на км^2). К середине XVII в. население собственно ВКЛ составляло 3,7 млн человек (в среднем 13 человек на км^2)[2]. Сообщество двух «шляхетских народов» поляков и литвинов в реальности включало в свой состав поляков, литовцев, белорусов, жемойтов, украинцев, а также инфлянтских немцев.

Со второй половины XVI в. были значительно ограничены и возможности получения шляхетских прав представителями нешляхетских сословий[3]. В 1578 г. принимается соймовая конституция, которая предусматривала возможность дарования монархом шляхетства лишь на сойме с ведома панов-рады (сенаторов) и во время боевых действий в расположении войска[4]. С 1601 г. монарх сохранил

[1] *Wisner H.* Rzeczypospolita szlachty litewskiej: (schyłek wieku XVI – pierwsza połowa XVII wieku) // Barok. R. 13, № 1. 2006. S. 17–29; *Idem.* Rzeczpospolita Wazów. T. I. S. 51; *Zakrzewski A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo. S. 272.

[2] *Kosman M.* Historia Białorusi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 13, 107; *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі. С. 213–214.

[3] *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. Cz. 2. S. 54–57, 202–203.

[4] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 413 (art. 35); Volumina Legum: w 10t. Warszawa, 1733. T. II. S. 971 (187) (art. 35).

Образование Речи Посполитой. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

право нобилитовать лишь тех лиц, которые ему были рекомендованы сенаторами и земскими послами сойма, а из числа исполнявших воинскую службу – гетманом. Каждая нобилитация должна была закрепляться соймовой конституцией. Кроме того, предварительно было необходимо получить согласие собственника подданного, который претендовал на шляхетство[1]. 19 февраля 1613 г. был принят закон, требовавший от всех получивших шляхетство после 1601 г. обязательного предоставления сойму своих дипломов для утверждения[2]. Сохранялась также возможность получения шляхетства через гербовую адопцию[3]. Лишь отдельные представители мещанства сумели получить шляхетские права в XVI–XVII вв. Такими родами в ВКЛ были Рудомины-Дусятские, Максимовичи-Ломские, Зарецкие, Мамоничи и Ганскоповичи[4]. Иностранные дворяне имели те же права, что и урожденные шляхтичи Речи Посполитой при условии дарования им индигената[5]. Индигены приносили присягу верности Речи Посполитой и королю[6]. Соймовая конституция 1607 г. предусматривала, что право дарования индигената переходило исключительно к вальному сойму. Все индигены, которые получили гражданские права, но индигенат которых не был закреплен соймовой конституцией, обязывались предоставить необходимые документы на следующий сойм для утверждения[7]. С 1641 г. индигенаты и иные нобилитации давались только с согласия «всех станов» на сойме Речи Посполитой[8].

Во второй половине XVII в. в Речи Посполитой появляется и понятие «неполное шляхетство» (скартабелат)[9]. В «*Pacta conventa*» Михала Корибута Вишне-

[1] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 2 (1587–1609). Warszawa, 2008. S. 275 (art. 26); Volumina Legum. T. II. S. 1502 (390) (art. 26).

[2] Volumina Constitutionum. T. III, vol. 1 (1611–1626). Warszawa, 2010. S. 122 (art. 14).

[3] Официальное признание властями Речи Посполитой лица нешляхетского происхождения членом шляхетского рода, что давало право «усыновленному» использовать герб данного шляхетского рода, в который, однако, часто вносились изменения.

[4] *Kosman M.* Historia Białorusi. S. 123. Бургомистр виленский Матей Рудомина и его сыновья получили шляхетство в 1568 г. на основании нобилитационной жалованной грамоты для членов виленского магистрата. Были приняты канцлером ВКЛ Миколаем Радзивиллом Рыжим в гербовое братство «Трубы» во время Торуньского сойма 1576 г. Получивший шляхетство ковенский войский и подкоморий Зыбульт Ганскопович (ум. в 1617 г.) был сыном крупного торговца лесными товарами из Кенигсберга, представлявшего интересы короля и великого князя Жигимонта Августа.

[5] Индигенат – право пользования гражданскими и политическими привилегиями по рождению. Признание иностранного дворянства влекло дарование конкретному представителю дворянского рода иноземного происхождения шляхетских привилегий в Королевстве Польском и (или) в ВКЛ.

[6] *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. T. I. S. 12.

[7] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 2. S. 363–364 (art. 12); Volumina Legum. T. II. S. 1634 (451) (art. 12).

[8] Volumina Constitutionum. T. IV, vol. 1 (1641–1658). Warszawa, 2015. S. 18–19 (art. 15); *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. Poznań, 2001. Cz. 1: Korona. S. 153.

[9] В 1626 г. новая шляхта должна была выплатить дополнительный налог в размере 10 злотых с волоки под угрозой конфискации имений (Volumina Constitutionum. T. III, vol. 1. S. 370). Понятие «скартабелат» упоминается в 1654 г. при нобилитации Миколая Гадзевича (Volumina Legum. T. IV. S. 458 (211–212)). В 1662 г. было принято решение, что послами в иностранных государствах могут быть лишь представители потомственной шляхты (Volumina Legum. T. IV. S. 840–841 (395)).

вецкого 1669 г. появляется норма, которая предусматривает дарование вновь нобилитованым лишь неполного шляхетства и запрещающая новой шляхте занимать различные должности до 3-го поколения. Исключение делалось для лиц заслуженных, которые индивидуально должны были быть перечислены в соймовом постановлении[1]. С 1673 г. нобилитация и индигенат были оставлены только для католиков[2]. В 1676 г. при нобилитации группы военных, внесенных по инициативе гетмана, было отмечено, что в последующем кандидаты обязаны будут иметь и поддержку (рекомендательное письмо) определенного предсоймового соймика[3]. С 1775 г. получившие шляхетство были обязаны приобрести земельный надел в Речи Посполитой стоимостью 50 000 злотых в течение года (индигены – стоимостью 200 000 злотых) и избрать Королевство Польское или ВКЛ в качестве постоянного места проживания[4].

Лишение шляхетских прав наступало либо вследствие судебного решения о признании шляхтича инфамисом и банитом[5], либо в случае, когда утративший имущество шляхтич был вынужден зарабатывать на жизнь ремеслом либо торговлей.

Комплекс привилегий шляхты Речи Посполитой стал основанием формирования идеологической доктрины «золотых вольностей» – культа уважения прав каждого представителя шляхетского сословия. Привилегиями шляхетства ВКЛ, закрепленными в Статутах ВКЛ 1566 и 1588 гг., были равенство всех шляхтичей перед законом, право на участие в свободных выборах монарха, право на свободу голоса, право на протест, право на неприкосновенность личности и имущества, право на участие в замещении государственных должностей, право на владение земельной собственностью и др.[6]

Некоторыми политическими правами, в том числе правом участвовать в заседаниях соймиков, занимать государственные должности, участвовать в выборах монарха, обладали только землевладельцы христианского вероисповедания и непосредственные вассалы великого князя. Утратившие свои земельные наделы обедневшие шляхтичи или князья в поисках средств к существованию могли стать земянами магнатов (т. е. вассалами монарха второй ступени), но в таком

[1] Volumina Legum. T. V. Petersburg, 1860. S. 22–23 (15–16); *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. Cz. 1. S. 153.

[2] Volumina Legum. T. V. S. 133 (79) (art. 100). Диссиденты могли претендовать на получение шляхетства лишь после конверсии в католицизм (1683) (Volumina Legum. T. V. S. 673–674 (328) (art. 36, 37).

[3] Ibid. T. V. S. 446 (219) (art. 83).

[4] Ibid. T. VIII. S. 293 (164). В 1790 г. этот срок был увеличен до 3 лет (Volumina Legum. T. IX. S. 193).

[5] Инфамия – лишение шляхтича чести, достоинства и доброго имени по решению соймового суда. Была следствием целого ряда тяжких уголовных преступлений (Статут 1588 г., разд. I, арт. 3, 5, 6, 10, 13, 14; разд. II, арт. 10, 14; разд. IV, арт. 7, 62, 63; разд. XI, арт. 7, 17; разд. XIV, арт. 30). В некоторых случаях была сопряжена со смертной казнью или с баницией (изгнанием за пределы границы Речи Посполитой). В случае, если инфамис оставался на территории ВКЛ, его права были значительно ограничены, а жизнь подвергалась серьезной опасности, поскольку убийство инфамиса не только не предусматривало юридической ответственности, но и вознаграждалось.

[6] *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі. С. 188–189, 300.

случае утрачивали свои политические права. Поскольку земли магнатов передавались им во владение на ленном либо ином праве, то правовое положение земян определялась не статутовым законодательством ВКЛ, а специальными правовыми актами (например, «Постановлением о ленном праве в Слуцком и Копыльском княжествах» князя Богуслава Радзивилла от 1662 г.»)[1].

Печать господарского маршалка и новогородского земского судьи Мальхера Жигимонтовича Сновского. 1569 г. Главный архив древних актов в Варшаве. Собрание пергаментных документов. № 7810

Право принятия государственных нормативных актов, имевших силу закона, принадлежало *вальному сойму* – высшему сословно-представительному органу Речи Посполитой обоих народов. Ведущая роль в вальном сойме принадлежала избираемым на поветовых соймиках представителям региональных шляхетских корпораций – *соймовым послам*, которые заседали в нижней палате сойма – *Посольской избе*.

В историографии утвердилось положение о том, что в ВКЛ в отличие от Короны, где движение «экзекуции прав» дало польской шляхте возможность надолго освободиться от доминирования магнатерии, шляхетские круги не достигли равной с Короной степени автономности. Так, А. Рахуба отмечал: «шляхте ВКЛ удалось достичь существенных позиций в государстве, что выявилось в равенстве (правда, не распространявшемся на все шляхетское сословие) перед правом (Статуты), в урегулированном юридически участии в соймах, создании поветового самоуправления, однако в наиболее важном вопросе – преодолении экономического могущества магнатерии – она потерпела поражение... Политическая сцена ВКЛ с XVI в. находилась под доминированием 2–4 магнатских группировок, уровень влияния которых значительно колебался в зависимости от занимаемых должностей, богатства и собственности. Активную роль в формировании такой системы играли сами монархи, которые в целом никогда не обращались в борьбе с одной из группировок за помощью непосредственно к шляхетским массам, но опирались на другие магнатские группировки, – те, которые уже существовали, либо специально создавались двором»[2].

Безусловно, главенствующую роль в государстве продолжали играть представители крупной землевладельческой аристократии[3], однако нельзя сказать, что лидеры шляхты не предпринимали попыток изменить ситуацию. Создание местных сословных органов судебной власти и шляхетского территориального самоуправления способствовало тому, что уже в 1566–1567 гг. шляхта сформулировала свои требования о праве свободного распоряжения земельной соб-

[1] *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. Cz. 2. S. 203.

[2] *Рахуба А.* Палітычныя групоўкі ў Вялікім Княстве Літоўскім (1569–1732). С. 32, 45–46.

[3] С 1669 по 1696 г. на престоле Речи Посполитой находились избранные представители влиятельных аристократических родов Речи Посполитой – Вишневецких и Собеских.

ственностью, полученной по наследству, о введении граничных (подкоморских) судов, об ответственности должностных лиц за неисполнение своих обязанностей и др. Некоторые решения (в том числе изменения и дополнения в статутовое законодательство) были приняты уже на Берестейском вальном сойме 1566 г. Впоследствии были сформулированы требования о реформе системы высших аппеляционных судов, о выборности кандидатов не только на судебные должности поветовых земских судов, но и на должности поветового хоружего, подкомория и маршалка.

На Люблинском сойме 1569 г. земский судья и соймовый посол Новогородского повета Мальхер Сновский Гравж предложил принять дополнительный налог на три года, чтобы выкупить заложенные в ВКЛ домениальные владения и ввести постоянную кварту на поддержание обороноспособности государства, что, в свою очередь, со временем, могло привести к значительному уменьшению величины чрезвычайных сборов со шляхты на военные нужды. Реформа налогообложения, предложенная М. Сновским, серьезно затрагивала интересы державцев и старост, которые в основной своей массе были крупнейшими, крупными и лишь в незначительной части средними феодалами.

Однако выгоду, которую она могла бы принести представителям средней и мелкой шляхты (инициативу Сновского поддержали, в частности, некоторые послы Виленского, Трокского воеводств и Жемойтии), осознали далеко не все соймовые послы. Не получив широкой поддержки, М. Сновский и его единомышленники вынуждены были отказаться от проекта. Соглашаясь с тем, что в преодолении экономического могущества магнатерии средняя и мелкая шляхта ВКЛ потерпела поражение, отметим, что, несмотря на это, исследования показывают, что во второй половине XVI – первой половине XVII в. деятельность соймиков, по крайней мере в некоторых регионах ВКЛ (Полоцкое воеводство, Новогородский, Волковысский поветы Новогородского воеводства и др.), активно способствовала развитию политической и правовой культуры всего шляхетства, характерными чертами которой в это время были глубокое уважение к праву и высокие требования к моральным качествам и уровню образования лидеров поветовой шляхетской элиты[1].

Соймики ВКЛ, таким образом, стали не только собраниями шляхты поветов, имевшими право законодательной инициативы, деятельность которых регламентировалась нормами права, но и формой самореализации шляхетского сообщества той или иной земли или повета ВКЛ в общественной и политической жизни государства; государственно-правовым институтом, благодаря которому шляхетская корпорации региона способна была принимать политические реше-

[1] *Radaman A.* Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowogródzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632 // Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku / red. U. Augustyniak, A. B. Zakrzewski; Komis. Lituanistyczna przy Komitecie Nauk Historycznych PAN, In-t Historii PAN, In-t Historyczny Uniw. Warszawskiego, In-t Historii Prawa Uniw. Warszawskiego. Warszawa, 2010. S. 55–103; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года; *Галубовіч В.* Полацкая шляхта і дынастыя Вазаў. Мінск, 2016.

Фрагмент Стокгольмского свитка. Флаг Речи Посполитой 4 декабря 1605 г. Начало XVII в.

ния[1]. То, что реальное участие средней и даже мелкой шляхты в определении государственной политики ВКЛ не было в это время фикцией, подтверждает и высказывание новогородского каштеляна Василия Коптя, который, подчеркивая преимущества смешанной формы правления, в обращении к монарху утверждал: «мы не статуя, в которой золотая голова, грудь из серебра, а иные члены из менее благородных металлов – все не крепко сцепленные и связанные друг с другом до распада, но как человеческое тело – все одной материи и единым общего («посполитого») добра дышащие духом и наполненные, в котором теле Вы, Ваше королевское величество, – голова – первое и наиважнейшее занимаете место, а также прекрасную форму и сущность Речи Посполитой выражаете. Очень красивую и изящную мелодию издает этот оркестр, поскольку в нем не только альт, но множество вольных голосов вполне гармонично звучат благодаря вере и настойчивым напряженным усилиям Вашего королевского величества»[2].

Обострение политической борьбы. Если анализировать внутриполитическую ситуацию в ВКЛ после Люблинской унии, то она всегда характеризовалась постоянным соперничеством ряда магнатских группировок.

Так, в последние годы своей жизни Жигимонт Август стремился к тому, чтобы удерживать равновесие между влиянием в ВКЛ родов Радзивиллов и Ходкевичей.

[1] *Радаман А.* Соймік // Вялікае Княства Літоўскае. Т. 2. С. 615-817. По определению Н. Дэйвиса «при посредничестве земских соймиков шляхта Речи Посполитой осуществляла контроль над вальным соймом, управляла налоговой системой и военными делами... и это не был строй повсеместной анархии, которая получила распространение в XVIII в., а безусловно отважный эксперимент в области демократии, который в эпоху абсолютизма и религиозных войн был новой оживляющей альтернативой» (*Davies N.* Europa: rozprawa historyka z historią). Следует отметить, что и в конце XVIII в. Жан Жак Руссо именно в деятельности соймиков видел оплот свободы Речи Посполитой обоих народов.

[2] *Ostrowski Danejkowicz J.* Swada polska i łacińska albo Miscellanea oratorskie sejmowe, weselne, kancelaryjne, listowne, kaznodziejskie, pogrzebowe, statystyczne, panegiryczne, elogiarne, inskrypcyjne, y inne różne, w oboim języku prozą i wierszem na dwa tomy to jest polski i łaciński podzielone, a dla pożytku i pochopu w każdej materyi audytorow eloquencyi do druku podane. 1. Lublin 1745. T. 1, vol. S. 276–278; *Галенчанка Г. Я.* Развіццё шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім Княстве Літоўскім ў XVI–XVIII ст. // Герольд Litherland. 2001. № 3–4 (3). S. 96.

Эрцгерцог австрийский Эрнст Габсбург (1553–1595). Худ. М. Рот или Алонсо Санчес Коэльо, 1580 г.

В предчувствии смерти монарха весной 1572 г. обе семьи заключили пакт, целью которого была содействие в избрании на трон Речи Посполитой эрцгерцога австрийского Эрнеста Габсбурга.

Итогом совместных действий Миколая Радзивилла Рыжего, Миколая Криштофа Радзивилла Сиротки и Яна Геронимовича Ходкевича была, однако, поддержка иного кандидата – Генриха Валуа и внесение в текст Генриковых артикулов положения о праве ВКЛ самостоятельно решить вопрос о новой кодификации права и о праве созыва генерального соймика в Волковыске. Сотрудничество продолжалось и после бегства Генриха Валуа во Францию.

Когда все были убеждены, что Ходкевичи, первыми поддержавшие Стефана Батория в борьбе за трон, выйдут победителями в тайном соперничестве за первенство, монарх, по совету Яна Замойского, решил опереться в своей политике на Радзивиллов. После того, как в 1577–1578 гг. Ян Геронимович Ходкевич был вынужден оставить должность администратора Инфлянт, в ближайшие 20 лет никто не мог угрожать доминированию рода Радзивиллов в ВКЛ. Доминирование Радзивиллов не вело, однако, как пишет А. Рахуба, к автоматическому осуществлению исключительно политических концепций Радзивилов и слепому принятию рекомендаций из Несвижа и Бирж, поскольку не приходится говорить про деятельность политических группировок того времени в современном понимании, ибо фракции образовывались на почве охраны интересов и позиций лидеров как «отцов больших семей», а также политических акций, борьбы за влияние, должности и владения. К тому же между самими Радзивиллами неоднократно возникали важные расхождения интересов, в основном на религиозной почве. Кроме того, всегда находилась более или менее крупная группировка независимых представителей общественно-политической элиты, с которыми гегемоны были вынуждены мириться, поскольку по разным причинам их невозможно было подкупить, подчинить или исключить из игры, особенно если последние пользовались поддержкой королевского двора, влиятельных семей Короны либо существенным влиянием в локальных шляхетских корпорациях.

Во времена правления Стефана Батория такие роли играли трокский каштелян Ян Глебович и виленский каштелян и канцлер Остафий Волович. Однако и средняя, и отчасти даже мелкая шляхта многих регионов ВКЛ в это время не была так зависима от магнатерии, как кажется на первый взгляд. Уже во время первого «бескоролевья» 1572–1574 гг. шляхта Новогородского и Берестейского поветов ВКЛ смогла создать региональные конфедерации (шляхетские союзы) и чрезвычайные каптуровые суды. Наиболее ярко патриотизм средней шляхты

Герцог анжуйский Генрих Валуа (1573?). Худ. Жан дэ Кур

Гравюра (эстамп) «Герцог анжуйский Генрих Валуа, уезжающий в Польшу» [28.09.1573 г.]

ВКЛ и ее отношение к попыткам втянуть себя в соперничество между магнатами показывает текст 25-й статьи соймиковой инструкции послам Новогородского повета на элекционный сойм 1587 г. (на соймике присутствовали только представители среднего и мелкого шляхетства): «Практыком забегать, абы не были, жебы нами панове не тарговали. А который бы в том узнан был, против таковому, яко турбатору речи посполитое, повстать и здоровя свое для потребы Ойчызны важыть. А хто бы з брати нашое, будучы слугъ их заволаным, не хотел ся в тым почуть, пры ойчызне и волности своей зостати, – будеть бєзєцъный»[1].

Таким образом, наши предки смогли отстоять, хоть и частично, суверенитет Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского в государственно-правовом союзе с Королевством Польским. Однако постепенная сословная интеграция польского, литвинского и русинского шляхетства привела в исторической Литве и Руси к общественной дезинтеграции. По-

Стефан Баторий, король польский и великий князь литовский (1575–1586). Гравюра

[1] *Радаман А.* Інструкцыя новагародскага соймiка паслам на элекцыйны сойм 1587 г. // Беларус. гіст. агляд. 2003. Т. 10, сш. 1–2 (18–19). С. 167.

степенно перенимая польские образцы общественной организации, польскую культуру и язык, русинское, а также литовское шляхетство все более обращалось к «польщизне». Социальная дезинтеграция, а также уничтожение значительной части белорусского этноса в войнах XVII – начала XVIII в. привели в итоге к упадку культуры русинов и существенно замедлили процесс национального развития белорусского народа, а ассимиляция высших социальных слоев, имевшая бесспорно негативные последствия, лишала его естественных для того времени лидеров[1].

5.2. БОРЬБА ЗА СУВЕРЕНИТЕТ ВКЛ ПОСЛЕ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

Полномочия и статус государственной элиты ВКЛ. Как уже говорилось, после заключения в 1569 г. Люблинской унии Великое Княжество Литовское и Корона Польская стали субъектами нового государственного объединения – Речи Посполитой. Верховная власть в этом объединении принадлежала не только избираемому королю польскому и великому князю литовскому, но и всему шляхетскому сословию. Центральным элементом политической системы Речи Посполитой, который должен был уравновешивать власть короля и шляхты, а также гарантировать сохранение всех прав и свобод Великого Княжества и Короны, становился общий вальный сойм. Вместе с тем политический народ Великого Княжества Литовского[2] стремился проводить самостоятельную политику на собственной территории, не допускать вмешательства извне во внутренние дела ВКЛ и защищать свои интересы в реализации внешней политики Речи Посполитой.

По условиям Люблинской унии в Великом Княжестве Литовском сохранялись все должности и их компетенция[3]. Сохранение своей иерархии должностей и отдельных институтов власти, таких как канцелярия и казна, давали возможность Великому Княжеству обеспечивать свои интересы во внутренней и внешней политике. В связи с этим политический народ ВКЛ значительное внимание уделял защите компетенции и статуса своих государственных должностей. Прежде всего это касалось окончательного разграничения компетенции земских и дворных маршалков ВКЛ и Польши – важнейших центральных и придворных должностей – в составе Речи Посполитой.

Горячие споры вокруг урегулирования этого вопроса шли на протяжении 1569–1572 гг. Окончательно разграничил полномочия маршалков привилей

[1] *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. S. 62–63; *Бардах Ю.* Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. 2-е выд. Мінск, 2010. С. 69.

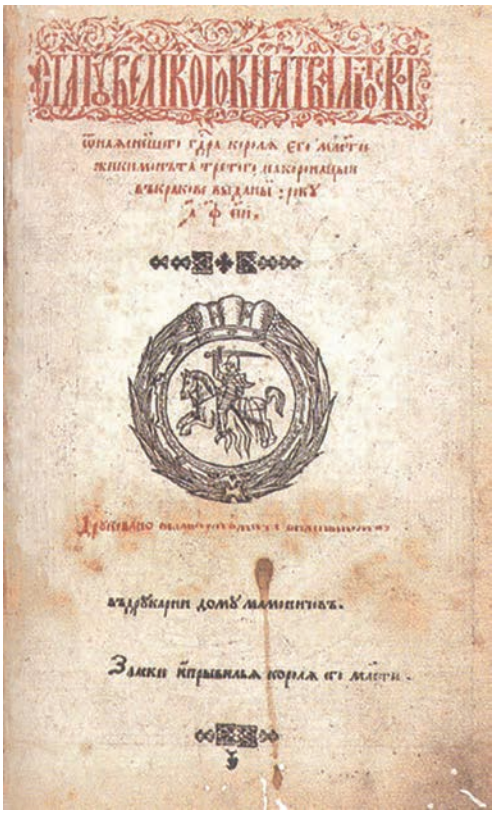
[2] Под определением «политический народ ВКЛ» понимаем ту часть белорусской и литовской шляхты, которая активно пользовалась правом участвовать в политической жизни страны на всех ее уровнях.

[3] Volumina Constitutionum. T. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585) / Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. Warszawa, 2005. S. 235–236.

Люблинская уния 1569 г. Худ. Я. Матейко. 1869 г.

короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа от 15 апреля 1572 г. Документ определял их иерархию и функции в первую очередь во время проведения совместных вальных соймов Речи Посполитой. Постановлялось, что на заседаниях сената великий маршалок Короны должен был раздавать голоса польским сенаторам, а земский маршалок Великого Княжества – великокняжеским. Также на время сойма земскому маршалку ВКЛ отводилась часть Варшавы, в которой он выделял места для проживания сенаторам и послам Великого Княжества. Разграничивалась судебная власть этих урядников. Судить шляхту ВКЛ мог только свой маршалок. Если обвиняемый владел имуществом и в Великом Княжестве, и в Короне, или же конфликт возникал между шляхтичами двух субъектов Речи Посполитой, то такие дела рассматривали оба маршалка. Вместе они должны были принимать иностранные посольства и проводить соответствующие церемонии. На первом месте в иерархии фактически оказался польский великий маршалок. Однако земский маршалок Великого Княжества даже на землях Короны имел первенство над дворным маршалком Польши. Отдельно оговаривалось, что во время нахождения королевского двора на землях ВКЛ великокняжеский маршалок будет иметь первенство над коронным коллегой[1]. В итоге маршалки ВКЛ назывались в документе «коронными урядниками», что формально должно было гарантировать их равноправие с маршалками

[1] Akta unii Polski z Litwą 1385–1791. № 155, 169. S. 376–378, 390–392. Некоторые уточнения в постановление 1572 г. позднее были внесены привилеем короля польского и великого князя литовского Владислава IV от 21 мая 1647 г.: *Seredyka J.* Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od Unii Lubelskiej do połowy XVII wieku // Świat pogranicza / red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. Warszawa, 2003. S. 215–220.



Страница Статута 1588 г.

Короны. Привилей также закрепил отдельный статус земского и дворного маршалков Великого Княжества, определил их полномочия.

Создание Речи Посполитой нанесло удар по социальному статусу части политической элиты ВКЛ. Ведь в состав общего Сената не попали некоторые люди и урядники, которые ранее входили в состав панов-рады Великого Княжества. Так, вне Сената оказались слуцкие князья Олельковичи, ряд придворных чиновников (например, дворный подскарбий, подчаший, крайчий, стольник) и господарские маршалки. Кроме того, в отличие от соймов ВКЛ на соймы Речи Посполитой уже не приглашались отдельно представители знатных родов Великого Княжества (князья и паны)[1]. С целью повысить их статус и увеличить представительство ВКЛ в Сенате политический народ ВКЛ долгое время пытался добиться введения в его (Сената) состав князей Олельковичей, а также господарских и поветовых маршалков[2]. Тем не менее все эти попытки оказались безрезультатными.

Еще один пункт Люблинской унии 1569 г. предусматривал, что коронная шляхта в Великом Княжестве, а шляхта ВКЛ – в Короне могла владеть и получать земельные владения на любых условиях[3]. Это открывало польской шляхте непосредственный путь к государственным должностям ВКЛ и, соответственно, ставило под угрозу сохранение политического верховенства в Великом Княжестве за шляхтой белорусской и литовской. Однако Статут ВКЛ 1588 г., в создании которого активное участие принимала белорусская шляхта[4], фактически отменял это условие унии. В Статуте определялось, что в Великом Княжестве все долж-

[1] *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa, 2002. S. 49–50, 168–169; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 239–241. В 1569 г. из 140 сенаторов Речи Посполитой 27 сенаторов представляли ВКЛ. В дальнейшем число сенаторов и послов ВКЛ незначительно менялось.

[2] См., например, *Kempa T.* Zabiegi kniaziów Olelkowiczów słuckich o uzyskanie miejsca w senacie po 1569 roku // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 2003. № 47. S. 65–88; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588.

[3] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 236–237.

[4] О роли шляхты ВКЛ в создании третьего Статута довольно подробно см.: *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Каунас, 1934. Т. 1: Исследование. Ч. 1. С. 421–434; *Bardach J.*

ности и уряды могут предоставляться не «*чужоземцомъ и заграничникомъ, ани суседомъ того паньства*», а лишь местным «*родичомъ старожитнымъ и уроженъцом*»[1]. Это положение Статута давало шляхте Великого Княжества эффективное средство в борьбе за сохранение внутренней самостоятельности в составе Речи Посполитой. Ярким примером этого являлся конфликт между политическим народом ВКЛ и королем польским и великим князем литовским Жигимонтом Вазой, который продолжался с 1591 по 1600 г. Так, в 1591 г. монарх назначил на должность виленского епископа – высшую сенаторскую должность ВКЛ – поляка Бернарда Мацеевского. В свою очередь, политический народ ВКЛ этой номинации не признал и всеми средствами ей противостоял. Фактически Жигимонт Ваза в этом конфликте уступил, а главным «оружием» шляхты Великого Княжества против назначения поляка виленским епископом был как раз Статут 1588 г.[2] В 1600 г. виленским епископом стал «литвин» – представитель белорусского шляхетского рода Бенедикт Война.

Титульный лист закона 1581 г., по которому действовал Трибунал ВКЛ. Вильня, 1586 г.

Правовая и судебная система. ВКЛ сохранило свою правовую и судебную систему, что четко подчеркивало его отдельный статус и внутреннюю самостоятельность в составе Речи Посполитой. В Великом Княжестве действовал собственный акт кодификации – Статут, утвержденный в 1566 г.[3] На Люблинском

O dawnej i niedawnej Litwie / Uniw. im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Seri. historia, 141. Poznań, 1988. S. 39–53.

[1] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 118–119.

[2] Подробней о конфликте см., например: *Лаппо И. И.* Люблинская уния и третий Литовский статут // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 5. С. 89–150; *Rzońca J.* Rzeczpospolita Polska w latach 1596–1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. Studia i monografie, 156. Opole, 1990. S. 67–82. Подобные конфликты в конце XVI в. можно встретить и на локальном уровне: *Радаман А.* Да пытання аб прызначэнні палякаў на дзяржаўныя пасады ў Вялікім Княстве Літоўскім у к. XVI ст. // На шляхах да ўзаемаразумення: навук. зб.: матэрыялы Міжнар. канф. «Шлях да ўзаемнасці», прысвеч. беларус.-пол. культурнаму ўзаемадзеянню, Мінск, 15–16 чэрв. 1999 г. / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2000. С. 50–54. (Беларусіка= Albaruthenika. Кн. 15). С. 50–54.

[3] Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск, 2003.

Король польский и великий князь литовский Жигимонт Ваза.
Худ. П. П. Рубенс. Около 1624 г.

сойме 1569 г. была создана специальная комиссия, которая должна была начать работу по сближению великокняжеского права с правом коронным[1]. Однако шляхта ВКЛ превратила работу по редактированию Статута 1566 г. в самостоятельную переработку кодификационного акта Великого Княжества на основании практики и потребностей его социально-политической жизни. Основная работа над новым Статутом проходила в специальных комиссиях, на поветовых и Главном соймиках, на Главном съезде ВКЛ. На вальных соймах Речи Посполитой представители Великого Княжества выносили на утверждение уже подготовленные статьи или Статут полностью, стараясь и сохранить юридическую процедуру принятия законов, и одновременно ограничить влияние польской стороны на процесс подготовки Статута. Несмотря на протесты польской стороны, Статут ВКЛ был утвержден на коронационном сойме 1587–1588 гг. новым королем и великим князем Жигимонтом Вазой[2]. Статут защищал партикулярные интересы ВКЛ, юридически укреплял его внутреннюю самостоятельность в составе Речи Посполитой. Вместе с тем нельзя оценивать Статут 1588 г. как проявление сепаратизма, так как он не имел целью отделение Великого Княжества Литовского от Речи Посполитой и создание самостоятельного государства. Наоборот, все совместные институты власти сохранялись.

Еще более подчеркнуло отдельный статус судебной системы Великого Княжества создание в 1581 г. собственного высшего судебного органа ВКЛ – Трибунала Великого Княжества Литовского[3].

Сохранение определенной социально-политической обособленности ВКЛ в составе Речи Посполитой стало одной из причин возникновения нового и, что наиболее важно, отдельного представительного органа власти в Великом Княжестве – Главного съезда[4]. Этот властный институт начинает свое существова-

[1] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 254–255.

[2] См., например: *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. S. 39–53; *Wisner H.* Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 // Zapiski Historyczne. 1986. T. LI, z. 1. S. 23–43. Третий Статут ВКЛ вступал в силу с января 1589 г.

[3] Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2007. S. 7–17. Трибунал ВКЛ начал работу с 1582 г.

[4] *Падалінскі У.* Галоўны з'езд Вялікага Княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё // Беларускі гістарычны часопіс. 2015. № 1. С. 13–23.

ние со времен правления короля польского и великого князя литовского Стефана Батория (1576–1586 гг.). Иногда в Главном съезде видят даже продолжение традиции существования отдельного сойма ВКЛ[1]. Заметим, что этот институт в отличие от Главного соймика вообще не был оговорен в законах ВКЛ и Речи Посполитой. Созывать съезды мог только монарх, но инициатива в их созыве часто принадлежала не только королю, но и политической элите Великого Княжества. Участие в Главных съездах принимали сенаторы ВКЛ и послы от шляхты, избранные в поветах и воеводствах. Главный съезд являлся чрезвычайным законодательным органом и созывался, как правило, во время войн или политических конфликтов. На нем рассматривались главным образом вопросы налогообложения, а также обсуждался широкий круг актуальных для политического народа ВКЛ вопросов внутренней и внешней политики. Для вступления в силу решения съезда должны были быть утверждены монархом. Главный съезд прекратил свое существование в конце XVII в., что было вызвано разочарованием в нем как со стороны шляхты, так и королевской власти. Тем не менее эти съезды свидетельствовали о сохранении в чрезвычайных обстоятельствах частичного суверенитета ВКЛ и давали возможность политической элите Великого Княжества защитить свои государственные интересы.

И на общем вальном сейме Речи Посполитой делегация Великого Княжества сохраняла определенную обособленность. Так, на рассмотрение монарху, Сенату и Посольской избе представители ВКЛ подавали отдельные постулаты и артикулы. Уже в конце XVI в. во время соймов проводились отдельные от коронной стороны совещания сенаторов и послов ВКЛ. Часто от имени всей делегации ВКЛ подавались протестации – письменные протесты против каких-либо решений сойма[2]. Также на вальных соймах Речи Посполитой принимались конституции, которые действовали только на территории ВКЛ. Кроме того, в конце XVI в. появилась традиция обособления таких конституций от всех других решений сойма. Впервые конституции ВКЛ были выделены в отдельный раздел в 1590 г., последний раз – в 1776 г.[3] Позднее, с XVII в., непосредственно во время сойма работали отдельные для разных регионов Речи Посполитой, в том числе и для Великого Княжества Литовского, так называемые провинциальные сессии[4]. В целом на всех уровнях парламентской системы Речи Посполитой представители ВКЛ старались ограничить вмешательство польской стороны в решение внутренних дел Княжества.

---

[1] См., например: *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A.* The History of Lithuania (before 1795). Vilnius, 2000. P. 273–274.

[2] См., например: *Падалінскі У.* Дзейнасць прадстаўнікоў Вялікага Княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай у канцы XVI ст.: партыкулярныя тэндэнцыі // Другі Міжнар. кангр. даследчыкаў Беларусі: Працоўныя матэрыялы = The Second Internat. Congr. of Belarusian Studies: Working Papers. Kaunas, 2013. Vol. 2. С. 39–43.

[3] *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. S. 186–188; *Wisner H.* Najjaśniejsza Rzeczpospolita: Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy. Wyd. II. Warszawa, 2001. S. 59.

[4] *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. S. 182–185.

Отстаивание территориальной целостности ВКЛ. Борьба за сохранение суверенитета ВКЛ была тесно связана и с борьбой за территориальную целостность Великого Княжества. В конце XVI в. это в первую очередь была борьба за возвращение земель, оторванных в 1569 г., и за включение всей Ливонии именно в состав ВКЛ.

Одной из важнейших задач для шляхты ВКЛ стало возвращение присоединенных к Короне Польской в марте-июне 1569 г. королем польским и великим князем литовским Жигимонтом Августом, причем без серьезного правового обоснования, земель Украины и Подляшья[1]. В период первых трех «бескоролевий» в Речи Посполитой (1572–1574, 1574–1576, 1586–1588 гг.) руководящие круги ВКЛ, пользуясь чрезвычайными политическими обстоятельствами, требовали от своих польских партнеров возращения этих земель. Выдвигались подобные требования и в качестве главного условия поддержки для потенциальных кандидатов на престол Речи Посполитой. В ВКЛ даже существовали проекты отдельной от поляков элекции (выборов) великого князя литовского, которые полностью зависели от стремления вернуть земли Украины и Подляшья. Однако ни Генрих Валуа, ни Стефан Баторий спорных территорий Великому Княжеству так и не вернули. Не оправдались надежды на поддержку в этом вопросе украинской шляхты[2]. В результате уже на элекционном сойме Речи Посполитой 1587 г. представители ВКЛ фактически отказались от своих претензий на земли Волыни, Киевщины, Брацлавщины и Подляшья. С конца XVI в. требования вернуть оторванные воеводства заменяются требованиями финансировать их защиту исключительно из коронной казны и разграничить Великое Княжество с Подляшьем и украинскими воеводствами Короны Польской[3].

Шляхта ВКЛ пыталась добиться присоединения к ВКЛ всей Ливонии, которая, согласно решениям Люблинского сойма 1569 г., переходила в общее подчинение Великого Княжества Литовского и Короны Польской[4]. Точное определение статуса этой провинции откладывалось до следующего сойма, однако значительная ее часть была оккупирована. Только победа в Ливонской войне (1558–1582 гг.) позволила окончательно определить правовой статус провинции в составе Речи Посполитой. Политический народ ВКЛ стремился пересмотреть решения Люблинского сойма и заявлял о необходимости присоединения всей Ливонии только к Великому Княжеству. В свою очередь, коронная шляхта настаивала на разделе провинции соответственно условиям сойма 1569 г. Только на вальном сойме 1589 г., уже в период правления Жигимонта Вазы, были приняты конституции, которые наконец постановили, что Ливония, согласно

[1] Volumina Constitutionum. T. II. Vol. 1. S. 216–232.

[2] *Kempa T.* Plany separatystycznej elekcji w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie trzech pierwszych bezkrólewi po wygaśnięciu dynastii Jagełłonów (1572–1587) // Zapiski Historyczne. 2004. T. LXIX, z. 1. S. 23–61; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 40–284, 354–420.

[3] *Лойка П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск, 2002. С. 51–54; Dyjaryjusze sejmowe r. 1587: sejmy konwokacyjny i elekcyjny / wyd. A. Sokołowski. Kraków, 1887. S. 64.

[4] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 246.

решениям сойма 1569 г. в Люблине, все же является кондоминиумом ВКЛ и Польши[1]. Хоть великокняжеская шляхта и не достигла поставленных целей, но территориальная обособленность ВКЛ в составе Речи Посполитой сохранялась. Кроме того, когда в 1613 г. в результате войны Речи Посполитой с Московским государством был взят Смоленск, то Смоленское воеводство было включено именно в состав ВКЛ.

Внешнеполитические отношения. Акт Люблинской унии 1569 г. определял, что отправка посольств и заключение международных договоров в Речи Посполитой должны были происходить только «с ведома и общего согласия обоих народов»[2]. Таким образом, провозглашалась общая внешняя политика, и говорить о суверенитете ВКЛ в сфере международных отношений не приходится. Однако политическая элита Великого Княжества отстаивала свои внешнеполитические интересы, а в чрезвычайных обстоятельствах (период «бескоролевья», война) проводила и самостоятельную внешнюю политику.

Например, во времена первых «бескоролевий» руководящие круги Великого Княжества проводили переговоры с различными политическими силами за пределами Речи Посполитой с целью усилить позиции ВКЛ в рамках унии с Короной, а также нейтрализовать военную опасность со стороны Московского государства. От имени «станов» ВКЛ отправлялись посольства в зарубежные страны, поддерживались контакты, иногда даже тайно от польской стороны, со Священной Римской империей и Московским государством[3]. Фактически велась самостоятельная внешняя политика. В августе 1587 г. сенаторы ВКЛ отдельно, без участия поляков (хоть и от имени всей Речи Посполитой), даже заключили 15-летнее перемирие с московскими послами[4]. Кроме того, шляхта Великого Княжества добилась от Жигимонта Вазы, несмотря на совсем другие планы короля и части коронной политической элиты, официального утверждения этого перемирия. Проявления самостоятельной внешней политики ВКЛ можно встретить и в XVII в., особенно в чрезвычайных ситуациях войны. Так, в 1627 г. от имени нескольких сенаторов Великого Княжества во главе с Львом Сапегой, без согласия и ведома короля и польской стороны (и без учета интересов Польши, которая воевала со шведами в Пруссии), было заключено 5-месячное перемирие со Шведским королевством. Причиной этого шага было тяжелейшее положение войск ВКЛ на фронте в Ливонии[5]. А в 1655 г. часть политического

[1] *Падалінскі У.* Праблема статусу Інфлянтаў у дачыненнях палітычных элітаў ВКЛ і Польшчы (1582–1586 гг.) // Acta Albaruthenica 7: zb. nauk. Literatura. Język. Kultura / red. nauk. M. Timoszuk i M. Chaustowicz. Warszawa, 2007. S. 356–365; *Tarvel E.* Stosunek prawnopaństwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustroj administracyjny w l. 1561–1621 // Zapiski Historyczne. 1969. T. 34, z. 1. S. 49–77; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 2. S. 100–103.

[2] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 236.

[3] Подробнее см.: *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588.

[4] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 196–211; Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Vilnius, 2006. Kn. 594: 1585–1600. P. 83–88.

[5] *Czwołek A.* Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. Toruń, 2012. S. 557–564.

народа ВКЛ в условиях полного поражения Речи Посполитой в войне с Россией и Швецией заключила Кейданскую унию, которая вообще предусматривала разрыв унии с Польшей[1]. Однако подобные действия были скорее исключением из правил. Также необходимо отметить, что представители ВКЛ всегда занимали особое положение в дипломатических миссиях в Московское государство. Это позволяло обеспечить сохранение интересов ВКЛ в отношениях со своим наиболее опасным соседом.

Система избрания монарха ВКЛ. Одной из особенностей государственного строя Речи Посполитой были периоды так называемого бескоролевья (interregnum). В такой чрезвычайной ситуации, после смерти короля и до избрания нового, верховная власть в ВКЛ фактически переходила в руки политического народа Великого Княжества. Особенно ярко стремление политической элиты ВКЛ подчеркнуть свою самостоятельность проявлялось в последней трети XVI в. В период первых двух «бескоролевий» (1572–1576 гг.) в ВКЛ была фактически восстановлена практика созыва собственных съездов (соймов), что, кстати, являлось явным нарушением пункта унии о запрещении проведения каких-либо отдельных представительных собраний кроме общего вального сойма[2]. Первый такой съезд состоялся уже в конце декабря 1572 г. – начале января 1573 г. в Вильне. А всего за период 1572–1576 гг. состоялось около восьми съездов, на которых присутствовали как паны-рада, так и представители воеводств и поветов ВКЛ. Причем в составе панов-рады заседала и та часть политической элиты, которая не вошла в состав сената Речи Посполитой. На этих собраниях белорусская и литовская шляхта обсуждала кандидатуры возможных претендентов на престол Речи Посполитой, занималась проблемами организации обороны и судопроизводства в Великом Княжестве, рассматривала вопросы отношений с Польшей и даже внешней политики[3]. Подобные отдельные съезды владели законодательными, исполнительными и судебными полномочиями. По сути, шляхта ВКЛ в периоды «бескоролевья» владела государственным суверенитетом. Добавим также, что представители ВКЛ долгое время не признавали как института конвокационного сойма Речи Посполитой (на нем определяли дату выборов короля, принимали меры по обороне страны, вырабатывали условия к кандидатам на престол), так и право его созыва единолично высшим польским сенатором – архиепископом гнезненским. Только в XVII в. политический народ ВКЛ полностью признал сложившийся еще в последней трети XVI в. механизм функционирования Речи Посполитой в период «бескоролевья», в том числе институт конвокации и полномочия архиепископа гнезненского[4].

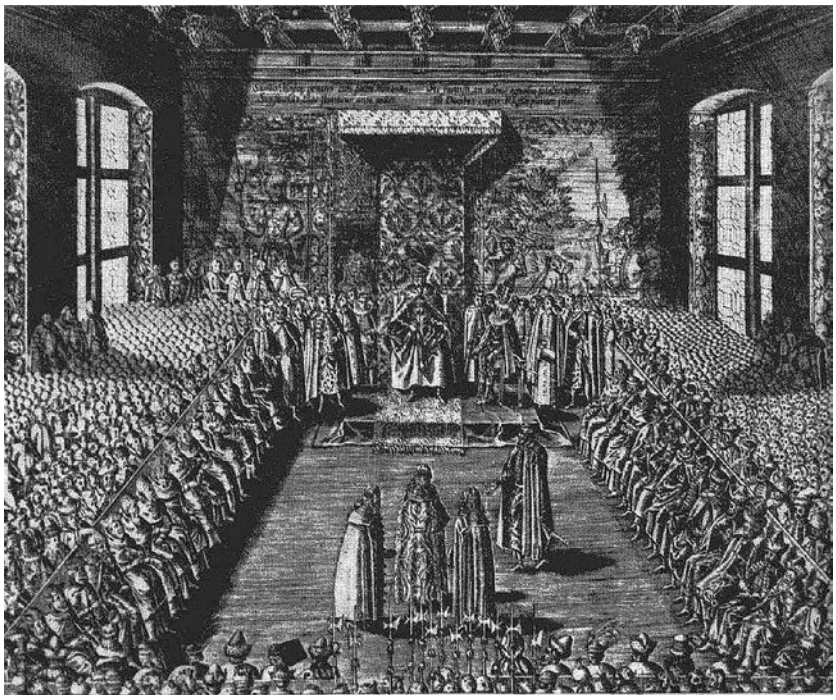
---

[1] Akta ugody Kiejdańskiej 1655 r. / wyd. W. Konopczyński, K. Lepszy // Ateneum wileńskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego / red. K. Chodynicki. Rok X. Wilno, 1935.

[2] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 236–237.

[3] Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. 1. S. 19–194; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 115–284.

[4] *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. S. 216–218, 221, 225–227, 232, 235, 238, 240–241.



Варшавский сойм 1611 г.

Важно подчеркнуть, что еще на протяжении долгого времени после заключения Люблинской унии 1569 г. в сознании шляхты ВКЛ не сформировалось восприятие Речи Посполитой как единого с поляками Отечества. Для широких слоев белорусской и литовской шляхты Отечеством было в первую очередь Великое Княжество Литовское[1]. Политический народ ВКЛ испытывал определенное недоверие к своим коронным партнерам, подозревал их в попытках ограничить права и свободы Великого Княжества. Во время бурных политических событий конца XVI – начала XVII в. шляхта всячески подчеркивала особый статус ВКЛ как «половины Речи Посполитой» и ни в коем случае не хотела сводить его к статусу провинции Короны вроде Великой или Малой Польши. Такую позицию «литовского» (великокняжеского) политического народа довольно точно отражают слова выдающегося деятеля того времени виленского каштеляна и канцлера ВКЛ Остафия Воловича, произнесенные им на заседании сойма 1585 г.: «*С народом Польским ... во всем равным себя народ Литовский осознает*»[2].

Именно из такого понимания своего особого статуса в Речи Посполитой происходит стремление политической элиты ВКЛ сохранить различные символические черты своей государственности. Так, уже в период 1572–1576 гг. Великое

[1] См., например: *Лойка П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. С. 51, 87–88.

[2] Dyaryusze sejmowe roku 1585. W dodatkach: Ułamki dyaryusza sejmowego roku 1582, akta sejmikowe i inne akta odnoszące się do sejmu 1585 r. / wyd. A. Czuczyński. Kraków, 1901. S. 287.

Княжество фактически добилось отдельной присяги и утверждения своих прав новым королем и великим князем. Хотя, согласно условиям унии, новый монарх при своей коронации должен был приносить только одну присягу и выдавать один привилей об утверждении прав и вольностей «обоих народов»[1]. Акт унии 1569 г. ликвидировал отдельное избрание и возведение на престол великого князя литовского. Причем особо подчеркивалось, «чтобы никакого сходства с этим не было»[2]. Тем не менее уже в сентябре 1573 г., когда специальное посольство Речи Посполитой в парижском парламенте торжественно вручило Генриху Валуа декрет о его элекции королем польским и великим князем литовским, дворный маршалок ВКЛ Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка отдельно провозгласил избрание Генриха от имени Великого Княжества Литовского[3]. Польской стороной этот шаг был воспринят как непосредственное нарушение условий Люблинской унии. А в мае 1580 г. в Вильне состоялась церемония вручения Стефану Баторию даров от Папы Римского Григория XIII в честь его побед над Московским государством. Церемония была проведена таким образом, что позднее позволила некоторым исследователям говорить даже о возрождении политической элитой ВКЛ обряда отдельного возведения на престол великого князя литовского[4].

Старобелорусский язык в системе государственного управления. Обратим внимание еще на один момент. На наш взгляд, большое значение для формирования собственной государственно-политической идентичности шляхты ВКЛ имело включение в Статуты 1566 и 1588 гг. статьи, которая фактически закрепляла за старобелорусским языком статус официального[5]. Подчеркнем, что даже в условиях все более активного распространения польского языка в высших слоях общества эта норма была сохранена и в третьем Статуте ВКЛ, в создании которого, как уже отмечалось, активное участие принимали широкие слои белорусской и литовской шляхты. Это может свидетельствовать о том значении, которое политический народ Великого Княжества придавал защите атрибутов своей государственности. В своем знаменитом предисловии к первому изданию Статута 1588 г. подканцлер ВКЛ Лев Сапега особо подчеркивал: «А если которому народу встыдъ правъ своихъ не умети, поготовю намъ, которые *не обчым якым языком, але своимъ власнымъ (выделено нами. – В. П.)* права списанные маем и кождого часу, чого намъ потреба ку отпору всякое кривды, ведати можемъ»[6]. Также обратим внимание, что для белорусской шляхты

[1] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 280–281; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 236; *Wisner H.* Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588. S. 41–42.

[2] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 235.

[3] *Kempa T.* Mikołaj Krzysztof Radziwiłł «Sierotka» (1549–1616) wojewoda wileński. Warszawa, 2000. S. 82–86.

[4] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 331–332.

[5] Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Разд. 4, арт. 1. С. 97; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 140.

[6] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 48.

Лев Сапега

сохранение такого высокого статуса старобелорусского языка давало возможность защитить еще и свою национальную идентичность. А в этом уже можно видеть и определенные элементы идеи национального суверенитета. Отдельный официальный язык делопроизводства (до 1697 г.) и своя государственная символика (герб «Погоня»), безусловно, также являлись символическими чертами государственности ВКЛ.

Таким образом, в составе Речи Посполитой белорусская и литовская шляхта имела возможность защищать и реализовывать свои социально-политические интересы в делах внутренней и, в меньшей степени, внешней политики. Великое Княжество Литовское сохранило свои должности, казну, канцелярию, армию, титул, символику, судебную и правовую системы, территориальную обособленность. Официальным языком Великого Княжества долгое время оставался старобелорусский. Проведение отдельных Главных съездов или же различных съездов времен «бескоролевья» являлось важным инструментом защиты государственных интересов ВКЛ. Кроме того, политический народ Великого Княжества ограничивал участие коронных партнеров в решении своих внутренних дел, в том числе и на общих вальных соймах Речи Посполитой. Статут 1588 г. гарантировал верховенство в ВКЛ прав и интересов местной шляхты. Все это позволяет сделать вывод о том, что после заключения в 1569 г. Люблинской унии Великое Княжество Литовское все же сохранило, пусть и частичный (неабсолютный), суверенитет в составе Речи Посполитой, а государственность ВКЛ не была ликвидирована.

Вместе с тем надо отметить, что все попытки пересмотра условий Люблинской унии 1569 г. со стороны белорусской и литовской шляхты имели характер партикуляризма, а не сепаратизма. Политическая элита ВКЛ, за чрезвычайно редким исключением, не стремилась к отделению от Короны Польской и созданию самостоятельного государства. Великое Княжество Литовское защищало свою внутреннюю самостоятельность, признавая при этом фактически все общие институты власти Речи Посполитой. Кроме того, политическая система Речи Посполитой давала шляхте реальные и действенные возможности для защиты своих прав и свобод, что еще больше активизировало процессы социально-политической интеграции в рамках этого государственного объединения.

5.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА ВКЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVIII в.

Административная реформа 1565–1566 гг. в ВКЛ кроме оформления новых воеводств и поветов затронула и земельную геральдику. Последняя была подвергнута унификации – все поветы ВКЛ должны были использовать государственную «Погоню». Согласно Статуту ВКЛ 1566 г., «...Теж мы Господарь даем под гербом того паньства нашого Великого князства Литовского Погонею печать до каждого повету...»[1].

Унификация затронула также гербы воеводств ВКЛ, причем как старых, так и вновь созданных – Волынского, Менского, Мстиславского, Берестейского, Брацлавского. Исключение составил герб Ливонии, присоединенной к ВКЛ в 1566 г. Жигимонт Август придал ей статус княжества и специальный герб: на красном поле серебряный гриф с мечом в правой лапе, а на его груди были размещены переплетенные золотые латинские буквы «SA» («Sigismundus Augustus») под короной[2].

Люблинская уния 1569 г. только закрепила тенденцию к унификации. В составе Речи Посполитой в земельной геральдике ВКЛ произошло наложение новых воеводских гербов с «Погоней», которые отличались между собой только цветом поля и фигуры, на старые земельные гербы. Так, в своих работах «Gniazdo cnoty» (Краков, 1575 г.) и «Herby rycerstwa polskiego» (Краков, 1584 г.) польский геральдист Бартош Папроцкий утверждал, что «Погоня» была гербом Виленского, Трокского, Витебского, Подляшского, Берестейского, Мстиславского и Менского воеводств[3]. В переизданной в 1597 г. «Хронике» своего отца Мартина Бельского Евфимий Бельский к числу перечисленных добавил еще Полоцкое воеводство[4].

Изображения государственной, воеводских и поветовых хоругвей ВКЛ, которые оставил Е. Бельский в уже упомянутой «Хронике» и описал Александр Гваньнини в произведении «Kronika Sarmacyey Europskiey» (1578, 1611 гг.), только подкрепляют вышеизложенные факты. Согласно работе последнего, государственная хоругвь ВКЛ имела четыре «рога», была красной и имела изображение «Погони» под княжеской митрой на одной стороне и изображение Богородицы с Иисусом на руках в обрамлении солнечных лучей – на другой. Хоругви воеводств были с двумя «косицами», а поветовые – с одной. Все они имели изображение «Погони»[5].

После инкорпорации в 1569 г. в состав Польши земель ВКЛ – Подляшья, Волыни и Киевщины – в их гербы был добавлен польский белый орел, который подчеркивал их новую государственную принадлежность.

---

[1] На шляхах да ўзаемаразумення. С. 50–54.

[2] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 52.

[3] Там же. С. 53; *Его же.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 177.

[4] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 53; *Его же.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 177.

[5] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 53.

Герб великого князя литовского и короля польского Жигимонта Августа. Согласно гербовнику Николаса Лютцебурга. Первая половина XVI в.

Герб Полоцкого воеводства ВКЛ. Согласно гербовнику «Stemmata Polonica». Около 1555 г.

Во времена правления Жигимонта Вазы территориальные потери, которые понесло ВКЛ в войнах с Москвой и в результате Люблинской унии 1569 г. с Польшей, привели к возникновению новой большой государственной печати. К традиционным трем «руским» гербам, которые оказались вне юрисдикции великого князя литовского, добавились новые. Геральдическая программа большой печати ВКЛ была расширена 9 земельными гербами: «Погоней» под княжеской митрой (герб Виленского воеводства), крестом (Волынского воеводства), рыцарем с алебардой и щитом (Трокского воеводства), хоругвью (Смоленского воеводства), оленем (Полоцкого воеводства), «Спасом/Вероникой» (Витебского воеводства), архангелом Михаилом (Киевского воеводства), двумя фигурами (Подляшского воеводства) и стоящим на задних лапах медведем с ошейником (Жемойтского староства). Упомянутые земельные гербы повторяются на больших печатях ВКЛ всех последующих представителей династии Ваза – Владислава IV (1632–1648 гг.) и Яна Казимира (1648–1668 гг.)[1].

После возвращения в состав Речи Посполитой Северщины и Черниговщины в 1633 г. на сойме новосозданному Черниговскому воеводству Владиславам IV был пожалован герб: черный двуглавый орел с короной над головами и распростертыми крыльями, а также инициалами монарха на груди. Однако Черниговщина недолго находилась в границах Речи Посполитой. В 1667 г. она вновь отошла к России[2].

[1] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 53; *Его же.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 145–146.

[2] *Шаланда А.* Зямельныя гербы Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў XIV–XVIII стст. // Герольд Litherland. С. 65; *Его же.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 178.

Матрица большой печати великого князя литовского Августа III Веттина с «Погоней» в обрамлении 12 династических и земельных гербов Польши, Литвы и Руси 1735–1751 гг.

Начиная с большой печати ВКЛ Михала Корибута Вишневецкого (1669–1673 гг.), к привычному набору земельных гербов был возвращен старый смоленский герб с изображением идущего медведя. Он сохранился на больших печатях всех последующих великих князей литовских и Станислава Августа Понятовского включительно. Использование старого смоленского герба вместе с хоругвью и жемойтским медведем свидетельствовало об очередном переосмыслении некоторых гербов. Так, герб с изображением ангела стал относиться к Новогрудскому воеводству, поэтому в качестве киевского герба вновь стал использоваться медведь, известный по киевским хоругвям с XVI ст.[1]

На больших печатях ВКЛ с 1669 по 1795 г. были представлены гербы Виленского, Волынского, Трокского, Смоленского, Полоцкого, Витебского, Новогрудского, Подляшского, Жемойтского и Киевского воеводств. Некоторые из них оставались в составе ВКЛ лишь номинально. Тем не менее геральдическими средствами подчеркивалась их былая государственная принадлежность.

Таким образом, как и в других европейских странах, в ВКЛ вместе с государственным и династическим гербом «Погоней» сложился комплекс гербов литовских, белорусских и украинских земель, которые символизировали силу и единство государства, свидетельствовали об определенных исторических этапах формирования его территории, отражали некоторые наиболее важные социально-политические и культурные процессы, происходящие в нем, напоминали о территориальных потерях, отображали политические программы и государственную идеологию великих князей литовских и тогдашнего общества.

В результате геральдические последствия политических и социально-экономических реформ второй половины XVI в. в ВКЛ и Речи Посполитой для белорусских земель были следующие: во-первых, окончательно за гербовой фигурой всадника с мечем закрепилось белорусское название «Погоня»; во-вторых, смысл «Погони» объяснялся не через персону монарха, а через каждого взрослого «обывателя» ВКЛ, готового защищать свою родину; в-третьих, в результате унификации гербов воеводств и поветов ВКЛ «Погоня» закрепилась преимущественно за белорусскими территориально-административными единицами Речи Посполитой.

В целом геральдические традиции ВКЛ являлись одним из важных факторов развития системы политической власти и укрепления государственности.

[1] *Шаланда А.* Дзяржаўная і зямельная сімволіка. С. 53; *Его же.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 169–171.

5.4. БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Формирование белорусской народности. Классическое определение народности говорит о начале формирования любой этнической общности с единым самоназванием при наличии ряда условий, которые влияли на консолидацию населения и развитие его самосознания. Это общая территория, единство языка, обычаев и культуры, общие черты в хозяйственной жизни. На население, проживающее на определенной территории, значительное влияние оказывали исторические процессы, которые способствовали формированию исторической памяти. Именно историческая память является основой для возникновения и развития национального самосознания.

Народность чаще всего возникает не на основе непосредственных кровных и родовых отношений, а на более широкой государственно-территориальной, социальной, культурной, конфессиональной и этнической базе. Исследование этой базы позволяет представить типичные и своеобразные черты организации и развития белорусской народности. Процесс ее образования, как и всякого этноса, происходил во взаимодействии с географически-климатическими, социальными и непосредственно этническими факторами. Под их воздействием расширялись, усиливались и эволюционировали территориальные, социально-экономические, культурные связи, складывалась типичная для развитого феодализма сословно-социальная структура. В качестве важных компонентов культуры средневекового этноса (наряду с другими ее частями) исследователи отмечают язык, вероисповедание, этническое самосознание, определенные характерные нормы поведения.

Возникновение и развитие белорусской народности было прежде всего связаны с ее территориальным единством. Географическая среда влияла на расселение людей, характер и направление его производственной деятельности, во многом определяла специфические черты жилья, одежды, питания, повседневного быта и народной культуры.

Анализ письменных и археологических источников свидетельствует, что территориальной основой складывания белорусской народности стали давние исторические регионы расселения кривичей, дреговичей и радимичей.

Начало формирования белорусской народности связано с распадом родоплеменных отношений и появлением первых государственных образований на территории Беларуси, когда местное население перестало отождествлять себя только с кривичами, дреговичами, радимичами. Кроме этого, важную роль в этногенезе белорусов сыграл балтский субстрат, славянизация которого завершилась с появлением особенностей исторической общности, которая позднее станет белорусским народом. Основные черты белорусской народности проявились уже в XIV–XVI вв.[1]

[1] *Жураўскі А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967. Т. 1. С. 80–225; Беларусы : у 8 т. Мінск, 1995–2002. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё. Мінск, 2001. С. 52–230.

Сенакос.
Фрагмент гравюры XVII в.

Литовский полугрош

В период XVI–XVIII вв. укреплялись и эволюционировали территориальные, социально-экономические, культурные связи, завершилось складывание сословной структуры общества. Процесс формирования белорусской народности шел на протяжении всего названного периода в сложных условиях слабоцентрализованного государства с полиэтническим и поликонфессиональным обществом.

Факторами, способствующими формированию белорусской народности, являлись со второй половины XVI в. единая верховная власть, система государственного управления, которая создавала возможности широкого представления интересов местной шляхты на региональном уровне, существование кодифицированного права, внутренняя колонизация. Все это содействовало более тесным политическим, экономическим и этническим связям между всеми административными единицами страны: воеводствами, поветами и волостями. Постепенно оформлялась этническая территория белорусов, общие черты в хозяйственной деятельности, обрядах, обычаях, народном художественном творчестве и бытовой культуре представителей различных сословий.

В Великом Княжестве Литовском сложилась единая денежная система, основной монетой которой стал литовский полугрош, который чеканился на монетном дворе в Вильне. Также шел процесс установления торгово-измерительных стандартов, некоторые из них были узаконены в Статутах ВКЛ[1]. Развитие товарно-денежных отношений и внутренних хозяйственных связей способствовало интенсификации этнических, экономических и социальных контактов, этнокультурной и языковой интеграции. Наблюдался процесс массовой урбанизации,

[1] Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Разд. 13, арт. 9; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 327–328. Раздз. 13, арт. 9–11.

что дало толчок к развитию и совершенствованию ремесла (вместе с традиционными ремеслами – гончарным, ткацким, бондарным, слесарным, обработкой дерева, кости, металлов и других распространялись новые виды ремесленной деятельности – изготовление бумаги, отливка стекла на гутах, книгоиздательство и пр.).

Расширялась торговля, возрастала роль крупных городов Беларуси – Полоцка, Бреста, Могилева, Гродно, Витебска и других как центров региональной и транзитной торговли, что укрепляло территориально-экономические и культурные связи белорусских земель.

Вместе с тем в условиях феодального способа производства с его натуральной системой хозяйствования объединительные процессы в XVI – первой половине XVII в. ограничивались региональными, а не общегосударственными связями, созданием локальных рынков вокруг городов и местечек. Связано это было с сохранившейся неоднородностью заселения, разностью хозяйственно-бытового уклада. Несмотря на определенную унификацию отдельных весовых единиц, на территории Беларуси наблюдалась устойчивость локальной метрологии (бочка и полубочка «минская», «лукомская», «ведро пинское», «брестское», весы «полоцкие» и др.). Это отражало слабость экономической и связанной с ней этнической интеграции.

Определенную роль в этнической консолидации играл конфессиональный фактор. В средневековье, в условиях, когда разные народы придерживались различной религиозной ориентации, религия, как известно, нередко становилась одним из этнических признаков, определяющим компонентом этнического самосознания или в более узком смысле – так называемой этнической идентичности. Согласно данным инвентарных описаний и сведениям других массовых письменных источников, высказываниям современников, в XIV – первой половине XVI в. большинство белорусского населения являлось православным. Понятие «православный» в то время отождествлялось с понятием «руский» и зачастую с населением современных белорусских земель. Значительную роль в этнических процессах на белорусских землях играли религиозные преобразования. Формирование единой этнической общности в условиях существования нескольких христианских конфессий было затруднено.

Брестская церковная уния 1596 г. Политическая элита ВКЛ понимала важность для укрепления государственной независимости факта наличия в стране единой или преобладающией конфессии. В реальности активное влияние на духовно-культурную (а вместе с тем и на политическую) жизнь населения ВКЛ через православие, католицизм и протестантизм оказывали соседние Московское государство и Королевство Польское. Специфика геополитического положения ВКЛ, находившегося между между православным Востоком и католическим Западом, скорее ослабляла суверенитет ВКЛ, чем способствовала его укреплению.

Поэтому в борьбе за государственную независимость ВКЛ исторически присутствовала борьба и за духовно-культурный суверенитет, за собственную церковную организацию, независимую от заграничных политических центров.

Собор, где проходили заседания Брестского церковного собора в 1596 г. Фрагмент рисунка XVIII в.

Основными этапами этой борьбы стали: движение за собственную автокефальную православную церковь в период до XVI в.; стремление создать свою независимую реформационную церковь в середине – второй половине XVI в. (Миколай Радзивилл Черный и его сторонники); попытка создания на территории ВКЛ собственной христианской конфессии на основе объединения православной и католической церкви.

Однако ни один из этих проектов не был осуществлен в том виде, в котором задумывался их авторами. Вместе с тем наличие таких проектов является несомненным свидетельством стремления политической и социальной элиты ВКЛ к укреплению не только политической, но и духовно-культурной составляющей независимости.

По мнению властей ВКЛ, решением проблемы разделения населения одной страны по религиозному и языковому признакам должен был стать именно синтез православия с католичеством[1]. Локальный вариант церковного объединения христианских конфессий на территории ВКЛ, в подготовке которого участвовали как православные и католические иерархи, так и представители папской канцелярии, не мог осуществиться в полной мере в условиях начавшейся Контрреформации и резкого неприятия идеи унии со стороны Московского патриархата.

Более того, после Брестского церковного собора 1596 г. и объявления о создании новой униатской конфессии, подчиненной Папе Римскому, в ВКЛ началось резкое конфессиональное противостояние.

Как отмечают исследователи, в униатском движении существовали две тенденции: латинизации – полонизации и белорусизации религиозно-церковной жизни[2]. В целом необходимо признать, что в государстве в результате поддержки правящей элиты превалировала первая, и уния не стала основой духовно-политической жизни населения Беларуси. Политическая элита в большинстве своем выбирала католицизм, потому что униаты так и не получили все обещанные им политические права и свободы, в первую очередь места в Сенате Речи Посполитой. Для человека XVII–XVIII вв. «униат» и «католик» являлись представителями различных конфессий и культурных традиций. Поэтому на практике реализация идеи униатской церкви превратилась в создание церкви для простого народа, что еще больше раскололо общество[3].

[1] *Флоря Б. Н.* Подготовка Брестской унии и политика духовной и светской власти Речи Посполитой // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба *на* Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII века. М., 1996. Ч. 1. С. 155.

[2] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). Мінск, 1998. С. 16.

[3] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). С. 104.

В результате не только внутрицерковных реформ, но и их поддержки правительственными кругами и землевладельцами по количеству верующих в XVIII в. униатство стало основным вероисповеданием на территории современной Беларуси. К середине XVIII в. большинство православных парафий Мозырского, Минского, Пинского поветов и Полоцкого воеводства также стали униатскими.

После присоединения к униатской церкви ряда православных епархий в Украине в конце XVII – начале XVIII в. встал вопрос об унификации догматики и обрядовости униатской церкви. В 1720 г. состоялся Замойский собор, в котором участвовали не только иерархи униатской церкви, но и представители ордена базилиан и белого духовенства. В результате деятельности собора были приняты общие с католической церковью символ веры, упоминание Папы Римского во время богослужения. Началась работа по изданию униатского катехизиса, единого служебника, словаря церковнославянского языка, были разработаны единые формуляры для церковного делопроизводства. Последние предусматривали использование во время богослужений в униатских церквях именно белорусского («руского») языка[1].

Несмотря на резкое усиление позиций католической церкви и проведение целенаправленной политики латинизации униатской обрядовости, еще до конца XVIII в. в ВКЛ существовали общественные слои, представители которых не утратили связи с белорусской культурой. В первую очередь это было униатское и православное духовенство, породненные с ними мелкие шляхтичи, служилые люди и горожане[2]. Они помнили о своих корнях и своем местном происхождении.

На протяжении всего периода существования греко-католической церкви в ряде униатских парафий сохранялось делопроизводство на белорусском языке (о котором мы можем уже говорить со второй половины XVIII в.), богослужения также велись на местном, понятном для большинства населения, языке[3]. Владение «простонародным» языком было обязательным для выпускников парафиальных и диацезиальных школ. Именно они становились авторами произведений на белорусском языке, использовали его при написании популярной религиозной и полемической литературы, в школьном образовании, в проповедях, часто в повседневной жизни и др.[4]

Особенности развития культуры. Одним из важных признаков народности является наличие и развитие *самобытной культуры*. Белорусская культура

---

[1] *Лісейчыкаў Д.* Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. Мінск, 2011. С. 86, 106–107.

[2] *Лісейчыкаў Д.* Фарміраванне сваяцкіх саюзаў сярод уніяцкага святарства беларуска-літоўскіх земляў у XVI–XIX ст. // Studia i materiały do dziejów chrześcijaństwa wschodniego w Rzeczypospolitej. T. 5: Studia z dziejów i tradycji metropolii kijowskiej XII–XIX wieku / red. A. Gil. Lublin, 2009. S. 121–136.

[3] *Лісейчыкаў Д.* Беларускамоўныя дакументы ў справаводстве ўніяцкай царквы першай трэці XIX ст. // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Мінск, 2005. Вып. 3. С. 66–73.

[4] *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. С. 297; *Марозава С. В.* Моўная палітыка і практыка ўніяцкай царквы ў Беларусі // З гісторыі ўніяцтва ў Беларусі. Мінск, 1996. С. 104–114.

Памятник Петру Мстиславцу в Мстиславле

Памятник Сымону Будному в Несвиже

Франциск Скорина. Гравюра. 1517 г.

формировалась как на основе собственных, так и под влиянием западно-европейских культурных традиций гуманизма и в контакте с культурами соседних народов: украинского, литовского, польского и русского. Нахождение белорусских земель на пограничье двух культурных цивилизаций – западной католической и православной восточной приводило не просто к смешению религиознокультурных традиций, а к их переосмыслению и усвоению отдельных элементов обеих цивилизаций. Результатом этого стало появление личностей, произведений, явлений, которые нельзя отнести лишь к культуре одного этноса. В итоге термин «белорусская культура» оказался шире понятия «культура белорусов».

Для рассматриваемого периода характерен процесс формирования единого «руского» (старобелорусского) языка с различными уровнями бытования: литературным, канцелярским, разговорным. К концу XVI в. появились практически все морфологические и фонетические особенности белорусского языка, которые характерны для него и на современном этапе. Особенности произношения: «дзеканье» и «цеканье» («дзед», «дзень»), твердое произношение

звука «р», «аканье» («вада») и «яканье» («бяроза»), использование приставных звуков в начале слова («возера», «ільняны» и т. д.) стали проникать в письменную речь (что отражено уже в текстах изданий Ф. Скорины, художественной переводной литературе XV–XVI вв., Баркулабовской летописи)[1]. Этот язык постепенно стал официальным языком делопроизводства ВКЛ[2]. В процессе своего развития он обогатился элементами языков и других этносов, проживавших на этой территории.

Василь Тяпинский. Гравюра. Около 1570 г.

Основные тенденции в развитии белорусского литературного языка нашли отражение в светских художественных произведениях, исторических повестях, в белорусских летописях, делопроизводстве, в меньшей степени – в церковно-религиозной (особенно литургической и канонической) письменности. Главное направление в развитии белорусского литературного языка в XV–XVI вв. определялось постепенным утверждением в нем грамматических и лексических форм народной белорусской речи. Белорусский язык окончательно определился как самостоятельная языковая система во второй половине XVI ст.

Развитие белорусского языка в ВКЛ проходило в условиях складывания общегосударственной территории, общего рынка, поликонфессиональности, в мультиязыковой среде (тогда, когда языками элиты зачастую были латинский, старобелорусский, т. е. «руский» (XVI в.), польский (XVII в.), французский и польский (XVIII в.). Это нашло свое отражение в полиязычном книгопечатании, развитии белорусской литературы и письменности, создававшейся на церковнославянском, старобелорусском книжном, польском и латинском языках, а также их многочисленных вариациях, что было характерно именно для белорусских земель, издавна находившихся на пограничье Запада и Востока Европы[3].

Огромный вклад в развитие старобелорусского языка и становление белорусского самосознания внесли белорусский и восточнославянский первопечатник Франциск Скорина, его последователи Петр Мстиславец, Сымон Будный, Василь Тяпинский и др.

Резкое конфессиональное разделение, вызванное процессом принятия церковной унии после Брестского собора 1596 г., привело к созданию богатого

[1] *Хазанава К. Л.* Беларусізмы ў мове «Аповесці аб Трыстане» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gsu.by/chairs/philology/index.php/sostkafbelkult-2/72–2013–02–11–14–18–18/220–2013–02–12–15–17–13.html. Дата доступа: 22.11.2017; ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 174–192.

[2] Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Разд. 4, арт. 1; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Разд. 4, арт. 1. С. 140.

[3] История культур славянских народов: в 3 т. Т. 2: От барокко к модерну / отв. ред. Г. П. Мельников. М., 2005. С. 103.

Страница двуязычного «Евангелия» В. Тяпинского. Около 1570 г.

Титульный лист «Баркалабовского Ирмолая». Кутейно, 1651 г.

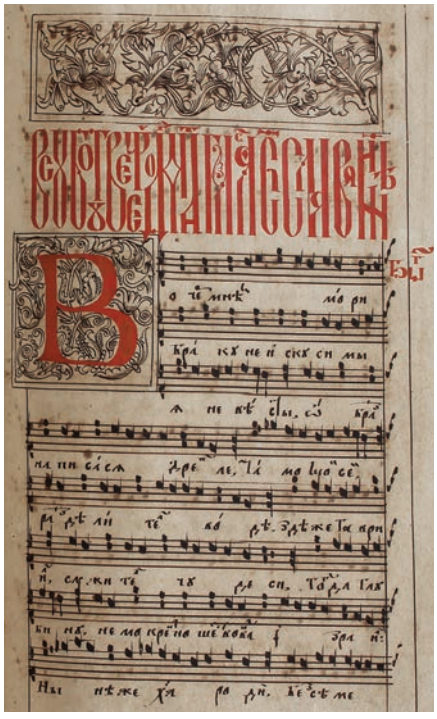
пласта полемической литературы – православной, католической, униатской, протестантской. Центрами белорусской книжности стали города Вильна, Могилев, Полоцк, Витебск, Гродно, магнатские резиденции Несвиж, Слуцк, Евье, Любча, монастырские комплексы Супрасль, Кутейно, Жировичи. Литература, создаваемая и издаваемая в них, широко распространялась.

К концу XVII в. произошло практически полное вытеснение старобелорусского языка из государственной жизни. На польский язык частично перешло даже православное монашество. Постановлением всеобщей конфедерации сословий Речи Посполитой от 27 августа 1696 г. делопроизводство государственных учреждений ВКЛ переводилось со старобелорусского («руского») языка на польский. Вся официальная документация должна была вестись только на польском языке, за исключением копий с более ранних документов. Сфера употребления письменного белорусского слова фактически сводилась к изданиям униатской церкви. В XVIII в. белорусский язык можно было еще встретить в некоторых памятниках мемуарной литературы[1]. Среди материалов XVIII в. практически не-

[1] *Мальдзіс А.* Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII ст. Нарысы быту і звычаяў. Мінск, 1982. С. 249.

Страницы «Октаиха». Кутейно, 1646 г.

возможно найти письменные документы (кроме крестьянских и мещанских жалоб), которые бы показывали, как тогда звучал живой повседневный язык.

Таким образом, в результате указанных событий и процессов начала происходить постепенная полонизация местной шляхты. Фактически представители шляхетского сословия вливались в «польский народ шляхетский» Речи Посполитой с одинаковыми правовыми нормами, религией, языком, культурой. В результате произошел разрыв между шляхетской, городской и крестьянской средами.

Страница «Баркалабовского Ирмолая». Кутейно, 1651 г.

Шляхта белорусских земель с конца XVII в. начала отожествлять себя с сарматской идеологией и культурой. Идеология сарматизма строилась на убежденности в происхождении шляхты от древних воинственных сарматских племен, чем и объяснялись ее исключительные права и свободы. Верность своему сословию, сохранение и защита «золотых шляхетских вольностей», выполнение особой миссии католической Речи Посполитой как щита Европы от варваров с Востока заложили основу мировоззрения шляхетского сословия. Важнейшими чертами идеального шляхтича стали не только воинские и шляхетские добродетели, но и верность

Шляхтич-сармат

Фрагмент слуцкого пояса

истинной религии (католицизму), отрицательное отношение к практическим сферам деятельности, наукам, консерватизм и традиционализм, неприятие чужой культуры и обычаев[1].

В то же время эта единая культура элиты претерпевала значительные изменения под влиянием местных традиций. Вся культура белорусских земель периода барокко характеризуется сочетанием западного и восточного начал. Так, в театральной культуре присутствуют персонажи низового фольклора, христианские святые и католической, и православной конфессий (например, святые Борис и Глеб в пьесе, прославляющей католический на тот момент род Огинских)[2].

Заметными по сравнению с польской и западноевропейской культурой были отличия в белорусской светской музыке. Она сохранила и транслировала в культуру соседних народов *жанр канта* – многоголосых песен на бытовые темы, популярного во всех слоях общества конца XVII – первой половины XVIII в. Наиболее известным памятником этого жанра является «Полацкі сшытак»[3].

Одним из самых ранних воплощений принципов искусства барокко в архитектуре Беларуси стал костел Божьего тела в г. Несвиже, построенный Д. М. Бернардони.

Вобрав в себя множество местных особенностей, благодаря местным мастерам, которые смогли соединить традиционные строительные приемы со сти-

[1] *Angyal E.* Świat słowiańskiego Baroku. Warszawa, 1972. S. 260.

[2] Гісторыя беларускага тэатра: у 3 т. Т. 1: Беларускі тэатр ад вытокаў да Кастрычніка 1917 г. / рэдкал.: У. І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]; рэд. тома Г. І. Барышаў, А. В. Сабалеўскі. Мінск, 1983. С. 189.

[3] «Полацкі сшытак» – сборник барочной музыки анонимных авторов XVII в., выявленный А. И. Мальдисом в составе униатского требника.

Оркестр. Фрагмент гравюры XVII в.

Костел Божьего Тела. Несвиж.
1584–1593. Арх. Д. М. Бернардони

листикой барокко, на территории Беларуси формируется свой отличительный архитектурный стиль. Основным типом сакральных строений этого периода стала двухбашенная многоярусная базилика[1]. Большинство католических храмов и монастырей (иезуитские костелы и коллегиумы в Гродно, Полоцке, Витебске, Минске), зданий гражданской архитектуры (ратуша в Могилеве), дворцово-замковые комплексы (Несвиж, Гольшаны) были построены в этом стиле. Стилистика барокко оказала значительное влияние и на внешний облик православных и униатских храмов. Так, построенная в первой трети XVII в. Богоявленская братская церковь в Могилеве (крестовокупольная базилика с тремя апсидами и двумя башнями) считалась одной из красивейших в Беларуси.

К середине XVIII в. на пространстве ВКЛ сложилась особенная разновидность стиля в монументальной архитектуре, получившая название «виленское барокко». Этот стиль характеризуется утонченностью пропорций, пластичностью, ажурностью линий и декоративных элементов построек. Наиболее яркими памятниками стиля «виленского барокко» являются Софийский собор в Полоцке, Спасо-преображенский собор в Могилеве и др.

В середине XVIII в. началось проникновение в культуру привилегированных слоев ВКЛ идей французского Просвещения. Культурные начинания новой эпохи затронули в первую очередь магнатерию и среднюю шляхту, представители которых тесно соприкасались с западноевропейскими новинками. Идеи Просвещения вызвали интерес образованных кругов к прошлому белорусских земель[2], к традиционной культуре его населения. Это дало толчок к изучению местной истории,

[1] Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. Т. 2: Другая палова XVI ст. – канец XVIII ст. Мінск, 1988. С. 97–127.

[2] История культур славянских народов. Т. 2. С. 231.

Православный храм св. Николая. XVIII в. Могилев

возвращению элементов белорусского языка, традиций, обычаев в литературу, образование, музыку (опера «Агатка» М. Радзивилла[1]).

Однако в целом белорусские элементы: язык, традиции, одежда – сохранялись только в крестьянской среде, среди православного и униатского духовенства. Белорусский язык ассоциировался с «мужицким, простым языком», а «руская вера» (православие и униатство) – с «мужицкой верой»[2].

Массовый процесс полонизации шляхты, перехода ее в католичество, вытеснение православных братств из городов привел к тому, что государствообразующие процессы развивались почти без влияния белорусского элемента. Шляхта перестала быть носителем языка, покровителем развития школьного дела, книгопечатания, создания литературы на «руском» языке, так как это не соответствовало их общественному и политическому статусу. Любые идеи о необходимости возрождения «руской» культуры и православия воспринимались политическими элитами как благодатная почва для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой и обоснование претензий на территории ее восточных воеводств. В результате все попытки включения культуры «простого люда» в официальную культуру воспринимались неприязненно.

Развернувшаяся в обществе борьба между традиционными представлениями и новой идеологией («война фрака и жупана») привела к пропольской ориентации большинства шляхты. В результате это привело к ослаблению позиции сторонников сохранения государственности ВКЛ.

К XIX в. белорусы почти утратили собственные богатые письменные традиции, не имели четко обозначенного этнического самосознания. Белорусский этнос оказался разделен на простонародье («люд посполитый»), которое сохранило язык и традиционную культуру, и полонизированную шляхту. От простого люда ее отделяла именно культурная граница – образовательная, языковая, конфессиональная. При этом фольклор, ремесла, народное искусство и белорусский язык являлись стержнем автохтонной крестьянской культуры.

В то же время освоение западноевропейской культурной традиции высшими слоями происходило на основе местного менталитета, что сближало различные пласты культуры. Такой способ сосуществования различных уровней культуры

[1] *Дадиомова О. В.* Музыкальная культура городов Белоруссии в XVIII в. Минск, 1992. С. 51.

[2] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). С. 291; *Марозава С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). Гродна, 2001. С. 200, 204–206; *Микулич Т.* Влияние церкви на этноязыковые процессы в Белоруссии: XIII – начале XX в. // Наш радавод: зб. арт. Гродна, 1992. Кн. 4. (Ч. 2). С. 420–431.

(элитарной и низовой), с одной стороны, приводил к ее отставанию от культуры соседних народов, с другой – придавал ей своеобразие и новое содержание.

Развитие этнического самосознания. Самосознание – важнейшее качество народности, наличие которого является главным свидетельством существования этнического сообщества и показателем уровня консолидации народа. Этническое самосознание белорусов сформировалось позже остальных этнических признаков. Внешней формой его проявления является самоназвание. Так, Ю. Бардах отмечал, что в условиях развития полиэтнической и поликонфессиональной Речи Посполитой необходимо говорить о многоуровневости этнического самосознания[1]. В традиционном обществе самосознание отличалось множеством локальных и конфессиональных связей. Различная степень освоенности территорий, экономические факторы обусловили развитие различных типов этнообъединяющих процессов.

Титульный лист «Библии» Франциска Скорины. 1517 г.

Региональные разграничения нашли свое отражение в распространении соответствующих этнонимических форм землячеств («пропойчане», «полочане», «случане», «берестяне», «меняне», «могилевцы»), которые использовались без различия в конфессии или этносе. С другой стороны, консолидация и интеграция населения на более широкой основе проходили в отдельных наиболее развитых географических регионах. Среди жителей Речи Посполитой выделяли поляков, литвинов, белорусцев, прусаков, русаков, мазуров, жмудинов, инфлянтцев, подляшан, волынян[2].

Культурно-экономические связи различных регионов не могли быстро заменить уже существующие родственные и земельные связи. Именно этим объясняется замедленное распространение в среде белорусов собственного самоназвания. Практически все время существования ВКЛ население его восточных территорий долго называло себя «рускими, русинами» и язык свой «руским». Так, русином именовал себя в своих книгах Франциск Скорина, и язык своих книг он тоже называл «руским». Длительному и устойчивому использованию таких территориальных определений способствовало автономное положение земель

[1] *Бардах Ю.* Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2002. С. 296–315.

[2] *Kot S.* Świadomość narodowa w Polsce XV–XVII w. // Polska złotego wieku a Europa / wybór: H. Barycz. Warszawa, 1987. S. 100.

в составе ВКЛ. Тем не менее в период существования ВКЛ белорусы отличали себя от поляков и литовцев, которые разговаривали на другом языке и исповедовали, как правило, католицизм.

Формирование понимания своей принадлежности к местному населению, старой элите, корни которой уходили в период расцвета Полоцкого княжества, было затруднено благодаря созданию в XV в. мифа о римском происхождении большинства жемойтских шляхетских родов. Развитие и закрепление мифа о Палемоне в цикле белорусско-литовских летописей привело к тому, что значительная часть политической элиты не соотносила себя со своими подданными и искусственно дистанцировалась от них. Католическая (римская) вера противопоставлялась православной («руской»). В результате это привело к отрицанию языка и обычаев, быстрому перениманию западноевропейской культуры и полонизации культурной жизни. Наиболее ярко это проявилось в сочинении Михалона Литвина, который писал: «руское наречие чуждо нам литовцам, т. е. итальянцам, ибо мы происходим от итальянской крови. Итальянское происхождение наше явствует как из характера нашего языка – полулатинского»[1].

В Европе XVI и XVII вв. не было стран, которые имели бы такую же специфическую религиозную и этническую ситуацию, как Речь Посполитая. В документообороте использовалось шесть языков (латынь, польский, «руский», идиш, письменность с использованием арабского алфавита, немецкий). До начала реформационных процессов здесь уже сосуществовало четыре конфессии – католицизм, православие, ислам и иудаизм. С середины XVI в. к ним добавились различные протестантские течения (лютерантсво, кальвинизм, социанство, арианство), а затем и униатство. В таких условиях терпимость, особенно в религиозной сфере, утверждалась одной из составляющих политической доктрины общества XVI – середины XVII в., основной целью которой было сохранение мира и покоя[2].

Для XVI–XVIII вв. характерно развитие этноконфессиональных процессов в границах нескольких этапов. На каждый из них оказывали значительное влияние изменения в социальной и политической жизни государства.

Для населения ВКЛ данного периода было характерно не соотнесение себя с конкретным этносом, а с территорией проживания, происхождением, вероисповеданием и государственной принадлежностью, понятием «свой – чужой».

Чаще всего население соотносило себя с определенным географическим регионом, где проживали несколько поколений его предков. Как правило, наиболее ярко это проявлялось для крестьян и жителей местечек как наименее мобильных групп. В то же время территория некоторых земель не всегда совпадала с административным делением, которое изменялось на протяжении XIV–XVI вв. Термин «Белая Русь» не использовался до середины XVII в. местными жителями для самоидентификации. Преимущественно он применялся в исторических, гео-

[1] Михалон Литвин. О правах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. I (XVI ст.). С. 34.

[2] *Mironowicz A.* Specyfika tolerancji wyznaniowej na kresach wschodnich Rzeczypospolitej // Pogranicza etniczne w Europie Harmonia i konflikty / red.: K. Krzysztofek, A. Sadowski. Białystok, 2001. S. 165.

графических описаниях, трудах для определения территории современной восточной Беларуси. В конце XV – середине XVI в. в литературных источниках все отчетливее просматриваются представления о Белой Руси как обособленной собственно белорусской или белорусско-украинской или белорусской и частично русской территории. Этноним «беларусы», хотя и был широко известен, еще не распространялся на население всей территории государства, осмысливался как топоним.

Первым назвал себя белорусом известный поэт и ученый Соломон Рысинский (около 1560–1625). При поступлении на учебу в Альтдорфский университет в 1586 г. он назвался «*Solomo Pantherus Leucorussus*»[1] – *Соломон Рысинский белорус. Через два года в письме к своему немецкому коллеге и другу он вновь назвал свою Родину «Leucorossia» – Беларусь.* В другом письме поясняя, как правильно употреблять различные грамматические нормы, он отметил, что ими «еще и сейчас пользуются московцы, беларусы (*Leucorussi*) и большая часть литовцев»[2].

Таким образом, уже в конце XVI – начале XVII в. С. Рысинский выделял белорусов как самостоятельный этнос наряду с современными русскими и литовцами и не отождествлял с этнической конфессиональную принадлежность. Использование такого этнического самоназвания свидетельствовало о влиянии на самоопределение некоторой части элиты белорусского общества нового, европейского типа мышления, возникновение которого было бы невозможным только в рамках православной и католической культур. Вместе с тем на бытовом уровне большинство православного населения ВКЛ и Короны продолжали именовать себя термином «руский»[3].

В актах Российского государства первой половины XVII в. упоминаются «белорусы» – жители Полоцкого, Мстиславского, Оршанского и некоторых других восточнобелорусских воеводств и поветов. Переселенцы из белорусских земель на территорию Московского государства – пленные крестьяне, мещане, шляхта, как свидетельствуют подобные материалы, в XVII в. нередко называли себя «литвинами белорускими».

Источники свидетельствуют, что механизм самоидентификации, определения «свой – чужой» прежде всего срабатывал в рамках конкретной общины или деревни, региона. «Чужинцы» не обязательно «плохие» в любом измерении: языковом, обрядовом, бытовом и т. д. – они просто «не такие», «другие». Как правило, это относилось к тем народам, с которыми приходилось проживать рядом или с которыми случались военные конфликты. К XVII–XVIII вв. закрепившиеся отличия в языке, обычаях и ментальности были настолько вырази-

[1] Die Matrikel der Uniwersität Altdorf (1576–1809) / ed. E. von. Steimeyer. Würzburg, 1912. T. 1. S. 29.

[2] Exercitationum epistolicarum ad Ausonium virum consularem libri duo. Aldorphii, 1589. Подробнее о биографии и произведениях С. Рысинского см.: *Порецкий Я. И.* Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leucorussus (конец XVI – начало XVII в.). Минск, 1983.

[3] *Латышонак А.* Навуковыя крыніцы самаакрэслення Саламона Рысінскага як беларуса // Рэфармацыя і грамадства: XVI стагоддзе: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 2005. С. 128.

тельны, что жители Московского государства не воспринимались как «руские», т. е. единоверцы или представители того же этноса, а показаны в документах как представители другого народа. По отношению к ним чаще всего используются названия «москаль», «московец», «московит», фигурирующее как в документах, так и на бытовом уровне в пословицах и поговорках[1].

Для рассмотрения данной темы необходимо исходить из понимания разности терминов в XXI в. и рассматриваемом нами историческом периоде. В тот момент для человека значительно большую роль играло вероисповедание и язык, сословное происхождение, а не принадлежность к какой-либо этнической группе. Для XVI–XVIII вв. принадлежность к определенному народу – это принадлежность политическая. В состав политического народа входили граждане, которые участвовали в политической жизни, а это значит – шляхта. Поэтому литвином назывался местный уроженец независимо от этнического происхождения и языка, который он использовал. Но это не значит, что литвинов не отличали от русинов в границах Речи Посполитой или ВКЛ. В первую очередь эти отличия были в языке и вере, а значит, и в организации повседневной жизни, обычаях и культуре. Если магнатерия уже с середины XVI в. в повседневной жизни и личной переписке пользовалась преимущественно польским языком, то мелкие шляхтичи на протяжении еще всего XVII в. говорили и писали на старобелорусском (на землях современной Литвы – на литовском).

Самосознание жителей ВКЛ имело скорее политический, социальный, а не этнический характер: подданный Речи Посполитой обоих народов с белорусских земель чаще всего определял себя как «литвин» или «русин». Отчизной называлось все Великое Княжество Литовское. Эта традиция самоидентификации («литвины») была характерна в первую очередь для католиков и униатов шляхетского происхождения. При этом их повседневным языком был польский, часто со значительным включением белорусских слов[2].

Полонизация. Полонизация литвинской и русинской (униатской и православной) шляхты шла через перенимание идей, культурных примеров, участие в политической жизни Речи Посполитой, которая требовала знания языка, права и традиций Королевства Польского. В результате на протяжении XVII в. мы наблюдаем значительное культурное сближение шляхты, несмотря на ее происхождение, местонахождение имений, религии. Польский язык учили в школах, он использовался во время службы при магнатских и королевском дворах, в войске. Знание польского языка подчеркивало принадлежность к шляхетскому кругу. Сохранялась, однако, понимание отличности, которая основывалась не только на традиции и культуре, но и на осознании государственности ВКЛ.

В то же время над этими отличиями преобладала сословная солидарность. Признание польского языка более престижным, инструментом сословных отно-

[1] *Максимов С. В.* Избранное / подг. текста, сост., примеч. С. И. Плеханова. М., 1981. С. 370–444.

[2] *Topolska M. B.* Stan wyznaniowej i językowej tożsamości Rusinów w Rzeczypospolitej Obojga Narodów (1569–1648) // Europa Środkowo-Wschodnia. Ideologia, historia a społeczeństwo. Księga poświęcona pamięci Profesora Wojciecha Peltza. Zielona Góra, 2005. S. 55.

Магнаты

шений способствовало не только полонизации шляхты, но и противопоставлению понятий «народ» и «люд», исходя из сословной принадлежности. Под «народом» подразумевался прежде всего политический народ – шляхта, которая соотносила себя именно с государством – «литвинский народ», «польский народ», не считаясь со значительным перевесом «простого люда», который часто принадлежал к другой конфессии, говорил на другом «простом» языке, имел свою архаичную крестьянскую культуру и менталитет. В результате ряда культурных и политических процессов, характерных для многонациональных государств, многие народности «утрачивали» свои высшие слои. Это можно видеть как на примере чешского, словацкого этносов, где произошла германизация шляхты и аристократии, так и белорусского и литовского этносов в ВКЛ.

Для населения более привычным было соотнесение себя с местом рождения, проживания, для шляхтича – местом нахождения имения. Вместе с тем необходимо помнить о преемственности ряда идей, в первую очередь принадлежности к «рускому» народу, история формирования которого берет начало в Киевской Руси, причем объединяющим фактором тут выступала православная церковь.

Таким образом, становление и развитие белорусской народности проходили в сложных общественно-политических условиях. По сравнению с этапом феодальной раздробленности ВКЛ представляло новый уровень политической, государственной и социально-экономической организации земель. Совместное противостояние народов ВКЛ татарским набегам, агрессии Тевтонского ордена, первостепенное значение восточнославянских земель в экономической, общественно-политической и культурной жизни Княжества имели позитивные результаты в этноконсолидационных и интеграционных процессах. Формирование белорусской народности проходило также под воздействием собственно этнических факторов. Важную роль здесь играло этногенетическое родство

восточнославянских (шире – и славянских) народов, исторические традиции. На протяжении веков на землях восточных славян сохранялись четкая языковая близость, единство вероисповедания (даже единая церковная митрополия), многие общие черты метаэтнического самосознания, развивались экономические и духовные связи.

5.5. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПЕРИОДА ВКЛ

На разломе христианского мира. Утверждения о религиозном мире, конфессиональной терпимости в Беларуси времен ВКЛ не всегда соответствуют реальности тех времен. В ВКЛ и правовые, и конфессиональные отношения имели два уровня – шляхетский и «людей простого стана». И если шляхта действительно была равной по правовому положению вне зависимости от вероисповедания, а конфессиональную принадлежность нередко использовала в своей политической деятельности или для решения личных, в основном имущественных интересов, то на уровне простых горожан и крестьян вопросы вероисповедания часто были своеобразными маркерами «свой» или «чужой».

К тому же, оценивая конфессиональную ситуацию в ВКЛ, исследователи исходят в основном из юридически-правовых или формально-юридических позиций, показывая не столько реальную ситуацию, а то, как все могло быть в соответствии с нормами права того времени, в соответствии с тем, что было зафиксировано на законодательном уровне. Однако, как свидетельствуют документы, продекларированное и даже письменно зафиксированное конфессиональное согласие не всегда реализовывалось на практике.

Беларусь исторически сложилась как полиэтническая (с преобладанием белорусского этноса) и поликонфессиональная страна. Были периоды, когда в качестве основной или ведущей конфессии здесь устанавливалось то православие, то католицизм, то протестантизм. Конфессиональная ситуация в Беларуси, как правило, отражала все проблемы социально-политической жизни.

Получилось так, что после разделения христианской церкви в 1054 г. на западную и восточную части Беларусь исторически оказалась в сфере влияния «византийской» версии христианства. Западнохристианские влияния проникали на территорию Беларуси через миссионеров, благодаря торговым и экономическим связям с западноевропейскими странами. Только в 1250-е гг. произошло первое назначение римско-католического епископа для части белорусских и литовских земель, когда великий князь Миндовг принял католическое крещение и королевскую корону. С этого времени на территории ВКЛ начали происходить тесные контакты представителей двух ветвей христианства как на официальном, так и на бытовом уровне.

Проникновение христианства на белорусские земли, однако, не означало, что сразу и автоматически большинство населения страны становилось его поклонниками. Язычество было распространено не только в Жемойти. Даже

Средневековая фреска из Церкви Сен-Пьер-ле-Жен в Страсбурге, где изображен путь 15 европейских наций к христианству. Литва идет последней

Поклонение жителей Литвы идолам. Olaus Magnus. «History of the Nordic Peoples» (from 1555)

в Полоцком княжестве, где была образована в 992 г. первая в Беларуси епархия, рядом с христианами жили язычники. Сохранились летописные свидетельства приверженности к последним знаменитого полоцкого князя Всеслава Брячиславича. О том, что сельское население могло еще долго исповедовать язычество и не знать христианства, свидетельствует незначительное количество храмов и монастырей, которые в то время находились в основном в городах[1].

Церковь как идеологический институт. Не секрет, что церковь в давние времена играла роль своеобразного идеологического института и выполняла функцию идеологической поддержки власти. Православная церковь вводилась в качестве государственной религии уже в Киевском княжестве. Такие же функции она исполняла в Полоцком, Туровском и других княжествах.

В процессе территориального роста и укрепления ВКЛ великокняжеская власть использовала и православную, и католическую церковь, оказывала им экономическую (в основном путем земельных пожалований) и правовую поддержку (полный суверенитет в финансовых и судебных отношениях). Первые великие князья ВКЛ пользовались соперничеством между православием и католицизмом в своих интересах. Кроме того, они стремились создавать самосто-

[1] *Філатава А.* Канфесійная гісторыя Беларусі (ад Вялікага княства Літоўскага да Рэспублікі Беларусь) // Гісторыя Беларусі ў еўрапейскім кантэксце: матэрыялы гіст. семінараў, якія адбыліся ў Мінскім міжнар. адук. цэнтры ў 2001 г. Мінск, 2002. С. 11.

Великий князь литовский Ольгерд

ятельные конфессиональные центры на территории своей страны и даже пытались опираться на язычество. Так, например, известно, что сыновья великого князя Кейстута, как и сыновья Ольгерда от Ульяны Тверской, при жизни родителей не были крещены. Поэтому некоторые историки считают, что Гедимин хотел придать язычеству государственное значение, о чем косвенно свидетельствует перенос столицы государства из Новогородка в Вильню, в центре которой находилось языческое капище[1]. Известно и то, что и Гедимин, и Ольгерд стремились к созданию независимой православной митрополии в ВКЛ. Свидетельством того, что первые великие князья литовские стремились использовать православную церковь в своих интересах, было и то, что они или их сыновья очень часто заключали браки с православными княжнами.

Четкой границы, которая бы отделяла «православные» и «католические» территории как в Беларуси, так и в ВКЛ, не было. В одних и тех же населенных пунктах располагались и православные, и католические общины вместе со своими культовыми сооружениями. Не всегда это соседство было мирным, но споры на конфессиональной почве в основном происходили между представителями правящих слоев общества. К тому же в восточной части государства, в так называемых руских волостях (главным образом в Поднепровье и Подвинье) преобладало население православного вероисповедания. А в центре и на западе, наоборот, католического.

Религия может способствовать консолидации нации, а может и расколоть ее. Такие примеры есть и в белорусской истории. Так, принятие Кревской унии 1385 г. и реализация ее основных положений резко изменили конфессиональную ситуацию в ВКЛ: великий князь Ягайло 20 февраля 1387 г. издал привилей с широкими правами только для феодалов католического вероисповедания[2], и началась политика государственной поддержки католицизма, игнорирования «русинов», которые составляли *большинство* населения ВКЛ.

Несомненно, что усиление в конце XIV – первой трети XV в. позиций католической церкви в ВКЛ было связано с централизаторской политикой великих князей Ягайло и Витовта. Оба князя стремились, не отказываясь от поддержки православной церкви, расширить свою социальную и идеологическую базу

[1] *Філатава А.* Канфесійная гісторыя Беларусі (ад Вялікага княства Літоўскага да Рэспублікі Беларусь). С. 12.

[2] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века. Минск, 1959. С. 101–102.

за счет католической церкви и католиков. Католические приходы создавались в это время там, где в основном проживало литовское население, в том числе и в литовских анклавах на белорусских территориях[1].

Православные феодалы выразили резкое недовольство политикой верховных властей из-за широкой поддержки католиков. В результате в борьбе против определенной религиозно-правовой дискриминации белорусско-украинских феодалов впервые в общественной жизни ВКЛ было сформировано сильное оппозиционное движение во главе с Витовтом, Андреем Полоцким, Свидригайло и др.[2] *Вполне вероятно, что как раз в это время у значительной части белорусского общества начало формироваться понимание своей православности и отсюда – белорусскости со стремлением защитить свои конфессиональные права.*

Обострение конфессионального противостояния. Конфессиональное противостояние переросло в вооруженное противоборство. Гражданская война 1432–1436 гг. носила характер открытого противостояния католиков и православных. Заметим, что борьба эта в основном касалась верхушки общества. Вместе с тем крестьянство, которое составляло более 90 % населения, еще стояло в стороне от этих событий. Однако постепенное вовлечение населения в межконфессиональную и политическую борьбу не вело к консолидации этноса. Итогом вооруженного противостояния стало разделение Княжества в 1432 г. на две части – Литву и Русь: «И Литва же посадиша великого князя Жигимонта Кесьтутевич на великое княжение на Вилни и на Троцех месяца сентября 1 день. И приде Швидригайло на Полотескь и на Смоленскь, и князи руськыи и бояре посадиша князя Швидригайло на великое княжение на Руское»[3].

Стремясь преодолеть раскол общества по конфессиональному признаку, король Владислав-Ягайло 15 октября 1432 г. издал привилей, по которому признавалось политическое равноправие православных и католиков. Несколько позже, 6 мая 1434 г., подобный привилей специально для ВКЛ издал великий князь Жигимонт Кейстутович[4]. Это был первый общегосударственный привилей, который провозглашал равноправие русинов и литвинов в ВКЛ. Православные наравне с католиками получили гарантии неприкосновенности своих земельных владений, свободу распоряжения землей и т. п. Свидригайло еще пытался использовать конфессиональную карту в своей борьбе и выступил с идеей церковной унии. Но после издания привилея 1434 г. количество его сторонников стало уменьшаться и он потерпел поражение[5]. Продуманная конфессиональная политика властей на определенное время установила в государстве спокойствие и порядок.

---

[1] *Ochmański J.* Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań: Druk. Uniw. im. A. Mickiewicza, 1972. S. 80–88.

[2] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). С. 18.

[3] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 57.

[4] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1. С. 119–121.

[5] *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 2001. С. 98–99.

Великий князь литовский Свидригайло

Печать великого князя литовского Жигимонта Кейстутовича 1437 г.

О том, что высшая власть ВКЛ стремилась сохранять религиозный баланс в стране, свидетельствует принцип «старины»[1], которого придерживались великие князья. Ученые считают, что этот принцип, как сохранение в неизменности ранее существовавших правил и порядков, был закреплен уже в законодательных актах XIV–XVI вв. и означал «ненарушение старины», установленной великими князьями Витовтом и Жигимонтом Кейстутевичем[2]. Примечательно, что великий князь Александр в Уставной грамоте киевским митрополитам от 5 февраля 1493 г. утверждал, что при нем все будет, «как и за первых митрополитов бывало: бо мы старины не рушаем, а новины не вводим»[3].

Конечно, в реальной жизни было не так все просто. Гражданская война 1432–1436 гг. не была последним примером противостояния в обществе на конфессиональной почве. Даже известный мятеж князя Михаила Глинского 1508 г. проходил под знаком необходимости защищать православие и православных.

Политика конфессиональной терпимости. В результате стремление руководства ВКЛ уйти от постоянного противостояния между различными конфессиональными группами, как и понимание того, что поддержка одной конфессии автоматически поставит представителей второй в оппозицию к властям, привело к тому, что уже с начала XVI в. в стране начала проводиться государственная

[1] «Старина» (традиции и обычаи, правила, которые сложились в политической, религиозной, социальной и хозяйственной деятельности, организации быта, общественной жизни на протяжении долгого периода времени и передавались от одного поколения к другому) и обычное право в XVI–XVIII вв. признавались государством и определяли многие положения политической, религиозной, социальной и экономической жизни.

[2] *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. С. 86

[3] АЗР. Т. 1. С. 175.

Акт Варшавской конфедерации 1573 г.

политика, основанная на равенстве феодалов ВКЛ независимо от их этнического происхождения или конфессиональной принадлежности.

В 1563 г. великий князь и король Жигимонт Август издал привилей, объявивший полное гражданское равенство католической, православной и протестантской шляхты ВКЛ. Даже несмотря на то, что после Люблинской унии 1569 г. объективно позиции православных должны были ухудшиться, ситуация сохранялась довольно стабильной, потому что православные магнаты вели борьбу за суверенитет ВКЛ и свои права. Более того, равенство прав всей шляхты «веры христианской» было оформлено законодательно. Основные положения о веротерпимости в отношении православных и протестантов были зафиксированы в принятом в 1573 г. акте Варшавской конфедерации о свободе вероисповедания[1]. Текст этого документа был включен в специальную статью Статута ВКЛ 1588 г. «О захованье в покою всих подданых наших, обывателей того паньства з стороны розного разуменья и уживанья набоженьства хрестияньского»[2].

Образованная в 1569 г. Речь Посполитая представляла в тогдашней Европе, которая была разделена религиозно и культурно, очень своеобразное государство. В пределах этого государства более-менее в равных пропорциях оказались территории, связанные и с западноевропейской, и восточноевропейской цивилизациями. «Не было другой такой страны в Европе, где существовало бы подобное состояние вещей. Граница между западно- и восточноевропейским культурным пространством проходила теперь не вдоль государственных границ, как это было в средневековье, а в пределах единого государства, западная часть которого традиционно имела культурную общность с латинской Европой

[1] Акт Варшавской конфедерация от 28 января 1573 г. был направлен на укрепление религиозной терпимости знати в Речи Посполитой. Среди подписавших его – подканцлер ВКЛ Евстафий Волович, витебский каштелян Павел Пац и др.

[2] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 112–114.

Миколай Радзивилл Черный

(уже с X в., а в случае Литвы – с XIV в.), а восточная часть – с византийской Европой, и также с X в. Это был фактор, который несомненно усложнял функционирование государства и был источником внутренних конфликтов, но одновременно был очень полезен для взаимного культурного сближения разделенной по этому признаку Европы»[1].

Реформация и протестантизм. Значительное влияние на формирование самосознания белорусов и вообще на государственное строительство оказали идеи Реформации и Возрождения. Реформация, как борьба за чистоту католической церкви, пришла в Беларусь в виде протестантизма, в основном в форме кальвинизма. Сторонники кальвинизма в ВКЛ выступали за богослужение на родном языке, за независимость Великого Княжества в противовес политике католиков на закрепление католицизма в ВКЛ и постепенную его инкорпорацию в состав Речи Посполитой.

Однако Реформация в Беларуси не смогла стать, как в некоторых странах Европы, общенациональным движением, а охватила только высшие слои общества – магнатов и часть горожан. Казалось, что протестантизм сможет стать объединяющей идеей хотя бы для элиты общества. Пример тому давала деятельность канцлера ВКЛ Миколая Радзивилла Черного, активного сторонника протестантизма. С помощью этой религии он стремился объединить общество, защитить страну от идеологического влияния Польского Королевства и Великого Княжества Московского. Первоначально такая политика имела определенный успех. Только в своих владениях он закрыл 187 костелов и открыл 134 кальвинистских сбора[2].

До 60-х годов XVI в. в кальвинизм перешла значительная часть белорусских православных магнатов. История дала белорусам очередной шанс создать конфессию, которая смогла бы объединить общество и стать независимой от конкурирующих религиозных центров соседних государств.

Однако попытка части феодалов установить в ВКЛ во второй половине XVI в. в качестве государственной религии протестантизм закончилась безуспешно. Сильный удар по протестантизму нанесла деятельность ордена иезуитов, которая носила открытого прокатолический характер[3]. Врагами католической церкви были объявлены и протестанты (диссиденты), и православные (схизматики).

[1] *Падраза А.* Гістарычныя перадумовы разьвіцьця культуры на землях колішняй Рэчы Паспалітай // Быць або ня быць сярэднеэўрапейцам. Сучаснае польскае мысьленьне. Менск, 2000. С. 320.

[2] Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Са старажытных часоў да канца XVII ст. Курс лекцый / І. П. Крэнь [і інш.]. Мінск, 2000. С. 400–401.

[3] *Косман М.* Кальвініcты ў культуры Вялікага княства Літоўскага. Адметныя элемэнты й чужыя ўплывы // Быць або ня быць сярэднеэўрапейцам. Сучаснае польскае мысьленьне. Менск, 2000. С. 235.

Бывший кальвинистский сбор. Сморгонь

Контрреформация, начавшаяся в ВКЛ в 70-е годы XVI в., стала частью общеевропейского процесса. Но в Беларуси не была создана собственная протестантская церковь. Вместе с тем православная знать, принявшая в свое время протестантизм, в ходе контрреформации перешла в лоно католической церкви.

Униатская церковь и государство. *Однако именно в это время обществу уже со стороны государства либо с его открытой поддержкой была предложена идея объединения (унии) католической и православной церкви на территории ВКЛ.* Вначале эта идея не вызвала активного сопротивления ни со стороны феодалов-католиков, ни со стороны феодалов-православных и в конце XVI в. была довольно популярной в обществе ВКЛ. В результате Брестской унии 1596 г. большинство православных епископов во главе с митрополитом Михаилом Рогозой перешли в униатство.

Но сам ход униатского и православного соборов в октябре 1596 г. в Бресте, поддержка униатов властями и стремление ввести унию принуждением, с помощью репрессий вызывали отрицательный эффект. Униатство во многом при помощи церковной агитации православных священников начало восприниматься как вероисповедание иностранного государства, скрытая форма католицизма. С. А. Подокшин отмечал: «Принудительное введение унии дестабилизировало не только религиозно-церковную, но и всю общественную жизнь народа. Оно как никогда раскололо общество на два лагеря – униатский и антиуниатский, породило невиданную до сих пор конфронтацию. Причем конфронтация на религиозно-конфессиональной основе рождала и стимулировала конфронтацию социально-классовую. Озлобление, которое вызывало в народе религиозное принуждение, доводило дело до эксцессов, чего раньше никогда не наблюдалось у православных законопослушных и рассудительных белорусов. Униатское насилие разрушало веками взлелеянное правовое поле ВКЛ, приучало людей на насилие отвечать насилием, а не правовым, законным способом решать спорные вопросы»[1]. Стало ясно, что после унии 1596 г. позиции православия только ухудшились.

[1] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). С. 79.

Мученическая смерть Иосафата Кунцевича. Худ. Й. Зимлер. 1861 г.

Форсированное введение унии было ошибкой правительства Речи Посполитой. «Правительство должно было выступить в качестве государственного посредника между униатами и православными, приложить все усилия для того, чтобы достигнуть определенного согласия. Но оно этого не сделало, и поэтому после официального введения унии началась гражданская конфронтация на грани гражданской войны. Развернулась острая, долгая, изнурительная борьба между сторонниками и противниками унии, которая шла по трем направлениям: в направлении конституционном, или правовом (на соймиках и соймах, а также путем обращений, супликаций, жалоб на имя короля, в судебные инстанции и т. д.); в направлении публицистично-полемическом, или идеологическом, и богословско-философском (униатские и антиуниатские полемические произведения, трактовка богословских, религиозно-философских, культурно-политических вопросов и т. п.); и, наконец, в направлении неконституционном, или противоправном (стихийные выступления, действия, которые нарушали существующее законодательство, бунты, погромы)»[1].

Так, в 1618 г. произошло выступление горожан в Могилеве против принудительного введения церковной унии[2]. В результате восстания 20 униатов были приговорены к смерти, а на город наложен штраф. В 1623 г. произошло антиуниатское восстание православного населения в Витебске, в подготовке которого принимали участие представители Могилева, Орши, Полоцка и Вильни. В ходе выступления был убит полоцкий греко-католический епископ Иосафат Кунцевич, который применял чрезвычайно жесткие методы при насаждении униатства. Восстание было подавлено властями, были задержаны и казнены 19 человек, еще 78 горожан сбежали и были приговорены к смерти заочно. Витебск был лишен магдебургского права[3].

Важной особенностью борьбы с католической экспансией в ВКЛ в это время был союз протестантов и православных. Высшим проявлением такой совместной борьбы стала Виленская конфедерация 1599 г., одним из инициаторов которой был К. К. Острожский. Подписали конфедерацию многие влиятельные

[1] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). С. 69.
[2] Магілёўскае паўстанне 1618 // Вялікае княства Літоўскае. Т. 2. С. 245.
[3] *Мялешка В.* Віцебскае паўстанне 1623 // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 452.

белорусские государственные и политические деятели[1].

Униатские проповедники делали все возможное для укрепления своего влияния в среде верующих. Этому способствовали государственная поддержка, широкое использование ими в богослужении православной обрядности и старобелорусского языка.

В результате такой государственной политики положение православной церкви в ВКЛ еще более ухудшилось, попытка провести в 1629 г. примирительный съезд православных и униатов успехом не увенчалась[2]. Сопротивление политике ущемления православной церкви привело к тому, что в 1633 г. великий князь и король Владислав IV заверил православных в религиозной свободе и объявил о создании православных епархий с центрами в Луцке, Львове, Перемышле и Могилеве[3].

Константин Константинович Острожский. Портрет XVIII в.

Кризис конфессиональных отношений второй половины XVII – XVIII в. Наибольшего напряжения межконфессиональная борьба достигла во время казацко-крестьянской войны 1648–1651 гг. и войны Российского государства с Речью Посполитой 1654–1667 гг.

В середине XVII в. коренным образом изменилось положение православной церкви в стране – от религиозной терпимости времен Владислава IV Вазы и Яна Казимира Вазы власти Речи Посполитой перешли к ограничению ее роли в жизни государства, ущемлению политических прав ее прихожан. Связано это было в первую очередь с тем, что православная церковь в ВКЛ находилась в оппозиции к властям Речи Посполитой и ее представители в критических ситуациях нередко выступали на стороне своих заграничных единоверцев или оказывали поддержку московским войскам. В 1650 г. великий князь и король Ян Казимир, чтобы привлечь на свою сторону православных, объявил о полной свободе вероисповедания и культа православной церкви. Но в 1686 г. Киевская митрополия была переведена из подчинения Константинополю под юрисдикцию Московского патриархата – православная церковь Речи Посполитой оказалась в подчинении Московского патриархата. После этого московские власти начали заявлять, что они имеют право вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой для защиты прав православных.

Вместе с тем то, что Киевская митрополия оказалась подчиненной Московскому патриархату, привело к укреплению позиции униатской церкви в обществе. Уния в это время виделась, как когда-то протестантизм, основой для создания независимой от Москвы конфессии. «Еще недавно обреченная на полное

[1] *Падокшын С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз). С. 70.

[2] Царква / Г. Я. Галенчанка [і інш.] // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 112.

[3] *Філатава А.* Канфесійная гісторыя Беларусі (ад Вялікага княства Літоўскага да Рэспублікі Беларусь). С. 15.

Король польский и великий князь литовский Владислав IV Ваза. Худ. П. П. Рубенс. 1624 г.

Король польский и великий князь литовский Ян Казимир Ваза. Худ. Д. Шульц. Около 1658 г.

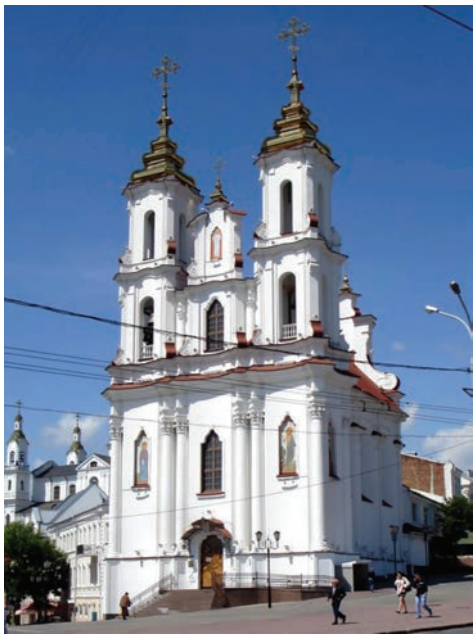
Бывшая униатская церковь. Боруны

уничтожение униатская церковь в последней трети XVII в. выросла количественно, усилилась внутренне и на границе XVII–XVIII вв., несмотря на сильное противодействие извне, стала самой массовой конфессией в Беларуси»[1].

В это же время отмечается массовый переход белорусской православной и протестантской шляхты в католичество для того, чтобы обеспечить политические и имущественные интересы своих родов, так как в 1673 г. сойм лишил православных права получать шляхетство, а в 1699 г. – занимать выборные магистратские должности. Политические права фактически становились пре-

[1] *Марозава С.* Дзейнасьць Уніяцкай Царквы па кансалідацыі беларускага народу. Берасце; Гродна, 2001. С. 12–13.

рогативой исключительно католиков. Однако только переходом в иное направление христианства дело не завершалось – вместе с принятием католичества шляхта принимала и активно пропагандируемые костелом польские культурные и языковые приоритеты, что неизбежно вело к усилению полонизации и упадку белорусской культуры. Соответственно, полностью польским становилось и образование, что не содействовало процессам политического оформления белорусской нации.



Бывшая униатская церковь. Витебск

Попытка властей Речи Посполитой и католической церкви в дальнейшем избежать диалога с некатолическими конфессиями, отказ на сойме 1766 г. предоставить равные права некатоликам нанесла огромный ущерб белорусской государственности, не способствовала объединению, а еще больше разъединяла белорусский этнос. Отказ от конфессионального равенства привел к созданию в 1767 г. Торуньской протестантской и Слуцкой православной конфедераций, которые начали искать поддержку за рубежом, что привело к вмешательству иностранных государств во внутренние дела страны, а потом и к разделам Речи Посполитой. В результате в 1768 г. сойм Речи Посполитой под давлением иностранных государств, в первую очередь России, вынужден был принять постановление о равенстве прав диссидентов (православных и протестантов) с правами католиков. Однако конфессиональный мир восстановить уже было невозможно. Реальная действительность не совпадала с законодательными постановлениями.

По подсчетам литовских исследователей, на 1791 г. количество униатов в ВКЛ составляла 39 % от общей численности населения, католиков – 38, православных – около 7, иудеев – 10, старообрядцев – около 4, мусульмане, протестанты и караимы составляли вместе около 2 %. Около 80 % сельского населения на территории Беларуси принадлежало униатской конфессии[1].

Таким образом, белорусы искусственно оказались разделены на католическую шляхту и «людей простых» – православных или униатов. Элита народа сделала выбор в пользу более развитой польской культуры и более мощного института католицизма. Простое население часто не могло даже определиться, кто они есть по вере, которая под влиянием тех или иных факторов часто менялась. Его представители часто называли себя просто местным населением – «тутэй-

[1] Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.). Мінск, 1998. С. 16.

шыми», исходя из понимания своего происхождения. Сама основа этнического самосознания и государственного самоопределения белорусов значительно пошатнулась.

Белорусская государственность стала развиваться в отличие от литовской и польской не на монокультурной и моноконфессиональной основе, а в условиях поликультурности и поликонфессиональности.

5.6. СОСЛОВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВКЛ В XVI–XVIII ВВ.

Социально-сословная структура. ВКЛ в XVI–XVIII вв. как развитое феодальное государство имело типичную для феодального общества сословную и социальную структуру, основанную в первую очередь на экономическом принципе – отношении тех или иных групп населения к основному средству производства – земле. Феодальная земельная собственность составляла основу экономики общества того времени и, естественно, что люди, которые владели землей, являлись основным правящим сословием этого общества. Те же, кто не были собственниками земли, находились в разной степени экономической, социальной и политической зависимости от первых.

Вместе с тем социально-сословное деление общества основывалось не только на владельческих отношениях к земле, но и на некоторых других, характерных для феодализма принципах: на возможности владеть и распоряжаться той или иной собственностью, наличием или отсутствием у человека личной свободы, на происхождении, определенных личных обязанностях (военная или придворная служба и т. п.) перед государством или монархом и т. д.

При феодализме общество обычно разделено на две основные части – привилегированную, господствующую, и непривилегированную, состоящую из экономически и (или) лично зависимого населения. Очень близким к такой стандартной формуле было деление общества в Великом Княжестве Литовском в XVI–XVIII вв. Так, по своему социальному и экономическому положению общество ВКЛ состояло из двух основных групп – представителей господствующего сословия, или *«людей шляхетского рода»,* и зависимых от них *«людей простого стана».*

Особенности социально-сословного положения, специфические права и обязанности определенных категорий населения, привилегии или ограничения для той или иной группы жителей ВКЛ обычно фиксировались в общегосударственных юридическо-правовых актах, в первую очередь в великокняжеских грамотах (1387, 1413, 1434, 1447, 1492 гг. и др.), Статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., областных и волостных грамотах, грамотах жителям городов на магдебургское право и др.[1]

Наиболее полно и точно социально-сословное деление общества было зафиксировано в Статуте ВКЛ 1588 г. В этом документе в специальных статьях

[1] *Юхо І. А.* Крыніцы беларуска-літоўскага права. С. 147–149, 151, 157–160.

были продекларированы права и обязанности разных социальных и сословных групп населения страны. В первой статье Статута ВКЛ 1588 г. было провозглашено равенство всех граждан перед законом: «Вси обыватели Великого князства Литовского тым одным правом писаным и от нас даным сужоны быти мають»[1]. В этой же статье была определена сословная структура государства: «Напрод мы, господар, обецуем и шлюбуем под тою ж присегою, которую учынили есмо всим обывателем всих земль паньства нашого Великого князства Литовского, иж всих княжат, панов рад, духовных и светских, панов хоруговных, шляхту, места и всих подданых наших и всих станов в том паньстве нашом Великом князстве Литовском и иных всих земль, здавна к тому паньству прислухаючых, почоншы от вышшого стану аж до нижшого, тыми одными правы и артыкулы, в том статуте нижей писаными и от нас даными, судити и справовати маем»[2].

Эта статья, по сути, являлась присягой великого князя жителям Великого Княжества Литовского. В ней были зафиксированы две основные сословные группы населения – высшее, или шляхетское, сословие и низшее – крестьянство и мещане.

Принцип сословного разделения общества означал в основном правовое и экономическое неравенство различных групп. *Сословие* – это социальная группа в феодальном обществе, правовое положение которой отличалось от положения других групп населения. Права и обязанности, привилегии или ограничения для лиц, принадлежавших к тому или иному сословию, определялись законом. Главной особенностью сословной принадлежности было то, что она приобреталась, как правило, по рождению и передавалась по наследству. Переход из низшего сословия в высшее был практически невозможен и мог осуществляться только в порядке исключения, по решению главы государства.

Положение представителей различных сословий в обществе отличалось также объемом их политических прав, характером исполняемых обязанностей и выполняемых повинностей. Так, основной обязанностью шляхты было участие в обороне страны и в военных действиях, проводимых правительством за пределами государства, за что она была освобождена от выплаты государственных налогов. На шляхту также возлагались некоторые специфические службы в отношении монарха.

Представители низших сословий должны были платить государственные налоги и исполнять различные, характерные именно для этих сословий обязанности и повинности.

Высшее сословие. Самым привилегированным сословием, которое сложилось с давних времен, была шляхта, которая не являлась единым целым, не была единообразной и однородной. *Шляхта была представлена в обществе отдельными категориями, принадлежность к которым определялась различными факторами – происхождением, размерами земельной собственности, количеством зависимых людей, государственной или духовной должностью и т. д.*[3] Большинство этих

[1] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 80.

[2] Там же.

[3] *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. С. 99–100.

Герб династии Ягеллонов

категорий были названы в Статуте ВКЛ 1588 г.: княжата, паны-рады, духовные и светские, паны хоругвные, шляхта[1].

Наиболее привилегированной частью шляхетского сословия являлась *аристократия ВКЛ* – в первую очередь феодалы, которые имели титул *князя*. Князьями или «княжатами» называли главным образом наследников древних княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей, а также потомков тех удельных князей, которые после вхождения в состав Великого Княжества Литовского смогли сохранить определенные элементы автономии своих княжеств. Например, такой статус в XV в. имели в ВКЛ полоцкие, смоленские, пронские, соломерецкие, вяземские и другие князья. Подобные привилегии получили при великом князе Витовте князья Четвертинские, Дольские, Гольшанские, Городецкие, Кобринские, Корецкие, Крошинские, Лукомские, Мстиславские, Несвижские, Ружанские, Сангушки, Слуцкие[2]. Кроме вышеупомянутых можно назвать еще несколько наиболее известных княжеских родов ВКЛ – Друцкие, Друцкие-Соколинские, Друцкие-Горские, Прихабские, Любецкие, Озерецкие, Острожские, Толочинские, Заславские, Одинцевичи, Свирские и др.

Положение различных княжеских семей в государстве (как и отдельных их представителей) не было одинаковым. Оно зависело как от происхождения того или иного рода (фамилии), так и от степени его экономического могущества, в первую очередь от количества земли и крестьян, которые ему принадлежали.

Наивысшим княжеским титулом в государстве обладал монарх – *великий князь*. Титул великого князя литовского Жигимонта Вазы, подписавшего Статут ВКЛ 1588 г., был определен в этом документе, как «король польский, великий князь литовский, руский, пруский, жемойтьский, мазовецкий, инфляньтский, тою ж божъю милостью назначоный король шведский, готский, вандальский и великое княже финляндское и иных»[3]. Великий князь именовался также *господарем* и имел широкий круг полномочий: вести международные дела, вступать в союзы, объявлять войну и заключать мир, командовать вооруженными силами государства, распоряжаться государственным имуществом, осуществлять высший суд и помилование осужденных и др. Ему принадлежала законодательная инициатива, все основные законы и правовые акты выдавались за его подписью. Роль великого князя возрастала еще и потому, что он являлся крупнейшим землевладельцем – ему принадлежали огромные земельные владения. Кроме того, он был верховным собственником всех земель в государстве.

Род великого князя занимал в стране центральное положение. Часть членов династии, обычно младшие сыновья и братья великого князя, постоянно нахо-

[1] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 80.

[2] *Вольф Ю.* Князі на абшарах Вялікага княства Літоўскага ад канца XIV ст. // Спадчына. 1992. № 4. С. 103.

[3] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 42.

дились при нем. Они, как правило, входили в состав великокняжеской рады, с помощью которой господарь осуществлял руководство страной. Лица, принадлежавшие к великокняжеской семье, имели, таким образом, определенные преимущества в сравнении с остальной аристократией ВКЛ.

Роль и место других княжеских родов в политической системе ВКЛ не были такими устойчивыми. Политическое и экономическое положение обладателей княжеского титула в ВКЛ постепенно снижалось по причине дробления многих древних княжеских родов и их земельной собственности. Количество лиц, носящих титул князя, тоже уменьшалось. Причиной было то, что получить княжеское звание в ВКЛ можно было только по рождению, а передавалось оно наследникам по мужской линии.

После заключения Кревской унии 1385 г. в ВКЛ заметно возросла роль великокняжеской рады в управлении государством. С введением практики занятия великими князями ВКЛ одновременно и трона Польского королевства частыми и длительными стали отъезды монарха в Польшу. Возникла угроза того, что, находясь в Польше, великий князь мог принять решение не в пользу Княжества. Поэтому установилось следующее правило: господарь, находясь вне ВКЛ, не имел права руководить государственными делами Княжества. Полномочия по руководству страной в этом случае переходили к великокняжеской раде. Если первоначально ее персональный состав определялся господарем по его собственному выбору, то с конца XIV в. постоянными членами рады стали крупные государственные урядники в соответствии своим должностям.

С середины XIV в. все большее влияние на государственную жизнь и на принимаемые великим князем решения начала оказывать не ежедневная (придворная) рада, состоявшая из родственников и приближенных монарха, а широкая («великая») рада, в которую входила как знать, так и государственные деятели ВКЛ[1].

Важным маркером борьбы за государственность ВКЛ в это время стало изменение содержания терминов «малая рада» и «великокняжеская рада». Так, после 1447 г., когда великий князь литовский Казимир стал королем Польши и уже не проживал постоянно в ВКЛ, малая рада ВКЛ превратилась в *совещательный орган наиболее влиятельных урядников государства.*

Изменилось название и глубинное содержание термина «великокняжеская рада». Из совещательного органа при великом князе она превратилась в *коллективный орган государственного управления – Раду Великого Княжества Литовского.*

Как отметил литовский исследователь Р. Петраускас, «Эта рада уже не была неотделимо связана с личностью господаря и могла собираться самостоятельно. Неслучайно, что именно в это время возникает понятие «рады Великого Княжества Литовского», которое сменяет понятие рады господаря"[2].

[1] Гл.: *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст. Склад – структура – улада. Смаленск, 2014. С. 61–62, 198–200.

[2] Там же. С. 63.

Именно в это время на первый план политической жизни ВКЛ выходят представители так называемой новой аристократии *(паны),* которые занимали важные должности в государственном аппарате (члены Рады ВКЛ, паны-рада) и имели своих вассалов. Вместе с тем паны, как правило, обладали значительной земельной собственностью, что тоже, вместе с исполнением государственной службы, радикально отличало их от иных представителей аристократии.

Возникновение такого политического института, как паны-рада, и категории государственно-политических деятелей – панов в рядах правящего сословия свидетельствовало о своеобразии и уникальности системы государственного управления, сложившейся в ВКЛ в XV – середине XVI в.

В 1492 г. был издан привилей великого князя литовского Александра, который значительно усилил полномочия рады как органа государственного управления: великий князь обязывался не отменять или изменять законы, постановления и судебные решения, принятые совместно с радой, вести внешнюю и внутреннюю политику только по соглашению с радой.

После Люблинской унии 1569 г. ситуация внутри правящего сословия изменилась – титулом «пан» в понимании «шляхтич» в ВКЛ, как и в Польше, стали называть всех землевладельцев, имевших зависимых крестьян[1]. В результате к середине XVI в. термин «пан» превратился из титула, который обозначал одну из высших категорий сословия феодалов в ВКЛ, в термин, характеризующий просто принадлежность личности к сословию шляхты.

Шляхтичи разнились между собой не только по политическому значению и роли в жизни государства, но и по имущественному положению. Некоторые представители шляхетского сословия имели значительные земельные владения и являлись магнатами: Радзивиллы, Сапеги, Вишневецкие, Пацы, Огинские и др. Значительным был слой средней и мелкой шляхты, представители которого обладали средними и небольшими имениями: Воловичи, Володковичи, Гарабурды, Горностаи, Ельские, Костюшки, Корсаки, Протасевичи, Еленские и др. Существовала и так называемая застенковая шляхта, владевшая небольшими участками земли («застенками»), иногда даже без подданных.

Сословие шляхты расширялось и через так называемое *военнослужилое* население, которое отличалось от аристократии, магнатов и родовитой шляхты происхождением, меньшими размерами земельной собственности и характером исполняемых обязанностей и службы. Первоначально представители военнослужилого населения в источниках определялись как *бояре*, позже за ними закрепились наименования *«шляхта»* и *«земяне».*

Таким образом, представители аристократии составляли высшую, но не самую многочисленную часть правящего сословия. Значительное место в политической и хозяйственной жизни ВКЛ было за представителями средней и мелкой шляхты, преобладающей среди сословия землевладельцев.

Вместе с тем внутри шляхетского сословия господствовал принцип равенства, в соответствии с которым каждый, даже самый бедный шляхтич номинально имел такие же политические и имущественные права, как и магнат.

[1] *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). С. 29–30.

В соответствии с этим принципом шляхта при обращении друг к другу и даже к великому князю литовскому вместо указания титула адресанта часто применяла оборот «пане-брате». Из-за этого в соседнем Московском государстве, где царило строгое единоначалие, родовая и сословная иерархия, в отношении сословной организации ВКЛ возник термин «панибратство».

К привилегированному сословию шляхты по своему социально-юридическому статусу относилось и высшее *духовенство.* В ВКЛ духовенство обычно не выделялось как социальная группа, которая резко отличалась от остальной шляхты, представителей руководящего сословия. Наличие в ВКЛ к XVI в. православной, католической, протестантской и униатской христианских конфессий, крупных иудейских и мусульманских общин отличало религиозную ситуацию в ВКЛ от европейских моноконфессиональных государств, в которых духовенство выступало как отдельное сословие общества[1]. Как отметил И. А. Юхо, «такое разделение вероисповеданий в XVI в. еще не давало возможности духовенству объединяться в единую сословную корпорацию и установить идеологическое засилие какого-нибудь одного вероисповедания»[2]. Вместе с тем в Статутах ВКЛ подчеркивалось определенное отличие духовных и светских феодалов.

Геополитическое положение ВКЛ требовало наличия относительно большой армии. Поэтому шляхта, основной повинностью которой была военная служба, составляла значительную часть населения – не менее 10 %[3].

Мещанство. Специфические экономические функции, которые выполняли жители белорусских городов, привели к выделению их в отдельное сословие – *мещане.* Первоначально этим термином обозначалось все лично свободное население городов Беларуси. В историографии утвердилось положение, что до введения магдебургского права жители городов, которые имели в городе или за его пределами земельные наделы, были обязаны, как и бояре, исполнять за это военную службу[4].

До середины XVI в. сельское и городское население Беларуси обычно составляло объединенную хозяйственную и налоговую единицу – волость (кроме городов с магдебургским правом). В это время торговля и ремесло еще не стали единственным или основным видом хозяйственной деятельности большинства

[1] *Голубеў В. Ф.* Эвалюцыя саслоўнай структуры грамадства // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2. С. 373–375.

[2] *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. С. 101.

[3] *Грыцкевіч А. П.* Беларуская шляхта // Спадчына. 1993. № 1. С. 13; *Его же.* Шляхта // Вялікае княства Літоўскае. Т. 1. С. 75; *Крукоўскі У.* Срэбная страла ў чырвоным полі: з гісторыі беларускае шляхоцкае геральдыкі // Спадчына. 1995. С. 162.

[4] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. С. 519, 527–528; *Его же.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 110; *Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 92; *Ochmański J.* W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiego Księstwa Litewskiego // Studia Historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Warszawa, 1958. S. 286.

Мещанин. Фрагмент карты. 1576 г.

жителей городов и местечек. В городе, как и в деревне, население занималось и сельским хозяйством, что гарантировало обеспечение горожан основными продуктами питания. Такое явление было характерным для городов и местечек ВКЛ и в более позднее время[1]. Только в XVI в. начался процесс активного выделения местечек и городов из волостной структуры, о чем свидетельствуют документы о спорах городских и сельских общин о землях и угодьях общего пользования, выполнении общегосударственных повинностей, выплате налогов и др.[2] Процесс социально-правового выделения горожан из общей массы населения общественно-территориальной организации – волости не был разовым действием: с разной степенью интенсивности мы можем наблюдать его практически на протяжении всей истории ВКЛ.

Термин «мещане», как считают исследователи, закрепился в Беларуси за жителями городов приблизительно с 1460-х гг. и обозначал особое сословие налогоплательщиков, которое включало в себя разные категории горожан – ремесленников, купцов-торговцев, служек, домовладельцев и др. Важно понимать, что понятия «мещанин» и «горожанин» не были тождественны. Горожанами считали всех, кто жил в городе, мещанами же только тех, кто имел специальные льготы и преимущества.

Важной особенностью статуса мещан была, как правило, их личная свобода, что само по себе создавало почву для более привилегированного положения мещан по сравнению с жителями сельской местности.

Наибольшая дифференциация в среде горожан наблюдалось по имущественному принципу. Верхушку городского населения составляло богатое купечество, ремесленные мастера, которые стояли во главе цехов, а также богатые домовладельцы и небольшая часть землевладельцев. Именно эта часть горожан вместе с членами основного органа городского самоуправления – магистрата держала в своих руках всю власть в городе. Немаловажным для формирования структуры богатой городской верхушки являлось пополнение числа горожан за счет мелкопоместного военнослужилого люда – бояр. Источники отмечают наличие

[1] *Ochmański J.* W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 279–294.

[2] *Голубеў В. Ф.* Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. Мінск, 2008. С. 70–73; *Łowmiański H.* Wchody miast litewskich // H. Łowmiański, M. Łowmiańska. Dwa doktoraty z Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. H. Łowmiański. Wchody miast litewskich; M. Łowmiańska. Wilno przed najazdem moskiewskim 1655 roku. Poznań, 2005. C. 36.

бояр в большинстве белорусских городов[1]. К городской верхушке принадлежала и знать, которая проживала в городах.

Средний слой горожан составляли в первую очередь ремесленные мастера, владельцы магазинов и рыночных лотков, рядовое духовенство, служащие городской и правительственной администрации. Сюда входили также подмастерья, ученики из числа полноправных горожан, являвшихся членами семей потомственных ремесленных мастеров. Общую численность среднего слоя горожан исследователи определяют в пределах 40–50 % от общего количества жителей[2].

На низшей ступени социально-имущественной лестницы в городах Беларуси находились «люзные», «гультяи» – все бедные или обедневшие мещане, которые составляли в среднем около трети общей численности городского населения.

Юридическое оформление мещанское сословие получило в Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. Статут 1588 г. в юридически-правовом отношении якобы даже приравнивал в правах мещан и шляхту: «А где бы теж мещанину нашому виленьскому в чом от шляхтича кривда деяласе, о то перед судом надлежащим водлуг сего же статуса земского мещанин право собе с шляхтичом доводити мает»[3]. Нормы Статута 1588 г. давали мещанам также право завещания имущества, судебного разбирательства по имущественным и уголовным делам и др. Мещане всех господарских городов были лично свободными людьми. Они могли менять свое место жительства и выезжать за границу, в некоторых случаях им гарантировалось право собственности даже на земские поместья. Но они не допускались на государственные должности и не имели своих представителей ни в раде, ни в сойме[4].

Таким образом, большая часть городского населения – мещанство, превратившись в городское сословие, имело ряд привилегий и гарантий в выполнении своих специфических обязанностей. Вместе с тем отчетливо видно, что внутри этого сословия не было ни имущественного, ни правового единства.

Крестьянство. В XVI–XVIII вв. самым многочисленным и, возможно, самым бесправным в Великом Княжестве Литовском было сословие крестьянства, представители которого являлись мелкими сельскохозяйственными производителями и вели индивидуальное хозяйство силами собственной семьи. Источники того времени называют таких сельских жителей по-разному: *людьми, мужами, мужиками, волощанами, подданными, хлопами* и др.[5] В зависимости от того, кому принадлежала земля, на которой вели свое хозяйство крестьяне, выделялись государственные (великокняжеские или господарские), частновладельческие и церковные крестьяне.

---

[1] *Копысский З. Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. Минск, 1975. С. 69.

[2] Там же. С. 71.

[3] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Раздз. III, арт. 35. С. 131.

[4] *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. С. 178.

[5] Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: сб. док. и материалов. Т. 1: Конец XIV в. – 1648 г. Минск, 1988. С. 24–35, 37–39, 41–55 и др.; БЭФ. Т. 1. С. 123, 131, 132–135, 138–140 и др.

Крестьянин и пан. Гравюра XVI в.

Крестьяне могли быть свободными, но большинство имели различную форму или степень личной зависимости от землевладельца. Известны следующие категории зависимого крестьянства: «люди похожие», или «вольные»; «люди непохожие», или «отчичи»; «челядь невольная» (рабы); «закупы»[1]. В XV–XVI вв., когда интенсивно шел процесс закрепощения, те крестьяне, которые формально еще сохраняли право на выход из имения одного феодала и переход в имение другого, назывались уже не просто «люди», а «люди похожие», или «люди вольные». Люди «непохожие» такого права на переход уже не имели[2]. Ограничение прав крестьянства на переход от одного землевладельца к другому свидетельствовало о завершении процесса законодательного оформления крепостного права.

Категории крестьянства отличались между собой экономическим положением, характером выполняемых повинностей и формой уплачиваемой ренты. Так, источники в некоторых случаях отмечают крестьян богатых, средних, бедных и очень бедных (убогих).

Первоначально основной обязанностью крестьян в отношении собственника земли была выплата различных видов дани, сначала натуральной (медовой, бобровой, куничной, дани житом, овсом, сеном и некоторых других), а потом денежной. Позднее выделились три основные категории крестьянства, различавшиеся между собой по основной форме выплаты феодальной ренты – тяглые, чиншевики и данники. Тяглыми крестьянами называли тех, основной повинностью которых была служба тяглая, или панщина. Особое распространение эта категория получила в начале – середине XVI в., во время становления фольварочно-барщинной системы хозяйствования. Другой категорией были чиншевые, или осадные, крестьяне, в повинностях которых преобладала денежная рента (чинш). Ренту данью (продуктами промыслов и сельского хозяйства) выплачивали крестьяне-данники, в XVI в. они были наиболее распространены в господарских Поднепровских и Подвинских волостях. Наименее обеспеченными землей являлись огородники, халупники и кутники[3].

В Великом Княжестве Литовском была распространена и такая категория крестьянства, как крестьяне-слуги. Они выполняли в пользу феодалов военные, ремесленные и другие службы. К крестьянам-слугам принадлежали: военно-

[1] *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). С. 85.

[2] Там же.

[3] *Голубеў В. Ф.* Эвалюцыя саслоўнай структуры грамадства // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2. С. 378–379; Гісторыя сялянства Беларусі: у 3 т. Т. 1: Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. Мінск, 1997. С. 59.

Сельскохозяйственные занятия. Рисунок из инвентаря XVIII в.

дворовые слуги, слуги-ремесленники (кузнецы, бондари, колесники, санники, гончары, мельники, пивовары, седельники и др.), а также осочники, бортники, бобровники, рыболовы, садоводы, стрельцы, ловчие и др. Крестьяне-слуги являлись привилегированной частью крестьянства. Согласно законодательству, наказание за убийство ремесленника было большим, чем за убийство простого крестьянина. Крестьяне-слуги обычно, как и сельские войты, получали свободный от повинностей земельный надел размером в 1 волоку[1].

Социальное положение и степень феодальной зависимости различных представителей крестьян-слуг были неодинаковы, одни из них считались крепостными, другие еще имели право перехода от одного помещика к другому.

Крестьянство в соответствии с законами ВКЛ было одной из самых незащищенных категорий населения. Основное ограничение их прав заключалось в отрицании возможности быть собственниками земли. От имени великого князя об этом однозначно заявлялось: «простого стану чоловек, не осегнувшы первей от нас, господара, вольности шляхетское, именей и грунтов шляхетских никоторим обычаем поседати, ани куплею своею на вечность одержати не можетъ»[2].

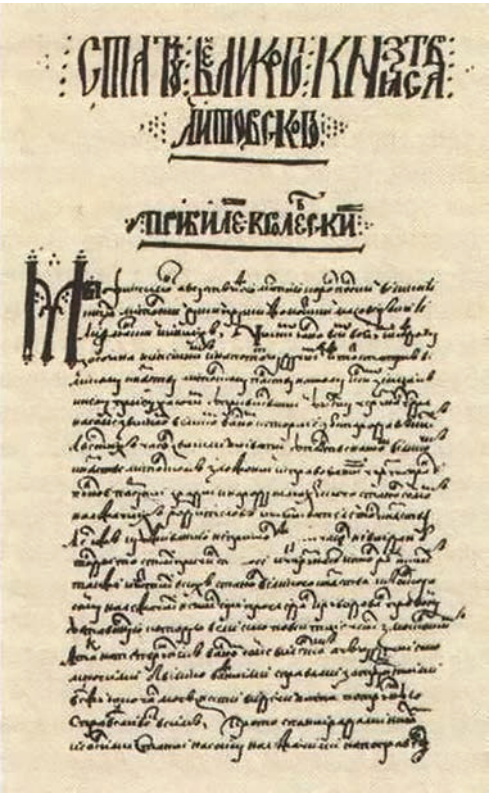
Таким образом, класс-сословие феодальнозависимого крестьянства сформировался к середине XVI в. как группа населения, принадлежащего к людям «простого стана», представители которой занималась сельскохозяйственной деятельностью, работая на чужой земле. Развитие фольварочно-барщинной системы хозяйствования, другие преобразования привели к ликвидации многих особенностей различных групп крестьянства, постепенно создавая единый конгломерат феодальнозависимых сельскохозяйственных работников.

Социально-экономический и культурно-политический кризис середины XVII – начала XVIII в. Необходимо отметить, что во второй половине XVII – начале XVIII в. в Беларуси произошли события, которые оказали значительное влияние не только на государственность, но и на роль белорусского этноса в политической, экономической и культурной жизни Речи Посполитой.

Указанный период по своим негативным последствиям был наиболее сложным и неблагоприятным за всю историю белорусского народа. Войны, привне-

[1] *Доўнар А. Б.* Сяляне-слугі Беларусі другой паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст. Мінск, 2007. С. 26–80.

[2] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. С. 123.



Страница Статута ВКЛ 1566 г.

сенные извне на белорусские земли, привели к огромным человеческим и материальным потерям, нарушили экономическую стабильность, отрицательно повлияли на социальное, этническое, конфессиональное и культурное развитие Беларуси.

Военные действия прошли двумя волнами – 1648–1667 гг. и 1700–1721 гг. Казацко-крестьянская война 1648–1651 гг.[1] началась с восстания в Украине под руководством гетмана Запорожского войска Богдана Хмельницкого. В результате этой войны количество населения на белорусских землях уменьшилось с 3700 тыс. человек в 1648 г. до 2876 тыс. в 1650 г.[2] Казаки выступали с идеей борьбы «за православную веру» против чужой шляхты-католиков. Возможно, в Украине эти призывы и имели право на существование. В Беларуси же в середине XVII в. не было открытого межконфессионального противостояния, как и не было причин считать шляхту ВКЛ польской.

Война 1648–1651 гг. предшествовала еще более разорительным и пагубным последствиям, которые получили в Речи Посполитой название «кровавого потопа». На территории Беларуси к «потопу» привела война, которую начал русский царь Алексей Михайлович с целью присоединения к Московскому государству белорусских и украинских земель. Война Московского государства с Речью Посполитой 1654–1667 гг. принесла огромные людские и экономические потери. Это затормозило хозяйственное и политическое развитие, поставило на грань выживания белорусский этнос. Количество населения Беларуси сократилось с 1650 по 1667 г. на 53 % и насчитывало в 1667 г. только 1352 тыс. человек[3].

[1] Так эта война обозначена в белорусской историографии. В украинской историографии война 1648–1651 гг. называется «восстанием Богдана Хмельницкого», «национально-освободительной войной под руководством Богдана Хмельницкого». На территории Беларуси вооруженные действия начались после вторжения сюда казацких отрядов, которые инспирировали выступления крестьян и горожан против шляхты и представителей власти. Богдан Хмельницкий планировал включить часть белорусских земель в состав своего «казацкого государства».

[2] *Карпачев А. М., Козловский П. Г.* Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII – XVIII в. С. 92.

[3] Там же.

К осени 1655 г. московское войско оккупировало практически всю территорию Беларуси: были захвачены Вильня, Минск, Новогрудок, Слоним, Лида и другие города. Возникла реальная угроза государственности ВКЛ. Стремясь ослабить русское и польское влияние, часть шляхты ВКЛ поддержала идею великого гетмана литовского Януша Радзивилла выйти из состава Речи Посполитой и вступить в конфедеративный союз со Швецией. Уже 20 октября 1655 г. в Кейданах было подписано соглашение об унии ВКЛ и Швеции. Радзивиллы планировали стать во главе союзного со Швецией Великого Княжества Литовского. Унию ВКЛ и Швеции подписали 1172 представителя шляхты и католического духовенства. Опасаясь того, что Швеция была протестантским государством, в акте унии специально подчеркивалось, что в союзном государстве будет гарантировано равноправие католической, униатской и православной церквей. *Таким образом, Кейданская уния стала попыткой представителей магнатских родов ВКЛ разных конфессий сохранить государственность ВКЛ в условиях противостояния с Московским государством.*

Однако большинство представителей шляхты ВКЛ не приняли идею унии со Швецией и сохранили верность союзу с Польским королевством. Оппозицию Радзивиллам возглавили Сапеги во главе со своим лидером витебским воеводой Павлом Сапегой. В ноябре 1656 г. было подписано перемирие с Москвой на два года, которое предусматривало приостановку войны и совместные действия Речи Посполитой и Московского государства против Швеции.

Годы перемирия царская военная администрация использовала для насильственного переселения белорусского населения в пределы Московского государства. Московские служилые люди, особенно помещики, силой вывозили крестьян и ремесленников из захваченных белорусских земель в свои поместья[1]. Только боярин Морозов, например, поселил в своих подмосковных селах свыше тысячи человек, вывезенных из Беларуси[2]. Главные людские потери были вызваны именно тем, что огромное количество жителей Беларуси оказались в московском плену или были вывезены в соседнее государство[3]. В результате захвата и вывоза ремесленников, крестьян, других работоспособных людей население Беларуси не только уменьшилось количественно, но и изменилось качественно. Лучшие белорусские специалисты-ремесленники, крестьяне, молодежь, вывезенные во время войны, оставались в пределах Московского государства и работали на его благополучие. Только в одной Мещанской слободе Москвы в 1670-е гг. было 477 дворов выходцев из Беларуси – 10 % от общего количества дворов посадского населения Москвы[4].

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 187.

[2] *Абецедарский Л. С.* Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей. Минск, 1957. С. 7.

[3] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 185–189; *Сагановіч Г.* Невядомая вайна: 1654–1667 гг. Мінск, 1995. С. 130–132, 139–140.

[4] *Абецедарский Л. С.* Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей. С. 26.

Наибольшие потери понесли города и деревни на востоке Беларуси. Так, в Могилевской экономии количество дымов сократилось на 76,1 %[1]. В Витебской экономии в 1667 г. было 74 %, а в Мстиславском воеводстве – около 70 % пустых крестьянских дымов[2]. Огромное количество пахотной земли из-за нехватки рабочих рук и тяглового скота не обрабатывалось.

Внешнеполитическое положение Великого Княжества Литовского в конце XVII в. уложнялось и тяжелыми внутренними проблемами. На сойме 1696 г. было принято постановление о юридическом равенстве шляхетского сословия ВКЛ и Короны Польской. Среди положений, которые уравнивали права шляхты Беларуси и Литвы с польской шляхтой, было и положение о языке. Оно предусматривало, что судебные декреты и иные документы в ВКЛ должны оформляться не на старобелорусском языке, как раньше, а на польском. Прямого запрещения употребления белорусского языка в 1696 г. не было, однако статус официального языка Великого Княжества Литовского он в связи с этим постановлением утрачивал. По большому счету, за повышение своего статуса до уровня польской шляхты шляхта ВКЛ заплатила переходом на язык западного партнера. *Таким образом, решение сойма 1696 г. усилило процессы полонизации шляхты ВКЛ, расширило польское политическое и культурное влияние в стране.*

Высказанная Радзивиллами идея разрыва унии с Короной Польской и укрепления независимости ВКЛ находила новых сторонников, несмотря на то, что продолжалось внутреннее противостояние в рядах политической элиты Княжества. Магнатские группировки соперничали между собой в борьбе за власть, стремясь выйти на первые позиции в государстве. Если в середине XVII в. в политической жизни ВКЛ первенствовал род Радзивиллов, то уже с 1680-х гг. началось возвышение Сапег. Представители рода Сапег заняли практически все важнейшие государственные должности в ВКЛ и во время «бескоролевья», наступившего после смерти великого князя литовского и короля польского Яна III Собеского (1629 – 17 июня 1696), начали проводить политику по укреплению самостоятельности ВКЛ с целью стать во главе независимого государства. Опираясь только на представителей своего рода, они вызвали противодействие остальной шляхты ВКЛ, которая образовала антисапеговскую конфедерацию во главе с Радзивиллами, Пацами, Огинскими, Вишневецкими и др. Противостояние Сапег с остальной шляхтой ВКЛ переросло в гражданскую войну 1696–1702 гг. Она получила название «домашней войны», поскольку конфликт не вылился за пределы ВКЛ.

Проиграв объединенной оппозиции 17 ноября 1700 г. в битве под Олькениками Сапеги стремились взять реванш и, как ранее Радзивиллы, искали поддержки в Швеции. Антисапеговская часть шляхты ВКЛ во главе с Огинскими и Вишневецкими в это же время рассчитывала на помощь России в их борьбе за политическое первенство в стране. Стремление шляхты ВКЛ найти союзников

[1] *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965. S. 169–172.

[2] *Мелешко В. И.* Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII – XVIII в.). С. 18, 19.

в своей политической борьбе вне пределов Княжества (в России и Швеции) вело к расширению иностранного влияния во внутренней политике страны. Это противостояние свидетельствовало о расколе в рядах политической элиты и, следовательно, об ослаблении государственности.

Примечательно, однако, что в любой, самой сложной ситуации политическая элита ВКЛ делала ставку на укрепление государственности Княжества. Идея не связанного унией с Польшей ВКЛ по крайней мере дважды выдвигалась на повестку дня в середине XVII – начале XVIII в.

Период мирного развития и хозяйственного возрождения после войн второй половины XVII в. был прерван Северной войной 1700–1721 гг.[1] По белорусским землям несколько раз прошли войска воюющих сторон. Белорусские города и деревни вновь оказались опустошенными и разрушенными. В начале XVIII в. положение еще более усугубила чума, которая унесла тысячи жизней. Пахотные земли снова приходили в запустение. Количество населения Беларуси уменьшилось с 2200 тыс. человек в 1700 г. до 1500 тыс. человек в. 1717 г., общие потери населения за годы Северной войны составили 31 %[2].

Северная война не принесла территориальных изменений для Речи Посполитой, однако в очередной раз отрицательно повлияла на состояние белорусского этноса. Еще полностью не оправившись от последствий войн середины – второй половины XVII ст., Беларусь снова утратила третью часть своего населения. Много пахотной земли не обрабатывалось – пустовало 40 % земли в Брестской экономии, почти 70 % – в Гродненской экономии[3] Подобная картина наблюдалась и в других регионах Беларуси.

Период второй половины XVII и начала XVIII в. для экономики, культурной жизни, самого существования белорусского этноса были не просто тяжелыми, а критическими, на грани исчезновения. «Потерянным столетием» называют современные исследователи этот период: когда в передовых странах Европы происходили процессы национально-государственного строительства, первоначального накопления капитала, то Беларусь, как и все Великое Княжество Литовское, была вынуждена дважды восстанавливать разрушенную войной экономику, возрождать население. Только к середине XVIII в. белорусы достигли того количества населения, которое было в стране еще в середине XVII в. Таким образом, белорусский этнос на протяжении столетия сражался, выживал, неся как значительные людские потери, так и потери в сферах развития культуры, политической жизни и т. д.

Известно, что основными центрами политической жизни, местами где вызревала национальная идея и определялись основные направления государственного развития, были города. Войны нанесли значительный удар и по экономике, и по составу населения белорусских городов. Так, к середине XVIII в.

[1] Северная война 1700–1721 гг. – война стран «Северного союза» (Россия, Дания, Саксония, Речь Посполитая) со Швецией за ликвидацию лидерства последней на Балтийском море и в Балтийском регионе.

[2] *Карпачев А. М., Козловский П. Г.* Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII – XVIII в. С. 92.

[3] Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. С. 125–126.

количество городского населения не смогло достигнуть уровня, который был в середине XVII в.[1]

Кроме того, важно отметить, что произошли значительные изменения в конфессиональном и этническом составе белорусских городов. Если до середины XVII в. в городах в основном жили православные, католики и униаты, а белорусский этнос составлял около 80 % от общего количества горожан, то к середине XVIII в. здесь значительно возросло количество еврейского населения.

Этот процесс начался после войны 1654–1667 гг., последствия которой негативно отразились и на торговых связях между городом и деревней. После введения государством системы льгот и «слобод», которыми могло воспользоваться только население христианского вероисповедания, горожане охотно переселялись туда, где были свободные дома и много опустевшей земли, за пользование которой они на протяжении от 5 до 15 лет освобождались от всех налогов и повинностей. В городах же в результате этих мер основной массой населения стали евреи, которые не имели права работать на земле и пользоваться названными льготами.

Таким образом, белорусский город с конца XVII в. по преобладанию населения становился все более еврейским, политическая элита была представлена в большинстве полонизированной и окатоличенной шляхтой, а белорусский народ начал отождествляться только с крестьянством, которое составляло большинство населения страны.

Несмотря на то, что ВКЛ смогло благодаря государственной политике восстановительного периода конца XVII в., направленной на возрождение потенциала крестьянского хозяйства (политика «слобод» и система льгот для крестьян), выйти из экономического кризиса, общая деструкция, вызванная последствиями войны 1654–1667 гг., кардинально изменила общественно-политическую жизнь в стране – социальную структуру и роль в жизни общества различных слоев населения, языково-культурную и конфессиональную ситуацию.

Войны и связанные с ними экономические проблемы во многом стали причиной внутриполитической децентрализации и все возрастающего вмешательства иностранных государств во внутреннюю жизнь Речи Посполитой. После Северной войны 1700–1721 гг. Россия, Австрия и Пруссия высказались против проведения в Речи Посполитой внутриполитических реформ, которые изменили бы существующие «демократические» порядки, и в первую очередь отменили бы правило «либерум вето». Монархи, стремящиеся в своих странах к неограниченной власти, приложили немало усилий, чтобы в Речи Посполитой сохранялась шляхетская анархия.

После перехода в 1686 г. Киевской митрополии, в состав которой входили и белорусские территории, под власть Московского патриархата усилилось вмешательство России и в церковные дела Речи Посполитой. Москва объясняла это тем, что стремится защищать права православных верующих. Опасение, что православные, занимающие высокие государственные должности в Речи

[1] *Пазднякоў В.* Горад // Вялікае княства Літоўскае. Т. 2. С. 545.

Посполитой, могут проводить здесь промосковскую политику привело к тому, что в 1673 г. сойм лишил православных права получать шляхетство, а в 1699 г. – занимать выборные магистратские должности.

Стала заметна тенденция перехода белорусской православной и протестантской шляхты, желавшей обеспечить имущественные интересы своих родов и (или) сделать политическую карьеру, в католичество. В результате с принятием католичества шляхта принимала и активно пропагандируемые костелом польские культурные и языковые приоритеты, что неизбежно вело к усилению полонизации и упадку белорусской культуры. Постепенно польским становилось и образование, что не содействовало появлению собственно белорусской интеллигенции и затормозило политическое оформление белорусской нации.

Таким образом, в отличие от литовской и польской белорусская государственность стала развиваться не на монокультурной и моноконфессиональной основе, а в условиях поликультурности и поликонфессиональности.

5.7. РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ. СТАТУТ ВКЛ 1588 г.

Предпосылки совершенствования правовой системы. Основу правовой системы[1] ВКЛ в XVI в. составили Статуты 1529, 1566 и 1588 г. По сравнению со Статутом 1529 г. Статуты 1566 и 1588 г. отличались более высоким уровнем теоретической разработки проблем правового регулирования, в том числе государственного строительства и управления. В 1551 г. была создана кодификационная комиссия, которая подготовила к 1564 г. проект нового Статута, частично введенного в действие в 1564 г. и полностью – в 1566 г.

На Виленском сейме 1565–1566 гг., однако, были приняты решения, которые радикально повлияли на дальнейшую правотворческую деятельность. В соответствии с ними предложения шляхты по внесению изменений в общегосударственное законодательство направлялись не в кодификационную комиссию, а в виде обращений (просьб) к монарху. Данные обращения готовились в процессе обсуждения законодательных инициатив поветовых соймиков в Посольском коле – нижней палате реформированного вального сейма. В случае, если монарх и радные паны признавали законодательные инициативы подлежащими удовлетворению, *обязанностью господарской канцелярии было облечь соответствующую просьбу в форму законодательного распоряжения.*

Необходимость внесения изменений в новый основной закон государства в виде «соймовых поправ» стала очевидной буквально сразу после утверждения Статута на Виленском сейме 1565–1566 гг., однако до 1568 г. внесение таких измене-

[1] Правовая система – совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих юридических средств, обеспечивающих правовое регулирование общественных отношений и выражающих качественное состояние правовой организации общества (*Вишневский А. Ф., Горбаток Н. А., Кучинский В. А.* Общая теория государства и права / под общ. ред. В. А. Кучинского. Минск, 2013. С. 210).

Виленский привилей великого князя литовского и короля польского Жигимонта Августа от 30 декабря 1565 г., учреждавший в ВКЛ институт передсоймовых соймиков. Главный архив древних актов в Варшаве. Собрание пергаментных документов. № 7772

Статут ВКЛ 1566 г. Курницкий список. Библиотека Польской академии наук в Курнике

ний было лишено системы[1]. Вместе с тем уже на Берестейском сойме 1566 г. были внесены поправки в третий раздел Статута ВКЛ 1566 г., которыми существенно изменялось положение о раздаче дворов и староств в держание иностранцам («чужеземцам» и «заграничникам»). Политическая элита и представители шляхетства согласилась с необходимостью привлечения на военную службу польских военных путем раздачи с согласия сойма «оселостей вечных и дочасных». Как компенсацию за это шляхта внесла изменения в VII раздел Статута ВКЛ 1566 г., которые предоставляли ей право свободного отчуждения недвижимого имущества[2].

[1] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 1. С. 185; *Подозерская Г. Ф.* Второй Литовский Статут (К истории его составления) // Исторические записки. 1945. Т. XVII. С. 73–74.

[2] *Подозерская Г. Ф.* Второй Литовский Статут (К истории его составления). С. 73–74; *Леонтович Ф. И.* Правоспособность литовско-русской шляхты // Журн. М-ва нар. просвещения. 1909. № 3. С. 80.

Репликация гравюры М. Тюндта, созданной в 1568 г. на основе рисунка Г. Адельгаузера 1567 г. «Действительное описание города Гродно в Литве» («Vera designatio urbis in Littavia Grodnae»)

Значительные изменения в Статут ВКЛ 1566 г. были внесены и на Гродненском сойме 1566–1567 гг. Так, 3 января 1567 г. шляхта просила монарха *«места ...врядником земским и поветовым, як мают заседати на соймиках... означимити и в Статут вписати»*[1].

В итоге была установлена очередность мест и порядок выступлений на соймиках, т. е. установлена соймиковая иерархия. Кроме того, впервые была определена продолжительность соймиковых заседаний в три дня. Указывалось, что шляхтич имел право присутствовать на соймике любого повета, в котором у него имелись имения, однако не мог опротестовать решения соймиков, на которых отсутствовал. Радные паны и поветовые урядники были обязаны присутствовать на соймике того повета, в котором занимали должности. Устанавливалась материальная ответственность должностных лиц за отсутствие на соймике без уважительной причины в виде штрафов в размере 5 коп грошей литовских для сенаторов и 2 коп для земских урядников[2].

На Городенском сойме 1568 г. лидеры поветовой шляхты поставили вопрос о введении материальной ответственности в размере 30 литовских грошей для тех шляхтичей, которые не прибыли на соймик. Однако монарх не поддержал эту идею, подтвердив тезис, что никто не мог протестовать против решения соймиков, на которых отсутствовал[3].

[1] *Максимейко Н. А.* Сеймы литовско-русского государства до Люблинской Унии 1569 г. С. 176.

[2] Документы Московского архива министерства юстиции. Т. 1. С. 449–451; РИБ. Т. 30. Стб. 368, 373–374, 408–409.

[3] Документы Московского архива министерства юстиции. Т. 1. С. 480, 482; РИБ. Т. 30. Стб. 476–477. Арт. 49. Стб. 481.

тужную валку шло, бо, што о[1] всихъ идеть, отъ всихъ тежъ становено и позволяно быти маеть. Про то мы, г[оспода]ръ, сею уѳалою соймовою, за зволеньемъ всихъ становъ опатруемъ и упевняемъ, ижъ тотъ такій теперешній вступъ альбо вдан[ь]е въ справу соймовую безъ всихъ становъ, сойму належачихъ, по томъ будучимъ соймомъ впередъ у пошлину и въ такій же способъ, звычаю ку уближенью и ку якой шкоде речи посполитое, ити и безъ [зъ]еханья всихъ становъ ничого становено и держано быти не маеть, лечъ,

Об. обачаючи и посте‖регаючи, абы засе за непослушностью ку зъеханью соймовому якое уближен[ь]е або шкода въ потребахъ речи посполитое Великого Князьства Литовского або въ частехъ ее не деяли ся и коли жъ кольвекъ не стали[2], тогды такъ же за зволен[ь]е[мъ] пановъ радъ ихъ милости и всихъ становъ, моцью сойму теперешнего уѳаляемъ и установляемъ: Хто бы [съ] пановъ радъ нашихъ обоего стану на съемъ таковый, перъво помененый, безъ причинъ слушныхъ не пріехалъ, а надалей третего дня по ономъ року и дню, сойму отъ насъ зложономъ, ку мъши о Светомъ Духу, которая того третего дня бывати маеть, на местъцо назначоное не прыбылъ и не становилъ ся и колько дней або неделъ по ономъ третемъ дню омешкалъ, толко зас[ь] дней або неделъ вотовати не маеть и, што ся безъ него и въ молчан[ь]ю его постановить и урадить, противъ тому быти и мовити вжо о то не будеть мочи; а хто бы ижъ з оныхъ сойму становъ належачихъ и везваныхъ и пословъ земъскихъ такъ же безъ слушныхъ причинъ на тотъ рокъ мененый къ сойму не пріехалъ, тогды черезъ весь съемъ вотовати не будеть, ани от[ъ]ездчати жаденъ съ тыхъ не маеть, ажъ по сойме постановеньемъ и уѳалою соймовою. При томъ на теперешнемъ же сойме уѳаляемъ и установляемъ, ижъ пропозыцыя, то естъ поданье отъ насъ, господара, и вотованье пановъ радъ на то маеть быти передъ нами, господаремъ, при всихъ станехъ, сойму належачихъ, обычаемъ або способомъ около того Коруны Полское, такъ же схожен[ь]е стану рыцерского до пановъ радъ з волею нашою господаръскою.

О соймикохъ поветовыхъ, абы нихто на соймики поветовые безъ причинъ слушныхъ пріежъдчати не омешкивалъ.

Уѳаляемъ вину таковую на кождую особу съ пановъ радъ неприбылыхъ пять копъ грошей, на врядниковъ земъскихъ и поветовыхъ две копе грошей. Веджe тымъ способомъ то ити маеть, же князь бискупъ, панъ воевода и панъ каштелянъ на соймикохъ мають бывати кождый у своемъ у воеводстве и на враде — Виленъскіе у Вильни, Троцъкіе у Трокахъ, и такъ же и иные вси врядники, кождый у своемъ вряде и повете; шляхтичу вольно ‖ быти ко- Л. 140
торого кол[ь]векъ похочеть и на которомъ кольвекъ соймику. А которій шляхтичъ въ часъ на соймикъ не пріедеть, тотъ противко тому, што ся на ономъ соймику безъ него постановить, мовити и перекажати не будеть мочи. А соймикъ далей стояти и справа на немъ ити не маеть, только три дни.

О розъсыланье листовъ сеймовыхъ.

Тежъ уставуемъ, ижъ листы наши

[1] Въ оригиналѣ: „от“. [2] Въ оригиналѣ: „стала“.

Постановление Гродненского сойма от 6 января 1567 г. Источник: Литовская метрика: отд. I–II: ч. III: Книга публичных дел / ред. И. И. Лаппо. Юрьев, 1914. Т. I. Стб. 407–408

Комиссия по внесению поправок в Статут. Желая получить окончательно согласованный текст Статута, великий князь и представители политической элиты ВКЛ на Городенском сойме 1568 г. согласились с просьбами создать специальную комиссию для внесения в него поправок[1]. В состав новой статутной комиссии Жигимонт Август включил четырех панов-рады и предоставил шляхетскому стану делегировать в комиссию ряд лиц, представлявших интересы всего шляхетства. Также монарх разрешил шляхтичам, имеющим «готовые артикулы статутовые водле уфал перших соймовых», предоставить их комиссии, которая должна была начать работу через месяц после роспуска сойма и закончить ее к съезду («всим станом перед соймом спольным с поляки при границах зложон и ознаимен будеть»)[2].

В состав комиссии 1568 г.[3], задачей которой была доработка и внесение изменений в текст Статута ВКЛ 1566 г., вошли виленский бискуп Валериан Протасович-Сушковский, берестейский воевода и волковысский державца пан Юрий Васильевич Тышкевич, жемойтский каштелян пан Мальхер Станиславович Шемет, берестейский каштелян, городенский конюший и трабский державца пан Ян Миколаевич Гайко.

И. И. Лаппо полагал, что принцип формирования этой комиссии уже предусматривал представительство всех земель-воеводств ВКЛ, что означало бы вхождение в состав комиссии кроме панов-рады еще 13 человек, представлявших шляхетские корпорации земель и воеводств ВКЛ. Однако автору удалось выявить более полный текст рецесса Гродненского сойма 1568 г.[4], из которого следует, что принцип формирования вышеупомянутой комиссии был иным, а сама комиссия 1568 г. насчитывала 10 человек. Кроме вышеупомянутых панов-рады в ее состав входили 6 представителей поветовой шляхты: ротмистр ВКЛ, господарский маршалок, кревский староста князь Лукаш Болеславович Свирский, господарский маршалок оникштенский державца князь Ян Болеславович Свирский, господарский маршалок, маршалок ошмянский Павел Каспарович Островицкий, подкоморий ошмянский, господарский маршалок, державца перевальский и немоноитский Ян Войтехович Палуский, трокский земский судья Эразм Довгирд и менский земский писарь Мартин Володкович.

Короткий срок, который был дан комиссии для выполнения возложенных на нее задач, свидетельствует о том, что и монарх, и шляхта рассчитывали не на полный пересмотр текста Статута ВКЛ 1566 г., а только на внесение в него некоторых изменений и дополнений.

В диариуше Люблинского сойма сообщалось, что 22 января 1569 г., всего через несколько недель после его открытия, сенаторы и коронные соймовые послы рассматривали новую редакцию текста Статут ВКЛ 1566 г. В результате

[1] РИБ. Т. 30. Стб. 466–468. Арт. 27; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 1. С. 186–187.

[2] *Подозерская Г. Ф.* Второй Литовский Статут (К истории его составления) С. 75; РИБ. Т. 30. Стб. 470, 510.

[3] Метрика ВКЛ 527. Л. 160; РИБ. Т. 30. Стб. 467; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 1. С. 187–188.

[4] Biblioteka Narodowa. Rkps. III 3075: Statut Litewski 1566 r. K. 72.

Виленский епископ (1556–1579) Валериан Протасович-Сушковский (ок. 1509 – 31.12.1579). Неизвестный художник XIX в.

Печать виленского епископа Валериана Протасовича-Сушковского на акте-договоре Люблинской унии

Юрий Тышкевич, граф на Логойске и Бердичеве, берестейский воевода в 1566–1576 гг.

коронные послы потребовали от политической элиты ВКЛ согласовать текст Статута ВКЛ с текстом польских законов, поручив 11 августа 1569 г. это дело новой комиссии[1]. В этой комиссии вдвое сократилось представительство панов-рады: остались виленский епископ Валериан Протасович-Сушковский и каштелян Жемойти Мальхер Шемет. Помощь панам-рады в соответствии с решением Люблинского сойма должен был оказывать виленский войт Августин Ротундус Мелеский, ранее являвшийся членом комиссии, разрабатывавшей проект Статута ВКЛ 1566 г. Впервые в состав статутной комиссии должны были войти депутаты от каждого воеводства и земли ВКЛ:

1) от Виленского воеводства – Миколай Миколаевич Монвид Дорогостайский, стольник ВКЛ, староста волковысский и лепельский;

2) от Трокского воеводства – князь Лукаш Болеславович Свирский, маршалок господарский Браславского повета, староста кревский (1568–1570);

3) от Жемойтской земли – Ян Стецкович;

4) от Новогородского воеводства – Бенедикт Юрага, господарский маршалок и дворный судья;

[1] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 254–255; *Подозерская Г. Ф.* Второй Литовский Статут (К истории его составления). С. 75; *Zakrzewski A. B.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo. S. 219.

5) от Полоцкого воеводства – князь Павел Юрьевич Друцкий-Соколинский, витебский подкоморий;

6) от Витебского воеводства – пан Ян Сколка;

7) от Берестейского (Брестского) воеводства – Кирдей Кричевский, хоружий и берестейский земский судья;

8) от Мстиславского воеводства – Богдан Селицкий, хоружий и земский судья;

9) от Менского воеводства – Мартин Володкович, менский земский писарь.

Таким образом, из состава комиссии 1568 г. в состав комиссии 1569 г. от шляхты вошли лишь Лукаш Свирский и Мартин Володкович. Для ведения делопроизводства комиссии в ее состав были делегированы виленский земский писарь и королевский секретарь Андрей Мацкович (Мацкевич) и ошмянский земский писарь Петр Станиславович Сакович Дровиницкий. Днем заседаний комиссии был определен День Святого Мартина (11.11.1569 г.), когда все члены комиссии были обязаны собраться в Вильне[1].

С этого времени кодификационные работы проводились в условиях *жесткой борьбы политической элиты ВКЛ с политиками Короны за сохранение основ государственности ВКЛ и суверенных прав Княжества* в уловиях реальной унии с Польшей.

Союзное соглашение государств оказало серьезное влияние на сближение систем законодательства Королевства Польского и ВКЛ, а также на утверждение принципа унификации систем права.

В источниках содержатся многочисленные подтверждения тому, что шляхта широко участвовала в обсуждении проблемы внесения поправок в Статут ВКЛ 1566 г. Так, в инструкции послам на сойм 1570 г. шляхта Виленского повета указывала, что «описаные в Статуте права и привилеи необходимо оставить в своей силе, ...а поскольку наши привилеи еще не все в Статут вписаны, просить короля его милость, чтобы были вписаны, а Статут – напечатать»[2].

Доработка Статута продвигалась медленно из-за внутренних разногласий между шляхтой и аристократией ВКЛ, а также из-за кардинальных расхождений во взглядах на генезис и природу унийного соглашения элит Княжества и Короны[3].

Необходимо отметить, что представители ВКЛ смогли отстоять свое исключительное право на изменение законодательства на переговорах с коронными представителями и французскими послами на элекционном сойме в мае 1573 г. 12 мая 1573 г. был выработан и подписан конституционный документ, который известен в истории как «*Генриковы артикулы*»[4]. В пункте 14 [16] этого докумен-

---

[1] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. 1, ч. 1. С. 192–202.

[2] *Lulewicz H.* Najstarsza znana instrukcja sejmikowa z Wielkiego Księstwa Litewskiego : sejmik wileński przed sejmem warszawskim 1570 roku // Studia historyczno-prawne : prace dedykowane prof. J. Seredyce w siedemdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej / red. J. Dorobisz, W. Kaczorowski. Opole, 2004. S. 179; *Zakrzewski A. B.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo. S. 219.

[3] AGAD. AR. Dz. V. №. 17959. Cz. II. K. 5–6: List oryginalny po polsku Ostafieja Wołłowicza do Mikołaja Radziwiłła «Rudego». Warszawa, 28 III 1571.

[4] *Płaza S.* Próby reform ustrojowych w czasie pierwszego bezkrólewia (1572–1574). Kraków, 1969. S. 106–113.

та говорилось, что «Паны, все Рады и Станы Великого Княжества Литовского... которые судятся по законам Литовским, тем же способом постановили, что до будущего сойма, созванного по случаю нашей коронации, законы свои исправят и обычай отправления правосудия между собой постановят и на всем том, на что большая часть тех, которые правом Литовским судятся, дадут свое согласие, мы во время нашей коронации присягнуть обязаны будем и на последующие времена также законы свои и суды исправлять им всегда будет вольно»[1].

После бегства Генриха Валуа во Францию главный государственный съезд ВКЛ, который прошел в Вильне в ноябре 1574 г., утвердил чрезвычайный закон под названием «*Порядок святой справедливости*», в котором содержалось положение о передаче дела внесения поправок в текст Статута ВКЛ 1566 г. в поветы под контроль земских и гродских судов[2]. Таким образом, основная работа по внесению изменений в Статут ВКЛ 1566 г. была выполнена благодаря не только специально созданной комиссии, но и активной законотворческой деятельности шляхетских съездов ВКЛ.

Новый великий князь литовский Стефан Баторий также неоднократно созывал соймики и главные съезды ВКЛ, на которых рассматривались вопросы «поправы» Статута[3]. Так, сразу после окончания Торуньского сойма 1576 г. в поветы были разосланы письма от имени великого князя, в которых на 20 января 1577 г. назначались посоймовые реляционные соймики «*для... потреб Речи Посполитое*», главной задачей которых было внесение поправок в текст Статута ВКЛ 1566 г.: «а тамъ же о поправу Статуту и около порадку справедливости яким обычаем доходити мають намовляти». Поскольку «в кождом повете однакое вырозуменье быти не можеть», на 3 марта 1577 г. созывался государственный съезд ВКЛ в Вильне, на который должны были съехаться по два представителя от каждого повета и воеводства[4]. Однако неизвестно, состоялся ли в действительности этот съезд.

Важные решения были приняты в январе–марте 1578 г. на Варшавском вальном сейме Речи Посполитой. Так, соймовое постановление (конституция) «*Суды ВКЛ*» подтверждала право ВКЛ на внесение изменений в Статут, утвержденное на Люблинском сейме 1569 г., и содержало решение о созыве с этой целью 23 мая 1578 г. соймиков в воеводствах, а также о созыве в день св. Михаила

[1] *Noailles E. H.* V. Henri de Valois et la Pologne en 1572. Paris, 1867. T. III. P. 442; Diariusz poselstwa polskiego do Francji po Henryka Walezego w 1573 r. / oprac. A. Przyboś i R. Żelewski. Wrocław, 1963. S. 139–141, 176–181; *Płaza S.* Próby reform ustrojowych w czasie pierwszego bezkrólewia (1572–1574). S. 184; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 138–140, 144; Orzelski, SRP. T. XXII. S. 128; *Makiłła D.* Artykuły Henrykowskie (1573–1576). Studium historyczno-prawne. Warszawa, 2012. S. 312–313.

[2] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 185, 339; Akta ziazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. I. S. 126.

[3] Volumina Constitutionum. T. II. Vol. 1. S. 358 (art. 14); Volumina Legum. T. II. F. 900–901. S. 152; *Sobociński W.* Pakta Konwenta. Studium z historii prawa polskiego. Kraków, 1939. S. 7; *Zakrzewski A.* B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w.: ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki. Warszawa, 2000. S. 24.

[4] Метрика ВКЛ 56. Л. 35–36об.; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. S. 299–300.

(29 сентября 1578 г.) главного государственного съезда ВКЛ в Новогородке[1]. Кроме того, паны-рады и послы Посольской избы от ВКЛ представили монарху согласованный пакет изменений и дополнений, вносимый ими в IV и XII разделы действующего Статута 1566 г. Там содержались нормы, которые регламентировали проведение судебных сессий земских и гродских судов и порядок вызова на них участников процессий и др. Все предложенные изменения были утверждены соймом в качестве норм Статута и были разосланы в воеводства и поветы ВКЛ[2].

На Варшавском вальном сейме, который заседал с 23 ноября 1579 г. по 4 января 1580 г. монарху были представлены и «некоторые артыкулы поправы Статуту». В результате Стефан Баторий издал 29 апреля 1580 г. привилей с обещанием утвердить «артыкулы поправы статуту» на ближайшем сейме. Монарх также обещал, что в случае необходимости дальнейшей «поправы» порядка отправления правосудия этим могут, как и ранее, заниматься соймики[3].

8 марта 1581 г., в последний день работы варшавского вального сойма, была принята конституция, еще раз подтверждавшая, что внесение изменений в текст Статута ВКЛ является внутренним делом Княжества при условии, что эти изменения не будет противоречить положениям Люблинской унии. На 10 апреля 1581 г. созывались поветовые соймики для выборов по одному депутату от каждого повета для участия в подготовке проекта очередной кодификации Статута ВКЛ. На 24 апреля 1581 г. созывался и сенаторский съезд в Вильне для определения депутатов из состава сенаторов, которые должны были включиться в совместную с представителями поветов кодификационную деятельность. По распоряжению короля работа комиссии должна была быть начата даже в случае отсутствия части депутатов в назначенный день.

В сентябре 1582 г. один из вариантов теста проекта нового Статута ВКЛ был представлен на рассмотрение Главного передсоймового соймика ВКЛ в Волко-

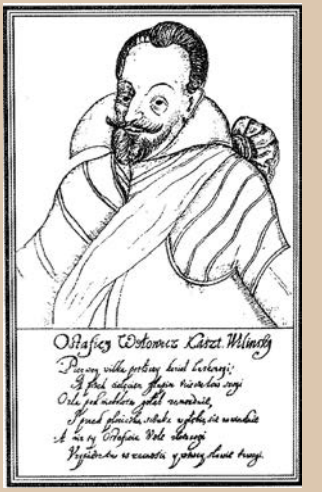
---

[1] Constitucie, Statuta y Przywileie na walnych Seymiech Koronnych od Roku Pański° 1550 áż do Roku 1581 uchwalone. Kraków, 1581. (Biblioteka Narodowa. Zakład Starych Druków. Sygn. XVI. F. 257 adl.); Volumina Legum. T. II. F. 969. S. 186; Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 411–412 (art. 30). Konstytucja sejmu walnego warszawskiego roku pańskiego 1578. Art. 30. «Księstwa Litewskiego sądy. A w Wielkim Księstwie Litewskim przy swych prawach według poprzysiężenia unii zostaną, poprawę statutu swego wedle konstytucyi w Lublinie w roku sześćdziesiątym dziewiątym uczynionej, i wedle poprzysiężenia Krola Iego Miłości Henryka i Naszego, wcale zachowuiąc. Iakoż ku poprawie tych spraw sądowych Wielkiego Księstwa Litewskiego i sejmiki w woiewodztwach Księstwa Litewskiego naznaczamy w tym roku 1578, miesiąca Maia 23 dnia. A z tych sejmikow większy ziazd maią mieć stany Wielkiego Księstwa Litewskiego dla tejże poprawy statutu praw ich, w Nowogrodku na pewny czas na dzień świętego Michała w tymże roku teraźniejszym [29 IX 1578], a stąd maią tę poprawę przynieść na sejm koronny pierwszy, ku konfirmycyi Naszej».

[2] Volumina Constitutionum. T. II. Vol. 1. S. 412 (art. 32); Статут Великого княжества Литовского 1566 г. [и поправы статутовые 1578 г.] // Временник Москов. о-ва истории и древностей российских. М., 1855. Кн. 23. С. 210–212; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 1. С. 367–368, 388–391.

[3] AGAD. Dz. I. Dokumenty pergaminowe. №. 7875; Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa. T. 2. S. 65–67.

Миколай Радзивилл Рыжий. Гравюра Гирши Лейбовича по рисунку Мартина Франтишка Вобе



Остафий Богданович Волович. Рисунок

Стефан Баторий [Иштван Батори], король польский и великий князь литовский (1575–1586). Гравюра 1584 г.

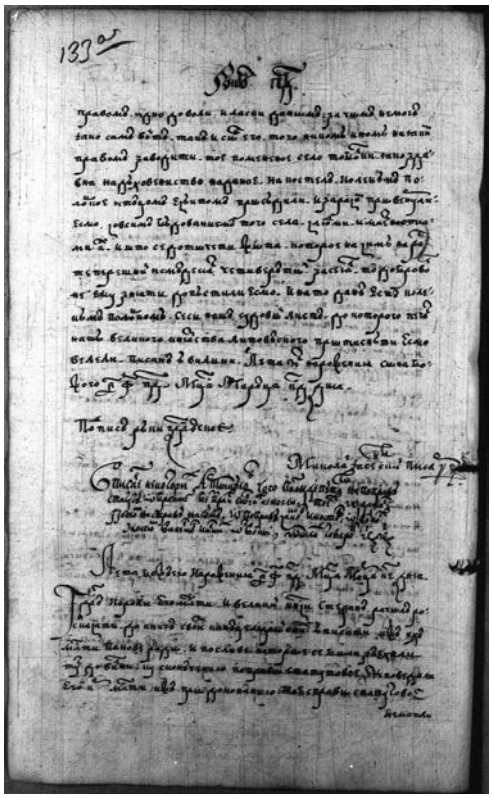
выске. Как отмечалось в источнике, паны-рады ВКЛ собрались в Волковыске в первую очередь с целью «корректуры и редактирования новой “поправы статутовой”, а также для обсуждения иных справ земских»[1].

Предложение представителей Княжества о пакетном принятии проекта Статута столкнулось с сопротивлением коронной части Посольской избы вального сойма. 29 и 30 октября 1582 г. польские соймовые послы потребовали детального рассмотрения изменений, вносимых в Статут ВКЛ на заседаниях Посольской избы. Одной из причин такого пристального внимания к проекту кодификации стало нарушение прав духовного стана ВКЛ. Нельзя исключить и опасений польской стороны, что работа над новым Статутом ВКЛ шла не в направлении унификации права двух субъектов федерации Речи Посполитой, чего требовал Люблинский акт 1569 г., а по пути обособления правовой системы ВКЛ. Со своей стороны литвины и русины ВКЛ продолжали считать кодификацию права ВКЛ своим внутренним делом и ссылались при этом на “Генриковы артикулы” и соймовые конституции. В результате вся основная работа над проектом Статута ВКЛ происходила на

[1] Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego T. II. S. 71–72; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 345–346.

соймиках и главных съездах ВКЛ, а сойму Речи Посполитой оставалась только задача утверждения подготовленного проекта Статута.

Завершение работы над Статутом и введение его в действие. В целях завершения корректуры, а также для достижения взаимопонимания между светскими и духовными сенаторами римо-католического вероисповедания великий князь литовский Стефан Баторий созвал в конце лета 1583 г. очередной государственный съезд Великого Княжества Литовского в Вильне. Начало съезда было запланировано на 20 октября 1583 г., но состоялся он позднее, после 23 января 1584 г., по причине опасения из-за возможного военного конфликта с Турцией. На заседании Главного съезда ВКЛ, который продолжался 2 месяца и завершился 25 марта 1584 г., проект Третьего Статута ВКЛ был детально рассмотрен и позднее лишь незначительно дорабатывался на Генеральном соймике в Волковыске в декабре 1584 г. и на элекционном сейме 1587 г.[1]



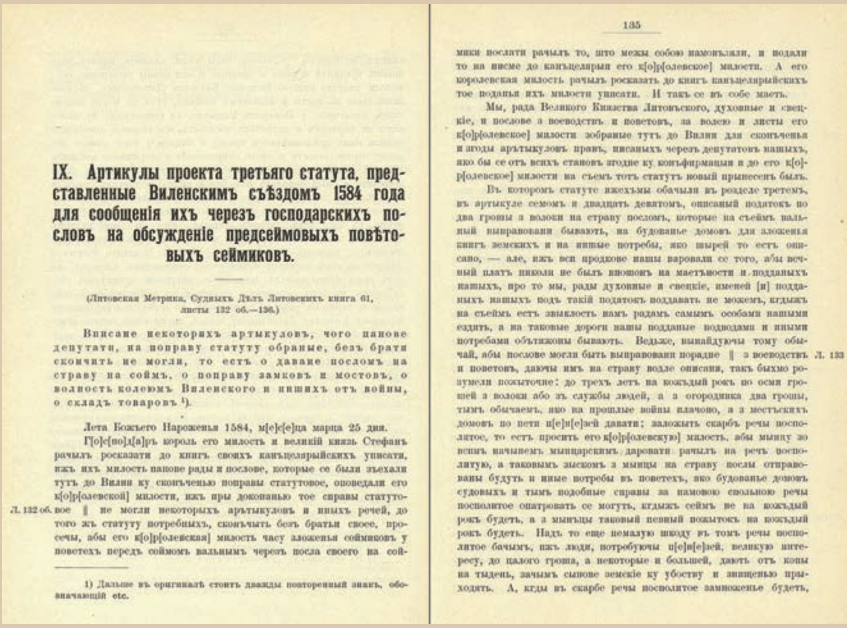
Постановление Главного государственного съезда ВКЛ, который заседал в Вильне в январе-марте 1584 г., содержащее статьи проекта третьего Статута ВКЛ. 25 марта 1584 г. Официальная копия. Российский государственный архив древних актов в Москве. Ф. 389: Литовская метрика. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 133об.

Сущностные аспекты ряда обсужденных на съезде проблем нашли свое отражение в акте постановления Виленского съезда от 24 марта 1584 г., который содержит статьи проекта Статута, потребовавшие дополнительного обсуждения на поветовых соймиках[2]. Так, например, предлагалось установить постоянный налог на содержание соймовых послов в размере 2 грошей с волоки[3]. Однако активное сопротивление установлению постоянного налога со стороны значительной части сенаторов, присутствовавших на съезде, не позволило провести данный законопроект. В итоге на съезде соймикам было предложено

[1] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 347–351.

[2] *Лаппо И. И.* Великое Княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик. Приложение. С. 134–139; Akta zjazdow stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. II. S. 74–75.

[3] Akta zjazdow stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. II. S. 74.



IX. Артикулы проекта третьяго статута, представленные Виленскимъ съѣздомъ 1584 года для сообщенія ихъ черезъ господарскихъ пословъ на обсужденіе предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

(Литовская Метрика, Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ книга 61, листы 132 об.—136.)

Вписане некоторихъ артыкуловъ, чого панове депутати, на поправу статуту обраные, безъ брати скончить не могли, то есть о даване посломъ на страву на соймъ, о поправу замковъ и мостовъ, о волность колеюмъ Виленского и иншихъ отъ войны, о складъ товаровъ [1]).

Лета Божъего Нароженья 1584, м[е]с[е]ца марца 25 дня.

Г[о]с[по]д[а]ръ король его милость и великій князь Стефанъ рачылъ росказати до книгъ своихъ канъцелярыйскихъ уписати, ижъ ихъ милость панове рады и послове, которые се были зъехали тутъ до Вилни ку скончъенью поправы статутовое, оповедали его к[о]р[олевской] милости, ижъ пры доконанью тое справы статуто-
Л. 132 об. вое ‖ не могли некоторыхъ артыкуловъ и иныхъ речей, до того жъ статуту потребныхъ, скончъыть безъ братьи своее, просечы, абы его к[о]р[олевская] милость часу зложенья соймиковъ у поветехъ передъ соймомъ вальнымъ черезъ посла своего на сой-

1) Дальше въ оригиналѣ стоитъ дважды повторенный знакъ, обозначающій etc.

135

мики послати рачылъ то, што межы собою намовълали, и подали то на писме до канъцелярыи его к[о]р[олевское] милости. А его королевская милость рачылъ росказать до книгъ канъцелярыйскихъ тое поданья ихъ милости уписати. И такъ се въ собе маеть.

Мы, рада Великого Князства Литовъского, духовные и свецкіе, и послове з воеводствъ и поветовъ, за волею и листы его к[о]р[олевское] милости зобраные тутъ до Вилни для скончъенья и згоды артыкуловъ правъ, писаныхъ черезъ депутатовъ нашыхъ, яко бы се отъ всихъ становъ згодне ку конъфирмацыи и до его к[о]р[олевское] милости на соймъ тотъ статутъ новый прынесенъ былъ.

Въ которомъ статуте ижехъмы обачыли въ розделе третемъ, въ артыкуле семомъ и двадцать девятомъ, описаный податокъ по два грошы з волоки на страву посломъ, которые на соймъ вальный выправовани бываютъ, на будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ и на иншые потребы, яко шырей то есть описано, — але, ижъ вси продкове нашы варовали се того, абы вечный платъ николи не былъ вношонъ на маетъности и подданыхъ нашыхъ, про то мы, рады духовные и свецкіе, именей [и] подданыхъ нашыхъ подъ такій податокъ поддавать не можемъ, кгдыжъ на соймъ есть звыклость намъ радамъ самымъ особами нашыми ездить, а на таковые дороги нашы подданые подводами и иными потребами обътяжоны бываютъ. Ведъже, вынайдуючы тому обычай, абы послове могли быть выправовани порадне ‖ з воеводствъ Л. 133
и поветовъ, даючы имъ на страву водле описания, такъ быхмо розумели пожыточне: до трехъ летъ на кожъдый рокъ по осми грошей з волоки або зъ службы людей, а з огородника два грошы, тымъ обычаемъ, яко на прошлые войны плачоно, а з местъскихъ домовъ по пети п[е]н[е]зей давати; заложыть скарбъ речы посполитое, то есть просить его к[о]р[олевскую] милость, абы мынцу зо всимъ начыньемъ мынцарскимъ даровати рачылъ на речъ посполитую, а таковымъ зыскомъ з мынцы на страву послы отправованы будутъ и иные потребы въ поветехъ, яко будованье домовъ судовыхъ и тымъ подобные справы за намовою спольною речы посполитое опатровать се могутъ, кгдыжъ сеймъ не на кожъдый рокъ будетъ, а з мынъцы таковый певный пожытокъ на кожъдый рокъ будетъ. Надъ то еще немалую шкоду въ томъ речы посполитое бачымъ, ижъ люди, потребуючы п[е]н[е]зей, великую интересу, до цалого грошa, а некоторые и большей, даютъ отъ копы на тыдень, зачымъ сынове земскіе ку убоству и знищенью прыходятъ. А, кгды въ скарбе речы посполитое замноженье будетъ,

Постановление Главного государственного съезда ВКЛ, который заседал в Вильне в январе-марте 1584 г., содержащее статьи проекта третьего Статута ВКЛ. 25 марта 1584 г. Источник: Лаппо И. И. Великое Княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911. Приложение. С. 134–135

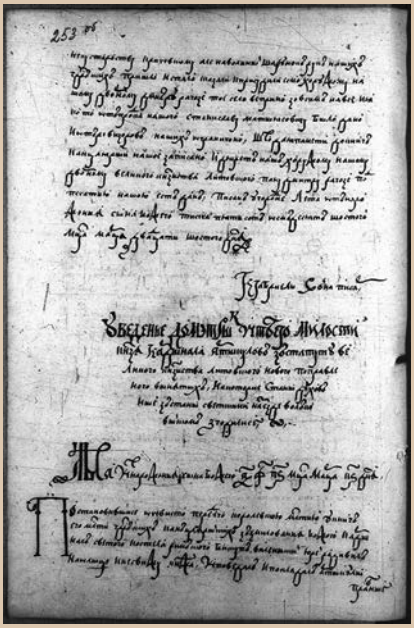
установить налог на 3 года в размере 8 грошей с волоки либо службы, 2 гроша с огородника и 5 пенязей с каждого городского дома ежегодно на основание монетного двора, доходы от которого планировалось направить на финансирование посольской деятельности[1]. К сожалению, договориться относительно данного законопроекта Статута ВКЛ монарху, сенаторам и лидерам шляхетства на этот раз не удалось.

Стефан Баторий 25 марта 1584 г. выдал универсал, в котором обещал утвердить текст Статута на ближайшем по времени вальном сойме. Доработанный проект Статута ВКЛ был рассмотрен на Главном соймике Княжества в Волковыске 17–24 декабря 1584 г., где были урегулированы практически все спорные вопросы между духовными и светскими сенаторами и иными представителями политической элиты[2].

За два дня до окончания очередного сойма Речи Посполитой, 26 февраля 1585 г., земские послы ВКЛ, выступив отдельно от польских послов, передали Стефану Баторию и Сенату «свой Статут, о котором, чтобы был утвержден, про-

[1] *Лаппо И. И.* Великое Княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик. С. 446. Приложение. С. 135–137; Akta zjazdow stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. II. S. 74–75.

[2] АЗР. Т. 3. СПБ., 1861. С. 304–309; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 350–351.



Юрий Радзивилл (1556–1600), епископ виленский (1581–1591), епископ краковский (1591–1600), кардинал Римско-католической церкви (с 14.12.1583 г.). Портрет. Холст, масло, 95×87 см. Конец XVI в.

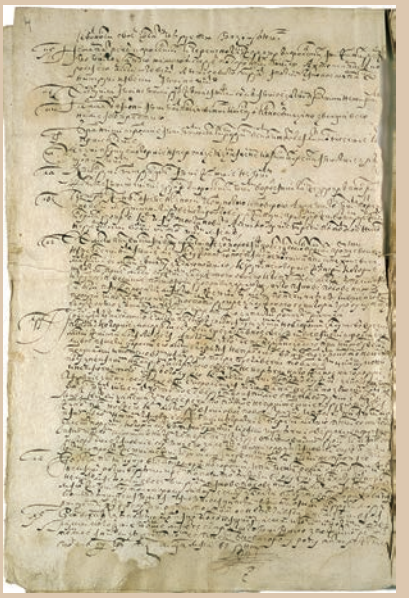
Постановление Главного соймика ВКЛ, который заседал в Волковыске 17–21 декабря 1584 г., содержащее статьи проекта третьего Статута ВКЛ, согласованные при участии духовных и светских станов. 21 декабря 1584 г. Официальная копия. Российский государственный архив древних актов в Москве. Ф. 389: Литовская метрика. Оп. 1. Ед. хр. 279. Л. 253об.

сили»[1]. Таким образом, представители ВКЛ, ссылаясь на норму «Генриковых артикулов», попробовали получить санкцию на введение его в действие без совместного обсуждения проекта с представителями «коронной» части Посольской избы вального сойма. Позиция коронной оппозиции, возмущенной планами монарха начать новую войну с Великим Княжеством Московским, а также нежелание литвинов и русинов уступать права на Инфлянты привели к тому, что сойм не принял никаких решений. Утверждение Статута было перенесено на следующий сойм, который должен был состояться в январе 1587 г. Таким образом, на момент смерти Стефана Батория в декабре 1586 г. политическая элита ВКЛ имела готовый проект нового Статута ВКЛ и в весьма благоприятных для себя обстоятельствах к концу коронационного сойма Жигимонта Вазы реализовала задачу его утверждения.

На изменении некоторых норм Статута шляхта отдельных поветов ВКЛ настаивала и после согласования проекта. Так, в инструкции послам на элекцион-

[1] Dyaryusze sejmowe roku 1585. W dodatkach: Ułamki dyaryusza sejmowego roku 1582, akta sejmikowe i inne akta odnoszące się do sejmu 1585 r. S. 267; *Подолинский В. А.* Великое Княжество Литовское в системе представительных органов власти Речи Посполитой: обособленные формы парламентской деятельности в последней трети XVI в. // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. ст. / Ин-т парламентаризма и предпринимательства; под ред. В. А. Божанова. Минск, 2006. С. 55.

Жигимонт Ваза, король польский (1587–1632), великий князь литовский (1588–1632). Худ. М. Кобер. 1591 г.



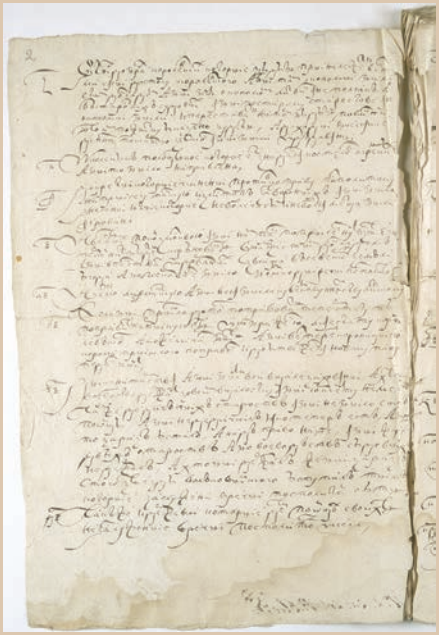
Соймиковая инструкция Новогородского повета послам на элекционный сойм 1587 г. Новогородок, 12 мая 1587 г. Оригинал. Главный архив древних актов в Варшаве. Ф. 354: Архив Радзивиллов. Отд. II. № 187. С. 1

ный сойм 1587 г. шляхты Новогородского повета говорилось: «Если бы прышло до того поправовать тепер Статуту – поправить артыкулов о ображеню маестату королевского. А може ли час быть, абы вес перед коронацыею короля прышлого поправен и до утверженя новому пану подан был»[1]. Вполне возможно, что данный пункт соймиковой инструкции был внесен по инициативе великого писаря ВКЛ Андрея Ивановича Харитоновича Обринского[2]. В последний день заседания волковысского главного соймика ВКЛ, сессии которого прошли с 8 по 15 июня 1587 г.[3], было принято решение о необходимости внесения окончательных поправок в подготовленный и утвержденный в 1584 г. проект Статута ВКЛ на элекционном сойме 1587 г.: «А што се дотычет ревидованя Статуту и поправы Трибуналу, то есмо отложили тамже под Варшаву на элекъцею ку ревидованю и поправе, яко справы властные одному народу нашому литовскому и рускому

[1] *Радаман А.* Інструкцыя Новагародскага сейміка паслам на элекцыйны сейм 1587 г. С. 166.

[2] *Радаман А.* Род Харытановічаў Вобрынскіх (Абрынскіх) уласнага герба «Харытон» у Новагародскім павеце ў другой палове XVI ст. // Карэліччына: людзі, падзеі, час: зб. навук. арт. / НАН Беларусі; Ін-т гісторыі; уклад. А. А. Скеп'ян, В. А. Максімовіч, А. Б. Доўнар; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2012. С. 55–59, уклейка.

[3] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 373; *Czwołek A.* Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. S. 59.



Соймиковая инструкция Новогородского повета послам на элекционный сойм 1587 г. Новогородок, 12 мая 1587 г. Оригинал. Главный архив древних актов в Варшаве. Ф. 354: Архив Радзивиллов. Отд. II. № 187. С. 2, 5

належачие, иж бы то все поправившы ку попрысеженю пану прышлому пры корунацэи подали»[1].

Именно на элекционном сойме в июне–июле 1587 г. депутаты, избранные из числа сенаторов и представителей шляхты ВКЛ, без участия поляков согласовали окончательную редакцию Статута[2]. 16 июля 1587 г. сенаторы и послы ВКЛ писали, обращаясь к шляхте всех поветов с элекционного сойма: «А што ся дотычет ревидованя Статуту и поправы Трибуналу, то есмо отложили тут под Варшову на элекъцию теперешънюю ку ревидованю и поправе, яко справы власные одному народу нашому литовскому и рускому належачие, ижъ бы то все поправивши ку поприсяженю пану пришлому при корунации подали»[3].

В своем окончательном варианте новый проект Статута ВКЛ содержал 488 статей, сгруппированных в 14 разделах.

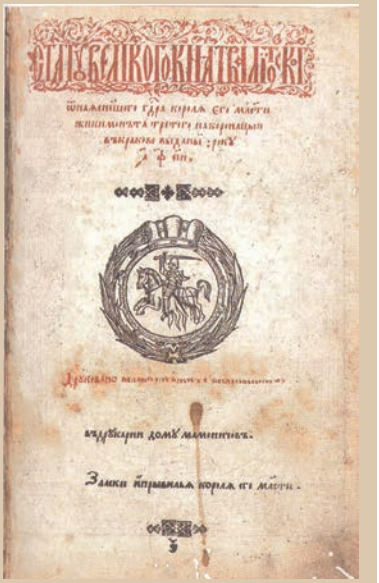
Используя достаточно сложное политическое положение избранного и коронованного польской королевской короной шведского королевича Жигимонта Вазы, который утвердился на троне при поддержке Яна Замойского в результате победоносного для него вооруженного конфликта с эрцгерцогом Макси-

[1] Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T 1. S. 350.

[2] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 381.

[3] Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. 1. S. 252, 256, 261, 266.

Жигимонт Ваза, король польский, великий князь литовский. Гравюра



Ранний вариант титульного листа Статута ВКЛ 1588 г.

милианом Габсбургом, посольство Великого Княжества Литовского во главе с трокским воеводой Яном Глебовичем и подканцлером ВКЛ Львом Сапегой добилось утверждения Жигимонтом Вазой Статута ВКЛ в обмен на признание его великим князем литовским, руским и жемойтским и принесение ему присяги на верность[1].

Таким образом, Статут ВКЛ 1588 г. был введен в действие не соймовой конституцией коронационного сойма, а на основании изданного монархом в Кракове конфирмационного привилея, датированного 28 января 1588 г.[2] 1 февраля 1588 г. того же года Жигимонт Ваза издал еще один привилей, который подтверждал и дополнял предыдущий, внеся изменения в организацию деятельности Трибунала ВКЛ[3]. После утверждения Статут 1588 г. должен был быть введен в действие с 7 января 1589 г.

В результате вопреки требованиям Люблинского акта об унификации права Короны и ВКЛ была сохранена правовая система Княжества, ядром которой и основой государственного суверенитета ВКЛ стал Статут ВКЛ 1588 г.

---

[1] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Том I, ч. 2. С. 145–256; *Bardach J.* Zatwierdzenie III Statutu litewskiego przez Zygmunta III Wazę // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1978. T. XXX, z. 2. S. 39–51; *Wisner H.* Z dziejów zatwierdzenia III Statutu Wielkiego Księstwa Litewskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1983. T. XXXV, z. 1. S. 213–220; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. S. 408–420; *Czwołek A.* Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. S. 71, 73–74.

[2] AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 7937; Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 42–43.

[3] *Бершадский С. А.* Литовский Статут и Польские Конституции: ист.-юрид. исслед. СПб., 1893. С. 107–109.

Конфирмационный привилей от 28 января 1588 г., вводивший Статут ВКЛ 1588 г. в действие с января 1589 г. Оригинал. Главный архив древних актов в Варшаве. Собрание пергаментных документов. № 7937

Статут ВКЛ 1588 г. закрепил основные принципы правовой системы, воспринявшей некоторые идеи гуманизма и реформации. Так, в Статуте было провозглашено формальное равенство всех перед законом – все должны были судиться «тым одным правом писаным»[1].

Обособленность ВКЛ от Польской Короны также была юридически закреплена в Статуте ВКЛ 1588 г. Его составители не внесли в текст закона ни одного положения, которое могло бы ущемить суверенитет Княжества. Статут ВКЛ 1588 г. определял Великое Княжество Литовское, Руское и Жемойтское однозначно как самостоятельное «панство» (т. е. «государство»). Полнота значения этого понятия осталась той же, которой обладало это слово и до Люблинской унии[2].

Для того, чтобы подчеркнуть особность (обособленность) государства ВКЛ от государства Польши, в тексте Статута ВКЛ 1588 г. применялись в отношении Княжества следующие обозначения: «то панство», «сее панство», «здешнее панство», «тутошнее панство».

[1] Сам закон не был равен для всех. Например, не шляхтичам запрещалось давать более или менее значительные должности в государственном аппарате (Статут 1588 г. Разд. III, арт. 18). Лишь представители шляхты и католического духовенства допускались на соймы.

[2] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 2. С. 88. Арт. 1 разд. III Статута гласит: «Мы, господар, обецуем теж и шлюбуем то за себе и за потомки наши, великие князи литовские, под тою ж присегою нашою которую есмо учинили всим обывателем всих земль Великого князьства Литовского, иж тое то славное паньство Великое князство и вси земли, ку нему здавна и тепер и тепер належачие, в славе, тытулех, столицы, зацности, владзы, можности, росказываньо и в иншых всяких належностях и прислухиванью, и тех в границах, ни в чом уменшивати и уймовати або понижати не маем. И овшем ещо всего того примножати хочем и будем. И хотя бы пан Бог з ласки своее светое нам, господару, узычити рачил паньство иного або и королевства, тогды пред сего паньства нашого Великого князьства Литовского, князей, панов рад, духовных и светских, ...и всих иных станов ни в чом не понижати...».

Территорию государства Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского по Статуту ВКЛ 1588 г. составляли «земли Великого Князства Литовского и вси иные земли, здавна и тепер до того панства Великого Князства Литовского належачие»[1]. В Статуте повсеместно подчеркивается обособленность ВКЛ от Польши и иных «чужих панств», а также обязательство монарха сохранить неприкосновенность террритории Княжества, при этом вернуть отобранные у него ранее земли[2].

В соответствии со Статутом ВКЛ 1588 г. территория ВКЛ была закрыта для органов правительственной власти Короны Польской[3]. Сразу после принятия Статута строго соблюдалась норма, которая запрещала давать «чужоземцам» и «заграничникам», в том числе и «суседам-полякам»[4], земли, должности, чины и звания[5]. Только «родичи» ВКЛ и земель, которые составляли его государственную территорию, могли быть признаны полноправными обывателями (гражданами, подданными) этого государства. Наряду со словом «родич» в Статуте ВКЛ 1588 г. употребляется и слово «тубылец»[6]. Поляки, как соседи-иностранцы, не могли входить в состав не только «родичей», но и «тубыльцев» ВКЛ[7]. Все «чужоземцы» и «суседы заграничники» одинаково были признаны Статутом лишенными полноты прав, которая принадлежала коренному населению. Даровать имения господарь имел право только литвинам и русинам «родичом старожитным

[1] Статут ВКЛ 1588 г. Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 80, 351 (разд. I, арт. 2).

[2] Там же. С. 111, 114, 363, 364 (разд. III, арт. 1, 4); *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 2. С. 89–91.

[3] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 93.

[4] Там же. С. 89–90, 111–115. В отношении поляков – обывателей Королевства Польского в Статуте ВКЛ 1588 г. употребляется также термин «суседы» («з суседы и братьею своею рицерствомъ и иными станы народу коруны польское» (разд. III, арт. 2)), при этом не упраздняя значения понятий «чужоземец» и «заграничник» в отношении поляков, поскольку они противопоставляются в языке Статута «тубыльцам» и «родичам тутошнего панства» и не могут рассчитывать на равенство прав с последними.

[5] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 118–119, 366 (разд. III, арт. 12).

[6] «Хто ж колвек неоселый, будь тубылец панства нашого Великого Князства Литовского, яко и чужоземец» (Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 96, 357 (разд. I, арт. 26)). Понятие «тубылец» в старобелорусском языке соотносится с понятием «тутэйшы» в белорусском языке начала XX в.

[7] *Радаман А.* Справа аб парушэнні ваўкавыскім старостай Крыштафам Монвідам Дарагастайскім парадку ўступлення на пасаду і прынцыпаў прызначэння ўраднікаў гродскага суда і яе адлюстраванне ў дакументах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі: дэкрэт Галоўнага Трыбунала Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага па справе аб парушэнні ваўкавыскім старостам Крыштафам Монвідам Дарагастайскім парадку ўступлення на пасаду і прынцыпаў прызначэння ўраднікаў гродскага суда. 23 верасня 1589 г., Менск // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 2 / рэдкал.: А. К. Галубовіч (старш.) [і інш.]. Мінск, 2004. С. 104–114. (Сер. Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства; вып. 2.); *Его же.* Ваяводскія і павятовыя земскія ўраднікі польскага паходжання ў Вялікім княстве Літоўскім у 2-й палове XVI ст. // На шляху да праўды: матэрыялы VIII Міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці», Белавежа, 15–17 чэрв. 2000 г. / рэдкал.: А. Баршчэўскі [і інш.]. Мінск, 2001 С. 35–44. (Acta Albaruthenica; кн. 2); *Его же.* Да пытання аб прызначэннях палякаў на дзяржаўныя пасады ў Вялікім княстве Літоўскім у канцы XVI ст. С. 50–54.

и уроженцом» ВКЛ. Только они и имели доступ ко всем должностям Княжества. Это постановление повторяется и в тех статьях, где говорилось о конкретных должностях. Так, должность гетмана господарь великий князь обязывался «годным и досветчоным людем народу шляхетского, родичом стародавным тутошнего паньства нашого Великого Князства Литовского давати и тое местце засаживати»[1]. Даже в состав особых господарских (королевских) комиссий, которые высылались для разбора судебных дел об имениях, монарх имел право назначать «толко родичов и обывателей» ВКЛ[2].

Таким образом, условие являться «родичом», чтобы иметь статус полноправного жителя ВКЛ, не только не было отмечено в Статуте ВКЛ 1588 г., но наоборот, было выражено в нем еще более настойчиво и определенно, чем в Статуте ВКЛ 1566 г. Составители Статута ВКЛ 1588 г. стремились в своей формулировке соответствующих требований закона особенно подчеркнуть принадлежность к «родичам» ВКЛ для того, чтобы те, кто будет им руководствоваться, могли твердо знать, что постановление акта Люблинской унии о равноправии поляков с «родичами» ВКЛ упразднено Статутом[3]. Со временем, однако, поляки получили возможность обходить некоторые вышеназванные правовые нормы[4].

Права «народа-шляхты» ВКЛ по Статуту 1588 г. были даже расширены по сравнению с их содержанием в Статуте 1566 г. Третий Статут дал шляхте право избирать кандидатов на должности не только членов земского суда, но и на должности поветовых подкомориев и хоружих, которые должны назначаться «за обраньем на то певных особ через обывателей каждое земли и повету тым порадком, яко обиранье врядников судовых земских в сем же Статуте ест описано»[5]. Все станы «шляхетского народа» понимаются Статутом как люди, «здавна вольные, зацные и учстивые». Этих слов нет в Статуте ВКЛ 1566 г. В Статуте ВКЛ 1588 г. они находятся во вступительной части статьи 1 раздела IV, в которой говорится об утверждении Второго Статута ВКЛ Жигимонтом Августом и о создании им земских поветовых судов[6].

В соответствии со своим основным законом 1588 г. Великое Княжество Литовское, Руское и Жемойтское представляло собой государство с особой государственной территорией, государственной властью и населением – «родичами» и «тубыльцами»; в составе которого шляхетский «народ» занимал правящее положение, однако полноправными в составе ВКЛ являлись лишь его «родичи»[7].

Статутное право подробно регламентировало порядок организации и функционирования верховных и местных органов государственной власти.

Во главе ВКЛ стоял монарх, «господарь», великий князь, который понимается в Статуте 1588 г. как великий князь Литовский, Руский и Жемойтский («мы

---

[1] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 102, 360 (разд. II, арт. 1).

[2] Там же. С. 199, 397 (разд. IV, арт. 83).

[3] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 2. С. 111–115.

[4] *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. T. III. S. 238–239.

[5] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 103, 251, 360, 416–417 (разд. II, арт. 5; разд. IX, арт. 1).

[6] Там же. С. 112, 134, 138, 363, 372, 374. См. также арт. 2, 41 разд. III Статута.

[7] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 2. С. 117.

сами и потомки наши, великие князи Литовские»), «яко продки наши, великие князи Литовские, так и мы...». Господарь ВКЛ в Статуте 1588 г. понимается как «господарь» именно «панства Великого Князства Литовского»[1], который правит своим государством вместе с радой и соймом на основании законов[2].

Как отмечал И. Лаппо, Статут ВКЛ 1588 г. был составлен так разумно, что не потребовалась бы его коррекция даже в случае, если бы ВКЛ разорвало унию с Польшей или заключило унию с другим государством. Несмотря на существование договора реальной унии, который был заключен в 1569 г. в Люблине между Короной Польской и ВКЛ, в статьях Статута 1588 г. польское государство упоминается лишь изредка, а единственная отсылка к унийному соглашению 1569 г. в Статуте ВКЛ 1588 г. содержалась в артикуле 29 »О вызволенье от платовъ новых, от подъвод, будованья замъков и мощенья мостовъ, такъ тежъ и о стацыю по дорогахъ» раздела III Статута, в котором вскользь шла речь о уставах для Волынской, Подляшской и Киевской земель, закрепленных соймовой конституцией Люблинского сойма 1569 г. («А што ся дотычеть отправованья замъков и мостов старых и знову будованя, где до сего часу подданые шляхетъские направовать и будовать были повинъни, то маеть быти опатрывано з мытъ новоподвышоных, што особливою конъстытуцыею соймовою варовано будеть, яко в конъстытуцыи на унии сойму любельского о земъли Волыньской, Подляшъской и Киевъской естъ описано»)[3].

В качестве общих с Польшей законов в состав Статута ВКЛ 1588 г., проект которого постатейно рассматривался на заседаниях Главного государственного съезда ВКЛ в Вильне в январе–марте 1584 г., был внесен только акт Варшавской конфедерации от 28 января 1573 г. и статья 15 «Генриковых артикулов», утвержденных Стефаном Баторием 8 февраля 1576 г.

Таким образом, Статут ВКЛ 1588 г., разработанный в период борьбы за сохранение государственного суверенитета ВКЛ, отражал и закреплял политические пожелания правящих кругов литвинско-русинской элиты княжества (за исключением части римо-католического духовенства) и давал официальное толкование Люблинских соглашений, как их понимала политическая элита ВКЛ.

После принятия Статута ВКЛ 1588 г. сразу возникла проблема организации незамедлительной публикации нового кодификационного акта. Подканцлером ВКЛ Львом Сапегой изначально планировалось как оригинальное, так и польскоязычное издание, что было разрешено и привилеем Жигимонта Вазы на публикацию Статута, который был издан в феврале 1588 г.

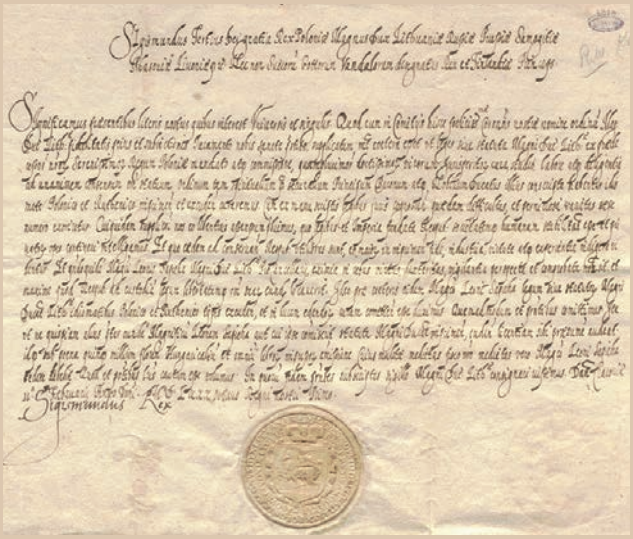
Утвержденный конфирмационным привилеем Жигимонта Вазы в 1588 г., Третий Статут ВКЛ стал *«завершением кодификационной работы, производившейся в Великом Княжестве Литовском в XVI столетии»*[4] и представлял компро-

[1] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. I, ч. 2. С. 119–121.

[2] Там же. С. 121–122 («а, мы, господар, так же Суд Головный (Трибунал) воеводове, старостове и врядники наши, судья, подсудок, и суд, замковый або дворный, и нихто иный ничого з головы и домыслу своего, так же и з ведомости своей судити и сказывати не мають и не будуть мочы, толко водлуг сего Статуту...» (разд. IV, арт. 54)).

[3] Статут ВКЛ 1588 г.: Тэкст. Даведнік. Каментарыі. С. 125–126, 369.

[4] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. 1, ч. 1. С. 6.



Привилей великого князя литовского, руского и жемойтского Жигимонта Вазы, которым подканцлеру ВКЛ Льву Ивановичу Сапеге передавались права на печатание Статута (оригинал на латинском языке) Главный архив древних актов в Варшаве. Февраль 1588 г.
Ф. 354: Архив Радзивиллов. Отд. II. № 3459

мисс между интересами влиятельных аристократических родов ВКЛ, чаяниями протестантских теоретиков права и государства, например, таких как А. Волан (A. Wolan), пожеланиями региональных шляхетских корпораций и стремлением идеологов построения государственного союза с Польшей сохранить «единство Речи Посполитой обоих народов».

Утверждение Статута ВКЛ 1588 г. и его публикация на старобелорусском языке оказали влияние и на кодификационную деятельность в Польше. Уже на вальном сойме 1589 г. была создана соймовая комиссия для подготовки Статута Короны Польской[1] и принято решение о создании комиссии для исправления «Волынского статута»[2].

Практика правоприменительной деятельности после вступления в силу Статута ВКЛ 1588 г. в январе 1589 г. выявила и определенные погрешности и нестыковки в его тексте. В 1590 г. передсоймовый соймик Виленского повета предложил определить следующий порядок внесения поправок в Статут: от каждого воеводства избрать по одному депутату, из числа богобоязненных и любящих справедливость людей, которые бы Статут «не на сойме, а тут дома поправили», после чего изменения («поправы») необходимо было бы отослать в каждый повет для обсуждения на поветовых соймиках и только потом – «на сойм другой будущий для утверждения отдать»[3].

[1] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 2. S. 106.

[2] Ibid. S. 113.

[3] Biblioteka Muzeum Narodowego im. Książąt Czartoryskich w Krakowie. Rkps. 2243 IV: Collectanea do dziejów Polski z lat 1553–1611. Polska. T. II (XVI–XVII). Akta 1 (1585–1598). S. 186; *Подолинский В. А.* Великое Княжество Литовское в системе представительных органов власти Речи Посполитой: обособленные формы парламентской деятельности в последней трети XVI в. С. 57.

Статут ВКЛ 1588 г. Издание 1614 г. (перевод на польский язык)

В результате проделанной работы были устранены противоречия между отдельными статьями, вносились и определенные редакционные правки. Так, например, в артикуле 2 раздела III Статута, было внесено имя Стефана Батория в список монархов, что обеспечивало нерушимость недвижимой собственности шляхты, приобретенной в годы его правления[1].

Однако в первой трети XVII в. в связи с ростом полонизации верхов общества ВКЛ появилась потребность в польском издании Статута. В предисловии к первому польскому изданию 1614 г. Лука Мамонич, обращаясь к канцлеру ВКЛ Льву Сапеге, отмечал эту необходимость[2].

Несомненной заслугой Льва Сапеги являлось руководство подготовкой последней редакции старобелорусского текста Статута ВКЛ 1588 г., датированной В. Рауделюнасом второй половиной 90-х годов. XVI в., активное участие в работе и руководство деятельностью ряда статутных комиссий в 1592–1613 гг., а также руководство подготовкой польскоязычных изданий 1614 и 1619 гг., анализ которых показал, что правки 90-х годов в них не были внесены[3].

В самом начале правления великого князя и короля Владислава Вазы вновь ставилась задача исправления Статута ВКЛ. Элита Великого Княжества Литов-

---

[1] *Raudeliunas V.* Treciojo Lietuvos Statuto pataisos (XVI a. pab.) // Teisiniu institutu raida Lietuvoje XIV–XIX: teisis istorijos studijos / red. P. Dicius et al. Vilnius, 1981. T. II. P. 129–141. Вместе с тем анализ польскоязычных изданий Статута ВКЛ 1614 и 1619 показывает, что эти поправки не были внесены в польскоязычный перевод Статута (*Zakrzewski A.* Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час. Гродна, 2007. С. 75).

[2] *Zakrzewski A.* Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego. С. 77; Statut Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Wilno, 1614. K. 6, nlb. 2.

[3] *Zakrzewski A.* Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego. С. 75.

Канцлер ВКЛ Лев Иванович Сапега. Портрет 1616 г. (копия, первая половина XVIII в.). Неизвестный художник

Герб Великого Княжества Литовского из Статута ВКЛ 1588 г.

ского постоянно стремилась документально закрепить собственную, отличную от Польского королевства, систему государственной организации ВКЛ. О Княжестве как самостоятельном государственном институте свидетельствовали многие документы, имевшие отношение ко всей Речи Посполитой: прежде всего материалы дипломатического характера и постановления общегосударственных соймов. Наиболее ярким проявлением согласия с относительной суверенностью ВКЛ со стороны и польских политиков стало появление в составе соймовых решений отдельных постановлений (конституций), которые относились только к ВКЛ. Важен и тот факт, что некоторые из таких постановлений, предназначенных только для Княжества, публиковались и распространялся здесь по-белорусски, на государственном языке ВКЛ. Именно так было в случае опубликования соймовых конституций 1578, 1581, 1588 гг. Более того, после 1582 г. появляются отдельные постановления для Короны Польской и Великого Княжества Литовского. Решения сойма 1607 г. уже сознательно были разделены отдельно на коронные (Коронная конституция) и великокняжеские (Конституция ВКЛ)[1]. В первой половине XVII в. такая практика применялась на многих, но не на всех общегосударственных соймах. Депутаты общегосударственных соймов Речи Посполитой, в первую очередь представители Польши, все же стремились к хотя бы относительной унификации принимаемых для Короны и ВКЛ решений. Так, в тех случаях, когда в состав коронной конституции включалось постановление, касающееся Великого Княжества, обычно записывалась и оговорка, что его должны были продублировать и законодатели ВКЛ: «эту конституцию и Великое

[1] Volumina Constitutionum. T. II, vol. 2. S. 154–158, 337–360, 360–366; T. III, vol. 1. S. 13–38, 38–45; 118–140, 140–149; 193–216, 217–222; 297–309, 309–311; T. IV, vol. 1. S. 188–213, 214–224.

Княжество Литовское принимает» или «эта конституция будет служить и в Великом Княжестве Литовском»[1].

Новых «поправ» Статута ВКЛ 1588 г., который неоднократно переиздавался в переводе на польский язык (1614, 1619, 1623 (2-е изд. 1619 г.), 1648, 1693, 1744, 1780 (2-е изд. 1744 г.), 1786 гг.)[2] и оставался в период до 1795 г. ядром и основой правовой системы ВКЛ, требовали берестейский соймик в 1670 г.[3], виленский соймик в 1733[4] и 1735 гг.[5], стародубский соймик в 1752 г., гродненский соймик в 1764 г.[6] перед соймом 1765 г. и пр.

Таким образом, в ВКЛ была проделана колоссальная работа по созданию передовой для того времени государственной правовой системы, сыгравшей важнейшую роль в развитии белорусской государственности.

Наши предки сумели настолько творчески переработать отечественные и заимствованные правовые традиции, что они не только удовлетворяли собственным потребностям государства, но также служили вдохновением для таких столь разных сопредельных ВКЛ государств, как Королевство Польское и Московское государство (Статут ВКЛ 1588 г. оказал значительное влияние не только на Соборное уложение 1649 г., но также и на кодификационные проекты Украины XIX в.[7]).

После включения белорусских этнических земель в состав Российской империи действие норм различных отраслей права сокращалось постепенно[8]. Окончательно действие норм Статута ВКЛ 1588 г. и всех иных «местных законов» было прекращено в Витебской губернии указом № 4233 от 1 января 1831 г., а в Могилевской губернии – указом № 4369 от 18 февраля 1831 г. после начала ноябрьского восстания в Королевстве Польском. Одновременно в этих губерниях в полном объеме вводилось в действие общеимперское законодательство. На территории Виленской, Минской, Гродненской, Подольской, Волынской и Киевской губерний нормы гражданского и процессуального права Статута ВКЛ действовали до 1840 г.[9]

---

[1] *Дружчыц В.* Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі // Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта. 1925. № 6–7. С. 248–249; *Wisner H.* Konstytucje Wielkiego Księstwa Litewskiego w dobie Wazów // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1977. T. XXIX, Z. 2. S. 207–218.

[2] *Галенчанка Г. Я.* Выданні статута / Статут ВКЛ 1588 г. С. 471–472; *Улашчык М.*: 1614, 1619, 1648, 1694, 1788, 1819; *Грушевський М.*: 1614, 1619, 1648 [1647], 1693, 1698, 1744, 1786) (Т. 5. С. 620: «а мабуть було іх і більше»).

[3] Акты Виленской археографической комиссии (далее – АВАК): в 39 т. Вильна, 1865–1915. Т. IV. Вильна, 1870. С. 78; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. 1, ч. 2. С. 456.

[4] АВАК. Т. XIII. С. 156; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. 1, ч. 2. С. 456.

[5] АВАК. Т. XIII. С. 181–182; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. 1, ч. 2. С. 456.

[6] АВАК. Т. VII. С. 346; *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 г. Т. 1, ч. 2. С. 456.

[7] *Закшевский А.* Великое Княжество Литовское в XIV–XVIII вв. Своеобразие права и государственного строя // Мир истории. 2005. № 1; *Bardach J.* Statuty litewskie w ich kręgu prawnoustrojowym // *Idem.* O dawnej i niedawnej Litwie. S. 62–65; Собрание малороссийских прав 1807 г. / сост. А. Вислобоков [и др.]. Киев, 1993. С. 9–11.

[8] *Godek S.* III Statut litewski w dobie porozbiorowej. Warszawa, 2012.

[9] Полное собрание законов Российской Империи: в 129 т. СПб., 1830–1885. Собрание Второе. СПб., 1840. Т. XIV. Отд. 2: 1839 г. № 13591.

5.8. ВОЕННОЕ ДЕЛО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVIII В.

Геополитическая ситуация в регионе. На военное дело Великого Княжества Литовского, основу которого составляли белорусские земли, во второй половине XVI – XVIII в. значительное влияние оказало изменение геополитической ситуации в регионе. Создание в 1569 г. Речи Посполитой, т. е. более тесного военно-политического союза ВКЛ с Королевством Польским, дало возможность Великому Княжеству получить военную помощь со стороны Польши для борьбы со своими главными противниками – Московским государством и Швецией. Но утрата украинских земель и Подляшья ослабила экономический и демографический потенциал ВКЛ. С другой стороны, передача Украины Польше сняла необходимость организации обороны от крымских татар и турков с юга. Вместе с тем укрепление контактов с Польшей и другими странами Западной Европы стимулировало развитие военного дела в Великом Княжестве.

Несмотря на включение ВКЛ в состав федеративного государства вместе с общими с Польшей институтами власти (король и сойм), оно сохранило значительную самостоятельность во многих сферах, в том числе военной. Сохранилась отдельная армия, которая подчинялась великому и польному гетманам Великого Княжества, а также казна, из которой эта армия финансировалась. Кроме того, вплоть до первой половины XVII в. среди политической элиты союзного государства существовало убеждение, что ВКЛ и Польша должны самостоятельно защищать свои земли. Только во время масштабных войн Речи Посполитой с Московским государством в 1558–1583 гг., 1608–1618 гг., 1632–1634 гг. и 1654–1667 гг., когда Великому Княжеству угрожала серьезная опасность от более сильного соседа, союзное Королевство Польское приходило на помощь путем организации совместных кампаний. Но это были эпизодические акции.

Даже при осуществлении совместных походов обе армии действовали отдельно и финансировались каждая из своей казны. Вместе с тем армия ВКЛ неоднократно участвовала в войнах, которые вели поляки с казаками, турками и шведами[1]. Таким образом, обособленность армии ВКЛ, которая должна была своими силами защищать территорию своего государства, позволяет говорить о сохранении во второй половине XVI – XVIII в. отдельного военного театра Великого Княжества Литовского.

В военном театре ВКЛ во второй половине XVI–XVIII вв. в разное время актуализировались три основных направления, или театра, военных действий, на которых армия Великого Княжества сдерживала неприятеля или переходила в наступление: северный (ливонский), восточный (московский) и юго-восточный (казацкий). Северное направление актуализировалось после включения

[1] *Wisner H.* Rzeczpospolita obojga narodów – federacja zwyciężonych czy zwycięzców? Unia Litwy i Polski z roku 1569 w aspekcie militarnym // Przegląd Historyczny. 1972. T. 63, z. 4. S. 608; *Idem.* Wojsko litewskie I poł XVII wieku. Cz. 1. // Studia i materiały do historii wojskowości. 1973. T. 19. S. 62; *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku // Przegląd wschodni. 1994. T. 3, z. 3 (11). S. 380.

земель Ливонского ордена в сферу влияния ВКЛ в 1557 г. Здесь армия ВКЛ противостояла московским и шведским войскам. Наиболее сложным для Великого Княжества был восточный вектор, на котором страна была вынуждена бороться с сильным Московским государством (с XVIII в. – Российской империей). С юго-востока Великому Княжеству угрожали казаки, которые время от времени поднимали восстания против Речи Посполитой. Они часто вторгались вдоль русла р. Днепр и его притоков на территорию ВКЛ в поисках поддержки местного населения и захвата военной добычи. Западное и юго-западное направления были относительно безопасными для Великого Княжества, поскольку тут оно граничило с союзной Польшей. Только в середине XVII в. и в начале XVIII в., когда на территорию Польского королевства вторгались шведские войска, для ВКЛ актуализировалась угроза с этих направлений. Например, в 1657 г. шведы, семиградцы и украинские казаки организовали совместный поход с целью захвата Бреста.

Специфика военного устройства ВКЛ. Специфической чертой военного устройства Великого Княжества Литовского второй половины XVI – первой половины XVII в. было отсутствие постоянной полевой армии. Каждый раз в случае войны войска собирались снова, а после ее завершения – распускались. В этот период на постоянном содержании находились только гарнизоны в наиболее важных городах страны (Вильне, Динабурге, Полоцке, Смоленске), а также корпус артиллерии. Во второй половине XVII в. полевую армию перестали распускать, однако она использовалась в первую очередь как инструмент влияния на внутриполитической арене. Это стало своего рода мостом для создания постоянной армии. С приходом к власти в Речи Посполитой в 1697 г. династии Веттинов были сделаны попытки усиления военной мощи государства и создания сильной армии, однако специфическое общественно-политическое устройство страны, а также сильное влияние соседних государств, которое особенно проявилось в ходе Северной войны 1700–1721 гг., не позволили провести необходимые реформы и создать эффективную постоянную армию.

Войска, которые созывались на время войны в XVI–XVII вв., состояли из двух основных частей: постолитого рушения, или ополчения шляхты, прямой обязанностью которой была военная служба, и наемных отрядов. Еще в первой половине XVI в. господарь имел возможность за свои деньги выставлять значительное количество наемных солдат, которые укрепляли посполитое рушение и служили в гарнизонах замков. Уже к середине XVII в. наемные отряды стали основой армии, а посполитое рушение целиком утратило свое военное значение и сохранялось только как рудимент общественно-политической жизни шляхетской республики. Решение о найме войск, их количестве, времени службы и выделении средств на их содержание принимал сойм объединенной Речи Посполитой. Количество наемных солдат не было большим, но за счет выучки и высокой боеспособности они не раз доказывали свою эффективность. При этом в итоге раздачи земель доходы великокняжеской казны значительно сократились, и монарх не мог без введения дополнительных налогов содержать наемные отделы. А для введения новых налогов было необходимо согласие сойма

Битва при Кирхгольме 27 сентября 1605 г. Худ. П. Снайерс. 1620-е гг.

Речи Посполитой или виленской конвокации. Таким образом, со второй половины XVII в. костяком армии становятся наемные войска, которые могло усиливаться посполитым рушением шляхты, отрядами военнообязанного населения (выбранцами и др.), а также хоругвями, сформироваными магнатами и местными органами самоуправления (поветовыми соймиками и городами).

Отказ от содержания постоянной армии объяснялся нежеланием шляхты отягощать себя налогами в пользу государства, а также боязнью усиления власти монарха, который с помощью войск мог отменить «золотые шляхетские вольности» и установить абсолютную единоличную власть, как это произошло в других европейских странах.

Отсутствие постоянных налогов на содержание армии ставило политическое руководство ВКЛ и Речи Посполитой в зависимость от воли шляхты и вместе с тем отрицательно влияло на организацию обороны страны. Каждый раз в начале войны было необходимо заниматься поиском средств и создавать структуру армии заново. Сама процедура утверждения налогов на военные нужды через сойм значительно затягивала процесс организации армии, что негативно отражалось на ходе боевых действий. Поэтому в случае острой необходимости монарх, гетманы, а также другие сановники для быстрой организации обороны были вынуждены самостоятельно искать деньги, чтобы завербовать солдат. Для сохранения военных кадров в случае существования угрозы начала новой войны войска могли сокращать при сохранении их офицерского костяка.

Размер полевой армии ВКЛ зависел от уровня внешней угрозы, финансовых и организационных возможностей государства. В первой половине XVII в. ее количественный состав колебался от 2 до 9 тыс. человек. К примеру, в 1625–1629 гг.

Гетман Ян Кароль Ходкевич (1560–1621 гг.). Худ. Я. Б. Плерш. Вторая половина XVIII в.

доходы казны Великого Княжества составляли около 3 млн злотых в год. Этого хватало на содержание и оплату 5 тыс. солдат[1]. Наибольшие мобилизационные усилия ВКЛ проявило во время войны 1654–1667 гг. Так, в 1661–1662 гг. в армии служили до 23 тыс. человек. После войны армия была сокращена и до конца XVII в. ее количество составляло около 6–10 тыс. солдат. При этом войско Великого Княжества не было многочисленным – около 1/3 всех сил Речи Посполитой[2]. Под давлением шляхты и соседних государств усилия по реорганизации и укреплению полевой армии ВКЛ в конце XVII – начале XVIII в. потерпели крах. По соглашению 1717 г., принятому под непосредственным влиянием России, армия ВКЛ была сокращена до 6 тыс. человек. На протяжении XVIII в. она оставалась малочисленной и не могла на равных противостоять вооруженным силам соседей (России, Швеции, Пруссии).

Одной из причин возникновения проблем с созывом и функционированием полевой армии в ВКЛ был недостаток государственных финансов. Даже на содержание небольшой по количественному составу полевой армии, утвержденной соймом, как правило, не удавалось собрать нужное количество денежных средств. Так, в 1601 г. из 6 тыс. солдат, на наем которых дал согласие парламент, гетману удалось завербовать и обеспечить только 3,5 тыс. Еще хуже обстояли дела с выплатами солдатам на протяжении их дальнейшей службы. Из-за задержки со сбором налогов в армию деньги поступали несвоевременно, что отрицательно влияло на боевой дух и дисциплину солдат. Часто успешные военные кампании, начатые войсками ВКЛ, прекращались, не достигнув результатов из-за невыплаты солдатам жалованья. К сбоям в сборе налогов на армию приводила определенная децентрализация финансовой системы страны, когда поветы во время войны могли задерживать собранные на их территории деньги для найма хоругвей для защиты своей территории. Так, Смоленский и Стародубский поветы в первой половине XVII в., как правило, направляли все имеющиеся финансы на восстановление своих крепостей и обеспечение гарнизонов.

Формально во главе армии Великого Княжества Литовского находился монарх. На практике же во время военных кампаний войска подчинялись великому и польному гетманам. В таких условия возникала почва для противостояния между монархом и гетманами в вопросе контроля над армией. Король имел возможность влиять на армию в первую очередь через свое право выбора кандидатов на высшие воинские должности. Гетманов также назначал король.

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 1. S. 72.

[2] *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 398–399.

Прием казацкого посла Силуана Мужиловского в лагере Януша Радзивилла под Речицей в 1649 г. Копия рисунка А. Вестерфельта середины XVII в.

Во время острых конфликтов по поводу потенциальных кандидатов на эти должности монарх мог несколько лет держать эти места вакантными, никого на них не назначая. В исключительных случаях монарх мог игнорировать гетманов и передавать управление отдельными воинскими подразделениями своим полковникам. Кроме того, король самостоятельно издавал «приповедные листы», или разрешения, на вербовку хоругвей, чем непосредственно влиял на размер наемных войск[1].

На вершине военной иерархии находился великий, или наивысший, гетман, который занимал свою должность пожизненно и имел широкие полномочия в управлении войсками. Ему подчинялись солдаты, которые находились в походе или военном лагере, в том числе польный гетман с подчиненными ему отделами, а также посполитое рушение. В руках великого гетмана сосредотачивалась и высшая судебная власть в армии.

Польный гетман не являлся формальным заместителем великого гетмана и во многом был самостоятельной фигурой, хотя и не был равным последнему и должен был признавать его верховенство. С 1566 г. до начала XVII в. в военной иерархии ВКЛ существовала должность инфлянтского гетмана, который отвечал за организацию обороны Инфлянт. Взаимоотношения гетманов во многом зависели от людей, которые занимали эти должности, а также от короля.

В середине XVII в. король разделил армию на две дивизии, которые действовали отдельно под управлением двух гетманов. Соперничество последних было

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. // Studia i materiały do historii wojskowości. 1978. T. 21. S. 46–51.

выгодным для монарха, но вредило организации обороны страны. Слабость позиции гетманов была в том, что они исполняли свои функции только во время войны, когда существовала полевая армия. В мирное время военное руководство обычно не имело средств на подготовку страны к обороне, укрепление пограничных крепостей и обеспечение их арсеналов. Средства на проведение военных кампаний гетман получал от земского подскарбия, который подчинялся королю. В свою очередь, монарх даже при согласии сойма мог не дать разрешение подскарбию на выделение средств на армию, что блокировало всяческие начинания гетманов. Кроме того, непосредственно королю подчинялась артиллерия и гарнизоны крепостей[1]. Но вместе с тем должность гетманов была одной из самых почетных и влиятельных во властной иерархии Великого Княжества Литовского, поэтому находилась в руках представителей наиболее могущественных магнатских родов. Не все из них смогли достичь значительных успехов в военном деле, но многие благодаря хорошему образованию в области теории и практики военного искусства проявили себя искусными полководцами, как, к примеру, Криштоф Радзивилл по прозвищу «Перун» (1547–1603 гг.), Ян Кароль Ходкевич (1560–1621 гг.), Криштоф II Радзивилл (1585–1640 гг.), Януш Радзивилл (1612–1655 гг.), Винцент Госевский (1628–1662 гг.) и др.

На протяжении XVI–XVII вв. сформировалась иерархия низших военных должностей. Ряд из них, как, например, великий и земский подскарбий и польный писарь, подчинялись королю, а остальные – великому гетману. В компетенции великого подскарбия находились дела, связанные с обеспечением армии вооружением и обмундированием, а до 1638 г. – и артиллерия. В свою очередь, земский подскарбий отвечал за финансы и выдавал деньги из казны на содержание солдат. Польный писарь был обязан регистрировать прибывающие в армию хоругви и в дальнейшем периодически проверять их количественный состав. На основе этих данных солдатам выплачивалось жалование. В 1638 г. была введена должность генерала артиллерии. Непосредственно в походе артиллерией мог управлять цейгварт или арматный капитан. Первоначально временной была должность обозного, который назначался гетманом и отвечал за разбивку и свертывание военного лагеря. Он же заботился о возведении оборонительных укреплений вокруг лагеря. Позже должности великого и полевого обозных стали постоянными. Последний должен был находиться в лагере во время битвы и отвечал за его защиту. В обязанности войскового стражника входило наблюдение за безопасностью в лагере, проверка стражи и тех, кто входил в лагерь и покидал его.

Судебными делами во время войны поручалось заниматься войсковому судье или судьям, которых назначал гетман. В случае возникновения проблем с выплатой жалования солдатам сойм мог высылать в армию комиссаров, задачей которых было решение финансовых вопросов[2].

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. S. 53–58; *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 405–409.

[2] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. S. 62–72.

Офицерские кадры состояли из опытных военнослужащих. Во главе хоругвей, которые являлись основной боевой единицей армии, находились ротмистры, на имя которых гетман выдавал приповедные листы для формирования хоругвей. Ротмистрами могли стать только шляхтичи.

Кавалерия и местная пехота из наемных хоругвей формировалась по товарищеской системе. Это означало, что так называемые «товарищи» (как правило, шляхтичи) договаривались о службе с ротмистрами и набирали почт из 2–3 солдат-пахолков, с которыми входили в состав хоругвей. Пахолками, как правило, были нешляхтичи. Размер почта зависел от рода войск и ранга товарища, которому он подчинялся. В свою очередь, количество почтов в хоругви зависело от ее размеров и решения ротмистра. Более сложную структуру имела организация и система должностей в иноземных отделах.

Гетман Януш Радзивилл (1612–1655 гг.). Гравюра К. Мериана. 1653 г.

Сильное влияние на характер армии ВКЛ оказывала специфика военного театра, характер соперника, а также консервативность социально-политической структуры общества.

Главной силой армии на протяжении второй половины XVI – XVII в., несмотря на изменения в организации вооруженных сил, вооружении и тактике ведения боя, оставалась кавалерия, в то время как в Западной Европе начала господствовать пехота. Причиной этого было большая территория государства, малая плотностью населения во многих регионах и слаборазвитая сеть сухопутных путей сообщения. В таких условиях именно конница могла быстро преодолевать большие расстояния для оказания своевременного противодействия противнику. Не содействовала возрастанию роли пехоты довольно редкая сеть крепостей, под прикрытием которых она могла бы действовать, а также слабость артиллерии ВКЛ в XVII–XVIII вв. Не менее важной причиной было традиционное убеждение шляхты, которая составляла костяк армии, в большей престижности службы в кавалерии. Поэтому вербовка конных отрядов была намного более легким делом, чем наем пехоты. Ряды конницы с легкостью пополнялись за счет обедневших шляхтичей, в то время как для формирования пеших отрядов нужно было приложить определенные усилия: местная база для рекрутирования пеших солдат была узкой, а наем иностранцев требовал времени и значительных финансовых вложений. Наряду с этим шляхта стремилась сохранить традиционный шляхетский характер армии, в то время как пехота состояла преимущественно из представителей нижних слоев общества.

Мобильность кавалерии в войсках Великого Княжества давала возможность побеждать превосходящего по численности противника. Один из наиболее

Вступление войск Януша Радзивилла в Киев в 1651 г.
Копия рисунка А. Вестерфельта середины XVII в.

ярких примеров – блестящая победа армии ВКЛ под предводительством Яна Кароля Ходкевича над шведами под Кирхгольмом в 1605 г. Но, с другой стороны, слабость пехоты и артиллерии не давала возможности бороться с неприятелями за крепости. Поэтому во второй половине XVI – первой половине XVII в. московские и шведские войска неохотно вступали в открытые сражения с армией ВКЛ, а концентрировались на завоевании и удержании крепостей[1].

Несмотря на сохранение определенных традиций в военном деле ВКЛ, со временем усиливалось влияние западноевропейского военного искусства, а совмещение новых техник ведения войны с традиционными местными приемами принесло немало побед войску Великого Княжества. Основными путями распространения новейшей военной тактики в ВКЛ была учеба магнатов в странах Западной Европы, а также наем иностранных офицеров, что практиковалось очень широко.

В первой половине XVII в. кавалерия по количеству превышала пехоту, хотя многие гетманы, в первую очередь Криштоф II Радзивилл, высоко ценили пеших солдат, количество которых, по их планам, должно было составлять как минимум половину армии.

Пешие солдаты особенно были необходимы в войнах со шведами для инженерного обслуживания армии и осады крепостей. На местной базе формировалась пехота литовского, польского или венгерского типов. Она, как правило,

[1] *Alexandrowicz S.* Charakterystyka polskiego teatru działań wojennych // Studia i materiały do historii wojskowości. 1983. T. 26. S. 81; *Wimmer J.* Wojsko i skarb Rzeczypospolitej u schyłku XVI i w pierwszej połowie XVII wieku // Studia i materiały do historii wojskowości. 1968. T. 14. S. 73; *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 1. S. 75; *Его же.* Wojsko litewskie I poł XVII wieku. Cz. 2. // Studia i materiały do historii wojskowości. 1976. T. 20. S. 5–11.

была организована в хоругви по 100 человек. Ротмистр имел в помощниках одного или двух поручников. Хоругвь делилась на десятки во главе с десятниками.

Одним из наиболее существенных недостатков местной пехоты была необходимость ее долгой подготовки, поскольку для достижения высокой боеспособности пешие формирования должны были иметь хорошую выучку и дисциплину.

Со временем местная пехота была вытеснена пехотой иноземного строя, которую, как правило, называли немецкой. До Смоленской войны 1632–1634 гг. отделы немецкой пехоты по численности не превышали 300 человек. В дальнейшем начали появляться полки, в составе которых насчитывалось до 1000 человек, что было более эффективно при ведении сражения пехотой.

Пехота этого времени была организована по немецко-голландскому образцу. Во главе полка немецкой пехоты стоял оберстер. В случае, если последний исполнял свои функции формально, как часто бывало при назначении на эту должность магнатов или их детей, то соединением руководил оберст-лейтенант. Полк имел развитый штаб и подразделялся на 8–12 компаний по 100–300 человек. Компаниями руководили офицеры, а во главе лейб-компании стоял глава полка. Компании делились на роты по 5 человек, которыми руководили капралы. Большинство солдат полка являлись стрельцами, на вооружении у которых были аркебузы или ручницы, а позже, с первой половины XVII в., – мушкеты. Кроме того до 1/3 отряда составляли пикенеры с копьями.

Заработок солдат пехоты иноземного строя равнялся жалованью гусаров, которые считались элитной частью кавалерии, поэтому немецкая пехота была очень дорогой в содержании. Уже с 1630-х гг. у ВКЛ полки немецкой пехоты начали формировать из местных, что было намного дешевле, чем наем иностранцев. При этом управляли пехотой исключительно иностранные офицеры. Первоначально эффективность использования такого рода пехоты была невысокой, но со временем ее стали ценить[1]. Уже в XVIII в. принцип формирования пеших отделов из местных солдат, которые отдавались под управление опытным иностранным офицерам, стал общепринятым.

Попыткой увеличения количества пеших отделов в армии Великого Княжества стало создание по образцу венгерской пехоты так называемой выбранецкой пехоты, которая формировалась с помощью введения специальной военной повинности для крестьян государственных владений. По решению сойма 1595 г. один крестьянин из 20 взамен на освобождение от иных податей должен был нести военную службу. Выбранецкие хоругви были одеты в одинаковые мундиры и вооружены ручницами (позже – мушкетами), саблями и топорами. На практике проект усиления армии ВКЛ за счет пехоты из выбранцев не был успешно реализован, а их количество не превышало 500 человек при относительно низкой боеспособности. Как показала практика, наиболее эффективно выбранцев можно было использовать для службы в гарнизонах крепостей и в инженерном деле (при возведении укреплений, дорог и мостов)[2].

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. S. 107–113.

[2] *Грыцкевіч А.* Беларускія выбранцы // Полымя. 1970. № 11. С. 249–253; *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 1. S. 82–89, *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 387–389.

Вместо выбранцев в середине XVII в. начали созывать «лановых», или «дымовых», солдат. По решению сойма или поветовых соймиков крестьян набирали от определенного количества волок земли (ланов) или дворов (дымов). Сформированными и обеспеченными за счет владельцев отделами руководили шляхетские ротмистры. Первый набор лановых солдат был проведен в 1655 г., однако катастрофическое развитие событий войны 1654–1667 гг. не дало возможности полностью реализовать эту идею.

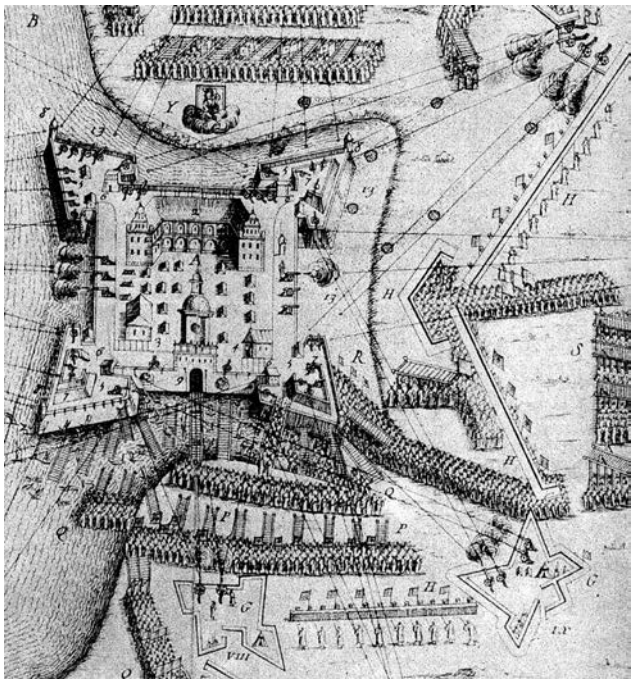
Немного в другой форме она была осуществлена в 1670-е гг. Согласно решению сойма 1673 г., в государственных имениях выбирался один человек от 20 дымов, а в шляхетских – один конный от 30 дымов. В 1676 г. систему поменяли, и всех землевладельцев обязали выставлять по вооруженному пехотинцу от 28 дымов[1]. Дальнейшее развитие этой идеи помогло бы значительно увеличить армию, однако принуждение Речи Посполитой в начале XVIII в. к уменьшению регулярной армии приостановило ее реализацию.

Изменения в соотношении родов войск армии ВКЛ. Значительные изменения в соотношении родов войск в армии ВКЛ произошли во время правления Владислава IV. Кроме пеших отделов было увеличено количество драгун, которые воевали в пешем строю, но перемещались на лошадях. При Владиславе IV пехота и драгуны составляли до 64 % армии. Первая драгунская компания появилась в войске Криштофа II Радзивилла в 1618 г., а в середине XVII в. драгуны составляли уже 22,5 % от общего количества солдат. В армии Януша Радзивилла, которая в 1649–1653 гг. с большим успехом воевала против украинских казаков, количество пехотинцев и драгун составляло 52,5–63,6 % от общего количества солдат. Наибольшего расцвета драгунский род войск достиг во время войны 1654–1667 гг. При невысокой цене их содержания драгуны обладали высокими боевыми качествами, сочетая сильный ружейный огонь пехоты с мобильностью кавалерии. Поэтому драгун можно было одинаково эффективно использовать в войнах с Московским государством и со Швецией. В 1661 г. их общее количество достигло 9 тыс., или 40 % всей армии. Во время войны 1654–1667 гг. количество драгун и пехоты достигало 54 %, и эта пропорция сохранялась на протяжении второй половины XVII в.

Долгое время драгун причисляли к пехоте, поскольку они были организованы по образцу немецкой пехоты. Первоначально драгунская хоругвь состояла из 100–150 человек, возглавлял ее капитан. Во время войны 1632–1634 гг. отделы были увеличены до 200–300 человек, а также появились большие полки, сформированые из нескольких швадронов (хоругвей, компаний, или корнетов). Во главе полка стоял полковник, которому подчинялся штаб из нескольких офицеров. Отдельные швадроны, которые возглавлялись капитанами, подразделялись на отделения по 6 человек. В драгунских хоругвях служила как местная шляхта, так и люди нешляхетского происхождения. Помимо того, в драгунских формациях стремились служить выбранцы[2].

[1] *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 387–389.

[2] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. S. 113–116.



Осада замка в Ляховичах московскими войсками в 1660 г. Гравюра третьей четверти XVII в.

Хоругви тяжеловооруженных гусаров в конце XVI – первой половине XVII в. считались элитным родом войск и доминировали среди кавалерии Великого Княжества. Их создание приписывается Стефану Баторию, который опирался на образец венгерской тяжелой кавалерии. В первой половине XVII в. гусары составляли от 24 до 43 % от общего количества всех вооруженных сил ВКЛ и от 42 до 63 % – кавалерии. Размер гусарских хоругвей обычно составлял 100–150 всадников. При этом гетманская гусарская хоругвь была большей по численности и достигала 200 всадников. Товарищи, которые составляли до трети хоругви, были вооружены копьями, а пахолки – огнестрельным оружием. При чем и те и другие имели полный комплект защитных доспехов. Начиная с 1649 г. гусары, как род войск, начали утрачивать свои позиции. Во второй половине XVII в. их количество колебалось в границах 10–20 % от общего количества всей кавалерии ВКЛ[1].

Равными по статусу гусарам считались рейтары, или стреляющая конница. При этом рейтарские хоругви были дорогим родом войск, что затрудняло их вербовку, поскольку от солдат требовались определенные навыки. Поэтому рейтаров было немного. Например, в 1660-е гг. их количество достигало 1200 всадников, а в 1690-е гг. они составляли 18 % от всей кавалерии ВКЛ. Как правило, рейтар вербовали в Пруссии, Курляндии и Инфлянтах. Немцы ценились больше, чем местные люди, поскольку они вели себя более дисциплинированно. Первоначально хоругви рейтаров состояли из 100–150 всадников. В 1622 г. в армии ВКЛ уже имелся полк из 500 всадников, из которых 150 являлись гуса-

[1] *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 399–403.

рами. Во время казацких войн середины XVII в. существовали рейтарские полки по 800 всадников. Они подразделялись на коренты по 100–120 всадников. Во главе полка стоял оберстер[1].

В середине XVII в. в организации конницы произошли серьезные изменения. Уменьшилось количество гусаров и рейтар, в то время как возросла численность драгун. Кроме того, увеличилось количество легковооруженной кавалерии, в первую очередь казаков, которые были более дешевыми в оплате и снаряжении и легче вербовались. С 1670-х гг. количество казаков и пятигорцев, которых также причисляли к легкой кавалерии, составляло 27 % от всех вооруженных сил ВКЛ или 58–64 % от кавалерии. Постепенно, с уменьшением количества татар в посполитом рушении, в конце XVI в. стал заметен рост наемных татарских отделов, которые формировались за счет местных военнообязанных татар. Несмотря на то, что татары были широко известны грабительским отношением к местному населению и существовали неоднократные запреты сойма на вербовку татарских отрядов, их продолжали активно использовать по причине низких финансовых затрат, легкости вербовки и относительно хорошей боеспособности. В первой половине – середине XVII в. в составе татарских хоругвей было от 260 до 450 лошадей, в 1649 г. – 860, а в 1663 г. – около 2000[2].

На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII в. посполитое рушение, хотя и оставалось одной из основных частей вооруженных сил, постепенно утратило свое значение для обороны страны. Оно созывалось по решению сойма Речи Посполитой либо виленской конвокации. В случае серьезной угрозы военноначальники могли принимать решение о его созыве без согласия парламента, что, однако, случалось редко. Согласно Статуту ВКЛ 1588 г., на Посполитое рушение исполнять «земскую повинность» должны были выходить все землевладельцы: шляхта, духовенство, татары и мещане королевских городов, которые владели землей. Во главе ополчения шляхты стоял король, но, как правило, он не руководил им. Фактическим рушением командовал, согласно Статуту ВКЛ 1588 г., великий гетман, который мог доверять руководство им польному гетману либо своему полковнику. Точный размер шляхетского ополчения ВКЛ неизвестен. По мнению А. Рахубы, оно не превышало 23 тыс. человек.

Многие негативные стороны посполитого рушения проявились уже в XVI в., поэтому во время планирования военной кампании 1579 г., целью которой было освобождение Полоцка от московских войск, Стефан Баторий целиком отказался от его использования, а сделал ставку на наемную армию. А в 1621 г. опытный в военном деле гетман Криштоф II Радзивилл предложил вообще ликвидировать посполитое рушение. Полное разложение шляхетского ополчения как рода войск стало очевидным в начальный период войны Речи Посполитой с Московским государством 1654–1667 гг., когда шляхта, испуганная огромными размерами вражеской армии, просто разбегалась, а защита страны легла на плечи небольшой наемной армии. Со второй половины XVII в. ополчение

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. S. 97–101.

[2] *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 389, 402–403.

Панорама Быхова. Худ. Л. Кувро. Вторая половина XVII в.

переродилось в инструмент внутриполитической борьбы и в большинстве случаев использовалось как средство сведения счетов с политическими оппонентами[1].

В условиях практически постоянного отсутствия средств в государственной казне в XVI–XVII вв. центральная власть пользовалась старой системой обеспечения обороны стратегически важных пограничных регионов путем наделения широких слоев населения землей с условием несения военной службы. Наиболее востребованной эта система была в восточных регионах Великого Княжества, где актуальной была угроза со стороны Московского государства. Людей, которые владели землей с условием несения военной службы, называли по-разному: земяне, панцирные бояре, казаки и др. Согласно разным уставам, они должны были выставлять одного коня с одной службы, размер которой варьировался от 1,5 до 12 волок, а в мирное время они платили денежный налог (чинш или поконщину). В пограничных регионах панцирные бояре были обязаны участвовать в защите замков (Езерище, Кричев, Гомель, Чечерск и др.), а в других землях – собираться в хоругви под командованием великокняжеских ротмистров.

Система несения службы на основе держания земли была широко развита. Кроме разного рода бояр и земян, которые служили конно, землей могли наделяться солдаты, несшие службу в пеших отрядах, пушкари и их помощники. Эта практика гарантировала наличие в крепостях небольших постоянных гарнизонов и персонала для обслуживания вооружения[2].

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 1. S. 94–100; *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 382–386.

[2] *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 390; *Rychlikova I.* Bojarzy pancerni na pograniczu moskiewskim w XVI–XIX wieku // Przegląd wschodni. 1994. T. 3, z. 3 (11). S. 411–416.

Органы самоуправления разных уровней (поветовые соймики, магистраты городов) имели возможность формировать вооруженные отряды для своих нужд. На основе решения соймиков могло созываться поветовое посполитое рушение, задачей которого была защита территории своего повета в случае внешней или внутренней угрозы. Однако чаще шляхта соглашалась на сбор средств для найма хоругвей. Наемные поветовые хоругви могли целиком заменять посполитое рушение либо его усиливать. Размер поветовых хоругвей мог доходить до 25–35 % от общей численности всей армии. При этом они находились на содержании и под контролем поветов, которые их выставляли. С согласия шляхты они могли передаваться в распоряжение гетманов, но и тогда пользы от них было немного, поскольку очень часто поветовые хоругви не покидали границ поветов, которые им платили за службу. Кроме того, поветовые хоругви часто набирались из малоопытных солдат и на малый срок. В случае необходимости шляхта также могла созвать выбранцев в своем повете. Для своей защиты наемных солдат могли вербовать также города. Наемники несли службу в городских гарнизонах и оплачивались из городской казны. Наиболее зажиточные города (Могилев, Смоленск, Берестье) содержали также собственную артиллерию и персонал для ее обслуживания[1].

Частные военные формирования. На протяжении XVI–XVIII вв. возрастало значение частных военных отделов богатых магнатов. Их главной задачей была защита и охрана порядка в частных владениях. Вместе с тем частные войска использовались в представительских целях при разного рода государственных и семейных торжествах. В военное время магнаты направляли свои военные формирования либо для защиты собственных замков и городов, либо в посполитое рушение в качестве магнатских почтов, либо передавали их непосредственно под власть гетманов. Например, в 1567 г. почты магнатов составляли 26 % от общего числа созванного посполитого рушения[2].

Важными факторами, которые побуждали магнатов направлять свои отделы в армию, была непосредственная угроза их владениям или присутствие монарха в военном походе. Наиболее боеспособной частью частных армий были наемные надворные хоругви. В первой половине XVII в. надворные отделы магнатов были небольшими. Ими являлись преимущественно пешие формации. Например, в пешей хоругви полевого гетмана Криштофа II Радзивилла в 1631 г. насчитывалось 59 солдат.

Значительно увеличилась численность частных войск во времена Владислава IV, а в середине XVII в. в связи с началом затяжных войн этот показатель достиг наибольшего значения. К примеру, один из богатейших магнатов Великого Княжества Казимир Лев Сапега в 1649 г. на борьбу с казаками направил 3 тыс. солдат. Правда, содержать такое количество военнослужащих могли только самые богатые представители знати, и то относительно непродолжительное

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 1. S. 109–113; *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 392–394.

[2] *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582 // Studia i materiały do historii wojskowości. 1972. T. XVII, cz. 1. S. 87.

время. Поэтому часто практиковалось включение частных отделов в состав государственной армии с одновременным переводом их на обеспечение со средств казны. Так, во время войны 1654–1667 гг. на государственное содержание был переведен слуцкий гарнизон Богуслава Радзивилла, который насчитывал около тысячи солдат.

План Слуцка. Худ. И. Фюрстенгоф. Первая половина XVIII в.

Своего расцвета частные армии достигли в XVIII в. Это было связано с дальнейшим ослаблением центральной власти и повышением амбиций магнатской элиты. Наибольших масштабов в указанный период достигла «милиция» несвижской линии Радзивилов. Например, великий гетман Михал Казимир Радзивилл по прозвищу «Рыбонька» в 1761 г. имел постоянные гарнизоны в 14 городах и местечках, из которых 6 находились на территории современной Беларуси (Слуцк, Несвиж, Мир, Кореличи, Лахва, Копысь). Их основной задачей было поддержание порядка на землях владельца. На основе этих войск его сын Кароль Станислав Радзивилл по прозвищу Пане Коханку в 1763–1764 гг. создал по-настоящему боеспособную армию, с которой вступил в вооруженную борьбу за престол Речи Посполитой[1].

Как и в государственных имениях, на землях магнатов было много ленников, которые за пользование землей были обязаны нести военную службу. Выбранцы, земяне, бояре и татары должны были собственной персоной служить владельцу и защищать его интересы либо в полевой армии, либо в гарнизоне его крепости. Во время созыва посполитого рушения они входили в состав магнатских почтов. Известно, например, что Радзивиллы биржанской линии в 1630-е гг. могли выставить около 350 выбранцев, а в состав гарнизона их главной крепости – Биржанского замка – входили 30 земян и 80 выбранцев. Это были наиболее дешевые вооруженные формации, которые можно было использовать как в войнах с внешними врагами, так и в случае внутриполитических конфликтов. К частновладельческим войскам относилось также ополчение частных городов. Его главной задачей была защита города. Кроме того, наиболее важные замки и города магнатов имели сильную артиллерию[2].

[1] *Волкаў М.* Артылерыя Нясвіжскага замка. Мінск, 2015. С. 117, 138–139.

[2] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 1. S. 115–119; *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 394–397.

Отдельную групы войск составляли так называемые волонтеры, или добровольцы, которых в обход сойма мог созывать король или гетманы. Хотя отряды добровольцев формально подчинялись гетманам, они не входили в состав полевой армии и не получали жалования из казны, рассчитывая исключительно на военные трофеи. Очень активно добровольцы использовались во время войны Речи Посполитой с Московским государством в начале XVII в. Наиболее известен отряд добровольцев под предводительством Александра Лисовского. Поэтому в дальнейшем солдат свободных формаций стали называть «лисовчиками». Однако из-за плохой дисциплины отделы волонтеров не могли существенно повлиять на ход военных действий, к тому же даже в Великом Княжестве за ними закрепилась плохая слава по причине насилия и грабежа мирных жителей[1].

Развитие артиллерии. Вместе с повышением роли пехоты в войнах на протяжении XVI–XVII вв. возрастала и роль артиллерии, которая активно использовалась для поддержки пехоты в полевых стычках, а также для осады и защиты укреплений. Государственная артиллерия принадлежала непосредственно монарху и размещалась в цейхгаузах, или арсеналах, в столице и пограничных городах. Из королевских средств должны были оплачиваться изготовление и закупка орудий и аммуниции, а также наем пушкарей. То есть многое в деле развития артиллерии зависело непосредственно от активности монарха. Сильным импульсом для развития артиллерии Великого Княжества Литовского стало основание литейных мастерских Жигимонтом Августом в середине XVI в. в Вильне. В ней начали массово выпускать огнестрельное оружие и артиллерию для обеспечения пограничных замков. За период с 1551 до 1565 г. было изготовлено и разослано по пограничным крепостям 173 пушки, 3100 гаковниц и 950 ручниц[2].

Значительных успехов развитие артиллерии достигло во время трех походов Стефана Батория 1579–1581 гг. против Московского государства. Однако в дальнейшем государственная артиллерия Великого Княжества постепенно начала приходить в упадок, что отрицательно повлияло на боеспособность полевой армии и обороноспособность крепостей. Корнем проблемы было отсутствие внимание к артиллерии ВКЛ со стороны монархов и хроническая нехватка средств. Людвисарня в Вильне действовала еще при Жигимонте III, однако объемы производства были значительно меньшими, чем раньше. Его последователь Владислав IV, известный своими реформаторскими начинаниями в коронной польской артиллерии, мало интересовался артиллерией Великого Княжества. Попыткой исправить ситуацию стало введение дополнительного налога на содержание артиллерии и производство военной аммуниции в размере 1/5 доходов с королевских имений. При Владиславе IV во главе артиллерии ВКЛ был поставлен генерал, эту должность получил Миколай Абрагамович. Однако, несмотря на его энергичную деятельность в этой сфере, ситуацию не удалось изменить коренным образом. На нехватку орудий, аммуниции и пороха в 1651 г.

[1] *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 390–391.

[2] *Nowak T. M.* Problem stosowania broni palnej przy obronie i zdobywaniu umocnień przez wojska polskie w XVI–XVII w. // Studia i materiały do historii wojskowości. 1966. T. 12, cz. 1. S. 55.

обращал внимание Януш Радзивилл. Даже артиллерия, захваченная во время успешных кампаний в Инфлянтах и Смоленске, в большинстве своем не попадала в арсеналы ВКЛ, а по приказу короля вывозилась либо в Польшу, либо попадала в крепости отдельных магнатов.

В такой ситуации армия ВКЛ часто была вынуждена пользоваться артиллерией частновладельческих крепостей. Например, в 1624 г. полевой гетман Криштоф II Радзивилл из-за нехватки артиллерии был вынужден привлекать своих пушкарей с орудиями. В 1676 г. артиллерия ВКЛ насчитывала всего 47 пушек, в то время, как, например, российская артиллерия насчитывала до 1500 стволов[1].

Пушка "Гидра" из Несвижского замка Радзивиллов. Литейщик Г. Мольцфельт. 1599 г.

Очень большим потенциалом в плане артиллерии обладали частновладельческие крепости. Например, в Несвижском замке в 1655 г. было собрано 50 пушек, а в Слуцкой крепости в 1662 г. – 53 орудия. Катастрофические последствия для государственной и частной артиллерии Великого Княжества Литовского имела Северная война 1700–1721 гг., в ходе которой стараниями шведской и российской армий была уничтожена либо вывезена артиллерия практически из всех крепостей ВКЛ. В первой половине XVIII в. некоторые магнаты смогли восстановить артиллерийские парки своих крепостей. Наибольших успехов в этом достигли Радзивиллы. А в 1767 г. Кароль Станислав Радзивилл на базе арсеналов своих крепостей даже смог создать отдельный корпус артиллерии[2].

Развитие фортификации. Важное значение для успешного проведения военных операций и непосредственно для защиты границ государства имели крепости. Формирование их сети шло постепенно и зависело от ряда факторов. Большинство городов, которые имели большое значение в системе обороны ВКЛ, возникли еще в древнерусский период. Как правило, они находились на больших реках (Днепр, Двина, Неман, Припять и др.), которые являлись основными транспортными и торговыми артериями на протяжении всего Средневековья и Нового времени. Существенные изменения в системе расселения произошли в XVI в. В это время больших маштабов достигло инициированое центральной властью и магнатами упорядочивание земель и освоение лесных массивов, в том числе в пограничных областях. Это, с одной стороны, делало страну более открытой для нападений извне, поскольку в пограничных областях леса гарантировали надежную защиту. С другой стороны, освоение новых зе-

[1] *Wisner H.* Wojsko litewskie I połowie XVII wieku. Cz. 3. S. 124–135; *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku. S. 403–405; *Nowak T.* Inwentarz artylerii Wielkiego Księstwa Litewskiego 1676 r. // Zeszyty Naukowe Muzeum Wojska w Białymstoku. 1988. T. 1. S. 107.

[2] *Волкаў М.* Артылерыя Нясвіжскага замка. С. 142–143.

мель привело к увеличению демографического потенциала государства и отдельных регионов, что позволяло возводить и содержать новые крепости.

Значительный демографический рост привел к тому, что к середине XVII в. население Великого Княжества увеличилось до 4,5 млн человек, из которых 2/3 жили на территории современной Беларуси. Однако при этом плотность заселения многих восточных регионов государства оставалась и далее довольно низкой, что отрицательно влияло на обеспечение защиты восточных границ. Эта диспропорция негативно отражалась на организации обороны страны, поскольку в XVI–XVIII вв. наиболее опасным для ВКЛ участком границы был как раз восточный. Слабость центральной власти и небольшой демографический потенциал пограничных регионов не позволял содержать крепости восточной границы на соответствующем уровне.

Очень интересную информацию для понимания системы обороны Великого Княжества в середине – второй половине XVI в. можно найти в реестрах вооружения, которое было выслано из виленского цейхгауза в пограничные замки на первом этапе Ливонской войны в 1557–1565 гг. Кроме 20 ливонских замков, 8 замков в центральной части страны (Вильно, Троки, Новогрудок, Сураж, Тыкотин, Мядель, Радошковичи, Минск) вооружением были обеспечены 4 замка со стороны Инфлянт (Упита, Браслав, Друя, Дрисса) и 5 замков на р. Двина (Уйсте, Полоцк, Лепель, Езерище, Витебск).

После утраты Полоцка в 1563 г. для восстановления прорваной линии обороны были дополнительно возведены замки в Дисне, Воронче и Чашниках. Глубокая система обороны была создана на восточной границе государства. Она насчитывала три линии крепостей на реках Березина, Днепр и Сож. На Соже и его притоках находились 6 замков (Мстиславль, Кричев, Радомль, Пропойск, Чечерск, Гомель), на Днепре – 4 (Орша, Могилев, Речица, Любеч), на Березине – 2 (Борисов, Свислочь). Кроме того, с юга территорию ВКЛ прикрывали 3 замка, которые стояли на р. Припять и ее притоках (Мозырь, Чернобыль, Овруч)[1].

На протяжении XVI – первой половины XVII в. защита Великого Княжества со стороны Московского государства держалась на линии городов-крепостей и замков на реках Двина и Днепр. Но из-за постоянной нехватки финансов эта линия перестала должным образом исполнять свои функции. Устаревшие дерево-земляные укрепления, слабая артиллерия, отсутствии должного запаса аммуниции и малочисленные гарнизоны не позволяли полностью использовать оборонительный потенциал крепостей.

Тем не менее до середины XVII в. политическая элита ВКЛ была уверена в надежности этой системы обороны, а также в мощи собственной полевой армии, которая сможет сдержать неприятеля. Успех в войне 1632–1634 гг., когда удалось успешно отразить нападение сильной московской армии на Смоленск, еще более ослабил внимание шляхты к необходимости обеспечения крепостей, создал илюзию того, что все будущие войны будут иметь периферийный характер, а центральные области государства не будут затронуты[2]. Это привело к ка-

[1] *Alexandrowicz S., Olejnik K.* Charakterystyka polskiego teatru działań wojennych. S. 70.
[2] Ibid. S. 73.

тастрофическим последствиям, когда на начальном этапе войны 1654–1667 гг. огромная московская армия смогла занять практически всю территорию ВКЛ.

Пехотный флаг саксонской армии с гербом ВКЛ. Конец XVII – начало XVIII в.

В XVI в. из-за распространения крупного частного землевладения все более значительную роль в защите государства начали играть магнаты. Для обеспечения защиты своих латифундий они модернизировали старые и возводили новые замки и города-крепости. С конца XVI в. частновладельческие резиденции, для строительства и модернизации которых концентрировались значительные материальные ресурсы, получили большое значение в системе защиты государства, что особенно проявилось во время войны Московского государства с Речью Посполитой 1654–1667 гг.

При этом, однако, следует понимать, что строительство крепостей соответствовало не нуждам военного театра ВКЛ, а исходило из интересов отдельных магнатских родов, которые заботились в первую очередь о защите своих владений. Поэтому многие новейшие магнатские крепости, как, например, Несвиж или Ляховичи, были возведены далеко от приграничной зоны. Только в том случае, когда земли магнатов находились на пограничье государства, частные интересы совпадали с общегосударственными. Так, одной из сильнейших крепостей на границе с Инфлянтами являлся мощный бастионный замок в Биржах, который принадлежал Радзивиллам, а с востока государственные границы прикрывали частновладельческие города-крепости Шклов и Старый Быхов. Тот факт, что магнаты имели большие возможности для обеспечения своих крепостей, чем государство, стал очевидным в XVII в. Поэтому некоторые пограничные крепости специально передавались во владение магнатов – например, Невель и Себеж, которые в 1649 г. были переданы Янушу Радзивиллу.

Еще в последней четверти XVI в. в ВКЛ преобладали деревянные замки. Большинство из них брали начало из градов древнерусского времени и имели традиционные дерево-земляные укрепления: частокол или стены на основе срубов-городней, укрепленных башнями. Высокая обороноспособность этих укреплений достигалась с помощью умелого использования условий местности, которые дополнялись искусственными преградами: валами и рвами. Возведение и поддержание такого рода укреплений возлагалось на плечи местного населения. Эта архаическая система дерево-земляных укреплений была усовершенствована и законодательно закреплена при Витовте, когда на местное население была возложена обязанность строительства и ремонта замков и содержание в них стражи. Однако с передачей значительного количества государственных земель в частную собственность и уменьшением количества под-

данных эта практика постепенно была заменена на серебщизну[1]. В итоге ответственность за содержание пограничных крепостей возлагалась исключительно на короля, ресурсов которого не хватало для поддержания их в надлежащем состоянии и модернизации укреплений по требованиям новой военной техники. В свою очередь, шляхта не хотела брать на себя это обязательство и вводить постоянные налоги для финансирования оборонительного строительства на границах государства. Только в случае начала войны или усиливающейся военной угрозы сойм соглашался на выделение средств на реставрацию пограничных укреплений, однако часто это решение было несвоевременным.

Содержать государственные замки во время мира обязаны были державцы, они должны были заботиться о поддержании их обороноспособности и обеспечении гарнизонами. Строительство оборонительных укреплений городов традиционно возлагалось на мещан, а их качество зависело от экономического потенциала города, а также от уровня внешней угрозы. В случае опасности оборону замков возглавляли старосты или назначенные ими наместники. Гарнизоны состояли их наемных солдат или местных земян, обязанностью которых было несение военной службы. К примеру, в 1617–1618 гг. для укрепления наиболее важных пограничных замков ВКЛ Криштоф II Радзивилл выделил по 100 солдат, а для менее важных – по 30. Большие постоянные гарнизоны имели только самые крупные крепости в стране, как, например, Смоленск или Полоцк. Гарнизоны обычно формировались из пехоты и драгун. Кроме того, при больших замках могли содержаться пушкари, цейгварты, будовничие и валмистры.

Во второй половине XVI в. в ВКЛ начали появляться итальянские архитекторы, которых активно задействовали в строительстве и модернизации оборонительных укреплений, особенно во время Ливонской войны. Видимо, с их деятельностью следует связывать распространение на наших землях дерево-земляных укреплений правильной конфигурации. Предпосылкой для этого стало активное использование артиллерии при защите и осаде укреплений. В конце XVI в. в ВКЛ приходит передовая на то время бастионная фортификация. Однако строительство бастионных укреплений из-за высокой цены было доступно только наиболее богатым магнатам. В свою очередь, укрепления государственных пограничных замков и городов на протяжении XVI–XVII вв. не получили необходимой модернизации. С началом войны 1654–1667 гг. слабость государственных крепостей (Полоцк, Витебск, Мстиславль и др.), которые из-за отсутствия хороших укреплений, вооружения и гарнизонов не могли оказать сопротивление, стала очевидной. В то же время многие частные бастионные крепости (Старый Быхов, Слуцк, Ляховичи, Несвиж) могли сдержать наступление значительных сил противника. Со второй четверти XVII в. в ВКЛ распространилась техника строительства бастионных фортификаций по голландскому образцу. К примеру, ее активно использовал Януш Радзивилл, в том числе при строительстве полевых укреплений во время войн с казаками 1649–1653 гг. Полевые бастионные укрепления были возведены под Речицей, Гомелем и Лоевом для защиты территории Великого Княжества от нападений украинских казаков. Северная

[1] *Alexandrowicz S., Olejnik K.* Charakterystyka polskiego teatru działań wojennych. S. 59–60.

война 1700–1721 гг. показала, что большинство укреплений на наших землях утратили свое оборонительное значение, а те, что могли остановить противника, были целенаправлено разрушены шведскими и российскими войсками. В XVIII в. фортификационное строительство на наших землях пришло в упадок. Причиной этого была слабость центральной власти, которая не могла финансировать возведение мощных крепостей, способных оказать сопротивление возросшим регулярным армиям противника.

Таким образом, развитие военного дела на белорусских землях во второй половине XVI – XVIII в. было тесно связано с развитием государственных институтов и государства в целом. Несмотря на создание общего с Польшей федеративного государства, Великое Княжество Литовское сохранило значительную самостоятельность во многих сферах, в том числе военной. До конца XVIII в. ВКЛ имело собственную армии, а также казну, из которой эта армия финансировалась. Задачей войск Великого Княжества было поддержание порядка в государстве и охрана его границ. Широкие культурные контакты с передовыми странами Западной Европы способствовали значительному прогрессу военного искусства на наших землях. Вместе с тем сильное влияние на характер армии ВКЛ оказывала специфика военного театра, характер соперника, а также консервативность социально-политической структуры общества. Все это сдерживало реформы в военной сфере и стало одной из главных причин ослабления Речи Посполитой в XVIII в.

5.9. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Борьба за проведение реформ. События времен «бескоролевья» 1733–1735 гг. наглядно продемонстрировали слабость Речи Посполитой в противостоянии с соседями. Победа Августа III над конкурентом на трон Речи Посполитой Станиславом Лещинским стала возможной только благодаря поддержке российских войск. Успех в войне 1733–1735 гг. за «польское наследство» привел к фактическому доминированию России в Речи Посполитой. Для организации контроля за внутриполитической жизнью Речи Посполитой российские правители организовали поддержку бывших сторонников Лещинского – магнатскую группировку «*Фамилия*» (Чарторыйские и их родственники Понятовские). Август III тоже был заинтересован в российской поддержке, поскольку претендовал на участие в разделе «австрийского наследства». Во главе «Фамилии» в ВКЛ стояли канцлер ВКЛ Михал Чарторыйский, польный гетман ВКЛ Михал Юзеф Массальский, подскарбий ВКЛ Юрий Флемминг и подканцлер ВКЛ Михал Антоний Сапега. Несомненным плюсом «Фамилии» в сравнении с другими группировками магнатов было понимание необходимости реформирования внутриполитического строя Речи Посполитой и укрепления политической независимости государства. Поэтому Чарторыйские находили поддержку как у заинтересованного в укреплении своих позиций королевского двора, так и у шляхты. Именно шляхет-

ские лидеры «Фамилии» старались продвигать проекты реформ на поветовых соймиках и соймах Речи Посполитой. Среди них были: Антоний Пшездецкий, Станислав Бужинский, Игнатий Ланевский Волк, Юзеф Сосновский, Ян Хрептович, Ян Антоний Гораин, Симон Сируть, Миколай Тадеуш и Игнатий Лопатинские, Гервазий Людвик и Рафал Оскерки, Стефан Олендский, Доминик Суходольский, Томаш Страшевич, Михал Стравинский и др.

После периода «бескоролевья» 1733–1735 гг. шляхта считала, что первоочередной должна быть реформа, направленная на увеличение армии. Попытки решить эту задачу заметны уже в годы правления Августа III, особенно в 40-е годы XVIII в. За увеличение армии выступали как представители придворной партии, так и оппозиция во главе с великим коронным гетманом Юзефом Потоцким. Однако их мнения рознились по вопросу руководства дополнительно сформированными армейскими отделами. В результате соймы 1736, 1738, 1740 и 1744 гг. в основном были посвящены только проблеме увеличения армии и поиска финансовых средств для этого. В течение 1736–1738 гг. была проведена люстрация старост и подсчитаны средства, которые в перспективе можно было привлечь посредством дополнительного налогообложения. Шляхта ВКЛ, соглашаясь на увеличение войска, не хотела его финансировать и требовала отмены подымного налога. Осуществить военную реформу без денег было невозможно. В результате позиция шляхты и противодействие увеличению армии со стороны иностранных государств (Пруссии и России) сорвали проведение этой реформы. После безрезультатного окончания сойма 1744 г. в решении проблемы увеличения армии стала участвовать шляхта, но ее представители не занимали уже ведущего места при обсуждении предлагаемых проектов реформ[1]. Хотя этой проблеме уделили много внимания на соймах 1748 и 1750 гг., но она уже находилась в тени иных проблем Речи Посполитой[2].

На соймах 1746, 1748 и 1750 гг. приоритет приобрела проблема реформирования судебной системы Речи Посполитой. Было разработано несколько проектов реформы судебной системы ВКЛ, которые касались как изменения всей системы, так и ее отдельных частей. В Княжестве в первую очередь планировалось реформировать суды низшей инстанции (гродские, земские и иные), чтобы без их решения дела не пересылались в Трибунал ВКЛ, что должно было ограничить наплыв дел в высшую судебную инстанцию. Проблему отсутствия судовых урядников в судах нижних инстанций из-за частого срыва элекционных соймиков планировалось решить следующим способом: соймики для их избрания

[1] *Skibiński M.* Europa a Polska w dobie wojny o suksecje austriacką. Kraków, 1912. T. 1. S. 91–133, 646–761; *Palkij H.* Praca komisji aukcji wojska w latach 1736–1738 // Kwartalnik Historyczny. 1999. Z. I. S. 19–44; *Idem.* Sejmy 1736 i 1738 roku. U początków nowej sytuacji politycznej w Rzeczypospolitej. Kraków, 2000. S. 43–60, 143–200; *Zielińska Z.* Walka «Familii» o reforme Rzeczypospolitej, 1743–1752. Warszawa, 1983. S. 87–134, 204–217, 246–268; *Eadem.* Rosja wobec polskich prób reform w latach 1738–1744 // Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001. S. 9–60; *Ючас М. А.* Литовская шляхта и царизм в XVIII в. (по материалам шляхетских сеймиков) // Феодальная Россия во всемирном историческом процессе: сб. ст., посвящ. Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 413.

[2] *Zielińska Z.* Walka «Familii» o reforme Rzeczypospolitej, 1743–1752. S. 204–217, 292–311.

должны были созываться даже без универсалов воевод каждый квартал или два раза в год (после посольских и хозяйственных соймиков). Предусматривалось, что элекционные соймики должны были созываться и проводиться до тех пор, пока на них не будут избраны необходимые урядники. Таким образом, мог быть обеспечен полный состав земских и подкоморских судов. Следующим этапом планировалось провести реформу самого Трибунала ВКЛ. Значение Трибунала во внутриполитической жизни ВКЛ значительно возросло, и он фактически стал ареной борьбы между различными магнатскими группировками за власть. Для реформы Трибунала ВКЛ планировалось ограничить влияние трибунальских маршалка и писарей путем конкретного описания их компетенции. В рамках этой реформы нужно было изменить систему реестров трибунальских дел с установлением конкретной очереди их рассмотрения, что должно было сократить количество случаев злоупотребления трибунальских урядников. Однако на соймах 1746 и 1748 гг. этот вопрос не был решен, и данные проекты реформы судебной системы не были реализованы. Влияние магнатских группировок на судебную систему сохранилось[1].

После перехода в 1752–1754 гг. «Фамилии» в оппозицию к королевскому двору место придворной партии заняла группировка надворного коронного маршалка Юрия Мнишека. Соймы оказались занятыми проблемами «текущего политического процесса» – Острожской ординации в 1754 г., Трибуналов в 1755–1756 гг., реформой обменного курса в 1761 г.[2] Только последнюю из них можно отнести к реформам государственного значения. Проблема реформирования обменного курса обострилась с началом Семилетней войны 1756–1763 гг. и была вызвана нахождением в обращении большого количества фальшивых денег. В этой ситуации государство оказалось не готовым к необходимому изменению обменного курса. В результате появилось несколько обменных курсов – для старых «полноценных» денег и новых поддельных. Эту проблему не удалось решить и на экстраординарном сейме 1761 г., так как он был сорван[3].

В этот период королевский двор фактически отказался от проведения масштабных реформ государственного устройства. Король обращался к поветовым

[1] *Zielińska Z.* Walka «Familii» o reforme Rzeczypospolitej, 1743–1752. S. 204–217, 292–311. Подробнее о планах реформы судебной системы ВКЛ в 1746–1750 гг. см.: *Michalski J.* Studia nad reformą sądownictwa i prawa sądowego XVIII w. Warszawa, 1958, S. 254–292.

[2] *Konopczyński W.* Polska przed wojną siedmioletnią // Biblioteka Warszawska. 1907. T. 1. S. 457–495; *Idem.* Polska w dobie wojny siedmioletniej. Warszawa; Kraków, 1909. T. 1. S. 150–154, 292–297; T. 2. S. 135–145, 210–216, 282–289; *Czeppe M.* Kamaryla pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763. Warszawa, 1998. S. 44–56; *Мацук А.* Паслы ад павятовых соймікаў ВКЛ на сойм Рэчы Паспалітай 1756 г. // Україна крізь віки: зб. наук. праць на пошану акад. НАН України проф. Валерія Смолія. Київ, 2010. С. 624–639; *Macuk A.* Wybory posłów sejmowych na sejmikach powiatowych Wielkiego Księstwa Litewskiego w 1758 r. // Kultura parlamentarna epoki staropolskiej / pod red. Andrzeja Stroynowskiego. Warszawa, 2013. S. 367–378; *Мацук А.* Пасольскія соймікі ВКЛ на сойм 1760 г. // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2012. № 1. С. 83–89.

[3] *Мацук А.* Паслы ад Вялікага княства Літоўскага на сойм Рэчы Паспалітай 1761 г. // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях. Мінск, 2008. С. 312–313.

Лидер «Фамилии» канцлер ВКЛ Михал Чарторыйский. Худ. Луи де Сильвестр

соймикам по популярным вопросам реформирования армии только для поиска поддержки шляхты и в реальности не имел желания проводить эту реформу. «Фамилия», оказавшись в оппозиции к королевскому двору, безусловно имела свою программу реформ государственного устройства, но прекрасно понимала, что не имеет возможности ее провести на соймах Речи Посполитой. Кроме того, обострение внутриполитической борьбы в Речи Посполитой и активное участие в ней шляхты не давало последней возможности и желания заниматься государственным планированием и реформированием.

Попытки реализации реформ. После смерти Августа III 5 октября 1763 г. в Речи Посполитой установилось «бескоролевье» 1763–1764 гг. В это время ведущую роль в политической жизни Речи Посполитой, используя российскую поддержку[1], играли Чарторыйские и их сторонники. «Фамилия» в 1764 г. начала реализовывать программу реформ, которую предлагала еще в правление Августа III. Главным пунктом этой программы была отмена «либерум вето» на сейме и на поветовых соймиках. На конвокационном сейме 1764 г. в поддержку отмены «либерум вето» и введения голосования простым большинством активно выступали послы из ВКЛ Юзеф Сосновский, Ян Орешко, Томаш Длусский, Ян Шадурский. Однако против отмены «либерум вето» категорически высказались послы России и Пруссии, которые выступали за неизменность устройства Речи Посполитой. В результате «Фамилии» удалось достичь только согласия российского посла Германа Кейзерлинга на голосование простым большинством в утверждении постановлений Скарбовой комиссии и при избрании депутатов на громничных и урядников на элекционных соймиках. Не удалось даже при непосредственном обращении к российской императрице Екатерине II получить согласие России на отмену «либерум вето» на посольских соймиках[2].

Согласно постановлениям конвокационного сойма были проведены следующие реформы: ликвидированы частные таможни, введен генеральный государственный таможенный налог, для лучшего управления организованы коллегиальные Военная и Скарбовая комиссии, отменено «либерум вето» (единогласное голосование) для утверждения постановлений Скарбовой комиссии и при

[1] Польному литовскому писарю Михалу Казимиру Огинскому, который согласился поддержать Чарторыйских, российские власти выделили на подкуп шляхты 250 тыс. руб. и 1,8 млн злотых (Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 51. СПб., 1886. С. 111).

[2] *Zielińska Z.* Zabiegi Rosji o zachowanie liberum veto i o gwarancję w okresie bezkrólewia 1763–1764 r. // Kwartalnik Historyczny. 2004. R. 111, № 3. S. 79–86; *Eadem.* Polska w okowach «systemu Północnego» 1763–1766. Kraków, 2012. S. 143–149.

голосовании на депутатских и элекционных соймиках. Была проведена также реформа судебной системы ВКЛ. Согласно ей судебные дела могли поступать в Трибунал ВКЛ только после их рассмотрения в судах низших инстанций (гродских или земских). Отныне на элекционных соймиках избирался только один кандидат на земские уряды, который после присяги в местном суде должен был исполнять свои служебные обязаности. Король только подтверждал его избрание привилеем. Уряд подсудка в земском суде ликвидировался, а состав земского суда увеличивался до четырех судей. Если в повете на данный момент имелся подсудок, то он автоматически становился одним из этих земских судей. Согласно реформе было определено, что элекционный соймик должен был проходить на следующий день после громничного. Эта реформа была безусловно прогрессивной для XVIII в. Королевские права ограничивались, и фактически шляхта избирала высших поветовых урядников (маршалка, подкомория, земского судью). Шляхта в различных поветах Княжества составляла от 8 до 14 % населения. В результате реформы около 10 % населения обладало избирательным правом в отношении местных поветовых урядников. На сойме была создана комиссия, целью которой было провести правовую реформу в ВКЛ (корректуру права). В ее состав вошли: виленский бискуп Игнат Массальский, смоленский каштелян Тадеуш Бужиньский, писарь ВКЛ Антоний Тызенгауз, лидский подкоморий Юрий Иодка, слонимский маршалок Казимир Волович, гродненский подкоморий Тадеуш Юндил, мстиславский гродский староста Миколай Тадеуш Лопатинский, декретовый писарь ВКЛ Гедеон Еленский, инфлянтский стольник Ян Шадурский, волковысский гродский судья Ян Быховец. Согласно реформе определялось, что состав каптурового суда не должен превышать пятнадцати судей, а его писарем должен быть местный земский писарь, а в случае его отсутствия – гродский[1].

Военная комиссия на конвокационном сойме 1764 г. была введена только для Короны. Причина была в том, что учреждение этого коллегиального органа управления значительно ограничивало прерогативу гетманов, которые только руководили заседаниями Военной комиссии с правом решающего голоса при принятии решений. Великим гетманом ВКЛ был один из лидеров «Фамилии» Михал Юзеф Массальский, и именно поэтому введение конвокационным соймом Военной комиссии касалось только Короны и не затронуло Княжества. «Фамилия» была настроена закончить эту реформу, и поэтому на коронационном сойме 1764 г. Военная комиссия была организована и для ВКЛ. Это привело к разрыву Массальских с «Фамилией» и переходу их в оппозицию[2].

Большое значение для продолжения реформ имело принятое в последний день конвокационного сойма 1764 г. постановление об образовании на неопределенное время Генеральной конфедерации. Это давало возможность в дальнейшем на сконфедерированных соймах принимать решения не единогласно,

[1] Volumina Legum. T. VII. Petersburg, 1860. S. 75–84, 88–90.

[2] *Носов Б.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004, С. 185; *Емельянчык У.* Дзяржаўныя рэформы другой паловы 60-х гг. XVIII ст. // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. С. 213.

а простым большинством голосов. Фактически таким путем было обойдено право «либерум вето».

На коронационном сейме 1764 г. были проведены реформы по организации лучшего функционирования поветовых соймиков. Соймовое постановление «Соймики элекционные, депутатские и земские» определяло места функционирования конкретных поветовых соймиков, время и порядок их проведения. Определялась очередность урядников, которые должны были начинать соймиковые заседания. Устанавливалось, что шляхтич может отдать свой голос только одному кандидату при выборах на должность (уряд) и двум кандидатам на выборах депутатов. В свою очередь, кандидаты на уряды и избрание депутатом не имели права передавать набранные в свою поддержку голоса иному кандидату. Продолжительность депутатских соймиков определялась не более чем в три дня. После депутатского соймика на следующий день должен был пройти «господарчий» (хозяйственный) соймик. Также были проведены некоторые реформы судебной системы. Был подробно описан порядок рассмотрения дел в Трибунале ВКЛ, оговорено, какие именно дела должны рассматриваться. Также были уточнены вопросы, связаные с апелляциями, эгзекуциями, диляциями и очередностью реестров. В связи с организацией Скарбовой комиссии было принято решение о ликвидации Скарбового Трибунала ВКЛ. В гродских и земских судах оставалось по два реестра: «цивильный» (гражданский) и уголовный[1].

Новоизбранный монарх Станислав Август активно взялся за проведение реформ. Благодаря возвращению королю права «бить монету» уже в 1764 г. в Варшаве открылся монетный двор, который начал выпускать высококачественные деньги. Из денежного обращения были изъяты низкокачественные монеты, большинство из которых были фальшивыми, выпущенными прусским королем Фридрихом II во время Семилетней войны. В 1765 г. король открыл «рыцарскую школу», которая занялась военным обучением шляхты. Поддержку получили школы пиаров и иезуитов. Для популяризации реформ среди шляхты и мещан с 1765 г. в Варшаве стал выходить журнал «Монитор».

Начиная с правления династии Веттинов, интересы Речи Посполитой за границей представляли саксонские дипломаты. Король Станислав Август, получив богатый дипломатический опыт в правление Августа III, организовал в стране собственную дипломатическую службу. Послы Речи Посполитой появились в Петербурге, Вене, Гааге, Стамбуле. Август Сулковский, назначенный послом Речи Посполитой во Франции, не смог выехать в Париж из-за противодействия российского посла Николая Репнина. Также была задержана отправка послом в Вену брата короля Андрея Понятовского. Несмотря на это, необходимо признать реформу дипломатической службы успешной. Для ее организации была создана королевская канцелярия под руководством канцлеров[2].

[1] Volumina Legum. T. VII. S. 170–181; *Носов Б.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 190–193; *Zielińska Z.* Polska w okowach «systemu Północnego» 1763–1766. S. 226–231.

[2] *Носов Б.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 306–310; *Zielińska Z.* Polska w okowach «systemu Północnego» 1763–1766. S. 366, 413–415.

Великий князь литовский и король польский Станислав Август Понятовский. Худ. М. Баччарелли. 1764 г.

Уже перед соймом 1766 г. король и великий князь Станислав Август был вынужден отказаться от некоторых реформ по унификации государственного устройства Речи Посполитой из-за противодействия Чарторыйских. Эти унификационные планы заключались в стремлении короля сконцентрировать в Варшаве органы исполнительной власти для всей Речи Посполитой. Согласно проекту «Сохранение унии Великого княжества Литовского с Короной» Военная комиссия ВКЛ обязана была выделить из своего состава трех, а Скарбовая комиссия ВКЛ – четырех комиссаров, которые должны были заседать в совместных комиссиях в Варшаве. Безусловно, находясь в меньшинстве, они фактически были бы подчинены влиянию коронных комиссаров. Кроме того, предлагалось отменить запрет о входе коронных войск в Княжество, а войск ВКЛ – в Корону. Влияние коронных и литовских канцлеров и подканцлеров предполагалось распространить на всю территорию Речи Посполитой. Также планировалось, что король сам может возглавлять заседания асессорского суда, хоть до этого времени это было номинально, а от его имени руководил канцлер. Эти реформы были направлены на ограничение влияния королевских сторонников из магнатской группировки «Фамилии»: канцлера ВКЛ Михала Чарторыйского, подканцлера ВКЛ Антония Пшездецкого, подскарбия ВКЛ Михала Бжостовского и надворного подскарбия ВКЛ Антония Тызенгауза. Поэтому «Фамилия» выступила против нововведений. В результате Чарторыйские, преследуя собственные цели, поддержали идею обособленности устройства ВКЛ в рамках Речи Посполитой[1].

Сохранение конфедерации на сейме 1766 г. давало возможность принимать решения не единогласно, а простым большинством голосов. Чарторыйские и король Станислав Август предлагали принимать решения простым большинством и на посольских соймиках. Это встретило сопротивление России и Пруссии. Более того, российская императрица Екатерина II потребовала уравнения в правах диссидентов с католиками. Российский посол Репнин настаивал на том, что решение конвокационного сейма 1764 г. о принятии большинством голосов постановлений Скарбовой комиссии не касается вопросов увеличения налогов и армии. Чарторыйские и король Станислав Август выступали против такой трактовки ранее принятого закона, так как это не согласовалось с ре-

[1] *Michalski J.* Zagadnienia unii polsko-litewskiej w czasach panowania Stanisława Augusta // Studia historyczne z XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2007. T. 1. S. 48–51.

формами конвокационного сойма 1764 г. об ослаблении «либерум вето». Российский посол при содействии антикоролевской оппозиции и с помощью угроз военного вмешательства России вынудил Чарторыйских пойти на уступки. Без их помощи Станислав Август не имел большинства среди соймовых послов и тоже был вынужден уступить. По требованию российского посла Н. Репнина при принятии решений Скарбовая комиссия не будет касаться вопросов утверждения налогов и увеличения армии. После этого российский посол настоял на роспуске конфедерации. В результате Станислав Август и Чарторыйские лишились возможности провести реформы большинством голосов, хотя эту задачу можно было реализовать на конфидерационном сейме[1]. Правда, на том же сейме 1766 г. реформаторам удалось подтвердить постановления конвокационного сойма 1764 г., которые касались судопроизводства ВКЛ. Было уточнено разграничение компетенции гродских и земских судов, дополнительно вводился третий реестр судебных дел, определялись сроки их рассмотрения. Подтверждались и уточнялись постановления конвокационного сойма 1764 г. об апелляциях, трибунальских писарях и реестрах. Сойм 1766 г. позволил провести реформу асессорского суда ВКЛ: «Ординация Задворных судов ВКЛ»[2].

На сейме 1766 г. король вместе с Чарторыйскими, не согласились с российскими требованиями об уравнении в правах диссидентов. Это привело к обострению взаимоотношений с Россией, которая решилась на прямое вмешательство во внутриполитические дела Речи Посполитой и даже на военную интервенцию. Под российским нажимом сойм 1767–1768 гг. принял постановление об уравнении диссидентов в правах с католиками.

Реформаторам на этом сейме удалось закрепить некоторые постановления о функционировании парламентской системы. На сейме 1767–1768 гг. была принята конституция «Порядок проведения соймиков». В ней повторялись многие пункты о депутатских и элекционных соймиках, принятые ранее на коронационном сейме 1764 г. Дополнительно было принято постановление о том, что участвовать в соймиках в конкретном повете разрешалось только местным собственникам земли или держащим владения в заставе, которым должно было исполнится 18 лет. Одновременно быть избранным урядником, депутатом или послом мог только шляхтич, которому исполнилось 23 года. Запрещалось на соймиках принимать постановления о введении новых налогов. Возвращалось право ВКЛ об избрании на земские уряды не одного, а четырех кандидатов. Особо оговаривалось, что решения на посольских соймиках должны были приниматься единогласно. Однако, если этого не удалось сделать, то позволялось принимать решение большинством голосов[3].

Реформаторы во главе с королем Станиславом Августом пытались на делегационном сейме 1767–1768 гг. провести постановления о частичном ограниче-

[1] *Zielińska Z.* Przegrana walka o głosowanie większością. Stanisław August od października do grudnia 1766 r. // Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001. S. 117–128.

[2] Volumina Legum. T. VII. S. 236–242.

[3] Ibid. S. 293–294.

нии «либерум вето» и отмене права о созыве конфедераций, а также о введении Постоянного совета. Однако российское правительство через своего посла Николая Репнина заблокировало принятие таких решений.

Куда большее значение в сравнении с этими реформами имело принятие делегационным соймом 1767–1768 гг. решения об установлении российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Фактически Россия становилась гарантом непроведения реформ в Речи Посполитой[1]. Эти ограниченные реформы 1764–1768 гг. не могли спасти Речь Посполитую от агрессии со стороны соседних государств: России, Австрии и Пруссии, которые в 1772 г. провели Первый раздел Речи Посполитой. Под контролем России в Речи Посполитой были проведены и изменения ее внутреннего устройства. Сойм 1775 г. своим постановлением организовал Постоянный Совет. Этот орган руководил администрацией, подготавливал проекты соймовых постановлений, контролировал исполнение законов и в спорных вопросах давал им объяснение. Фактически Постоянный Совет ограничивал власть короля и должен был противостоять возможным реформам, так как в его состав входили многочисленные сенаторы и депутаты, выдвинутые российским послом Отто Магнусом фон Штакельбергом и финансировавшиеся из средств российского посольства[2]. Король утратил единоличное право назначать сенаторов, давать староства и державы, выдавать приказы органам администрации. Постоянный Совет состоял из короля (имел два голоса), 18 сенаторов (3 бискупов, включая примаса, 4 министров (по одному канцлеру, подскарбию, маршалку и гетману), 11 воевод) и 18 представителей шляхты (послов). Как раз из представителей шляхты избирался маршалок Постоянного Совета, который мог лишать права руководства заседаниями даже короля. В таком составе Постоянный Совет должен был заседать на протяжении 4 лет, но через каждые два года обязана была проходить ротация 2/3 его состава.

Работа Постоянного Совета находилась под контролем сойма, а точнее избранных на нем соймовых депутаций. Сойм 1776 г. принял решение о ликвидации сомнительных постановлений Постоянного Совета простым большинством голосов. Постоянный Совет делился на 5 департаментов: иностранных дел, армии, полиции, скарба и юстиции (справедливости). В каждый департамент входили от 4 до 8 человек. Департамент иностранных дел отвечал за дипломатию Речи Посполитой и его возглавлял король. Скарбовый департамент наблюдал за работой Скарбовых комиссий Короны и Княжества и во главе его находился подскарбий. Департамент справедливости, который возглавлял канцлер, наблюдал за работой судебной системы, исполнением судебных решений и рассматривал жалобы на коррупцию судей. Департамент полиции, или «Доброго порядка», возглавлял маршалок. Военный департамент во главе с гетманом после ликвида-

[1] *Носов Б.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 628–652.

[2] В 1763–1766 гг. Российская империя потратила на «польские дела» 7–8 % своего годового бюджета, т. е. 4 млн 400 тыс. руб. Только на подкуп послов сойма в 1764 г. российский посланник в Варшаве Н. В. Репнин потратил 60 тыс. руб. (История внешней политики России. XVIII в. М., 1998. С. 124).

ции в 1776 г. Военных комиссий Короны и Княжества принял руководство над армиями[1].

Однако не удалось ликвидировать отдельные Скарбовые комиссии для Короны и Княжества, объединив Скарб, который планировалось отдать под власть Скарбового департамента. Объединение Скарбовых комиссий не состоялось из-за сопротивления лидера придворной партии в Княжестве надворного подскарбия ВКЛ Антония Тызенгауза. Именно надворный подскарбий стал защитником прав ВКЛ при обсуждении реформ по унификации государственного устройства Речи Посполитой. По инициативе Тызенгауза послы из ВКЛ настояли на принятии решения соймом 1776 г. о том, чтобы соймовый суд был главным кассационным судом только для Короны, а в Княжестве им оставался Трибунал ВКЛ. Тызенгауз выступил и против кодификации права для Речи Посполитой. В результате делегаты посольских соймиков ВКЛ 1780 г. выступили против распространения «Кодекса Андрея Замойского» на ВКЛ. Одновременно А. Тызенгауз стремился усилить позиции ВКЛ в Речи Посполитой. Это соответствовало и изменению территориального соотношения между Короной и Княжеством после первого раздела, так как Польша утратила больше земель. Для уравнения диспропорции урядников Короны и Княжества в Сенате А. Тызенгауз предложил увеличить количество каштелянов в ВКЛ. Планировалось ввести 13 новых каштелянов в поветах ВКЛ и должность жмудского воеводы. Эта реформа должна была рассматриваться на сойме 1776 г. Против нее выступила антикоролевская оппозиция и даже королевские сторонники в ВКЛ: подканцлер ВКЛ Иоахим Хрептович и новогородский воевода Юзеф Неселовский. Наибольшее сопротивление предложенная реформа встретила среди коронных сенаторов и шляхты, так как они опасались, что в ситуации равенства посольских голосов ВКЛ может получить превосходство над Короной. Из-за этих опасений предложение А. Тызенгауза поддержали только 25 сенаторов, 22 посла из Короны и 31 посол из Княжества, против высказались больше – 36 сенаторов, 80 послов из Короны и 4 посла из Княжества[2].

В этот период Речь Посполитая почти полностью находилась под влиянием Российской империи. Это влияние реализовывалось через систему управления «король – посол», утвердившуюся в 80-е годы XVIII в. Российский посол в Речи Посполитой Отто Магнус фон Штакельберг, не имея достаточно влиятельной группировки своих сторонников и будучи не в состоянии привлечь на свою сторону антикоролевскую оппозицию, был вынужден пойти на контакт со Станиславом Августом. Тем более, что за союз с Штакельбергом выступала и придворная группировка, которая, как и король, была ориентирована на реформирование государства при поддержке Российской империи. Однако уже с 1786 г. наблю-

[1] *Šmigelskytė-Stukienė R.* Nuolatinė taryba: įsteigimas, organizacinė struktūra, veiklos bruožai 1775–1788 m. // Modernios administracijos tapsmas Lietuvoje: valstybės institucijų raida 1764–1794 metais. Vilnius, 2014. S. 176–179.

[2] *Michalski J.* Zagadnienia unii polsko-litewskiej w czasach panowania Stanisława Augusta. S. 52–55.

Казимир Нестор Сапега.
Худ. Ф. Й. Пичман. 1787 г.

дается ослабление этой системы[1]. Штакельберг предпринимал попытки сформировать проросийскую группировку из антикоролевской оппозиции. Антикоролевская оппозиция получила поддержку и союзницы России – Австрии. Во главе оппозиции находились влиятельные магнаты: генерал подольских земель Адам Казимир Чарторыйский, великий гетман ВКЛ Михал Казимир Огинский, польный коронный гетман Франтишек Ксаверий Браницкий, надворный маршалок ВКЛ Игнатий Потоцкий, генерал коронной артиллерии Станислав Щенсный Потоцкий и генерал артиллерии ВКЛ Казимир Нестор Сапега. Интересно, что поддерживаемая Россией антикоролевская оппозиция, планировала лишить короля власти и таким образом «нанести удар по методу России управлять народом через короля и посланника»[2]. Таким образом, среди лидеров антикоролевской оппозиции находились ведущие магнаты ВКЛ. Однако на предсоймовых соймиках 1786 г. в ВКЛ победили королевские сторонники. Это случилось из-за внутренних противоречий внутри антикоролевской оппозиции. Кроме того, не удалось ослабить королевскую группировку ВКЛ, хотя оппозиция старалась переманить на свою сторону ее лидеров: виленского воеводу Кароля Станислава Радзивилла, подканцлера ВКЛ Иоахима Хрептовича и писаря ВКЛ Алоизия Сулистовского. Придворная партия победила. События 1786 г. привели к охлаждению отношений короля Станислава Августа с российским послом Штакельбергом. Причиной была деятельность российского посла на стороне антикоролевской оппозиции. Поддержка Штакельберга содействовала дальнейшему усилению антикоролевской оппозиции[3].

Время следующих реформ для укрепления независимости Речи Посполитой наступило во время Великого (Четырехлетнего) сойма 1788–1791 гг. Сойм начал свою работу 7 октября 1788 г., а уже 10 октября 1788 г. прусским послом был озвучен протест против планируемого союза Речи Посполитой и России, а также предложение заключить такой союз с Пруссией. Это было поддержано послами на сойме. Было принято решение об увеличении армии до 100 тыс. человек, а также о ликвидации Военного департамента Постоянного Совета. Вместо него была образована Военная комиссия. Это было явным вызовом России, которая выступала гарантом государственного строя Речи Посполитой.

[1] *Danilczyk A.* Afera Dogrumowej a konsolidacja opozycji antykrólewskiej w latach 1785–1786 // Kwartalnik Historyczny, 2004. R. 111, № 4. S. 48–51.

[2] *Danilczyk A.* W kręgu afery Dogrumowej. Sejm 1786 roku. Warszawa, 2010. S. 67–68; *Idem.* Afera Dogrumowej a konsolidacja opozycji antykrólewskiej w latach 1785–1786. S. 78–80.

[3] *Šmigelskytė-Stukienė R.* Mykolas Kleopas Oginskis: politikas, diplomatas, ministras ir jo pasų kolekcija. Vilnius, 2013. S. 45–46.

Иное дело, что сложно было найти финансовые средства для такого увеличения армии. В два раза была увеличена арендная плата с держателей староств, а с держателей бывших иезуитских владений (эмфитез) – в 3,5 раза. Вводился налог в 10 % с годовой прибыли со шляхетских владений и 20 % – с духовных («вечная жертва»). Однако из планируемой суммы в 40 млн злотых удалось собрать только около половины. Поэтому было принято решение сформировать войско численностью 65 тыс. человек[1].

В конце 1788 г. сойм провел реформу дипломатической службы. Была учреждена Депутация иностранных дел, которая должна была назначать посланников, хотя до этого времени этими полномочиями обладали король и Постоянный Совет. Депутация иностранных дел формировалась по принципу паритета Короны и Княжества: входили по два канцлера, два вице-канцлера, маршалки обеих конфедераций сойма, а также избранные соймом три сенатора и шесть членов посольской избы[2]. Посольства Речи Посполитой назначались как одноразовые миссии, после которых посланники должны были представить отчет сойму. Депутация иностранных дел функционировала с 29 декабря 1788 г. по 16 мая 1791 г., когда, после принятия новой конституции и начала централизации государственного управления, функции Депутации иностранных дел были переданы руководимым министром иностранных дел Кабинету иностранных дел Охраны Законов (начал свою работу 19 июня 1791 г.)[3].

В рамках дальнейших реформ 21 января 1789 г. было принято решение сойма о ликвидации Постоянного Совета. Это было воспринято как отказ от российских гарантий. Король Станислав Август также отказался от предложения российского посла Штакельберга создать пророссийскую конфедерацию, хотя считал, что реформирование государственного устройства Речи Посполитой в первую очередь возможно при поддержке России[4]. Речь Посполитая проводила активные переговоры о союзе с Пруссией. Несогласие Речи Посполитой передать Пруссии Гданьск и Торунь привели к охлаждению взаимоотношений между государствами. Несмотря на это, 29 марта 1790 г. между Речью Посполитой и Пруссией был подписан союзный договор. Пруссия и Речь Посполитая взаимно гарантировали целостность территорий, военную помощь в случае нападения третьей стороны. Кроме того, Пруссия принимала на себя обязательство поддержать Речь Посполитую в случае попыток вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой третьей стороны (подразумевалась прежде всего Россия) на основании предыдущих договоров или обязательств. Одновременно согласно этому договору ликвидировался протекторат России над Речью Посполитой и Россия переставала быть гарантом ее формы правления[5].

[1] *Емельянчык У.* Чатырохгадовы (1788–1792) сейм і значэнне яго рашэнняў для Беларусі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. С. 231–232.

[2] *Michalski J.* Dyplomacja polska w latach 1764–1795. Historia dyplomacji polskie. / pod red. Zbigniewa Wójcika. Warszawa, 1982. T. II. S. 655.

[3] Volumina Legum. T. IX. Kraków, 1889. S. 271. С. 413.

[4] *Kądziela Ł.* Blaski i cienie Polskiej polityki w latach 1788–1792 // Od Konstytucji do insurekcji. Studia nad dziejami Rzeczypospolitej w latach 1791–1794. Warszawa, 2011. S. 27–28.

[5] *Zielińska Z.* Ostatnie tygodnie ambasady Ottona Stackelberga w świetle jego raportów (styczeń 1789 – czerwiec 1790) // Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001. S. 178–181.

Реформа локальной администрации была проведена 19 ноября 1789 г. Были образованы гражданско-военные порядковые комиссии. Эти комиссии должны были вести учет населения; собирать «подымный налог»; расквартировывать и обеспечивать армию рекрутами и провиантом; руководить образованием парафиальных школ; вести надзор за мерами и весами, ценами, мануфактурами, корчмами, городами, коммуникациями и т. д.; заниматься вопросами роста урожайности, земледелием, ремеслами и торговлей. Кроме того, гражданско-военные порядковые комиссии становились судами первой инстанции, которые рассматривали хозяйственные дела и дела по административным нарушениям с принятием окончательного решения (без апелляции), если иск не превышал 300 злотых, а наказание – 50 злотых и три дня тюрьмы. Планировалось, что эти комиссии также будут рассматривать споры между гражданскими и военными лицами, наказывать за неповиновение власти и землевладельцам, но не будут иметь права судить по уголовным делам[1].

Осенью 1790 г. оканчивались полномочия сойма, и было принято решение о продолжении его работы после избрания дополнительно новых послов на поветовых соймиках. 16 декабря 1790 г. новоизбранные послы присоединились к остальным и по предложению короля Станислава Августа подписали акт конфедерации[2].

На сойме 18 апреля 1791 г. был принят «закон о городах». Согласно ему, мещане королевских городов получали значительные права, которые во многом уравнивали их со шляхтой: неприкосновенность личности и имущества, право занимать офицерские должности, нобилитация (получение шляхетства). Представители городов также получали право заседать в сейме.

Принятие Конституции 1791 г. В 1791 г. значительно ухудшилось геополитическое положение Речи Посполитой. Российская империя окончила войны со Швецией и Османской империей и могла заняться проблемой контроля над Речью Посполитой. Сближаться с Россией стала и союзница Речи Посполитой Пруссия. Для быстрейшего проведения широкого спектра реформ было принято решение о предоставлении сойму проекта новой Конституции для ее утверждения. Учитывая, что многие пункты Конституции вызвали явное противодействие, то было принято решение провести ее утверждение сразу после Пасхальных праздников, в отсутствие многих оппозиционных послов. Одновременно предупрежденные сторонники принятия Конституции в полном составе уже находились в Варшаве. «Закон о правлении» был принят 3 мая 1791 г. и в дальнейшем получил название Конституции 3 мая 1791 г. За это решение проголосовали 182 сенатора и посла, против – 72 (только 28 из них сложили письменные протесты в варшавском гроде)[3].

---

[1] *Гардзееў Ю.* Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы Чатырохгадовага сойма (1789–1792). Смаленск, 2014. С. 30–36.

[2] *Емельянчык У.* Чатырохгадовы (1788–1792) сейм і значэнне яго рашэнняў для Беларусі. С. 234.

[3] Там же.

USTAWA
RZĄDOWA.

PRAWO UCHWALONE.

Dnia 3 Maia, Roku 1791.

w WARSZAWIE,

u P. Dufour Konsyl: Nadw: J. K. Mci i Dyrektora Druk: Korp: Kad:

Титульный лист напечатанного варианта Конституции 3 мая 1791 г.

Безусловно Конституция 3 мая 1791 г. значительно изменяла государственное устройство Речи Посполитой и укрепляла это государство. Согласно Конституции 3 мая 1791 г., власть была разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Законодательную власть представлял сойм (состоял из Сената и Посольской избы). В его состав входили 204 избираемых на поветовых соймиках посла, 24 представителя королевских городов (имели голос только в вопросах, касающихся городов, торговли и ремесла), 102 сенатора (воеводы и каштеляны), бискупы и министры (всего 132 сенатора). Сенат был лишен права «вето» в политических, гражданских и судебных вопросах. Соймы должны были созываться каждые два года на 70 дней с возможностью продлить заседания до 100 дней. Послы избирались на 2 года. Кроме того, можно было созвать сойм для чрезвычайного заседания в случае противоречий короля с Радой министров (Стражей Законов). Постановления на сойме принимались большинством голосов, и, таким образом, отменялось «либерум вето». Сойм должен был контролировать правительство и все иные государственные органы. Каждые 25 лет должен был созываться сойм для поправки конституции, так называемый конституционный сойм. На нем Сенат мог исполнять только совещательную функцию.

Исполнительную власть в государстве представлял король вместе с Радой министров. Права короля ограничивались созывом сойма, законодательной инициативой, а также тем, что от королевского имени оглашались постановления и раздавались все должности (уряды). Король оставался главнокомандующим во время войны. Рада министров созывалась королем, а ее деятельность контролировалась соймом. Рада министров стояла во главе государственной администрации и отчитывалась перед соймом. Кроме того, был введен новый орган администрации – Комиссия Полиции, которая вела надзор главным образом за городами. В результате Рада министров состояла из короля (ведущий заседаний), примаса (руководитель Эдукационной комиссии), 5 министров (полиция внутренних дел, иностранных дел, военного и скарба), совершеннолетнего наследника трона (без права голоса), маршалка сойма (без права голоса), который должен был обеспечить взаимодействие Рады министров с соймом. Каждое постановление Рады подписывалось тем министром, к сфере деятельности которого оно относилось. В случае нарушения закона министр мог быть осужден соймом и лишен своей должности.

Судебная система существенно не изменялась. Высшим судебным органом оставались трибуналы (Коронный в Короне и Литовский в ВКЛ).

Политические права оставались только у шляхты, владеющей землей, что значительно ослабляло влияние магнатов, подкупавших в основном бедную, безземельную шляхту. Решения на соймиках должны были приниматься большинством голосов, отменялись присяги послов поветовым соймиковым инструкциям, и они могли действовать независимо от воли шляхты конкретного повета. Соймовые послы избирались сроком на два года и по окончании сойма могли быть созваны королем или соймовым маршалком на чрезвычайные заседания сойма.

Министр иностранных дел Иоахим Хрептович. Худ. Й. Грасси. 1795 г.

Также были ликвидированы законы, приводившие к анархии государственного устройства: «либерум вето», конфедерации, рокоши, свободные выборы короля, исключительное право шляхты владеть землей и занимать уряды. Безусловно, в сложившейся ситуации Конституция 3 мая 1791 г. носила прогрессивный характер и укрепляла государство[1].

Среди прочего Конституция 3 мая 1791 г. отражала стремления короля и польских послов по унификации государственного строя Речи Посполитой. Это вызвало консолидированные протесты и противодействие со стороны сенаторов и послов ВКЛ. В результате король Станислав Август и его коронные сторонники были вынуждены пойти на уступки, опасаясь, чтобы конфликт с сенаторами и послами ВКЛ не стал поводом для иностранного вмешательства. Так, 5 мая 1791 г. предписывалось присягнуть Конституции 3 мая 1791 г. «всем национальным войскам, размещенным в державах Короны Польской и Великого Княжества Литовского». В законе о сейме, принятом 12–16 мая 1791 г., сохранялись положение о проведении каждого третьего сойма в ВКЛ, а также отдельные соймовые «провинциональные» (с участием всех послов и сенаторов Княжества) сессии. Окончательно самостоятельность ВКЛ была подтверждена соймом 20 октября 1791 г. во «Взаимной гарантии двух народов». Этот документ был приравнен к акту Люблинской унии и включалася в королевские «пакта конвента», т. е. в будущем не мог быть изменен. Согласно ему, в совместных Скарбовой и Военных комиссиях сохранялось ровное количество представителей от Короны и Княжества. Руководство этими комиссиями также осуществлялось по очереди представителями Короны и Княжества. В Княжестве сохранялось такое же количество министров и чиновников, как и в Короне, с теми же функциями и титулами. Фактически таким образом признавалось равенство ВКЛ

[1] Ustawa rządowa. Prawo uchwalone Dnia 3 Maia, Roku 1791, Warszawa, 1991, S. 3–36. *Емельянчык У.* Чатырохгадовы (1788–1792) сейм і значэнне яго рашэнняў для Беларусі. С. 236.

Колонна в честь Конституции 3 мая 1791 г., воздвигнутая в д. Леонполь Верхнедвинского р-на

с Короной Польской в рамках Речи Посполитой[1]. Таким образом, «Взаимная гарантия двух народов» на законодательном уровне подтвердила самостоятельность ВКЛ.

Конституция 3 мая 1791 г. и «Взаимная гарантия двух народов» получили поддержку в ВКЛ. Конституцию 3 мая 1791 г. однозначно поддержали практически все соймики ВКЛ. Против этих реформ выступила Россия, которая, закончив войны с Османской империей и Швецией и примирившись с Пруссией, занялась возвращением Речи Посполитой под свою протекцию, что означало отмену Конституции 3 мая 1791 г. и «Взаимной гарантии двух народов». Это было сделано с помощью несогласных с этими реформами внутри Речи Посполитой[2].

Таким образом, XVIII век – сложный период истории для ВКЛ и Речи Посполитой, когда для укрепления политической независимости государства предпринимались многочисленные попытки реформировать государственное устройство. Этому активно мешали иностранные государства, которые были заинтересованы в слабости Речи Посполитой. Однако, надо отметить, что было значительное количество несогласных с реформами и внутри Речи Посполитой.

Для ВКЛ, как и для всей Речи Посполитой, в правление Августа III главными реформами стали: военная (увеличение армии) и связанная с ней финансовая (системы налогообложения). Эти реформы не принимала шляхта, которая хотела отмены «подымного» налога. В случае его отмены средства для увеличения армии ВКЛ взять было просто негде. Полную поддержку шляхты получили предложения по судебной реформе. В основном они касались реформирования судов низшей инстанции (земских, гродских и иных), а также Трибунала ВКЛ. Реформы не удалось реализовать из-за борьбы магнатских группировок на соймах Речи Посполитой 1746 и 1748 гг.

Однако в обществе увеличилось количество людей, которые понимали необходимость и неизбежность реформ для усиления государства и укрепления его политической независимости. Ситуация в период «бескоролевья» 1764 г. дала возможность реформаторам из группировки «Фамилии», с трудом преодо-

[1] *Бардах Ю.* Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. С. 383–390.

[2] *Емельянчык У.* Чатырохгадовы (1788–1792) сейм і значэнне яго рашэнняў для Беларусі. С. 237.

левая сопротивление соседних государств, провести некоторые экономические и судебные реформы. Не удалось, однако, реализовать главную из них – отменить «либерум вето» на сойме и поветовых посольских соймиках. Эта ситуация подтвердила, что государственные реформы не всегда имеют поддержку в обществе.

Реформаторы во главе с королем Станиславом Августом планировали унифицировать государственное устройство Польши и ВКЛ. Это встретило противодействие магнатов и шляхты ВКЛ во главе с надворным подскарбием ВКЛ Антонием Тызенгаузом. Более того, Тызенгауз с учетом роста влияния ВКЛ в Речи Посполитой после Первого раздела предлагал законодательно закрепить равенство ВКЛ и Короны. Однако коронные послы и сенаторы фактически единым фронтом выступили против такого предложения на сойме 1776 г.

В результате решений сойма 1788–1792 гг. Речь Посполитая была преобразована в конституционно-парламентскую монархию. Согласно Конституции 3 мая 1791 г., создавалась новая государственная администрация, которая соответствовала передовым веяниям эпохи. Еще ранее с введением гражданско-военных порядковых комиссий была реформирована местная администрация. Реформированию были подвергнуты законодательная и исполнительная ветви власти Речи Посполитой. В Конституции 3 мая 1791 г. был закреплен один из основных демократических принципов государственного устройства – разделение государственной власти на три ветви: исполнительную, законодательную и судебную. Этот принцип реализуется и в современных демократических государствах.

Таким образом, было проведена полная реформа государственного устройства Речи Посполитой. Реализованные реформы носили прогрессивный характер и должны были укрепить политическую независимость государства. Магнаты и шляхта ВКЛ в своем большинстве не желали ликвидации самостоятельности ВКЛ и унификации Речи Посполитой, что вынудило короля и иных реформаторов пойти на уступки. В результате 20 октября 1791 г. была заключена «Взаимная гарантия двух народов», которая подтвердила самостоятельность ВКЛ и его правосубъектность в составе Речи Посполитой. Удовлетворенные уступками магнаты и шляхта ВКЛ на сеймиках 1792 г. поддержали принятие Конституции 3 мая 1791 г.

5.10. УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ВКЛ

Предпосылки и проведение экономических реформ. Наряду с политическими реформами еще одной существенной характеристикой времени правления Станислава Августа Понятовского были экономические преобразования.

Начало так называемой станиславовской эпохи стало переходным периодом от бесспорного господства традиции к определенной модернизации общества, от феодализма к капиталистическому укладу. Именно во второй половине

XVIII в. в сознании наиболее прогрессивной части политической элиты в связи со слабостью центральной власти, углублением феодальной анархии и отсталостью экономики государства возникло чувство опасности за будущее страны и пришло осознание необходимости реформирования[1].

Проведению экономических реформ на землях ВКЛ именно во второй половине XVIII в. способствовали три основных фактора.

Во-первых, к середине XVIII в. завершилось так называемое разрушительное столетие, вызванное войнами (казацко-крестьянской войной 1648–1651 гг., войной России с Речью Посполитой 1654–1667 гг., Северной войной 1700–1721 гг.). Продолжительные военные действия искусственно прервали естественный процесс экономического развития в ВКЛ, в результате чего, как уже упоминалась выше, на протяжении практически ста лет главной задачей государства была необходимость скорейшего восстановления хозяйственной жизни. Результатом государственной экономической политики второй половины XVII – первой половины XVIII в. стало не только возвращение в хозяйственное обращение значительных массивов пахотных земель и увеличение производства зерна, но и быстрое укрепление и развитие внутреннего рынка, расширение товарно-денежных отношений[2].

Во-вторых, период завершения восстановления хозяйства совпал по времени с распространением на землях ВКЛ идеологии Просвещения, которая пропагандировала культ образования и науки. Идеи гуманизма, естественных прав (право на жизнь, свободу, собственность), достижения в гуманитарных и естественных науках привели к настоящей ревизии мировосприятия наиболее образованной части общества в различных областях, в том числе и экономической. Чрезвычайно популярным стало положение идеологии Просвещения, которое доказывало, что политическая безопасность страны во многом зависит от ее экономического положения, от благосостояния населения.

Важную роль в пропаганде новых идей и их реализации сыграло распространение на всей территории Речи Посполитой различных изданий экономического характера. Экономическая литература давала не только новую информацию о перспективах организации хозяйственной жизни. Находящиеся там примеры о достижениях в европейских странах влияли также на сознание людей, следовательно, на усиление патриотических чувств. Примеры экономического роста Англии и Франции, а также противопоставление былого величия Речи Посполитой существующему положению и обоснование причин, по которым это происходило, приводили к осознанию необходимости реформирования хозяйственной системы в своем государстве, опираясь на исторические знания, европейский опыт и реалии хозяйственной и общественной жизни[3].

---

[1] Z dziejów polskiej myśli filozoficznej i społecznej. Warszawa, 1956. T. II: Wiek XVIII: Oświecenie. S. 10.

[2] *Кітурка І. Ф.* Дзяржаўныя ўладанні на землях Беларусі ў другой палове XVII – XVIII ст.: палітыка гаспадарчага аднаўлення і развіцця / пад рэд. В. Ф. Голубева. Гродна, 2003. С. 98–99.

[3] *Кітурка І.* Эканамічная літаратура другой паловы XVIII ст. аб неабходнасці і шляхах рэфармавання сельскай гаспадаркі Вялікага княства Літоўскага // Silva rerum nova: штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі. Вільня; Мінск, 2009. С. 163.

Выборы Станислава Августа Понятовского. 1764 г. Худ. Б. Беллотто. XVIII в.

Третьим фактором явилась победа на элекционном сойме 1764 г. прогрессивной магнатской группировки во главе с Чарторыйскими («Фамилия»). Магнаты и шляхта, которые хотели улучшить ситуацию в стране и стремились провести реформы в экономике и политике, объединились вокруг «Фамилии» и составили ядро королевской партии, которая должна была создать опору власти и поднять ее авторитет.

Создание и деятельность Скарбовой комиссии ВКЛ. Попытки проведения реформ в области экономики начались еще во время конвокационного сойма 1764 г., среди основных решений которого можно выделить следующие:

ограничение практики применения права «либерум вето» по экономическим вопросам – решения по ним стали приниматься простым большинством голосов;

отмена внутригосударственных торговых пошлин и замена их «генеральной пошлиной»;

введение в государстве единой системы мер и весов;

решение о создании разветвленной системы путей сообщения для активизации торговли в стране и др.

Однако самым важным решением в этой сфере стало создание по примеру Польской короны Скарбовой комиссии ВКЛ (Экономической рады литовского скарба) – специального государственного органа по управлению финансами, контролю за сбором и распределением налогов, осуществлением судебных функций по финансовым делам, надзору за торговлей и вообще за хозяйственной ситуацией в стране.

Появление таких государственных структур, как Скарбовые комиссии (Коронная и ВКЛ), было исключительно необходимым для стабилизации финансового положения и эффективного экономического развития страны. Их учреждение было инициировано представителями «Фамилии» и являлось частью «плана Чарторыйских» по уменьшению власти великих подскарбиев, роль которых теперь сводилась только к председательствованию на заседаниях соответствующей комиссии, где решения принимались большинством голосов[1].

В тексте конституции конвокационного сойма 1764 г. подчеркивалось, что главной причиной создания Скарбовой комиссии ВКЛ (далее – Комиссия) было желание властей «наилучшим способом навсегда организовать порядок Литовского скарба и умножить его доходы через введение лучшего управления и хозяйствования на пользу Речи Посполитой»[2]. Этим постановлением был определен и состав Скарбовой комиссии ВКЛ: 2 подскарбия (великий и надворный), 2 человека из Сената и 7 человек из рыцарского (шляхетского) сословия. Таким образом, общее число членов Скарбовой комиссии ВКЛ первоначально включало 11 человек, которые избирались на сойме и срок полномочий которых составлял 2 года.

Вступая в должность, комиссары Скарбовой комиссии ВКЛ должны были дать присягу, текст которой был утвержден соймом: «Я, N, клянусь Господу Богу в Троице Святой Единому, что на заседаниях этой Экономической рады ни на что иное, а только на общественное благо буду обращать внимание; ни давления, ни протекций, вредных для Речи Посполитой, оказывать не буду, всегда этому буду возражать; кроме жалованья, предназначенного мне Речью Посполитой, никаких вознаграждений и никаких пожертвований никаким способом ни сам, ни через подчиненных лиц искать не буду и не позволю. К скарбовым официалистам (государственным служащим. – *И. К.*), которые будут сдавать счета об общих доходах и различные специфические отчеты, не буду относиться ни с пристрастием, ни с ненавистью, а исключительно по правильности и добросовестности буду советовать и решать дела. Именно таким образом данная Комиссия будет работать. В этом поможет мне Господь Бог и невинная мука его Сына»[3].

Провозглашалось, что работа Скарбовой комиссии будет осуществляться в ходе двух каденций (периодов заседания) в год: первая – со 2 января, вторая – с 1 июля. Продолжительность каждой каденции определялась в шесть недель без всяких перерывов («разве только дел и счетов не будет»). Заседания должны были проводиться каждый день, за исключением праздников, с 8 часов утра до 11 и после перерыва с 14 до 18 часов.

Постановлением конвокационного сойма была очерчена и сфера полномочий Скарбовой комиссии ВКЛ:

она должна была заботиться об увеличении скарбовых доходов и справедливом их взыскании, поэтому одной из первоочередных ее обязанностей была раз-

[1] *Danowska E.* Komisja Skarbu Koronnego – zakres władzy i odpowiedzialności // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. Kraków, 1996. Rok XLI. S. 45.

[2] Volumina Legum. T. VII. S. 75.

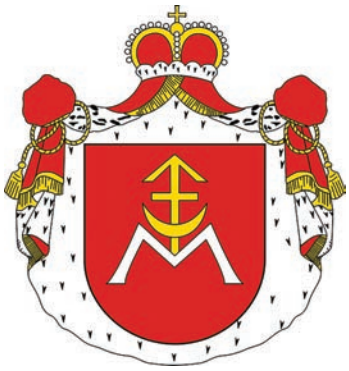
[3] Ibid. S. 75–76.

работка нового общего («генерального») таможенного тарифа на основании уже существующих инструкций;

несла ответственность за исполнение на территории ВКЛ постановления сойма о введении единой системы мер и весов;

была обязана по мере необходимости направлять в воеводства и поветы ревизоров для проведения люстрации трактов с описанием имеющихся на них мостов, плотин, мельниц и т. д.;

отвечала за обеспечение судоходства в период навигации на портовых реках;



Герб князей Массальских

назначала скарбовых служащих (официалистов) («католиков шляхетского происхождения») и убирала с должности тех, кто недобросовестно выполнял свои служебные обязанности;

следила за порядком и хозяйственным состоянием в государственных владениях;

должна была осуществлять судебные функции, касающиеся финансовых вопросов: рассматривать жалобы купцов на несправедливое взимание пошлины, взаимные жалобы купцов, в которых затрагивались интересы государства, а также коммерческие интересы с любыми лицами (духовными или светскими, шляхетскими или иного сословия) и др.[1]

Это же постановление определило годовое жалованье для членов Экономической рады Литовского скарба:

для великого подскарбия ВКЛ, которым на момент создания Комиссии был Юзеф Массальский, – 120 000 польских злотых (далее – пол. зл.), а для его преемников – 80 000 пол. зл.;

для надворного подскарбия ВКЛ – 20 000 пол. зл., из которых 10 000 пол. зл. должны были выплачиваться из казны ВКЛ, а другие 10 000 пол. зл. – из доходов от столовых экономий ВКЛ, т. е. из королевской казны;

для всех остальных комиссаров – по 8000 пол. зл.;

для скарбового регента, которого Экономическая рада должна была выбрать для ведения протоколов, декретов и содержания в порядке скарбовых бумаг, – 2000 пол. зл.

Скарбовый регент не имел права голоса на заседаниях Комиссии.

Согласно постановлению сойма, жалованье должно было выплачиваться в конце каждой каденции, и для каждого конкретного комиссара сумма зависела от времени его участия в заседаниях Скарбовой комиссии. Так, если комиссар присутствовал на всех заседаниях каденции от начала до конца, то ему выплачивалось полугодовое жалованье. Тем же, кто пропустил определенное время, сумма выплаты насчитывалась пропорционально времени его присутствия[2]. Это ограничение не касалось великого и надворного подскарбиев ВКЛ.

[1] Volumina Legum. T. VII. S. 75–77.

[2] Ibid. S. 78.

Таким образом, создание в ВКЛ такого государственного органа, где все решения принимались большинством голосов, уже само по себе свидетельствовало о начале модернизационных процессов. Кроме того, хотя за заслуги перед государством и монархом шляхтичи всегда награждались недвижимостью (староствами и державами), однако сам факт получения за службу жалованья, которое к тому же не было персонифицированным, а определялось для каждой конкретной должности, говорил о безусловном нововведении[1].

Наделяя Скарбовую комиссию ВКЛ широкими полномочиями, в постановлении сойма особо были выделены те отрасли, которые находились вне сферы ее компетенции. Так, ей запрещалось повышать или снижать существующие налоги; вмешиваться в любые дела между земскими владениями; влиять на количественный состав, размещение и оплату войска; принимать какие бы то ни было уставные документы (законы)[2].

Таким образом, конвокационный сойм 1764 г. провозгласил создание Скарбовой комиссии ВКЛ и заложил организационно-правовые основы ее деятельности, которые уточнялись или изменялись в соответствии с дальнейшими решениями этого законодательного собрания. Так, уже в декабре 1764 г. решением коронационного сойма был ликвидирован Скарбовый трибунал ВКЛ, и Скарбовая комиссия еще до официального начала работы получила обширные административные, контролирующие и судебные полномочия в финансовых и экономических делах государства[3].

Впоследствии сойм 1766 г. изменил периодичность заседаний Скарбовой комиссии ВКЛ. В постановлении сойма подчеркивалось, что за две шестинедельные каденции нельзя достичь эффективной работы. В связи с этим определялось, что после январской каденции 1767 г. следующие заседания должны будут происходить таким образом: первая двухнедельная каденция – с 8 марта, вторая, шестинедельная, – с 1 июня, третья, двухнедельная, – с 8 сентября и последняя, шестинедельная, – с 1 декабря. Было также подтверждено, что принятие решений по экономическим и судебным делам могло происходить при наличии не менее чем 5 комиссаров[4].

Несколько изменился и порядок оплаты комиссарам за участие в работе Скарбовой комиссии. Так, за шестинедельную каденцию при условии постоянного присутствия на заседаниях каждый комиссар получал 3000 пол. зл., за двухнедельную – 1000 пол. зл. Таким образом, максимальная сумма оплаты за год составляла 8000 пол. зл., как и было намечено на конвокационном сойме 1764 г., но при этом дополнительно были введены две каденции, и рабочее время комиссаров реально увеличилась на 4 недели.

Постановлением чрезвычайного Варшавского сойма 1768 г. численность комиссаров Скарбовой комиссии ВКЛ была уменьшена до 6 человек, а с учетом двух подскарбиев стала составлять 8 человек. Минимальный комплект

[1] *Kula W.* Rządzący i rządzeni // Wiek XVIII. Polska i swiat. Warszawa, 1974. S. 403.
[2] Volumina Legum. T. VII. S. 78.
[3] Ibid. S. 172–173.
[4] Ibid. S. 228.

присутствующих для легитимного заседания определялся в количестве четырех человек вместе с председателем, который в случае рассмотрения спорных вопросов имел два голоса. Для чрезвычайных заседаний Комиссия могла собираться в количестве трех человек[1].

Значительные изменения в работу Скарбовых комиссий как ВКЛ, так и Короны, были внесены решениями сойма 1775 г., на котором при короле был создан Постоянный совет – специальный орган из пяти департаментов. Деятельность обеих Скарбовых комиссий попала под контроль Скарбового департамента[2].

Основные поступления в казну ВКЛ складывались из нескольких статей: *кварты* (четвертой части дохода) с государственных владений (староств и держав); *торговой (мытной) пошлины*, которая взималась на таможенных пунктах; *чопового и шеляжного* – специального налога на право производства и продажи спиртных напитков, а также налога с еврейского населения – *поголовного еврейского*. Так как размер налогов был фиксированным и закрепленным конституционными нормами, то увеличение доходов казны могло быть осуществлено главным образом путем повышения эффективности экономического развития государственных владений и расширения торговли. Поскольку вся работа комиссаров Скарбовой комиссии должна была способствовать увеличению доходов казны ВКЛ, то в обязанность им вменялось рассмотрение всех предложений и проектов по экономическому реформированию. С одной стороны, власти приглашали к дискуссии всех, кто имел какое-либо мнение по поводу возможности улучшения ведения хозяйства или торговли. С другой, для государственных служащих – таможенников, экзакторов чопового и шеляжного, люстраторов и т. д. внесение предложений о повышении эффективности работы на вверенном им направлении являлось их непосредственной обязанностью, что нашло отражение даже в тексте присяги.

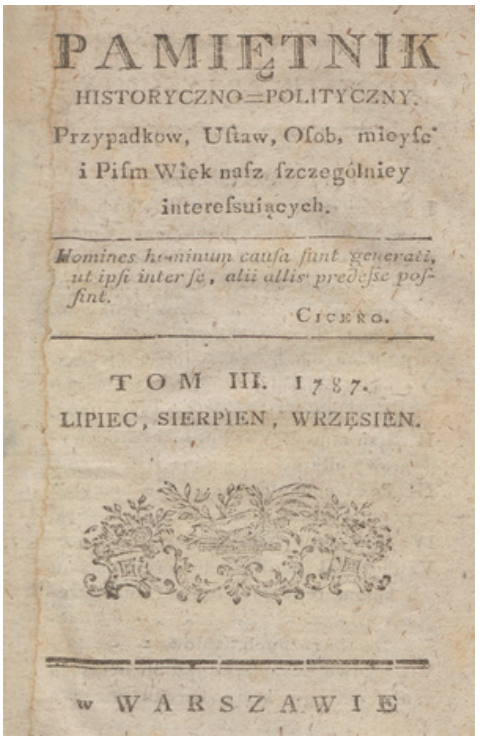
Преобладание в стране аграрного сектора экономики предопределило вектор первоочередного реформирования. На территории Речи Посполитой, в том числе и в ВКЛ, во второй половине XVIII в. стали популярными идеи физиократов, активным сторонником которых был сам Станислав Август Понятовский. Широко известным стал тезис основоположника школы физиократов Ф. Кенэ о том, что «государь и народ никогда не должны забывать, что земля является единственным источником богатства и что только одно сельское хозяйство преумножает последнее»[3]. Таким образом, абсолютное первенство физиократы отдавали сельскому хозяйству и много внимания уделяли необходимости его усовершенствования: улучшению земледелия, развитию животноводства, фермерства, а также отмене всякой регламентации торговли и промышленности со стороны государства.

Яркой иллюстрацией пропаганды теории физиократов в стране могут служить следующие цитаты, содержавшиеся в различных изданиях: «Ничего нет

[1] Volumina Legum. T. VII. S. 312.

[2] Ibid. T. VIII. Petersburg, 1860. S. 70.

[3] *Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения. М., 1960. С. 133.


PAMIĘTNIK
HISTORYCZNO-POLITYCZNY.
Przypadkow, Uſtaw, Oſob, mieyſc
i Piſm Wiek naſz ſzczególniey
intereſuiących.
Homines hominum cauſa ſunt generati,
ut ipſi inter ſe, alii aliis prodeſſe poſ-
ſint.
CICERO.
TOM III. 1787.
LIPIEC, SIERPIEN, WRZESIEN.
w WARSZAWIE

Историко-политический и экономический дневник. Т. 3. Варшава, 1787 г.

более убедительного, чем то, что сельское хозяйство является фундаментом политического строительства любого государства и что народ, который желает подняться из слабости и нищеты, в первую очередь должен прикладывать максимум сил для улучшения и совершенствования сельского хозяйства»[1]; «когда сельское хозяйство станет более совершенным, тогда в государстве быстро поднимется общественный, военный и торговый дух, поскольку там, где развивается сельское хозяйство, развиваются науки, ремесла, патриотизм и религия»[2]; «земледелие является Матерью всех других ремесел»[3] и т. д.

При этом в литературе второй половины XVIII в. напрямую определялись связь и зависимость между успехом в реформировании сельского хозяйства и обязательностью социальных перемен в обществе. Своеобразное подведение итогов таких изменений содержалось в IV томе «Историко-политического дневника» за 1784 г., где, в частности, отмечалось, что «усовершенствование сельского хозяйства зависит от шести обязательных компонентов: 1) просвещения земледельцев; 2) их уверенности в собственной безопасности и безопасности своего имущества; 3) установления для них справедливости; 4) обдумывания для них способов продажи излишков продукции; 5) введения в городах, местечках и деревнях собственной пропинации; 6) назначения награды для лучших крестьян-земледельцев»[4].

Серьезно к рассмотрению вопроса о проведении хозяйственных реформ в государственных владениях с целью увеличения доходов в казну ВКЛ депутаты обратились на конвокационном сойме 1764 г. Именно с постановлением под названием «О справедливой кварте»[5], принятом на этом форуме, связывается

[1] Pamiętnik Historyczno-Polityczno-Ekonomiczny. Warszawa, 1789. T. I. S. 242.

[2] Pamiętnik Historyczno-Polityczno-Ekonomiczny. Warszawa, 1787. T. III. S. 626.

[3] Roślin potrzebnych, pozytecznych, wygodnych, osobliwie Kraiowych, albo ktore w kraiu uzyteczne byc mogą, utrzymanie, rozmnozenie, i zażycie. T. III: O rolnictwie, zbozach, łąkach, chmielnikach, winnicach, y roślinach gospodarskich: przez X. Krzysztofa Kluka, kanonika Kruswickiego, proboszcza Ciechanowieckiego. Warszawa, 1779. S. 4.

[4] Pamiętnik Historyczno-Polityczny. Warszawa, 1784. T. IV. S. 1141.

[5] Volumina Legum. T. VII. S. 79–81.

генезис люстрации 1765 г., положившей начало проведению хозяйственных реформ в староствах и державах ВКЛ.

Необходимость ревизии в постановлении сойма объяснялась желанием государства привести в порядок казну ВКЛ и увеличить ее доходы. В ходе люстрации необходимо было решить несколько задач: провести ревизию хозяйственно-финансового состояния государственных владений; детально зафиксировать весь доход, который мог бы быть получен от их эксплуатации; справедливо определить размеры кварты, что, согласно соймовой конституции, не могло быть сделано «без новой люстрации на грунте»[1].

Однако ревизия 1765 г. была не просто финансово-хозяйственным мероприятием – накануне и во время ее проведения активизировалось политическая жизнь в стране, поскольку она затрагивала финансовые интересы многих феодалов – временных держателей государственных владений (посессоров). Естественно, что во многих случаях государственные интересы переплетались с личными, поэтому люстрация приобрела широкое политическое звучание. Она стала предметом горячих дискуссий на воеводских соймиках, заседаниях общегосударственного сойма и в обществе в целом[2].

Для решения поставленных задач в воеводства и поветы были назначены комиссары. В их обязанность входила проверка прав временных владельцев на староство или державу; сбор жалоб посессоров и самого населения на захват соседями их земель и другие нарушения; фиксация всех налогов и повинностей подданного населения староств и держав. Для мещан, крестьян, а также мелкой шляхты, которая имела в посессии небольшие владения, приезд комиссаров был доказательством заинтересованности их судьбой со стороны центральных властей. В лице люстраторов, которым необходимо было предоставлять инвентари, привилеи, жалобы, население видело соратников короля, а вместе с тем и поборников справедливости. Значимость люстрации 1765 г. возрастала еще и потому, что это было первое общегосударственное мероприятие такого масштаба для земель ВКЛ со времен люстрации 1569 г.

Общее руководство процедурой люстрации осуществляла Скарбовая комиссия ВКЛ. Все люстрационные инвентари сдавались в архив Комиссии, рассматривались на ее заседаниях и принимались соответствующие решения, главным принципом которых было желание, «чтобы ни государственная казна, ни подданные не стали беднее». Это свидетельствовало о том, что постепенно стало приходить понимание, что в первую очередь необходимо стремиться не к увеличению количества населения, а к увеличению их имущества, поскольку «только богатые подданные являются залогом богатства государства»[3].

Наиболее законченный вид государственная фискальная система приобрела во время работы Четырехлетнего сойма (1788–1792 гг.). Принятые на нем планы

[1] Volumina Legum. T. VII. S. 79.

[2] Люстрації королівщин українських земель XVI–XVIII ст. / укл. Раіса Майборода. Київ, 1999. С. 7.

[3] Pamiętnik Historyczno-Polityczny. T. I. S. 30.

А. Тызенгауз. Коллаж Яна Ольшевского. 1905 г.

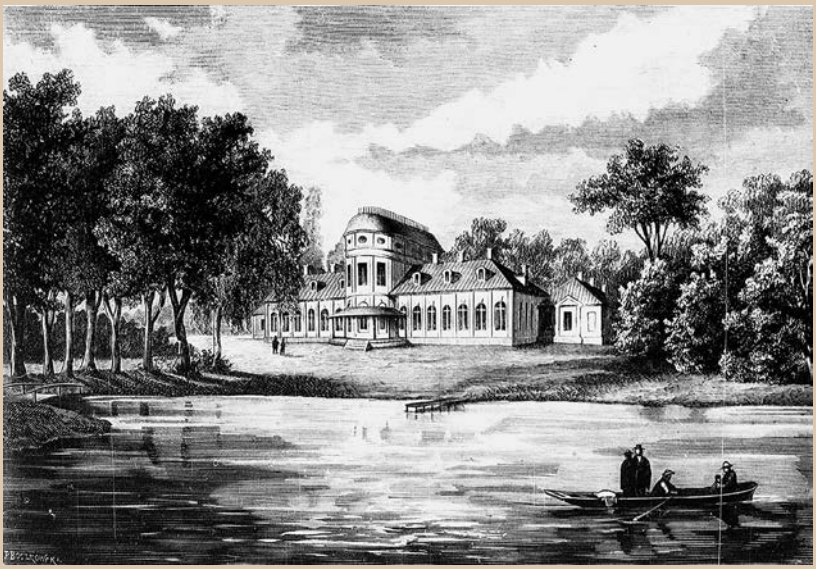
по реорганизации армии потребовали значительных денежных затрат. Было принято решение о разных суммах кварты для каждой из категорий государственных владений отдельно[1]. С целью уточнения прав держания старост и держав, выяснения их доходности и распределения нового налога в 1789 г. под контролем Скарбовой комиссии ВКЛ была проведена новая люстрация.

Таким образом, став в 1764 г. на путь реальной перестройки финансово-хозяйственной системы, государственная власть постепенно начала совершенствовать связанные с этим мероприятия и придавать им законченную форму. Это касалось как старых источников доходов, так и новых налогов. Люстрации старост и держав 1765 и 1789 гг. полностью вписывались в структуру инициированных государством экономических реформ.

Необходимо отметить, что во второй половине XVIII в. проводились реформы и в других видах государственных владений – столовых экономиях ВКЛ, а также в некоторых частных и церковных владениях. И хотя их организаторами были сторонники королевской партии и идей физиократов: Антоний Тызенгауз, генеральный администратор столовых экономий ВКЛ и надворный литовский подскарбий; Игнатий Массальский, виленский бискуп; Иоахим Хрептович, маршалок Главного Трибунала ВКЛ; Павел Ксаверий Бжостовский, виленский каноник и др., реформы имели коренные отличия.

Так, в столовых экономиях ВКЛ (Брестской, Кобринской, Гродненской, Могилевской, Олицкой и Шавельской) А. Тызенгауз хотел увеличить поступления в королевскую казну путем повсеместного введения в экономиях фольварков в качестве сельскохозяйственных предприятий, основной целью деятельно-

[1] Volumina Legum. T. IX. S. 91.



Усадьба Хрептовичей в Щорсах. Гравюра Наполеона Орды. 1878 г.

сти которых становился товарный характер производства зерновых культур для продажи их на рынках Западной Европы. В столовых экономиях был проведен целый ряд хозяйственных мероприятий: была перемерена земля, реорганизовано и упорядочено крестьянское землепользование, введена новая система повинностного обложения, при которой основной формой феодальной ренты становилась барщина.

Вместе с тем А. Тызенгауз заявлял о своей приверженности идеям физиократов, пропагандировал введение «нового земледелия», обязывал крестьян высаживать плодовые деревья, создавать в деревнях «коммунальные магазины» – специальные зерновые склады, предназначенные для крестьян на случай неурожая или стихийного бедствия, а также «коммунальные кассы», деньги из которых должны были расходоваться на благоустройство деревень, содержание доктора, деревенского родильного дома, учителя для крестьянских детей и др.[1]

Наиболее прогрессивные экономические преобразования проводили в своих владениях некоторые магнаты и представители церкви. Так, например, Иоахим Хрептович в своем имении Щорсы Новогрудского повета объявил крестьян вольными людьми, ликвидировал барщину и перевел крестьян на чинш, размер которого составлял третью часть урожая[2]. При этом крестьянам давалось право выбора – либо заплатить ренту деньгами, либо зерном по ценам, которые на тот момент установятся на рынке в Новогрудке. Несмотря на то, что в Щорсах

[1] *Голубеў В., Кітурка І.* Аграрная рэформа Антонія Тызенгаўза // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. С. 178–187.

[2] Opisanie wybornego gospodarstwa w dobrach Szczorse do JW. Chreptowicza Podkanclerzego Litt: należących w Woiewodztwie Nowogrodskim leżących // Pamiętnik Historyczny i Polityczny. T. I. S. 532.

Виленский епископ Игнатий Массальский. Худ. М. Бациарелли. Вторая половина XVIII в.

использовалась традиционная система трехполья, урожайность была очень высокой – сам-20, а в лучшие годы – сам-26[1].

Безусловно, Иоахим Хрептович стремился заимствовать лучший заграничный опыт организации сельскохозяйственного производства. С этой целью он в 1769–1772 гг. посетил Англию, Голландию, Францию, Австрию[2]. Будучи настоящим приверженцем идей Просвещения, И. Хрептович за счет собственных средств содержал учителя, который обучал крестьянских детей не только религии, но и грамоте. Он заботился также и о здоровье своих подданных. В имении был «навсегда поселен цирюльник», который в наиболее сложных случаях, связанных с заболеваниями жителей, был обязан обращаться за консультацией к доктору, живущему в Новогрудке.

Таким образом, проведение И. Хрептовичем социально-экономических реформ значительно расширило хозяйственную самостоятельность его подданных, обусловило улучшение их благосостояния. Это также содействовало тому, что многие крепостные крестьяне с присоединенных к Российской империи после Первого раздела Речи Посполитой территорий ВКЛ, которые спасались бегством от жестокого угнетения, стремились осесть именно в имениях Иоахима Хрептовича[3].

Просветительская деятельность Игнатия Массальского нашла практическое применение в ряде его владений. Наиболее ярко это можно проследить на примере имения Уборть (Лельчицы) Мозырского повета, которое являлось столовым владением виленского бискупа. Так, в Уставе Уборти за 1780 г.[4] было зафиксировано, что «собственность каждого жителя обеспечена на вечные времена таким образом, что они вольны распоряжаться землей, домами, всяким движимым имуществом и продавать его согласно своему желанию, а двор ни под каким предлогом не может в это вмешиваться»[5]. Крестьяне платили чинш и медовую дань, а в соответствии с другими положениями Уставы 1780 г. им также обеспечивались следующие условия: свобода торговли, просвещение

[1] Opisanie wybornego gospodarstwa w dobrach Szczorse do JW. Chreptowicza Podkanclerzego Litt: należących w Woiewództwie Nowogrodskim leżących // Pamiętnik Historyczny i Polityczny. S. 539.

[2] *Спірыдонаў М.* Храптовіч // Вялікае княства Літоўскае. Т. 2. С. 718–719.

[3] *Рябинин И. С.* К вопросу о побегах русских крестьян в пределы Речи Посполитой: [По письмам Игнатия Омульского Иоахиму Хрептовичу]. М., 1911.

[4] Vilniaus Universiteto Bibliotekos Rankraščų Skyrius (VUB RS) – Библиотека Вильнюсского университета, отдел рукописей бывшей Виленской публичной библиотеки. Виленская капитула. F. 57. Б53–137. Инвентарь имений Убортского ключа 1780 г. P. 2v.

[5] Там же.

Крестьяне имения Меречь (Павлово). Гравюра второй половины XVIII в.

детей, общинное самоуправление, денежная оплата за различные виды работ на потребности двора и др.[1] Примерно такие же мероприятия были проведены Игнатием Массальским и в Игуменской волости, которая также принадлежала Виленскому бискупству[2].

Самыми радикальными были реформы, которые Павел Ксаверий Бжостовский проводил в своем имении Меречь (Павлово). Эти преобразования дали основание его современникам назвать способ организации жизни в этом владении «Павловской республикой», а известность про мероприятия в Павлово перешагнула границы Речи Посполитой.

В предисловии к Уставе Павловской волости 1769 г. Павел Ксаверий Бжостовский объяснил свою основную цель: сделать так, чтобы подданные имели уверенность в своем достатке, освободились от боязни новых налогов, «жили, как люди, в соответствии с правом»[3]. Павлово было возвышено до ранга административного и политического центра основанного П. Бжостовским своеобразного «государства в государстве» – создавалась специальная система административного управления, которая включала в себя как панских чиновников, так и представителей крестьян. В имении были учреждены вооруженная земянская милиция, а также «казна милосердия», которая давала возможность получить нуждающимся крестьянам деньги в долг. Подданные владения Павлово были освобождены от крепостной зависимости и даже получили право оставить имение при условии выплаты долгов и выдвижения себе замены.

[1] Vilniaus Universiteto Bibliotekos Rankraščų Skyrius – Библиотека Вильнюсского университета, отдел рукописей бывшей Виленской публичной библиотеки. Виленская капитула. F. 57. 553–137. Инвентарь имений Убортского ключа 1780 г. P. 25v – 27v.

[2] *Голубеў В. Ф.* Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. С. 284–285.

[3] Pawła Ksawerego Brzostowskiego przyznanie dokumentu umowego, czyli Ustawy dla włości Pawłowskiej // Próby reform włościanskich w Polsce XVIII wieku: wybór źródeł / oprac. i wstępem zaopatrzył Stefan Inglot. Wrocław, 1952. S. 246.

Карта р. Уборть. Конец XVIII в.

Павел Ксаверий Бжостовский. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в.

Большое значение Павел Ксаверий Бжостовский придавал просвещению своих крестьян. В 1770 г. он создал в Павлово первую в Речи Посполитой сельскохозяйственную школу для крестьян и специально для обучения в ней в том же году издал в Вильне небольшую книгу под названием «О земледелии для удобства хозяев, которые живут в Павлово»[1].

Таким образом, основные тенденции хозяйственного развития ВКЛ во второй половине XVIII в. выразительно свидетельствуют, что это время характеризовалось не простым оживлением экономики, а значительными изменениями в организации экономической жизни и даже в ее понимании. На территории ВКЛ хозяйственные преобразования носили инновационный характер, основывались на хозяйственном опыте европейских государств и, по существу, являлись первой попыткой настоящей модернизации экономики.

Создание таможенной службы ВКЛ. Необходимость финансовой стабилизации и увеличения поступлений в казну в середине XVIII в. потребовали усиления контроля со стороны государства над всеми источниками возможных доходов, важное место среди которых занимали и доходы от таможенных пошлин. Таким образом, одной из первоочередных задач Скарбовой комиссии ВКЛ стало упорядочение работы таможен (мытных комор).

[1] O rolnictwie dla wygody gospodarzow w Pawłowie mieszkaiących. Wilno, 1770.

В соответствии с постановлением конвокационного сойма 1764 г. ликвидировались все частные таможенные пункты и пошлины и вводилась так называемая Генеральная пошлина, которую в соответствии со специальной инструкцией обязаны были платить все, «начиная от Наияснейшего короля до последнего жителя и купца»[1]. От уплаты новой единой пошлины освобождались только шляхетские товары, которые перевозились из одного владения в другое, либо на торг, а также товары, ввозимые из-за границы, но только в том случае, если перевозчик (шкипер) присягнет, что товар предназначен для собственных потребностей шляхтича, а не на продажу.

Введение Генеральной пошлины и ликвидация частного мыта сделала актуальным создание рациональной цепи таможенных постов в наиболее подходящих для этой цели местах во всех видах владений. Целью этого мероприятия было максимально полное обложение таможенными сборами в пользу государства и предотвращение любых попыток избежать уплаты государственной пошлины. Препятствование данному процессу, в соответствии с конституцией сойма, каралось штрафом в размере 500 коп литовских грошей[2].

К концу 60-х годов XVIII в. в ВКЛ оформилась определенная организационная структура таможенной службы. Вся территория государства была разделена на 5 таможенных округов – репартиций (Литовская, Жмудская, Инфлянтская, Белорусская, Русская), в состав которых входили таможни (коморы), прикоморки, оберстражи и стражи.

Во главе репартиций стояли контрарегистранты. Они осуществляли общее управление своим таможенным округом и несли персональную ответственность за размеры и своевременность сбора таможенных пошлин. Контрарегистранты имели право предлагать кандидатов на должности руководителей мытных комор в своей репартиции – суперинтендантов, а также писарей.

[1] Volumina Legum. T. VII. S. 78–79.
[2] Ibid. S. 79.

Суперинтенданты непосредственно отвечали за порядок в коморах и закрепленных за ними прикоморках, оберстражах и стражах: они следили за тем, чтобы таможенный досмотр проводился в соответствии с правилами и инструкциями, за правильным ведением таможенных реестров и взиманием пошлины. Они имели в подчинении других должностных лиц – писарей, оберстражников, пеших и конных стражников.

На коморах и прикоморках осуществлялся таможенный досмотр и выдавались квитанции об уплате таможенной пошлины (мытные квиты). На таможенных пунктах, которые назывались стражами, стражники должны были следить за тем, чтобы проезжающие купцы в обязательном порядке проходили таможенный досмотр, не объезжали коморы тайными путями, проверять наличие у них мытных квитов и, в случае отсутствия таковых, отправлять купцов на ближайшие коморы или прикоморки.

В 1767 г. в структуру таможенной службы были введены оберстражи, на которых оберстражники получили право проводить досмотр купцов с небольшим количеством товара, оцениваемым не более чем в 50 пол. зл.[1]

Организационная структура таможенной службы ВКЛ была перестроена Скарбовой комиссией на принципиально новых основаниях:

существовала четкая иерархия управления и правила субординации;

претенденты на служебную должность назначались, а не выбирались;

должность не являлась собственностью чиновника, и он не мог уступить ее другому лицу за определенное вознаграждение;

за свою работу соответственно занимаемой должности таможенные служащие получали фиксированное жалование;

должностные обязанности были четко распределены и зафиксированы в специальных документах, при этом существовала возможность продвижения по служебной лестнице;

применялась практика аттестации официалистов;

были разработаны определенные правила служебного этикета[2].

Система таможенных постов не была стабильной и изменялась в зависимости как от выгодности их размещения, так и от политической ситуации в стране. Можно выделить несколько наиболее важных событий, которые значительно повлияли на изменение структуры таможенных постов в ВКЛ во второй половине XVIII в.:

1766 г. – отмена генеральной пошлины и ликвидация в связи с этим ряда внутренних комор;

1772 г. – инкорпорация северо-восточных земель ВКЛ в состав Российской империи в результате Первого раздела Речи Посполитой, что привело к кардинальному изменению системы таможенных пунктов на границе с Россией;

[1] Lietuvos Vastybes Istorijos Archyvas (далее – LVIA) – Государственный исторический архив Литвы. F. 11: Скарбовая комиссия ВКЛ (1509–1797 гг.). Ap. 2. Bib. 88: Устав и инструкция Скарбовой комиссии по организации таможен в ВКЛ. P. 12.

[2] *Кітурка І. Ф.* Рэарганізацыя мытнай службы ВКЛ як прыклад фарміравання дзяржаўнай адміністрацыйнай сістэмы ў другой палове XVIII ст. // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2014. № 4 (85). С. 65.

Схема расположения таможенных комор и прикоморков в Речицком повете. 1765 г.

1775 г. – восстановление генеральной пошлины;

1791 г. – принятие Конституции 3 мая и ликвидация разделения государства на автономные Корону и Княжество;

1793 г. – изменение таможенной системы в результате Второго раздела Речи Посполитой и отмены Конституции 3 мая 1791 г.;

1795 г. – прекращение существования таможенной службы ВКЛ в результате Третьего раздела Речи Посполитой.

Система путей сообщения. Еще одним важным направлением деятельности Скарбовой комиссии ВКЛ, поскольку от состояния дорог напрямую зависела успешность торговли и во многом – экономическая стабильность государства, было развитие системы путей сообщения. Для расширения и стимулирования функционирования торговой системы, а также для ускорения порядка перемещения по территории страны грузов, товаров, а при необходимости и воинских подразделений, необходимо было провести реорганизацию средств коммуникации. Последние включали в себя пути сообщения (дороги, тракты

и гостинцы) вместе с инженерными сооружениями (мосты, плотины, запруды, гати, канавы и др.), которые находились на дорогах или рядом с ними. Уже на одном из первых своих заседаний в январе 1765 г. Скарбовая комиссия ВКЛ выбрала четырех комиссаров для проведения люстрации дорог, мостов и плотин.

Люстрации являлись мероприятиями по учету государственного имущества в ВКЛ. До второй половины XVIII в. они проводились в основном в столовых экономиях, староствах и державах с целью определения размеров доходов, которые поступали от этих владений в казну. Однако с началом процесса активной интеграции государственных институтов в экономическую жизнь, ярким примером которого явилось создание Скарбовых комиссий, расширилось значение термина «люстрация» – он стал употребляться не только в отношении ревизии государственных владений, но и распространился на другие сферы экономики, в первую очередь те, где государство имело финансовый интерес. Так, периодически стали проводиться люстрации дорог, мостов и плотин; люстрации чопового и шеляжного; люстрации пивоварен, шинков и различных питейных заведений, люстрации таможен и др.

Также в связи с введением генеральной пошлины необходимо было предоставить систему реальных гарантий со стороны государства по общему и единообразному взиманию ее на территории всей страны. Главным здесь было не допустить злоупотреблений со стороны чиновников, произвольного изъятия с проезжающих торговцев дополнительных сборов. Это было важно и потому, что после ликвидации частных пошлин мостовое или гребельное оставалось тем единственным сбором, который проезжающие купцы выплачивали в пользу собственников или посессоров владения. Таким образом, верификация реального состояния мостов и гатей на трактах, а также размеров платы за проезд через них приобрела в указанное время особое значение.

Однако уже в августе 1765 г. Комиссия вынуждена была констатировать, что своими силами комиссары не могут быстро провести люстрацию по причине большой протяженности путей сообщения на территории ВКЛ и возложенных на них дополнительных обязанностей по описанию таможен. Поэтому универсалом Скарбовой комиссии от 9 августа 1765 г. предписывалось в каждом воеводстве и повете выбрать по два человека, «добродетельных и способных к выполнению этой работы», в обязанности которым вменялось провести ревизию путей сообщения в своем воеводстве или повете, зафиксировать на основных трактах и гостинцах существующие мосты и гати, определить в литовских локтях их длину и ширину, указать, какие из них требуют ремонта[1].

Ревизия путей сообщения 1765 г. стала первым известным общегосударственным мероприятием такого рода. Поскольку люстрация проводилась, в том числе и с целью организации системы максимально полного таможенного обложения ввозимых и перевозимых по территории страны товаров, то важной задачей было выявление и ликвидация контрабандных троп и других возможностей избежать таможенного налогообложения. Контрабандные пути были

[1] LVIA. F. 11. Ap. 1. Bib. 990: Документы Станислава Августа о правилах перевоза товаров через таможни (1690–1783 гг.). P. 37.

хорошо известны купцам и существовали достаточно долго – на некоторых из них даже создавались корчмы, как, например, корчма с красноречивым названием «Отшельник», которая была построена в лесу на пути из Невеля в Себеж в полумиле от Инфлянтов на территории Полоцкого воеводства. За этой корчмой начинались два тракта, по которым можно было обойти все таможни и попасть по одному из них через Инфлянты и Курляндию в Либаву, Пруссию, Кенигсберг и Гданьск, а по другому – через Друю в Браславский повет и оттуда также в Пруссию[1]. Существование этой корчмы как раз было выявлено в результате люстрации 1765 г.[2]

В ходе люстрации были созданы подробные описания дорог и трактов, включая контрабандные, с обозначением на них населенных пунктов и таможенных постов и точным указанием расстояния между ними. Кроме того, вместе с подробным описанием состояния и протяженности дорог и трактов на территории ВКЛ люстраторы попытались для наглядности создать их карты. Однако, поскольку они не являлись профессиональными картографами, то карты представляли собой скорее схематические рисунки, как, например, карта дорог Мозырского повета.

Создание устойчивой системы путей сообщения должно было стимулировать внутреннюю и внешнюю торговлю в государстве. Это отмечалось и в экономической литературе того времени. Так, в периодическом издании «Новые экономические и научные знания, или Журнал всех наук, необходимых для счастливой жизни людей», которое впервые вышло в свет в 1758 г., отмечалось, что государство только в том случае сможет стать сильным и богатым, если в нем будет процветать торговля[3]. При этом подчеркивалось, что торговля должна находиться под патронажем государственной власти, а монарх обязан иметь достоверную информацию о предметах экспорта и импорта для того, чтобы определить, «что можно создать и иметь в своей стране, чтобы не ввозить из-за границы»[4].

С целью увеличения грузоперевозок и торгового оборота во второй половине XVIII в. власти стали уделять большое внимание состоянию портовых рек и улучшению судоходства по ним. На конвокационном сойме 1764 г. необходимость усовершенствования навигации по рекам была продекларирована как одна из задач Скарбовой комиссии ВКЛ. А сойм 1766 г. назначил в распоряжение Экономической рады сумму в 100 000 пол. зл. ежегодно для благоустройства портовых рек с целью организации безопасного судоходства. Особенно подчеркивалось, что в те места, где для удобства торговли портовые реки могут быть соединены между собой, Скарбовая комиссия должна послать опытных лиц, чтобы они составили проекты по осуществлению строительства каналов[5].

Работа Комиссии в этом направлении началась с организации мероприятий по очистке русел сплавных рек – Немана, Вилии, Западной Двины, Буга. В сво-

[1] LVIA. F. 11. Ap. 1. Bib. 1094: Описание границ таможенных постов ВКЛ. P. 45v – 46.

[2] Ibid. P. 44.

[3] Nowe wiadomosci ekonomiczne i uczone albo Magazyn wszystkich nauk do szczęśliwego życia ludzkiego potrzebnych. Warszawa, 1758. S. 76.

[4] LVIA. F. 11. Ap. 1. S. 84.

[5] Volumina Legum. T. VII. S. 228.

Карта-схема важнейших дорог Мозырского повета. 1765 г.

ем письме от 28 августа 1767 г. великому подскарбию ВКЛ (как лицу, возглавляющему заседания Скарбовой комиссии) король предложил подключить к этому важному делу придворного географа капитана Яна Чаки[1].

В результате целенаправленной работы во второй половине XVIII в. была совершена настоящая революция в судоходстве ВКЛ – были построены два канала, которые соединяли Черное море с Балтийским: Мухавецкий (Королевский, Днепро-Бугский) канал и канал Огинского (Телеханский, Днепро-Неманский).

Строительство Мухавецкого канала осуществлялось в период с 1775 по 1783 г. Он проходил через территорию Белорусского Полесья и соединял реки Пину (приток Припяти, бассейн Днепра) и Мухавец (приток Западного Буга, бассейн Вислы). Его сооружением руководил пинский судья и мечник Матеуш Бутримович, а отчеты о работе направлялись не только в Скарбовую комиссию ВКЛ, но и непосредственно Станиславу Августу Понятовскому.

Первоначальная длина канала от Кобрина до д. Дубой на Пинщине составила 110 км. Первый торговый караван в составе 10 судов, груженных местным товаром (льном, сушеной рыбой, грибами, медом, воском и др.), весной 1784 г. отправился из Пинска в Варшаву, а затем в Гданьск. В сентябре 1784 г. канал посетил Станислав Август Понятовский во время своей поездки на сойм в Гродно, после чего канал стали называть «Королевским»[2].

[1] LVIA. F. 11. Ap. 1. Bib. 992: Книга регистрации распоряжений. 1767–1782. P. 45v.–46.

[2] Dyaryusz podróży Nayiaśnieyszego Stanisława Augusta Króla Polskiego na seym Grodzieński 1784 r. Warszawa, 1784.

Канал Огинского (Телеханский канал) явился еще одним важным гидротехническим сооружением на белорусских землях, которое соединило Неман через Щару и Ясельду с Припятью, притоком Днепра, и таким образом – Балтику с Черным морем. Его строительство было инициировано и финансировалось великим гетманом ВКЛ Михалом Казимиром Огинским и происходило в 1767–1783 гг. Работы проводились в основном силами жителей Слонимского повета. М. К. Огинский ежегодно направлял на строительство канала 100 человек из своих владений. Большой вклад в практическую реализацию данного проекта внес все тот же М. Бутримович, который вспоминал, что «был свидетелем его начала на бумаге и первым его исполнителем непосредственно на земле»[1].

К середине 1780-х гг. по 54-километровому каналу активно сплавляли лес, по нему ходили плоты и корабли (барки, берлины), а Слоним – главная резиденция М. К. Огинского – стал не только городом-театром, но и городом-портом, через который проходили значительные капиталы.

Таким образом, в целом мероприятия государственной власти по реформированию налоговой системы, по унификации системы мер и весов на территории ВКЛ и Короны, по ликвидации внутренних таможенных пошлин, по введению единого обязательного таможенного налога для всех сословий и другие создали возможности как для расширения внутреннего рынка, так и для активизации внешних торговых операций. Показательно, что на фоне политического и парламентского кризиса последней четверти XVIII в. государство постоянно находилось в поиске экономических рычагов и механизмов, которые способствовали бы увеличению денежных поступлений в государственную казну. Соотношение показателей экспорта и импорта Великого Княжества Литовского за 1786–1791 гг. свидетельствуют, что главной чертой экономики Беларуси в конце XVIII в. было развитие сельскохозяйственного производства и рост его товарности[2].

Необходимо подчеркнуть, что сам факт возникновения и деятельности такого органа, как Скарбовая комиссия ВКЛ, организация ее работы, а также сфера полномочий и ответственности также свидетельствует о модернизации государственных структур для улучшения экономического развития страны. Именно в это время начало приходить осознание того, что экономика – это не «вещь в себе», и хозяйственная деятельность не может быть отделена от политических и общественных взглядов[3], а экономическое могущество является основой политической и военной безопасности страны[4].

Однако, когда по решению Четырехлетнего сойма (1788–1792 гг.) было ликвидировано деление государства на Корону и ВКЛ, то 21 октября 1791 г. произошло

---

[1] Цит. по: *Герасімчык В.* Гісторыя Агінскага канала [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://harodnia.com/be/sionnia/transpartnaja-sistema/564-vasil-gerasimchyk-gistoryya-aginskaga-kanala-chastka-1-kanal-u-chasy-rechy-paspalitaj. Дата доступа: 10.06.2015.

[2] *Мелешко В. И.* К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. // Советское славяноведение. 1969. № 2. С. 78.

[3] *Бродель Ф.* Время мира: в 3 т. Т. 3: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1992. С. 9.

[4] Pamiętnik Historyczno-Polityczny. Warszawa, 1787. T. III. S. 626.

Карта Королевского и Огинского каналов. Конец XVIII в.

объединение казны и, соответственно, скарбовых комиссий – была создана единая Скарбовая комиссия Речи Посполитой обоих народов[1]. Она должна была формироваться по принципу равенства: предусматривалось, что половина комиссаров будут выдвигаться от ВКЛ, а вторая половина – от Короны. Касса Речи Посполитой, формировать которую планировалось из общественных доходов ВКЛ, должна была на этой территории и оставаться.

В состав Комиссии входили оба подскарбия и 16 комиссаров, среди которых: 2 сенатора (один из Короны, один из ВКЛ), 8 человек из рыцарского состояния (по 4 из Короны и ВКЛ), 6 уполномоченных из городов (4 из Короны (по 2 с каждой провинции) и 2 из ВКЛ). Подтверждался давний обычай, что комиссары должны выбираться на сойме, и срок их полномочий составлял 2 года с правом переизбрания.

[1] Volumina Legum. T. IX. S. 316.

На сойме был утвержден устав новосозданного органа, который «впитал» в себя все нюансы предварительной почти 30-летней работы Скарбовых комиссий Короны и ВКЛ. В нем нашли отражение все аспекты, в том числе спорные, с которыми столкнулись эти специальные государственные органы по надзору за состоянием казны. Впервые был подробно очерчен круг тех, кто не может быть избран на должность комиссара Скарбовой комиссии:

не имеющие наследственного владения более года;

не имеющие опыта выполнения общественной функции, назначение на которую производилось на основании выборов. Преимущество должно было отдаваться тем, кто отслужил 6 лет без перерыва на пользу скарба Речи Посполитой в качестве офицера или на должности суперинтенданта, контрарегистранта или скарбового кассира;

находящиеся на военной службе;

послы на сейм.

Работа Скарбовой комиссии обоих народов началась только с 1 февраля 1792 г., когда в Варшаву прибыли великий литовский подскарбий Людвик Скумин Тышкевич и комиссары Княжества. Скарбовая комиссия обоих народов просуществовала неполные 8 месяцев, но на фоне общего хаоса в стране не могла плодотворно вести свою работу[1]. Установление Тарговицкой конфедерации, выступавшей против Конституции 3 мая 1791 г., в конечном итоге привело к проведению последнего сойма Речи Посполитой 1793 г., решением которого от 23 августа Скарбовая комиссия обоих народов вновь была разделена на две комиссии – Коронную и ВКЛ. Все остальные постановления сойма, касающиеся работы этих комиссий, заключались в предписаниях для них относительно уплаты сторонникам конфедерации повышенного жалованья и всякого рода наград[2].

Таким образом, анализируя организационно-правовые основы деятельности Скарбовой комиссии ВКЛ в течение 30-летнего периода ее существования, можно сделать вывод, что состав Комиссии, обязанности комиссаров, время заседаний и другие аспекты ее функционирования не были постоянными, а изменялись в процессе практической деятельности и были вызваны как внутренними, так и внешними причинами. Скарбовая комиссия явилась первым в истории ВКЛ специальным государственным органом по надзору за экономическим и финансовым положением в стране. Внутренняя организация Скарбовой комиссии, ее функции, система принятия решений, принципы организации работы скарбовых официалистов были абсолютно новыми, что свидетельствовало о начале глубоких модернизационных процессов в Речи Посполитой. Создание Тарговицкой конфедерации на фоне внешнего вмешательства в конечном итоге привело к прекращению в 1794 г. деятельности обеих Скарбовых комиссий.

---

[1] *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków; Warszawa, 1897. T. IV. S. 96.

[2] *Wąsicki J.* Konfederacja targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793. Poznań, 1953. S. 22.

5.11. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И ЕЕ РАЗДЕЛЫ

Особенности политической ситуации в Речи Посполитой накануне разделов. Политические и экономические реформы второй половины XVIII в. свидетельствовали о том, что в Речи Посполитой имелись общественные силы, стремящиеся к изменениям. Неудачи страны на международной арене порождали внутри общества пессимистические оценки политической и социально-экономической ситуации и увеличивали стремление к модернизации.

Особенность данного периода заключалась также в том, что каждая из политических группировок должна была согласовывать свои планы и действия с руководителями иностранных государств, рост влияния которых происходил в Речи Посполитой с начала XVIII в. В частности, Чарторыйские для реализации программы реформ[1] заручились поддержкой Российской империи, чтобы с ее помощью посадить на трон своего представителя.

После того как в октябре 1763 г. умер Август III, Россия и Пруссия заключили секретное соглашение, которое предусматривало поддержку Фридрихом II родственника Чарторыйских великого стольника ВКЛ Станислава Понятовского в качестве кандидатуры на трон Речи Посполитой[2]. Для прусского короля соглашение было полезным тем, что гарантировало недопущение на трон Речи Посполитой очередного представителя саксонской династии. О намерениях российского руководства свидетельствуют протоколы секретных совещаний, проводившихся по этому вопросу «во внутренних покоях» Екатерины II. На первом из них, состоявшемся сразу после смерти Августа III, было решено, что руководство Российской империи будет стремиться поставить во главе соседнего государства «человека такого, который бы приписуя свое возведение на престол единственно России, ей бы всегда благодарностью обязан, от нее зависим и совершенно в ее интересах доброхотством ей предан был»[3]. В ноябре 1763 г. российский посол в Варшаве Герман Карл фон Кейзерлинг получил приказ объявить С. Понятовскому условия, на которых императрица согласилась бы обеспечить его избрание. Среди прочего, согласно инструкции посла, будущему монарху необходимо было сообщить, что он должен будет «во все время своего государствования интересы нашей империи собственными своими почитать, их остерегать и им всеми силами по возможности поспешествовать»[4].

Одновременно с определением кандидатуры на должность короля Речи Посполитой в кругу приближенных Екатерины II обсуждался проект присоединения к Российской империи части белорусских и латвийских земель. Первым такой

[1] *Michalski J.* Plan Czartoryskich naprawy Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. 1956. № 4–5. S. 29–43.

[2] *Zielińska Z.* Polska w okowach „Systemu północnego", 1763–1766. Kraków, 2012. S. 107–112; *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. VI. С. 11–33.

[3] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. М., 2002. С. 103.

[4] Там же. С. 106.

Король Пруссии Фридрих II (1740–1786). Худ. А. Графф. 1781 г.

Императрица Всероссийская Екатерина II (1762–1796). Худ. Ф. С. Рокотов. 1763 г.

Эрцгерцогиня Австрии, императрица Священной Римской империи Мария Терезия. Худ. Ж. Э. Лиотар. 1744 г.

план озвучил вице-президент Военной коллегии Захар Григорьевич Чернышев, который в 1763 г. предложил использовать ситуацию «бескоролевья» для «округления западных границ путем присоединения к России Польских Инфляндии, воеводств Полоцкого и Витебского, части Мстиславского». Согласно этому плану, к России надлежало присоединить земли к востоку от рек Западная Двина и Днепр[1]. Несмотря на то, что в протоколе секретного совещания с участием императрицы было отмечено «не упускать такой проект из виду», план З. Г. Чернышева в то время одобрен не был и в дальнейшем держался в большом секрете. Чернышев, а также влиятельные братья Орловы, чьи мысли он озвучивал, были постепенно отстранены от управления делами российской внешней политики, которые перешли к Никите Ивановичу Панину, поддерживающему Екатерину II в намерении действовать через преданного монарха, чтобы подчинить все земли Речи Посполитой исключительному влиянию России и не допускать проникновения сюда третьих государств[2].

[1] *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 98–102; *Zielińska Z.* Polska w okowach «Systemu północnego», 1763–1766. S. 44–52.

[2] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. С. 104–105.

Избрание С. Понятовского произошло при участии российской армии, тем не менее уже во время коронации возникли первые противоречия между российским руководством и его протеже на троне Речи Посполитой. Одной из причин этого стал вопрос о возвращении политических и гражданских прав православным и протестантам, которых в Речи Посполитой называли общим термином «диссиденты».

Диссидентский вопрос и попытки его решения на соймах 1766, 1767–1768 гг. Диссидентский вопрос создали дискриминационные постановления соймов Речи Посполитой 1658, 1668, 1674, 1712, 1717, 1733, 1735, 1736 гг., а активизация по его решению началась после того, как в ноябре 1764 г. коронационный сойм (согласно предварительным обязательствам Станислава Августа и Чарторыйских) принял решение о ратификации Вечного мира 1686 г., которой Россия безрезультатно добивалась в течение предыдущих десятилетий. Согласно статьи 9 этого документа Россия признавалась защитником православного населения Речи Посполитой[1].

Решение Екатерины II выступить под лозунгом защиты диссидентов было принято под влиянием развития союзных отношений с Фридрихом II, для которого постановка диссидентского вопроса содержала перспективы территориального расширения, так как значительная часть протестантов Речи Посполитой в то время компактно проживали на близком к Пруссии поморском побережье Польской Короны[2].

Российское руководство этот вопрос также рассматривало преимущественно в политической плоскости. Н. И. Панин в своих распоряжениях подчеркивал невыгодность для России «излишнего распространения» в Речи Посполитой православия, поскольку это «непременно вызвало бы значительное увеличение количества побегов в Польшу из соседних русских губерний». В депеше от 14 августа 1767 г. он инструктировал своего племянника и нового российского посла в Варшаве Николая Васильевича Репнина «завершить дело диссидентов не для распространения в Польше нашей [православной] и протестантской вер, но для приобретения себе оным, через посредство наших единоверных и протестантов, единожды навсегда твердой и надежной партии, с законным правом участвовать во всех польских делах»[3].

Решать диссидентский вопрос в таком виде Чарторыйские не были заинтересованы. Понимая, что участие православной и протестантской шляхты в сойме (при сохранении принципа единогласия) позволит России и Пруссии в будущем блокировать любые государственные реформы, они решили выступить против изменений в положении иноверцев, сделав главной линией своей политики обретение сильной общественной поддержки внутри страны. Сбли-

[1] *Kriegseisen W.* Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763). Sytuacja prawna, organizacja i stosunki międzywyznaniowe. Warszawa, 1996. S. 19–49; *Поляк Н.* Дысідэнцкае пытанне на беларускіх землях у кантэкце міжнародных адносін у 1660–1768 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 2. С. 30–35.

[2] *Szady B.* Geografia struktur religijnych i wyznaniowych w Koronie w II połowie XVIII wieku. Lublin, 2010. S. 60; *Zielińska Z.* Polska w okowach „Systemu północnego» 1763–1766. S. 53–55.

[3] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. С. 114.

жение представителей «Фамилии» с иерархами католической церкви способствовало консолидации католической части шляхетского сословия в вопросе отношений с диссидентами и воплощалось в агитационных мерах, проводимых на белорусско-литовских землях виленским католическим епископом Игнатием Массальским. Большинство православного населения Речи Посполитой составляли крепостные крестьяне – в рескрипте, изданном накануне проведения шляхетских соймиков 1766 г., И. Массальский удачно интерпретировал требования придать православным политические и гражданские права как попытку освободить их из-под крепостной зависимости. Такая агитация имела успех, так как шляхта и вправду отождествляла эти два вопроса, о чем свидетельствовало содержание соймиковых инструкций. Наказы соймиков, принятые в Новогрудке, Витебске, Минске, Речице, Орше, Пинске, Мстиславле, Полоцке, содержали запрет любых изменений в положении диссидентов. В большинстве инструкций она сочеталась с заявлениями против раскрепощения крестьян. В Бресте, Мозыре, Полоцке и Пинске в дополнение к этому было озвучено требование не впускать в страну иностранные войска[1].

В такой ситуации Н. В. Репнин получил приказ действовать, не обращая внимания на средства. Еще во время коронационного сойма ему было поручено прямо заявить, что императрица «некоторыми вынужденными средствами» достигнет сама того, что король, как говорилось в инструкции послу, должен был сделать из благодарности к России за свое избрание. На сойме 1766 г. Репнин в присутствии иностранных послов зачитал от имени Екатерины II декларацию относительно диссидентов, при этом не вставая с кресла и демонстративно не снимая перед королем шляпы (такое поведение российского посла определялось инструкциями, полученными из Петербурга[2]). Через несколько дней Н. В. Репнина поддержал прусский посол Гедеон Бенуа, а за ним представители Англии и Дании. Папский нунций, наоборот, заявил на сойме о невозможности выполнения озвученных требований, после чего по предложению католических епископов был принят закон, которым подтверждалась незыблемость прежних ограничений в отношении диссидентов[3]. В ответ Н. В. Репнин и Г. Бенуа, угрожая применить вооруженную силу, добились отмены большинства реформ, проведенных в 1764 г.[4]

Через три дня после окончания сойма, 3 декабря 1766 г., шесть шляхтичей-диссидентов во главе с кальвинистом Яном Грабовским, генерал-майором войск ВКЛ, объявили в Варшаве манифест с протестом против религиозного преследования и политической дискриминации. В марте 1767 г. при военной и финансовой поддержке России и Пруссии были объявлены конфедерации диссидентов в Слуцке и Торуни.

---

[1] *Анішчанка Я. К.* Інкарпарацыя: Літоўская правінцыя ў падзелах Рэчы Паспалітай. Мінск, 2003. С. 84–94.

[2] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. С. 111–112, 115.

[3] Wiara Święta Katolicka Rzymska // Volumina Legum. Vol. 7. S. 192.

[4] *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 435–497; *Zielińska Z.* Polska w okowach «Systemu północnego», 1763–1766. S. 592–665.

Георгий Конисский, епископ Русской православной церкви, участник Слуцкой конфедерации (1767 г.). Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в.

Кароль Станислав Радзивилл, маршалок Радомской конфедерации (1767 г.). Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в.

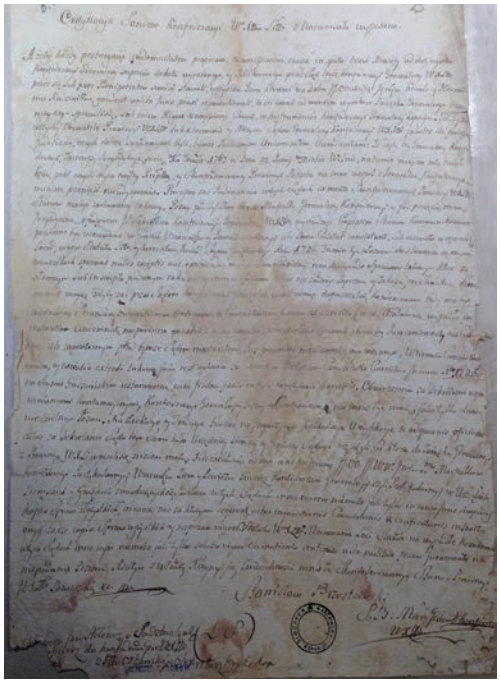
Конфедерация диссидентов ВКЛ в Слуцке объединила в своих рядах представителей православной, кальвинистской и лютеранской шляхты. Православным принадлежало большинство из 248 подписей на принятом акте, но в Слуцк (после его занятия российскими войсками) прибыли немногие из них. Подписи остальных 17 марта доставил могилевский православный епископ Георгий Конисский[1]. Слуцкую конфедерацию возглавил Я. Грабовский, рада из 33 человек почти полностью была сформирована из кальвинистов и лютеран. В акте конфедерации, датированном 20 марта 1767 г., было озвучено требование равенства в политических и гражданских правах шляхты независимо от вероисповедания. Никакого внимания положению крестьян, которые составляли большинство среди православных Беларуси, ни в акте, ни во время заседаний конфедерации не уделялось. Для защиты своих сословных прав слуцкие конфедераты обратились за помощью к России, Пруссии, Англии, Швеции и Дании, а своих соотечественников-католиков призвали к объединению в целях «защиты общих свобод, положенных по праву каждому»[2].

Поддерживая диссидентов, Екатерина II в то же время не хотела, чтобы введение 30-тысячного контингента российских войск в Речь Посполитую объяснялось фактом возникновения диссидентских конфедераций. Поэтому параллельно с конфедерациями православной и протестантской шляхты было решено инспирировать создание аналогичных союзов католической шляхты, а затем соединить все конфедерации между собой под лозунгом общего неприятия политики

[1] *Jučas M.* Unia polsko-litewska. Toruń, 2003. S. 328–329.

[2] *Грыцкевіч А. П.* Рэлігійнае пытанне і знешняя палітыка царызму перад падзеламі Рэчы Паспалітай // Вес. АН Беларускай ССР. Сер. гуманітар. навук. 1973. № 6. С. 62–71; *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 498–529.

руководства Речи Посполитой. По словам Екатерины II, это позволило бы продемонстрировать, «что господа Чарторижския сами по себе ничего не значат,.. а прямо вся республика наши дела [сама] выполняет и форм [нашей] защиты и ручательства ... испрашивает»[1].



Постановление, подписанное С. Бжостовским, о начале деятельности 22 июня 1767 г. суда Генеральной конфедерации ВКЛ в Вильне

В апреле 1767 г. в Новогрудском воеводстве в целях защиты «веры и свободы» возникла первая, направленная против короля, католическая конфедерация, которая попросила покровительства Екатерины II, а 22 мая 1767 г., в соответствии с негласными распоряжениями Н. В. Репнина, были приняты акты сразу 20 конфедераций, которые объединились сначала в Генеральную конфедерацию ВКЛ во главе со Станиславом Бжостовским, а затем, совместно с коронными конфедерациями – в Генеральную конфедерацию Обоих Народов, провозглашенную 23 июня 1767 г. в местечке Радом во главе с Каролем Станиславом Радзивиллом. Старошляхетский консерватизм этого магната (известного также как Пане Коханку) соответствовал вкусам и мировоззрению той части шляхты, которая в действиях Чарторыйских видела необоснованную апологию всего зарубежного и отрицание того, что было местным.

О присоединении к Радомской конфедерации заявили 74 тыс. шляхтичей, среди которых были влиятельные сановники и даже иерархи католической церкви. Противники Станислава Августа ошибочно полагали, что, санкционируя образование различных конфедераций, Екатерина II намеревалась осуществить его детронизацию. Настоящей же целью российского руководства было обеспечение большей сговорчивости короля путем создания эфемерной угрозы лишения его власти, а также нейтрализация действий католической шляхты и церкви в отношении диссидентских конфедераций. Акт Радомской конфедерации был написан под диктовку российского посла и объявлял о намерении шляхты соединиться во главе с королем, а не против него[2].

В Варшаве 5 октября 1767 г. начал работу чрезвычайный сойм. Формально он был созван королем по требованию Радомской конфедерации для ревизии

[1] *Анішчанка Я. К.* Інкарпарацыя: Літоўская правінцыя ў падзелах Рэчы Паспалітай. С. 103.

[2] *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 498–529.

постановлений соймов 1764 и 1766 гг. Выборы послов на сойм происходили в присутствии отрядов российской армии и были фактически проигнорированы шляхтой (маршалок на соймике Полоцкого воеводства Троян Корсак в такой ситуации инструкцию послам подписал сам, отметив, что «жители воеводства остались по своим домам»[1]). Накануне сойма российский посол сообщал, что из избранных депутатов только шестая часть настроены на сотрудничество с Россией, а остальных надлежит подчинить страхом[2]. Чтобы добиться нужных решений, Н. В. Репнин сразу же попытался передать часть полномочий сойма определенной из его рядов делегации, что не имело исторического прецедента и противоречило традиционному содержанию соймиковых инструкций, запрещавших послам передавать свои полномочия третьим лицам. После отказа послов и сенаторов выполнить это требование, Н. В. Репнин приказал арестовать четырех видных деятелей Радомской конфедерации (католических епископов Каетана Солтыка и Юзефа Залусского, коронного польного гетмана Вацлава Жевусского и его сына подольского посла Северина) и вывезти их в Российскую империю. После таких мер деятельность парламента приобрела форму, навязанную российским послом. Сойм выделил делегацию в составе 70 послов и сенаторов, а сам отложил свои сессии до 1 февраля 1768 г.[3] Все постановления делегации принимались большинством голосов, сойм должен был их или утвердить, или отклонить на пленарном заседании без права дискуссии и применения «liberum veto»[4].

При непосредственном участии Н. В. Репнина делегация приняла пакет законов, согласно которым правовая система Речи Посполитой приобретала новый вид, а контроль над ней со стороны России был закреплен юридическим путем. Законы Речи Посполитой разделялись на группы и главную из них составляли «кардинальные права» (от лат. cardinalis – главный) – законы, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть изменены. Согласно специальному договору[5], разработанному делегацией и утвержденному соймом, гарантом их соблюдения выступала Российская империя. Эти законы сохраняли такие нормы шляхетской демократии, как «liberum veto», избираемость короля, право на конфедерацию, монополия шляхты на владение землей и крепостными и пр. При этом основополагающие права были дополнены законом о равенстве прав с католиками шляхтичей-диссидентов, которые получили доступ к любым государственным должностям, в том числе в Сенате[6].

Таким образом, решение диссидентского вопроса помогло России установить контроль над политической системой Речи Посполитой. На сейме 1767–1768 гг. российское руководство повторно пошло на сближение со сторонниками

[1] *Анішчанка Я. К.* Інкарпарацыя: Літоўская правінцыя ў падзелах Рэчы Паспалітай. С. 123.
[2] Там же. С. 129.
[3] Akt limity // Volumina Legum. Vol. 7. S. 244–246; Plenipotencya // Ibid. S. 246–248.
[4] *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. С. 609–652.
[5] Traktat Wieczysty między Rzecząpospolitą Polską y Imperium Całey Rossyi // Volumina Legum. Vol. 7. S. 250–256.
[6] Prawa kardynalne // Volumina Legum. Vol. 7. S. 277–282.

Станислава Августа, возвращая ситуацию, при которой проведение ограниченных реформ оплачивалось частью государственного суверенитета. В таких обстоятельствах стремление к государственной самостоятельности Речи Посполитой приобретало обратную консервативно-католическую окраску.

Барская конфедерация 1768–1772 гг. Еще во время работы сойма возникла новая конфедерация, направленная против его решений, акт которой был объявлен 29 февраля 1768 г. в местечке Бар на юге Украины[1]. Инициаторы этого документа объявили, что действуют вопреки деморализованной светской и духовной верхушке Речи Посполитой, а также той части общества, которая склонила свои головы под ярмо чужеземных армий и иноверцев. Они требовали восстановления в прежних правах католической церкви (отмены недавних законов о диссидентах) и изгнания из страны российских войск, против которых участники движения начали вести партизанскую борьбу. После того, как Турция в поддержку конфедератов объявила России войну, конфликт приобрел международный масштаб. Австрия, сохраняя формальный нейтралитет, позволила руководителям движения иметь на своей территории резиденции, а Франция посылала им деньги, оружие и военных инструкторов[2]. Движение охватило различные земли Речи Посполитой – через его ряды в итоге прошли около 150 тыс. человек (шляхтичей, крестьян и мещан), однако при этом редко когда количество людей, которые одновременно сражались против российских войск, превышало несколько тысяч. В масштабах Речи Посполитой Барская конфедерация имела вид массового, но слабо скоординированного движения с эпизодами активизации и затухания в самых различных регионах.

На белорусских землях первыми о своей солидарности с данным движением заявили конфедерации, созданные в сентябре 1768 г. Решимостью среди них выделялся отряд шляхтичей Брестского воеводства, которые объединились в конфедерацию в лесу под Пружанами, чтобы вести партизанско-диверсионную борьбу против российских войск. Отряд был хорошо вооружен и насчитывал до 500 человек. Конфедерации были объявлены также в Браславском, Ошмянском, Новогрудском, Речицком поветах, Мстиславском воеводстве[3]. Первые отряды конфедератов, насчитывающие по несколько сотен человек, превращались в объекты легкой расправы российской армии, общая численность которой в ВКЛ достигала 6 тыс. Одержать победу конфедераты могли только при условии присоединения к движению радзивилловских надворных войск. С целью

[1] Akt Konfederacji Barskiej 29 lutego 1768 r. // Konfederacja Barska: wybór tekstów / wstępem i objaśnieniami zaopatrzył W. Konopczyński. Kraków, 1928. S. 4–14.

[2] *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Poznań, 2017. T. 1. S. 149–228, 517–548; *Носов Б. В.* Начало противостояния России и Барской конфедерации (март 1768 года) // W cieniu wojen i rozbiorów: studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / pod red. U. Kosińskiej, D. Dukwicz, A. Danilczyka. Warszawa, 2014. С. 257–276.

[3] Акт канфедэрацыі Ашмянскага павета ў падтрымку барскай справы. 26 ліпеня 1768 // *Анішчанка Я. К.* Народжаны рабалепнічаць. Беларускія землі пры першым падзеле Рэчы Паспалітай. Мінск, 2007. С. 303–307; Manifest województwa mścisławskiego // Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (LMAVB). RS. F. 255 – 1301. L. 251–251v.; Aktykacyja instrumentu konfederatom województwa mścisławskiego // НГАБ. Ф. 1736. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 56–56адв.

Михал Ян Пац, маршалок Генеральной конфедерации ВКЛ (1769–1772). Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в.

склонить к движению К. С. Радзивилла в начале октября 1768 г. в Несвиж съехались маршалки конфедераций из нескольких поветов. Одновременно по указанию Н. В. Репнина к Несвижу начала стягиваться российская армия. 10 октября около д. Лань под Несвижем один из российских отрядов был разбит ошмянскими конфедератами при помощи несвижской «милиции» и местных крестьян. На дальнейший конфликт с Россией К. С. Радзивилл не пошел, согласившись на почетную капитуляцию Слуцка и Несвижа, где немедленно были размещены российские гарнизоны[1].

Капитуляция Несвижа вызвала затухание местного движения к лету 1769 г.

Новый эпизод активизации конфедератов на белорусских землях включал два диверсионных рейда, которые в 1769 г. с территории Короны осуществили Казимир и Франциск Пулавские. Первый раз в июне 1769 г. они вывели свой отряд из Люблинского воеводства и прошли через Брест, Волчин, Каменец, Волковыск, Слоним, Дятлово, образуя новые конфедерации или восстанавливая деятельность старых, после чего под угрозой окружения российскими войсками через Деречин и Волпу вернулись в Польское королевство (отряд Пулавских при этом увеличился с 1 до 4 тыс. человек). В сентябре К. и Ф. Пулавские с участием своего брата Антония осуществили второй рейд, пытаясь оживить конфедерационное движение на Полесье. Однако недалеко от Бреста, около д. Орехово, их нагнали и разбили российские войска[2].

В противовес Пулавским, которые происходили из Короны и подозревались в стремлении подчинить себе местное движение, 26 июля 1769 г. в Жемойтии была провозглашена Генеральная конфедерация ВКЛ под предводительством Михала Яна Паца, участника движения в Новогрудском воеводстве[3]. В конце октября 1769 г. он прибыл в г. Тешин на австрийской территории, где произошло соединение конфедераций Короны и ВКЛ в совместную Генеральную конфедерацию Обоих Народов. М. Я. Пац, который в должности заместителя маршалка стал фактическим руководителем всего движения барских конфедератов, в одном их писем выделял три главные задачи своей деятельности: восстановление государственного суверенитета, смена монарха и проведение реформ[4]. За сове-

[1] *Konopczyński W.* Konfederacja barska. T. 1. S. 128–148; *Емельянчык У.* Уключэнне зямель Усходняй Беларусі ў склад Расійскай імперыі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. С. 221–222.

[2] *Емельянчык У.* Уключэнне зямель Усходняй Беларусі ў склад Расійскай імперыі. С. 223.

[3] Akt Konfederacji Generalnej W. Ks. Litewskiego w obozie pod Dowspudą die 26 Julii 1769 // Konfederacja Barska: wybór tekstów. S. 49–51.

[4] *Szczygielski W.* Pac Michał Jan // Polski słownik biograficzny. 1979. T. XXIV. S. 729.

тами в последнем вопросе руководители конфедерации обращались к французским просветителям Руссо и Мабли, которые в ответ написали специальные трактаты. Барское движение они освещали позитивно, как борьбу за республиканский суверенитет[1].

М. Я. Пац 22 октября 1770 г. обнародовал акт о детронизации С. Понятовского[2], а в ночь с 3 по 4 ноября 1771 г. в Варшаве состоялась неудачная попытка похищения короля, приведшая к его ранению. Это событие приобрело вид покушения на жизнь коронованного лица и скомпрометировало движение в глазах европейских монархов, снижая в дальнейшем его международную поддержку. Станислав Август в ответ занял более жесткую позицию в отношении конфедератов и потребовал активных действий от государственных войск[3]. Однако великий гетман ВКЛ Михал Казимир Огинский, тайно собрав в одном месте две тысячи военных, перешел на сторону конфедератов. 6 сентября 1771 г. он успешно атаковал российские войска около д. Бездеж на Брестчине, а на следующий день в м. Хомск издал манифест о присоединении регулярной армии ВКЛ к Барской конфедерации[4]. М. К. Огинский, армия которого в это время заметно увеличилась, двинулся по маршруту Клецк – Несвиж – Слуцк и в ночь с 22 по 23 сентября разместился на ночлег в м. Столовичи. Здесь его войска внезапно, с большими потерями для конфедератов, атаковал российский генерал-майор Александр Васильевич Суворов[5].

Широкую известность получил также рейд конфедератов под руководством Шимона (Симеона) Коссаковского. В июле 1771 г. он помог восстановить деятельность Браславской конфедерации, затем организовал конфедерацию в Ливонии, откуда, обойдя с востока Вильню, двинулся со своим отрядом в Ошмянский повет, через Радошковичи и Заславль (недалеко от города разбив один из российских отрядов) вошел в Минск, где также 30 августа была объявлена конфедерация, а в сентябре 1771 г. через Игумен и Жлобин дошел до р. Березина и затем двинулся на юг вдоль ее восточного берега. Со Стрешина на р. Днепр Ш. Коссаковский выслал часть конфедератов до Гомеля, Мстиславля и Мозыря, а сам направился на север вдоль восточного берега Днепра и осуществил 10-дневное вторжение на территорию Российской империи – в смоленские земли с последующим возвращением в район Стрешина. Главный отряд Ш. Коссаковского был окружен с трех сторон российскими войсками, но сумел вырваться, разбив их 14 сентября 1771 г. под Старым Быховом, откуда снова двинулся вдоль Днепра в Мстиславское воеводство, Оршанский повет

[1] *Michalski J.* Sarmacki republikanizm w oczach Francuza: Mably i konfederaci barscy. Wrocław, 1995.

[2] Interregnum // Konfederacja Barska: wybór tekstów. S. 90–92.

[3] *Zielińska Z.* Stanisław August wobec konfederacji i konfederatów barskich // Konfederacja barska, jej konteksty i tradycje / red. A. Buchmann i A. Danilczyk. Warszawa, 2010. S. 117–130.

[4] Універсал гетмана М. К. Агінскага ў Хомску. 7 верасня 1771 // *Анішчанка Я. К.* Народжаны рабалепнічаць. Беларускія землі пры першым падзеле Рэчы Паспалітай. С. 342–345.

[5] *Rakutis V.* Mykolas Kazimieras Oginskis – Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didysis etmonas // Kunigaikščiai Oginskiai Lietuvos istorijoje. Kultūrinės veiklos pėdsakais. Vilnius, 2010. P. 96–102; *Анішчанка Я.* Сталавіцкая бітва 1771 // Вялікае княства Літоўскае. Т. 2. С. 623–624.

и Полоцкое воеводство, поддерживая существование местных конфедераций. Преследуемый российскими войсками, отряд стремительно прошел вдоль границ Курляндии, но после переправы через Неман был разбит в Трокском воеводстве. Уцелевшие нашли убежище в Мазовии на территории Польши[1].

На белорусских землях еще продолжали действовать немногие отделы конфедератов, последний из которых был разоружен российскими войсками в районе Бобруйска в июне 1772 г.

Первый раздел Речи Посполитой. События Барской конфедерации были использованы соседними государствами как повод осуществить раздел Речи Посполитой. Инициатива раздела исходила от прусского короля Фридриха II, умело сыгравшего на противоречиях между Россией и Австрией, которые в это время находились в состоянии дипломатического конфликта. Первые договоренности были достигнуты осенью 1770 г., когда Фридрих II встретился с австрийским императором Иосифом II, а также направил своего брата Генриха в Петербург, где тот предложил идею раздела Речи Посполитой – как средство успокоения барских конфедератов, а в широком смысле – и Австрии, стремившейся помешать территориальным приобретениям России в войне с Турцией. Для Екатерины II согласие на первый раздел имело характер заранее предусмотренной (с учетом проекта З. Г. Чернышева) уступки.

В январе–августе 1772 г. были подписаны секретные конвенции, в которых определялись размеры территориальных приобретений России, Пруссии и Австрии[2]. В совокупности к этим государствам отходило около трети территории и 40% населения Речи Посполитой. Австрия, которая из трех стран-участниц раздела была в нем наименее заинтересована, получила земли с наибольшей численностью населения (2,65 млн человек) в южной Польше и западной Украине, что вместе составляло 83 тыс. км^2. Пруссии достались экономически развитые северо-западные регионы Польши: Поморье (по совместному требованию Англии, Голландии и России – без Гданьска и Торуни), часть Великой Польши и Куявия (36 тыс. км^2 и 580 тыс. человек). Россия заняла восточную Беларусь с городами Витебск, Орша, Мстиславль, Могилев, Гомель и часть Инфлянтии общей площадью 92 тыс. км^2. и населением 1,3 млн человек, состоявшим преимущественно из белорусов и латышей. Новая граница проходила по рекам Днепр и Западная Двина через Полоцк, который был разделен на две части.

После ввода своих войск на территории, определенные конвенциями, страны – участницы раздела потребовали одобрить его на чрезвычайном сойме, который было решено собрать в Варшаве 19 апреля 1773 г. Послы на него избирались только из тех территорий, которые оставались в составе Речи Посполитой. В большинстве воеводств шляхта составила посольские инструкции, в которых запретила своим представителям соглашаться на нарушение целостности страны.

[1] *Dolinskas V.* Simonas Kosakovskis. Politinė ir karinė veikla Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje 1763–1794. Vilnius, 2003. P. 272–320; Partyzanka Szymona Kossakowskiego na Litwie // Konfederacja Barska: wybór tekstów. S. 141–145.

[2] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. II. С. 23–24; СПб., 1875. Т. VI. С. 71–75.

Разделы Речи Посполитой. Авторы В. Н. Темушев, С. Н. Темушев

Т. Рейтан на сойме 1773 г. («Рейтан. Упадок Польши». Худ. Я. Матейко, 1866 г.)

В стремлении утвердить на сойме раздельные трактаты, представители России, Пруссии и Австрии использовали угрозы военного давления, а также создали совместный денежный фонд, из которого оплачивали приверженность послов и сенаторов своим интересам[1]. Чтобы заблокировать действие «liberum veto» и избежать угрозы срыва сойма, из части послов и сенаторов была образована конфедерация[2], существование которой позволило принимать решения на сейме простым большинством голосов. После открытия заседаний сойма лишь незначительная группа его участников решилась на попытку сопротивления. Наибольшую известность среди них получили три посла: Тадеуш Рейтан и Самуэль Корсак из Новогрудского, Станислав Богушевич – из Минского воеводств[3].

Формальным поводом для протеста стал созыв сойма не на территории ВКЛ, в Гродно (как того требовала очередность, согласно закону 1673 г.), а в Варшаве. Используя это обстоятельство, Т. Рейтан с частью послов попытался сорвать сойм и таким образом не допустить легитимизации раздела.

Историческая традиция гласит, что он, С. Корсак и С. Богушевич в течение 38 часов не покидали Посольскую избу, защищая тем самым принцип единогласия, а после того, как большинство участников сойма согласились присоединиться к конфедерации, Т. Рейтан в отчаянии лег в дверях зала, заслоняя собой проход тем, кто из нее выходил.

Чтобы избежать новых дебатов, на сойме 1773 г. (по примеру чрезвычайного сойма 1767–1768 г.) была избрана делегация из 99 послов и сенаторов[4],

[1] *Dukwicz D.* Rosja wobec sejmu rozbiorowego warszawskiego (1772–1775). S. 293–299.

[2] Utwierdzenie Generalney Konfederacyi // Volumina Legum. Vol. 8. Petersburg, 1860. S. 5.

[3] *Wegner L.* Tadeusz Rejtan na sejmie warszawskim z roku 1773: W stuletnią rocznicę sejmu rozbiorowego. Poznan, 1873. S. 12–88; *Michalski J.* Tadeusz Reytan // Polski Słownik Biograficzny. 1988. T. XXXI/2. S. 231–237.

[4] Delegati ex Senatu et Ministerio // Volumina Legum. Vol. 8. S. 6–7.

«Королевский пирог» – аллегория первого раздела Речи Посполитой. Гравюра Ноэля Ле Мира. Лондон, 1773 г.

которая должна была выработать тексты договоров с Россией, Пруссией, Австрией[1]. 29 сентября 1773 г. делегация их приняла, а на следующий день документы, которые предусматривали согласие Речи Посполитой на изменение своих границ, подписал король и одобрили другие участники чрезвычайного сойма. Главная задача, ради которой он был собран, была выполнена, хотя сам сойм, преимущественно в виде делегации, продолжал работать еще два года.

Политическое положение Речи Посполитой после Первого раздела. В 1775 г. делегация сойма от имени Речи Посполитой заключила новый договор с Российской империей[2], который предусматривал придание политической системе страны вида российского протектората[3]. В течение 13 последующих лет российский посол в Варшаве Отто Магнус фон Штакельберг пользовался влиянием, соотносимым с властью Станислава Августа. Согласно решениям сойма, Россия подтвердила право охранять (на этот раз совместно с Пруссией и Австрией) государственно-политический строй Речи Посполитой. Российские дипломаты при этом уступили в ряде вопросов, в отношении которых ранее занимали более жесткую позицию. Прежде всего были изменены кардинальные права 1768 г. в сторону возвращения прежних ограничений для диссидентов. Православные и протестанты снова были лишены права входить в Сенат и занимать министерские должности, на соймы они могли посылать только трех пред-

[1] Traktat między Nayiaśniey: Krolem Imcią y Rzecząpospolitą Polską, y Naiaśnieyszą Cesarzową Krolową Węgierską y Czeską // Volumina Legum. Vol. 8. S. 12–21; Traktat między Nayiaśniey: Krolem Imcią y Rzecząpospolitą Polską, y Naiaśnieyszą Imperatową całey Rossyi // Ibid. S. 21–29; Traktat między Nayiaśnieyszym Krolem Imcią y Rzecząpospolitą Polską, y Naiasn. Krolem Imcią Pruskim // Ibid. S. 29–39.

[2] Akt osobny // Volumina Legum. Vol. 8. S. 47–51; Akt osobny zawierający rożne ustanowienia // Ibid. S. 51–54.

[3] Россия – Польша: от протектората до автономии, XVIII – начало XIX веков // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. / З. Зелиньска [и др.]. М., 2007. С. 153–164.

ставителей: двух от Короны и одного от ВКЛ[1]. Таким образом, Екатерина II отказалась от идеи сформировать в Речи Посполитой собственный политический лагерь, требуя от своего посла действовать преимущественно через короля. После содействия в вопросе утверждения раздела, ему было разрешено провести ограниченные внутренние реформы и собрать вокруг себя группу преданных чиновников, которые занялись бы упорядочением государственного управления, экономических дел и просвещения.

Главным инструментом российской политики О. Штакельберг планировал сделать Постоянную Раду, созданную при короле с целью дополнительного контроля над его деятельностью. Принципом ее работы стало правило дополнительной оплаты работы министров деньгами из российского посольства в виде так называемых пенсий, при выдаче которых брались письменные расписки[2]. О. Штакельберг намеревался неофициально руководить деятельностью этого института, однако планы российского посла в полной мере реализованы не были. Станислав Август оказался способным заполнить департаменты Постоянной Рады лицами из своего окружения, и вокруг королевского двора начал активно складываться собственный политический лагерь, формированием которого на белорусско-литовских землях в 1770-е гг. активно занимался надворный подскарбий ВКЛ Антоний Тызенгауз, а позднее – подканцлер ВКЛ Иоахим Хрептович[3].

Набирая в сойм и Постоянную Раду лояльных людей, король надеялся продолжать политику реформ. Важным изменением политико-правовой ситуации было лишение оппозиции возможности срывать соймы (при голосовании по экономическим вопросам «liberum veto» не действовало). С другой стороны, Екатерина II не позволяла превращать соймы 1778, 1780, 1782–1784, 1786 гг. в конфедерационные, тем самым очерчивая перед Станиславом Августом возможные пределы реформ: реформирование страны блокировалась в политической сфере, но было разрешено в области образования и экономики.

Следует отметить, что общее содержание соймиковых инструкций того времени свидетельствовало о том, что избиратели не сильно поощряли послов к реформам[4]. Определенное воздействие на такую позицию шляхты оказывало убеждение, что реформы (поскольку являлись результатом сотрудничества короля с российскими послами) способствуют уменьшению самостоятельности Речи

[1] Akt osobny // Volumina Legum. Vol. 8. S. 47–51.

[2] *Dukwicz D.* Sekretne wydatki rosyjskiej ambasady w Warszawie w latach 1772–1790 // Gospodarka, społeczeństwo, kultura w dziejach nowożytnych. Warszawa, 2010. S. 449–465.

[3] *Kosciatkowski S.* Antoni Tyzenhauz: Podskarbi nadworny Litewski. London, 1970. T. 1. S. 77–224; *Tracki K.* Ostatni kanclerz litewski. Joachim Litawor Chreptowicz w okresie sejmu czteroletniego 1788–1792 (z dodatkiem dziejów rodu i życia kanclerza w okresie wcześniejszym). Wilno, 2007. S. 45–48, 81–86, 115–148.

[4] *Šapoka A.* Raštai. T. 2: Lietuva reformų seimo metu. Iki 1791 m. gegužės 3 d. konstitucijos / [Įvadą, tekstus ir komentarus parengė: R. Jurgaitis, R. Šmigelskytė-Stukienė]. Vilnius, 2008. P. 132–183; *Michalski J.* Sejmiki poselskie 1788 // Przegląd Historyczny. 1960. T. 51. Cz. 1–3. S. 53–73, 331–367, 465–482; *Ючас М.* Сацыяльныя і палітычныя праблемы на павятовых сеймiках Літвы ў XVIII ст. // ARCHE. 2011. № 6. С. 74–89.

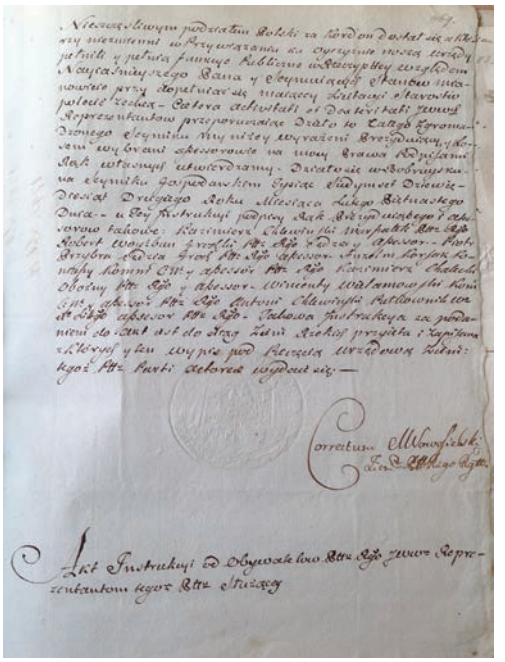
Посполитой и предусматривают увеличение авторитарных методов управления, ограничивая политическую инициативу шляхты. Такое мнение в обществе активно поддерживали магнаты, враждебные Станиславу Августу.

В борьбе с королем представители республиканской оппозиции искали поддержки за пределами страны. Коронные гетманы Франтишек Ксаверий Браницкий и Северин Жевусский, пользуясь покровительством влиятельного фаворита Екатерины II генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потемкина, пытались при его посредничестве склонить Екатерину II к отставке О. Штакельберга. Надворный маршалок ВКЛ Игнатий Потоцкий, напротив, искал поддержки в Берлине, рассчитывая на помощь Пруссии в уменьшении влияния России в Речи Посполитой.

С 1787 г. происходили значительные изменения на международной арене. Россия, на протяжении последних лет связанная союзом с Австрией, готовилась к очередному военному конфликту с Турцией, стараясь захватить Константинополь и создать вокруг него новую греческую империю. В августе 1787 г. Турция нанесла превентивный удар по России, начав новый европейский конфликт. Войну России в июле 1788 г. объявила также Швеция, а в августе против России и Австрии сформировалась дипломатическая коалиция в составе Англии, Голландии и Пруссии. В Берлине премьер-министр нового прусского короля Фридриха-Вильгельма II Эвальд фон Херцберг вынашивал план пересмотра условий Первого раздела Речи Посполитой, которые называл ошибкой Фридриха II. По его мнению, Пруссия всеми силами должна была стремиться включить в свои границы города Гданьск и Торунь, которые по условиям Первого раздела остались в составе Польской Короны. План Э. Херцберга предусматривал территориальные уступки в пользу Австрии, а взамен – возвращение из ее состава Галиции Речи Посполитой и согласие последней на передачу Пруссии указанных городов. Чтобы осуществить такой план, требовалось вывести деятельность политических элит Речи Посполитой из-под контроля российской дипломатии. Сложное внешнеполитическое положение России укрепляло в Речи Посполитой надежды на обретение политической самостоятельности. Прусский посол в Варшаве Людвик фон Бухгольц получал инструкции всячески поддерживать такие намерения. Его задачей было сорвать на ближайшем сейме заключение оборонительного союза Речи Посполитой с Россией[1].

Сейм, названный впоследствии Четырехлетним, начал свою работу 6 апреля 1788 г. и уже на следующий день принял вид конфедерации. Екатерина II полагала, что сейм большинством голосов проголосует за военное соглашение с Россией, после чего прекратит свою деятельность. Неожиданно для российского руководства значительная часть послов на сейме выступили против планируемого соглашения. В их поддержку прусский посол озвучил официальную позицию своего двора, который предостерегал сейм идти на военный союз с Россией, а в ответ предлагал союзное соглашение с Пруссией, гарантируя целостность и независимость Речи Посполитой, а также полную свободу

[1] *Askenazy Sz.* Przymierze polsko-pruskie. Wyd. 3-e. Warszawa, 1918. S. 14–62; *Lord R. H.* Drugi rozbiór Polski. Warszawa, 1973. S. 40–73.



Фрагмент инструкции шляхты Речицкого повета с одобрением Конституции 3 мая. Бобруйск, 15 февраля 1792 г.

в деле осуществления внутренних реформ. В ноябре 1788 г. сойм распустил Военный департамент Постоянной Рады, позднее – Департамент иностранных дел, а 19 января 1789 г. – и саму Постоянную Раду, интерпретировав ее существование как угрозу национальному суверенитету[1]. В результате таких решений сойм фактически на три года стал единственной верховной властью в стране, что было равнозначно восстановлению независимости Речи Посполитой и ликвидации российской протекции.

Следующие три года интенсивных реформ, венцом которых стало принятие в 1791 г. основного закона (Конституции 3 мая), проходили в условиях заключенного на сойме союза между патриотическим лагерем и сторонниками короля и постепенной консолидации общества в деле реформирования страны. 14 февраля 1792 г. в Речи Посполитой прошли шляхетские сеймики, представители которых в решительной или сдержанной форме высказали поддержку Конституции 3 мая. Ход соймиков показал, что в результате активной пропагандистской компании работа сойма начала рассматриваться в обществе не столько с точки зрения содержания самих реформ, а прежде всего как важный шаг на пути укрепления государственного суверенитета. Принятие основного закона вопреки воле соседних монархов символизировало в глазах шляхты выход страны из-под их диктата. Неслучайно самую большую поддержку Конституция 3 мая получила там, где наиболее сильно чувствовалась угроза очередной аннексии. На белорусско-литовских землях Конституции присягнули (это было формой наиболее решительного ее признания) 82% соймиков – в четыре раза больше, чем в Польской Короне, в то время, как ни один из них не выразил свое недовольство в форме замалчивания факта существования Конституции в итоговом постановлении, что было характерно для 18% соймиков в Короне[2].

Менее благоприятными для сохранения реформ были действия их инициаторов на международной арене. Безуспешно стремясь к сближению с Пруссией[3] и поэтапно ухудшая отношения с Россией, они не сумели уберечь страну от очередного раздела. Четырехлетний сойм принял решение о выводе с территории

[1] Uchylenie Rady nieustaiącey // Volumina Legum. Vol. 9. S. 64.

[2] *Szczygielski W.* Referendum trzeciomajowe: sejmiki lutowe 1792 roku. Łódź, 1994. S. 394–396.

[3] *Kocój H.* Berlin wobec Konstytucji 3 maja. Kraków, 2007. S. 13–140.

страны российских войск и объявил расторгнутыми договоры 1768 и 1775 гг. с Российской империей. Он также одобрил новые кардинальные права, согласно которым от государства не могла быть отделена ни одна из частей[1]. Этот пункт в дальнейшем лишил Речь Посполитую поддержки Пруссии, целью которой было получение Гданьска и Торуни. Окончательно невыгодным международное положение Речи Посполитой сделала позиция Англии. В 1791 г. она планировала воевать против России, чтобы заставить ее отказаться от территориальных приобретений в войне с Турцией. Английский премьер Уильям Питт хотел создать военный блок с участием Голландии, Пруссии, Швеции, Дании и Речи Посполитой, но английский парламент посчитал, что для страны более выгодным является сохранение торговых отношений с Россией и не дал согласия на войну. Россия это использовала и в августе 1791 г. на выгодных для себя условиях подписала с Турцией предварительное соглашение о прекращении военных действий, после чего начала готовить войска к интервенции в Речь Посполитую. Тем временем прусский король инициировал дальнейшее сближение с Австрией, чтобы помешать односторонним действиям России в Речи Посполитой. Австрия в это время остро нуждалась в помощи в войне против революционной Франции, а Пруссия рассчитывала за такую помощь получить территориальную компенсацию в Речи Посполитой[2].

Тарговицкая конфедерация 1792–1793 гг. Негативную реакцию деятельность Четырехлетнего сойма вызывала в Петербурге. Реформированная система Речи Посполитой становилась неудобным критерием оценки абсолютистского варианта российской монархии, критику которого внутри государства могли усилить успешные процессы политической модернизации в соседней стране. В одном из своих писем российская императрица прямо отметила, что Конституция 3 мая невыгодна России, поскольку выводит Речь Посполитую «из пассивного государства в активное, из анархии в действующее состояние»[3].

Намереваясь осуществить военную интервенцию в Речь Посполитую, Екатерина II не желала придавать ей характер официальной войны. С 1789 г. российским руководством активно обсуждался план конфедерации православного населения – «по примеру той, которая гетманом Хмельницким была сделана»[4]. Однако из-за событий Французской революции императрица не решилась разжигать в соседней стране войну по сословно-конфессиональным признакам[5]. В июле 1791 г. она поручила Г. А. Потемкину содействовать образованию шляхетской конфедерации, которая должна была выступить под консервативными

[1] Prawa kardynalne niewzruszone // Volumina Legum. Vol. 9. S. 203–204.

[2] *Kocój H.* Austria wobec Konstytucji 3 maja. Kraków, 2008. S. 9–60; *Lord R. H.* Drugi rozbiór Polski. S. 90–124, 254; *Kądziela Ł.* Opcja grodzieńska // Kwartalnik historyczny. 1991. № 1. S. 31–44; *Müeller M. G.* Rozbiory Polski: historia Polski i Europy XVIII wieku. Poznań, 2005. S. 59–64.

[3] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. С. 249.

[4] А. И. Безбородко – С. Р. Воронцову, 30 IV 1790 // Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 184–185.

[5] *Аниперков В.* К вопросу о том, почему конфессиональный фактор не стал определяющим во втором разделе Речи Посполитой // Orientalia Christiana Cracoviensia. 2017. Т. 9. S. 41–66.

лозунгами против Четырехлетнего сойма и попросить военной помощи у России[1]. Действиям конфедератов Екатерина II планировала придать видимость борьбы против распространения в Речи Посполитой идей Французской революции, что позволяло ей самой отказаться от участия в войне против Франции.

В подготовке конфедерации Г. А. Потемкин опирался на помощь Ш. Коссаковского. Зачисленный на службу в российскую армию, осенью 1791 г. он находился в резиденции Г. А. Потемкина Яссы, где разрабатывал план конфедерации совместно с коронными магнатами – генералом артиллерии Станиславом Щенсным Потоцким и польным гетманом Северином Жевусским. В марте 1792 г. указанные лица, к которым позже присоединился коронный великий гетман Франтишек Ксаверий Браницкий, прибыли в Петербург, где при личном участии Екатерины II проходили заключительные совещания по подготовке конфедерации[2].

Следует отметить, что часть российских сановников в это время высказывали опасение, что создание конфедерации под контролем России втянет их страну в войну с Пруссией; перед тем, как осуществить военную интервенцию в Речь Посполитую, они предлагали начать предварительные консультации об ее новом разделе с Пруссией и Австрией[3]. Инициаторы конфедерации, наоборот, пытались доказать, что Россия может достичь своих целей без сотрудничества с Пруссией и Австрией.

Что касается Екатерины II, то она фактически повторяла дипломатическую стратегию двадцатипятилетней давности, пытаясь вначале установить односторонний военно-политический контроль России в Речи Посполитой, а на случай возникновения трудностей имела запасной вариант очередного раздела.

18 мая 1792 г. российские войска под командованием генерал-аншефа Михаила Васильевича Каховского вошли в пределы Речи Посполитой. Чтобы не выглядеть инициатором военного конфликта, руководство Российской империи объяснило введение армии просьбой Генеральной конфедерации Польского Королевства, которая была провозглашена в местечке Тарговица в акте с фальшивой датой 14 мая 1792 г. [4] (в действительности акт был подписан в Петербурге 27 апреля).

В границах ВКЛ первые региональные конфедерации были созданы в Браславе, Холопеничах и Ушачах – административных центрах, ближайших к границе

[1] Рескрипт 18 июля 1791 г. // Русский архив. 1874. Кн. 2, № 8. Стб. 281–282; *Елисеева О. И.* Граница России – Чёрное море. Геополитические проекты Григория Потёмкина. М., 2018. С. 281–332.

[2] *Łojek J.* Misja Debolego w Petersburgu w latach 1787–1792. Wrocław, etc., 1962. S. 96–138; *Аніпяркоў В. В.* Генезіс Таргавіцкай канфедэрацыі // Гісторыка-археалагічны зборнік. 2012. Вып. 27. С. 59–64.

[3] Архив Государственного Совета. Т. 1: Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). Ч. 1: Отд. историческое. СПб., 1869. Стб. 906–909.

[4] Декларация, поданная министром Е. И. В. Булгаковым в Варшаве Министерству Польскому. О вступлении Российских войск в области Республики // Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792–1796). Вильно, 1903. С. 1–8; Akt Generalnej Konfederacji Dnia 14 Maja pod Targowicą skojarzonej, a D. 19 Maja Uniwersałem ogłoszonej // Korrespondent Warszawski. 1792. № 39. S. 329–334; № 41. S. 357–359.

Талер времен Тарговицкой конфедерации. 1793 г.

с Россией: через несколько дней после перехода 22 июня 1792 г. российской армией Западной Двины[1]. Их создание сопровождалось острым конфликтом между Ш. Коссаковским и генерал-аншефом российской армии Михаилом Никитичем Кречетниковым. Накануне военных действий Ш. Коссаковский заверял руководство Российской империи, что население белорусско-литовских земель поддержит политические инициативы России и начнет добровольно присоединяться к конфедерации, но уже в самом начале интервенции М. Н. Кречетников сообщал председательствующему в российской Военной коллегии Николаю Ивановичу Салтыкову: «При всевозможном сохранении строгости воинской и спокойствия жителей, не видал я и тени того к нам их доброжелательства и податливости, которые прежде мне обещали и признательно доношу, что опасение только их заставляет подчиняться»[2].

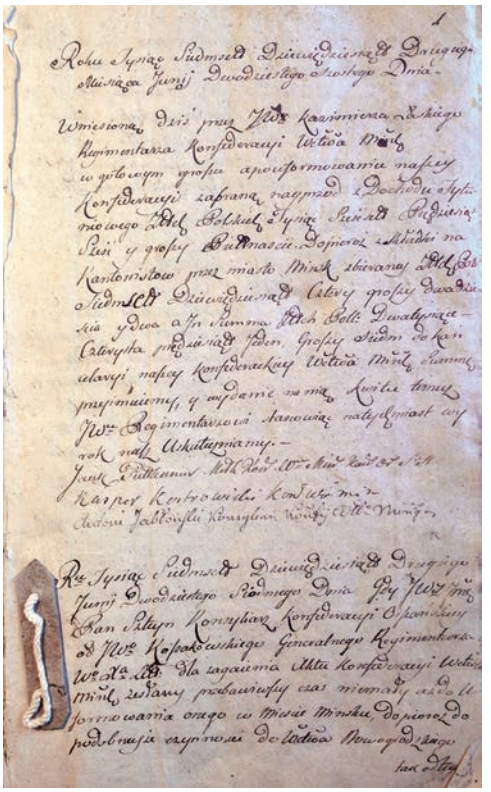
Не имея широкой общественной поддержки, доверенные Ш. Коссаковского собирали шляхту при помощи российских отрядов, заставляя подписывать акты конфедераций, составленные по единому образцу[3]. Представить в деталях, как это происходило, позволяет анонимное письмо, направленное Станиславу Августу шляхтой одного из административных центров ВКЛ: «После прихода российской армии, – жаловались авторы письма, – и появления консула из чужого воеводства, человека, которым до этого пренебрегали в нашем обществе, уголовника и бездельника, согнали казаками к столичному городу шляхту, которой сказали подписаться на чистой бумаге. Он выписал потом более знатным жителям письма, якобы приглашая их на определенный день к обрядам, а чтобы уговаривать убедительнее, добавлял сентенции, что «кто не с нами, тот против нас», давая, таким образом, понять, что тому, кто ослушается явиться, следует бояться мести. Мы прибыли в тот определенный день и пошли на привычное место обрядов. Оно было окружено множеством иностранных солдат, а напротив подготовленного столика для подписания документов была установлена пушка. На таком фоне акт конфедерации был прочитан, консулов объявили, не спрашивая хотя бы для самой формальности о согласии, клясться было сказано»[4].

[1] *Šmigelskytė-Stukienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais. Vilnius, 2003. P. 57–70.

[2] М. Н. Кречетников – Н. И. Салтыкову, 05/16 VII 1792 // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 77об.

[3] *Никитин М. Г.* К вопросу о добровольном присоединении белорусской шляхты к Тарговицкой конфедерации // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. 1995. № 1. С. 15–19; *Rolnik D.* O «psychologicznych» metodach walki politycznej w czasie wojny polsko-rosyjskiej i w okresie rządów konfederacji targowickiej (1792–1793) // Studia Historyczne. 2007. Z. 3–4. S. 279–297.

[4] NN do Stanisława Augusta, b. d. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 215. Л. 11.



Книга экономических постановлений конфедерации Минского воеводства (1792–1793)

В начале военных действий войска ВКЛ отступали в глубь страны, избегая столкновения с силами противника, которому уступали не только по количеству солдат, но и по качеству их подготовки[1]. Победа в битве под Миром 11 июня 1792 г. позволила российским войскам беспрепятственно войти в Вильню, где 25 июня была объявлена Генеральная конфедерация ВКЛ[2]. В ночь на 23 июля 1792 г. после сильного артиллерийского обстрела российские войска штурмом овладели Брестом, последним стратегическим пунктом на территории Великого Княжества Литовского, а на следующий день Станислав Август, уступив требованиям Екатерины II, объявил о прекращении военных действий и о своем присоединении с армией к Тарговицкой конфедерации[3].

Целью Станислава Августа была нейтрализация политических оппонентов из числа инициаторов «Тарговицы». Для этого лиц из своего окружения он призывал входить в руководство местных конфедераций. Те (в большинстве случаев – вопреки собственным убеждениям) присоединялись к конфедерации, отказываясь при этом озвучивать в своих присягах ее постулаты и перекладывая ответственность за совершенный шаг на монарха[4].

Под влиянием присоединения к движению короля была завершена организация местных институтов тарговицкой власти, которые начали действовать в каждом воеводстве и повете ВКЛ[5]. Конфедераты перенимали функции мест-

[1] *Wolański A.* Wojna polska-rosyjska 1792 r. Warszawa, 1996. S. 369–389.

[2] Akt Konfederacji Generalnej Wolnej W. X. Litewskiego // Korrespondent Warszawski. 1792. Dodat. do № 40. S. 345–348.

[3] Akcess Nayiaśn. Pana do Konfederacyi Targowickiey // Korrespondent Warszawski. 1792. № 48. S. 414.

[4] *Аніпяркоў В. В.* Формы далучэння беларускай шляхты да Таргавіцкай канфедэрацыі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. 2005. № 3. С. 9–14; *Его же.* Слуцкая канфедэрацыя 1792–1793 гг.: асаблівасці ўтварэння // Беларусь, Слуцкі край і Эдвард Вайніловіч: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Слуцк – Мінск, 22–23 верас. 2017 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (навук. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2018. С. 105–123.

[5] *Šmigelskytė-Stukienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais. P. 265–343.

ной администрации: их главными заботами стали приведение населения к присяге, нормализация криминогенной ситуации, вызванного войной, а также отношений местного населения с российскими войсками, численность которых на белорусско-литовских землях достигла 43 тыс. человек. Местных жителей обязали обеспечивать их провиантам и фуражом по небольшим ценам, определенным в Петербурге. Шляхта отказывалась сдавать фураж и провиант в требуемом количестве, в ответ российские войска, игнорируя протесты конфедератов, проводили насильственные реквизиции продукции[1].

Экономическое положение белорусских земель усугублял неурожай 1792 г., а также массовые побеги крестьян в Российскую империю, которые происходили в ситуации открытой границы под влиянием голода и казацких бесчинств. В это же время российские войска проводили операции, направленные на поиск и возвращение прежним хозяевам крестьян, которые в предыдущие годы сбежали из Российской империи. В результате возникали многочисленные конфликты, в ходе которых росла враждебность населения к российским войскам, а конфедерации превращались в объект острой критики как со стороны российской армии, так и местной шляхты[2].

Второй раздел Речи Посполитой. Убедившись, что нормализовать политическую ситуацию в Речи Посполитой не удается, Екатерина II в декабре 1792 г. распорядилась начать переговоры с Пруссией о Втором разделе[3]. Совещания по этому вопросу проходили в Петербурге в секрете от Австрии, а также от конфедератов, делегация которых в это же самое время находилась в российской столице. 23 января 1793 г. в Петербурге была подписана секретная конвенция, которая определяла размеры территориальных приобретений России и Пруссии[4]. На этот раз к обоим государствам отходило 54% территории, оставшейся Речи Посполитой после Первого раздела, и примерно половина ее населения. Пруссия получала долгожданные Гданьск и Торунь, а также территории на западе и юге Польской Короны с общей площадью 58 тыс. км^2 и населением 1,2 млн человек. Россия забрала остатки Полоцкого, Витебского и Минского воеводств, окраины Виленского, восточные части Новогрудского и Брестского воеводств, а также восточную Волынь, Киевское, Брацлавское и Подольское воеводства, что в совокупности составляло 280 тыс. км^2 и 3 млн жителей, преимущественно белорусов и украинцев. 29 марта слухи о Втором разделе были подтверждены официальной декларацией России и Пруссии. Странам – участницам раздела оставалось добиться его одобрения на чрезвычайном сойме Речи Посполитой, который был собран в Гродно 17 июня 1793 г.

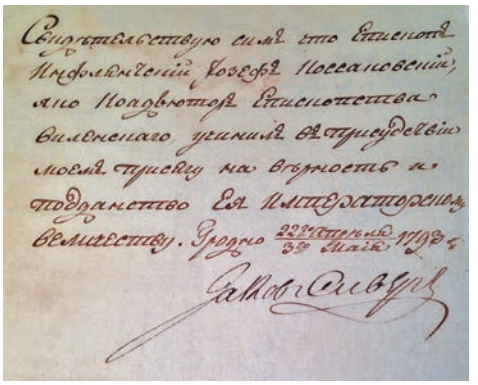
---

[1] *Аніпяркоў В. В.* Праблемы забеспячэння расійскіх войск на землях цэнтральнай і усходняй Беларусі ў 1792–1793 гг. // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2015. № 4. С. 43–49.

[2] *Аніпяркоў В. В.* Паміж супрацоўніцтвам і канфліктамі: расійскія войскі і прарасійскія канфедэраты на беларускіх землях Рэчы Паспалітай у 1792–1793 гадах // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. 2015. № 1. С. 44–53.

[3] Екатерина II – Я. Е. Сиверсу, 22 XII 1792 / 2 I 1793 // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 80: Варшавская миссия. Оп. 1. Д. 1476. Л. 121.

[4] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. С. 228–235.



Свидетельство российского посла Я. Е. Сиверса о совершении инфлянтским епископом Юзефом Коссаковским присяги на верность и подданство императрице Екатерине II. Гродно, 3 мая 1793 г.

Новость об отторжении от Речи Посполитой очередных территорий окончательно дискредитировала лидеров Тарговицкой конфедерации, большинство из которых прекратили политическую деятельность. Исключением стали Юзеф, инфлянский епископ, и Шимон Коссаковские, которые в ответ на сведения о Втором разделе Речи Посполитой выдвинули перед императрицей план разрыва Великим Княжеством унии с Короной и присоединения его в качестве удельного княжества к Российской империи[1].

За полгода деятельности конфедерации Коссаковские добились создания отдельных правительственных комиссий ВКЛ: военной, скарбовой, полиции и образования, увеличили относительную численность представителей ВКЛ в Сенате, вернули его войска с территории Короны[2]. На сенаторской скамье Гродненского сойма братья наблюдали, как избранные под их контролем послы выступают за сохранение целостности края. По свидетельству нового российского посла Якова Ефимовича Сиверса, за патриотической риторикой представителей белорусско-литовских земель четко просматривались политические манипуляции Коссаковских, которые при этом всячески декларировали верность интересам России. Смущенный после первых заседаний, российский посол растерянно просил: «Сопротивление так усиливается, что Ваше Императорское Величество должно немедленно решать: принять подданство Литвы или его отбросить»[3].

Екатерина II подтвердила Я. Е. Сиверсу прежние инструкции, приоритетной задачей которых оставалось утверждение на сойме январских трактатов с Пруссией. Для ее выполнения российский посол пошел на использование средств открытого силового давления (передача полномочий сойма делегации, размещение в королевском замке российских войск с артиллерией, аресты послов), а также установил контакты с другой пророссийской группировкой сойма, представители которой (коронный великий маршалок Фридерик Мошинский, Игнатий Массальский, великий маршалок ВКЛ Людвик Тышкевич, великий подскарбий ВКЛ Михал Клеофас Огинский и др.) были связаны со Станиславом Августом и рассчитывали на помощь российского посла в борьбе против Коссаковских[4].

[1] *Konopczyński W.* Kossakowski Szymon M. // Polski Słownik Biograficzny. T. XIV. S. 292.

[2] *Wąsicki J.* Konfederacja targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793 roku: (studium historyczno-prawne). Poznań, 1952. S. 36–57.

[3] *Sievers J.* Jak doprowadzłiem do drugiego rozbioru Polski. Warszawa, 1993. S. 104.

[4] *Kądziela Ł.* Zdrajcy i patrioci? Ugrupowania polityczne sejmu grodzieńskiego 1793 roku // *Od Konstytucji do Insurekcji*. Studia nad dziejami Rzeczypospolitej w latach 1791–1794. Warszawa, 2011. S. 181–186.

Российский план Гродно. 1795 г.

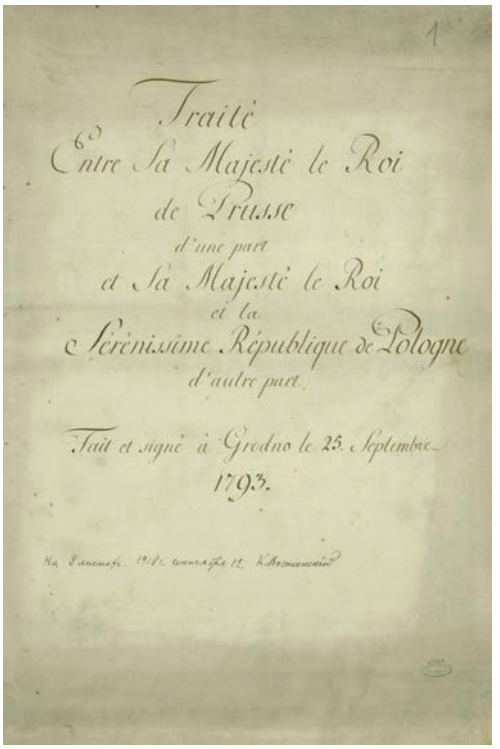
С согласия Я. Е. Сиверса 15 сентября 1793 г. сойм принял решение о роспуске Тарговицкой конфедерации и пересмотре ее решений[1]. Перед этим 17 августа 1793 г. состоялась ратификация соглашения с Россией (разработанного в Петербурге[2] и принятого делегацией сойма), в котором признавались территориальные уступки в пользу последней[3]. Чтобы добиться аналогичных уступок в пользу Пруссии[4], Я. Е. Сиверс приказал российским гренадерам окружить зал заседаний и не выпускать из него послов до того момента, пока делегация не

[1] Akt konfederacji Grodzieńskiej // Volumina Legum. Vol. 10. S. 52

[2] Екатерина II – Я. Е. Сиверсу, 24 V / 4 VI 1793 // АВПРИ. Ф. 80: Варшавская миссия. Оп. 1. Д. 1491. Л. 33–34.

[3] Ratyfukacja Traktatu z Najjaśniejszej Imperatową Wszech Rosji zawartego // Volumina Legum. Vol. 10. S 14–24.

[4] Traktat między miedzy Najjaśniejszym Królem Jegomością i Rzecząpospolitą Polska z jednej a Najjaśniejszym Królem Jmcią Pruskim z drugiej strony zawarty // Volumina Legum. Vol. 10. S. 28–37.


Traité
Entre Sa Majesté le Roi
de Prusse
d'une part
et Sa Majesté le Roi
et la
Sérénissime République de Pologne
d'autre part.
Fait et signé à Grodno le 25. Septembre
1793.

Договор Пруссии и Речи Посполитой о новой границе 1793 г.

получит от сойма поручение на заключение договора о разделе. В ответ послы отказались начать его обсуждение. В ночь на 24 сентября, через несколько часов «немого» заседания, маршалок Станислав Белинский трижды спросил сойм о согласии, после чего объявил, что молчание послов является знаком согласия и закрыл заседание[1]. Екатерина II после этого посчитала свои обязательства на сойме в отношении Пруссии выполненными; российскому послу в дальнейшем полагалось «устранить Прусаков и поставить их вне игры»[2]. Этой задаче соответствовал подготовленный в Петербурге проект «Трактата об альянсе, дружбе и союзе» России и Речи Посполитой, который номинально был передан Я. Е. Сиверсу от имени сойма как просьба представителей населения Речи Посполитой.

Согласно условиям трактата[3], который был принят на сойме 16 октября 1793 г., Россия возвращала себе роль единственного протектора в отношении своей соседки. Она имела право держать на территории Речи Посполитой военные склады и могла в любой момент направлять сюда свои войска «в случае необходимости в уведомительном режиме». Речь Посполитая обязалась без предварительного согласия Петербурга не заключать соглашения с третьими государствами, а российские послы получили право представлять ее интересы в тех странах, где у Речи Посполитой не было своих посольств. Заранее подтверждалось право России гарантировать неизменность нового конституционного строя Речи Посполитой, одобренного на последнем заседании Гродненского сойма 23 ноября 1793 г.[4]

Таким образом, по результатам сойма 1793 г. остатки Речи Посполитой были преобразованы в территориально небольшое государство, которое находилось между Пруссией и Россией, в значительной степени зависимости от последней.

[1] *Mann Z.* Stanisław August na sejmie ostatnim. Warszawa, 1938. S. 38–104.

[2] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. С. 302.

[3] Traktat aliansu, pryzjaźni i związku miedzy Najjaśniejszym Królem Jegomością i Rzecząpospolitą Polska z jednej, a Najjaśniejszą Imperatową Jejmością Wszech Rosji z drugiej strony // Volumina Legum. Vol. 10. S. 37–48.

[4] Prawa kardynalne *i dal.* // Volumina Legum. Vol. 10. С. 110–326.

Восстание 1794 г. и Третий раздел Речи Посполитой. Последней попыткой восстановления прежних границ и угасающего суверенитета Речи Посполитой стало восстание 1794 г. Его подготовка осуществлялась как за границей (на территории Саксонии), так и внутри страны, в том числе – в Вильне (со второй половины 1793 г.), Гродно, Новогрудке, окрестностях Мозыря и других городах[1]. Власти Пруссии и России знали о подготовке восстания уже в начале 1793 г. (от французского генерала Шарля Франсуа Дюмурье, перешедшего на сторону Австрии)[2]. Приоритетной задачей российскому послу Осипу Андреевичу Игельстрому было поставлено, однако, не предотвращение восстания, а содействие военно-финансовым проектам молодого екатерининского фаворита Платона Александровича Зубова[3]. Последний рассчитывал на насильственную инкорпорацию в состав российской армии целых подразделений войск ВКЛ и Короны, которые, согласно решениям сойма 1793 г., требовалось сократить в четыре раза – до 15 тыс. человек.

В июне 1793 г. (за 9 месяцев до начала восстания) О. А. Игельстром предсказывал, что от таких мер внутри Речи Посполитой безусловно произойдут «возмущения, которыми воспользуются соседи и предложат новый раздел», замечая при этом П. А. Зубову: «Если необходимость больше за последствия, можно допустить по русской пословице – “сила и железо ломает”»[4].

Восстание началось после того, как генерал-майор коронных войск Антоний Мадалинский отказался выполнить приказ о сокращении своей бригады и двинулся на Краков. Там 24 марта 1794 г. был обнародован акт восстания с целью возвращения «целостности границ, ...национальной свободы и независимости Речи Посполитой». Руководителем восстания был объявлен уроженец Брестского воеводства генерал-лейтенант коронных войск Тадеуш Костюшко. 17 апреля 1794 г. восстание охватило Варшаву, а 16 апреля, с момента принятия «Акта союза, созданного военными в Шавлях»[5] (также в ответ на попытку произвести сокращения в армии) – земли ВКЛ. В ночь с 23 на 24 апреля регулярные войска ВКЛ при участии местных жителей сумели обезвредить российский гарнизон в Вильне, где через несколько часов был провозглашен «Акт восстания народа ВКЛ»[6], подписанный 2328 его участниками. Комендантом вооруженных сил ВКЛ был объявлен полковник (с мая 1794 г. – генерал-лейтенант) Якуб Ясинский, принадлежащий к группировке «виленских якобинцев». Одной из ее инициатив было учреждение Криминального суда с последующим повешением за измену («на французский манер» на уличном фонаре) Ш. Коссаков-

[1] *Емяльянчык У.* Паланез для касінераў. З падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі. Мінск, 1994. С. 6–23.

[2] *Szyndler B.* Powstanie kościuszkowskie 1794. Warszawa, 1994. S. 24–32.

[3] *Аніпяркоў В. В.* Апошні гетман ВКЛ. Таргавіцкі шлях Шымана Касакоўскага // Беларускі гістарычны часопіс. 2006. № 9. С. 50–52.

[4] О. А. Игельстром – П. А. Зубову, 02 VII 1793 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 257–262.

[5] Акт Шавельского военного союза (конфедерации) // Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам российских архивов) / сост., ред. и предисл. Е. К. Анищенко. Минск, 2000. С. 41–43.

[6] Акт восстания провинции Великого княжества Литовского // Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам российских архивов). С. 48–49.

«Казнь предателей». Худ. Ж-П. Норблен. 1794 г.

ского[1]. Приговор стал началом череды казней участников Тарговицкой конфедерации в Варшаве и Вильне.

Восставшие в скором времени захватили власть во всех административных центрах Литвы и Западной Беларуси. На территории ВКЛ (в границах после Второго раздела) ими были созданы 23 воеводские и поветовые порядковые комиссии, 19 из которых действовали собственно в Беларуси[2]. Существующие по примеру органов местного самоуправления времен Четырехлетнего сойма и состоящие из представителей шляхты, мещан и духовенства, порядковые комиссии являлись организационными центрами восстания на местах. На угрозу превращения восстания во всенародное указывал Н. В. Репнин, сообщая Н. И. Салтыкову в апреле 1794 г.: «Настоящее в Польше и Литве возмущение не есть то, что были прежние конфедерации, где всегда существовали противные две партии, а теперь явилось всеобщее народное поднятие и бунтование»[3].

Общее количество повстанцев оценивается цифрой в 150 тыс. чел. (в том числе порядка 30–40 тыс. – на территории Беларуси и Литвы)[4]. При этом раз-

[1] Постановление уголовного суда о казни С. Коссаковского, 25 IV 1794 // Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам российских архивов). С. 55–56.

[2] *Емяльянчык У. П.* Паўстанне 1794 г. у Беларусі. Трэці падзел Рэчы Паспалітай // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3. С. 249–250.

[3] Н. В. Репнин – Н. И. Салтыкову, 17 IV 1794 // Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам архивов Москвы и Минска) / сост., ред. и предисл. Е. К. Анищенко. Минск, 2001. С. 35.

[4] *Грыцкевіч А.* Паўстанне 1794 г. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. С. 447.

витие восстания на белорусско-литовских землях отличалось от схемы, предложенной краковским актом. Тот предусматривал полное подчинение всех участников и местных органов восстания Т. Костюшке. Виленский акт, напротив, Т. Костюшку не упоминал, а наивысшей властью, в том числе военной, объявил Наивысшую Литовскую Раду (НЛР), в состав которой должны были войти представители воеводств, поветов и городов ВКЛ (известны составленные на протяжении месяца решения 19 поветов и 5 городов прислать в Вильню своих делегатов при единственном отказе признания НЛР со стороны брестской порядковой комиссии[1]). Стремление к созданию в ВКЛ отдельного от Короны руководства восстанием не нашло понимания у Т. Костюшки, решением которого НЛР в июне 1794 г. была распущена.

Якуб Ясинский, руководитель Наивысшей литовской рады (1794 г.). Фрагмент портрета неизвестного художника

По своим взглядам повстанцы делились на две ключевые группы. Представители умеренного крыла основной силой восстания видели кадровых военных (из числа шляхты), а главной целью считали восстановление Конституции 3 мая 1791 г. и территории государства в границах 1772 г., в то время как представители более радикального крыла выступали за широкое привлечение к восстанию крестьян и мещан и за более активные социальные преобразования, включая отмену крепостного права. Многократно цитируемое изречение «Только за шляхту биться не буду, желаю счастья для всего народа»[2] свидетельствует об определенной близости к этому направлению и Тадевуша Костюшко. Его приказ о созыве посполитого рушения (вопреки сложившейся сословной традиции) охватывал все слои общества, включая крестьян. Важным шагом на пути расширения социальной базы восстания стало издание Тадевушом Костюшко универсала от 7 мая 1794 г. (в лагере около м. Поланец), согласно которому крестьяне объявлялись лично свободными (при условии отсутствия задолженности могли уходить от помещика), а для участвующих в восстании (на добровольной основе или в качестве рекрутов) отменялась барщина[3]. Несмотря на то, что возможности таких распоряжений ограничивались противодействием со стороны части землевладельцев (на это, в частности, указывал в своих воспоминаниях адъютант Т. Костюшко Юлиан Немцевич[4]), крестьянское участие в восстании имело довольно значительный характер. По разным оценкам исследователей

[1] *Żytkowicz L.* Litwa i Korona w r. 1794 // Ateneum Wilenskie. 1937. R. 12. S. 550–552.

[2] *Юхо Я., Емяльянчык У.* «Нарадзіўся я ліцьвінам...» Тадэвуш Касцюшка. Мінск, 1994. С. 28.

[3] Поланецкий универсал // Избранные произведения польских прогрессивных мыслителей. М., 1956. С. 518–524; *Лобузава А.* Паланецкі ўніверсал // Беларусь і Тадэуш Касцюшка: спадчына, час, здабыткі: матэрыялы Міжнар. семінара, Мінск, 28–29 лістап. 2000 г. / адк. рэд. К. І. Козак, Я. А. Юхо. Мінск, 2002. С. 41–42; *Kowecki J.* Uniwersał połaniecki i sprawa jego realizacji. Warszawa, 1957. S. 39–60.

[4] *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich. Paryż, 1848. S. 207.

Михал Клеофас Огинский, великий подскарбий ВКЛ (1793–1794). Худ. Ф. К. Фабр. 1808 г.

(в том числе сделанным на основании изучения допросных дел повстанцев в Смоленске) крестьяне составляли от 30 до 50% от общего количества участников восстания 1794 г.[1]

Вначале восстанию сопутствовал успех, свидетельством чего являются победы Т. Костюшки под Рацлавицами около Кракова (4 апреля) и Я. Ясинского под Полянами вблизи Ошмян (7 мая). Однако российские войска (первоначально вытесненные за границу по Второму разделу) получили необходимое подкрепление и одержали важные победы под Солами недалеко Сморгони (25 июня) и под Крупчицами около Кобрина (17 сентября)[2].

Важной составляющей восстания 1794 г. на белорусских землях стало осуществление его участниками диверсионных рейдов, целью которых было перенесение борьбы на территории, отошедшие к Российской империи в результате Первого и Второго разделов.

Двумя рейдами руководил Михал Клеофас Огинский. В июне 1794 г. он пытался поднять восстание в Минской губернии. Его отряд (из 300 стрелков и около 100 кавалеристов) прошел через Ошмяны, Вишнево, Воложин на Ивенец, но затем повернул назад и в битве под Вишнево был разбит. В июле – августе отряд М. К. Огинского двинулся через Браславщину в направлении Ливонии, стремясь оттянуть российские войска от Вильни. Соединившись с другими отрядами, он сформировал военный корпус, который помимо кавалерии насчитывал 1500 пехотинцев (большинство из которых составляли крестьяне) и два небольших орудия. Дойдя до Дусят, М. К. Огинский отобрал 300 кавалеристов, с которыми дошел до Динабурга, однако на штурм крепости не решился[3].

Более активные действия в тылу российских войск предпринял полковник войск ВКЛ Стефан Грабовский. В середине августа он возглавил смелый рейд 2-тысячного отряда в окрестности Минска и Могилева через Ораны, Койданово, Пуховичи, Бобруйск, Любань. По дороге к его отряду примкнули мелкая шляхта и крестьяне (около 1500 человек). Однако 4 сентября в бою

[1] *Макарова Г. В.* Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России // Славяноведение. 1994. № 3. С. 48; Восстание и война 1794 года в литовской провинции: по документам архивов Москвы и Минска. С. 4; *Гигин В.* Суворов vs Костюшко // Беларуская думка. 2009. № 10. С. 88.

[2] *Емяльянчык У.* Крупчыцкі бой 1794 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. С. 266; Польская война 1794 г. в реляциях и рапортах А. В. Суворова // Красный архив. 1940. Т. 4. С. 160.

[3] *Шмигельските-Стукене Р.* Михал Клеофас Огинский: политик, дипломат, министр. Минск, 2015. С. 150–153.

под Любанью С. Грабовский потерпел поражение и вынужден был капитулировать[1].

После взятия российскими войсками Вильни (12 августа 1794 г.) войска ВКЛ отступили к Гродно, а затем (30 сентября) – в сторону Варшавы. Уже 10 октября 1794 г. произошло сражение под Мацеевицами, в котором основные силы повстанцев были разбиты, а Т. Костюшко попал в плен. Новым руководителем восстания стал уроженец Браславского повета генерал-лейтенант коронных войск Томаш Вавжецкий[2]. Последние силы повстанцев были разбиты 4 ноября в ходе многочасового штурма российскими войсками предместья Варшавы Праги.

Одновременно с подавлением восстания под руководством Т. Костюшко государства – участники предыдущих разделов начали борьбу за оставшиеся территории Речи Посполитой. Пруссия с этой целью приостановила военные действия против Франции и в июне 1794 г. оккупировала Краков, на присоединение которого претендовала Австрия. В ответ австрийские войска заняли Сандомирское воеводство и Холмскую землю. Екатерина II приказала своей армии занять территории по линии р. Буг – Гродно и не пускать туда прусские войска.

Декларация России и Австрии о Третьем разделе Речи Посполитой (дополненная секретной декларацией о союзе в случае войны против Турции и Пруссии) была принята 3 января 1795 г.[3] Стороны договорились о совместной границе по рекам Западный Буг и Неман до Гродно без указания российско-прусской границы. В дальнейшем, с целью избежать войны за спорные территории, Пруссия уступила Австрии Краков, а Россия Пруссии – Варшаву. Трехсторонние конвенции о Третьем разделе были подписаны 24 октября 1795 г.[4], а позднее дополнены соглашениями об установлении точных границ и разделе долгов С. Понятовского, отказавшегося от короны 25 ноября 1795 г.

В соответствии с этими документами Речь Посполитая прекращала свое существование. К Австрии отошли большая часть Малой Польши (с Краковом и Люблином), части Подляшья и Мазовии общей площадью 47 тыс. кв. км и населением 1,5 млн человек. Пруссия получила территории к западу от р. Неман – большую части Мазовии и Подляшья (вместе с Варшавой и Белостоком), а также часть земель Жемойти, Трокского и Гродненского воеводств общей площадью 55 тыс. км^2 и населением около 1 млн человек, часть которых (в границах Подляшского воеводства) были этническими белорусами. Россия получила земли к востоку рек Буг и Неман общей площадью 120 тыс. км^2 и населением 1,2 млн человек, из которых собственно белорусское население (в границах Виленского,

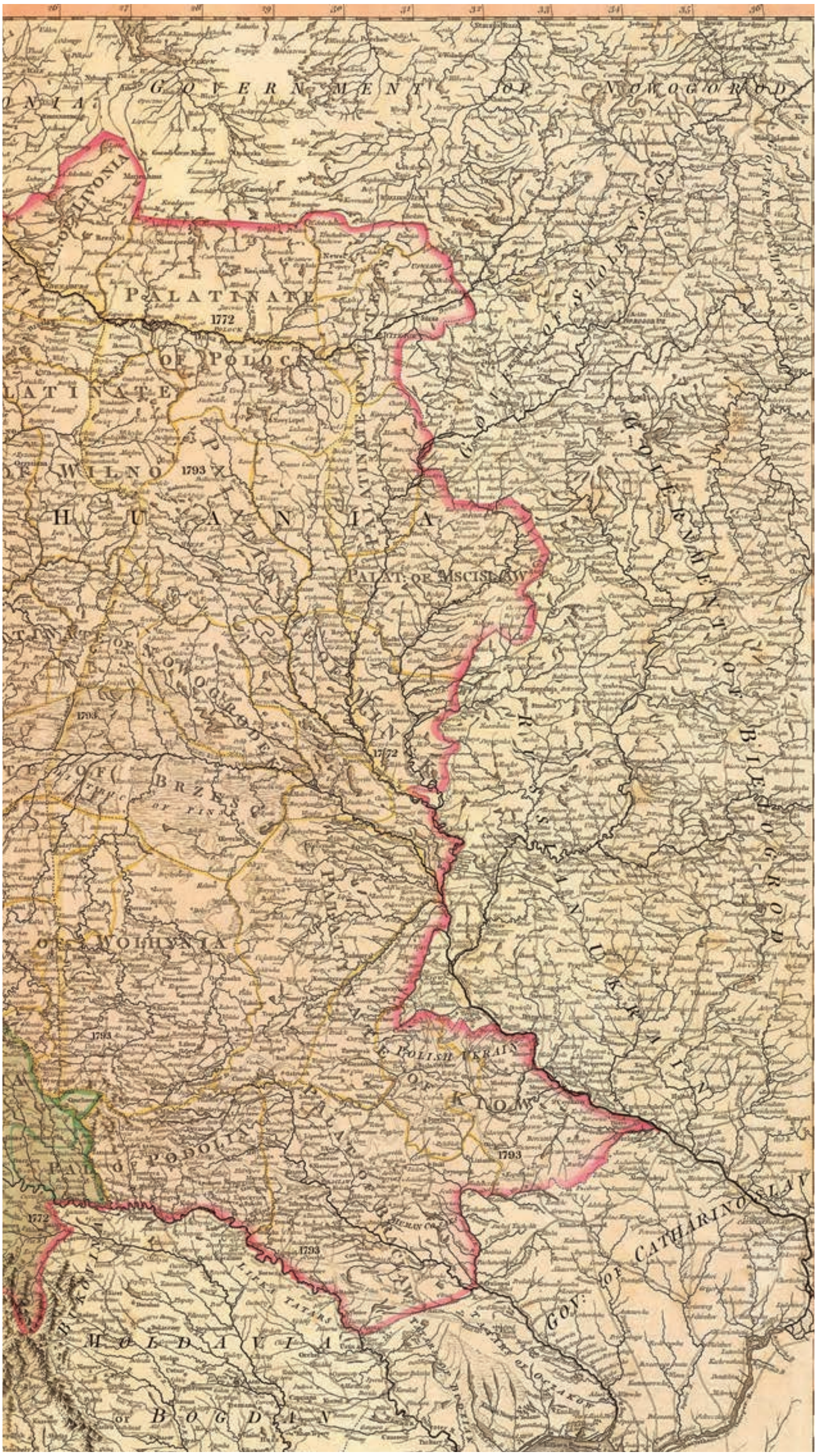
[1] Любанскі бой 1794 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. С. 408–409; *Емяльянчык У.* Паланез для касінераў. З падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі. С. 102–107.

[2] *Szyndler B.* Tomasz Wawrzecki, 1753–1816: ostatni naczelnik powstania kościuszkowskiego. Warszawa, 1976. S. 117–165.

[3] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. С. 238–248.

[4] Там же. С. 266–271.

Разделы Речи Посполитой на карте У. Фадена. Лондон, 1799 г.


GOVERNMENT OF NOWOGOROD
PALATINATE
1772
OF POLOCK
OF WILNO
1793
PALAT. OF MSCISLAW
1793
1772
OF WOLHYNIA
1793
POLISH UKRAIN
OF KIOW
1793
PODOLIA
1772
1793
MOLDAVIA
OF BOGDAN
GOV: OF CATHARINOSLAV

Новогрудского, Гродненского и Брестского воеводств) составляло порядка 840 тыс. человек.

Таким образом, разделы Речи Посполитой были обусловлены взаимосвязанным комплексом внутренних и внешних факторов. Внутренний политический кризис государства не выглядел непреодолимым явлением, но приобрел необратимый характер в ситуации, когда страна начала терять свой суверенитет. С этого времени попытки осуществления реформ, направленных на оздоровление политической системы и восстановление международного престижа государства, стали успешно блокироваться странами-соседями, правители которых без колебаний в случае необходимости применяли «право силы», используя в качестве внутреннего обоснования своих действий аргументы «рационального государственного интереса». Сопутствующим фактором разделов Речи Посполитой была соглашательская позиция части магнатов и шляхты, руководствующихся в своих политических действиях не государственными интересами, а получением сиюминутных привилегий и финансовых выгод, в том числе от соседних государств. В то же время при каждом из трех разделов Речи Посполитой оказывалось сопротивление (в том числе вооруженное) со стороны патриотически настроенной части общества. Борьба за сохранение и реформирование Речи Посполитой, заключительной частью которой было восстание 1794 г., свидетельствовала о том, что против ее разделов выступала значительная часть населения.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абатуров В. В. 8
Абецедарский Л. С. 439
Абрагамович Миколай, генерал артиллерии 482
Август II Сильный Веттин, король польский, великий князь литовский 374
Август III Веттин, король польский, великий князь литовский 398, 487, 488, 490, 492, 502, 526
Августыняк У. 370. *См. также Augustyniak U.*
Авенариус Н. П. 15
Адельгаузер Г. 445
Адрианова-Перетц В. П. 34, 118, 184
Александр Казимирович (Ягеллон, Ягеллончик), король польский, великий князь литовский 262, 268, 275, 276, 280, 281, 283, 289, 303, 304, 311, 320, 321, 322, 333, 334, 338, 352, 354, 420, 432
Александр Ярославич Невский, великий князь владимирский и князь новгородский 176, 204, 210
Александр-Витовт Кейстутович. *См.* Витовт (Александр) Кейстутович / Вітаўт
Алексеев Л. В. 34, 39, 123, 173, 180, 182, 183, 188, 198, 204, 219, 220
Алексей Михайлович, русский царь 438
Алелькавічы-Бельскія, род 319
ал-Мамун, халиф 176
Альберт, рижский епископ 206
Альбрехт II Габсбург 330
Альбрехт, прусский князь 356, 357
Анастасия Ярополковна, менская княгиня 161, 186, 192
Андрей Ольгердович / Андрей Полоцкий, великий князь полоцкий 191, 253, 419
Андрей Юрьевич Боголюбский, туровский князь 204, 216
Аниперков В. / Аніпяркоў В. В. 543, 544, 546, 547, 551
Анищенко Е. К. / Анішчанка Я. К. 529, 531, 532, 533, 535, 551, 552
Аннинский С. А. 206
Антонович В. Б. 47, 222
Арлоў У. А. 52
ар-Рашид, халиф 176
Артеменко И. И. 23, 82, 88
Аскольд, киевский князь 34, 35, 132, 141, 177
Ашейчик В. В. 24

Б

Балинский М. 44
Бантыш-Каменский Н. Н. 44
Баранаускас Т. / Баранаўскас Т. 240
Бардах Ю. 384, 411, 502. *См. также Bardach J.*
Баршчэўскі А. 460
Барышаў Г. І. 408
Барэйша Ю. Л. 319
Баторий Стефан, король польский, великий князь литовский 47, 283, 382, 383, 389, 390, 394, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 462, 464, 477, 478, 482
Батый, хан 238
Батюшков П. 47
Баччарелли М. 493
Безбородко А. И. 543
Белецкий С. В. 167, 180
Белинский Станислав, маршалок сойма 550
Белицкая А. Н. / Бяліцкая Г. М. 105, 106, 108, 109, 600
Беллотто Б. 505
Белозорович В. А. 40
Белый А. / Белы А. 52
Бельский Евфимий 396
Бельский Мартин 286, 396
Бельский Федор, князь 319, 333
Белявец В. Г. 108, 109
Бенуа Гедеон, прусский посол в Варшаве 529

Бередников Я. И. 182
Березанская С. С. 91, 93, 94
Бернардони Д. М. 408, 409
Бершадский С. А. 458
Бжостовский Михал, подскарбий ВКЛ 493
Бжостовский Павел Ксаверий, виленский каноник 512, 515, 516
Бжостовский Станислав, маршалок Генеральной конфедерации ВКЛ 531
Бибиков Я. 60
Біч М. В. 4
Бобровский М. 45
Богданов В. П. 203
Богомольников В. В. 31, 149, 222
Богушевич Станислав, минский посол 538
Боден Жан, юрист 339, 365. *См. также Bodin J.*
Божанов В. А. 455
Болеслав Храбрый, польский король 185, 211, 212, 213
Болеслав-Свидригайла. *См.* Свидригайло (Болеслав) Ольгердович / Швидригайло / Швитригаила
Бона Сфорца, королева польская, великая княгиня литовская 255, 323, 324
Борис (Рогволод) Всеславич, полоцкий князь 161, 176, 180, 183, 186, 192, 193, 196, 197, 198, 200
Борис Владимирович, ростовский князь 212
Борис Всеволодович, городенский князь 226
Борис Юрьевич, туровский князь 216
Борисовичи (Рогволодовичи), друцкие князья 160, 196, 200
Борковский И. 29
Бохан Ю. Н. 40, 208
Браницкий Франтишек Ксаверий, великий гетман коронный, польный гетман коронный 497, 541, 544
Бродель Ф. 523
Бруно (Святой), католический проповедник 234
Брянцев П. Д. 46, 47
Брячислав Василькович, витебский князь 176, 198, 200, 203, 204
Брячислав Давыдович, изяславский князь 176, 192, 197
Брячислав Изяславич / Брачыслаў Ізяславіч, полоцкий князь 36, 163, 167, 174, 176, 179, 180, 182, 183, 189, 191, 218
Будный Сымон, типограф 404, 405
Будько В. Д. 22, 61
Бужинский Станислав 488
Бужинский Тадеуш, смоленский каштелян 491
Булгаков Я. И. 544
Булкин Вас. А. 170, 175
Бурундай, воевода 242
Бутримович Матеуш, пинский судья и мечник 522, 523
Бухгольц Людвик фон, прусский посол в Варшаве 541
Быховец Ян, волковысский гродский судья 491
Бычков А. Ф. 182, 219
Бялова Т. У. 4

В

Вавжецкий Томаш, генерал-лейтенант коронных войск, руководитель восстания 1794 г. 555
Вазы, династия 380
Вайцяховіч А. В. 173
Валуа Генрих, герцог анжуйский 306, 382, 383, 390, 394, 450
Василий I Дмитриевич, великий князь московский и владимирский 343, 345, 346, 347
Василий Васильевич, князь 347
Василий Романович, галицко-волынский князь 238
Василь Полочанин, боярин 161
Василько Брячиславич, изяславский князь 176, 203, 204
Василько Романович, галицко-волынский князь 225, 226, 227, 242
Василько Ростиславич, теребовльский князь 214
Василько Святославич, полоцкий князь 176, 193, 198, 200, 201
Васильковичи, витебские князья 160, 196, 201, 203, 204
Вашанов А. Н. 24
Велент-Щербач С. С. 24
Вергей В. С. / Вяргей В. С. 16, 23, 29, 30, 108, 109, 111, 114, 115, 116, 117, 118
Вестерфельт А. 471, 474
Веттины, династия 468, 492
Висвальд (Всеволод), князь Ерсики 245
Виснер Г. 365, 367. *См. также Wisner H.*
Витень, великий князь литовский 217
Витовт (Александр) Кейстутович / Вітаўт, великий князь литовский 246, 250, 254, 260, 261, 262, 280, 281, 282, 287, 296, 297, 299, 301, 302, 314, 316, 317, 327, 329,

330, 331, 334, 336, 339, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 418, 419, 420, 430, 485
Вишневецкие, княжеский род 379, 432, 440
Вишневецкий Михал Корибут, король польский, великий князь литовский 377, 398
Вишневский А. Ф. 443
Владимир (Володаревич?) / Вольдемар Полоцкий, полоцкий князь 204, 205, 206
Владимир Василькович, волынский князь 226
Владимир Всеволодович Мономах, киевский князь 186, 187, 189, 192, 197, 214, 215, 216, 219, 222, 225, 226
Владимир Ольгердович, киевский князь 316
Владимир Рюрикович, киевский князь 233
Владимир Святославич / Володимер / Володимерь, новгородский и киевский князь 34, 36, 133, 135, 136, 139, 140, 152, 161, 167, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 189, 197, 211, 212, 221
Владимир, пинский князь 216, 225
Владислав II Ягайло / Владислав-Ягайло *См.* Ягайло (Владислав II) Ольгердович
Владислав III, король польский и венгерский 330, 331
Владислав IV Ваза, король польский, великий князь литовский 371, 372, 385, 397, 425, 426, 476, 480, 482
Вобе Мартин Франтишек 452
Война Бенедикт, шляхтич 387
Войтович Л. 176
Войшелк / Воишелкъ, великий князь литовский 209, 210, 237, 241, 242
Волан А. 463 *См. также Wolan A.*
Волков Н. В. / Волкаў М. 50, 481, 483
Волович Казимир, слонимский маршалок 491
Волович Остафий Богданович / Волович Евстафий, виленский каштелян, подканцлер ВКЛ, канцлер ВКЛ 382, 393, 421, 452
Воловичи, шляхетский род 432
Володарь Глебович, менский князь 200, 205
Володарь Ростиславич, перемышльский князь 214
Володихин Д. М. 205
Володкович Мартин, менский земский писарь 447, 449
Володковичи, шляхетский род 432
Волчий Хвост, воевода 135
Вольдемар I, датский король 205
Вольф Ю. 430
Воронин В. А. / Варонін В. А. 253, 255, 257, 316
Воронцов С. Р. 543
Всеволод (Всеволодко) Давыдович, городенский князь 226
Всеволод Глебович, изяславский князь 200
Всеволод Ольгович, черниговский и киевский князь 215, 216, 222
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий владимирский князь 204
Всеволод Ярославич, туровский и киевский князь 186, 191, 213, 214, 218, 222
Всеволодовичи, киевские князья 186
Всеслав Брячиславич / Всеславль / Всеславъ, полоцкий и киевский князь 163, 165, 176, 179, 180, 183, 184, 185, 186, 189, 191, 194, 197, 218, 417
Всеслав Василькович, полоцкий князь 176, 201, 203
Всеслав Изяславич, полоцкий князь 180
Всеславичи, князья 187, 197
Вышеслав Владимирович, новгородский князь 34, 178
Вяземские, княжеский род 430
Вячеслав Владимирович, туровский князь 215, 216, 217
Вячеслав Святославич, князь 176
Вячеслав Ярославич, смоленский князь 218, 219, 222
Вячко, князь 205

Г

Габсбург Максимилиан, эрцгерцог австрийский 457
Габсбург Эрнст, эрцгерцог австрийский 382
Гавритухин И. О. / Гаўрытухін І. А. 29, 111, 115
Гадзевич Миколай, шляхтич 377
Гайдуков П. 32
Гайко Ян Миколаевич, пан, берестейский каштелян, городенский конюший и трабский державца 447
Галубовіч А. К. 460
Галубовіч В. 380
Ганскопович Зыбульт, ковенский войский и подкоморий 377
Ганскоповичи, шляхетский род 377
Гарабурды, шляхетский род 432
Гардзееў Ю. 499

Гаштольд Альбрехт / Гаштольд О. М., новогрудский и виленский воевода, канцлер ВКЛ 276, 321, 322, 323, 324, 335, 337, 339
Гаштольд Станислав 323
Гаштольд Ян, трокский воевода 319
Гаштольды, магнатский род 250, 339
Гвагнини Александр 396
Гедимин, великий князь литовский 217, 240, 242, 243, 250, 252, 256, 260, 265, 314, 348, 418
Гедиминовичи, династия, княжеский род 244, 266, 267, 269, 280, 287, 312, 315, 316, 430
Генрих Латвийский 54, 204, 205, 206
Генрих Прусский 536
Генрих, епископ 241
Генрих, хелмский епископ 240
Георгий Конисский, могилевский православный епископ 530
Георгий, князь 161, 188. *См. также* Святослав (Георгий) Всеславич
Герасим, митрополит 317
Герасімчык В. 523
Герберштейн Сигизмунд, посол императора 291, 294
Геродот 103
Гетаў В. В. 26
Гигин В. 554
Глеб Владимирович, князь 212
Глеб Всеволодович, городенский князь 226
Глеб Всеславич, менский князь 161, 176, 183, 186, 189, 191, 192, 194, 196, 197, 198, 200, 220, 222
Глеб из Волковыска, князь 227
Глеб Наримонт, полоцкий князь 265
Глеб Ростиславич, друцкий князь 200
Глеб Юрьевич, туровский князь 216
Глебович Ян Юрьевич, виленский воевода, канцлер ВКЛ, мстиславский державца, витебский и полоцкий воевода 323, 324
Глебович Ян Янович, трокский каштелян и воевода 382, 458
Глебовичи, менские князья 160, 196, 200, 201
Глинские, княжеский род 320
Глинский Михаил Львович, князь 252, 320, 321, 322, 420
Глогер З. 15
Годловский К. 29
Голенченко Г. Я. / Галенчанка Г. Я. 38, 40, 46, 50, 52, 54, 257, 381, 425, 466, 504
Головко А. Б. 183
Голубев В. Ф. / Голубеў В. Ф. 40, 272, 433, 434, 436, 504, 513, 515
Голубович В. 17
Голубовский П. 30
Гольшанская Софья, княжна 316
Гольшанские, княжеский род 315, 316, 339, 430
Гольшанский Иван Юрьевич, князь 319, 333
Гольшанский Павел, виленский епископ 339
Гольшанский Юрий Семенович, князь 319
Гораин Ян Антоний 488
Горбаток Н. А. 443
Горбацкий А. А. 50
Горелик М. В. 288
Горностай Иван 324
Горностаи, шляхетский род 432
Городецкие, княжеский род 430
Госевский Винцент, полевой гетман ВКЛ 472
Грабовский Стефан, полковник войск ВКЛ 554, 555
Грабовский Ян, генерал-майор войск ВКЛ, маршалок Слонимской конфедерации 529, 530
Грасси Й. 501
Графф А. 527
Григорий XIII, Папа Римский 394
Григорович И. 45
Грицкевич А. П. / Грыцкевіч А. П. 38, 50, 51, 52, 433, 475, 530, 552
Груша А. И. / Груша А. І. 52, 53, 258, 272, 275, 277
Грушевский А. 30
Грушевський М. 466
Гудавичюс Э. 329. *См. также Gudavičius E.*
Гуревич Ф. Д. 23, 210
Гурин М. Ф. 23, 29
Гурина Н. Н. 23, 25, 65, 80
Гурьянов В. Н. 133, 150
Гусакоў У. Р. 40

Д

Давид Святославич, черниговский князь 222
Давыд Всеславич, полоцкий князь 183, 192, 193, 197, 199
Давыд Игоревич, владимирский, туровский и волынский князь 214, 226
Давыд Ростиславич, смоленский князь и витебский наместник 201, 203
Давыд Святославич, князь 176

Давыденко О. Г. / Давыдзенка А. 27, 62
Дадиомова О. В. 410
Даниил Александрович, псковский князь 346
Даниил Романович Галицкий, галицко-волынский князь 208, 209, 210, 227, 233, 234, 238, 239, 241, 242
Даниленко В. Н. 109
Данилович И. 45
Даугерут, литовский князь 245
Дашкевич Остафей, каневский и черкасский староста 290
Дернович С. Д. 119
Джаксон Т. Н. 212
Дзенгилевский Я. 370
Дзюба О. Ф. 32
Дионисий, епископ 159
Дир, киевский князь 35, 132, 141
Длугош Ян 296, 299, 317, 330. *См. также Długosz J.*
Длусский Томаш, посол 490
Дмитриев Ю. А. 369
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 326, 343, 347
Довгерд, виленский воевода 318, 319
Довгирд Эразм, трокский земский судья 447
Довгирды, магнатский род 250
Довгялло Д. И. / Даўгяла З. 167
Довмонт, литовский князь 313
Довнар-Запольский М. В. / Доўнар-Запольскі М. В. 30, 48, 171, 246, 289, 365, 420
Довспроункъ, литовский князь 238
Довьят, литовский князь 238
Долгов В. В. 273
Доленга-Ходаковский З. Я. 15
Дольские, княжеский род 430
Доўнар А. Б. 53, 296, 297, 437, 456
Доўнар Т. І. 387
Дробушевский А. И. 23, 106
Дружчиц В. Д. / Дружчыц В. 365, 373
Друцкие, древнерусские князья 203, 251, 315, 316, 430
Друцкие-Горские, княжеский род 430
Друцкие-Соколинские, княжеский род 430
Друцкий Иван Семенович, князь 263
Друцкий-Соколинский Павел Юрьевич, князь, витебский подкоморий 449
Дубинский С. А. 16
Дубицкая Н. Н. 23, 109
Дук Д. В. 169, 170, 171, 172, 173, 177
Дучыц Л. У. 181
Дьяконов И. М. 234
Дэйвис Н. 381
Дюмурье Шарль Франсуа, французский генерал 551

Е

Евдокия, монахиня 176
Егорейченко А. А. / Егарэйчанка А. А. 23, 25, 29, 102, 106, 111
Едигей, эмир 344
Езепенко И. Н. / Язэпенка І. М. 22, 24, 25, 70, 71
Екатерина II, императрица Всероссийская 44, 490, 493, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 536, 540, 541, 543, 544, 546, 547, 548, 549, 550, 555
Елена Ивановна, великая княгиня литовская 354
Еленские, шляхетский род 432
Елисеева О. И. 544
Ельские, шляхетский род 432
Емельянчык У. / Емяльянчык У. 491, 498, 499, 501, 502, 534, 551, 552, 553, 554, 555
Енуков В. В. 218
Еремеев И. И. 32, 130, 145
Ермолович Н. И. / Ермаловіч М. 30, 49, 50

Ж

Жан дэ Кур 383
Жевусский Вацлав, польный гетман коронный 532
Жевусский Северин, подольский посол, польный гетман коронный 532, 541, 544
Жемойтис С. Г. 251
Жеславские, княжеский род 252. *См. также* Заславские
Живинъбоуд, литовский князь 238
Жигимонт Август, король польский, великий князь литовский 249, 255, 260, 283, 293, 304, 306, 311, 323, 324, 325, 337, 338, 339, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 365, 367, 377, 381, 385, 390, 396, 397, 421, 444, 447, 461, 482
Жигимонт Ваза, король польский, великий князь литовский, шведский королевич 371, 372, 373, 387, 388, 390, 391, 397, 430, 455, 456, 457, 458, 462, 463, 482
Жигимонт Кейстутович / Кесьтутевич, великий князь литовский 246, 261, 280, 281, 302, 314, 317, 318, 330, 331, 350, 419, 420

Жигимонт Корибутович, князь 282
Жигимонт Старый, король польский, великий князь литовский 171, 255, 260, 262, 275, 276, 283, 289, 304, 311, 321, 322, 323, 324, 334, 335, 337, 338, 339, 340
Жиронслав Иванкович, туровский посадник 217
Жлутка А. 240
Жураўскі А. І. 399

З

Заберезинские, магнатский род 250
Заберезинский Ян, трокский воевода 321
Завадская С. В. 160
Завитневич В. З. 15, 30
Завиша И. Ф. (Ян) 15
Загорульский Э. М. / Загарульскі Э. М. 26, 34, 35, 154, 176, 179
Зайковский Э. М. / Зайкоўскі Э. М. 22
Закличевский, ротмистр 305
Закшевский А. 370, 466. *См. также Zakrzewski A. B.*
Залашко Т. М. 29
Зализняк Л. Л. / Залізняк Л. Л. 63, 66
Залусский Юзеф, католический епископ 532
Замойский Андрей 496
Замойский Ян 382, 457
Зарецкие, шляхетский род 377
Заславские, княжеский род 430. *См. также* Жеславские
Захаревский, ротмистр 305
Заяц Ю. А. 126, 139, 163, 167, 169, 182, 183, 184, 189, 192, 197, 201
Зверуго Я. Г. / Звяруга Я. Г. 23, 152, 226, 228, 229
Зверь Ярош, шляхтич, посол новогородского соймика 375
Зданович А. 44
Зелиньска З. 539. *См. также Zielińska Z.*
Зимлер Й. 424
Зубов Платон Александрович 551
Зуева А. У. 78

И

Иван III, великий князь московский 303, 342, 352, 354
Иван Грозный, великий князь московский 357, 358
Иван Юрьевич, туровский князь 216
Иванова Л. С. 50
Иван-Скиргайла Ольгердович. *См.* Скиргайло (Иван) Ольгердович
Ивченко Д. 199
Игельстром Осип Андреевич, российский посол в Варшаве 551
Игорь Ольгович, князь 216
Игорь Рюрикович, киевский князь 36, 132, 134, 137, 177
Игорь Святославич, новгород-северский князь 223
Игорь Ярославич, смоленский князь 218, 219
Изяслав Вислочский, князь 227
Изяслав Владимирович / Изяславъ, полоцкий князь 34, 36, 139, 159, 161, 163, 176, 178, 179, 180, 185, 191, 197, 234
Изяслав Давыдович (Давидович), киевский князь 216, 222, 223
Изяслав Мстиславич, киевский князь 216
Изяслав Новогородский (Новогорьдский), новогородский князь 209, 227, 234
Изяслав Ярославич, туровский и киевский князь 185, 186, 191, 213, 214, 218
Изяславичи, князья 36, 176, 178, 179, 192, 215, 216
Изяславичи, туровские князья 213
Ильинич Ивашка, пан 278
Ильиничи, магнатский род 251
Ильютик А. В. 109
Илья, полоцкий епископ 161
Иоанн, зодчий 187
Иов О. В. / Іоў А. В. 117, 131, 224
Иодка Юрий, лидский подкоморий 491
Иосиф II, австрийский император 536
Исаенко В. Ф. / Ісаенка У. Ф. 22, 23, 60, 71, 72

К

Казакоў А. У. 53
Казимир Андрей Ягайлович (Ягеллончик), король польский, великий князь литовский 250, 251, 262, 264, 266, 274, 275, 277, 303, 310, 314, 318, 319, 320, 322, 330, 331, 332, 333, 334, 338, 343, 350, 351, 353
Казимир Казимирович, королевич 332
Калечиц Е. Г. / Калечыц А. Г. 22, 24, 25, 26, 61, 62, 74, 82, 87, 90
Калиновский К. 45
Калядзінскі Л. У. 198
Кананович У. І. 53
Карев Д. В. / Караў Д. У. 39, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 259. *См. также Karev D.*
Карл X, шведский король 374

Карпачев А. М. / Карпачоў А. М. 38, 39, 438, 441
Карский Е. Ф. 137, 139
Каспарова К. В. 28, 106
Касцюк М. П. 7, 26
Касюк Е. Ф. / Касюк А. Ф. 115, 118, 600
Каўн С. Б. 40
Каховский Михаил Васильевич, генерал-аншеф 544
Кезгайло Михаил, жемойтский староста, трокский каштелян 319
Кейзерлинг Герман Карл фон, российский посол в Варшаве 490, 526
Кейстут, великий князь литовский 243, 313, 314, 418
Кейстутовичи, князья 280
Кемпа Т. 364. *См. также Кетра Т.*
Кенько П. М. 119
Кенэ Ф. 509
Кетлер Готхард, курляндский герцог 358
Кирилл Туровский, епископ 217
Киркор А. 15, 44
Кирьяна Вячеславна, княжна 176
Кишка Петр, полоцкий воевода, трокский каштелян 323
Кітурка І. Ф. 53, 504, 513, 518
Климов М. В. / Клімаў М. В. 175, 176
Клочко Л. С. 85, 94
Коваленко В. П. 221
Коваленя А. А. / Каваленя А. А. 2, 7, 8, 456, 546
Коваленя А. Д. / Каваленя А. З. 16, 29
Козак Д. Н. 108
Козак К. І. 553
Козловский П. Г. 38, 39, 438, 441
Колосов А. В. / Колясаў А. У. 23, 25, 26, 61, 62, 65, 66, 68
Кольцов Л. В. 66
Конон В. М. 275
Конрад Мазовецкий / Кондрат, польский князь 209, 234
Константин Порфирородный, византийский император 132
Копать Василий, новогородский каштелян 381
Копач, слонимский наместник 262
Копысский З. Ю. 38, 39, 435
Копытин В. Ф. 22, 25, 26, 64, 65
Корецкие, княжеский род 430
Кориат (Михаил), новогородский князь 243
Коробушкин Е. 215
Коробушкина Т. Н. / Каробушкіна Т. М. 128, 223
Корсак Боркулаб, посол 358
Корсак Верзила, боярин 161
Корсак Самуэль, новогрудский посол 538
Корсак Троян 532
Корсак Федор, боярин 161
Корсаки / Корсакі, род 161, 432
Косман М. 422. *См. также Kosman M.*
Коссаковский Шимон (Симеон) / Касакоўскі Шыман, гетман ВКЛ 535, 544, 545, 548, 551, 552
Коссаковский Юзеф, инфлянтский епископ 548
Костюшки, шляхетский род 432
Костюшко Тадеуш / Касцюшка Тадэвуш, генерал-лейтенант коронных войск, руководитель восстания 1794 г. 551, 553, 554, 555
Котляр Н. Ф. 134, 154, 221, 222
Кохановский Г. А. 39
Коэльо Алонсо Санчес 382
Коялович М. 47
Кравцевич А. К. / Краўцэвіч А. К. 50, 152, 210, 234, 237, 239, 240, 245
Кречетников Михаил Никитич, генерал-аншеф российской армии 545
Кривальцевич Н. Н. / Крывальцэвіч М. М. 22, 24, 25, 80, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 92, 94
Кричевский Кирдей, хоружий и берестейский земский судья 449
Крошинские, княжеский род 430
Крукоўскі У. 433
Ксензов В. П. 22, 25
Кувро Л. 479
Кудряшов В. Е. / Кудрашоў В. Я. 22, 65, 80
Куза А. В. 37, 135, 168
Кузьмич Н. П. 188
Кулешов В. С. 142
Куль-Сельверстова С. Я. / Куль-Сяльверстава С. Я. 52
Кунцевич Иосафат, полоцкий греко-католический епископ 424
Кутшеба С. 365. *См. также Kutrzeba S.*
Кухаренко Ю. В. 23, 28, 29, 105, 106, 224
Кучинский В. А. 443
Кушнеревич Е. И. 27, 62
Кушнярэвіч А. М. 226
Кяупене Ю. 364

Л

Лазарь Богша 187
Лакиза В. Л. / Лакіза В. Л. 15, 22, 23, 24, 25, 69, 76, 82, 84, 88, 93, 95, 96, 98, 600
Лалыко Б. Г. 163

Ланевский Волк Игнатий 488
Лаппо И. И. 47, 364, 365, 371, 372, 374, 386, 387, 444, 446, 447, 449, 451, 453, 454, 458, 459, 460, 461, 462, 466
Ластовский В. У. / Ластоўскі В. Ю. (Власт) 48
Латышонок О. Ю. / Латышонак А. 53, 413
Лаури Д. 371
Лев Данилович, галицкий князь 242
Левко О. Н. / Ляўко В. М. 7, 32, 33, 34, 36, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 138, 140, 144, 146, 147, 163, 164, 175, 177, 178, 189, 191, 192, 193, 197, 198, 203, 210, 214, 218, 220
Лейбович Гирш 452
Лелевель И. 45, 46
Лелюш, трокский воевода 318
Ленский, ротмистр 305
Леонтович Ф. И. 285, 288, 444
Лесман Ю. А. 167
Лешко, польский король 225
Лещинский Станислав, король польский, великий князь литовский 487
Линевич С. Б. 24, 25
Лиотар Ж. Э. 527
Липницкая О. Л. / Ліпніцкая В. Л. 22, 65, 80
Лисовский Александр 482
Литвин А. М. 8
Литвинский А. В. 47
Лихачев Д. С. 30, 34, 118, 184
Лісейчыкаў Д. В. 53, 403
Лобач У. А. 173
Лобузава А. 553
Ловмяньский Г. 158. *См. также Łowmiański H.*
Лойко П. О. / Лойка П. А. 40, 390, 393
Лопатинский Игнатий 488
Лопатинский Миколай Тадеуш, мстиславский гродский староста 488, 491
Лошенков М. И. 23
Лупиненко Ю. М. 150
Луцкевич И. И. 48
Лынгвеньевичи-Мстиславские, княжеский род 315, 316
Лынгвень (Семен) Ольгердович, новгородский князь 281, 345
Лысенко П. Ф. 30, 31, 149, 154, 223, 225
Любава Васильковна, княжна 176
Любавский М. К. 47, 259, 268, 303, 304, 305, 310, 311, 312, 314, 318, 365, 433
Любецкие, княжеский род 430
Любый А. В. / Любы А. У. 50, 53
Люлевич Г. 371. *См. также Lulewicz H.*
Лютцебург Николас 397
Лявданский А. Н. / Ляўданскі А. М. / Ляўданскі А. Н. 16, 17, 29, 37, 167, 168

М

Мабли, французский просветитель 535
Мадалинский Антоний, генерал-майор коронных войск 551
Майборода Р. 511
Макаров М. Д. / Макараў М. Д. 166, 265, 272
Макаров Н. 32
Макарова Г. В. 554
Макарова Т. И. 188
Максимейко Н. А. 268, 271, 445
Максимов Е. В. 27, 106, 108
Максимов С. В. 414
Максимовичи-Ломские, шляхетский род 377
Максімовіч В. А. 456
Макушников О. А. / Макушнікаў А. А. 109, 133, 134, 135, 136, 222, 223
Малевская-Малевич М. В. 228
Малиновский И. 44, 267, 268, 269, 307
Малышевский И. Н. 46
Мальдис А. И. / Мальдзіс А. 387, 406, 408
Мальцев А. Н. 439
Мамонич Лука 464
Мамоничи, шляхетский род 377
Марзалюк И. А. / Марзалюк І. А. 50, 52, 180
Мария Васильковна, княжна 176
Мария Терезия, эрцгерцогиня Австрии, императрица Священной Римской империи 527
Маркевич М. 370
Мартенс Ф. 526, 536, 547, 555
Мартиновский А. 44
Марфина О. В. 26, 27, 52, 62, 81, 83. *См. также Marfina O.*
Массальские, княжеский род 491, 507
Массальский Игнатий, виленский епископ 491, 512, 514, 515, 529, 548
Массальский Михаил Юзеф, польный гетман ВКЛ, великий гетман ВКЛ 487, 491
Массальский Юзеф, великий подскарбий ВКЛ 507
Матейко Ян 350, 385, 538
Мацеевский Бернард, виленский епископ 387
Мацкович (Мацкевич) Андрей, виленский земский писарь и королевский секретарь 449
Мацук А. У. 40, 53, 489. См. также *Macuk A.*

Мачинский Д. А. 28, 29
Машкевіч М. 245
Медведев А. М. / Мядзведзеў А. М. 15, 23, 24, 25, 98, 99, 101, 102, 103
Мейнард, священник 205
Мелешко В. И. / Мялешка В. 38, 424, 440, 523
Мельников Г. П. 405
Мельниковская О. Н. 23
Мельнікаў А. 161
Менгли-Гирей, крымский хан 339, 351
Менторт, слонимский наместник 262
Мериан К. 473
Микулич Т. 410
Мина, епископ 159
Миндовг / Мидогъ / Миндог / Міндоўг, великий князь литовский 204, 208, 209, 210, 227, 233, 234, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 245, 246, 260, 302, 313, 416
Миронов В. О. 369
Митрофанов А. Г. / Мітрафанаў А. Р. 23, 127, 128, 168, 173
Михал Жигимонтович, князь 318
Михалон Литвин 412
Михнюк В. Н. 39
Мнишек Юрий, надворный коронный маршалок 489
Можи Ю. 375. *См. также Morzy J.*
Мольцфельт Г. 483
Монвид Дорогостайский Миколай Миколаевич, стольник ВКЛ, староста волковысский и лепельский 448
Монвід Дарагастайскі Крыштаф, волковысский староста 460
Мономаховичи, князья 192, 197
Монтигирдович Петр / Петрашка, полоцкий наместник 261, 266
Морозов, боярин 439
Морозова С. В. / Марозава С. В. 50, 403, 410, 426
Мотузко А. Н. 61
Моця А. П. 143
Мошинский Фридерик, коронный великий маршалок 548
Мстислав Владимирович, киевский князь 186, 187, 192, 193, 200, 222, 226
Мстислав Владимирович, черниговский князь 182, 218, 221
Мстислав Всеволодович, городенский князь 226
Мстислав Давыдович, смоленский князь 204
Мстислав Святославич, черниговский князь 223
Мстиславские, княжеский род 315, 316, 430
Мстиславский Иван, князь 319
Мужиловский Силуан, казацкий посол 471
Мусянович К. 30
Мяцельскі А. А. 135, 220

Н

Назаренко А. В. 205
Нарбут Т. Я. 15, 46
Насонов А. Н. 221
Немирович Андрей, черкасский наместник, киевский воевода 290
Немцевич Юлиан 553
Нерон 42
Нерсесянц В. С. 369
Несвижские, княжеский род 430
Неселовский Юзеф, новогородский воевода 496
Никитин М. Г. 545
Никифор I, митрополит 173
Новосельцев А. П 160
Норблен Ж.-П. 552
Норов А. С. 182
Носевич В. Л. / Насевіч В. Л. 50, 161, 176, 234
Носов Б. В. 491, 492, 495, 527, 529, 530, 531, 532, 533
Носов Е. Н. 137
Ноэль Ле Мир 539
Няфёд У. І. 408

О

Обломский А. М. 27, 28, 109, 110
Обуховский В. С. / Абухоўскі В. С. 23, 25, 61, 62, 63, 67
Огафья Владимировна, городенская княгиня 226
Огинские, княжеский род 408, 432, 440
Огинский Михал Казимир / Агінскі М. К., великий гетман ВКЛ, польный писарь ВКЛ 490, 497, 523, 535
Огинский Михал Клеофас, великий подскарбий ВКЛ 548, 554
Одинцевич Андрей, князь, оршанский староста 291
Одинцевичи, княжеский род 430
Озерецкие, княжеский род 430
Олег, киевский князь 34, 35, 132, 133, 134, 137, 139, 141, 143, 147, 176, 177, 218

Олег Святославич Гориславич, князь 197, 222
Олексичи, господарские люди 261
Олелько (Александр) Владимирович, киевский князь 318, 319, 332
Олелькович Михаил, князь 319, 333
Олелькович Семен, киевский князь 332, 333
Олельковичи / Олельковичи-Слуцкие / Слуцкие, княжеский род 252, 315, 316, 332, 386, 430
Олендский Стефан 488
Олехно Судимонтович, полоцкий наместник 264, 266
Ольга Вячеславна, княжна 176
Ольга, киевская княгиня 36, 132, 138, 139, 146, 177, 218
Ольгерд, витебский князь, великий князь литовский 191, 243, 250, 252, 260, 265, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 332, 348, 418
Ольговичи, черниговские князья 203, 222
Ольшевский Ян 512
Омульский Игнатий 514
Опалинский Э. 370
Орда Н. 513
Орешко Ян, посол на сойм 490
Орловы, род 527
Оскерка Гервазий Людвик 488
Оскерка Рафал 488
Островицкий Павел Каспарович, господарский маршалок, ошмянский маршалок 447
Острожские, княжеский род 316, 430
Острожский Константин Иванович, князь, трокский воевода, гетман / Астрожскі Канстанцін 52, 252, 292, 298, 299, 321, 322, 323, 353
Острожский Константин Константинович, князь 424, 425
Осторог Ян 288

П

Павлова К. В. 228
Падраза А. 422.
Пазднякоў В. С. 4, 442
Палемон 42, 412
Палемоновичи, литовские князья 43
Палуский Ян Войтехович, подкоморий ошмянский, господарский маршалок, державца перевальский и немоноитский 447
Панин Никита Иванович 527, 528
Папроцкий Бартош 396
Пац Михал Ян, маршалок Генеральной конфедерации ВКЛ 534, 535
Пац Павел, витебский каштелян 421
Пацы, род 432, 440
Пачкова С. П. 107
Пашкоў Г. П. 4
Пашуто В. Т. 49, 160, 433
Пергамент М. 369
Перхавко В. Б. 133, 149
Петерсен Я. 145
Петр Мстиславец, типограф 404, 405
Петраускас Р. / Пятраўскас Р. 235, 237, 244, 245, 261, 262, 431
Петров Н. И. 46
Пий II, Папа Римский (Энеас Сильвиус) 301
Пилипенко М. Ф. 50, 53
Питт Уильям, английский премьер-министр 543
Пичета В. И. / Пічэта У. 48
Пичман Ф. Й. 497
Півоварчык С. А. 26
Плавінскі М. А. 145
Плаза С. 370
Плерш Я. Б. 470
Плеханов С. И. 414
Поболь Л. Д. / Побаль Л. Д. 7, 9, 22, 27, 28, 29, 59, 60, 106, 108, 109, 111, 118, 119, 120
Подгородецкий И. И. 23
Подгурский П. Н. 120, 121
Подозерская Г. Ф. 444, 447, 448
Подокшин С. А. / Падокшын С. А. 50, 402, 410, 419, 423, 424, 425
Подолинский В. А. / Падалінскі У. 367, 380, 388, 389, 391, 455, 463
Покровский Н. Н. 140, 161
Покровский Ф. В. 15
Поликарпович К. М. / Палікарповіч К. М. 16, 17, 22, 59, 60, 61
Полубенский, князь 322
Поляк Н. 528
Помозанов Н. Н. 26
Понятовские, род 487
Понятовский Андрей, посол Речи Посполитой в Вене 492
Понятовский Станислав Август, король польский, великий князь литовский 398, 492, 493, 494, 496, 497, 498, 499, 501, 503, 505, 509, 520, 522, 528, 531, 533, 535, 539, 540, 541, 545, 546, 555
Понятовский Станислав, великий стольник ВКЛ 526
Порецкий Я. И. 413
Потемкин Григорий Александрович, генерал-фельдмаршал 541, 543, 544

Потоцкий Игнатий, надворный маршалок ВКЛ 497, 541
Потоцкий Станислав Щенсный, генерал коронной артиллерии 544
Потоцкий Юзеф, великий гетман коронный 488
Предслава, княжна 187, 188. *См. также* Евфросиния Полоцкая / Еуфросиния, игуменья полоцкая
Пресняков А. Е. 47, 268
Прихабские, княжеский род 430
Прокопий, полочанин 313
Протасевич Федор, шляхтич, посол новогородского соймика 375
Протасевичи, шляхетский род 432
Протасович-Сушковский Валериан, виленский епископ 447, 448
Пулавский Антоний 534
Пулавский Казимир 534
Пулавский Франциск 534
Путята, воевода 197
Путятич Дмитрий Иванович, князь Друцкий, киевский воевода 278, 290
Пшездецкий Антоний, подканцлер ВКЛ 488, 493

Р

Рагнар Агнарссон, норвежский викинг 212
Радаман А. 381, 383, 387, 456, 460. *См. также Radaman A.*
Радзивилл Барбара, королева польская, великая княгиня литовская 323, 324
Радзивилл Богуслав 379, 481
Радзивилл Кароль Станислав Пане Коханку, виленский воевода, маршалок Радомской конфедерации 481, 483, 497, 530, 531, 534
Радзивилл Криштоф II, полевой гетман ВКЛ 472, 474, 476, 478, 480, 483, 486
Радзивилл Криштоф Перун, великий гетман ВКЛ 472
Радзивилл Матей, князь 410
Радзивилл Миколай Криштоф Сиротка, дворный маршалок ВКЛ 382, 394
Радзивилл Миколай Рыжий, канцлер ВКЛ 377, 382, 452
Радзивилл Миколай Черный, виленский воевода, канцлер ВКЛ 324, 325, 357, 402, 422
Радзивилл Михал Казимир Рыбонька, великий гетман ВКЛ 481
Радзивилл Остикович, пан 332
Радзивилл Юрий, епископ виленский и краковский, кардинал 455
Радзивилл Юрий, трокский каштелян, великий гетман ВКЛ 301, 323
Радзивилл Януш, виленский воевода и великий гетман ВКЛ 373, 374, 439, 471, 472, 473, 474, 476, 483, 486
Радзивиллы, род 323, 364, 365, 381, 382, 432, 439, 440, 456, 457, 481, 483, 485
Радим, предводитель радимичей 133
Раппопорт П. А. 169
Рассадин С. Е. 23, 51, 102
Рауделюнас В. 464. *См. также Raudeliunas V.*
Рахуба А. 268, 365, 379, 382, 478. *См. также Rachuba A.*
Рейнберн, епископ 211
Рейтан Тадеуш, новогрудский посол 538
Репнин Николай Васильевич, российский посол в Варшаве 492, 493, 494, 495, 528, 529, 531, 532, 534, 552
Рогволод / Рогъволод (Василий) Борисович (Рогволодович), друцкий и полоцкий князь 160, 180, 186, 198, 200
Рогволод, полоцкий князь 35, 36, 132, 139, 140, 163, 167, 176, 177, 178, 180, 182
Рогволодовичи (Борисовичи), друцкие князья 196, 199
Рогволодовичи, князья, полоцкая династия 34, 36, 139, 147, 159, 163, 175, 176, 178, 179, 180, 186, 203
Рогнеда, полоцкая княжна 36, 139, 176, 177, 178, 179, 180
Рогов А. И. 140, 161
Рогоза Михаил, митрополит 423
Розбицкий, ротмистр 305
Рокотов Ф. С. 527
Роман Всеславич, князь 176, 183
Роман Глебович, князь 227
Роман Данилович Галицкий, новогрудский, слонимский и волковысский князь 209, 210, 241, 242
Роман Михайлович, брянский князь 345
Роман Мстиславич, волынский князь 225
Роман Ростиславич, смоленский князь 203
Романов Б. А. 118
Романов Е. Р. 15, 222
Романовая, великая княгиня 238
Романовичи, галицко-волынские князья 208
Ростислав Всеславич, князь 183
Ростислав Глебович, менский князь 165, 168, 169, 200, 201

Ростислав Мстиславич, смоленский князь 192, 219, 220, 222
Ростислав, пинский князь 216
Ростиславичи, смоленские князья 203, 220
Рот М. 382
Ротундус Мелеский Августин, виленский войт 448
Роўэл С. К. 260
Рубенс П. П. 388, 426
Рудомина Матей, бургомистр виленский 377
Рудомины-Дусятские, шляхетский род 377
Ружанские, княжеский род 430
Рукавишников А. В. 203, 204, 205, 206
Русанова И. П. 29, 116
Руссо Жан Жак, французский просветитель 381, 535
Рыбаков Б. А. / Рыбакоў Б. А. 30, 34, 136
Рыбаков В. В. 234
Рыбчонок С. А. 51
Рыдевский Б. 17
Рыдзевская Е. А. 183
Рысинский Соломон / Рысінскі Саламон, ученый 413
Рюрик / Рюрикъ, новгородский князь 34, 35, 132, 137, 141, 166, 177, 183
Рюрик Ростиславич, киевский и смоленский князь 203, 204, 223
Рюриковичи, князья 178, 179, 180, 186, 217, 430
Рябинин И. С. 514
Рябцевич В. Н. 143

С

Сабалеўскі А. В. 408
Саверченко И. В. 50
Савичи (Совичи), род 161
Саганович Г. Н. / Сагановіч Г. М. 50, 52, 208, 291, 298, 300, 375, 378, 403, 419, 439
Сакович Дровиницкий Петр Станиславович, ошмянский земский писарь 449
Саливон И. И. / Салівон І. І. 26, 27, 62, 81, 83
Салтыков Николай Иванович 545, 552
Самонова М. Н. 35, 36, 177
Сангушки, княжеский род 430
Сангушкович Александр, князь 274
Сапега Богдан Семенович, наместник 266
Сапега Иван Богданович, витебский и подляшский воевода 254, 255, 266
Сапега Иван Семенович, секретарь великого князя, витебский и подляшский воевода 266, 321
Сапега Казимир Нестор, генерал артиллерии ВКЛ 497
Сапега Лев Иванович / Сапега Леў, подканцлер ВКЛ, канцлер ВКЛ 391, 394, 395, 458, 462, 463, 464, 480
Сапега Михаил Антоний, подканцлер ВКЛ 487
Сапега Павел, витебский воевода 439
Сапега Семен, писарь 266
Сапеги, род, магнаты 254, 266, 269, 432, 439, 440
Сапунов А. 47, 173
Сахаров А. Н. 174
Сачанка Б. І. 4
Сверчовский Януш 304, 305
Свидригайло (Болеслав) Ольгердович / Швидригайло / Швитригаила, великий князь литовский 191, 243, 281, 302, 314, 317, 318, 330, 331, 349, 350, 419, 420
Свирские, княжеский род 315, 430
Свирский Лукаш Болеславович, князь, ротмистр ВКЛ, господарский маршалок, кревский староста 447, 448, 449
Свирский Ян Болеславович, князь, господарский маршалок оникштенский державца 447
Святополк Владимирович (Ярополкович) Окаянный, туровский и киевский князь 135, 211, 212, 213, 214, 215
Святополк Изяславич / Святополкъ, новгородский и киевский князь 197, 214, 215, 216
Святополк Мстиславич, полоцкий князь 200
Святополк Юрьевич, туровский князь 216
Святослав (Георгий) Всеславич, князь 176, 183, 198. *См. также* Георгий, князь
Святослав Владимирович, туровский князь 34, 178, 212
Святослав Всеволодович, туровский и черниговский князь 215, 216, 220, 223
Святослав Иванович, великий князь смоленский 345
Святослав Игоревич, киевский князь 139, 211
Святослав Мстиславич, полоцкий князь 204
Святослав Ольгович, черниговский князь 165, 222, 223
Святослав Ярославич, черниговский и киевский князь 191, 213, 218, 221, 222
Седов В. В. 29, 30, 31, 32, 131, 148, 224, 228, 229
Селицкий Богдан, хоружий и земский судья 449

Семен-Лынгвень Ольгердович, князь 281. *См. также* Лынгвень (Семен) Ольгердович, новгородский князь
Семенчук Г. Н. / Семянчук Г. М. 26, 53, 180, 181
Сербов И. А. 16
Сиверс Яков Ефимович, российский посол в Варшаве 547, 548, 549, 550
Сигизмунд Люксембургский, император Священной Римской империи 329, 349, 350
Сидоренко Б. И. 53
Сидорович В. М. / Сідаровіч В. М. 82, 120
Сильвестр Луи де 490
Симеон, епископ полоцкий, тверской 159
Сируть Симон 488
Скеп'ян А. А. 40, 53, 456
Скеп'ян Н. А. 53
Скиргайло (Иван) Ольгердович, князь 280
Сколка Ян, пан 449
Скорина Франциск / Скарына Францыск, первопечатник 52, 404, 405, 411
Скумин Тышкевич Людвик, великий литовский подскарбий 525
Слуцкие, княжеский род. *См.* Олельковичи / Олельковичи-Слуцкие
Смолій В. 489
Снайерс П. 469
Сновский Гравж Мальхер Жигимонтович, господарский маршалок, новогородский земский судья и соймовый посол 379, 380
Собеские, род 379
Сокал С. Ф. 265, 359
Соловьева Г. Ф. 30, 222
Соловьев С. М. 136
Соломерецкие, княжеский род 430
Солоневич И. 47
Солтаны, род 266, 269
Солтык Каетан, католический епископ 532
Сосновский Юзеф 488, 490
Сотникова М. П. 211
София Полоцкая, княгиня 159, 188
Софья Витовтовна, великая княгиня московская и владимирская 347
Софья Володаревна, датская королева 205
Спасский И. Г. 211
Спиридонов М. Ф. / Спірыдонаў М. Ф. 39, 237, 432, 436, 514
Старостина И. П. 272, 273, 276
Стегний П. В. 526, 527, 528, 529, 543, 550
Стецкович Ян, депутат 448
Стравинский Михал 488
Страшевич Томаш 488
Суворов Александр Васильевич, российский генерал-майор 535, 554
Сулистовский Алоизий, писарь ВКЛ 497
Сулковска-Курасёва И. 332
Сулковский Август, посол Речи Посполитой в Париже 492
Супрун В. Г. 22
Сурта Т. Р. 54
Сухени-Грабовская А. 370
Суходольский Доминик 488
Сцебурака А. М. 53

Т

Таранович В. П. 196
Тарасов С. В. / Тарасаў С. В. 50, 53, 168, 170, 171, 172, 173, 183
Татищев В. Н. 173, 174, 192, 196, 214
Тегако Л. И. 26
Темушев В. Н. / Цемушаў В. М. 190, 195, 202, 207, 236, 328, 336, 341, 346, 347, 366, 376, 537
Темушев С. Н. 127, 190, 195, 202, 207, 236, 328, 336, 341, 366, 376, 537
Терпиловский Р. В. 27
Тимофеев Е. И. 30, 223
Тимофеенко А. Г. 111
Тимур / Тамерлан, хан 344
Тимур-Кутлуг, хан 344
Тихомиров М. Н. 30, 140, 161, 167, 168, 170, 204
Ткачев М. А. / Ткачоў М. А. 4, 31, 50, 52
Ткачев О. Ю. 24, 25
Ткачева М. И. 24, 25, 75
Товтивил, полоцкий князь 210, 238, 240, 313
Толочинские, княжеский род 430
Толочко А. П. 34
Толочко П. П. 37, 137, 141, 154, 170
Тоненфельд Томаш 302
Тохтамыш, хан 343, 344
Тренята, великий князь литовский 313
Тройдень, князь 242
Трубницкий Ю. 54
Трусаў А. 159
Тур / Тура, туровский князь 30, 35, 36, 132
Турчинович О. В. 45, 46
Тызенгауз Антоний / Тызенгаўз Антоній, писарь ВКЛ, генеральный администратор столовых экономий и надворный подскарбий ВКЛ 491, 493, 496, 503, 512, 513, 540

Тышкевич Е. П. 15, 45
Тышкевич К. П. 15, 45
Тышкевич Людвик, великий маршалок ВКЛ 548
Тышкевич Юрий Васильевич, граф на Логойске и Бердичеве, берестейский воевода и волковысский державца 447, 448
Тюндт М. 445
Тюрина И. М. 23, 25
Тяпинский Василь, типограф 405, 406

У

Улащик Н. Н. / Улашчык М. 39, 54, 180, 466
Ульяна Тверская, великая княгиня литовская 323, 418
Урущак В. 374. *См. также Uruszczak W.*
Успенская А. 30
Устрялов Н. Г. 46

Ф

Фаден У. 557
Федор, ратман г. Рига 263
Федор Янушевич, владимирский староста 311
Федоровский М. Я. 15
Фирлей 304
Філатава А. 417, 418, 425
Флемминг Юрий, подскарбий ВКЛ 487
Флоря Б. Н. 199, 370, 391, 402, 433
Фридрих II, король Пруссии 492, 526, 527, 528, 536, 541
Фридрих-Вильгельм II, король Пруссии 541
Фюрстенгоф И. 481

Х

Хазанава К. Л. 405
Харитонович З. А. 25
Харитонович Обринский Андрей Иванович, великий писарь ВКЛ 456
Харытановічы Вобрынскія (Абрынскія), шляхетский род 456
Хаўратовіч І. П. 176
Хвала, воевода 245
Херцберг Эвальд фон, премьер-министр Пруссии 541
Хмельницкий Богдан, гетман Запорожского войска 373, 438, 543
Ходкевич Александр, господарский маршалок 322
Ходкевич Ян Геронимович, гетман Ливонии 306, 360, 382
Ходкевич Ян Кароль, великий гетман ВКЛ 373, 470, 472, 474
Ходкевичи, род 364, 365, 381, 382
Ходько А. 44
Хоинска-Мика И. 370
Холмский, ротмистр 305
Хорошкевич А. Л. 172, 433
Хребтович Мартин, ловчий и конюший дворный ВКЛ 322
Хребтовичи / Хрептовичи, род 266, 269, 513
Хрептович Иоахим / Храптовіч, подканцлер ВКЛ, министр иностранных дел, маршалок Главного Трибунала ВКЛ 496, 497, 501, 512, 513, 514, 540
Хрептович Литавор, посол 303
Хрептович Ян 488
Христиан, пресвитер Ливонского ордена 240
Худяков Ю. С. 288

Ц

Цегак-Голубович Е. 17
Целэк Эразм, секретарь великого князя 321

Ч

Чайковский П. Н. 59, 60
Чаквин И. В. 26, 85, 149
Чаки Ян, придворный географ, капитан 522
Чарторыйские / Чарторижские, княжеский род 487, 490, 493, 494, 505, 526, 528, 531
Чарторыйский Адам Казимир, генерал подольских земель 497
Чарторыйский Александр, князь 318
Чарторыйский Иван, князь 318
Чарторыйский Михал, канцлер ВКЛ 487, 490, 493
Чепко В. В. 39
Черепнин Л. В. 160, 326, 488
Чернин Петр, чех 304
Чернышев Захар Григорьевич, вице-президент Военной коллегии 527, 536
Чернявский Макс. М. / Чарняўскі Макс. М. 23, 24, 76, 77, 78, 79, 91, 92
Чернявский Мих. М. / Чарняўскі М. М. 22, 25, 26, 71, 72, 79, 80, 81, 98
Четвернин В. А. 369
Четвертинские, княжеский род 430
Чингизхан, хан 223
Чубур А. А. 22

Ш

Шади-Бег, хан 346
Шадурский Ян, инфлянтский стольник 490, 491
Шадыро В. И. / Шадыра В. І. 23, 32, 99, 109, 119
Шаланда А. И. 51, 52, 53, 176, 265, 280, 281, 282, 283, 396, 397, 398
Шапока А. 365 *См. также Šapoka A.*
Шахматов А. А. 30, 148
Шварн Данилович, великий князь литовский 241, 242
Шедел Х. 235
Шемет Мальхер Станиславович, пан, жемойтский каштелян 447, 448
Шинаков Е. А. 133, 150
Шмигельските-Стукене Р. 554. *См. также Šmigelskytė-Stukienė R.*
Шмидт Е. А. 123, 175
Шмит З. 17
Шолохова Е. В. 169
Штакельберг Отто Магнус фон, российский посол в Варшаве 495, 497, 498, 539, 540, 541
Штыхов Г. В. / Штыхаў Г. В. 30, 31, 32, 33, 35, 50, 53, 122, 123, 124, 127, 128, 129, 130, 136, 143, 148, 160, 165, 166, 168, 172, 173, 174, 175, 178, 180, 191, 196
Шукевич В. А. 15
Шульц Д. 426
Шутаў С. С. 29
Шынкевич А. Н. 145

Щ

Щапов Я. Н. 174, 220
Щукин М. Б. 27, 28, 29, 108

Э

Эберхард Виндек 282
Эймунд Хрингссон, шведский конунг 36, 212
Энеас Сильвиус, варминский епископ 301
Эрдивил, литовский князь 238

Ю

Юндил Тадеуш, гродненский подкоморий 491
Юрага Бенедикт, господарский маршалок и дворный судья 448
Юрецкий С. С. / Юрэцкі С. С. 24, 25, 72, 73, 76
Юрий Владимирович Долгорукий, князь 216
Юрий Лынгвеньевич, князь 319
Юрий Львович, берестейский князь 226
Юрий Святославич, великий князь смоленский 345
Юрий Ярославич, туровский князь 216
Юхо И. А. / Юхо І. А. / Юхо Я. А. 39, 50, 237, 428, 429, 433, 435, 553
Ючас М. А. 488, 540. *См. также Jučas M.*
Ющенко И. Х. 222

Я

Явнутий, великий князь литовский 313, 314
Ягайло (Владислав II) Ольгердович, король польский, великий князь литовский 276, 280, 284, 296, 313, 314, 316, 317, 318, 326, 327, 330, 338, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 418, 419
Ягеллоны, династия / княжеский род 48, 280, 304, 309, 316, 324, 333, 337, 338, 350, 356, 430
Ягурчин, воевода 242
Ядвига, королева польская 326
Ядковский Ю. 17
Якубаў В. У. 53
Ямонтовичи-Подберезские, княжеский род 315
Ян III Собеский, король польский и великий князь литовский 374, 440
Ян Казимир Ваза, король польский, великий князь литовский 372, 397, 425, 426
Ян Ольбрахт Казимирович, король польский 303, 320, 332, 333
Янин В. Л. 188, 220
Янтис К. Л. 65
Янушкевич А. Н. / Янушкевіч А. М. 265, 291, 306, 359, 364
Ярополк Владимирович, князь 197
Ярополк Изяславич, туровский и владимиро-волынский князь 189, 214
Ярополк Святославич, киевский князь 139, 178, 211
Ярослав Владимирович Мудрый, ростовский, новгородский и киевский князь 34, 36, 174, 178, 182, 183, 189, 191, 212, 213, 218, 221, 225
Ярослав Всеволодович, черниговский князь 203, 223
Ярослав Изяславич, туровский князь 216

Ярослав Святополчич, туровский князь 215, 222
Ярослав Святославич, черниговский князь 222
Ярославичи, киевские князья 183, 184, 185, 218
Ярошевич И. 45, 46
Ясинский Якуб, генерал-лейтенант войск ВКЛ, руководитель Наивысшей литовской рады 551, 553, 554
Яшенко Л. П. 26, 85, 87

A

Adamus J. 260
Alexandrowicz S. 474, 484, 486
Angyal E. 408
Antoniewicz W. 17
Askenazy Sz. 541
Augustyniak U. 369, 370, 371, 380. *См. также Августыняк У.*

B

Bardach J. 384, 386, 388, 458, 466. *См. также Бардах Ю.*
Bodin J. 339, 367. *См. также Боден Ж.*
Buchmann A. 535

C

Cemerickii V. 38
Chaustowicz M. 391
Chodynicki K. 392
Czeppe M. 489
Czuczyński A. 393
Czwołek A. 391, 456, 458

D

Dąbrowski J. 95
Danilczyk A. 497, 533, 535
Danowska E. 506
Davies N. 381
Dicius P. 464
Długosz J. / Dlugosii J. / Dlugossius J. 285, 300, 303, 317, 330, 332. *См. также Длугош Ян*
Dogiel M. 358
Dolinskas V. 536
Dorobisz J. 449
Dukwicz D. 533, 538, 540
Dwornicka I. 384
Dworzaczek W. 176

G

Gąsiorowski A. 335
Głosik E. 95
Górski K. 293, 295, 306, 307, 308, 309
Górzyński S. 385
Grodziski S. 384
Gudavičius E. 276. *См. также Гудавичюс Э.*

I

Inglot S. 515

J

Jaroszewicz I. 46
Jučas M. 530. *См. также Ючас М.*
Jurgaitis R. 540

K

Kaczanowski P. 30
Kaczorowski W. 449
Kądziela Ł. 498, 543, 548
Kamuntavičius R. 371
Kantak K. 335
Karev D. 39. *См. также Карев Д. В.*
Kempa T. 386, 390, 394. *См. также Кемпа Т.*
Kiaupa Z. 304, 389
Kocój H. 542, 543
Kolankowski L. 303, 338
Konopczyński W. 392, 489, 533, 534, 548
Korczak L. 268, 332
Korzon T. 525
Kosciatkowski S. 540
Kosiński U. 533
Kosman M. 375, 377. *См. также Косман М.*
Kotarski H. 480
Kot S. 411
Kowecki J. 553
Kriegseisen W. 528
Krzysztofek K. 412
Kula W. 508
Kuncevičius A. 389
Kutrzeba S. 369, 375, 377, 378, 379. *См. также Кутшэба С.*

L

Lazutka S. 276
Lelewel J. 45
Lepszy K. 392
Lord R. H. 541, 543

Lulewicz H. 371, 386, 390, 391, 392, 394, 449, 450, 452, 453, 454, 456, 457, 458. *См. также Люлевич Г.*

Ł

Łatyszonek O. 53
Łojek J. 544
Łowmiańska M. 434
Łowmiański H. 223, 325, 330, 434. *См. также Ловмяньский Г.*

M

Macuk A. 489. *См. также Мацук А. У.*
Magnus Olaus 417
Makiłła D. 450
Mann Z. 550
Marfina O. 27. *См. также Марфина О. В.*
Michalski J. 489, 493, 496, 498, 526, 535, 538, 540
Mickevičius A. 304
Mironowicz A. 412
Morzy J. 440. *См. также Можы Ю.*
Müeller M. G. 543

N

Nadolski A. 285, 287, 307
Nagielski M. 385
Narbutt T. 46
Niemcewicz J. U. 301, 553
Noailles E. H. 450
Nowakowski A. 296
Nowak T. M. 482, 483

O

Obuchowski W. 23, 63, 66
Ochmański J. 240, 286, 305, 419, 433, 434
Olejnik K. 484, 486
Olewnik J. 357
Opaliński E. 367
Ostrowski Danejkowicz J. 381

P

Palkij H. 488
Papee F. 303
Parczewski M. 30
Pietkiewicz K. 263, 304, 308, 321
Płaza S. 449, 450
Plewczyński M. 290, 291
Prochaska A. 284
Przedziecki A. 303
Przyboś A. 450

R

Rachuba A. 385, 386, 388, 389, 392, 467, 470, 472, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483. *См. также Рахуба А.*
Radaman A. 380. *См. также Радаман А.*
Radziwiłł A. S. 371
Rakutis V. 535
Raudeliunas V. 464. *См. также Рауделюнас В.*
Rohdewald S. 166
Rolnik D. 545
Rychlikova I. 479
Rzońca J. 387

S

Sadowski A. 412
Šapoka A. 540. *См. также Шапока А.*
Sarcevičienė J. 304
Semkowicz Wł. 308
Seredyka J. 385, 449
Sievers J. 548
Skibiński M. 488
Smatov V. 38
Šmigelskytė-Stukienė R. 496, 497, 540, 545, 546. *См. также Шмигельските-Стукене Р.*
Sobociński W. 450
Stancelis V. 357
Stroynowski A. 489
Świętosławski W. 288
Szady B. 528
Szczygielski W. 534, 542
Szymczak J. 288
Szymczak K. 63
Szyndler B. 551, 555

T

Tarvel E. 391
Timoszuk M. 391
Topolska M. 414
Tracki K. 540

U

Uruszczak W. 374, 384. *См. также Урущак В.*

V

Valikonytė I. 276

W

Wąsicki J. 525, 548
Wegner L. 538
Wimmer J. 305, 474
Wisner H. 367, 369, 370, 372, 373, 374, 375, 377, 388, 389, 394, 458, 461, 467, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 478, 479, 480, 481, 483. *См. также Виснер Г.*
Wolan A. 463. *См. также Волан А.*
Wolański A. 546

Z

Zakrzewski A. B. 371, 374, 375, 380, 448, 449, 450, 464. *См. также Закшевский А.*
Zielińska Z. 488, 489, 490, 492, 494, 498, 526, 527, 528, 529, 535. *См. также Зелиньска З.*

Ż

Żelewski R. 450
Żygulski Zd. 291, 295
Żytkowicz L. 553

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августовский канал 24
Австрия 442, 495, 497, 514, 536, 538, 539, 541, 543, 544, 547, 551, 555
Азярное 1, археол. памятник 22
Алитус, г. 237
Альпы 90
Альпы Восточные 111
Альта, р. 184, 213
Англия 66, 223, 504, 514, 529, 530, 536, 541, 543
Аникшчяй, г. 237
Аукштайтия 237
Африка 58

Б

Балтийский регион 441
Балтийское море 78, 95, 133, 356, 441, 522
Балтика 140, 243, 523
Балтика Западная 66
Бар, местечко 533
Барановичская обл. 22
Барановичский р-н Брестской обл. 73
Барбарикум, ареал 108
Басея, волость в Горецком и Шкловском р-нах 219
Бежецкий Верх, волость 210
Бездеж, д. 535
Белагород, г. 185
Белановичи, археол. памятник 112
Беларусь 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 44, 45, 47, 48, 51, 52, 53, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 90, 92, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 116, 119, 122, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 133, 135, 136, 143, 145, 146, 148, 149, 150, 152, 154, 158, 160, 165, 180, 195, 204, 207, 210, 214, 223, 226, 229, 236, 237, 238, 249, 253, 255, 256, 261, 263, 265, 272, 276, 280, 281, 282, 283, 291, 296, 306, 352, 353, 364, 375, 378, 389, 396, 397, 398, 399, 401, 402, 403, 409, 410, 413, 416, 417, 418, 419, 422, 423, 425, 426, 427, 429, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 456, 460, 481, 491, 498, 501, 504, 513, 515, 530, 534, 536, 547, 551, 552, 554, 555
Беларусь Восточная / Усходняя 17, 22, 53, 64, 74, 219, 534
Беларусь Западная 9, 17, 22, 90, 100, 552
Беларусь Северная / Паўночная 17, 22, 25, 31, 32, 33, 53, 100, 119, 120, 122, 124, 127, 148, 175
Беларусь Северо-Западная 17, 73
Беларусь Центральная 17, 31, 32, 90, 100, 119, 120, 124, 130, 147, 175, 251
Беларусь Юго-Восточная 59
Беларусь Южная / Паўднёвая 90, 104, 111, 130, 147
Белая Русь 52, 234, 412, 413
Белгород, г. 184
Беловежская пуща 22, 24
Белоозеро, г. 34, 137, 143, 166
Белоруссия 22, 23, 25, 26, 27, 28, 30, 38, 46, 52, 53, 61, 62, 108, 133, 136, 149, 165, 167, 180, 182, 191, 402, 410, 418, 419, 435, 438, 439, 441, 523
Белоруссия Восточная 22, 38, 74, 440
Белоруссия Западная 237
Белоруссия Северная 34, 198
Белоруссия Средняя 23
Белоруссия Южная 23
Белорусская Народная Республика 6
Белорусская репартиция 517

Белорусская Советская Социалистическая Республика 6
Белорусская ССР / Беларуская ССР 16, 26, 196
белорусские земли / беларускія землі 4, 10, 11, 12, 32, 35, 36, 41, 43, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 125, 158, 177, 189, 217, 226, 232, 233, 237, 248, 249, 250, 252, 255, 256, 257, 290, 342, 348, 398, 401, 404, 405, 407, 408, 409, 413, 414, 416, 438, 439, 441, 467, 487, 523, 528, 533, 534, 536, 547, 554
Белосток, г. 555
Бельчанка, р. 159
Бельчица, д. Полоцкого р-на 32, 159, 168
Бельчицкий Борисоглебский монастырь / Бельчыцкі манастыр 159, 168, 169, 174
Беляны, археол. памятник 112
Бердичевский р-н 115
Бердыж, д. Чечерского р-на Гомельской обл. 11, 16, 59
Бердыжская позднепалеолитическая стоянка 61
Бережное, археол. памятник 112
Березина / Бярэзіна, р. 22, 32, 64, 70, 71, 104, 130, 196, 201, 484, 535
Березина, р. Верхняя 108
Березовский р-н 97, 111
Берестейская земля 225, 237
Берестейское / Брестское воеводство 252, 258, 259, 382, 396, 449, 533, 547, 551, 558.
берестейский соймик 466
Берестье, г. 213, 222, 223, 224, 225, 480. *См. также* Брест
берестейцы / берестяне 225, 226
Берестейский / Брестский сойм 255, 298, 324, 332, 334, 337, 380, 444
Берлин, г. 541
Бершты 2, археол. памятник 97
Бершты, с. и господарский двор 255
Беседь, р. 220, 221
Бешенковичский р-н Витебской обл. 14, 17, 24, 77, 78, 79, 86, 91, 92
Биржанский замок / Биржи 382, 481, 485
Бирка 34
Бирули II, археол. памятник 119
Бискупинское городище 95
Бискупинское, оз. 95
Ближний Восток 64, 68
Блювиничи, археол. памятник 112
Бобрик, р. 111
Бобруйск, г. 536, 554
Бобруйская волость 253
Борисов, г. 130, 160, 192, 196, 237, 308
замок 484
Борисовская волость / вотчина 196, 198, 201
Борисы, д. Брестского р-на 97
Боровка, археол. памятник 22
Бортнянская волость 296
Боруны, а. г. 426
Брагин, г. 214, 217
Брагинская волость 253
Браслав / Браслаў / Брячиславль, г. 37, 128, 160, 180, 189, 196, 237
Замкавая гара, 180
замок 484
крепость 180
Браславская волость 160, 180, 182, 189, 196, 204, 258
Браславская земля 237
Браславский повет Виленского воеводства 249, 521, 533, 555
Браславский р-н 181, 182
Браславщина 554
Брацлавское воеводство 396, 547
Брацлавщина 390
Брест, г. 111, 154, 214, 215, 252, 255, 334, 401, 423, 468, 529, 534, 546. *См. также* Берестье
Брестская обл. 63, 73, 90, 95
Брестская столовая экономия 441, 512
Брестский р-н 97
Брестское староство 252
брестский / берестейский староста 249, 252, 263, 269
Брестчина 535
Брянская обл. 74
БССР 9, 15, 16, 22, 38, 39, 59
Буг, р. 86, 214, 521, 555
Булгар, г. 143
Бурезь, археол. памятник 112
Бухличи, археол. памятник 112
Бчицкая волость 253
Бывальки, поселение 85
Быхов, г. 479
Быховский р-н 59

В

Валдайская возвышенность 63
Варена, г. 234
Варна, г. 331

Варшава / Варшова, г. 456, 457, 492, 493, 499, 522, 525, 529, 535, 536, 538, 539, 544, 551, 552, 555
предместье Прага 555
Василишская волость 292
Ватикан 369
Ведрошь, р. 304, 354
Великая Орда 351, 352
Великая Польша 393, 536
Великая, р. 136
Великий Новгород / Новград Великий, г. 214, 281, 342, 345, 347 *См. также* Новгород
Великое Княжество Литовское / Великае Князство Литовское / Великое Князство Литовское / Вялікае Княства Літоўскае 4, 9, 12, 26, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 152, 170, 176, 191, 208, 210, 211, 217, 231, 232, 234, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 265, 267, 268, 269, 272, 273, 275, 277, 280, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 294, 295, 296, 298, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 312, 313, 315, 316, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 353, 358, 359, 364, 365, 367, 369, 371, 373, 374, 379, 380, 381, 384, 387, 388, 389, 390, 393, 394, 395, 400, 405, 411, 414, 417, 418, 420, 421, 422, 424, 425, 428, 429, 430, 431, 433, 435, 436, 439, 440, 441, 442, 450, 451, 453, 454, 455, 458, 460, 461, 462, 463, 465, 466, 467, 468, 470, 472, 482, 483, 485, 487, 489, 493, 499, 501, 502, 504, 514, 523, 535, 546, 551
Великое Княжество Литовское, Руское и Жемойтское / Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае 6, 11, 232, 342, 364, 367, 369, 383, 397, 459, 460, 461
Великое Княжество Московское / Вялікае Княства Маскоўскае 38, 42, 43, 53, 304, 338, 340, 346, 353, 373, 422, 455
Вена, г. 492
Венгрия 243, 280, 303, 331
Вересница, археол. памятник 112
Верхита, р. 33, 122
Верхний Теребежов, археол. памятник 112
Верховские княжества 342, 347
Ветковский р-н Гомельской обл. 59, 82, 83, 87
Ветрино, волость в Дубровенском и Лиозненском р-нах 219
Вехра, р. 220
Византия 35, 114, 132, 134, 162, 165, 174, 188, 193, 198, 199, 226
византийский император 132
Викаровичи, археол. памятник 112
Вилейка, г. 234
Вилейский р-н 196
Виленская губерния 466
Виленская земля 237, 281
Виленский повет 449, 463
виленский соймик 466
Виленское воеводство 249, 250, 258, 380, 396, 397, 398, 448, 547, 555
виленский воевода 249, 263, 269
Виленское княжество 249, 281
Вилия, р. 152, 153, 196, 234, 237, 521
Вилия, р. Верхняя 229
Вилькомир, г. 302. *См. также* Укмерге
Вилькомирская земля 237
Вильня / Вилня / Вильнюс, г. 41, 42, 234, 240, 243, 255, 264, 271, 296, 308, 310, 323, 325, 329, 331, 332, 333, 334, 340, 342, 348, 354, 357, 374, 392, 394, 400, 406, 418, 419, 424, 439, 449, 450, 451, 453, 454, 462, 468, 482, 516, 531, 535, 546, 551, 552, 553, 554, 555
виленский епископ 387
виленский каштелян 249, 269
виленский мещанин 435
замок 484
кафедральный собор св. Станислава 334
сойм 255, 289, 295 , 305,
Винница, г. 311
Висла / Вісла, р. 32, 63, 64, 72, 78, 98, 296, 522
Висла, р. Верхняя 86
Висла, р. Средняя 86
Висло-Одерский регион 29
Витебск / Видбескъ, г. 7, 36, 37, 124, 130, 133, 143, 145, 146, 174, 177, 178, 182, 183, 187, 198, 201, 203, 204, 218, 251, 253, 264, 265, 266, 273, 308, 401, 406, 409, 424, 427, 529, 536
витебляне / витябляне 249, 251, 254, 255, 264
витебские бояре 264
витебские кривичи 146

замок 484
крепость 486
наместник 260, 264, 269
церковь Благовещения 187
сойм 264
Витебская волость 147, 189, 196, 198
Витебская губерния 466
Витебская земля 201, 238, 250, 253, 254, 258, 264, 266, 273
Витебская обл. 14, 17, 78, 79, 91, 92, 124, 125, 151, 178, 250
Витебская экономия 440
Витебский повет 256
соймик 255
Витебский р-н 143
Витебский удел 198, 201
Витебское воеводство 396, 397, 398, 449, 527, 547
витебский воевода 249, 254, 260, 323
Витебское княжество 316
витебские князья 201, 203
витебский стол 203
Витебщина 218, 255, 360
Витуничи, д. 119
Витьба, р. 133, 143
Вишнево, местечко 554
Вищинский замок 154
ВКЛ 11, 12, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 161, 169, 191, 232, 237, 238, 239, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 253, 255, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 269, 271, 272, 273, 274, 276, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 293, 295, 296, 297, 298, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 401, 402, 403, 405, 406, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 496, 497, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 514, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 529, 530, 531, 533, 534, 535, 538, 540, 541, 544, 545, 546, 547, 548, 551, 552, 553, 554, 555
Владимир-Волынский, г. 216, 225
Владимиро-Берестейская православная епархия 252
Владимиро-Волынское княжество 213, 225
владимиро-волынские земли 213, 214
владимиро-волынские князья 215
Владимирский повет 311
Владимирское княжество 214
великие князья владимирские 326
владимирские князья 204
Владычица, археол. памятник 112
Воинщина 210
Волга, р. 63, 65, 126, 238
Волго-Окский регион 65
Волго-Окское междуречье 66, 78
Волковыск / Волковыескъ, г. 209, 210, 227, 228, 237, 238, 241, 243, 382, 451, 452, 453, 454, 455, 534
Волковысская земля 237
Волковысский повет 258, 259,
соймик 380
Волковысский р-н Гродненской обл. 14, 80, 83, 85
Воложин, г. 554
Воложинский р-н Минской обл. 102, 250
Волпа, г. 534
Волхов, р. 143
Волчин, местечко 534
Волынская / Волыньская земля 208, 252, 272, 462
Волынская губерния 466
Волынское воеводство 365, 396, 397, 398
Волынское княжество 215, 217
волынские князья 189, 209, 216, 226, 241
Волынцево, поселение 93
Волынь 28, 72, 108, 209, 214, 225, 228, 238, 241, 242, 252, 281, 330, 353, 390, 396, 547
волынцы 249

Волынь Северо-Восточная 28
Воронино, археол. памятник 112
Воронча, замок 484
Воротынск, г. 346
Ворскла, р. 289, 302, 344, 345
Восток 132, 141, 209, 211, 226, 238, 327, 347, 351, 353, 401, 407
Восточно-Европейская равнина 59, 62, 64
Въсвячъ, г. 182. *См. также* Усвяты
Высокий Городец, д. Толочинского р-на 196
Вышгород, г. 212
Вязьма, г. 346
Вятичские земли 223

Г

Гаага, г. 492
Гавья, имение 261
Гадиловичи, д. 134
Галиция 541
Галицко-Волынское княжество 210, 225, 229, 238, 239, 241, 252, 326
галицко-волынские дружины 227
галицко-волынские князья 209, 210, 217, 218, 226, 238
Галич, г. 209, 217
Галичская православная епархия 256
Ганцевичи, г. 237
Гарынь, р. 109
Гданьск, г. 498, 521, 522, 536, 541, 543, 547
Геранены, д. Ивьевского р-на Гродненской обл. 250, 261
Гераноины, с. 250, 261
Германия 22, 63, 66, 78, 95, 223, 286
Германия Северная 63
Глубокский р-н 126, 129
Гнездово, г. 33, 34, 130, 137, 218. *См. также* Смоленск
Голландия 514, 536, 541, 543
Гольм, крепость 205, 206
Гомель, г. 133, 134, 136, 222, 223, 305, 355, 479, 486, 535, 536. *См. также* Гомий
замок 484
Гомельская волость 136
Гомельская обл. 11, 14, 15, 16, 60, 74, 82, 83, 86, 87, 88
Гомельский р-н 75, 111
Гомий, г. 134, 136, 221, 222, 223. *См. также* Гомель
гомийские воины 222
Гомийская волость 222
Гомийские владения 135
Горбов, археол. памятник Березовского р-на 97
Горвальская волость 253
Горецкий р-н 219
Горовляны, д. Глубокского р-на 129
Горовые, археол. памятник Полоцкого р-на 32
Городенский повет 258, 259, 261. *См. также* Гродненский повет
городенский староста 263, 269
Городец / Гарадзец на р. Мнюта, Шарковщинский р-н 126, 129
Городецкое княжество 263
Городище, д. на р. Ясельда 117, 120, 224
Городок, г. п. Витебской обл. 119, 125
Городокский р-н 122, 124, 146
Горожане, д. Псковской обл. 178
Горошков, археол. памятник 94
Горынь, р. 29, 109, 116, 214, 224
Готланд, остров 133
Гродненская губерния 466
Гродненская ГЭС 24
Гродненская земля 237
Гродненская обл. 14, 22, 69, 73, 80, 82, 83, 84, 85, 95, 250
Гродненская столовая экономия 441, 512
Гродненский / Гродзенскі р-н 14, 22, 84, 97, 98
Гродненский повет Трокского воеводства 249, 302. *См. также* Городенский повет
гродненский соймик 466
Гродненское воеводство 555, 558
Гродненское княжество 235
Гродно / Городно / Городен / Городня, г. 17, 24, 226, 227, 237, 241, 243, 252, 255, 263, 296, 401, 406, 409, 445, 522, 538, 547, 548, 549, 551, 555
замок 296
сойм 255, 295, 445, 446, 447

Д

Давыд-Городок / Давыд-Городок 4, археол. памятники 109, 110
Дания 63, 223, 441, 529, 530, 543
Датское королевство 357
Двина / Дзвіна, р. *См.* Западная Двина
Двинский бассейн 146
Двинско-Днепровский путь 83, 84, 85
Деволтва, земля / племя 235, 237
Дедня, д. Чаусского р-на Могилевской обл. 66

Деречин, г. 534
Дерпт, г. 47, 357
Десна / Дзясна, р. 66, 132, 133, 220
Десна, р. Средняя 65
Динабург, г. 468
Дисна, замок 484
Дисна, р. 128, 139, 161
Дитва, р. 69
Днепр, р. 22, 29, 32, 33, 59, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 74, 78, 84, 85, 98, 99, 109, 119, 122, 126, 129, 130, 132, 133, 143, 145, 147, 148, 184, 189, 192, 196, 218, 219, 220, 221, 229, 297, 468, 483, 484, 522, 523, 527, 535, 536
Днепр, р. Верхний / Верхні 22, 66
Днепр, р. Левобережье 118
Днепр, р. Правобережье 29
Днепр, р. Средний 115
Днепро-Бугский канал 522
Днепро-Двинское междуречье / Дняпроўска-Дзвінскае міжрэчча 119, 121, 175, 218
Днепровский бассейн 146, 178
Днепровское Левобережье 28, 110
Днестр, р. 115
Днестр, р. Верхний 86
Добжиньская земля 349
Добрино, д. Лиозненского р-на 143
Добрушский р-н 75
Добрый Бор 1 / Добрый Бор 2, археол. памятники Барановичского р-на Брестской обл. 73, 96
Докудово 5 / Дакудава 5, поселение Лидского р-на Гродненской обл. 76, 81, 82, 84, 96, 97
Докшицкий р-н 152
Докшицы, г. 228
Долгая Дуброва, археол. памятник 112
Дон, р. 58, 109
Доржи, д. Лидского р-на Гродненской обл. 69
Дорогобуж, г. 354
Дорохи, д. Городокского р-на 33, 122, 124
Древнерусское государство 34, 35, 221
Древняя Беларусь 49
Древняя Россия 267, 268
Древняя Русь 34, 135, 168, 174, 183, 205, 273
Дривято, оз. 180
Дрисвяты / Дрысвяты, г. 180, 181, 305
Дрисса, г. 191
замок 305, 484
Дрисса, р. 33, 126
Дрогичин Надбужный, г. 225
Дрогичин, г. 215, 222
Дроздово, д. Толочинского р-на Витебской обл. 151
Дрозды 12, археол. памятник 81
Друть, р. 104, 129, 130, 143
Друцк, г. 7, 37, 129, 130, 139, 140, 155, 161, 163, 164, 189, 192, 198, 199, 200, 201, 203, 253
Друцкое Евангелие 161
церковь во имя св. Богородицы, 139, 161
Друцкая волость 130, 140, 189, 196, 198, 200, 201, 278
Друцкий курган 1, археол. памятник 155
Друцкий удел 198, 200, 201, 203
Друцкое княжество 253
Друцкое племенное княжение 129
Друя, г. 191, 521
замок 484
Дубой, д. 522
Дубровенский р-н 33, 122, 219
Дубровня, с. Лидского р-на 261
Дусяты, местечко 554
Дятлово, г. 534
Дятлово, д. Оршанского р-на 198
Дятловский р-н 152

Е

Европа / Еўропа 4, 9, 27, 37, 42, 58, 60, 68, 90, 98, 103, 104, 107, 240, 243, 280, 284, 285, 286, 287, 303, 327, 405, 407, 412, 421, 422, 441
Европа Восточная / Еўропа Усходняя 16, 22, 28, 29, 32, 33, 35, 36, 37, 39, 47, 58, 64, 65, 68, 75, 80, 87, 95, 100, 110, 122, 124, 128, 132, 133, 136, 137, 140, 145, 147, 148, 154, 158, 166, 167, 170, 179, 188, 194, 208, 210, 211, 212, 233, 240, 260, 300, 316, 326, 327, 343, 391
Европа Западная 62, 240, 269, 467, 473, 474, 487, 513
Европа Северная 25, 153
Европа Северо-Западная 62
Европа Центральная / Еўропа Цэнтральная 24, 25, 64, 68, 80, 95, 98, 105, 153, 260, 326, 327, 351
Европа Юго-Восточная 24, 68, 115, 331
Евье, местечко 406

Езерище, замок 479, 484
Еремичи, археол. памятник 96
Ерсика 245. *См. также* Герцике

Ж

Жемойть 232, 237, 243, 245, 249, 318, 349, 380, 416, 448, 534, 555
жемойтский староста 269
жемоитцы 249
Жемойтская земля 281, 448
Жемойтское воеводство 398
Жемойтское староство 397
Жеславка, двор 261
Жировичи, монастырский комплекс 406
Жлобин, г. 535
Жмудская репартиция 517
Жмудь 210, 238
жмудский воевода 496

З

Забрезье, д. Воложинского р-на Минской обл. 250
Задвинское герцогство 358
Закавказье 58
Запад 210, 401
Западная Двина, р. 33, 34, 65, 76, 84, 88, 99, 119, 122, 124, 125, 126, 129, 130, 136, 139, 140, 143, 145, 148, 159, 167, 171, 173, 175, 178, 181, 182, 183, 184, 204, 206, 208, 358, 359, 483, 484, 521, 527, 536, 545
Западнодвинский бассейн 175, 176, 177
Западный Буг, р. 29, 30, 63, 66, 72, 86, 95, 111, 115, 118, 209, 223, 224, 522, 555
Заславль, г. 130, 139, 163, 197, 217, 535. *См. также* Изяславль
Заславское княжество 252
Заспа 2, археол. памятник 85
Захарничи, д. Полоцкого р-на 122
Заценье, стоянка Логойского р-на Минской обл. 70, 76
Звенигород, г. 214
Здитов, г. 210, 227, 238
Золотая Орда 210, 284, 326, 329, 343, 344, 345, 346, 348, 350, 351, 352

И

Ивановка, поселение 93
Ивановский р-н Брестской обл. 63, 90, 95
Ивацевичи, г. 237
Ивенец, г. 554
Ивье, именье 261
Ивьевский р-н 250, 261
Игумен, г. 535
Игуменская волость 515
Изборск, г. 137, 143
Изяславль, г. 139, 159, 162, 179, 182, 192, 196, 197, 198, 200, 203, 220. *См. также* Заславль
детинец 197
замэчек 197
крепость-град 197
Изяславская волость 196, 197
Изяславский удел 200
Ильи Диринича, сельцо в Друцкой волости 278
Ильмень, оз. 32, 136
Индонезия 68
Индура, г. 225, 228
Инфлянтская репартиция 517
Инфлянтский орден 303
Инфлянты / Инфляндия / Інфлянты 53, 265, 382, 391, 455, 471, 477, 483, 484, 485, 521, 527, 536
инфлянтский гетман 300, 471
Ипуть, р. 74, 220, 221
Исесколы, замок 206
Итиль, г. 143

К

Кавказ 90
Калинковичский р-н Гомельской обл. 11, 14, 16, 61, 71, 133
Каличенки, археол. памятник 89
Калка, р. 223
Каменец, г. 233, 534
Каменецкий р-н 97
Каменка, д. Вилейского р-на 196
Камень, археол. памятник 112
Камень, д. Каменецкого р-на 97
Камень, д. Пинского р-на 74, 111
Камень 2, археол. памятник 81
Каменюки, д. 24
Карелия 65
Карпаты 90
Карповцы, д. Волковысского р-на 80
Каспий 27
Каспля, р. 130, 140, 145, 218
Кащеличи, городище Воложинского р-на Минской обл. 102

Кданьск, г. 264. *См. также* Гданьск
Кейданы, г. 374, 439
Кенигсберг, г. 372, 521
Кенигсбергский порт 374
Киев, г. 30, 33, 34, 35, 36, 41, 47, 48, 132, 133, 134, 137, 139, 141, 143, 146, 147, 160, 161, 165, 166, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 184, 185, 189, 192, 203, 204, 211, 212, 213, 214, 215, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 225, 233, 238, 252, 290, 305, 353, 466, 474
двор Брячислава / Брячиславль 160, 182, 183
Десятинная церковь 139
замок 305
киевляне / кыяне 165, 185, 213, 215, 233
киевская денежно-весовая система 141
киевские наместники 193, 200, 201
киевские паны 249
Михайловский монастырь 220
Печерский монастырь 161
Софийский собор 175, 184, 189
церковь во имя св. Богородицы 161
Киевская волость 139
Киевская губерния 466
Киевская держава 191
Киевская / Киевъская земля 36, 37, 136, 139, 221, 222, 223, 226, 272, 281, 462
Киевская митрополия 256, 425, 442, 425
киевский митрополит 174, 217, 273
Киевская Русь 4, 6, 11, 34, 36, 46, 47, 118, 136, 147, 150, 153, 156, 158, 160, 173, 177, 178, 179, 180, 183, 185, 188, 194, 197, 201, 203, 204, 208, 211, 217, 218, 219, 221, 223, 226, 415
киевские владения 135, 141
киевские волости 204
Киевское воеводство 365, 397, 398, 547
киевский воевода 269, 290, 305
Киевское государство 183
Киевское княжение 34, 147
Киевское княжество 11, 139, 214, 215, 217, 218, 316, 319, 417
киевский князь 133, 134, 135, 139, 161, 177, 179, 189, 192, 193, 200, 211, 214, 216, 217, 226, 333
киевский престол / стол / трон 139, 180, 185, 192, 211, 213, 214, 215, 216, 222, 226
Киевщина 238, 365, 390, 396
Кирхгольм, г. 469, 474
Клайпедский порт 374
Клецк / Клеческ, г. 215, 222, 297, 352, 535
крепость 214
Клецкая земля 237
Клецкое княжество 263
Климовичский р-н 75
Клины, археол. памятник 94
Кобрин, г. 522, 554
Кобринская земля 237
Кобринская столовая экономия 512
Кобринское княжество 263
Кобыляцкие пороги 145
Ковальцы / Ковальцы 4 / Ковальцы 4-ГЭС, археол. памятники 14, 97
Кожан-Городок, археол. памятник 112
Койданово, местечко 554
Кокнесе, г. 159, 182. *См. также* Кукенойс
Колосы, д. 134
Комов, г. 209
Комотово, д. Гродненского р-на 97, 98
Конколовичи 1 / Конколовичи 2 / Конколовичи-Заямное 3, археол. памятники 96
Константинополь, г. 34, 133, 134, 143, 176, 177, 425, 541
Копань, д. Речицкого р-на 24, 88
Копорье, г. 345
Копыль / Капыль, г. 316
крепость 214
Копыльская земля 238
Копыльское княжество 379
Копыльщина 214
Копысь, г. 192, 196, 197, 219, 220, 481, 485
Кордон / Кардон, археол. памятник Шумилинского р-на Витебской обл. 37, 120, 122, 146, 147, 175, 178
Корела, г. 345
Кореличи, местечко 481
Королевский канал 522, 524. *См. также* Мухавецкий канал
Королевство Польское 252, 315, 327, 340, 343, 364, 365, 369, 370, 372, 373, 377, 378, 383, 401, 414, 431, 449, 460, 466, 467. *См. также* Польское королевство
Корона Королевства Польского / Корона Польского Королевства 327, 369
Корона Польская 12, 256, 330, 333, 338, 340, 343, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 379, 382, 384, 386, 390, 391, 395, 413, 440, 449, 460, 462, 463, 465, 493, 496, 498, 500, 501, 502, 505, 509, 519, 523, 524, 525, 534, 540, 542. *См. также* Польская Корона

Корона Польского, Литовского и Руского Народов и государств им принадлежащих 370
Корсаково, д. Ушачского р-на 161
Котра, р. 93
Краков, г. 326, 334, 458, 551, 554, 555
Вавель 334
Красное Село, археол. памятник 110
Красносельские кремнедобывающие шахты, 14, 17, 80, 81, 83
Красносельский, г. п. Волковысский р-н Гродненской обл. 80
Крево, замок 152, 250, 327
Кривино 1, археол. памятник 17, 77
Кривинский микрорегион 84
Кривинский торфяник / Крывінскі тарфянік 14, 17, 23, 24, 76, 86
Кричев / Кречут, г. 135, 219, 220
Замковая гора 135
замок 479, 484
Спасская гора 220
Кричевская волость 253
Круглянский р-н 129
Крупчицы, местечко 554
Крым 289, 338, 352, 353, 354
крымские татары 351
Крымский полуостров 289
Крымское ханство / Крымскае ханства 53, 289, 351, 352, 353, 358
Кукенойс, княжество 159, 181, 182, 183, 188, 204, 205, 206, 208. *См. также* Кокнесе
Кунда, Эстония 14
Курадово, археол. памятник 108, 109, 110, 120
Курляндия 477, 521, 536
Курляндское герцогство 358
Кутейно, монастырский комплекс 406, 407
Кутец, археол. памятник 96, 97
Куявия 536

Л

Лавришевский монастырь 242
Ладога, г. 143, 178, 345
Ладожское, оз. 76
Лань, д. 534
Латвия 65, 76, 77, 78, 93, 181
Лахва, археол. памятник 112
Лахва, местечко 481
Лебедев, г. 255
Ленинградская обл. 76
Лепель, замок 484
Лепельский р-н 130
Лесна, р. 209
Лесная, р. 223, 224
Либава, г. 521
Либлино, археол. памятник 112
Ливония 54, 206, 233, 280, 293, 300, 306, 338, 347, 356, 357, 358, 390, 391, 396, 535, 554
Ливонский орден 209, 210, 233, 240, 346, 347, 357, 468
магистр 263
Ливонское государство 358
Лида, г. 234, 352, 439
Лидская земля 238
Лидский повет Виленского воеводства 249
Лидский р-н Гродненской обл. / Лідскі р-н Гродзенскай вобл. 69, 76, 82, 84, 261
Лиозненский р-н 143
Липляны, археол. памятник 112
Липнишки, с. 261
Лиственн, г. 182
Литва / Літва 15, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 49, 66, 72, 78, 93, 100, 104, 152, 180, 206, 208, 209, 210, 217, 218, 223, 226, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 256, 257, 260, 261, 262, 269, 276, 282, 283, 303, 304, 322, 326, 327, 329, 347, 350, 353, 368, 383, 398, 414, 417, 419, 422, 440, 445, 518, 523, 548, 552
Литва Миндовга 209, 238, 239
литовская земля 234, 235, 237, 239, 261, 263
литовская знать 43, 263, 264, 315, 317
Литовская провинция ордена бернардинцев 335
литовские бояре 317
литовские земли 47, 48, 232, 245, 327, 540
литовские князья / князья-язычники 48, 156, 210, 226, 238, 259, 317
литовские роды 262, 263
Литва Восточная 237
Литва Западная 66
Литва Центральная 249
Литовка, д. Новогрудского р-на 240
Литовская митрополия 256
Литовская репартиция 517
Литовская Республика 234, 243
Литовская ССР 49

Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика 6
Литовско-белорусское государство / Літоўска-Беларуская дзяржава 48
Литовско-белорусское княжество 48
Литовское государство 46, 49, 237, 244, 245
Литовское княжество 208
Литовско-Русское государство 47, 171, 259, 268, 271, 289, 304, 308, 311, 314, 318, 342, 365, 433
Лихачи д. 17
Ловатско-Двинское междуречье 130
Ловать, р. 33, 122, 136, 143, 146, 147, 178, 218
Логишин, г. п. 60
Логожская волость 196
Логойск / Логожеск / Лагойск, г. 53, 193, 203, 237
Логойский р-н 70
Лоев, г. 486
Лоевский р-н 111
Лопатин, археол. памятник 112
Лопушня, с. 353
Лошица, с. Менского повета 274
Луга, р. 136, 139
Луговое, оз. 121, 125
Лука, урочище 115
Лукомль, г. 129, 130, 139, 191
Лукомльское городище 191
Лукомльская волость / Лукомская волость 160, 191, 196, 204
Лукомльское княжение 129
Лукомское княжество 253
Луцк, г. 329, 425
луцкий староста 269
Лучеса, р. 122, 143, 178, 184, 218
Лучин, д. Рогачевского р-на 220
Лысая Гора, археол. памятник 96, 97
Львов, г. 425
Львовская обл. 159
Любанский р-н Минской обл. 15, 103, 111
Любань, г. 554, 555
Любеч, г. 134, 143, 194, 212, 214, 221
замок 484
Люблин, г. 40, 364, 365, 367, 391, 462, 555
Люблинское воеводство 534
Любошанская волость 253
Любча, магнатская резиденция 406
Лядец, археол. памятник 112
Ляховичи, крепость 477, 485, 486

М

Мазовия 93, 280, 323, 536, 555
мазовецкий князь 323
Макаричи, археол. памятник 112
Малая Польша 393, 555
Малое Ситно, д. Полоцкого р-на 122
Малые Свирянки, д. Островецкого р-на Гродненской обл. 250
Мариборк, г. 264
Масковичи, городище 180, 181, 182
Мацеевице, с. 555
Медницкая волость 292
Межа, д. 130
Межа, оз. 146
Межа, р. 130, 218
Межеево, д. 130
Мелар, область 100
Мельник, г. 333, 334, 364
Менка, городище 191
Менка, р. 133, 189, 214
Менск / Менеск / Меньск, г. 168, 169, 173, 189, 192, 197, 200, 203. *См. также* Минск
Менское воеводство 396, 449. *См. также* Минское воеводство
Менская волость 183, 184, 185, 186, 189, 191, 192, 194, 200
Менская земля / зямля 139, 183, 192, 201
Менский повет 201, 274. *См. также* Минский повет
Менский удел 198, 200, 201
Менское княжество 36, 196, 197
менские князья 165, 168, 186 196
Менщина 161
Меречь (Павлово), имение 515
Мерея, р. 219
Микулино, д. Смоленской обл. 219
Милоград, городище Речицкого р-на Гомельской обл. 15
Минск, г. 133, 217, 237, 252, 255, 303, 409, 439, 484, 529, 535, 554. *См. также* Менск
замок 484
минские наместники 251, 252
митрополичий двор 256
сойм 255
Минская губерния 466, 554
Минская земля 238. *См. также* Менская земля
Минская обл. 15, 70, 102, 103, 250
Минский повет 403. *См. также* Менский повет
Минская хоругва 295
Минское воеводство 365, 538, 546, 547. *См. также* Менское воеводство

Мир, местечко 481, 546
Мирятичи, волость 219
Мнюта, р. 126, 128, 129
Могилев / Магілёў, г. 38, 52, 401, 406, 409, 410, 424, 480, 536, 554
замок 484
Спасо-преображенский собор 409
Могилевская волость 54, 55, 253
Могилевская губерния 466
Могилевская обл. 66, 74
Могилевская православная епархия 425
Могилевская столовая экономия 440, 512
Могилевщина 65
Мозырская волость 55, 253
Мозырский повет 365, 403, 514, 521, 522
Мозырь, г. 217, 529, 535, 551
замок 484
Молдавия 338, 339
Молога, р. 136
Молчадь, р. 93
Моравия 95, 304
Москва, г. 41, 42, 47, 48, 49, 243, 289, 305, 319, 321, 326, 333, 335, 339, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 350, 351, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 397, 425, 439, 442, 554
Мещанская слобода 439
Московия 291, 294, 358
московиты 243, 290, 358, 360
Московская митрополия 256
Московская Русь 47
Московский патриархат 402, 425, 442
Московское княжество / Московское государство 53, 253, 283, 291, 342, 351, 352, 353, 354, 356, 357, 391, 392, 394, 401, 413, 414, 433, 438, 439, 466, 467, 468, 476, 478, 479, 482, 484, 485
московские политики 358
московские служилые люди 439
московский государь 265
Московско-Русское государство 342
Мотоль 1 / Мотоль 13 / Мотоль 17, поселения Ивановского р-на Брестской обл. 63, 90
Мохов, д. Лоевского р-на 85, 94, 111
Мста, р. 136, 139
Мстиславль / Мстиславъ / Мстиславълъ / Мсціслаў, г. 199, 220, 305, 404, 529, 535, 536
замок 484
крепость 486
манетны двор 319
Мстиславская земля 238
Мстиславское воеводство 396, 413, 440, 449, 527, 533
Мстиславское княжество 220, 253, 263, 319, 535
Муром, г. 137, 143, 220
Мухавецкий (Королевский) канал 522
Мухавец, р. 133, 223, 224, 225, 522
Мядель, замок 484

Н

Надпорожье 115
Нальшаны, земля / область / племя 152, 235, 237
Нарва, г. 357
Нарва 1, археол. памятник 77
Нача, археол. памятник 97, 98
Невель, крепость 485, 521
Неман / Нёман, р. 17, 63, 64, 65, 66, 72, 76, 78, 84, 88, 93, 98, 130, 224, 226, 227, 297, 483, 521, 523, 536, 555
Неманско-Вилийское междуречье 152
Немецкий орден 349. *См. также* Тевтонский орден
немецкие купцы 206
немецкие монахи 206
немецкие рыцари 206, 208
Немига, р. 184, 185, 189
Несвиж, г. 237, 382, 404, 406, 408, 409, 481, 485, 534, 535
крепость 486
замок 481, 483
Несвижская земля 238
Нижний Теребежов, археол. памятник 112
Нижняя Стырь, р. 86
Новгород / Новегород / Новъгородъ, г. 33, 34, 41, 125, 126, 137, 139, 141, 143, 147, 149, 159, 164, 165, 174, 175, 178, 182, 183, 184, 188, 189, 213, 214, 217, 218, 220, 281, 299, 342, 345, 347
новгородские бояре 347
новгородские мужи / новгородци / новгородцы 135, 137, 139, 165, 182, 210, 213, 249
Рюриково городище 137
Софийский собор 175, 184, 189
Новгород-Северский, г. 221
новгород-северский князь 223
Новгородская волость 137
Новгородская земля / новгородские земли 33, 36, 37, 136, 137, 178, 201, 210, 281, 347

Новгородские волости 210
Новгородское княжение 34, 147
Новгородское княжество 11, 139, 141, 218
Новгородчина 32, 34, 137, 140, 218
Новогородок / Новогород / Новгородокъ / Новогородъкъ / Новугород / Новагародак, г. 42, 209, 210, 226, 227, 233, 234, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 246, 250, 251, 256, 263, 264, 274, 275, 375, 418, 451, 456, 457, 551. *См. также* Новогрудок
гора Миндовга 227
Замковая гора 227
замок 242
каштелян 381
костел 227
Малый замок 227
митрополичий двор 256
наместник 269
новогородцы / новогородчане 233, 239, 242
сойм 255, 289
церковь Бориса и Глеба 227
Новогородская / Новогородъская / Новоградская земля 238, 239, 250, 251, 275. *См. также* Новогрудская земля
Новогородский повет 258, 259, 380, 382, 383, 456, 457. *См. также* Новогрудский повет
новогородский соймик / новагародскі соймік 380, 383, 375, 456
Новогородская хоругва 242
Новогородское воеводство 380, 448
Новогородское княжество 233, 234, 238, 243
новогородский князь 243
Новогородчина 237, 238, 239, 250. *См. также* Новогрудчина
Новогрудок, г. 81, 97, 209, 210, 225, 226, 227, 228, 233, 237, 239, 240, 250, 256, 352, 439, 513, 514, 529. *См. также* Новогородок
замок 251, 484
новогрудцы 251
Новогрудская земля 245, 251. *См. также* Новогородская земля
Новогрудский повет 258, 533. *См. также* Новогородский повет
Новогрудское воеводство 398, 531, 534, 538, 547, 555
новогрудский воевода 249, 322
Новогрудчина 229. *См. также* Новогородчина
Новое Село, Сенненский р-н 119, 120, 121
Новосёлки, археол. памятник 112
Новосельское княжество 347
Новято, оз. 180
Нюрнберг, г. 329
Нявежис, р. 237

О

Обидовичи, археол. памятник Быховского р-на 59, 60
Обокумы / Обокумы 1, археол. памятники 85, 94
Оболь, р. 124, 125, 126, 139, 178
Оболянка, р. 33, 122
Обчин, городище Любанского р-на Минской обл. 15, 24, 103
Овруч, замок 484
Огинский (Телеханский, Днепро-Неманский) / Агінскі канал 522, 523, 524
Одер, р. 32
Одоев, г. 346
Одоевское княжество 347
Озеры, д. Скидельского р-на 22
Ока, р. 65
Олицкая столовая экономия 512
Ольгово, д. / с. 146
Олькеники, местечко 440
Ольшаница, р. 294
Ораны, местечко 554
Орда. *См.* Золотая Орда
Орден меченосцев 206, 208
Ореса, р. 111
Орехово, д. 534
Ореховское оз. 33, 122, 124
Орешек, г. 345
Орша, г. 143, 145, 192, 196, 197, 203, 220, 291, 292, 297, 304, 355, 424, 529
замок 305, 484
оршанские кривичи 130, 146
Оршанская волость 192, 197, 198, 201
Оршанский повет 413, 535
Оршанский р-н 33, 122, 130, 198
Оршанско-Могилевская равнина 90
Оршанщина 145
Османская империя 289, 351, 499, 502
Осовец / Осовец 1, стоянка 17
Осовец 2, стоянка Бешенковичского р-на Витебской обл. 24, 77, 78, 79, 91, 92
Остринская волость 292
Остров, археол. памятник Пинского р-на Брестской обл. 30, 111, 112, 117
Островец, г. 234

Отвержичи, д. 106, 110
Ошмянская земля 237
Ошмянский повет Виленского воеводства 249, 533, 535
Ошмянский р-н Гродненской обл. 83, 95
Ошмянщина 250
Ошмяны, г. 234, 554

П

Паазер'е Браслаўскае 181
Павлово, имение 515, 516. *См. также* Меречь (Павлово)
Павловская волость 515
Пальница д. 17
Панямонне Гродзенскае 98
Париж, г. 492
Пархуты 1, археол. памятник 81
Пашино, д. Оршанского р-на 145
Передняя Азия 68
Передполесье 94
Перемышльская православная епархия 256, 425
Пересопица, г. 216
Переяславль, г. 134, 137, 143, 215
Переяславская земля 221
Переяславское княжество 221, 347
Першайский р-н 152
Песчана (Пещаня) / Песочная / Песочанка / Песошенька, р. 135, 136
Петербург, г. 47, 492, 529, 536, 543, 544, 547, 549, 550
Петриков / Петриков 2, археол. памятники 29, 30, 112, 116
Петриков, г. 364
Петриковский р-н 111, 114, 115
Печкуры, археол. памятник 88
Пина, р. 133, 522
Пинск / Пінск, г. 97, 98, 108, 109, 214, 216, 252, 253, 522, 529
пиняны 233, 242
пинские владыки 253
Пинская земля 238
Пинская обл. 22
Пинский повет 403
Пинский р-н 74, 111
Пинский удел 218
Пинское княжество 224, 263
Пинщина 522
Пиренеи 27
Плава, р. 346
Плиса, д. Глубокского р-на 129
Плюсса, р. 136
Побужье 24, 223
Побужье Белорусское 223, 224, 225
Побужье Брестское 131, 224, 225
Побужье Среднее / Пабужжа Сярэдняе 215, 223
Повалишино, д, Россонского р-на 32, 124
Поволжье 80, 99
Поволховье 137
Погорынье 215
Подвинские волости 258, 436
Подвинье 23, 31, 32, 33, 37, 70, 72, 78, 108, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 129, 140, 143, 146, 147, 148, 150, 228, 229, 418
Подвинье Белорусское / Падзвінне Беларускае 23, 31, 32, 33, 35, 99, 118, 119, 120, 121, 122, 149, 150, 166, 260, 265, 272
Подвинье Белорусско-Смоленское 123
Подвинье Витебское 31, 32, 33, 36, 37, 119, 121, 122, 125, 129, 130, 140, 143, 144, 146, 147, 177, 183, 193
Подвинье Полоцкое 31, 119, 122, 125, 126, 146
Подвинье Полоцко-Смоленское 150
Подвинье Смоленское 150
Подвинье Среднее 84
Подгорная 4, археол. памятник 96
Подесенье 108, 109
Подлужье / Падлужжа 1, археол. памятники Чечерского р-н 59, 60, 61
Подляшская / Подляшъская земля 462
Подляшское воеводство 86, 93, 238, 318, 365, 390, 396, 397, 398, 467, 555
подляшский воевода 249
Подмосковье 243
Поднепровские волости 55, 134, 253, 258, 436
Поднепровье 14, 23, 33, 70, 92, 104, 109, 418
Поднепровье Белорусское 22, 23, 33, 94, 106, 108, 109, 237
Поднепровье Верхнее / Падняпроўе Верхняе 16, 22, 23, 24, 25, 31, 36, 59, 61, 64, 65, 82, 84, 85, 89, 90, 95, 103, 104, 105, 108, 130, 189, 192, 196, 220, 228, 229
Поднепровье Друцкое 183
Поднепровье Киевское 85
Поднепровье Оршанское 32, 33, 36, 100, 121, 122, 123, 125, 129, 130, 143, 146, 189, 193, 196, 197

Поднепровье Оршанско-Могилевское 118
Поднепровье Смоленское 140, 144
Поднепровье Среднее 23, 28, 80, 82, 104, 106, 108, 111, 133, 136, 221
Поднестровье 29, 108
Поднестровье Верхнее 29
Поднестровье Среднее 29
Подолье 238, 351, 365
Подольская губерния 466
Подольское воеводство 547
Подонье 118
Подунавье 111, 148
Подъельники 2, археол. памятник 96
Пола, р. 136
Поланец, местечко 553
Полесские земли 252
Полесский регион 252
Полесье / Палессе 17, 22, 23, 29, 60, 66, 92, 94, 103, 111, 114, 116, 224, 252, 534
Полесье Белорусское / Палессе Беларускае 30, 69, 98, 104, 108, 111, 117, 118, 522
Полесье Брестское 86
Полесье Восточное 70, 72, 95, 103, 104
Полесье Гомельское 85
Полесье Западное / Палессе Заходняе 24, 62, 81, 85, 131, 224, 225
Полесье Люблинское 93
Полесье Мозырское 85, 214
Полесье Пинское 224
Полесье Припятское / Палессе Прыпяцкае 22, 23, 28, 70, 72, 90, 94, 104, 106, 109, 110, 131, 224
Полесье Турово-Пинское 225
Полота, р. 33, 122, 124, 125, 126, 133, 139, 148, 149, 167, 171, 172, 173
Полотчина / Полаччына 161, 166, 255, 360
Полоцк / Полотеск / Полотескь / Полотск / Полотьск / Полтеск / Полацк, г. 7, 8, 9, 33, 34, 35, 36, 37, 52, 53, 122, 124, 125, 126, 128, 129, 132, 133, 134, 137, 139, 140, 141, 143, 145, 146, 147, 149, 153, 158, 159, 160, 161, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 191, 192, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 208, 221, 233, 243, 251, 252, 253, 254, 255, 263, 264, 265, 266, 271, 304, 308, 312, 346, 359, 365, 401, 406, 409, 417, 419, 424, 468, 478, 484, 529, 536
Богородицкий монастырь 174
бояре / боярство 139, 166, 186, 264, 265, 275
Великий посад 171, 172, 174
Верхний замок 167, 168, 169, 170, 172, 173, 187
вече 165, 174, 200, 205
городище 124, 126, 166, 167, 168, 169, 174, 176
Замковая гора 172
замок 484
Заполотский посад 171, 172
Заполотье 174
крепость 486
купцы 183
магдэбургія 166
мещане 265
мужи полочане / палачане / полоцкие «мужи» / полочане 11, 33, 35, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 139, 140, 148, 149, 160, 162, 165, 168, 172, 173, 175, 177, 179, 180, 182, 184, 199, 200, 201, 205, 208, 210, 249, 251, 254, 255, 263, 264, 265, 266, 411
наместник 260, 263, 264, 266, 269
Нижний замок 126, 171, 178
Окольный город 126, 171, 178
округа / акруга 167, 174
полацкія ўмацаванні 167
Софийский собор 168, 169, 173, 174, 184, 187, 189, 265, 409
Спасо-Евфросиньевский монастырь 174
Спасо-Преображенская церковь Евфросиньевского монастыря 187
храм св. Михаила 187
церковь во имя св. Богородицы, 161
Черная (Замковая) гора 170, 172, 173, 175
Черный ручей 173
Полоцкая волость (княжество) 124, 125, 141, 149, 158, 191, 196, 204
Полоцкая земля / Полацкая зямля 4, 6, 8, 11, 33, 34, 35, 36, 37, 53, 126, 136, 139, 143, 147, 150, 153, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 200, 201, 203, 204, 208, 210, 214, 220, 235, 238, 245, 250, 253, 254, 258, 264, 265, 266, 273, 275, 284, 360
полоцкое земельное боярство 193
Полоцкая православная епархия / епископия 173, 253

полоцкие архиепископы / полацкія архіепіскапы 256, 257
полоцкий епископ 161, 265
Полоцкие владения 35, 178, 179, 191, 192
Полоцкий р-н 32, 122
Полоцко-Витебский ареал 36
Полоцкое воеводство 271, 380, 396, 397, 398, 403, 413, 449, 521, 527, 532, 536, 547
полоцкий воевода 249, 254, 260, 269, 323
сойм / соймик 264, 271, 380
Полоцкое государство 33, 34, 122, 126, 140
Полоцкое княжение 126, 139, 147
Полоцкое княжество / Полацкае княства 11, 33, 34, 36, 37, 128, 129, 130, 139, 141, 147, 158, 159, 162, 163, 172, 174, 177, 178, 180, 182, 189, 191, 204, 205, 206, 208, 210, 217, 226, 233, 412, 417
княжение полочан 125, 126, 140, 147
полоцкая княжеская династия 169, 179, 203
Полоцкие «велиции князья» / князья полоцкие / князі полацкія 48, 159, 165, 170, 174, 176, 179, 180, 185, 186, 188, 189, 192, 193, 194, 197, 198, 201, 203, 206, 208, 214, 253, 430
полоцкий княжеский дом 191, 196, 198, 199, 200
полоцкий матриархат 188
полоцкий стол 139, 165, 180, 186, 189, 191, 193, 196, 197, 198, 200, 201, 203
Польская Корона 367, 369, 459, 528, 541, 542, 547. *См. также* Корона Польская
Польское королевство 256, 280, 327, 331, 338, 345, 349, 360, 422, 439, 465, 468, 534, 544. *См. также* Королевство Польское
польские короли 225, 252
Польша / Польшча 44, 46, 62, 66, 67, 72, 73, 78, 93, 95, 212, 213, 214, 223, 243, 252, 268, 269, 280, 286, 287, 291, 298, 303, 304, 306, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 327, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 340, 343, 347, 349, 350, 356, 357, 360, 361, 365, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 374, 383, 391, 392, 396, 397, 398, 431, 432, 441, 449, 459, 460, 462, 463, 465, 467, 468, 483, 487, 496, 503, 528, 529, 536, 539, 552
польские земли 133
Польша Центральная 66
Поляна, урочище 90
Поляны, д. 554
Поморье 111, 137, 536
Понеманье 15, 17, 23, 24, 72, 81, 88, 92, 93, 97, 152, 153, 210, 223, 227, 228, 238, 246
Понеманье Белорусское / Панямонне Беларускае 15, 22, 23, 25, 72, 76, 88, 89, 92, 93, 98, 152, 210, 226, 227, 228, 229, 242
Понеманье Верхнее 15, 23, 25, 50, 99, 103, 108, 131, 152, 226, 228, 229, 237, 246, 326
Понеманье Среднее 50, 239, 246
Поозерье 90
Поозерье Городокское 124
Поозерье Ушачское 33, 122
Поречье, д. Глубокского р-на 129
Посожье / Пасожжа 17, 23, 24, 31, 65, 66, 75, 103, 133, 135, 218, 220
Посожье Белорусское 65
Посожье Верхнее 221
Посожье Могилевское 75
Посожье Нижнее 134
Поставский р-н 250
Приазовье 118
Прибалтика / Прыбалтыка 62, 77, 80, 84, 100, 172, 204, 206, 208, 210, 240, 356, 357
Прибалтика Восточная 65, 66, 76, 358
Прибалтика Южная 66
Прионежье 65
Припятско-Бугская торговая магистраль 132
Припятско-Неманская торговая магистраль / Припятско-Неманский путь 117, 133
Припять / Припеть, р. 16, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 70, 72, 85, 108, 109, 111, 115, 116, 118, 130, 132, 148, 214, 224, 483, 484, 522, 523
Припять, р. Верхняя 74
Причерноморье 27
Причерноморье Северное 84, 103, 132
Пролетарский, археол. памятник 88, 89
Пронское княжество 347
пронские князья 430
Проня, р. 135
Пропойск, замок 484
Пропойская волость 253
Прорва / Прорва 1 / Прорва 2, археол. памятники Рогачевского р-на Гомельской обл. 22, 71, 86, 89
Прудники, археол. памятник 99, 181
Пружаны, г. 237, 533
Прупой / Пропойск / Славгород, г. 135, 136, 219, 220, 221

Пруссия 233, 280, 296, 302, 338, 391, 442, 470, 477, 488, 490, 493, 495, 497, 498, 502, 521, 526, 527, 528, 529, 530, 536, 538, 539, 541, 542, 543, 544, 547, 548, 549, 550, 551, 555
Прусское герцогство 372
Псков, г. 183, 184, 345, 346, 347
псковитяне 243
псковские кривичи 148
Псковская земля 178
Псковская обл. 76, 100, 139
Псковское оз. 136
Псковщина 32, 122, 123, 218, 238
Пульва, р. 86
Пустынка, поселение 91
Пустынки, археол. памятник 93
Пуховичи, местечко 554

Р

Рагнит, замок 302
Радом, местечко 531
Радомль, замок 484
Радошковичи, г. 228, 484, 535
замок 484
Радошковичский р-н 152
Райки, с. Бердичевский р-н 115
Ратюнки, г. 181
Рацлавицы, д. 554
Рейн, р. 80, 145
Республика Беларусь / Рэспубліка Беларусь 3, 5, 6, 9, 53, 74, 126, 234, 417, 418, 425
Речица, г. 214, 217, 222, 486, 529
замок 484
Речицкая волость 238, 253
Речицкая земля 238
Речицкий повет 519, 533, 542
Речицкий р-н Гомельской обл. 15, 24
Речь Посполитая / Рэч Паспалітая 4, 6, 12, 26, 37, 40, 43, 44, 46, 51, 52, 55, 247, 255, 268, 312, 359, 361, 363, 364, 365, 367, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 402, 406, 407, 410, 411, 412, 414, 421, 422, 424, 425, 427, 437, 438, 439, 441, 442, 450, 452, 453, 454, 455, 463, 465, 467, 468, 469, 470, 476, 478, 481, 482, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 506, 509, 514, 515, 516, 518, 519, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 535, 536, 537, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 547, 548, 550, 551, 552, 555, 557, 558
Речь Посполитая Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, а также провинций им принадлежащих 370
Речь Посполитая Обоих Народов 369, 370, 374, 379, 381, 414, 463, 524
Рига, г. 174, 204, 205, 206, 259, 263, 264, 265
рижане 264
Рижское архиепископство 357
Рим, г. 42
Римская империя 105, 108, 527
Рита, р. 86, 223
Рогачев, г. 215, 222
Рогачевский р-н Гомельской обл. 86, 88, 134, 220
Рокишкис, г. Литва 237
Российская земля 143
Российская империя / Расійская імперыя 4, 6, 26, 38, 44, 46, 466, 468, 495, 496, 499, 514, 518, 526, 532, 534, 535, 539, 543, 544, 545, 547, 548, 554
Российская Федерация 9, 74, 76, 139
Российское государство 44, 413, 425
Россия 8, 9, 23, 32, 99, 100, 136, 211, 392, 397, 439, 440, 441, 442, 470, 487, 488, 490, 493, 494, 495, 497, 498, 499, 502, 504, 518, 526, 527, 528, 529, 530, 532, 533, 534, 536, 538, 539, 541, 542, 543, 544, 545, 547, 548, 549, 550, 551, 555
Россия Северо-Западная 360
Россия Средне-Западная 73
Россонский р-н 32, 33, 122, 124
Россь / Рось, р. 22, 80, 133
Ростиславль, г. 220
Ростов / Ростовъ, г. 34, 134, 137, 143, 166, 178, 220
Руба, пос. Витебский р-н 143, 145
Рудня 1, стоянка Климовичского р-на 75
Рудня, археол. памятник Полоцкого р-на 32, 89
Ружанский р-н 152
Ружаны, г. 228
Румыния 64, 78
Русаково / Русаково 2, археол. памятники Слонимского р-н Гродненской обл. 73, 81, 96, 97

«руские» волости 253
«руские» земли / русская земля 137, 141, 143, 160, 191, 192, 221, 273, 342, 343, 344, 348, 349, 350
«руские» князья 259
«руские» элиты 350
«руское» население 348
Русоковичи 1 / Русоковичи 7 / Русоковичи 9, археол. памятники 96, 97
Русса, волость 210
Русская репартиция 517
русские княжества 347
Русское царство 373, 374
Русь 4, 6, 11, 15, 30, 34, 35, 36, 37, 45, 46, 48, 134, 147, 153, 154, 158, 166, 173, 174, 179, 183, 204, 213, 214, 216, 221, 222, 223, 225, 227, 233, 234, 235, 237, 238, 243, 247, 248, 249, 256, 257, 259, 260, 269, 276, 282, 283, 284, 342, 343, 345, 347, 348, 353, 383, 398, 412, 415, 419
Русь Восточная 284
Русь Западная / Заходняя 15, 34, 35, 46, 268
Русь Северо-Восточная 210, 342, 345, 347, 348
Русь Северо-Западная 342
Русь Южная 223, 284, 412
Рша, р. 189, 218
Рязанское княжество 347

С

Саксония 441, 551
Сандомирское воеводство 555
Сарнате, стоянка 76
Светиловичи, д. Ветковского р-на 59, 60
Свило 1, археол. памятник 126, 127
Свираны, с. 250
Свирское княжество 250
Свирь, г. 152
Свислочская волость 253
Свислочь, г. 227
замок 484
Свислочь, р. 139, 189
Священная Римская империя / Священная Римская империя германской нации 326, 354, 369, 391, 527
Себеж, г. 521
крепость 485
Северо-Западный край 46
Северский Донец, р. 58, 70
Северщина 397
Сельцо, с. 161, 187
Селява, оз. 119
Семурадцы, д. Житковичского р-на 111, 112
Сенненский р-н Витебской обл. 17, 33, 86, 119, 122, 130
Серпейск, г. 346
Силезия 304
Скандинавия 33, 66, 80, 145, 183
Скандинавский полуостров 59
Скидельский р-н 22
Словакия 64, 95
Слоним / Вослонимъ / Услонимъ, г. 209, 210, 227, 237, 238, 241, 243, 372, 439, 523, 534
Слонимская земля 238
Слонимский повет 258, 523
Слонимский р-н Гродненской обл. 73
Слуцк / Случеск / Случескъ, г. 38, 52, 192, 214, 222, 252, 352, 406, 481, 529, 530, 534, 535, 546
крепость 483, 486
мануфактура 39
гарнизон 481
Слуцкая земля 238
Слуцкое княжество 263, 379
Случь, р. 52
Смаленска-Полацкае памежжа 36, 189, 192, 196, 220
Смаленска-Чарнігаўскае памежжа 220
Смердель, р. 178
Смоленская волость 147, 218, 219
Смоленская губерния 17
Смоленская земля / смоленские земли 33, 201, 219, 220, 221, 238, 281, 535
Смоленская обл. 74, 100
Смоленские владения 126, 192, 197, 201, 218
Смоленский повет 470
Смоленский регион 175
Смоленский удел 201
Смоленское воеводство 391, 397, 398
смоленский воевода 269
Смоленское княжество 192, 196, 197, 210, 219, 229, 316
смоленские князья 201, 203, 204, 219, 220, 430
Смоленск / Смоленскъ / Смоленскь / Смоленьск / Смолиньск, г. 17, 33, 34, 41, 126, 130, 137, 145, 187, 192, 201, 203, 204, 210, 219, 220, 243, 304, 318, 345, 354, 355, 391, 419, 468, 480, 483, 484, 554. *См. также* Гнездово

крепость 486
смоленский наместник 269
смоленско-полоцкие кривичи 148
смольняне / смольняне / смоляне / смолянцы 130, 165, 204, 249, 345
храм Михаила Архангела 173
церковь Богородицы 220
Смоленская епархия / епископия 192, 220
Смоленщина 130, 145, 218, 342
Сморгонь, г. 234, 423, 554
Смыдынь, р. 220
Сновск, г. 221
Снядин / Снядин 2 / Снядин 3, археол. памятники Петриковского р-на 30, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118
Соболево, д. Дубровенского р-на 143
Советский Союз 4
Сож / Съж, р. 16, 32, 59, 60, 61, 64, 65, 74, 85, 133, 135, 484
Солы, местечко 554
Сосновка, д. Гомельского р-на 75
Сосонка, археол. памятник 71
Социалистическая Советская Республика Белоруссия 6
Сошно, археол. памятник 112
Спорово, археол. памятник Березовского р-на 111, 112
СССР 8, 23, 31, 65, 66, 80, 106, 160, 168, 272
Стамбул, г. 492
Стародуб, г. 221, 355
Стародубский повет 470
стародубский соймик 466
Старые Юрковичи, д. Любанского р-на 111
Старый Борисов, г. 196
Старый Быхов, город-крепость 485, 486, 535
Ствига, р. 109
Столин, археол. памятник 112
Столинский р-н 109, 114, 119
Столовичи, местечко 535
Страсбург, г. 417
Стрелица, урочище Ветковского р-на Гомельской обл. 87
Стрешин, г. 535
Струга / Струга 1, археол. памятники Столинского р-на 109, 112, 114, 117
Стырь, р. 22
Судомирь, р. 182
Супрасль, монастырский комплекс 406
Сураж, замок 484

Т

Тарговица, местечко 544
Тверское княжество 210
Тверь, г. 342, 345
тверичи 243
Тевтонский орден 208, 210, 233, 242, 245, 302, 303, 326, 327, 329, 332, 333, 343, 348, 349, 415. *См. также* Немецкий орден
Терюха, р. 136
Тешин, г. 534
Тмутаракань, г. 222
Толочинский р-н 129, 130, 151, 196
Торжок, г. 210
Торопец, г. 220
Торопецкая земля 210
Торопецкий удел 201
Торунь, г. 498, 536, 541, 543, 547
Трабы, местечко 255
Троки / Троцы / Тракай, г. 234, 261, 318, 419
замок 484
трокский каштелян 249, 269
Трокская земля 238, 281
Трокское воеводство 249, 250, 380, 396, 397, 398, 448, 536, 555
трокский воевода 249, 263, 269
Трокское княжество 249, 281
Тульговичи, археол. памятник 89
Турейка, р. 133
Турийск / Тоурьск, г. 227, 241
Туров, г. 29, 30, 34, 36, 132, 133, 178, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 221, 225, 252
туровская знать 216
туровский посадник 217
туровский тысяцкий 217
туровцы 211, 215, 216, 233
турово-пинские земли 215, 217, 218
Туровская земля / туровские земли 30, 214, 216, 238
Туровская православная епархия 253
туровские владыки 253
туровский епископ 217
Туровское княжение 133
Туровское княжество 4, 6, 11, 36, 147, 150, 211, 214, 215, 217, 218, 417
туровские князья 211, 212, 213, 217, 218
туровский престол 214
Туровщина / Тураўшчына 28, 29, 111
Турок, археол. памятник 112
Турция 27, 289, 453, 533, 536, 541, 543, 555
Тыкотин, замок 484

У

Убортский ключ 514, 515
Уборть (Лельчицы), имение Мозырского повета 514
Уборть, р. 516
Угляны, археол. памятник 112
Узменка, р. 143
Уйсте, замок 484
Укмерге, г. 237. *См. также* Вилькомир
Украина / Україна 23, 29, 44, 63, 66, 72, 78, 81, 94, 103, 105, 115, 290, 291, 344, 351, 390, 403, 438, 467, 489, 533, 536
Украина Северная 91, 104
Украинская ССР 108
Улла, замок 360
Улла, р. 122, 124, 125, 126, 143, 158, 178
Упита, замок 237, 484
Упитская земля 238
Усвятская волость 147, 189, 196, 198
Усвяты, г. 145, 146, 174, 177, 178, 183, 218. *См. также* Въсвячъ
Уша, р. 88
Ушача, р. 122, 124, 125, 158
Ушачи 544
Ушачский р-н 122, 161
Ушаччина 159

Ф

Финляндия 93
Франополь, поселение 224
Франция 382, 450, 492, 504, 514, 533, 543, 544, 555

Х

Хазарский каганат 133
Харковичи, сельцо в Друцкой волости 278
Хильчицы, археол. памятник 29, 111, 112
Хлупин, археол. памятник 112
Ходосовичи, археол. памятник Рогачевского р-на Гомельской обл. 88, 89, 94
Холмская земля 555
Холмская православная епархия 256
Холопеничи, местечко 544
Хомск, местечко 535
Хоромск, археол. памятник 111, 112
Хорск, д. Столинского р-на 111, 112
Хотомель, д. Столинского р-на 29, 97, 106, 109, 111, 112, 116, 119, 120

Ч

Чаплин, городище 106
Чарторыйск / Черторыйск, г. 215, 222
Чаусский р-н 66
Чашники, замок 484
Чашникский р-н 130
Червень, археол. памятник 209
Червеньск, местечко 296
Черкасово, погост 197
Черкасы, г. 290
Черная Лоза, селище 120
Черная Русь 224
Чернигов, г. 134, 137, 143, 215, 220, 221, 222, 223
Чернигово-Северская земля / Чернігово-Сіверська земля 221, 238
Чернигово-Северская область 342
Чернигово-Северская территория 134
Черниговская волость 221
Черниговская земля / черниговские земли 221, 222, 223
Черниговское воеводство 397
Черниговское княжение 222
Черниговское княжество 214, 217, 229
черниговские князья 165, 220, 221, 222
Черниговщина 91, 397
Черничи, археол. памятник 110, 112
Чернобыль, замок 484
Черное море 243, 522, 523, 544
Чехия 78, 95, 223, 282, 303
чешский трон 348
Чечерск / Чичерск, г. 134, 135, 221, 222
замок 479, 484
Чечерская волость / Чичерская волость 223, 253
Чечерский р-н Гомельской обл. 11, 16, 59, 61
Чечора, р. 135
Чудское, оз. 32

Ш

Шавельская столовая экономия 512
Шавли, местечко 551
Шарковщинский р-н 126
Шведское королевство 373, 374, 391
Швейцарский союз 371
Швеция 93, 100, 373, 374, 392, 439, 440, 441, 467, 470, 476, 499, 502, 530, 541, 543
риксдаг 374

Швеция Южная 63
Шелонь, р. 136
Шестовичи, археол. памятник 112
Шишово, археол. памятник 112
Шклов, крепость 485
Шпрее, р. 95
Шумилинский р-н Витебской обл. 120, 178

Щ

Щара, р. 66, 88, 93, 523
Щорсы, имение Новогрудского повета 513

Э

Эльба, р. 78, 95, 111
Эстония 14, 65, 77, 93

Ю

Юдичи, д. Рогачевского р-на 134
Южный Буг, р. 108, 111, 115
Юровичи / Юровичи 3 / Юровичи 5, археол. памятники Калинковичского р-на Гомельской обл. 11, 16, 61, 71, 85
Юровичская позднепалеолитическая стоянка 14, 61
Юрьев, г. 210
Ютландия 78

Я

Ямное, археол. памятник 112
Янчин, с. Львовской обл. 159
Ясельда, р. 97, 111, 117, 133, 224, 225, 523
Яссы, г. 544

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*А. А. Коваленя, В. В. Данилович, Н. В. Смехович*) 3
Предисловие (*В. Ф. Голубев, О. Н. Левко*) 11

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

(*В. Л. Лакиза, А. Н. Белицкая, Е. Ф. Касюк, О. Н. Левко, В. Ф. Голубев, Д. В. Карев*) 13

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

2.1. Этапы освоения территории Беларуси в первобытное время (*В. Л. Лакиза, А. В. Колосов, Е. Г. Калечиц, А. М. Медведев*) 59
2.2. Формирование этнокультурных общностей на территории Беларуси в I тыс. н. э. (*А. Н. Белицкая, Е. Ф. Касюк, О. Н. Левко*) 104
2.3. Племенные княжения – первые протогосударственные образования на территории Беларуси в IX–X вв. (*О. Н. Левко, О. В. Иов*) 125
2.4. Государственность восточных славян в X – начале XI в. (*О. Н. Левко*) 136
2.5. Предпосылки зарождения белорусского этноса (*О. Н. Левко*) 147

Глава 3

ПЕРВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (IX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)

3.1. Полоцкое княжество (земля) – исток белорусской государственности (*О. Н. Левко*) ... 158
3.2. Киевская Русь в истории белорусской государственности (*О. Н. Левко, О. В. Иов, А. А. Метельский, Г. В. Штыхов*) 211

Глава 4

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ: БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СЕРЕДИНЕ XIII – СЕРЕДИНЕ XVI в.

4.1. Образование ВКЛ (*В. Ф. Голубев*) 232
4.2. Особенности положения белорусских земель в ВКЛ (*В. А. Воронин*) 249
4.3. Государственный строй и органы управления в ВКЛ. Судебно-правовая система (*А. И. Груша*) 257
4.4. Государственная и земельная геральдика ВКЛ (*А. И. Шаланда*) 280
4.5. Войско и организация обороны ВКЛ *(Ю. Н. Бохан*) 283
4.6. Внутриполитическая борьба (*В. А. Воронин*) 312
4.7. Борьба ВКЛ за государственный суверенитет в конце XIV – середине XVI в. (*В. А. Воронин*) 326
4.8. Внешняя политика ВКЛ (конец XIV – середина XVI в.). (*А. А. Янушкевич*) 343

Глава 5

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVIII в.

5.1. Образование Речи Посполитой. Государственно-политическая система ВКЛ (*А. А. Радаман*) 364
5.2. Борьба за суверенитет ВКЛ после Люблинской унии (*В. А. Подолинский*) 384
5.3. Территориальная геральдика ВКЛ во второй половине XVI – XVIII в. (*А. И. Шаланда*).... 396
5.4. Белорусская народность: культурные особенности, этническое самосознание (*Г. Я. Голенченко, А. А. Скепьян*) 399
5.5. Конфессиональный фактор в истории белорусской государственности периода ВКЛ (*В. Ф. Голубев*) 416
5.6. Сословная и социальная структура ВКЛ в XVI–XVIII вв. (*В. Ф. Голубев, А. Б. Довнар*) 428
5.7. Развитие правовой системы. Статут 1588 г. (*А. А. Радаман*)..... 443
5.8. Военное дело во второй половине XVI – XVIII в. (*Н. А. Волков*)..... 467
5.9. Политические реформы и укрепление государственной власти (*А. В. Мацук*) 487
5.10. Укрепление экономической самостоятельности ВКЛ (*И. Ф. Китурко*)..... 503
5.11. Политический кризис Речи Посполитой и ее разделы (*В. В. Аниперков*)..... 526

Именной указатель 559

Географический указатель..... 577

Научное издание

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В пяти томах

Том первый

Коваленя Александр Александрович,
Данилович Вячеслав Викторович,
Голубев Валентин Федорович и др.

**БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
ОТ ИСТОКОВ ДО КОНЦА XVIII в.**

В оформлении тома использованы генеалогические таблицы, составленные А. И. Шаландой

Редактор *Т. А. Горбачевская*

Художественный редактор *Д. А. Комлев, И. Т. Мохнач, А. Б. Петров*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 70×100 1/16. Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,75. Уч.-изд. л. 44,6. Тираж 500 экз. Заказ 0000.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации издателя изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014. Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск.

ISBN 978-985-08-2388-5